А. Н. АѲАНАСЬЕВА,

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ

СКАЗКИ.

ВЫПУСКЪ V.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, іюня 10-го 1861 года.

Ценсоръ *И. Безсомыкинъ.*

Въ составъ пятаго выпуска вошли сказки, лично мною собранныя и доставленныя мнѣ съ разныхъ сторонъ; сверхъ того двѣ заимствованы изъ лубочныхъ изданій по уваженію къ тѣмъ особенностямъ въ ихъ содержаніи, какими отличаются онѣ отъ подобныхъ-же сказокъ, записанныхъ прямо изъ устъ народа. Шестой выпускъ заключаетъ въ себѣ сказки изъ собранія В. И. Даля.

Необходимыя объясненія и замѣтки будутъ мною сообщены въ одномъ изъ двухъ послѣдующихъ выпусковъ, которыми заключится настоящее изданіе «Народныхъ русскихъ сказокъ».

А. А.

1.

НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ.

a. «Чи ѣу ты баранки съ молокомъ?» — Ни, не ѣу! а ты чи ѣу? «Нјѣтъ, и я не ѣу; а батька видѣу, якъ панъ ѣу у карчмы, кажиць — дуже смачны!» [1])

(Записано въ Бѣлоруссіи.)

b. Ишовъ хохолъ з' покосу, тай з' цыганомъ сойшлысь умисти. «А куда ты, человиче, йдешъ?» — А до дому, цыгане. «Ходымъ-же зо мной за товарища.» — Эге! Отъ воны йдуть, та на дорози найшлы печёны пороса. Отъ цыганъ наровыть, якъ бы ёму самому пороса зъјисти. «А якъ-же, каже, человиче, ми пороса зъјидимо?» — А якъ-же! порижимо тай зъјидимо. «Ни, человиче! каже цыганъ; або я бильше зъјимъ, або ты, тай не згадаймо; а нехай ляжемо спать, та кому лучшой сонъ присныцця, тому и пороса зъјисти.» — Эге! Тилько человикъ и береже цыгана, пока винъ заснеть. Цыганъ захрапивъ. Человикъ поторкавъ, поторкавъ [2]) цыгана — винъ спить. Отъ винъ вийнивъ въ нёго [3]) окраецъ хлиба, та и зъјилъ усё пороса; а писля лигъ, та и спи соби гарнѐнько. Цыганъ схватывсь та торкъ, торкъ того человика; винъ про-

---

[1]) *Варіантъ*: «А чи быу ты у Риги и чи ѣу ты росолъ отъ селедкоу съ перишками (отъ сельдей съ пряниками)? Кажуць, дуже смачны!

[2]) Потолкалъ. [3]) Вынулъ у него.

спався. «А якій же тоби, человиче, сонъ снывся?»—А шобъ тоби, цыгане! мене збудывъ, а мини такій гарній сонъ снывся... Та разсказуй же, цыгане, твій сонъ, а я свій (каже) подумаю; ты мене такъ торкавъ, шо я свій сонъ совсимъ забывъ. «Ну, каже, человиче! мини сонъ хорошій снывся! Дывлюсь я — билѣ [1]) насъ кинь [2]) ходе, такій хорошій: нова на нимъ узда, сребрени удила, золотіи струмена, подушка на сидли пухова. Отъ якъ я сивъ на того коня та побигъ, та побигъ — тилько и видно! Бижу по стипу, на стипу стоить стовпъ, билѣ стовпа дробына [3]). Я слизъ з' того коня, привязавъ ёго до стовпа, полизъ по дробыни; лизъ, лизъ вгору, високо-високо! Дывлюсь — ажъ тамъ небеса. Я уализъ на небеса, ходывъ-ходывъ по небесахъ, тай найшовъ хатку. У тій хати отхылывъ трошки [4]) двери — тамъ свититця. Бачу — сидыть самъ панъ Богъ, вечѐрѣеть, тай каже до мене: иды (каже) до мене, цыгану, вечѐрѣть. Дакъ я, человиче, з' самымъ паномъ Богомъ вечѐрѣвъ!... Дакъ бачь якій мини сонъ снывся!» — Та и мини, каже, снывся пидъ сю штуку, тилько трохе не такій: уставъ я, ажъ ходыть кобыла била да така пранцива [5])! Свитка на јіи пидвязана вижками [6]), зъ лозы струмена почиплени, обродь на ній уся зорвана. Дакъ я сивъ соби на ній тай појихавъ. Іихавъ-јихавъ, јихавъ-јихавъ — ажъ опоганило... Тилько дывлюсь: стоить стовпъ, биля стовпа дробына, а до тей дробыни стоить привязанъ кинь, — такій хорошій! нова на нимъ узда, сребрени удила, золотіи струмена, подушка на сидли пухова... «Ото-жъ, человиче, я на тому конѐви и јихавъ.» — Эге! Дакъ я, каже, злизъ з' тыи кобылы, пустивъ јие по стипу, та и полизъ по

---

[1]) Возлѣ. [2]) Конь. [3]) Лѣстница. [4]) Отворилъ немного. [5]) Коростливая, покрытая сыпью (см. Опытъ обл. велик. словаря, стр. 176). [6]) Возжами.

дробыни у-гору. Уализъ вiсоко-вiсоко; дывлюсь — ажъ небеса. Отъ я походывъ, походывъ соби по небесахъ, бачь — стоитъ хатка. Я отхылывъ трошки двери, дывлюсь — ажъ вы сидитè з' паномъ Богомъ, та вечерѣете. Отъ ты, цыгане, махнувъ на мене, тай кажешъ: вернысь, чоловиче, та зъјишъ порося. Я вернувсь, зъјилъ порося, та и лигъ; и спавъ соби гарненько... «Дакъ ты зъјилъ порося?» — Та усё, каже, зъјилъ. Подывись — онъ [1]) дѣ тилько ки(о)сточки осталысь! «А, дурне! се мини тилько сонъ такій снывся.» — А я, каже, не знавъ; ты-жъ на мене махнувъ, шобъ я вернувсь та зъјилъ порося. «Нехай-же тебе побье лыха годына! цуръ тоби, пекъ тоби, дурне! нехай тебе сыра земля приме! Не пійду в' тобой за товарища, разцураюсь.» Та и пишовъ цыганъ до дому [2]).

(Записана въ бирюченскомъ уѣздѣ, воронежской губерніи; сообщилъ Н. И. Второвъ.)

с. Пóсли дѣловой поры вздумалась одному швецу [3]) иттить попортничать. Вотъ онъ и пошолъ въ Чувашу. Случилось ему иттить мимо рѣки; онъ подошолъ къ рѣкѣ, да дака, батъ [4]), у бироговъ я пощупаю: нѣтъ ли рачиныхъ норъ? И давай щупать; норъ-та нашолъ многа, да всё пустыя. Изъ одной толька норы вытащылъ рака; да ужь и ракъ за то! съ осьмётокъ! [5]) Вотъ онъ положилъ рака въ пазуху, да и пошолъ къ чувашской деревни. Вошолъ въ деревню, да и спрашиватъ съ крайнева двора подъ кажоннымъ окошкомъ: нѣтъ ли у ково шыть чово? Въ одномъ дому велѣли ему войтить въ избу. Онъ вошолъ, хвать — анъ въ избѣ-та одна толька чувашка! Слова зà слова, чувашка и батъ: «я дискать дома топерь одна; мы

---

[1]) Вонъ. [2]) См. выпускъ II, № 14; вып. VI, № 1,оо. [3]) Портному. [4]) Баетъ — говоритъ. [5]) Изношенный лапоть (см. Опытъ областн. великор. словаря, стр. 144).

съ мужемъ толька двоя живёмъ, да онъ въ лѣсъ уѣхалъ, къ зими дрова готовить; двѣ ночи начовалъ въ лѣсу, да и нони не придётъ.» Покалякала чувашка съ швецомъ, да и пошла коровъ доить. А на дворѣ-та была(о) не бо́льна позд(н)а, можна была и ищо поспрашивать работки. Вотъ швецъ и думатъ: «какъ бисъ [1]) хозяина шыть у чувашки одёжу? пожалуй, худо слово наживёшь. Вить она хоть и хозяйка, да веё въ дому ни властелинъ; какъ хозяинъ-та придётъ да бранитъ будитъ за эта? да ищо шутя и деникъ за работу не отдастъ. Зачѣмъ, скажитъ, бисъ хозяина слушалъ бабы? такъ и бери съ неё деньги. А съ бабы чово взять? Праведу баютъ: хто съ бабой свяжицца — самъ баба! Да постой-жа, я такъ отъ тея [2]) не пойду, а сшучу съ тобой што-нибуть.» Глядитъ швецъ въ избѣ на всѣ стороны; увидалъ: на печѣ стоитъ у бабы квашня съ хлѣбнымъ растворомъ. Онъ взялъ да рака-та изъ пазухи въ квашню и втѝскалъ. Чувашка пришла съ дойницой въ избу. Вотъ швецъ и говоритъ: «ты што, матка, хошъ шыть-та?» Она ему батъ: «бѣлой кафтанъ.» — Нѣтъ, я кафтана теѣ [3]) шыть бисъ хозяина не стану. Посли приду, а покамисть прощай; я ищо хочу поискать работы. «Ну, прощай, молвила чувашка; да смотрай-жа, на послизавтра биспримѣнна приходи.» Швецъ ушолъ; чиризъ три двора опять ево вскричали въ избу работать.

Вотъ прошла ночь. На другой день поутру чувашка глять въ квашню мѣсить хлѣбы, анъ тамъ ракъ бараблицца [4]). Она-та знать съ роду раковъ не видывала, испужаласъ, выбигла на улицу и давай жарить [5]) караулъ. Всей деревней чуваши сбѣглисъ къ чувашкину двору. «Што ты, баютъ ей, крычишь?» — У меня чортъ въ квашнѣ! Вотъ ввалили въ избу;

---

[1]) Безъ. [2]) Тебя. [3]) Тебѣ. [4]) Карабкается, съ трудомъ выползаетъ (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 6). [5]) Кричать.

и швецъ воошолъ съ ними-жа. Тотъ подойдётъ х' квашнѣ — посмотритъ, другой погладитъ, а всѣ бояцца взять въ руки. Услыхалъ тревогу староста, идётъ къ чувашки въ избу: «што, батъ, у васъ тутъ сдѣлалосъ?» — Да вотъ не знай хто-та х'бабы въ квашню залѣзъ. «Ну-тка я посмотрю.» Посмотрилъ въ квашню, да и говоритъ всѣмъ чувашомъ: «што-жъ эта въ квашнѣ сидитъ?» Одинъ баитъ: эта чортъ! другой баитъ: эта анаминой! третій баитъ: эта дьяволъ! «Нѣтъ, всѣ вы, робята, хвастати! [1]) говоритъ имъ староста, эта не чортъ и не дьяволъ, а што-нибуть другоя. Кесь [2]) эта портной? Поглядити-тка: вить у нево и ножиники въ рукахъ, и кончики въ зубахъ!» —Ну такъ молодецъ ты Ѳома Иринѣичъ! закричали въ одинъ голосъ всѣ чуваши. Катца [3]), ищо никто ни доганицца [4]), какъ ты догануллся. Вить и такъ эта портной! вишъ какъ ножницами-та онъ хлопатъ. «Такъ подити-жа вынисти ево на волю; пускай онъ идётъ, куда ему нады. Да помойти ево, батъ староста; вишъ какъ онъ сердешной измарался!» Взяли чуваши и давай рака мыть въ водѣ надъ цѣлымъ ведромъ. А ракъ вырвалса да бухъ въ ведро-та, пряма на дно, и ну по̀ дну задомъ ползать. «Робята! сказалъ швецъ, я самъ портной, и портныхъ этихъ знаю: они одёжу шьютъ водянымъ шутовкамъ [5]), и живутъ въ водѣ. Видити, какъ онъ водѣ-та радъ! возмити-ка ево въ воду отнесити. Эта ево здѣшна хозяйка наликала; она всё тужитъ, што у ней бѣлова кафтана нѣтъ.» — Правда твоя, дядюшка! сказали чуваши; спасиба тѣ, што над(о)умилъ ты насъ.» Взяли они рака въ ведрѣ, да и бухъ ево въ прут(д)ъ: шей, ракъ, шутовкамъ одёжу!

(Записано въ нижегородской губерніи, васильском уѣздѣ, дьякономъ Василіемъ Орловымъ.)

---

[1]) Хвастаете — врёте. [2]) Какъ будто (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 82). [3]) Кажется. [4]) Не догадается. [5]) Чертовкамъ.

d. Адинъ мужикъ малолъ вмѣсти съ татариномъ на мельницы рош(ж)ъ. Вотъ ани мелютъ, да и разба(я)лисъ кажной абъ сваей вѣри. Адинъ батъ: русска вѣра лутчи, а другой: татарска вѣра лутчи. Русской батъ: «не всѣ вѣры гожи, а катора-нибуть адна хорашà. Кабы татарска вѣра была лутчи, то бы русскихъ малитвъ черти не баялисъ; а то лишь пирихрестисъ да сатвари малитву, всѣхъ чертей пажгётъ, и ни адинъ не прикачницца [1]) х' таму человѣку, каторой малитву сатваритъ.» А татаринъ батъ, што татарскихъ малитвъ черти пущи баяцца. Въ эта время мельникъ былъ въ анбари, и всё слушалъ, што бали [2]) русской съ татариномъ. «Пастой, думатъ самъ сеѣ мельникъ, я съ табой сдѣлаюсъ татарской лоп(б)ъ!» Да какъ увидалъ, што пришла ночь и татаринъ дамалолъ, — пашолъ, сагнулъ изъ ивинки абручикъ, придѣлалъ къ ниму рага, да этатъ абручикъ на голову сеѣ и надѣлъ, а рожу-та закрылъ изъ синей тряпки харей [3]); вмѣста глас(з)ъ прилипилъ къ хари жиребейки [4]) мышинава агня [5]); адёжу всю скинулъ до нага, да сажей весь вымаралси. И пашолъ онъ на ту дарогу, гдѣ нада была татарину дамой ѣхать; а на этай дароги, нидалёка атъ мельницы, тикла рѣчка, а чирезъ рѣчку ту мостикъ. Вотъ мельникъ сѣлъ падъ мостикъ, да и дажидацца, какъ паѣдитъ татаринъ. Паѣхалъ татаринъ съ возомъ дамой. Мельникъ услыхалъ, што онъ ѣдитъ, вышолъ да и сталъ сереть мосту, да такъ-та равкнулъ, што самаму стала страшна! Татаринъ испужалси, и давай па-татарски малитву тварить: алла бигемета! алла бигемета! А мельникъ адно станитъ да реветъ. Вотъ татаринъ замѣста русскай малитвы давай крычать: усья харесья! усья харесья! Мельникъ

---

[1]) Не прикоснется. [2]) Говорили. [3]) Маскою. [4]) Жеребейки — небольшіе отколки (Словарь Росс. Акад., стр. 424). [5]) Мышиный огонь — свѣтящіяся гнилушки (Дополненіе къ Опыту обл. великор. словаря, стр. 121).

бухъ въ воду! Татаринъ нука апять на мельницу; а мельникъ посли ево вымалси да дамой, абрядилси [1]) апять — и не узнашь! Татаринъ выприк(г)ъ лошать, идетъ въ анбаръ, чуть батъ—инда языкъ пажѣшалси: «ну, русской! праведу ты балъ, што ваша вѣра лутчи нашей. Ѣду я дарогай-та, а шайтанка стантъ на масту да такъ и реветъ, ровна медвѣдка! Весь чорной, а глаза ровна угли. Я давай па-татарски малитву тварить: алла бигемета! алла бигемета! шайтанка все стантъ. Я нука па-русски: усья харесья! усья харесья! шайтанка и бухъ въ воду!»

(Записано также дьякономъ Орловымъ.)

е. Русской съ мордзвиномъ работали вмѣсци на Волги, да вмѣсци оттолива и домой пошли. Вотъ они шли пуцёмъ-дорогой, ды оба и пріустали. Мордзвинъ и выдумалъ штуку. «Давай, батъ, русской, попиремѣнна одзинъ другова несци за коргешками [2]). Поколи я цея [3]) буду несци, ты пѣсьню пой; а какъ ты споёшь пѣсьню, я на цея саду—ты меня неси до цѣхъ поръ, коли я пѣсьню спою.» Русской дзѣлами смекнулся. «Пожалуй, батъ, мордзвинушка! я на ита сугласинъ. Давай жерьбій мицьнёмъ, кому ково напирётъ достатца нисци.» Митнули жерьбій. Напирётъ досталось весци русскому мордзвина. Мордзвинъ сѣлъ русскому за коргешки; сидзитъ да пѣсьню поётъ, а русской слушатъ да везётъ. Вотъ мордзвинъ спѣлъ пѣсьню; русской сѣлъ на мордзвина, да и запѣлъ бисконешну пѣсинку: ци-ли-ли, ци-ли-ли! сидзитъ да поётъ, а мордзвинъ слушатъ да везётъ. Вёрстъ дзесиць провёсъ русскова, и спрашиватъ: «што, русской, вся ли тва(я) пѣсня?» —Нѣтъ, мордзвинушка, не вся ищо! Мордзвинъ вёс(з)ъ, вёсъ, безъ моцы сталъ; упалъ съ устатку [4]), а у русскова

---

[1]) Одѣлся, нарядился [2]) На закортышкахъ, плечахъ. [3]) Тебя.
[4]) Съ усталости (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 244).

пѣсьня не вся ищо. «Ну, бать, русской, хаць вся, хаць не вся тва пѣсьня, а мнѣ утдыхаць пришлось. Твои ци-ли-ли меня съ нокъ свалили!» Мордзвинъ остался, а русской ищо вёрстъ дзесиць ушолъ. Вотъ цѐ [1]) мордзвинъ! зацѐнилъ на сву шею возицца; ну гдзѣ мордзвину убмануць русскова? ушъ убманитъ ли, нѣтъ-ли — русской мордзвина! [2]).

f. Адзинъ мордзвинъ хадзилъ пò лису, свиней искалъ; хадзилъ онъ цѣлой дзень, не нашолъ своихъ свинушекъ. Да таво дзѣла(о) дашло, што толька плакаць мордзвину. Вотъ онъ и молвилъ таку рѣць: «што кабы нашлисъ маи цушиньки, я бы свѣцку поставилъ Кузьмѣ-Дзимьяну.» Ни паспѣлъ онъ вымалвиць такой рѣцы, анъ свиньи и бигутъ. Мордзвинъ абрадывался: «ахъ вы, цушиньки, маи матушки! я виць цуть-цуть за васъ свѣцку ни паставилъ Кузьмѣ-Дзимьяну!» [3])

g. Ажа адинъ мардвинъ абжанился, да и взялъ жити за сябе дѣвуку тяжолу. Ана черизъ нядѣлю абрадилась. Ажа мардвинъ паѣхалъ на базаръ, да и купилъ пятьдесятъ двѣ калыбели. «На што ты сѐстель [4]) накупилъ калыбелей?» люди ягò спрашиваютъ. — У мане ди хазяйка черизъ нядѣлю рабенка радила, а въ гаду̀-то пятьдесятъ и двѣ нядѣли, такъ мнѣ и нада пятьдесятъ и двѣ калыбели. Онъ дуралей падумалъ, што баба ягò кажну нядѣлю па рабенку радить яму̀ будить! [5])

---

[1]) Тѐ — тебѣ. [2]) См. выпускъ II, № 14. [3]) Оба разсказа (подъ буквами *e* и *f*) записаны въ нижегородской губерніи и представляютъ образецъ народнаго говора по рѣкѣ Пьянѣ.

Варіантъ: Шелъ мужикъ въ городъ Богу молиться, и думалъ про себя: «батюшка Никола-Милостивой! хоть бы ты привелъ мнѣ грошикъ найти; я-бъ тебѣ, батюшкѣ, свѣчку поставилъ.» Глянулъ — валяется на дорогѣ пятакъ. Мужикъ подиялъ пятакъ, и говоритъ: «нѣтъ, батюшка Никола-Милостивой! пообожди; свѣчку тебѣ поставлю въ иное время; теперь еще дома соли нѣтъ.» (Записано въ тверской губерніи.)

[4]) Столько (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 202). [5]) Записано въ нижегородской губерніи.

h. У одново татарина на гумно свинья пришла, да и давай горох тюхтить [1]). Вотъ татаринъ глядитъ на свинью: «не замъ, говоритъ, ѣстъ чортова скотина! абажретца да околѣтъ.» Свинья нажралася, пошла на ключь да испила. Испивши, опять пришла къ гороху ѣсть; поѣла, да у нево-жа въ омётъ—въ солому зарылась да и лёгла. Татаринъ глядитъ: «постой, говоритъ, чортэва скотина! я съ тобою сдѣлаюсъ; ясо жгу тебя!» Взялъ огня да въ омётъ и сунулъ. Вотъ омётъ и задралъ [2]). Хвать — русска свинья ушла, а татарской деревни ровна ни бывала!

i. Одинъ церемисинъ напился пьяный, взлѣзъ на палати, лёкъ да и плацитъ: «худо моё дѣло! какъ я типерь буду з(ж)ыть-то? какъ пахать-то стану?» Онъ дуралей думалъ што вѣкъ будитъ пьяный! [3])

k. Старуха-мать ругала мальчишку, чтобъ онъ не ходилъ на рѣку купаться: «ну, к...... сынъ! смотри, коли утонишь, такъ и домой не ходи!»

l. Разъ зимою ѣхали по Волгѣ-рѣкѣ извощики. Одна лошадь заортачилась и бросилась съ дороги въ сторону; извощикъ тотчасъ погнался за нею, и только хотѣлъ ударить кнутомъ — какъ она попала въ майну [4]) и пошла подъ лёдъ со всѣмъ возомъ. «Ну, моли Бога, что ушла! закричалъ мужикъ, а то я-бы нахлесталъ тебѣ бока-то!»

---

[1]) Много ѣсть, пожирать (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 235).

[2]) Т. е. вспыхнулъ.

[3]) Разсказъ подъ буквою *h* представляетъ образчикъ заволжскаго нарѣчія а разсказъ подъ буквою *i* — образчикъ ветлужскаго нарѣчія (нижегородской, губерніи). Въ обоихъ нарѣчіяхъ многіе гласные звуки произносятся съ краткимъ, чуть-слышнымъ прибавленіемъ другихъ звуковъ; именно передъ *а* слышится *э*, передъ *е* и *ѣ* — *і*, иногда *ы*, передъ *о* — *у*, передъ *у* — *ы*, передъ *ы*—*э*; въ концѣ словъ *ю* измѣняется въ *іу*, *я* — въ *іа*, при чемъ *і* произносится кратко. (Замѣчаніе г. Орлова, записавшаго эти разсказы.)

[4]) Полынью (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 109).

ш. Поѣхалъ молодой мужикъ на промыслы, а жена пошла его провожать; прошла съ вёрсту и заплакала. «Не плачь, жена, я скоро пріѣду.» — Да развѣ я о томъ плачу? у меня ноги озябли!

щ. Мужикъ обрилъ бороду, и говоритъ: «смотри, жена, какъ я чисто выбрился.» — Да развѣ это брито? это такъ только стрижено! «Врешь, каналья! говори: брито.»—Нѣтъ, стрижено! «Я тебя изобью; говори: брито!»—Нѣтъ, стрижено! Мужъ побилъ жену, и нудитъ: «говори: брито; не то утоплю!» — Что хочешь—дѣлай, а стрижено! Повёлъ ее топить: «говори: брито!»—Нѣтъ, стрижено! Ввёлъ ее въ глубину по самую шею, и толкаетъ въ голову; скажи да скажи: брито! Жена и говорить не можетъ, подняла руку изъ воды и двумя пальцами показываетъ, что стрижено. [1])

ъ. Запримѣтилъ солдатъ, что у хохла въ сѣняхъ висѣло подъ конькомъ пуда два свинаго сала въ мѣшкѣ; прорылъ ночью крышу, сталъ отвязывать мѣшокъ, да какъ-то осклизнулся и упалъ вмѣстѣ съ саломъ въ сѣни. Хозяинъ услыхалъ шумъ и вышелъ съ огнемъ: «чого тоби треба?»— Не надо ли тебѣ сала? спрашиваетъ солдатъ. «Ни, у мене свого богацько!» —Ну, такъ потрудись, навали мнѣ мѣшокъ на спину. Хохолъ навалилъ ему мѣшокъ на спину, и солдатъ ушелъ. [2])

ы. Разъ вошелъ хохолъ въ церковь въ шапкѣ и сталъ впереди всѣхъ; другой увидалъ и толкнулъ его: «что ты шапки не скидаёшь?» Тотъ оглянулся: «а шо хиба староста здись?»

ь. Въ одной слободѣ напроказилъ что-то дьячокъ. Собралась громада [3]) и послала за нимъ десятскаго. «Панъ дьячокъ! иды въ громаду, сказалъ десятской; щось на тебе громада рыпить [4])!»—Сейчасъ приду, отвѣчалъ дьячокъ; захватилъ съ

---

[1]) См. выпускъ III, № 26, с. [2]) См. выпускъ III, № 29, аа. [3]) Мірская сходка. [4]) Рыпѣть — о людахъ: ворчать, гнѣваться; о немазанныхъ колесахъ: скрипѣть.

собой кувшинъ съ дёгтемъ да квачъ [1]) и пошелъ въ громаду. «Кто тутъ на меня рыпить?» спрашиваетъ дьячокъ. — Та хоть бы и мы! крикнулъ старшина. Дьячокъ мазнулъ его дёгтемъ по губамъ — онъ замолчалъ. «Еще кто?» Всѣ и замолчали.

r. Промежъ рабочихъ людей затесался какъ-то цыганъ. Сѣли завтракать; напередъ подали стопу блиновъ. Одинъ работникъ и спрашиваетъ: «кому эту кучу блиновъ?» — Мнѣ, сказалъ цыганъ. Подали блюдо вареников. «А вареники кому?» — Мнѣ, повторилъ цыганъ. Кончили завтракать. «Ну, теперь кому молотить идти?» — Молотить не мнѣ, отвѣчалъ цыганъ; я и такъ на себя два дѣла принялъ, такъ ужъ третье для меня натужно!

s. Прибили одного дурня ночью, и стали ему на другой день смѣяться. «Ну, говоритъ онъ, молите Бога, что ночь была свѣтлая; а то я выкинулъ бы вамъ штуку!» — Какую? скажи, пожалуй. «Я бы спрятался!»

t. Трое прохожихъ пообѣдали на постояломъ дворѣ и отправились въ путь. «А что, ребята! вить мы, кажется, дорого за обѣдъ заплатили?» — Ну, я хоть и дорого заплатилъ, сказалъ одинъ, за то недаромъ! «А что?» — А развѣ вы не примѣтили? только хозяинъ засмотрится, я сейчасъ схвачу изъ солонницы горсть соли, да въ ротъ! да въ ротъ!

u. Какой-то мужикъ купилъ полуштофъ вина, выпилъ заразъ — ничего; купилъ еще косушку — все не пьянъ; выпилъ еще шкаликъ — и опьянѣлъ. И началъ тужить: «зачѣмъ покупалъ я полуштофъ да косушку? лучше бъ прямо купилъ шкаликъ — съ него-бъ меня и такъ разобрало!»

x. Овдовѣлъ мужикъ; пришлось самому хлѣбы ставить. Вотъ онъ замѣсилъ въ дежѣ [2]) тѣсто, и вышелъ куда-то. Въ

---

[1]) Помезокъ (Опытъ обл. словаря, стр. 81). [2]) Квашнѣ.

сумеркахъ воротился, хотѣлъ было вздуть огонь, какъ услышалъ, что кто-то пыхтитъ; а это хлѣбы кисли. «Недавно, думаетъ себѣ, ушелъ, а кто-то ужь забрался въ избу!» — и въ-потьмахъ наступилъ на кочергу. Она ударила его въ лобъ, онъ закричалъ: «сдѣлай милость, не дерись! вить я тебѣ ничего не сдѣлалъ» — а самъ ну пятиться вонъ изъ избы. На бѣду нога разулась, и мужикъ при выходѣ прихлопнулъ оборку [1]) дверью и упалъ. «Батюшка, отпусти! не держи меня, право слово — ничего тебѣ не сдѣлаю!»

y. Мужикъ позвалъ сосѣда на обѣдъ, и поставилъ на столъ щи съ говядиною. Гость захватилъ себѣ весь кусокъ говядины и говоритъ: «ну, братъ, что̀ зацѣпилъ—то и Богъ далъ!» А хозяинъ похлебалъ, похлебалъ щей, да потомъ ухватилъ гостя за̀ волосы и давай таскать: «ну, братъ, что̀ зацѣпилъ — то и Богъ далъ!»

z. Богатой купецъ часто зазывалъ къ себѣ всякихъ людей, поилъ, кормилъ, угощалъ; только коли кто скажетъ ему противное — того непремѣнно поколотитъ. Разъ зазвалъ онъ къ себѣ ямщика. Тотъ отпрёгъ лошадей, вошелъ въ хоромы, и послѣ долгаго угощенья сказалъ: «довольно, хозяинъ! мнѣ пора ѣхать.» Купецъ давай его бить, такъ что ямщикъ едва вырвался, и сталъ запрягать лошадей. Купецъ за нимъ. Ямщикъ нарочно началъ дугу вкладывать кольцомъ назадъ. Купецъ закричалъ: «не такъ вкладываешь!» А ямщикъ давай его бить да приговаривать: «не твое дѣло указывать! не твое дѣло указывать!» [2])

(Разсказы, помѣщенные здѣсь подъ буквами *k—x*, записаны въ астраханской губерніи, черноярскомъ уѣздѣ, г. Волковидинымъ.)

---

[1]) Веревку отъ лаптя (Опытъ обл. словаря, стр. 134). [2]) См. выпускъ II, № 11.

аа. Цыганъ залѣзъ въ чужой садъ, и набузовалъ яблокъ полны карманы. На его бѣду пришелъ хозяинъ. Цыганъ бѣжать, а хозяинъ догонять. Бѣгали-бѣгали, насилу поймалъ. «Эхъ, батинька! какъ-же ты уморилъ меня», говоритъ цыганъ.

2.

ГУСАКЪ.

Жилъ-былъ баринъ; вышелъ однажды на базаръ и купилъ себѣ канарейку за пятьдесятъ рублей. Случилось быть при этомъ мужику; пришелъ мужикъ домой и говоритъ своей бабѣ: «знаешь ли что, жена?» — А что? «Ходилъ я сегодня на базаръ; тамъ былъ и баринъ, и купилъ онъ себѣ малую пташку — пятьдесятъ рублей заплатилъ. Дай-ка я понесу къ нему своего гусака: не купитъ ли?»—Понеси! Вотъ мужикъ взялъ гусака и понёсъ къ барину. Приноситъ: «купи, баринъ, гусака.»—А что стòитъ? спросилъ баринъ. «Сто рублей.»—Ахъ, ты болванъ! «Да коли ты за малую пташку не пожалѣлъ пятидесяти, такъ за эту и сотня— дешево!» Баринъ разсердился, прибилъ мужика и отобралъ у него гуся даромъ. «Ну, ладно, сказалъ мужикъ, попомнишь ты этого гусака!» [1]) Воротился домой, снарядился плотникомъ, взялъ въ руки пилу и топоръ и опять пошелъ; идетъ мимо барскаго двора и кричитъ: «кому тёплы сѣни работать?» Баринъ услыхалъ, зоветъ его къ себѣ: «да съумѣешь ли ты сдѣлать?» — Отчего не сдѣлать;

---

[1]) *Варіантъ*: Однажды мужикъ поѣхалъ съ сѣномъ: попадается ему на встрѣчу баринъ. «Ей мужикъ! вороти, давай мнѣ дорогу.» — Нѣтъ, баринъ! ты вороти; я съ возомъ ѣду, а ты порожнякомъ; да притомъ твои кони кормны, а моя кляча и то чуть бредетъ. Баринъ не сталъ его слушать, столкнулъ возъ съ дороги и уѣхалъ. Долго провозился мужикъ съ возомъ, насилу поправился, и сталъ думать: какъ-бы отплатить эту обиду....

вотъ тутъ не подалечку растетъ тёплой лѣсъ: коли изъ того лѣсу да выстроить сѣни, то и зимой топить не надо. «Ахъ, братецъ! сказалъ баринъ; покажи мнѣ этотъ лѣсъ поскорѣе.» — Изволь, покажу. Поѣхали они вдвоемъ въ лѣсъ. Въ лѣсу мужикъ срубилъ огромную сосну и сталъ ее пластать на двѣ половины; раскололь дерево съ одного конца и ну клинъ вбивать, а баринъ смотрѣлъ-смотрѣлъ да спроста и положилъ руку въ щель. Только онъ это сдѣлалъ, какъ мужикъ вытащилъ клинъ назадъ и нàкрѣпко защемилъ ему руку [1]). Потомъ взялъ ременную плётку и началъ его дуть да приговаривать: «не бей мужика, не бери гусака! не бей мужика, не бери гусака!» Ужь онъ его дулъ-дулъ! въ волю натѣшился и сказалъ: «ну, баринъ! билъ я тебя разъ, прибью и въ другой, коли не отдашь гусака да сотню рублей на придачу.» Сказалъ и ушелъ, а баринъ такъ и пробылъ до вечера; дома-то поздно хватились его, да пока нашли да изъ тисковъ высвободили — времени и многонько ушло! Вотъ баринъ захворалъ, лежитъ на постели да охаетъ; а мужикъ нарвалъ травъ, цвѣтовъ, обтыкался ими кругомъ, обрядился дохтуромъ и опять идетъ мимо барскаго двора и кричитъ: «кого полѣчить!» Баринъ услыхалъ, зоветъ его: «ты что за человѣкъ?» — Я дохтуръ; всякую болѣзнь снимаю. «Ахъ, братецъ! пожалуста вылѣчи меня.» — Отчего не вылѣчить? прикажи истопить баню. Тотчасъ вытопили баню. «Ну, говоритъ мужикъ барину, пойдемъ лѣчиться; только никого не бери съ собой въ баню, бойся дурнаго глаза!» Пошли они вдвоемъ въ баню; баринъ раздѣлся. «А что, сударь! спрашиваетъ дохтуръ, стерпишь ли, коли въ эдакомъ жару начну тебя мазью пачкать?»

---

[1]) *Вар.* Пріѣхали въ лѣсъ. «Баринъ! говоритъ мужикъ выбирай дерево потолще, чтобъ въ два обоймища было.» Баринъ выбралъ дерево и сталъ его мѣрить; тѣмъ временемъ мужикъ вытащилъ изъ-за пазухи верему, захватилъ его руки и привязалъ-прикрутилъ къ дереву....

—Нѣтъ, не стерпѣть мнѣ! говоритъ баринъ. «Какъ-же быть? не велишь ли связать тебя?»—Пожалуй, свяжи. Мужикъ связалъ его бечевою, взялъ нагайку и давай валять на обѣ корки. Ужь онъ валялъ-валялъ, а самъ приговаривалъ: «не бей мужика, не бери гусака! не бей мужика, не бери гусака!» Послѣ, уходя, сказалъ: «ну, баринъ, билъ я тебя два раза; прибью и въ третій, коли не отдашь гусака да двухъ сотенъ рублей на придачу.» Баринъ еле живъ изъ бани вылѣзъ, не захотѣлъ ожидать третьяго раза, и отослалъ мужику и гусака и двѣсти рублей.

(Записана въ новгородской губерніи.)

3.

СКРЯГА.

Жилъ-былъ богатой купецъ Марка—скупѣй его не было! Разъ какъ-то пошелъ онъ гулять; идучи дорогою, увидалъ нищаго: сидитъ старецъ и проситъ милостыни: «подайте, православные, Христа ради!» Марка-Богатой прошелъ мимо. Слѣдомъ за нимъ шелъ на ту пору бѣдной мужикъ, возжалѣлъ нищаго и подалъ ему копѣечку. Стыдно показалось богатому, остановился онъ и говоритъ мужику: «послушай, землякъ, дай мнѣ въ займы копѣечку; хочется убогому подать, да мелкихъ нѣту!» Мужикъ далъ ему и спрашиваетъ: «а когда за долгомъ приходить?»—Завтра приходи! На другой день бѣдной идетъ къ богатому за своей копѣйкою. Пришелъ на его широкой дворъ: «что Марка-Богатой дома?» — Дома! Тебѣ что надо? спрашиваетъ Марка. «За копѣечкой пришелъ.»—Ахъ, братъ! прійди послѣ; ну право, мелкихъ нѣтъ. Бѣдной поклонился и назадъ: «я, говоритъ, прійду завтра.» На утро приходитъ—опять тоже: «мелкихъ денегъ вовсе нѣтъ! коли хошь, давай съ

сотенной сдачи... а не то приходи через двѣ недѣли.» Черезъ двѣ недѣли снова идетъ бѣдной къ богатому, а Марка-Богатой увидалъ его въ окно и говоритъ женѣ: «слушай, жена! я раздѣнусь до гола и лягу подъ святыя [1]); а ты покрой меня полотномъ, сиди и плачь, словно надъ мертвымъ. Когда прійдетъ мужикъ за долгомъ, скажи ему, что я сегодня померъ.» Вотъ ладно, какъ мужъ приказалъ, такъ жена и сдѣлала: сидитъ да горючьми слезами заливается. Приходитъ мужикъ въ горницу, она его и спрашиваетъ: «тебѣ что?» — За должкомъ къ Маркѣ-Богатому, отвѣчаетъ бѣдной. «Ну, мужичокъ, Марка-Богатой приказалъ долго жить; сейчасъ только померъ.» — Царство ему небесное! Позволь, хозяйка, за мою копѣечку послужу ему — хоть грѣшное тѣло обмою. Съ этимъ словомъ ухватилъ чугунъ съ горячей водою и давай Марку-Богатаго кипяткомъ ошпаривать. Марка еле терпитъ, морщится да ногами дрыгаетъ. «Дрыгай, не дрыгай, а копѣйку подай!» говоритъ бѣдной. Обмылъ, снарядилъ, какъ надо. «Ну, хозяйка! покупай гробъ да вели въ церковь выносить; я стану надъ нимъ псалтырь читать.» Положили Марку-Богатаго въ гробъ и вынесли въ церковь; а мужикъ сталъ надъ нимъ псалтырь читать. Наступила темная ночь. Вдругъ открывается окно и лѣзутъ въ церковь воры-разбойники; мужикъ за алтарь спрятался. Воры влѣзли и начали межь собой добычу дѣлить; все подѣлили, остается золотая сабля — всякой къ себѣ тащитъ, никто не уступаетъ. Бѣдной какъ выскочитъ, какъ закричитъ: «что вы спорите? кто мертвецу голову отрубитъ, того и сабля будетъ!» Марка-Богатой вскочилъ самъ не свой. Воры испугались, побросали свою казну и кинулись бѣжать. «Ну, мужичокъ! говоритъ Марка; давай деньги дѣлить.» Раздѣлили поровну; много досталось и тому,

[1]) Т. е. иконы.

и другому. «Что-жъ копѣечку?» спрашиваетъ бѣдной.—Эхъ, братъ! самъ видишь — мелкихъ нѣтъ! Такъ таки и нѐ отдалъ Марка-Богатой копѣечки.

(Записана въ новгородской губерніи.)

4.

НЕ ЛЮБО-НЕ СЛУШАЙ [1]).

У одного мужика много было гороху насѣяно. Повадились журавли летать, горохъ клевать. «Постой, вздумалъ мужикъ, я вамъ переломаю ноги!» Купилъ ведро вина, вылилъ въ корыто, намѣшалъ туда меду; корыто поставилъ на телегу и поѣхалъ въ поле. Пріѣхалъ къ своей полосѣ, выставилъ корыто съ виномъ да съ медомъ нàземь, а самъ отошелъ подальше и легъ отдохнуть. Вотъ прилетѣли журавли, поклевали гороху, увидали вино и такъ натюкались, что тутъ-же попадали. Мужикъ—не промахъ! сейчасъ прибѣжалъ и давай имъ веревками ноги вязать. Опуталъ веревками, прицѣпилъ за телегу и поѣхалъ домой. Дорòгой-то порастрясло журавлей; протрезвились они, очувствовались; стали крыльями похлопывать, поднялись, полетѣли и понесли съ собою и мужика, и телегу, и лошадь. Высоко! Мужикъ взялъ ножъ, обрѣзалъ веревки и упалъ прямо въ болото. Цѣлые сутки въ тинѣ сидѣлъ, едва оттуда выбрался. Воротился домой — жена родила, надо за попомъ ѣхать, ребенка крестить. «Нѣтъ, говоритъ, не поѣду за попомъ!»— Отчего такъ? «Журавлей боюсь! опять понесутъ по поднебесью; пожалуй, съ телеги сорвусь, дò смерти ушибусь!» — Не бойсь! мы тебя къ телегѣ канатомъ прикрутимъ. Вотъ хорошо, положили его въ телегу, обвязали канатомъ; лошадь поворотили на дорогу, стегнули разъ, другой

---

[1]) См. вып. II, стр. 12—15, 131—134, вып. VI, № 2.

—она и попелелась рысцою. За деревней-то былъ колодецъ, а лошадь-то была не поена; вздумалось ей напиться, свернула съ дороги въ сторону и прямо къ колодцу; а колодецъ былъ безъ сруба, а упражъ-то безъ шлеи, а узда безъ повода, а хомутъ большой, просторной; лошадь наклонилась къ водѣ, а хомутъ черезъ голову и съѣхалъ долой. Вотъ лошадь напилась и пошла назадъ, а мужикъ съ телегою остался у колодяза. На ту пору выгнали охотники изъ лѣсу медвѣдя; медвѣдь бросился со всѣхъ ногъ, набѣжалъ на телегу,- хотѣлъ перескочить, прыгнулъ — да прямо въ хомутъ и попалъ! Видитъ, что бѣда на носу, и пошелъ валять, что есть силы, съ телегою. «Батюшки, помогите!» кричитъ мужикъ. Отъ того крику медвѣдь еще пуще напугался; пошелъ таскать по кочкамъ, по яругамъ, по болотамъ. Прибѣжалъ на пчельникъ, полѣзъ на дерево и телегу за собой потащилъ — захотѣлось видно медку попробовать. Взлѣзъ на самую верхушку, а телега внизъ тянетъ: бѣдной медвѣдь и самъ не радъ, ни взадъ—ни впередъ! Немного испустя времени, пришелъ хозяинъ, увидалъ медвѣдя: «ага, говоритъ, попался! вишь ты какой бездѣльникъ, Мишка: не просто за медомъ пришелъ, на телегѣ прiѣхалъ!» Схватилъ топоръ и ну рубить дерево подъ самой корень. Дерево повалилось наземь, разбило телегу и задавило совсѣмъ мужика; а медвѣдь выскочилъ изъ хомута да бѣжать: только унеси Богъ ноги! Вотъ каковы журавли!

5.

ЛУТОНЮШКА [1])

Жила-была старуха, у неё былъ сынъ Лутонюшка. Вотъ разъ — дѣло было осенью — сталъ онъ скотинку бить, на зиму

---

[1]) Смотри вып. II. № 8.

въ запасъ солить; а мать смотритъ да ругается: «ишь, сколько головъ загубилъ! куда дѣвать-то будешь?» — И, матушка! весна прійдетъ, все подберетъ! отвѣчалъ Лутоня, да вслѣдъ за тѣмъ сѣлъ въ телегу и поѣхалъ въ лѣсъ за дровами. На ту пору шелъ мимо прохожій — такой продувной! — услыхалъ эти рѣчи, смекнулъ, что баба ни то проста, ни то глупа, и прямо къ ней на дворъ: «здра(в)ствуй, старушка!» — Здраствуй, батюшка! «Я — Весна-красна, за говядиной къ тебѣ пришла.» Старуха обрадовалась, привела его къ чану и наклала ему цѣлой мѣшокъ мяса — пудовъ съ восемь будетъ. Немного погодя, пріѣзжаетъ изъ лѣсу сынъ. «Знаешь ли, сынокъ! разсказываетъ ему старуха, вѣдь у меня Весна была.» Лутоня глядитъ ей въ глаза: «какая Весна?» — Какая! Самъ же давеча сказалъ, что за мясомъ прійдетъ; я ей полонъ мѣшокъ наклала. «Ну, матушка! говоритъ Лутоня, прощай; пойду по бѣлу свѣту шататься: коли найду кого глупѣе тебя — ворочусь домой, а то и не жди назадъ!»

Пошелъ онъ по бѣлу свѣту шататься; въ одну деревню зашелъ — тамъ плотники избу строютъ; окоротили одно бревно, привязали къ обоимъ концамъ по веревкѣ, схватились и давай тянуть въ разныя стороны. «Что вы дѣлаете?» — Да вотъ бревно окоротили, такъ растянуть хотимъ." Разсмѣялся Лутоня, показалъ имъ, какъ наставку придѣлать, и пошелъ дальше. Смотритъ: на полѣ люди хлѣбъ убираютъ; только не серпами жнутъ, а всякой колосъ зубами отгрызаютъ. Подивился онъ этому чуду, и жаль стало ему, что народъ терпитъ такую муку. Сходилъ въ кузницу, сковалъ себѣ серпъ и воротился назадъ; тѣмъ временемъ народъ обѣдать ушелъ. «Пусть же знаютъ, какъ хлѣбъ убирать!» подумалъ Лутоня, нажалъ снопъ, связалъ и воткнулъ въ него серпъ; а самъ стоитъ, дожидается: что будетъ? Вотъ люди пообѣдали, пришли на поле, увидали серпъ въ снопу и закричали въ одинъ го-

лось: «охъ, батюшки! какой червякъ проявился, что хлѣба-то попортилъ!» Не знаютъ, что и дѣлать, какъ къ тому червяку приступить; принесли ужище [1]), накинули на серпъ мертвую петлю и потащили къ рѣкѣ. «Какъ-же намъ его въ воду спихнуть?» Не долго думали, сейчасъ догадались: привязали мужика къ бревну, дали ему ужище и спустили на̀ воду: «переѣзжай, говорятъ, на ту сторону и потопи червяка.» На бѣду бревно съ мужикомъ перевернулось: очутился онъ головою внизъ, ногами вверхъ. «Эхъ, братъ! кричатъ ему съ берега; что-жъ ты онучи бережешь? Коли и намочишь — дома на печкѣ высушишь.» А мужикъ совсѣмъ потонулъ. — Ну, этихъ дураковъ не выучишь, сказалъ Лутоня и пошелъ своей дорогой. Пришелъ въ другую деревню. Глядь — старуха сѣчетъ курицу, сѣчетъ да приговариваетъ: «а к....! цыплятъ цѣлой содомъ вывела, а титекъ не выростила — кормить нечѣмъ.» — Эта, кажись, глупѣй моей матушки! надо домой ворочаться. Пошелъ назадъ и набрелъ на дорогѣ артель работниковъ; сидятъ вмѣстѣ да обѣдаютъ. «Хлѣбъ да соль!» — Садись съ нами. Послѣ обѣда стали они считать, всѣ ли на лицо? но сколько ни считали, все одного не досчитываются. «Пожалуста, доброй мо̀лодецъ, пересчитай насъ; отпустилъ насъ хозяинъ всего-на̀всего десять человѣкъ, а теперь сколько не считаемъ — все одного не хватаетъ.» — Да вы эдакъ никогда не досчитаетесь! Кажной изъ васъ, какъ станетъ считать, себя-то въ счетъ и не кладетъ; полно хлопотать по пусту, вы всѣ на лицо!» — Спасибо, добрый человѣкъ! Простился съ ними Лутонюшка и опять въ дорогу; пришелъ домой и говоритъ: «здорово, матушка! воротился съ тобой жить; сколько ни ходилъ по бѣлу свѣту, а умнѣе тебя не нашелъ!»

(Записана въ тамбовской губерніи.)

---

[1]) Веревку.

6.

ВОРЪ [1])

а. Жилъ-былъ старикъ со старухою; у нихъ былъ сынъ по имени Иванъ. Кормили они его, пока большой выросъ; а потомъ и говорятъ: «ну, сынокъ! доселева мы тебя кормили, а нынче корми ты насъ до самой смерти.» Отвѣчалъ имъ Иванъ: «когда кормили меня до возраста лѣтъ, то кормите и до уса.» Выкормили его до уса, и говорятъ: «ну, сынокъ! мы кормили тебя до уса, теперь ты корми насъ до самой смерти.» — Эхъ, батюшка и ты матушка! отвѣчаетъ сынъ, когда кормили меня до уса, то кормите и до бороды. Нечего дѣлать, кормили-поили его старики до бороды, а послѣ и говорятъ: «ну, сынокъ! мы кормили тебя до бороды, нынче ты насъ корми до самой смерти.» — А коли кормили до бороды, такъ кормите и до старости! Тутъ старикъ не выдержалъ, пошелъ къ барину бить челомъ на сына. Призываетъ господинъ Ивана: «что-жъ ты, дармоѣдъ, отца съ матерью не кормишь?» — Да чѣмъ кормить-то? развѣ воровать прикажите? работать я не учился, а теперь и учиться поздно. «А по мнѣ какъ знаешь! говоритъ ему баринъ; хоть воровствомъ, да корми отца съ матерью, чтобъ на тебя жалобъ не было!» Тѣмъ временемъ доложили барину, что баня готова, и пошелъ онъ париться; а дѣло-то шло къ вечеру. Вымылся баринъ, воротился назадъ и сталъ спрашивать: «эй, кто тамъ есть? подать босовики [2])!» А Иванъ тутъ какъ тутъ, стащилъ ему сапоги съ ногъ, подалъ босовики; сапоги тотчасъ подъ мышку и унесъ домой. «На, батюшка! говоритъ отцу; снимай свои лапти, обувай господскіе

---

[1]) См. вып. VI, № 6. [2]) Башмаки (туфли), надѣваемые на босую ногу (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 13).

сапоги.» На утро хватился баринъ — нѣтъ сапоговъ; послалъ за Иваномъ: «ты унесъ мои сапоги?» — Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, а дѣло мое! «Ахъ ты, плутъ, мошенникъ! какъ-же ты смѣлъ воровать?» — Да развѣ ты, баринъ, не самъ сказалъ: хоть воровствомъ, да корми отца съ матерью? я твоего господскаго приказу не хотѣлъ ослушаться. «Коли такъ, говоритъ баринъ, вотъ тебѣ мой приказъ: украдь у меня чорнаго быка изъ-подъ плуга; своруешь — дамъ тебѣ сто рублей, не своруешь — влеплю сто плетей.» — Слушаю-съ! отвѣчаетъ Иванъ, тотчасъ бросился онъ на деревню, стащилъ гдѣ-то пѣтуха, ощипалъ ему перья, и скорѣй на пашню; подползъ къ крайней бороздѣ, приподнялъ глыбу земли, подложилъ подъ нее пѣтуха, а самъ за кусты спрятался. Стали плугатари вести новую борозду, зацѣпили ту глыбу земли и своротили на сторону: ощипанной пѣтухъ выскочилъ и что силъ было — побѣжалъ по кочкамъ, по рытвинамъ. «Что за чудо изъ земли выкопали!» закричали плугатари и пустились въ догонку за пѣтухомъ. Иванъ увидалъ, что они побѣжали какъ угорѣлые, бросился сейчасъ къ плугу, отрубилъ у одного быка хвостъ да воткнулъ другому въ ротъ, а третьяго отпрёгъ и увелъ домой. Плугатари гонялись-гонялись за пѣтухомъ, такъ и не поймали, воротились назадъ: чорнаго быка нѣтъ, а пестрой безъ хвоста. «Ну, братцы! пока мы за чудомъ бѣгали, быкъ быка съѣлъ; чорнаго-то совсѣмъ сожралъ, а пестрому хвостъ откусилъ!» Пошли къ барину съ повинною головою: «помилуй, отецъ! быкъ быка съѣлъ.» — Ахъ вы, дурачье безмозглое! закричалъ на нихъ баринъ; ну гдѣ это видано, гдѣ это слыхано, чтобъ быкъ да быка съѣлъ? Позвать ко мнѣ Ивана! Позвали. «Ты быка укралъ?» — Я, баринъ. «Куда-жъ ты дѣвалъ его?» — Зарѣзалъ; кожу на базаръ снесъ, а мясомъ стану отца да мать кормить. «Молодецъ! говоритъ баринъ; вотъ тебѣ сто рублей. Ну, украдь же теперь моего любимаго жеребца, что

стоитъ за треми дверями, за шестью замкàми; уведешь — плачỳ двѣсти рублей, не уведешь — влеплю двѣсти плетей?» —Изволь, баринъ! украду. Вечеромъ поздно забрался Иванъ въ барской домъ; входитъ въ переднюю — нѣтъ ни души, смотритъ — виситъ на вѣшалкѣ господская одёжа; взялъ барскую шинель да фурашку, надѣлъ на себя, выскочилъ на крыльцо и закричалъ громко кучерамъ и конюхамъ: «эй, ребята! осѣдлать поскорѣй моего любимаго жеребца да подать къ крыльцу.» Кучера и конюхи признали его за барина, побѣжали въ конюшню, отперли шесть замкòвъ, отворили трое дверей, въ мигъ все дѣло исправили и подвели къ крыльцу осѣдланаго жеребца. Воръ сѣлъ на него верхомъ, ударилъ хлыстикомъ — только и видѣли! На другой день спрашиваетъ баринъ: «ну, что мой любимой жеребецъ?» а онъ еще съ вечера выкраденъ. Пришлось посылать за Иваномъ: «ты укралъ жеребца?» —Я, баринъ. «Гдѣ-же онъ?»—Купцамъ продалъ. «Счастливъ твой Богъ, что я самъ украсть велѣлъ! Возьми свои двѣсти рублей. Ну, украдь же теперь керженскаго [1]) наставника.» —А что, баринъ, за труды положишь? «Хочешь триста рублей?» —Изволь, украду! «А если не украдешь?»—Твоя воля; дѣлай, что самъ знаешь.

Призвалъ баринъ наставника: «берегись, говоритъ, стой на молитвѣ всю ночь, спать не моги! Ванька-воръ на тебя похваляется.» Перепугался старецъ, не до сна ему, сидитъ въ кельи да молитву твердитъ. Въ самую полночь пришелъ Иванъ-воръ съ рогозинымъ кошелёмъ и стучится въ окно. «Кто ты, человѣче?»—Ангелъ съ небеси, посланъ за тобою унести живаго въ рай; полѣзай въ кошель. Наставникъ съ дуру и влѣзъ въ кошель; воръ завязалъ его, поднялъ нà спину и понесъ на колокольню. Тащилъ-тащилъ; «скоро ли?» спрашиваетъ настав-

---

[1]) Раскольничій.

никъ. «А вотъ увидишь! Сначала дорога хоть долга, да гладка, а подъ конецъ коротка да колотлива.» Втащилъ его на верхъ, и спустилъ внизъ по лѣстницѣ: больно пришлось наставнику, пересчиталъ всѣ ступеньки! «Охъ, говоритъ, правду сказывалъ ангелъ: передняя дорога хоть долга, да гладка, а послѣдняя коротка да колотлива! И на томъ свѣтѣ такой бѣды не знавалъ!» — Терпи, спасенъ будешь! отвѣчалъ Иванъ; поднялъ кошель и повѣсилъ у воротъ на ограду, положилъ подлѣ два березовыхъ прута толщиною въ палецъ и написалъ на воротахъ: «кто мимо пройдетъ, да не ударитъ по кошелю три раза — да будетъ анаеема проклятъ!» Вотъ всякой кто ни проходитъ мимо — непремѣнно стегнетъ три раза. Идетъ баринъ: «что за кошель виситъ?» Приказалъ снять его и развязать. Развязали, а оттуда лѣзитъ керженской наставникъ. «Ты какъ сюда попалъ? вѣдь говорилъ тебѣ: берегись, такъ нѣтъ! Не жалко мнѣ, что тебя прутьями били, а жалко мнѣ, что изъ-за тебя триста рублей даромъ пропали!»

b. Былъ старикъ со старухою, у нихъ сынъ Климка. Думали-гадали, въ какое мастерство отдать его учиться, и придумали отдать вору на выучку. Долго ль, коротко ль, скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается; жилъ Климка у мастера-вора, да и выучился воровать на славу; не вѣдалъ только, какъ у сороки яйца красть. [1]) «Пойдемъ, гово-

---

[1]) *Варіантъ:* Жили-были два брата родные; одинъ — бѣденъ, другой — богатъ; у бѣднаго — три сына, у богатаго — ни одного. Вотъ всѣ три племянника собрались и пошли къ дядѣ: «дядя! отчего ты богатѣ насъ?» — Отъ того, говоритъ, что день я работаю, а ночь приворовываю. «Возьми и насъ съ собой приворовывать.» — Пойдемте. Пришли они въ село; стоятъ рыли (рель, качели). «Дядя! это что?» — Это славная штука: какъ поймаютъ насъ, такъ на ней повѣсятъ! «Если такъ, говорятъ два старшіе брата, не хотимъ воровать!» А меньшой: «ну, бабушка надвое сказала: либо насъ повѣсятъ, либо мы повѣсимъ!» — Молодецъ! говоритъ дядя: пойдемъ, я покажу тебѣ, какъ у сороки яйца крадутъ... (Записано въ воронежской губерніи.)

ритъ мастеръ Климкѣ. я покажу тебѣ, какъ у сороки яйца крадутъ. Показалъ бы я тебѣ, какъ штаны съ живаго человѣка снять, да самъ не умѣю!» Вотъ полѣзъ мастеръ на дерево; яицъ у сороки украсть не удалось, а Климка штаны съ него стибрилъ. «Нечему мнѣ тебя учить, говоритъ мастеръ Климкѣ; ты самъ меня научишь!» Пришелъ Климка къ отцу, къ матери, и сталъ кормить ихъ своимъ мастерствомъ. Чтò ни увидитъ — такъ въ избу и тащитъ; повѣсятъ ли бабы сорочки сушить, станутъ ли холсты бѣлить — онъ все къ рукамъ приберетъ. Собрались крестьяне міромъ и пошли жаловаться барину: «появился де воръ Климка, богатыхъ мужиковъ разорилъ, а бѣдныхъ совсѣмъ оголилъ.» — Что-жъ вы, дурачье, его не изловите? «Не такой воръ, батюшка! Такъ востёръ, такъ хитёръ, что кажись изъ-подъ птицы яйца выкрадетъ!» Захотѣлось барину попробовать Климковой удали, велѣлъ позвать его. Пришелъ Климка. «Можешь ли украсть у меня барана?» — Могу!

Вотъ баринъ и наказалъ пастухамъ беречь барановъ отъ Климки-вора. Пастухи погнали стадо въ поле, а Климка-воръ забѣжалъ впередъ, сдѣлалъ петлю да такую хитрую, чтò повиснуть на ней можно, а удавиться нельзя; валѣзъ на березу и надѣлъ на шею петлю, будто повѣсился. Какъ увидали его пастухи—и беречься перестали. А Климка соскочилъ съ дерева, забѣжалъ опять впередъ, валѣзъ на осину и зацѣпилъ веревку на шею. Подошли пастухи, глядь — Климка-воръ и здѣсь виситъ! Одинъ пастухъ говоритъ: «Климка на осинѣ повѣсился!» а другой говоритъ: «врешь! это не онъ; Климка на березѣ повѣсился!» Спорили-спорили и побились объ закладъ; побѣжали смотрѣть, кто повисъ на березѣ? Тѣмъ временемъ Климка соскочилъ съ дерева, барана за рога да въ кабакъ. На утро призываетъ баринъ Климку: «ты укралъ барана?» —Я. «Гдѣ же онъ?»—Продалъ. «А деньги гдѣ?»—Пропилъ.

«Украдь же теперь у меня шкатулку [1]) съ деньгами.» — Изволь!

Баринъ взялъ шкатулку, нарочно у окна поставилъ, себѣ ружье досталъ, а лакеямъ далъ сабли: «пускай-ка сунется, мы его пріймемъ по своему!» Ночью Климка-воръ укралъ козла, поднялъ окно, просунулъ въ горницу козлиную голову и тычетъ прямо на барина. Баринъ и лакеи думаютъ: самъ чортъ лѣзетъ; пороняли ружье и сабли и попадали со страстей на полъ, а Климка за шкатулку да и былъ таковъ! На утро призываетъ баринъ Климку: «ты унесъ шкатулку?» — Я. «Гдѣ-жъ она?» — Разломалъ. «А деньги гдѣ?» — Промоталъ да пропилъ. «Теперь украдь у меня лошадь.» — Изволь!

Наказалъ баринъ конюхамъ беречь лошадь пуще своего глаза: одному велѣлъ за хвостъ держать, другому за повода, третьяго верхомъ посадилъ, еще двухъ у дверей поставилъ съ дубинами. Климка надѣлъ барское платье и только стемнѣло — пошелъ въ конюшню. «Вы здѣсь, ребята?» закричалъ Климка, и голосъ свой перемѣнилъ — точь въ точь какъ у барина. — Здѣсь, отвѣчаютъ конюхи. «Небось озябли?» — Озябли, баринъ! «Ну вотъ погрѣйтесь, я принесъ вамъ водки; только смотрите, стеречь хорошенько!» — Ради стараться! Напоилъ Климка всѣхъ конюховъ допьяна; верховаго посадилъ на слегу, которой за повода держалъ — тому далъ веревку, которой за хвостъ — тому пукъ соломы, а что у дверей стояли — тѣхъ за волоса скрутилъ другъ съ дружкою; самъ вскочилъ на лошадь, пріударилъ плеткою — и слѣдъ его простылъ. Утромъ приходитъ баринъ въ конюшню: лошадь украдена, а конюхи спятъ съ похмѣлья. Какъ прикрикнетъ, затопаетъ ногами — что тутъ было только! Одинъ конюхъ со слеги упалъ, всѣ кишки отбилъ;

---

[1]) Въ доставленномъ спискѣ слово это, согласно съ мѣстнымъ произношеніемъ, вездѣ писано: щикатулка.

другой съ просонокъ заборматалъ: «стой, одёръ! тпрррру!» а двое за волоса связанные потянулись въ разныя стороны и давай рваться, давай угощать другъ друга тумаками да подзатыльниками. Плюнулъ баринъ и послалъ за Климкою. «Ты укралъ лошадь?» — Я. «Гдѣ-жъ она?» — Продалъ. «А деньги гдѣ?»—Промоталъ да пропилъ. «Ну, чортъ съ тобой!»

(Записана въ орловской губерніи, малоархангельскаго уѣзда.)

c. Жилъ баринъ именитый, у него былъ крестьянинъ Каныга, по прозвищу Лыга: самъ баринъ такъ его прозвалъ за то, что дюже много облыгалъ. Вотъ посылаетъ баринъ: «призовите. говоритъ, ко мнѣ Каныгу-Лыгу.» Лыга пришелъ. «Ну что, Каныга! говоритъ баринъ; сказываютъ, ты дюже фастаешься, что ты хитеръ на разныя эдакія проворныя дѣла. Уведешь ли ты крестьянскихъ лошадей?» — Уведу. «Врешь! Я вотъ пошлю семьдесятъ пять подводъ съ просомъ на мельницу; ежели ты уведешь, такъ дамъ тебѣ, говоритъ, тысячу рублевъ.» — Ладно, баринъ! только дайте задатку. «Изволь!» Вынулъ трехъ-рублевую и отдалъ. Вотъ отправилъ баринъ семьдесятъ пять возовъ съ просомъ на мельницу; мужики поѣхали черезъ боръ. А Лыга-то впередѝ ихъ поспѣлъ, да въ бору поперёгъ дорогнна лежнякъ[1]) бы(у)дто повѣсился. Одинъ мужикъ подхóде: «о, говоритъ, да это Лыга! что ты тутъ дѣлаешь?» Онъ молчитъ. Вотъ тотъ возметъ—хлопнетъ его кнутомъ, другой возметъ — хлопнетъ, онъ все молчитъ, какъ мертвой какой! Поѣхали дальше, а Лыга-то рысью успѣлъ впередъ взять, да на дорогѣ опять и повѣсился. Какъ мужики-то подъѣхали, одинъ и говоритъ: «ба! да это никакъ Лыга?» А другой говоритъ: «нѣтъ, не онъ! Лыга тамъ позади

---

[1]) Лéжень —деревья, павшія въ лѣсахъ сами собою (Опытъ област. велик. словаря, стр. 102).

остался.» — А давай объ закладъ, что онъ. «Давай!» Вотъ ударились объ закладъ; «ну, говорятъ, пойдемъ взадъ — посмотримъ: мы ишша [1]) недалече отъѣхали.» Пошли двое, а за ними и всѣ побѣгли. Лыга, увидавши, что мужиковъ нѣтъ, а подводы тутъ, взялъ-отвязался и погналъ подводы ближнею дорòгою къ себѣ на дворъ. Мужики приходятъ: нѣтъ ни возовъ, ни лошадей. Послали своего старосту доложить барину, что такъ и такъ всѣ подводы пропали. «Эхъ, говоритъ баринъ, вѣрно это Лыга, с..... сынъ, проказитъ! ступай къ нему да возьми все назадъ.» Староста пришелъ къ Лыгѣ: «что у тебя подводы съ просомъ?» — У меня. «Баринъ велѣлъ назадъ взять.» — Пускай-ка напердъ тысячу рублевъ пришлетъ!

(Записана въ воронежской губерніи, сообщена Н. И. Второвымъ.)

7.

ШУТЪ [2]).

Въ одной деревнѣ жилъ шутъ. Какой-то попъ вздумалъ ѣхать къ нему, говоритъ попадьѣ: «ѣхать было къ шуту, не сшутитъ ли каку̀ шутку!» Собрался и поѣхалъ; шутъ пò двору похаживаетъ, за хозяйствомъ присматриваетъ. «Богъ въ помочь, шутъ!» — Добро жаловать, батюшко! куды тебя Богъ понесъ? «Къ тебѣ, свѣтъ; не сшутишь ли шутку мнѣ?» — Изволь, батюшко; только шутку-то я оставилъ у семи шутовъ, дакъ снаряди потеплѣй да дай лошади съѣздить за нею. Попъ далъ ему лошадь, тулупъ и шапку. Шутъ сѣлъ и поѣхалъ. Пріѣхалъ къ попадьѣ и говоритъ: «матушка! попъ купилъ триста пудовъ рыбы; меня вотъ послалъ на своей лошади къ тебѣ за деньгами, триста рублей про-

[1]) Еще. [2]) См. въ этомъ выпускѣ № 8, и выпускъ VI, № 8.

ситъ.» Попадья тотчасъ отсчитала ему триста рублей; шутъ взялъ и поѣхалъ назадъ. Прiѣзжа(е)тъ домой, тулупъ и шапку положилъ въ сани, лошадь въ ограду пустилъ, а самъ спрятался. Попъ пождалъ-пождалъ, не могъ дождаться, собрался и воротился къ попадьѣ. Она спрашива(е)тъ: «а гдѣ рыба-то?» — Какая рыба? «Какъ какая! шутъ прiѣзжалъ за деньгами, сказывалъ, будто ты заторговалъ триста пудовъ рыбы; я ему триста рублей дала.» Узналъ попъ, какову шутку сыгралъ надъ нимъ шутъ!

На другой день собрался и опеть къ шуту. Шутъ зналъ, что попъ прiѣдетъ, переодѣлся женшшиной, взялъ пресницу [1]) и сялъ подъ окошко, сидитъ да прядётъ. Вдругъ попъ: «Богъ въ помочь!» — Добро жаловать! «Дома шутъ?» — Нѣту, батюшко! «Гдѣ же онъ?»—Да вѣдь онъ, батюшко, съ тобой вчерась пошутилъ да послѣ тово и дома не бывалъ. «Экой плутъ! видно назавтрее прiѣзжать.» На третiй день прiѣхалъ; шута все нѣтъ дома. Попъ и дума(е)тъ: «чево-жо я ѣзжу безъ дѣла. Эта дѣвка знать сестра ево; увезу ее домой, пусть зараблива(е)тъ [2]) мои деньги.» Спрашива(е)тъ ее: «ты кто-жо? какъ шуту доводишься?» Она говоритъ: «сестра.» — Шутъ у меня триста рублей денек(г)ъ взялъ, такъ ступай-ко, голубушка, зарабливай ихъ.... «Дакъ што! ѣхать, дакъ ѣхать!» Собралась и поѣхала съ попомъ. Живетъ у нево ужь и долго. У попа были дочери-невѣсты. Вдрук(г)ъ къ нему сватовшики—какой-то богатой купецъ началъ сватать дочь за сына. Поповски дочери что-то купцу не понравились, не поглянулись, онъ и высваталъ стряпку [3]), шутову сестру. Веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Справили все, какъ слѣдуетъ. Ночью молодая говоритъ мужу: «высади меня въ окошко по холсту по-

---

[1]) Прялку (см. Дополн. къ Опыту обл. великор. словаря, стр 109).
[2]) Зарабатываетъ. [3]) Кухарку, работницу.

вѣтриться; а какъ тряхну холстомъ, назадъ тяни.» Мужъ спустилъ ее въ садъ; жонушка привязала вмѣсто себя козлуху, тряхнула—молодой поташшилъ. Приташшилъ въ горницу, смотритъ — козлуха. «Охъ, злые люди испортили у меня жену-то!» закричалъ молодой; всѣ сбѣжались, начали возиться съ козлухой; дрўжки взялись наговаривать, штобы обратить ее въ женшшину, и совсѣмъ доконали-замучили: пропала [1]) козлуха!

Шутъ между тѣмъ пришолъ домой, переодѣлся и поѣхалъ къ попу. Тотъ ево встрѣтилъ: «милости просимъ! милости просимъ!» —угоща(е)тъ. Шутъ сидитъ, ѣс(т)ъ да пьетъ; тѣ-други разговоры, онъ и спрашива(е)тъ: «батюшко, гдѣ-жо моя сестра? не увозилъ ли ты?»— Увёзъ, говоритъ попъ, да и отдалъ въ-замужъ за богатова купца. «А какъ-жо, батюшко, безъ моево спросу отдали ее въ-замужъ? разъ [2]) есь таки законы? вѣдь я просить пойду!» Попъ биться-биться съ нимъ, чтобы не ходилъ въ просьбу. Шутъ выпросилъ съ нево триста рублей; попъ отдалъ. Шутъ взялъ и говоритъ опеть: «ладно, батюшко! теперь своди-ка меня къ сватушку-то; покажи, каково они живутъ.» Попъ не захотѣлъ спорить; собрались и поѣхали. Прїѣзжаютъ къ купцу; тутъ ихъ встрѣтили, начали подчивать. Шутъ сидитъ ужъ и дивно [3]) времени — сестры не видать! и говоритъ онъ: «сватушко, гдѣ-жо моя-то сестра? я давно съ ней не видался.» Тѣ посёмываютъ [4]). Онъ опеть спрашива(е)тъ; они и сказали ему, что злы люди похимостили [5]), испортили ее въ козлуху. «Покажите козлуху!» проситъ шутъ; они говорятъ: «козлуха пропала.»—Нѣтъ, не козлуха пропала, а вы раз(в)ѣ мою сестру убили; какъ сдѣлаться ей козлухой! Пойду просить на васъ. Тѣ ну просить ево: «не

---

[1]) Издохла. [2]) Развѣ. [3]) Много (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 47). [4]) Переминаются, безпокоятся. [5]) Заворожили, заколдовали (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 174).

ходи, пожалуста не ходи просить; чего хочёшь — бери!» —Отдайте триста рублей, не пойду! Деньги отсчитали, шутъ взялъ и ушолъ, сдѣлалъ гдѣ-то гробъ, склалъ въ нево деньги и поѣхалъ.

Вотъ ѣдётъ шутъ, а на встрѣчу ему семь шутовъ; спрашиваютъ: «чево шутъ везёшь?»—Деньги. «А гдѣ взялъ?»—Гдѣ взялъ! Вишь покойника продалъ, и везу теперь полонъ гробъ денек(г)ъ.—Шуты, ничево не говоря, прiѣхали домой, перебили всѣхъ своихъ жонъ, подѣлали гроба, склали на телеги, и везутъ въ городъ; везутъ да кричатъ: «покойниковъ, покойниковъ! кому надо покойниковъ?» Услыхали это козаки, живо подскакали и давай ихъ понужать плетями; драли драли еще съ приговорами: «вотъ вамъ покойники! вотъ вамъ покойники!» и проводили вонъ изъ города. Еле-еле убрались шуты; покойниковъ схоронили, сами и ступай къ шуту отмстить за насмѣшку; тотъ ужь зналъ, впередъ изготовился. Вотъ они прiѣхали, вошли въ избу, поздоровались, сяли на лавку; а у шута въ избѣ была козлуха [1]): она бѣгала, бѣгала, вдрук(г)ъ и выронила семигривенникъ. Шуты увидѣли это, спрашиваютъ: «какъ это козлуха-то семигривенникъ выронила?»—Она у меня завсегда серебро носитъ! Тѣ и приступили: продай да продай! Шутъ упрямится, не продаётъ: самому де надо. Нѣтъ, шуты безотступно торгуютъ. Онъ запросилъ съ нихъ триста рублей. Шуты дали, и увели козлуху; дома-то поставили ее въ горницѣ, на полъ ковровъ наслали, дожидаются утра, думаютъ: «вотъ када денек(г)ъ-то наноситъ!» а вмѣсто тово она только ковры изгадила.

Шуты опеть поѣхали мстить тому шуту. Тотъ уже зналъ, что они будутъ; говоритъ своей женѣ: «хозейка! смотри, я тебѣ привяжу подъ пазуху пузырь съ кровью; какъ придутъ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ варiантахъ вмѣсто козы выведена лошадь.

шуты бить меня, я втѣпоры стану просить у тебя обѣдать; разъ скажу — ты не слушай, другой скажу — не слушай, и въ третій — тожо не слушай. Я ухвачю(у) ножъ и ткну въ пузырь, кровь побѣжитъ — ты и пади, будто умерла. Тутъ я возьму плётку, стегну тебя разъ — ты пошевелись, въ другой — ты поворотись, а въ третій — (в)скочи да на столъ собирай.» Вотъ пріѣхали шуты: «ну, братъ! ты насъ давно обманываешь, теперича мы тебя убьёмъ.» — Дакъ што! убьете, такъ убьете; дайте хоть въ послѣдній разъ пообѣдать. Эй, хозейка! давай обѣдать. Та ни съ мѣста; онъ вдругорядь приказыва(е)тъ — она ни съ мѣста; въ третій разъ говоритъ — тожо самое. Шутъ схватилъ ножикъ, хлопъ ее въ бокъ — кровь полилась ручьями, баба пала, шуты испугались: «што ты надѣлалъ, собака? и насъ упекёшь тутъ-жо!» — Молчите, робята! у меня есть плётка; я ее вылѣчю(у). Сбѣгалъ за плёткой, стегнулъ разъ — хозейка пошевелилась, въ другой — поворотилась, въ третій — скочила и давай на столъ собирать. Шуты говорятъ: «продай плётку!» — Купите. «Много ли возьмёшь?» — Триста рублей. Шуты отсчитали деньги, взяли плётку, ступай съ ней въ городъ; видятъ — везутъ богатова покойника, они крычатъ: стой! Остановились. «Мы оживимъ покойника!» Разъ стегнули плёткой — покойникъ не шевелится, въ другой разъ — тожо, въ третій, четвертой, пятой — покойникъ все не шевелится. Тутъ ихъ, сердешныхъ, забрали и давай самихъ драть; плетями стегаютъ да приговариваютъ: «вотъ вамъ, лѣкаря! вотъ вамъ, лѣкаря!» до полусмерти настегали, отпустили. Они каё-какъ доплелись до двора, поправились и говорятъ сами съ собой: «ну, робята, не докуль шуту надъ нами смѣяться; пойдемте, убьёмъ его! чево на нево смотрѣть-то?»

Тотчасъ собрались и поѣхали; застали шута дома, схватили и потащили на рѣку топить. Онъ просится: «дайте хоть съ

женой да съ роднёй проститься, приведите ихъ сюда!» Ну согласились, пошли всѣ за роднёй; а шута завязали въ куль и оставили у пролуби. Только ушли, вдрук(г)ъ ѣдётъ солдатъ на парѣ каурыхъ, а шутъ што-то и скашлялъ. Солдатъ остановился, соскочилъ съ саней, развязалъ куль и спрашива(е)тъ: «а, шутъ! пошто залѣзъ тутъ?» — «Да вотъ высватали за меня убѣгомъ таку-то (называетъ ее по имени), северодни и украли; а отецъ и хватился, давай искáть. Намъ некуда дѣваться; вотъ мы спрятались въ кули, насъ завязали да и разташшили по разнымъ мѣстамъ, штобъ не узнали.» Солдатъ былъ вдòвой, говоритъ: «пусти, братъ, меня въ куль-отъ.» Шутъ упрямится, не пуска(е)тъ. Солдатъ уговаривать, и уговорилъ ево. Шутъ вышолъ, завязалъ солдата въ куль; сѣлъ на лошадей и уѣхалъ. Солдатъ сидѣлъ-сидѣлъ въ кулю, и уснулъ. Семь шутовъ воротились одни, безъ родни, схватили куль и бросили въ воду; пошолъ куль ко дну — буры да коуры! Сами побѣжали домой; только прибѣжали, разся(ѣ)лись по мѣстамъ, а шутъ и катитъ мимо оконъ на парѣ лошадей—ухъ! «Стой!» закрычали семеро шутовъ. Онъ остановился. «Какъ ты изъ воды выбился?» — Эхъ, вы дураки! раз(в)ѣ не слышали: какъ пошолъ я ко дну, то сказывалъ: буры да коуры? это я коней имàлъ. Тамъ ихъ много, да какіе славные! Это што еще! я дрянь взялъ — спереди, а тамъ дальше вороные — вотъ такъ лошади! Шуты повѣрили: «спускай, братъ, насъ въ воду; пойдемъ и мы коней выбирать.» — Извольте! Всѣхъ извязалъ въ кули и давай спускать по одному; испускалъ всѣхъ въ воду, махнулъ рукой и сказалъ: «ну, выѣзжайте-жо теперь на вороныхъ!»[1])

(Записана въ пермской губерніи г. А. Зыряновымъ.)

---

[1]) *Варіантъ:* Шутъ обманываетъ своихъ братьевъ; наконецъ они рѣшаются утопить его, завязали въ куль, принесли къ рѣкѣ, а сами пошли за топорами, чтобъ было чѣмъ прорубь вырубить. Шутъ лежалъ-лежалъ, и да-

8.

ѲОМКА-ШУТЪ.

Жилъ-былъ Ѳомка-шутъ, умѣлъ шутить шутки хитрыя. Разъ идетъ Ѳомка дорогою; повстрѣчался ему попъ: «здравствуй, Ѳомка!» — Здравствуй, батюшка! «Пошути мнѣ!» [1]) — Ахъ, батюшка! радъ бы, да шутки дома забылъ. «Сбѣгай пожалуста!» — Далеко бѣжать-то! «Возьми, свѣтъ, мою лошадь.» — Давай, батюшка! Сѣлъ и поѣхалъ къ попадьѣ: «матушка! подавай семьсотъ рублей; батюшка купилъ семь сёлъ, семь деревень; меня послалъ за деньгами, вотъ свою лошадь далъ.» Попадья дала ему семьсотъ рублей; Ѳомка-шутъ взялъ деньги и поѣхалъ на болото; утопилъ лошадь въ болотѣ, отрѣзалъ у ней хвостъ и воткнулъ въ тину. Приходитъ къ попу: «ну, батюшка! вѣрно ты свою кобылу недѣли двѣ не поилъ?» — А что? «Да то — какъ поѣхалъ я мимо воды, кинулась она со всѣхъ ногъ въ болото да тамъ и завязла!» — Что дѣлать! пойдемъ вытаскивать. Пришли къ болоту — одинъ хвостъ торчитъ. «Лѣзь, батюшка, въ воду!» — Полѣзай лучше ты, Ѳомка! Ѳомка полѣзъ. Вотъ шутъ ухватился за одинъ конецъ хвоста, а попъ за другой; тянутъ въ разныя стороны [2]). Вотъ тянули-тянули, Ѳомка взялъ да и выпустилъ хвостъ изъ рукъ — попъ такъ и ударился оземь. «Нѣтъ, го-

---

вай кричать: «посудите, люди добрые! ни читать, ни писать не умѣю, а меня въ головы сажаютъ.» Ѣдетъ богатой мужикъ на тройкѣ: «я, говоритъ, и читать, и писать умѣю; пусти меня въ куль.» Выпустилъ шута, и залѣзъ въ куль. Пришли братья, сдѣлали прорубь и потащили его въ воду. Мужикъ ну кричать: «я хочу! я хочу!» — Ну, коли хочешь, не о чемъ и спорить! намъ того и надобно. Взяли и сунули его въ прорубь....

[1]) *Вар.* «Хоть ты и мудеръ и хитеръ, а попадья хитрѣе тебя! Попробуй-ка, пошути надъ ней!» [2]) Въ другомъ варіантѣ попъ раздѣвается и лѣзетъ въ воду, а Ѳомка-шутъ уноситъ тѣмъ временемъ его одёжу.

ворить Ѳомка; видно совсѣмъ пропала лошадь! теперь ужъ не вытащишь — хвостъ оборвали!» Попъ потужилъ, потужилъ, и пошелъ домой. Попадья встрѣчаетъ: «что, батька, купилъ семь сёлъ, семь деревень?» — Какихъ, свѣтъ! «Какъ-же, Ѳомка-шутъ отъ тебя пріѣзжалъ, да семьсотъ рублей денегъ взялъ!» — Ахъ, онъ воръ эдакой! Неча сказать: славную сшутилъ шутку! А Ѳомка себѣ на умѣ, поѣхалъ въ городъ протирать глаза чужимъ денежкамъ: у попа де въ сундукѣ онѣ заржавѣли!

У Ѳомки-шута было два брата. Разъ какъ-то затопилъ онъ печку, поставилъ на огонь котёлъ съ водою, и сѣлъ подъ окномъ: глядь — идутъ ѣдаль братья. Ѳомка сейчасъ вытащилъ котёлъ изъ печи, поставилъ на улицу въ снѣгъ и покрылъ сковородой. Братья подошли и услыхали — что-то въ котлѣ шумитъ. Стали спрашивать: «шутъ, что у тебя въ котлѣ-то шумитъ?» — Вода на снѣгу кипитъ! Если въ котёлъ муки положить, такъ можно и кисель сварить; не надо и дровъ! «Подари намъ этотъ котелокъ.» — Не могу, братцы! я только имъ и живу. «Ну, продай! что возьмешь?» — Да менѣ ста рублей не возьму. «На, бери!» Заплатили братья сто рублей, взяли котелокъ и принесли домой; «эй, жена! говоритъ одинъ, давай кисель варить.» — Дровъ нѣту! отвѣчаетъ ему баба. «Да намъ дровъ и не надо; подавай муки.» Баба принесла муки; мужики налили въ котёлъ воды, насыпали туда муки, накрыли сковородой и поставили въ снѣгъ. Прошло съ часъ времени: «ну-ка, бабьё, не готовъ ли нашъ кисель?» Посмотрѣли, а вода совсѣмъ замерзла; стали ножемъ рѣзать — ножъ не беретъ, стали топоромъ рубить — и разбили котёлъ въ дребезги. Осердились братья и пошли Ѳомку бить.

Ѳомка-шутъ зналъ, что братья не спустятъ ему, и загодя придумалъ новую шутку: убилъ барана, нацѣдилъ крови и налилъ въ пузырь, а тотъ пузырь привязалъ своей бабѣ подъ

мышку. Только братья въ избу, онъ и закричалъ: «Таня, дѣлай яишницу, да проворнѣе!» Таня и съ мѣста не встаетъ. Ѳомка за ножъ, какъ ударитъ ее подъ мышку — кровь такъ и полилась, Таня упала — захрапѣла, словно душа изъ тѣла выходитъ. «Что, али умирать вздумала!» говоритъ Ѳомка, снялъ съ гвоздя плётку и давай стегать да причитывать: «плётка-живилка, оживи мою женушку!» Она тотчасъ вскочила и принялась готовить яишницу. «Ѳомка! говорятъ братья, продай плётку-живилку.» — Купите! Торговаться-торговаться, купили плётку и пошли надъ своими бабами куражиться...[1])

9.

БАТРАКЪ.[2])

Жилъ-былъ мужикъ; у него было три сына. Пошелъ старшій сынъ въ батраки наниматься; пришелъ въ городъ и нанялся къ купцу, а тотъ купецъ куда былъ скупъ и суровъ!

---

[1]) Окончаніе то-же, что въ сказкѣ: «Ерёма-дуракъ» (вып. VI).

[2]) См. вып. VI, №№ 10, 11.

Варіантъ: Понадобился разъ одному попу батракъ, онъ и пошелъ на торгъ. Видитъ—стоитъ мужичокъ, попъ ему и говоритъ: «не знаешь ли, свѣтъ, кого-бъ мнѣ нанять въ батраки себѣ?» — Да ежели хочешь, батюшка, то найми меня. «Изволь, а что возьмешь?» — Недорого: я проживу у тебя годъ да тебѣ же дамъ три щелканца въ лобъ. Попъ тому и радъ: три щелканца не велика важность! Вотъ идутъ они вмѣстѣ; хочется попу посмотрѣть, каковы батраковы щелканцы? Глядь — человѣкъ десять держутъ быка, да никакъ не удержутъ; попъ и говоритъ батраку: «поди, помоги имъ унять быка.» Тотъ сказалъ: «изволь!» Пошелъ къ быку, да какъ дастъ ему одинъ щелканецъ — быкъ тутъ-же и упалъ: до смерти убилъ! Приходитъ попъ домой и говоритъ попадьѣ про свое горе. Попадья-то была баба хитрая и выдумала штуку — убѣжать изъ дому. Штука-то славная, да батракъ-то все слышалъ! Вотъ попъ и сбирается: поклалъ въ мѣшокъ свои книги и пошелъ посмотрѣть на свой дворъ; а батракъ тѣмъ временемъ книги всѣ повыбросалъ и засѣлъ въ мѣшокъ. Какъ только стемнѣло, попъ кликнулъ по-

только одну рѣчь и держалъ: какъ запоетъ пѣтухъ, такъ и вставай батракъ, да принимайся за работу. Трудно, тяжело показалось парню, прожилъ онъ съ недѣлю и воротился домой. Пошелъ средній сынъ, прожилъ у купца съ недѣлю, не выдержалъ и взялъ расчетъ. «Батюшка! говоритъ меньшой сынъ, позволь я пойду въ батраки къ купцу.» — Куда тебѣ дураку! зналъ бы сидѣлъ на печи! Получче тебя ходили, да ни съ чѣмъ ворочались. «Ну, какъ хочешь, а я пойду!» Сказалъ и пошелъ къ купцу: здравствуй, купецъ! «Здравствуй, молодецъ! Что хорошаго скажешь?» — Найми меня въ батраки. «Изволь, только у меня, братъ, какъ пѣтухъ запоетъ — такъ и ступай на работу, на весь день.» — Знамое дѣло, нанялся, что продался! «А что возьмешь?» — Да что съ тебя взять? годъ проживу — тебѣ щелчокъ, да купчихѣ щипокъ; больше ничего не надо. «Ладно, молодецъ!» отвѣчаетъ хозяинъ, а самъ думаетъ: «экая благодать! вотъ когда дешево нанялъ, такъ дешево!» Ввечеру батракъ изловчился, поймалъ пѣтуха, завернулъ ему голову подъ крыло и завалился спать. Ужь полночь давно прошла, дѣло къ утру идетъ — пора бы батрака будить, да пѣтухъ не поетъ! Поднялось солнышко на небо — батракъ и самъ проснулся. «Ну, хозяинъ! давай завтракать, время работать идти.» Позавтракалъ и проработалъ день до вечера; въ сумерки опять изловилъ пѣтуха, завернулъ

падью, схватилъ мѣшокъ и давай бѣжать. Сы-первыхъ-то поровъ попъ и самъ шибко бѣжалъ, а какъ сталъ пріумариваться, батракъ зачалъ его подгонять, кричитъ себѣ изъ мѣшка: догоню, догоню! Попъ услышитъ — сейчасъ рыси прибавитъ. А коли опять шажкомъ пойдетъ, батракъ подгонитъ. Ну, да сколько не бѣжать, а надо и умориться! Говоритъ попъ попадьѣ: «остановимся, матушка! нѣтъ силы бѣжать больше!» — Остановимся, батька! Попъ остановился да кинулъ мѣшокъ на землю, а изъ мѣшка лѣзетъ батракъ и говоритъ ему: «того уговору не было, чтобъ меня одного покидать!»... (Записано П. И. Якушкинымъ въ орловской губерніи, малоархангельскомъ уѣздѣ.)

ему голову за крыло, и завалился спать до утра. На третью ночь опять тоже. Дался диву купецъ, что за притча такая съ пѣтухомъ: совсѣмъ пересталъ горло драть! «Пойду-ка я, думаетъ, на деревню, поищу иного пѣтуха.» Пошелъ купецъ пѣтуха искать, и батрака съ собою взялъ. Вотъ идутъ они дорогою, а на встрѣчу имъ четверо мужиковъ быка ведутъ, да и быкъ же — большой да злющій! еле-еле на веревкахъ удержатъ! «Куда, братцы?» спрашиваетъ батракъ. — Да быка на бойню ведемъ. «Эхъ, вы! четверо быка ведете; а тутъ и одному дѣлать нечего!» Подошелъ къ быку, далъ ему въ лобъ щелчокъ — и убилъ до смерти; опосля ухватилъ щипкомъ за шкуру—вся шкура долой! Купецъ какъ увидѣлъ: каковы у батрака щелчки да щипки, больно пригорюнился; совсѣмъ забылъ о пѣтухѣ, вернулся домой и сталъ съ купчихой совѣтъ держать, какъ имъ бѣду-горе отбывать? «А вотъ что, говоритъ купчиха, пошлемъ-ка мы батрака поздно вечеромъ въ лѣсъ, скажемъ— что корова со стада не пришла; пускай его лютые звѣри съѣдатъ!» — Ладно! Дождались вечера, поужинали; вышла купчиха на дворъ, постояла у крылечка, входитъ въ избу и говоритъ батраку: «что-жъ ты коровъ въ сарай не загналъ? вѣдь одной-то нѣту!» — Да кажись онѣ всѣ были... «То-то всѣ! Ступай скорѣй въ лѣсъ да поищи хорошенько.» Батракъ одѣлся, взялъ дубинку и побрелъ въ дремучій лѣсъ; сколько ни ходилъ по лѣсу — не видать ни одной коровы; сталъ присматриваться да приглядываться — лежитъ медвѣдь въ берлогѣ, а батракъ думаетъ — то корова. «Эхма! куда затесалась, проклятая! а я тебя всю ночь ищу.» И давай осаживать медвѣдя дубинкою; звѣрь бросился на утёкъ, а батракъ ухватилъ его за шею и приволокъ домой, пустилъ въ сарай и заперъ вмѣстѣ съ коровами. Медвѣдь сейчасъ принялся коровъ душить да ломать; за ночь всѣхъ до одной такъ и порѣшилъ. На утро говоритъ батракъ купцу съ купчихою: «вѣдь корову-то я нашелъ.»

— Пойдемъ, жена! посмотримъ, какую корову нашелъ онъ въ лѣсу? Пошли въ сарай, отворили двери, глядь — коровы задушены, а въ углу медвѣдь сидитъ. «Что ты, дуракъ, надѣлалъ? зачѣмъ медвѣдя въ сарай притащилъ? онъ всѣхъ коровъ у насъ порѣшилъ!»—Постой-же, говоритъ батракъ, не миновать ему за то смерти! Кинулся въ сарай, далъ медвѣдю щелчокъ — изъ него и духъ вонъ! «Плохо дѣло, думаетъ купецъ; лютые звѣри ему не почемъ. Развѣ одинъ чортъ съ нимъ сладитъ! Поѣзжай, говоритъ батраку, на чортову мельницу да сослужи мнѣ службу великую: собери съ нечистыхъ деньги; въ долгъ у меня забрали, а отдавать не отдаютъ!» — Изволь, отвѣчаетъ батракъ; для чего не сослужить такой бездѣлицы? Запрегъ лошадь въ телегу и поѣхалъ на чортову мельницу; пріѣхалъ, сѣлъ на плотинѣ и сталъ веревку вить. Вдругъ выпрыгнулъ изъ воды бѣсъ: «батракъ! что ты дѣлаешь?» — Чай, самъ видишь: веревку вью. «На что тебѣ веревка?»—Хочу васъ, чертей, таскать, да на солнышкѣ сушить; а то вы, окаянные, совсѣмъ перемокли! «Что ты, что ты, батракъ! мы тебѣ ничего худаго не сдѣлали.» —А зачѣмъ моему хозяину долговъ не платите? занимать небось умѣли! «Постой немножко, я пойду — спрошу старшòва» сказалъ чортъ и вырнулъ въ воду. Батракъ сейчасъ за лопату, вырылъ глубокую яму, прикрылъ ее сверху хворостомъ, по середкѣ свой шлыкъ уставилъ, а въ шлыкѣ-то загодя дыру прорѣзалъ. Чортъ выскочилъ и говоритъ батраку: «старшòй спрашиваетъ: какъ-же будешь ты чертей таскать? вѣдь наши омуты бездонные.» — Великая важность! у меня на то есть веревка такая: сколько хочешь мѣряй, все конца не доберешься. «Ну-ка, покажи!» Батракъ связалъ оба конца своей веревки и подалъ чорту; ужъ тотъ мѣрилъ-мѣрилъ, мѣрилъ-мѣрилъ, все конца нѣту! «А много-ль долговъ платить?» —Да вотъ насыпь этотъ шлыкъ серебромъ, какъ разъ будетъ.

Чортъ нырнулъ въ воду, разсказалъ про все старшому; жаль стало старому съ деньгами разставаться, а дѣлать нечего, пришло раскошеливаться. Насыпалъ батракъ полонъ возъ серебра и привезъ къ купцу. «Вотъ она бѣда-то! и чортъ его не беретъ!» Сталъ купецъ съ купчихой уговариваться бѣжать изъ дому; купчиха напекла пироговъ да хлѣбовъ, наклала два мѣшка и легла отдохнуть, чтобъ къ ночи съ силами собраться да отъ батрака уйти. А батракъ вывалилъ изъ мѣшковъ пироги и хлѣбы, да замѣсто того въ одинъ положилъ жернова, а въ другой самъ залѣзъ: сидитъ-не ворохнется и духъ притаилъ! Ночью разбудилъ купецъ купчиху, взвалили себѣ по мѣшку на плеча и побѣжали со двора. А батракъ изъ мѣшка подаетъ голосъ: «эй, хозяинъ съ хозяйкою! погодите, меня съ собой возьмите.»—Узналъ, проклятой! гонитъ за нами! говорятъ купецъ съ купчихою и побѣжали еще шибче; во какъ уморились! Увидалъ купецъ озеро, остановился, сбросилъ мѣшокъ съ плечь: «отдохнемъ, говоритъ, хоть немножко!» А батракъ отзывается: «тише бросай, хозяинъ! всѣ бока переломаешь.» — Ахъ, батракъ, да ты здѣсь! «Здѣсь!» [1]) Ну, хорошо; рѣшились заночевать на берегу, и легли всѣ радышкомъ. «Смотри, жена! говоритъ купецъ; какъ только заснетъ батракъ, мы его бросимъ въ воду.» Батракъ не спитъ, ворочается, съ боку на бокъ переваливается. Купецъ да купчиха ждали-ждали и уснули; батракъ тотчасъ снялъ съ себя тулупъ да шапку, надѣлъ на купчиху, а самъ нарядился въ ея шубейку, и будитъ хозяина: «вставай, бросимъ батрака въ озеро!» Купецъ всталъ;

---

[1]) *Вар.* А батракъ сидитъ въ мѣшкѣ да свищетъ; «побѣжимъ живѣй, батракъ гонитъ!» Бѣжали-бѣжали. Батракъ замолкъ. «Ну, жена! говоритъ купецъ, давай-ка пирожкомъ закусимъ.» Снялъ съ плечь мѣшокъ, распуталъ веревку; тутъ батракъ высунулъ голову: «здорово, хозяинъ съ хозяйкою! чтожъ это вы изъ дому побѣжали, а со мной не расчитались?» Далъ купчихѣ щипокъ да купцу щелчокъ—поминай, какъ звали!

подхватили они вдвоемъ сонную купчиху и кинули въ воду. «Что ты, хозяинъ, сдѣлалъ? закричалъ батракъ; за что утопилъ купчиху?» Дѣлать нечего купцу, воротился домой съ батракомъ; а батракъ прослужилъ у него цѣлый годъ, да далъ ему щелчокъ въ лобъ — только и жилъ купецъ! Батракъ взялъ себѣ его имѣніе и сталъ себѣ жить-поживать, добра припасать, лиха избывать.

10.

ДУРАЧОКЪ [1]).

При матери было три сына: два умныхъ, третій дуракъ. Умные занимались работою, ловили звѣрей капканами да путами. Разъ привезли они многое множество звѣрей. Дуракъ слѣзъ съ печи и закричалъ: «братцы! вѣдь и я лису поймалъ!» —Гдѣ-жъ она? «А вонъ въ хлѣву.» Они пошли, поглядѣли— сидитъ въ капканѣ мертвая старуха. Братья ругали его-ругали, ну да что? вѣдь съ дурака взятки гладки! Немного погодя, задумалъ старшой братъ жениться. Умные-то всегда дѣломъ заняты, а дуракъ на печи лежитъ; вотъ и послали его на базаръ въ сосѣднюю деревню — искупить все нужное для свадьбы. Дуракъ купилъ соли, говядины и горшковъ пять либо шесть. Идетъ домой, глядь — собака на озерѣ воду лакаетъ. «У! родная моя, закричалъ дуракъ, зачѣмъ бёзъ соли пьешь?» Взялъ да и высыпалъ всю соль въ воду. Идетъ дальше; ворòны увидали говядину, такъ и вьются надъ нимъ да кричатъ: карръ! карръ! Дураку показалось, что онѣ величаютъ его Карпомъ, взялъ да говядину и раскидалъ: «кушайте, родимыя!» Идетъ да идетъ; по дорогѣ верстовые столбы стоятъ. «Экъ, мои братцы безъ шапокъ стоятъ!» сказалъ дуракъ и

---

[1]) См. выпускъ VI, № 9.

понадѣвалъ на нихъ горшки. Воротился къ братьямъ и разсказалъ все, что сдѣлалъ; братья обругали его, какъ надо, и велѣли сидѣть дома: «ты де, дуракъ, никуда не годишься!» Вотъ повезли жениха съ невѣстою къ вѣнцу; остался дуракъ одинъ во всемъ домѣ; заперъ дверь, выпустилъ цѣлую бочку квасу, сѣлъ въ лотокъ, въ руки взялъ веселку, и плаваетъ по избѣ да приговариваетъ: «ѣду-ѣду, до берега не доѣду..» Пріѣхали молодые изъ церкви, стучатся въ дверь: «отвори, дуракъ!» А онъ въ отвѣтъ: «постойте, дайте до берега доѣхать!» Нечего дѣлать, пришлось ломать дверь; разломали—какъ хлынетъ оттуда квасъ, такъ молодыхъ съ ногъ и сбилъ!...

(Записана въ астраханской губерніи, черноярскомъ уѣздѣ.)

11

СКАЗКА ПРО ѲОМУ БЕРЕННИКОВА [1]).

Жила-была старуха, у неё былъ кривой сынъ Ѳома Беренниковъ. Вотъ поѣхалъ Ѳома пахать; лошаденка худенькая, взяло его горе, сѣлъ на завалинку... мухи около навоза такъ и жужжатъ. Схватилъ онъ хворостину, да какъ хлыснетъ по кучѣ; сталъ считать: сколько побилъ? насчиталъ пятьсотъ, да еще много безъ счету осталось. Рѣшилъ Ѳома, что имъ и смѣты нѣтъ! Приходитъ къ своему коню, на немъ сидитъ двѣнадцать оводовъ; онъ всѣхъ и побилъ. Воротился Ѳома Беренниковъ къ матери и проситъ у ней благословенья великаго: «побилъ дескать мелкой силы — счету нѣтъ, да двѣнадцать могучихъ богатырей; пусти меня матушка на подвиги великіе, а землю пахать — не мое дѣло богатырское, то дѣло мужицкое!» Благословила его матушка на подвиги великіе, на

1) См. выпускъ II, № 6, и вып. VI, № 13.

поприща богатырскія. Беретъ онъ за плечи тупой серпъ, за поясъ лычной кошель; а въ тотъ кошель кладетъ тупой косарь. Вотъ ѣдетъ Ѳома путемъ-дорогою, стороною незнакомою, и наѣхалъ на столбъ; пишетъ онъ на томъ столбѣ—не было у него въ карманѣ ни злата, ни сѐребра, а случился въ карманѣ мѣлъ — вотъ и пишетъ онъ мѣломъ: «проѣхалъ здѣсь богатырь Ѳома Беренниковъ, который сразу побиваетъ двѣнадцать могучихъ богатырей, да опричь того силу несмѣтную.» Написалъ и поѣхалъ дальше. Ѣдетъ той-же дорогою Илья-Муромецъ, подъѣзжаетъ къ столбу, видитъ — надпись, и говоритъ: «видна попрыска богатырская: не тратитъ ни злата, ни сѐребра, одинъ мѣлъ!» Написалъ онъ сѐребромъ: «въ слѣдъ за Ѳомою Беренниковымъ проѣхалъ богатырь Илья-Муромецъ.» Наѣзжаетъ онъ Ѳому Беренникова и говоритъ (устрашился, знать, тоё надписи мѣляныя): «могучій богатырь Ѳома Беренниковъ! гдѣ ѣхать: спереди или сзади?» — Ступай сзади! отвѣчаетъ Ѳома.

Вотъ ѣдетъ той-же дорогою Алёша Поповичъ-младъ; наѣзжаетъ онъ на тотъ столбъ, издалеча видитъ на томъ столбѣ надпись — какъ жаръ горитъ! Прочиталъ надписи Ѳома Беренникова да Ильи-Муромца, вынимаетъ изъ кармана чисто золото и пишетъ: «за Ильею-Муромцемъ проѣхалъ Алёша Поповичъ-младъ.» Наѣзжаетъ онъ Илью-Муромца: «ты скажи, скажи, Илья-Муромецъ! впереди ѣхать, или сзади мнѣ?»—Не меня вспроси, а мово [1]) брата старшаго Ѳому Беренникова. Подъѣхалъ Алёша Поповичъ-младъ къ Ѳомкѣ Беренникову: «удалой боецъ Ѳома Беренниковъ! гдѣ укажешь ѣхать Алёшѣ Поповичу?»—Ступай сзади!

Вотъ ѣдутъ они путемъ-дорогою, стороною незнакомою; пріѣзжаютъ они въ зелены сады. Илья-Муромецъ и Алёша

[1]) Моего.

И женился Ѳома Беренниковъ на прекрасной царевнѣ. Видно не однимъ богатырямъ бываетъ удача! кто накричитъ о себѣ больше, тому и лучше.

(Записана П. И. Якушкинымъ въ калужской губерніи, лихвинскомъ уѣздѣ.)

12.

МѢНА [1])

Бувъ соби дидъ да баба; у нихъ не було николи дѣтей. Пишла баба пò воду; колы дывитця — горошина катитця по дорози; баба взяла-вкынула у видро, прышла до дому, выливае воду да-й каже своему диду: «я нашла на дорози горошину.» Дидъ каже: «дай мини, старà! я еји посажу.» Дидъ узявъ да-й посадывъ подъ поломъ. Вона росте не по днямъ, а по часамъ, и не по часамъ, а по минутамъ; отъ выросла вона до неба, и вродылись на ей стрючки такъ рясно, що нихто и не згадае. Отъ дидъ стереже тыхъ стрючкивъ, да такъ, що по цилымъ ночамъ не спитъ да стереже. Въ середу въ вечери дидъ заснувъ; колы встае вранци — нема стрючкивъ. Винъ каже: «пиду до Бога, на що винъ мои стрючки забравъ?» Да-й пришовъ до Бога и каже: «на що ты мои стрючки забравъ?» Богъ ему каже: «колы я твои стрючки забравъ, такъ нà тоби за твои стрючки золоты постольци, серебраны волока.» [2]) Дидъ узявъ, подяковавъ да-й пишовъ; иде — колы пастухъ пасе кòни. Отъ воны поздраствовались; пастухъ его питае: «дѣ, диду, бувъ?» Винъ каже: «у Бога.» — Що тоби Богъ давъ? «Золоты постольци, серебраны волока.» — Дай мини ихъ, я тоби дамъ самого лучшего кòня. Винъ узявъ коня, по-

---

[1]) См. выпускъ II, № 10 и вып. VI, № 14. [2]) Постолы — обувь, лапти: волòка — завязка у обуви (Малорос. словарь Чужбинскаго, стр. 32).

дяковавъ да-й пишовъ; иде да иде — колы чередникъ [1]) пасе скотъ. Отъ воны поздраствовались. Чередникъ его питае: «дѣ ты, диду, бувъ?» — У Бога, каже. «Що тоби Богъ давъ?» — Золоты постольци, серебраны волока. «Дѣ-жъ воны?» — Проминявъ за коня. «Проминяй мини коня за вола.» Винъ узявъ вола, подяковавъ да-й пишовъ; иде да иде — колы пастухъ пасе овечки. Отъ воны поздраствовались. «Дѣ ты, диду, бувъ?» питае пастухъ. — У Бога. «Що тоби Богъ давъ?» — Золоты постольци, серебраны волока. «Дѣ-жъ воны?» — Проминявъ за коня. «Дѣ-жъ той кинь?» — Проминявъ за вола. «Проминяй мини вола за самого лучшего барана.» Винъ проминявъ, узявъ барана и пишовъ; иде да иде — колы свинарь пасе свини. Отъ поздраствовались. Той свинарь его питае: «дѣ ты, диду, бувъ?» — У Бога. «Що тоби Богъ давъ?» — Золоты постольци, серебраны волока. «Дѣ-жъ воны?» — Проминявъ за коня. «Дѣ-жъ той кинь?» — Проминявъ за вола. «Дѣ-жъ той вилъ?» — Проминявъ за барана. «Проминяй мини барана за самого лучшего кабана.» Винъ проминявъ, подяковавъ да-й пишовъ; иде да иде... Прійшовъ у городъ, дывитця — колы на базари человикъ продае шыла. Отъ воны поздраствовались. Той человикъ его питае: «дѣ ты, диду, бувъ?» Винъ каже: «у Бога.» — Що тоби Богъ давъ? «Золоты постольци, серебраны волока.» — Дѣ-жъ воны? «Проминявъ за коня.» — Дѣ-жъ той кинь? «Проминявъ за вола.» — Дѣ-жъ той вилъ? «Проминявъ за барана.» — Дѣ-жъ той баранъ? «Проминявъ за кабана.» — Проминяй мини кабана за шыло. Винъ узявъ шыло, подяковавъ да-й пишовъ; иде да иде — колы коробейникъ на устричу. Отъ воны поздраствовались. Той его питае: «дѣ ты, диду, бувъ?» — У Бога. «Що тоби Богъ давъ?» — Золоты постольци, серебраны волока. «Дѣ-жъ воны?»

---

[1]) Пастухъ (Опытъ обл. великр. словаря. стр. 256).

—Проминявъ за коня. «Дѣ-жъ той кинь?»—Проминявъ за вола. «Дѣ-жъ той вилъ?» — Проминявъ за барана. «Дѣ-жъ той баранъ?» — Проминявъ за кабана. «Дѣ-жъ той кабанъ?» —Проминявъ за шыло. «Проминяй мини шыло за иголку.» Дидъ проминявъ и пишовъ до дому; ставъ пирылазить черезъ тынъ, да-й загубывъ иголку. Баба выбижала изъ хаты: «я безъ тебе трохи не пропала! дѣ ты, мій дидусю, бувъ?» — У Бога. «Що тоби, старенькій, Богъ давъ?»—Давъ мини золоты постольци, серебраны волока. «А дѣ-жъ воны?» — Проминявъ за коня. «А дѣ-жъ, дидусю, конықъ?» — Проминявъ за волыка. «А дѣ-жъ, дыдусю, волыкъ?» — Проминявъ за барана. «А дѣ-жъ, дидусю, баранъ?» — Проминявъ за кабана. «А дѣ-жъ, дидусю, кабанъ?» — Проминявъ за шыло. «А дѣ-жъ, дидусю, шыло?» — Проминявъ за иголку; тоби, старенька, хотивъ гостынця принысты, да ставъ лизты черезъ тынъ да-й загубывъ. «Я рада, що ты самъ пришовъ!» Обнялись, поцѣловались и пишлы въ хату.

(Сообщена М. А. Максимовичемъ.)

13.

ПРАВДА И КРИВДА [1]

а. Жили два купца: одинъ кривдой, другой правдой; такъ всё и звали ихъ: одного Кривдою, а другаго Правдою.

«Послушай, Правда! сказалъ разъ Кривда; вѣдь кривдою жить на свѣтѣ лучше?...»

—Нѣтъ!

«Давай спорить?»

— Давай.

---

[1]) См. вып. I. № 10 и вып. VI, № 15.

«Ну, слушай: у тебя три корабля, у меня два; если на трехъ встрѣчахъ намъ скажутъ, что жить правдою лучше, то всѣ корабли твои, а если кривдою, то мои!»

— Хорошо!...

Плыли они много-ль, мало-ль, сколь не далече путь свой продолжали — встрѣтился имъ купецъ.

— Послушай, господинъ купецъ, чѣмъ на свѣтѣ жить лучше: кривдою или правдою?

«Жилъ я правдою, да плохо; а теперь живу кривдою, кривда лучше.»

Плывутъ они дальше много-ль, мало-ль, и встрѣчается имъ мужичекъ.

— Послушай, добрый человѣкъ, чѣмъ на свѣтѣ лучше жить: кривдою или правдою?

«Извѣстное дѣло—кривдою; а правдою куска хлѣба не наживешь!»

На третьей встрѣчѣ имъ сказали тоже самое. Отдалъ Правда три корабля Кривдѣ, вышелъ на берегъ и пошелъ тропинкою въ темный лѣсъ. Пришелъ онъ въ избушку, да и лёгъ подъ печку спать. Ночью поднялся страшный шумъ, и вотъ кто-то говоритъ:

«А ну-тка, похвалитесь: кто изъ васъ нынче гуще кашу заварилъ?»

— Я поссорилъ Кривду съ Правдою!

— Я сдѣлалъ, что двоюродный братъ женится на сестрѣ!

— Я разорилъ мельницу, и до тѣхъ поръ буду ее разорять, пока ни забьютъ крестъ накрестъ палей. [1])

— Я сомустилъ человѣка убить!

— А я напустилъ семьдесятъ чертенятъ на одну царскую дочь; они сосутъ ей груди всякую ночь. А вылѣчитъ ее тотъ,

---

[1]) Пали — сваи (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 152).

кто сорветъ жаръ-цвѣтъ! (Это такой цвѣтъ, который когда цвѣтетъ — море колыхается и ночь бываетъ яснѣе дня; черти его боятся!)

Какъ ушли они, Правда вышелъ, и помѣшалъ жениться двоюродному брату на сестрѣ, запрудилъ мельницу, не далъ убить человѣка, досталъ жаръ-цвѣтъ и вылѣчилъ царевну. Царевна хотѣла вытти за него замужъ, да онъ не согласился. Подарилъ ему царь пять кораблей, и поѣхалъ онъ домой. На дорогѣ встрѣтилъ Кривду. Кривда удивился богатству Правды, повыспросилъ у него все, какъ что было, да и залёгъ ночью подъ печку въ той-же избушкѣ... Слетѣлись духи, да и начали совѣтъ держать: какъ-бы узнать того, кто испортилъ имъ всѣ дѣла? Подозрѣвали они самаго изъ нихъ лядащаго [1]); какъ стали его бить да щипать, онъ бросился подъ печку, да и вытащилъ оттуда Кривду.

«Я Кривда!» говоритъ купецъ чертямъ, да все таки они его не послушали и разорвали на мелкіе кусочки.

Такъ и выходитъ, что правдою-то жить лучше, чѣмъ кривдою.

(Изъ собранія П. В. Кирѣевскаго.)

b. Однажды спорила Кривда съ Правдою: чѣмъ лучше жить кривдой, али правдой? Кривда говорила: лучше жить кривдою; а Правда утверждала: лучше жить правдою. Спорили-спорили, никто не переспоритъ. Говоритъ Кривда: «пойдемъ къ писарю, онъ насъ разсудитъ!» — Пойдемъ, отвѣчаетъ Правда. Вотъ пришли къ писарю. «Рѣши нашъ споръ, говоритъ Кривда: чѣмъ лучше жить кривдою, али правдою?» Писарь спросилъ: «о чемъ вы бьетеся?» — О ста рубляхъ. «Ну ты, Правда, проспорила; въ наше время лучше жить кривдою.» Правда вынула изъ кармана сто рублей и отдала Кривдѣ, а сама все

---

[1]) Худаго, дурнаго.

стоитъ на своемъ, что лучше жить правдою. «Пойдемъ къ судьѣ, какъ онъ рѣшитъ? говоритъ Кривда; коли по твоему— я тебѣ плачу̀ тысячу рублей, а коли по моему—ты мнѣ должна оба глаза отдать.»—Хорошо, пойдемъ. Пришли онѣ къ судьѣ, стали спрашивать: чѣмъ лучше жить? Судья сказалъ тоже самое: «въ наше время лучше жить кривдою.» — Подавай-ка свои глаза! говоритъ Кривда Правдѣ; выколола у ней глаза и ушла — куда знала. Осталась Правда безглазая, пала лицомъ на̀земь и поползла ощупью. Доползла до болота и легла въ травѣ. Въ самую полночь собралась туда невѣрная сила. На̀большой сталъ всѣхъ спрашивать: кто и что сдѣлалъ? Кто говоритъ: я душу загубилъ; кто говоритъ: я того-то на грѣхъ спустилъ; а Кривда въ свой черёдъ похваляется: «я у Правды сто рублей выспорила да глаза выколола!» — Что глаза! говоритъ на̀большой; сто̀итъ потереть тутошней травкою — глаза опять будутъ! Правда лежитъ да слушаетъ. Вдругъ крикнули пѣтухи, и невѣрная сила разомъ пропала. Правда нарвала травки и давай тереть глаза; потёрла одинъ, потёрла другой— и стала видѣть по-прежнему; захватила съ собой этой травки и пошла въ путь-дорогу. Въ это время у одного царя ослѣпла дочь, и сдѣлалъ онъ кличь: кто вылѣчитъ царевну, за того отдастъ ее замужъ. Правда приложила ей къ очамъ травку, потёрла и вылѣчила; царь обрадовался, женилъ Правду на своей дочери и взялъ къ себѣ въ домъ...

е. Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два крестьянина: Иванъ да Наумъ. Назвались они товарищами и пошли вмѣстѣ на заработки. Шли-шли, очутились въ богатомъ селѣ и нанялись у разныхъ хозяевъ; поработали одну недѣлю и свидѣлись въ воскресной день. «Ты, братъ, сколько заработалъ?» спросилъ Иванъ. — Мнѣ пять рублевъ Господь далъ. «Господь далъ! много онъ дастъ, коли самъ не заработаешь?» — Нѣтъ, братъ, безъ божіей помощи самъ ничего не сдѣлаешь, ни гроша не

получишь! Тутъ они крѣпко заспорили и положили на томъ: «пойдемъ оба по дорогѣ, и спросимъ у перваго встрѣчника: чья правда? Кто проиграетъ, тотъ долженъ отдать всѣ свои заработанныя деньги.» Вотъ и пошли; сдѣлали шаговъ съ двадцать—попадается имъ на встрѣчу нечистой духъ въ человѣческомъ образѣ. Стали его спрашивать, а онъ въ отвѣтъ: «что̀ самъ заработаешь, то и ладно! на Бога нечего надѣяться, онъ ни копѣйки не дастъ!» Отдалъ Наумъ всѣ свои деньги Ивану и воротился къ хозяину съ пустыми руками. Прошла еще недѣля; въ воскресной день работники опять свидѣлись и подняли тотъ-же споръ. Наумъ говоритъ: «хоть на прошлой недѣлѣ ты и за̀бралъ мои деньги, а мнѣ Господь еще больше далъ!» — Ну, отвѣчаетъ Иванъ, если по твоему тебѣ Богъ далъ, а не самъ ты заработалъ, то давай опять пойдемъ до первой встрѣчи и спросимъ: чья правда? Кто виноватъ останется, у того отобрать всѣ деньги и отрѣзать правую руку. Наумъ согласился. Пошли они по дорогѣ; повстрѣчался имъ тотъ-же нечистой и отвѣчалъ — что̀ и прежде. Иванъ обобралъ у товарища деньги, отрубилъ ему правую руку и оставилъ одного. Долго думалъ Наумъ, что теперь безъ руки дѣлать? кто кормить-поить станетъ? ну, да Богъ милостивъ! Пошелъ къ рѣкѣ и лёгъ на берегу подъ лодку: «переночую пока здѣсь, а утромъ увижу, что дѣлать; утро вечера мудренѣе.» Въ самую полночь собралось на эту лодку многое множество нечистыхъ, и начали промежъ себя разговаривать: кто какія козни устроилъ. Одинъ говоритъ: «я между̀ двухъ мужиковъ споръ рѣшилъ въ противную сторону, и у правдиваго руку отрѣзали.» Другой на то сказалъ: «это пустое! только три раза по росѣ покататься —рука снова выростетъ!»—А я, началъ хвастаться третій, у такого-то барина единственную дочь изсушилъ: чуть жива ходитъ! «Эка! отвѣчалъ четвертой, если кто пожалѣетъ барина, то непремѣнно вылѣчитъ дочку. Средство простое:

взять такой-то травы, сварить, да въ томъ отварѣ искупать ее —она и будетъ здорова!»—Въ одномъ пруду, сталъ говорить пятой, мужикъ поставилъ водяную мельницу, и ужь много лѣтъ хлопочетъ, а все безъ пользы: только что запрудитъ плотину, а я прокопаю и выпущу воду. «Дуракъ же твой мужикъ! сказалъ шестой чортъ; онъ бы загатилъ получше плотину, а когда-бъ стала вода прорываться—бросилъ-бы туда снопъ соломы: тутъ бы ты и погибъ!» Наумъ все это слышалъ, и на другой день выростилъ свою правую руку, потомъ исправилъ у мужика плотину и вылѣчилъ дочь у барина. Щедро его наградили и мужикъ, и баринъ, и зажилъ онъ припѣваючи. Разъ повстрѣчалъ онъ своего прежняго товарища; тотъ удивился, зачалъ распрашивать: какъ де ты разбогатѣлъ и откуда руку взялъ? Наумъ ему все разсказалъ, ничего не утаилъ. Иванъ выслушалъ, и думаетъ: «постой-же, и я такъ сдѣлаю, еще пуще его разбогатѣю!» Пошелъ къ рѣкѣ и лёгъ на берегу подъ лодку. Въ полночь собрались нечистые. «А что, братцы! говоритъ одинъ изъ нихъ; должно быть кто-нибудь насъ подслушиваетъ. Вить у мужика рука отросла, боярская дочь выздоровѣла и плотина въ ходъ пошла!» Бросились всѣ подъ лодку смотрѣть; нашли Ивана и разорвали на мелкіе кусочки. Отлились волку коровьи слезы!

(Записана въ черноярскомъ уѣздѣ, астраханской губерніи, волостнымъ писаремъ Волконидинымъ.)

14.

ЗЛАЯ ЖЕНА[1]).

У Антипки была разпрезлющая жена, да дѣтей куча. Антипка — слово, баба — за рычагъ, да въ бокъ норовитъ. За-

[1]) См. вып. I, № 9 и вып. VI, № 16.

хочетъ Антипка проучить жену, возьметъ кнутъ, а баба разоретея-раскричится, до того разозлится, что выхватитъ изъ люльки ребенка за ногу и давай имъ отмахиваться; глаза вытаращитъ, пѣна у рта, чортъ-чортомъ! Не стало Антипкѣ житья. Чтò старѣетъ жена, то хуже. Сталъ онъ задумывать, какъ-бы жену сбыть? и придумалъ. Воротился однажды изъ лѣсу такой развесёлой, и гутаритъ женѣ ласково: «послушай-ка, моя женушка! заживемъ мы съ тобой по боярскому, разряжу тебя павою,—вѣдь я нашелъ казны гибель страшную, несмѣтную.» — Гдѣ, пострѣлъ? покажи-ка мнѣ. Не во снѣ ли тебѣ, чучелу, пригрезилось? «Нѣтъ, моя ластушка! нѣтъ, моя любушка! хоть очми не досмотрѣлъ, да ушми дослышалъ, какъ злато-сèребро перезвякивало.» — Да гдѣ? «Тамъ въ лѣсу, въ провалѣ, чтò надъ самымъ крутояромъ, подлѣ дуба-то тройчатаго.» — Ну, пойдемъ! говоритъ баба ласковѣе; да смотри: коли сбрехалъ, задамъ вытаску! Какъ-же ты слышалъ? разскажи-ка мнѣ. «Вотъ видишь, захотѣлось мнѣ швырнуть камечь въ еванто ямище; швырнулъ, а цѣлковики да, кажись, лобанчики [1]) такъ и зазвякали. Я въ другой разъ, анъ еще дюжѣй! Я и въ третій — право слово, звякаютъ!» Пришли къ ямищу: черно, глубоко! «Ну, жена! вотъ булыга [2]) — брось сама, коли мнѣ вѣры не даешь.» Баба взяла камень, да наклонясь бросила, а Антипъ тѣмъ часомъ потрафилъ ей въ шею: баба кувыркъ, полетѣла въ ямище и не пикнула! [3]) Только при-

---

[1]) Червонцы. [2]) Булыжникъ.

[3]) *Варіантъ*: Сокрушила баба мужика; не знаетъ, что съ ней дѣлать! какъ поступать? Случилось зимою, на самое таки Крещенье — былъ морозъ градусовъ въ тридцать, подаетъ ему баба корзину и говоритъ: «слушай, негодяй, что ты все на печкѣ сидишь? а того не знаешь, что скоро жрать нечего. Что сама достану, то и есть! Ступай сейчасъ въ лѣсъ, да набери грибовъ!» Вотъ какова была ехидная! Бѣдной мужикъ всталъ, одѣлся, взялъ корзину и ушелъ съ глазъ долой. Идетъ да думаетъ: «куда теперь за грибами идти? на дворѣ морозъ трещитъ, а у ней чтобъ грибы росли! Витъ навязалась же эда-

шелъ Антипъ ко двору, дѣтишки—все дѣвчура мелкая—съ визгомъ его встрѣтили: «батя, каши! батя, хлѣба! батя, молока!» А тутъ самъ корову дой, самъ на рѣчку бѣги —пелёнки стирай, лошадей убирай, да ночь не спи—малолѣтокъ качай. «Ай, ай! вскричалъ Антипъ, почесываясь въ затылкѣ; съ бабой была бѣда, а безъ бабы десять бѣдъ, и работать некогда!» Обнищалъ Антипъ и вздумалъ думу новую: «дай пойду — жену вытащу!» Началъ собирать обрывки да веревки, отъ лаптей оборки, связалъ всѣ вмѣстѣ, наставилъ и надвилъ, на концѣ клепецъ [1]) въ аршинъ присадилъ; пошелъ къ ямищу, опустилъ веревку съ клепцомъ, да потряхиваетъ. И вотъ мудрёное дѣло — на веревкѣ что-то почежелѣло, а не съ бабу вѣсомъ; сталъ на-верхъ тащить, тащилъ-тащилъ, глядь — на концѣ чертёнокъ сидитъ, вершковъ шести, весь въ шерсти. Антипъ закричалъ: «прочь! знаю, ты малъ да шибко удалъ! Отцѣпись, проклятой, да ступай туда, гдѣ прежде былъ; на бѣлой свѣтъ я тебя не пущу; слышъ, какъ разъ перекрещу.» Взмолился

кая злая жена на шею! Пойду лучше къ куму.» Пришелъ къ куму, занялъ у него мѣдныхъ грошей да пятаковъ пригоршни двѣ и пустился въ лѣсъ—прямо къ провалищу, гдѣ чортъ проживалъ; давай сыпать деньгами: здѣсь грошъ, тамъ другой, а гдѣ и пятакъ. Воротился домой: «жена моя, государыня! на наше съ тобой счастье Богъ, вмѣсто грибовъ, послалъ кладъ большой: нашелъ я въ лѣсу, какъ разъ у провалища, много всякихъ денегъ; вотъ немножко съ собой захватилъ.» — Что-жъ ты, подлецъ, не всѣ забралъ? «Жена моя, государыня! озябъ крѣпко; погрѣюсь маленько, и опять пойду.» Баба напустилась ругать его: «озябъ !... небось, нѐ взялъ бы чортъ тебя — остался бы живъ! Пожалуй, теперь кто другой пойдетъ, да все и сграбастаетъ! Веди меня, негодяй, на то самое мѣсто; я и сама соберу.» Накинула шубенку и побѣжала въ лѣсъ; мужикъ едва за ней поспѣваетъ. Какъ увидала разбросанныя деньги—отъ радости себя позабыла, суетится около провалища да все въ подолъ собираетъ. Вотъ мужикъ сталъ позади бабы, приноровился потихоньку да какъ хватитъ ее колѣнкомъ подъ сидѣнье. Загула баба, провалилася, на стараго чорта навалилася, ухватила его за бороду, и ну со злости таскать во всѣ стороны: только клочья летятъ!

[1]) Желѣзное орудіе, которымъ ловятъ зимою зайцевъ и лисицъ (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 83).

бѣсёнокъ: «Антипушка! я доброй чортъ, я тебѣ богатство дамъ: стану по чужимъ домамъ вселяться, а ты меня словомъ гони, да деньги греби. Только, слышъ, до двухъ разъ! выберу тебѣ богачей на заказъ. Какъ злая баба въ ямище упала, намъ просто житья не стало!... Вытащи, Антипушка! я свое обѣщанье сдержу, на корень твой дворъ посажу; будутъ у тебя батраки и батрачки, наймешь няньку за дѣтьми ходить, будешь съ господами хлѣбъ-соль водить.» Соблазнился Антипъ, вытащилъ бѣса наружу — на канатѣ вдругъ полегче стало, бѣсёнка словно вѣтромъ унесло.

Не прошло и недѣли, какъ слышитъ Антипъ, что у богача-подрядчика въ большихъ каменныхъ палатахъ поднялась громотня, стукотня, по ночамъ хохотъ, бѣготня; жильцамъ житья не стало! Идетъ Антипъ къ подрядчику, поклонился и говоритъ: «у васъ, батюшка, въ домѣ нечисто, поселился презлой бѣсёнокъ; ты ничѣмъ его не выживешь, развѣ мнѣ приказать изволишь.» — Гони, гони, Антипушка! говоритъ подрядчикъ; во̀ какъ поклонюсь. «Добро! отвѣчаетъ Антипъ, изъ поклона вить шубы не тачаютъ, а я мужикъ бѣдной, семьянистой; у меня семь дочерей — старшо̀й лишь осьмой годокъ пошелъ, а баба-то сбѣжала, такъ за всѣмъ самъ присмотри! Дай мнѣ на каждую дочь по тысячѣ, а твой домъ обойду, свисну да слово скажу — и не будетъ чертей.» Подрядчикъ не сталъ спорить, досталъ мошну, отсчиталъ семь тысячъ и повелъ Антипа по своимъ упокоямъ. Аннипъ что̀ войдетъ въ упокой, свиснетъ и закричитъ: вонъ! Въ отвѣтъ ему изъ-за печки пищитъ: уйду! Обошелъ весь домъ — и вездѣ сдѣлалось и тихо и смирно; поздравилъ хозяина съ благодатью въ дому; ну, хозяинъ подноситъ ему и вина заморскаго, и травнику, и наливки, а на столъ закусокъ наставилъ: яйца въ крутую да щуку обливную, разныя колбасы и всякіе припасы. Подгулялъ Антипъ, на цѣлую недѣлю наѣлся — ажъ подпояску долой! Простился съ

подрядчикомъ и поплёлся до дому. Завелись у него и батраки, и батрачки, и кони славные. и всякаго добра много. Молва объ Антипѣ далеко бѣжитъ, что Антипъ—мастакъ ворожитъ, и хоть не бабка онъ, а большой чертогонъ! Вотъ черезъ мѣсяцъ. черезъ два, шлётъ изъ города откупщикъ гонца за Антипомъ. «Помоги, Антипушка! у насъ несчастье», сказываетъ гонецъ.—Что, аль домъ горитъ? «Нѣтъ, хоть не горитъ, а пуще того: нечистая сила откупомъ вертитъ; въ дому и шумъ и гамъ, паутина да грязь по чанамъ. Откупщикъ за плату не постоитъ, только возьмись, братъ, отъ бѣса полѣчить.» —Хорошо! промолвилъ Антипъ, заложилъ въ бѣговые дрожки рысака и поѣхалъ къ откупщику на дворъ. Откупщикъ беретъ его за руку, съ честью въ домъ ведетъ. впередъ ему ходъ отдаетъ, что̀ слово — почтеннымъ величаетъ, на мягки диваны сажаетъ. «Родимой, помоги!» А Антипъ бородку гладитъ, на десять тысячъ ладитъ; деньги въ карманъ кладетъ, и свиснувъ по палатамъ идетъ: прогналъ бѣса, вездѣ и тихо и смирно! «Спасибо, сказалъ откупщикъ; за твою послугу прикажу тебѣ бочку вина отвезти въ домъ.» Поѣхалъ Антипъ отъ него мимо гостинныхъ рядовъ; на черепенники и калачи ужь и не глядитъ; «подавай сластей!» говоритъ. Пріѣзжаетъ домой, глядь—на порогѣ прикащикъ стоитъ: «эй, Антипъ! собирайся скорѣй на боярской дворъ.» — Зачѣмъ? «Да вишь чортъ поселился, бѣдами качаетъ, боярыня слезно рыдаетъ, дѣти рёвмя ревутъ...»—Родимой Иванычъ! помилуй, я въ третій разъ не смогу чорта прогнать. «Поди-ка изволь съ бариномъ толковать! Коли, говоритъ, къ ночи не выгонитъ бѣса вонъ, такъ я его!...»—Нечего дѣлать, отвѣчаетъ Антипъ, сейчасъ прибѣгу; дай только лошадь отпрягу. Антипъ былъ мужикъ изъ десятка непростаго, навострился людей надувать, захотѣлъ обмануть и духа злаго. Отпрёгъ рысака. долой новую одёжу, сыскалъ старую и ту въ клочки изорвалъ, волосы овиномъ

истрепалъ, переодѣлся въ старьё, сапоги на осметки [1]) смѣнилъ, да изцарапалъ въ кровь лицо, и побѣжалъ въ село на боярской дворъ. «Ты зачѣмъ? говоритъ бѣсёнокъ, развѣ забылъ уговоръ?»—Знаю! отвѣчаетъ Антипъ; а гнать тебя не хочу, самъ у боярина защиты ищу; вишь моя баба изъ ямы выдралась, слѣдомъ за мною бѣжитъ, хочетъ со свѣту изжить! «Какъ? закричалъ бѣсёнокъ; изъ ямы выдралась! за тобою бѣжитъ! нѣтъ, лучше я къ братьямъ въямище уйду; теперь, чай, безъ бабы пирушки въ аду!» [2]) Убѣжалъ бѣсёнокъ въ ямище — и стихло въ боярскихъ хоромахъ. Тутъ бояринъ Антипку на милость принялъ, отъ барщины ему совсѣмъ отказалъ. Воротился Антипка домой, глядь — на дворѣ бочка съ виномъ стоитъ; не обманулъ откупщикъ! Созвалъ онъ соседей и давай угощаться; на другой день надо опохмѣлиться, опохмѣлился да не въ мѣру — опять пьянъ напился... Съ той самой поры началъ онъ и по днямъ, и по ночамъ къ бочкѣ прикладываться: все ему жена грезится! заснётъ — а она на грудь колѣномъ станетъ, да за горло давитъ; проснется — а она въ углу стоитъ да кулакомъ грозитъ. Страшно и жутко! по неволѣ за чарку возьмешься. Умеръ Антипъ отъ запою; отнесли его на погостъ [3]), дѣвчонокъ на барщину взяли, а добро и казну по рукамъ растащили.

(Записана въ тульской губерніи г. Мясоѣдовымъ.)

---

[1]) Изношенные лапти (Опытъ обл. словаря, стр. 144).

[2]) Въ другомъ спискѣ мужикъ приходитъ въ боярскіе хоромы, а слѣдомъ за нимъ прибѣгаетъ собака и ну царапаться въ двери. «Кто тамъ за тобою пришелъ?» спрашиваетъ бѣсёнокъ. — Развѣ не слышишь? жена въ двери скребется, сейчасъ за тебя, братъ, возьмется!

[3]) Кладбище.

15.

ДОЧЬ И ПАДЧЕРИЦА [1]).

Женился мужикъ вдовой съ дочкою на вдовѣ — тоже съ дочкою, и было у нихъ двѣ сводныя дочери. Мачиха была ненавистная; отдыху не даетъ старику: «вези свою дочь въ лѣсъ, въ землянку! она тамъ больше напрядетъ.» Что дѣлать! послушалъ мужикъ бабу, свёзъ дочку въ землянку и далъ ей огнивко, кремёшикъ, трўду да мѣшочекъ крупъ, и говоритъ: «вотъ тебѣ огоньку; огонёкъ не переводи, кашку вари, а сама сиди да пряди, да избушку-то припри.» Пришла ночь. Дѣвка затопила печурку, заварила кашу; откуда ни возьмись мышка — и говоритъ: «дѣвица, дѣвица! дай мнѣ ложечку кашки.» —Охъ, моя мышинька! разбай [2]) мою скуку; я тебѣ дамъ не одну ложку каши, а и досыта накормлю. Наѣлась мышка и ушла. Ночью вломился медвѣдь; «ну-ка дѣушка! говоритъ, туши огни, давай въ жмурку играть.» Мышка взбѣжала на плечо дѣвицы и шепчетъ на ушко: «не бойся, дѣвица! скажи: давай! а сама туши огонь да подъ печь полѣзай, а я стану бѣгать и въ колокольчикъ звенѣть.» Такъ и сталось. Гоняется медвѣдь за мышкою — не поймаетъ; сталъ ревѣть да полѣньями бросать; бросалъ-бросалъ, да не попалъ, усталъ и молвилъ: «мастерица ты, дѣушка, въ жмурку играть! за то пришлю тебѣ утромъ стадо коней да возъ добра. На утро жена говоритъ: «поѣзжай, старикъ, провѣдай-ка дочь—что напряла она въ ночь?» Уѣхалъ старикъ, а баба сидитъ да ждётъ: какъ-то онъ дочернія косточки привезётъ! Вотъ собачка: «тяфъ-тяфъ-тяфъ! съ старикомъ дочка ѣдетъ, стадо коней гонитъ, возъ добра везетъ.»

---

[1]) См. выпускъ IV, № 41 и 42. [2]) Разговори.

—Врешь, шафурка! это въ кузовѣ кости гремятъ да пограмыхиваютъ. Вотъ вороты заскрипѣли, кони на дворъ вбѣжали, а дочка съ отцомъ сидятъ на возу: полонъ возъ добра! У бабы отъ жадности ажъ глаза горятъ. «Экая важность! кричитъ; повези-ка мою дочь въ лѣсъ на̀ ночь; моя дочь два стада коней пригонитъ, два воза добра притащитъ.» Повёзъ мужикъ и бабину дочь въ землянку, и также снарядилъ ее и ѣжою [1]), и огнемъ. Объ·вечеру заварила она кашу. Вышла мышка и проситъ кашки у Наташки. А Наташка кричитъ: «ишь, гада какая!» и швырнула въ нее ложкой. Мышка убѣжала; а Наташка уписываетъ одна кашу, съѣла, огни позадула и въ углу прикурнула [2]). Пришла полночь—вломился медвѣдь и говоритъ: «эй, гдѣ ты, дѣушка? давай-ка въ жмурку поиграемъ.» Дѣвица молчитъ, только со страху зубами стучитъ. «А ты вотъ гдѣ! на̀ колокольчикъ, бѣгай, а я буду ловить.» Взяла колокольчикъ, рука дрожитъ, колокольчикъ безперѣчь звенитъ, а мышка озывается: «злой дѣвицѣ живой не быть!» На утро шлётъ баба старика въ лѣсъ: «ступай! моя дочь два воза привезетъ, два табуна пригонитъ.» Мужикъ уѣхалъ, а баба за воротами ждётъ. Вотъ собачка: «тяфъ-тяфъ-тяфъ! хозяйкина дочь ѣдетъ—въ кузовѣ костьми гремитъ, а старикъ на пустомъ возу сидитъ.»—Врешь ты, шавчонка! моя дочь стада̀ гонитъ и возы́ везетъ. Глядь — старикъ у воротъ, женѣ кузовъ подаетъ; баба кузовокъ открыла, глянула на косточки и завыла, да такъ разозлилась, что̀ съ горя и злости на другой-же день умерла; а старикъ съ дочкою хорошо свой вѣкъ доживалъ и знатнаго зятя къ себѣ въ домъ принялъ.

(Записана въ тульской губерніи г. Масоѣдовымъ.)

---

[1]) Ѣдою. [2]) Прилегла, соснула.

16.

МОРОКА [1]).

а. Жилъ-былъ старикъ да старуха. Пришелъ бурлакъ и просится ночевать. Старикъ пустилъ: «пожалуй, ночуй, только съ такимъ уговоромъ, чтобы всю ночь сказки сказывалъ.» —Изволь, буду сказывать. Ну, вотъ хорошо; полѣзъ старикъ съ бурлакомъ на полати, а старуха сидитъ на печи — лёнъ прядетъ. Бурлакъ и думаетъ про себя: «дай-ко, развѣ подшутить надъ нимъ!» и оборотилъ себя волкомъ, а старика медвѣдемъ. «Побѣжимъ, говоритъ, отсюда» и побѣжали въ чистое поле [2]). Увидалъ волкъ старикову кобылу и говоритъ: «давай, съѣдимъ кобылу!»—Нѣтъ, вѣдь это моя кобыла! «Ну, да вѣдь голодъ не тётка!» Съѣли они кобылу и опять побѣжали; увидали старуху, старикову-то жену, — волкъ опять и говоритъ: «давай съѣдимъ старуху!»—Ой, да вѣдь это моя старуха, отвѣчаетъ медвѣдь. «Какая твоя!» Съѣли и старуху. Такъ-то

---

[1]) См. выпускъ VI, № 21.

[2]) *Варіантъ:* Пришелъ къ старику солдатъ: «пусти ночевать!» — Иди, служба! только чуръ всю ночь разсказывать; вѣдь ты человѣкъ бывалой, много видѣлъ, много знаешь! «А что тебѣ сказывать: быль, али нѣбыль?» —Сказывай бывальщину. Солдатъ разсказалъ про свое житье-бытье, гдѣ бывалъ и что видѣлъ; говорить-то больше нечего, а хозяинъ все не спитъ. Постой, думаетъ, отведу ему глаза! «Хозяинъ, а хозяинъ! знаешь ли—кто съ тобою на полатяхъ лежитъ?» — Кто! извѣстно — солдатъ. «Нѣтъ, братъ, не узналъ; пощупай-ка рукою.» Старикъ ухватилъ его рукою — какъ есть медвѣдь лежитъ! и крѣпко онъ испугался. «Да ты меня не бойся; посмотри на себя: вѣдь и ты, братъ, такой-же медвѣдь, какъ я!» Старикъ ощупалъ себя— кругомъ обросъ шерстью! Вотъ и лежатъ они медвѣдями. «Слушай, хозяинъ! говоритъ солдатъ; намъ теперь лежать на полатяхъ не приходится: чего добраго, какъ увидитъ насъ народъ да признаетъ за настоящихъ звѣрей—тогда не миновать смерти! Лучше до поры-до времени убраться съ Богомъ. Пойдемъ въ лѣсъ!» И побѣжали они въ дремучій лѣсъ...

медвѣдь съ волкомъ лѣто цѣлое пробѣгали; настаетъ зима. «Давай, говоритъ волкъ, засядемъ въ берлогу; ты полѣзай дальше, а я напередъ сяду. Коли найдутъ насъ охотники, дакъ меня перваго застрѣлятъ; а ты смотри, какъ меня убьютъ, начнутъ кожу сдирать,—ты выбѣги, да черезъ кожу-то перемѣтнись, и обернешься опять человѣкомъ.» Вотъ лежатъ они въ берлогѣ; набрели на нихъ охотники. сейчасъ застрѣлили волка и начали снимать съ него кожу. Въ то самое время медвѣдь какъ выскочитъ, да кувыркъ черезъ волчью шкуру—и полетѣлъ старикъ съ полатей внизъ головою. «Ой, ой! заревѣлъ онъ, всю спину отбилъ!» Старуха кричитъ: «что ты, чорна немочь! почто палъ? кажись, пьянъ не былъ.» —Да вотъ почто, и началъ разсказывать: ты вѣдь ничего не знаешь, а мы съ бурлакомъ звѣрьёмъ были: онъ — волкомъ, я—медвѣдемъ; цѣлое лѣто да зиму пробѣгали, и кобылу нашу съѣли, и тебя, старую, съѣли! Старуха принялась хохотать, просто ўдержу нѣту: «ай да бурлакъ! славно подшутилъ!» [1])

b. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ матросъ; служилъ царю вѣрно, велъ себя честно, потому и начальство его знало. Отпросился онъ разъ съ корабля походить по городу, надѣлъ свой парусинникъ и пошелъ въ трактиръ; сѣлъ за столъ и потребовалъ себѣ и вина и закусокъ: ѣстъ, пьетъ, прохлаждается! ужь рублей на десять забралъ, а все не унимается: то того, то другаго спрашиваетъ. «Послушай, служба! говоритъ ему половой; забираешь ты много, а есть ли у тебя чѣмъ расчитаться?»—Эхъ, братецъ! о деньгахъ что-ли сумнѣваешься? да у меня денегъ куры не клюютъ. Тотчасъ вынулъ изъ кармана золотой, бро-

---

[1]) *Варіантъ:* «Охъ, Господи!» застоналъ старикъ. —Что съ тобой? али черти съ полатей сбросили! говоритъ солдатъ. «А ты, служивой, развѣ на полатяхъ лежишь?» — А гдѣ-жъ? Ты и въ самомъ дѣлѣ думаешь, что меня охотники убили!

силъ на столъ и говоритъ: «на, получай!» Половой взялъ золотой, высчиталъ все, какъ слѣдуетъ, и приноситъ сдачу; а матросъ ему: «что тамъ за сдача, братецъ! возьми себѣ на водку.» На другой день опять отпросился матросъ, зашелъ въ тотъ-же трактиръ, и прогулялъ еще золотой; на третій день тоже, и сталъ онъ ходить туда почитай кажной день и все платитъ золотыми, а сдачи не беретъ, даритъ половому на водку. Сталъ замѣчать за нимъ самъ трактирщикъ, и пришло ему въ сумнѣніе: «что̀ бы это значило? матросишка — та́къ себѣ, а поди какъ соритъ деньгами! Полную шкатулку золота натаскалъ!... Жалованье мнѣ ихнее извѣстно, небось — не раскутишься! Вѣрно, онъ гдѣ ни-на-есть казну обобралъ; надо начальству про то донести; не ровёнъ часъ — еще въ такую бѣду попадешь, что послѣ и не раздѣлаешься, а пожалуй и въ Сибирь угодишь.» Вотъ и доложилъ трактирщикъ офицеру, а тотъ довелъ до самого генерала. Генералъ потребовалъ къ себѣ матроса: «признавайся, говоритъ, по совѣсти — отколь золото бралъ?» — Да этого золота во всякой помойной ямѣ много! «Что ты врешь?»—Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! не я вру, а трактирщикъ; пусть покажетъ онъ то золото, что̀ отъ меня получилъ. — Сейчасъ принесли шкатулку, открыли, а она полнехонька костяшекъ. «Какъ-же, братецъ! ты платилъ золотомъ, а очутились костяшки? Покажи, какъ ты сдѣлалъ это?» [1]) — Ахъ, ваше превосходительство! витъ намъ смерть приходитъ... Глядятъ, а въ о̀кна и въ двери такъ

---

1) Въ другомъ спискѣ вмѣсто матроса выведенъ солдатъ. Трактирщикъ доноситъ на него фельдфебелю, фельдфебель ротному командиру, ротной полковнику, полковникъ генералу, и дошло дѣло до самого государя. Призвалъ онъ солдата, сталъ допрашивать; передъ царемъ не солжешь—признался ему солдатъ, что умѣетъ морочить, туманъ въ глаза напускать. «А ну, служивой! говоритъ царь, сыграй-ка ты съ нами свою игрушку.» Солдатъ глянулъ въ окно и закричалъ: «Не до игрушки, ваше величество! того и смотри, что совсѣмъ потонемъ...»

вода и хлынула; все выше да выше, ужъ подъ горло подступаетъ. «Господи! что-же теперь дѣлать? куда дѣваться?» спрашиваетъ съ испугу генералъ. А матросъ въ отвѣтъ: «коли не хотите тонуть, ваше превосходительство, такъ полѣзайте за мною въ трубу.» Вотъ и полѣзли, взобрались на крышу, стоятъ и смотрятъ во всѣ стороны: цѣлой городъ затопило! такое наводненіе, что въ низкихъ мѣстахъ совсѣмъ домовъ не видать; а вода прибываетъ да прибываетъ. «Ну, братецъ! говоритъ генералъ, вѣрно и намъ съ тобой не уцѣлѣть!» — Не знаю; что будетъ —то будетъ! «Смерть моя приходитъ!» думаетъ генералъ, стоитъ самъ не свой да Богу молится. Вдругъ откуда нè взялся—плыветъ мимо яликъ, зацѣпился за крышу и остановился на томъ мѣстѣ. «Ваше превосходительство, говоритъ матросъ, садитесь скорѣе въ яликъ, да поплывемъ; можетъ и уцѣлѣемъ, авось вода сбудетъ.» Сѣли оба въ яликъ, и понесло ихъ вѣтромъ по водѣ; день плывутъ, и другой плывутъ, а на третій стала вода сбывать и такъ скоро — куда только она дѣлась? Кругомъ сухо стало; вышли они изъ ялика, спросили у добрыхъ людей: какъ слыветъ та сторона и далеко-ль занесло ихъ? А занесло-то ихъ за тридевять земель, въ тридесятое царство; народъ все чужой, незнаемой. Какъ тутъ быть, какъ попасть въ свою землю? денегъ при себѣ ни гроша не имѣютъ, подняться не на что. Матросъ говоритъ: «надо наняться въ работники да зашибить деньжонокъ; безъ того и думать нечего—домой не воротишься.» — Хорошо тебѣ, братецъ! ты давно къ работѣ привыченъ; а мнѣ каково? самъ знаешь, что я генералъ, работать не умѣю. «Ничего, я такую работу найду, что и умѣнья не надо.» Побрели въ деревню и стали въ пастухи наниматься; общество согласилось и порядило ихъ на цѣлое лѣто: матросъ пошелъ за старшаго пастуха, а генералъ за подпаска. Такъ таки до самой осени и пасли они деревенскую скотину; послѣ того собрали съ му-

жиковъ деньги и стали дѣлиться [1]). Матросъ раздѣлилъ деньги поровну: сколько себѣ, столько и генералу. Вотъ генералъ видитъ, что матросъ ровняетъ его съ собою, сталъ на это обижаться и говоритъ: «что-жъ ты меня съ собой ровняешь? вѣдь я—генералъ, а ты—все-таки простой матросъ!» —Какъ-бы не такъ! мнѣ бы раздѣлить на трое: двѣ части себѣ взять, а съ васъ и одной довольно: вѣдь я настоящимъ пастухомъ былъ, а вы—подпаскомъ. Генералъ осерчалъ и принялся всячески ругать матроса; а матросъ крѣпился-крѣпился, размахнулъ рукой, какъ толкнетъ его въ бокъ: «очнитесь, ваше превосходительство!» Генералъ очнулся: смотритъ—все по старому; какъ былъ въ своей комнатѣ, такъ и не выходилъ изъ ней! Не захотѣлъ онъ больше судить матроса, отпустилъ его отъ себя; такъ трактирщикъ не при чемъ и остался.

17.

ЧУДЕСНАЯ ДУДКА. [2])

Жилъ-былъ попъ съ попадьею; у нихъ былъ сынъ Иванушка и была дочь Алёнушка. Разъ Алёнушка и просится: «ма-

---

[1]) *Варіантъ:* Все лѣто царь да солдатъ пасли деревенскую скотину, а настала осень—мужики заплатили имъ, что слѣдовало, деньгами, да по уговору исправили имъ новые сапоги и полушубки. Снарядились они и пошли домой; мѣсяца три до своей земли тащились; приходятъ въ стольной городъ и идутъ рынкомъ. Солдатъ купилъ пару телячьихъ лопатокъ; одну далъ царю, другую самъ несетъ. Вдругъ прибѣжала стража: «стойте, что у васъ въ рукахъ?» Поглядѣли, а въ рукахъ-то, вмѣсто телячьихъ лопатокъ, очутились человѣчьи ноги. Вотъ бѣда! хотятъ кандалы надѣвать да въ тюрму тащить. Царь испугался; пожалѣлъ его солдатъ, какъ крикнетъ во все солдатское горло — и въ ту-жъ минуту очнулся царь. Видитъ онъ, что по-прежнему стоитъ во дворцовой палатѣ у окошка, что при немъ тѣже самые люди, и всего-то прошло съ полчаса времени; а ему почудилось, будто цѣлое лѣто скотину пасъ. «Ну, молодецъ — ты, солдатъ!» сказалъ царь и велѣлъ отпустить его въ чистую (т. е. отставку), а трактирщику заплатилъ за него деньги изъ своей государской казны. [2]) См. вып. VI, № 25.

тушка, матушка! я пойду въ лѣсъ за ягодами, ужь всѣ подружки пошли.»—Ступай, да возьми съ собой брата. «Зачѣмъ? онъ такой лѣнивой, все ровно ничего не соберетъ!»—Ничего, возьми! а кто изъ васъ больше ягодъ соберетъ, тому подарю красные чоботы. [1]) Вотъ пошли братъ съ сестрой за ягодами; пришли въ лѣсъ. Иванушка все рветъ да рветъ, да въ кувшинчикъ кладетъ, а Алёнушка все ѣстъ да ѣстъ, все ѣстъ да ѣстъ; только двѣ ягодки и положила въ коробку. Глядитъ: у ней пусто, а Иванушка ужь полный кувшинъ набралъ. Завистно стало Алёнушкѣ: «давай, говоритъ, братецъ! я поищу у тебя въ головкѣ.» Онъ лёгъ къ ней на колѣни и заснулъ; Алёнушка тотчасъ вынула острой ножъ и зарѣзала братца; выкопала яму и схоронила его, а кувшинъ съ ягодами себѣ взяла. Приходитъ домой и отдаетъ ягоды матери. «Гдѣ же твой братецъ Иванушка?» спрашиваетъ попадья.—Должно быть въ лѣсу отсталъ да заблудился; я его звала-звала, искала-искала—нѣтъ нигдѣ! Отецъ съ матерью долго-долго ждали Иванушку, такъ и не дождались. А на могилѣ Иванушки выросла большая да ровная-ровная тростинка. Шли мимо овчары со стадомъ, увидали и говорятъ: «какая славная тростинка выросла!» Одинъ овчаръ срѣзалъ ее и сдѣлалъ себѣ жилейку. [2]) «Дай-ка, говоритъ, попробую!» Поднёсъ къ губамъ, жилейка и заиграла:

По малу, малу, вивчарику, грай!
Не врази ты мого̀ серденька вкрай!
Мини сестрица—зрадница [3])
За красны ягодки, за червонии чоботки!

«Ахъ, какая чудесная дудка! говоритъ овчаръ; какъ чисто выговариваетъ; ну, эта жилейка дорогаго сто̀итъ!»—А дай-ка

---

[1]) Сапоги. [2]) Дудку, свирѣль.

[3]) Зра̀да—измѣна (см. Малорос. словарь Чужбинскаго, стр. 173). Иногда вмѣсто овчаровъ говорится о купцахъ, которые ѣхали мимо съ обозомъ и сдѣлали дудку; дудка играетъ: «По малу, малу, москалику, грай!» и проч.

я попробую! говоритъ другой; взялъ жилейку, приложилъ къ губамъ—и у него тоже самое заиграла; попыталъ третій—и у третьяго тоже! Пришли овчары въ деревню, остановились возлѣ поповой хаты: «батюшка! пусти насъ переночевать.» —У меня тѣсно, отвѣчаетъ попъ. «Пусти, мы тебѣ диковинку покажемъ.» Попъ пустилъ ихъ и спрашиваетъ: «не видали-ль гдѣ мальчика, зовутъ Иванушкою? пошелъ за ягодами, да и слѣдъ пропалъ.» — Нѣтъ, не видали; а вотъ мы срѣзали по дорогѣ тростинку, и какая чудесная жилейка изъ нея вышла! сама играетъ! Вынулъ овчаръ жилейку и заигралъ:

По малу, малу, вивчарику, грай!
Не врази ты могô серденька вкрай!
Мини сестрица—зрадница
За красны ягодки, за чорвонни чоботки!

«А ну-ка, дай я поиграю», говоритъ попъ; взялъ жилейку и заигралъ:

По малу, малу, батеньку, грай!
Не врази ты могô серденька вкрай!
Мини сестрица—зрадница
За красны ягодки, за червонни чоботки!

«Ахъ, ужь это не мой ли Иванушка сгубленъ?» сказалъ попъ и позвалъ жену: «ну-ка, поиграй ты.» Попадья взяла жилейку и заиграла:

По малу, малу, матусенько, грай!
Не врази ты могô серденька вкрай!
Мини сестрица—зрадница
За красны ягодки, за чорвонни чоботки!

«А гдѣ дочка?» спрашиваетъ попъ; а Алёнушка ужь спряталась, въ темномъ углу притаилась. Нашли ее. «Ну-ка заиграй!» говоритъ отецъ.—Я не умѣю. «Ничего, играй!» Она было отнѣкиваться, да отецъ пригрозилъ и заставилъ взять жилейку. Только что Алёнушка приложила ее къ губамъ, а жилейка сама выговариваетъ:

По малу, малу, сестрице, грай!
Не врази ты могô серденька вкрай!
Ты-жъ мини зрâдила
За красны ягодки, за червонни чоботки!

Тутъ Алёнушка во всемъ призналась; отецъ разгнѣвался и прогналъ ее изъ дому.

(Записана издателемъ въ бобровскомъ уѣздѣ воронежской губерніи.)

18.

СИВКА-БУРКА, ВѢЩАЯ КАУРКА [1]).

Жилъ старикъ со старухою; у нихъ было три сына: двое умныхъ, третій дуракъ. Старикъ со старухой померли. Передъ смертью отецъ говорилъ: «дѣти мои любезные! ходите три ночи на мою могилу сидѣть.» Они кинули между собой жеребей; досталось дураку идти. Дуракъ пошелъ на могилу сидѣть; въ полночь выходитъ отецъ его и спрашиваетъ: «кто сидитъ?» —Я, батюшка,—дуракъ. «Сиди, мое дитятко; Господь съ тобою!» На другую ночь приходится большому брату идти на могилу; большой братъ проситъ дурака: «поди, дуракъ, посиди за меня ночку; что̀ хочешь—возьми.»—Да, поди! тамъ мертвецы прыгаютъ... «Поди; красные сапоги тебѣ куплю.» Дуракъ не могъ отговориться, пошелъ другую ночку сидѣть. Сидитъ на могилкѣ, вдругъ земля раскрывается, выходитъ его отецъ и спрашиваетъ: «кто сидитъ?»—Я, батюшка,—дуракъ. «Сиди, мое дитятко; Господь съ тобою!» На третью ночь надо среднему брату идти, то онъ проситъ дурака: «сдѣлай милость, поди-посиди за меня; что̀ хочешь—возьми!» —Да, поди! первая ночь страшна была, а другая еще страшнѣе: мертвецы кричатъ, дерутся, а меня лихорадка трясетъ! «Поди;

[1]) См. вып. II, № 25 и 28; вып. VI. № 26.

красную шапку тебѣ куплю.» Нечего дѣлать, пошелъ дуракъ и на третью ночь. Сидитъ на могилкѣ, вдругъ земля раскрывается, выходитъ его батюшка и спрашиваетъ: «Кто сидитъ?» —Я—дуракъ. «Сиди, мое дитятко; Господь съ тобою! вотъ тебѣ отъ меня великое благословеніе.» И даетъ ему три конскихъ волоса. Дуракъ вышелъ въ заповѣдные луга, прижогъ-припалилъ три волоса и крикнулъ зычнымъ голосомъ: «сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Бѣжитъ сивка-бурка, вѣщая каурка, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ — напился, наѣлся, въ правое влѣзъ—въ цвѣтно платье нарядился и сдѣлался такой молодецъ — не выдумать, не взгадать, ни перомъ написать [1]). Поутру царь кличь кличетъ: «кто въ третьемъ этажѣ мою дочь Милолику-царевну—съ разлёту на конѣ—поцѣлуетъ, за того отдамъ ее замужъ.» Старшіе братья собираются смотрѣть; зовутъ съ собой дурака: «пойдемъ, дуракъ, съ нами!»—Нѣтъ, не хочу; я пойду въ поле, возьму кузовъ да набью галокъ—и то собакамъ кормъ!» Вышелъ въ чистое поле, припалилъ три конскіе волоса и закричалъ: «сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Бѣжитъ сивка-бурка, вѣщая каурка, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ—напился, наѣлся; въ правое влѣзъ—въ цвѣтно платье нарядился, сдѣлался такой молодецъ, что̀ не вздумать, не взга-

[1]) Въ другомъ спискѣ отецъ даетъ дураку въ первую ночь сивку-бурку, во вторую—свинку-золотую щетинку, а въ третью коня златогриваго; съ помощію сивки-бурки дуракъ женится на царевнѣ, а потомъ ему легко уже было исполнить царскія задачи, т. е. достать свинку-золотую щетинку и златогриваго коня.

дать, ни пером написать. Сѣлъ верхомъ, рукой махнулъ, ногой толкнулъ и понесся; его конь бѣжитъ, земля дрожитъ, горы, долы хвостомъ застилаетъ, пни, колоды промежъ ногъ пускаетъ. Черезъ одинъ этажъ перескакалъ, черезъ два— нѣтъ, и уѣхалъ назадъ. Братья приходятъ домой, дуракъ на полатяхъ лежитъ; говорятъ ему: «ахъ, дуракъ! что ты не́ пошелъ съ нами? Какой тамъ молодецъ пріѣзжалъ—не вздумать, не взгадать, ни перомъ написать! «Не я ли дуракъ?»—Да гдѣ тебѣ такого коня достать! утри прежде подъ носомъ-та! На другое утро старшіе братья сбираются къ царю смотрѣть, зовутъ съ собой дурака: «пойдемъ, дуракъ, съ нами; вчера пріѣзжалъ хорошъ молодецъ, нынче еще лучше пріѣдетъ!» —Нѣтъ, не хочу; я пойду въ поле, возьму кузовъ, набью галокъ и принесу—и то собакамъ кормъ! Вышелъ въ чистое поле, припалилъ конскіе волосы: «сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Сивка-бурка бѣжитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ—напился, наѣлся, въ правое влѣзъ—въ цвѣтно платье нарядился, сдѣлался такой молодецъ —не вздумать, не взгадать, ни перомъ написать. Сѣлъ верхомъ, рукой махнулъ, ногой толкнулъ, черезъ два этажа перескакалъ, черезъ третій—нѣтъ; воротился назадъ, пустилъ своего коня въ зеленые, заповѣдные луга, а самъ пришелъ домой, лёгъ на печи. Братья приходятъ: «ахъ, дуракъ, что ты не пошелъ съ нами? вчера пріѣзжалъ хорошъ молодецъ, а нынче еще лучше; и гдѣ эта красота родилась?»—Да не я ли дуракъ былъ? — «Эхъ, дуракъ дурацкое и говоритъ! гдѣ тебѣ эдакой красоты достать, гдѣ тебѣ эдакого коня взять? Знай на печи лежи....»—Ну, не я; такъ авось завтра узнаете. На третье утро сбираются умные братья къ царю смотрѣть: «пойдемъ, дуракъ, съ нами; нынче онъ ее поцѣ-

дуетъ.»—Нѣтъ, не хочу; я въ поле пойду, кузовъ возьму; набью галокъ, домой принесу—и то собакамъ коримъ! Вышелъ въ чистое поле, припалилъ конскіе волосы и закричалъ громкимъ голосомъ: «сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Сивка-бурка бѣжитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ—напился, наѣлся; въ правое ушко влѣзъ—въ цвѣтно платье нарядился, и сдѣлался такой молодецъ—не вздумать, не взгадать, ни перомъ написать. Сѣлъ верхомъ, рукой махнулъ, ногой толкнулъ, через всѣ три этажа перескакалъ, царскую дочь въ уста поцѣловалъ, а она его золотымъ перстнемъ ударила въ лобъ. Воротился дуракъ назадъ, пустилъ своего добраго коня въ заповѣдные луга, а самъ пришелъ домой, завязалъ голову платкомъ, лёгъ на полати. Братья приходятъ: «ахъ, дуракъ! тѣ два раза молодцы пріѣзжали, а нынче еще лучше; и гдѣ эдакая красота родилась?»—Да не я ли дуракъ былъ? «Ну, дуракъ дурацкое и орётъ! гдѣ тебѣ эдакой красоты достать?» Дуракъ развязалъ платокъ, всю избу освѣтилъ. Спрашиваютъ его братья: «гдѣ ты эдакой красоты доставалъ?»—Гдѣ бы ни было, да досталъ! а вы все не вѣрили; вотъ вамъ и дуракъ! На другой день царь дѣлаетъ пиръ на весь православный міръ, приказалъ звывать во дворецъ и бояръ и князей и простыхъ людей, и богатыхъ и нищихъ, и старыхъ и малыхъ; царевна де станетъ выбирать своего нарѣченнаго жениха. Умные братья сбираются къ царю на обѣдъ; дуракъ завязалъ голову тряпицею и говоритъ имъ: «теперь хоть не зовите меня, я и самъ пойду.» Пришелъ дуракъ въ царскіе чертоги и забился за печку. Вотъ царевна обносить всѣхъ виномъ, жениха выбираетъ, а царь за ней слѣдомъ ходитъ. Всѣхъ обнесла, глянула за печку и увидала дурака: у него голова тряпицей завязана, по лицу слюни да соп-

ли текутъ. Вывела его Милолика-царевна, утерла платкомъ, поцѣловала, и говоритъ: «государь батюшка! вотъ мой суженой.» Видитъ царь, что женихъ нашелся; хоть дуракъ, а дѣлать нечего—царское слово законъ! и сейчасъ-же приказалъ обвѣнчать ихъ. У царя извѣстное дѣло—ни пиво варить, ни вино курить; живо свадьбу справили.

У того царя было два зятя, дуракъ сталъ третій. Одинъ разъ призываетъ онъ своихъ умныхъ зятьевъ и говоритъ таково слово: «зятья мои умные, зятья разумные! сослужите мнѣ службу, какую я вамъ велю: есть въ степи уточка-золотыя пёрушки; нельзя ли ее достать мнѣ?» Велѣлъ осѣдлать имъ добрыхъ коней и ѣхать за уточкою. Дуракъ услыхалъ и сталъ просить: «а мнѣ, батюшка, дай хоть водовозницу.» Далъ ему царь шолудивую лошадёнку; онъ сѣлъ на нее верхомъ, къ лошадиной головѣ задомъ, къ лошадиному заду передомъ, взялъ хвостъ въ зубы, погоняетъ ладонями по бедрамъ: «но, но, собачье мясо!» Выѣхалъ въ чистое поле, ухватилъ клячу за хвостъ, содралъ съ нее шкуру и закричалъ: «эй! слетайтесь, галки, карги [1]) и сороки! вотъ вамъ батюшка корму прислалъ.» Налетѣли галки, карги и сороки и съѣли все мясо; а дуракъ зоветъ сивку-бурку· «стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Сивка-бурка бѣжитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; дуракъ влѣзъ въ лѣвое ушко—напился, наѣлся, въ правое влѣзъ—въ цвѣтно платье нарядился и сталъ молодецъ. Добылъ утку-золотыя пёрушки, раскинулъ шатёръ, самъ въ шатрѣ сидитъ, а возлѣ уточка ходитъ. Наѣхали на него умные зятья, спрашиваютъ: «кто, кто въ шатрѣ? коли старъ старичокъ—будь намъ дѣдушка, коли среднихъ лѣтъ—будь намъ дядюшка!» Отвѣчаетъ дуракъ: «въ вашу пору—братецъ вамъ.» — А что, братецъ, продаешь

---

[1]) Ворѳны (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 80).

уточку-золотыя пёрушки? «Нѣтъ, она не продажная, а завѣтная.»—А сколько завѣту? «Съ правой руки по мезинцу.» Отрѣзали по мезинцу съ правой руки и отдали дураку; онъ въ карманъ положилъ. Пріѣхали зятья домой, полегли спать; царь съ царицею ходятъ да слушаютъ, что зятья говорятъ. Одинъ говоритъ женѣ: «тише, руку мнѣ развередила!» Другой говоритъ: «охъ больно! рука болитъ.» Поутру царь призываетъ къ себѣ умныхъ зятьевъ: «зятья мои умные, зятья разумные! сослужите мнѣ службу, какую велю: ходитъ въ степи свинка-золотая щетинка съ двѣнадцатью поросятами; достаньте мнѣ ее.» [1]) Приказалъ осѣдлать имъ добрыхъ коней; а дураку опять далъ шолудивую водовозницу. Дуракъ выѣхалъ въ чистое поле, ухватилъ клячу за хвостъ, содралъ шкуру: «эй! слетайтесь, галки, карги и сороки! вамъ царь корму прислалъ.» Слетѣлись галки, карги и сороки и расклевали все мясо. Дуракъ вызвалъ сивку-бурку, вѣщую каурку, добылъ свинку-золотую щетинку съ двѣнадцатью поросятами, и раскинулъ шатёръ; самъ въ шатрѣ сидитъ, свинка около ходитъ. Наѣхали умные зятья: «кто, кто въ шатрѣ? коли старъ старичокъ—будь намъ дѣдушка, коли среднихъ лѣтъ—будь намъ дядюшка.»—Въ вашу пору—братецъ вамъ. «Это твоя свинка-золотая щетинка?»—Моя. «Продай намъ ее; что возьмешь?»—Не продажная, а завѣтная. «Сколько завѣту?»—Съ ноги по пальцу. Отрѣзали съ ноги по пальцу, отдали дураку и взяли свинку-золотую щетинку съ двѣнадцатью поросятами. На утро призываетъ царь своихъ умныхъ зятьевъ, приказываетъ имъ: «зятья мои умные, зятья разумные! сослужите мнѣ службу, какую велю: ходитъ въ степи кобыла золотогривая съ двѣнадцатью жеребятами; нельзя ли достать ее?»

---

[1]) Въ другихъ варіантахъ царь приказываетъ, вмѣсто свинки, добыть корову или козу--золотые рога.

—Можно, батюшка! Приказалъ царь осѣдлать имъ добрыхъ коней, а дураку опять далъ шолудивую водовозницу. Сѣлъ онъ къ лошадиной головѣ задомъ, къ лошадиному заду передомъ, взялъ въ зубы хвостъ, ладонями погоняетъ; умные зятья надъ нимъ смѣются. Выѣхалъ дуракъ въ чистое поле, ухватилъ клячу за хвостъ, содралъ шкуру: «эй! слетайтесь, галки, карги и сороки! вотъ вамъ батюшка корму прислалъ.» Слетѣлись галки, карги и сороки и поклевали все мясо. Тутъ закричалъ дуракъ громкимъ голосомъ: «сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Сивка-бурка бѣжитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ — напился, наѣлся, въ правое влѣзъ — въ цвѣтно платье нарядился и сталъ молодецъ. «Надо, говоритъ, добыть кобылицу златогривую съ двѣнадцатью жеребятами.» Отвѣчаетъ ему сивка-бурка, вѣщая каурка: «прежнія задачи были ребячьи, а это дѣло трудное! возьми съ собой три прута мѣдныхъ, три прута желѣзныхъ и три оловянныхъ; станетъ за мною кобылица по горамъ, по доламъ гоняться, пріустанетъ и упадетъ наземь; въ то время не плошай, садись на нее и бей промежъ ушей всѣми девятью прутьями, пока на мелкія части изломаются; развѣ тогда покоришь ты кобылицу златогривую.» Сказано-сдѣлано; добылъ дуракъ кобылицу златогривую съ двѣнадцатью жеребятами и раскинулъ шатёръ; самъ въ шатрѣ сидитъ, кобылица къ столбу привязана. Наѣхали умные зятья, спрашиваютъ: «кто, кто въ шатрѣ? коли старъ старичокъ — будь намъ дѣдушка, коли среднихъ лѣтъ — будь намъ дядюшка.» — Въ вашу пору молодецъ — братецъ вамъ. «Что, братецъ, твоя кобыла къ столбу привязана?» — Моя. «Продай намъ.» — Не продажная, а завѣтная. «А сколько завѣту?» — Изъ спины по ремню. Вотъ умные зятья жались-жались и согласились; дуракъ вырѣзалъ у нихъ

по ремню изъ спины и положилъ въ карманъ, а имъ отдалъ кобылицу съ двѣнадцатью жеребятами. На другой день собираетъ царь пиръ пировать; всѣ сошлись. Дуракъ вынулъ изъ кармана отрѣзанные пальцы и ремни, и говоритъ: «вотъ это—уточка-золотыя пёрушки, вотъ это—свинка-золотая щетинка, а вотъ это—кобылица золотогривая съ двѣнадцатью жеребятами!»—Что ты бредишь, дуракъ? спрашиваетъ его царь, а онъ въ отвѣтъ: «государь батюшка, прикажи-ка умнымъ зятьямъ перчатки съ рукъ снять.» Сняли они перчатки: на правыхъ рукахъ мизинцовъ нѣтъ. «Это я съ нихъ по пальцу взялъ за уточку-золотыя пёрушки», говоритъ дуракъ; приложилъ отрѣзанные пальцы на старыя мѣста—они вдругъ приросли и зажили. «Сними, батюшка, съ умныхъ зятьевъ сапоги.» Сняли съ нихъ сапоги—и на ногахъ не хватаетъ по пальцу. «Это я съ нихъ взялъ за свинку-золотую щетинку съ двѣнадцатью поросятами.» Приложилъ къ ногамъ отрѣзанные пальцы — въ мигъ приросли и зажили. «Батюшка, сними съ нихъ сорочки.» Сняли сорочки, у обоихъ зятьевъ изъ спины по ремню вырѣзано. «Это я съ нихъ взялъ за кобылицу златогривую съ двѣнадцатью жеребятами.» Приложилъ тѣ ремни на старыя мѣста — они приросли къ спинамъ и зажили. «Теперь, говоритъ дуракъ, прикажи, батюшка, коляску заложить.» Заложили коляску, сѣли и поѣхали въ чистое поле. Дуракъ прижогъ, припалилъ три конскіе волоса и крикнулъ громкимъ голосомъ: «сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ, прибѣжалъ и сталъ какъ вкопаный. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ—напился, наѣлся, въ правое влѣзъ—въ цвѣтно платье нарядился, и сдѣлался такой молодецъ — не вздумать, не взгадать, ни перомъ написать! Съ того времени жилъ онъ съ своей женою по-царски, ѣздилъ

въ коляскѣ, пиры задавалъ; на тѣхъ пирахъ и я бывалъ, медъ-вино пивалъ; сколько ни пилъ — только усы обмочилъ!

(Изъ собранія П. В. Кирѣевскаго.)

19.

ШЕМЯКИНЪ СУДЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата: богатой и убогой. Нанялся убогой къ богатому, работалъ цѣлую зиму, и далъ ему богатой двѣ мѣры ржи; приноситъ убогой домой, отдаетъ хлѣбъ хозяйкѣ. Она и говоритъ: «работа̀лъ ты цѣлую зиму, а всего-на̀-всего зарабо́талъ двѣ мѣры ржи; коли смолоть её да хлѣбовъ напечь — поѣди́мъ, и опять ничего у насъ не будетъ! Лучше ступай ты къ брату, попроси быковъ и поѣзжай въ поле пахать да сѣять: авось Господь Богъ уродитъ, будемъ и мы съ хлѣбомъ!» — Не пойду, сказалъ убогой; все одно: проси, не проси — не дастъ онъ быковъ! «Ступай! теперь братъ въ большой радости, родила у него хозяйка сына, авось не откажетъ!» Пошелъ убогой къ богатому, выпросилъ пару быковъ и поѣхалъ на̀ поле; распахалъ свою десятину, посѣялъ, заборонова̀лъ, управился — и домой. Ѣдетъ дорогою, а на встрѣчу ему старецъ: «здравствуй, доброй человѣкъ!» — Здорово, старикъ! «Гдѣ былъ, что дѣлалъ?» — Поле пахалъ, рожь засѣвалъ. «А быки чьи?» — Быки братнины. «Твой братъ богатъ да немилостивъ; выбирай, что̀ знаешь: или сынъ у него помрётъ, или быки издохнутъ!» Подумалъ-подумалъ убогой: жалко ему и быковъ, и сына братнина, и говоритъ: «пускай лучше быки подохнутъ!» — Будь по твоему! сказалъ старецъ и пошелъ дальше. Сталъ подъѣзжать убогой братъ къ своимъ воротамъ, вдругъ оба быка упали на землю и тутъ-же издохли. Горько онъ заплакалъ и побѣжалъ къ богатому:

«прости, говорить; безъ вины виноватъ! Ужь такая бѣда стряслась: вѣдь быки-то пропали!»—«Какъ пропали? Нѣтъ, любезной! со мной такъ не раздѣлаешься; заморилъ быковъ, такъ отдавай деньгами.» И повёзъ его къ праведному судіѣ[1]).

Ѣдутъ они къ праведному судіѣ, и попадается имъ на встрѣчу большой обозъ, тянется по дорогѣ съ тяжелою кладью; а дѣло-то было зимою, снѣга лежали глубокіе. Вдругъ ни съ того, ни съ сего заупрямилась одна лошадь у извощика, шарахнулась въ сторону со всѣмъ возомъ и завязла въ сугробѣ. «Помогите, добрые люди! выручьте изъ бѣды!» сталъ просить

---

[1]) *Варіантъ:* Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата: одинъ—какъ чортъ богатъ, другой—до того бѣденъ, что почти ѣсть нечего; у богатаго не было ни единаго дѣтища, а у бѣднаго — девять сыновъ. Однажды повстрѣчалъ братъ брата, и говоритъ богатой убогому: «послушай, тебѣ самому ѣсть нечего, не токмѣ дѣтей прокормить; а я, по милости божіей, ни въ чемъ не знаю нужды; отдай мнѣ одного сына, надѣлю тебя за то и хлѣбомъ, и деньгами!»—Постой, у жены спрошу; что скажетъ, такъ тому и быть! Спросился у жены; она и слушать не хочетъ: «чортъ съ нимъ и съ его добромъ! я сына своего ни за какія деньги не продамъ.» Говоритъ убогой богатому, что жена не согласна, не даетъ сына. «Ну хоть помолись, братъ, вмѣстѣ съ своею хозяйкою Богу, чтобъ даровалъ мнѣ дѣтище; коли родится у меня сынъ, али дочь — возьму тебя кумомъ и щедрой рукой надѣлю и хлѣбомъ, и деньгами!» Пришелъ убогой къ хозяйкѣ, сказываетъ ей про то; она въ отвѣтъ: «ну что-жъ, родитъ ему жена, али нѣтъ, а Богу молиться — не грѣхъ!» Зачали они молить Бога, цѣлую ночь поклоны клали, и услышалъ ихъ Господь: взволновалась у богатаго жена и родила ему сына. Только богатой забылъ про свое обѣщаніе, взялъ въ кумовья къ себѣ именитаго купца, назвалъ гостей, и пошелъ у нихъ пиръ горой! «Ну что, много надавалъ тебѣ братъ денегъ и хлѣба? стала говорить убогому жена его; пойди, хоть лошади попроси въ лѣсъ по дрова съѣздить.» Пошелъ убогой; увидалъ его богатой и закричалъ грубымъ голосомъ: «ты еще зачѣмъ?» — Будь милостивъ, дай лошади въ лѣсъ по дрова съѣздить. «Ишь выбралъ время! развѣ не видишь, что у меня гости?» Поломался, поломался, и далъ ему стараго мерина. Поѣхалъ убогой въ лѣсъ; пока рубилъ онъ дрова—прибѣжалъ волкъ и съѣлъ мерина. Какъ узналъ про то богатой, напустился на брата пуще ворога: «собирайся, говоритъ, поѣдемъ въ судъ судиться.»—Твоя воля: что хочешь, то дѣлаешь!

извощикъ. «Дай сто рублевъ!» говоритъ богатой. — Что ты! али Бога не боишься? гдѣ взять тебѣ сто рублевъ? «Ну, самъ и вытаскивай!» — Постой, говоритъ убогой; я тебѣ задаромъ помогу. Соскочилъ съ саней, бросился къ лошади, ухватилъ за хвостъ и давай тащить: понатужился и оторвалъ совсѣмъ хвостъ. «Ахъ ты, мошенникъ! напалъ на него извощикъ; вѣдь конь-то двѣсти рублевъ стоитъ, а ты хвостъ оборвалъ! что я теперь стану дѣлать?» — Эхъ, братъ! сказалъ богатой извощику; что съ нимъ долго разговаривать? садись со мной да поѣдемъ къ праведному судіѣ.

Поѣхали всѣ трое вмѣстѣ, пріѣхали въ городъ и остановились на постояломъ дворѣ. Богатой съ извощикомъ пошли въ избу, а убогой стоитъ на морозѣ; смотритъ — копаетъ мужикъ глубокой колодезь, и думаетъ: «не быть добру! затаскаютъ, засудятъ меня. Эхъ, пропадай моя голова!» И бросился съ горя въ колодезь, только себя не доконалъ, а мужика зашибъ до смерти. Тотчасъ подхватили его и повели къ праведному судіѣ.

Сталъ судить праведный судія, и говоритъ богатому: «убогой загубилъ твоихъ быковъ, жалѣючи сына; коли хочешь, чтобъ онъ купилъ тебѣ пару быковъ, убей напередъ своего сына.» [1]) — Нѣтъ, сказалъ богатой, пусть лучше быки пропадаютъ.

Дальнѣйшія рѣшенія праведнаго судіи совершенно сходны съ текстомъ лубочной сказки.

---

[1]) *Варіантъ*: Говоритъ праведный судія: «пусть убогой купитъ тебѣ новую лошадь; а ты, богатой, отдай ему сына; вѣдь онъ тебѣ сына вымолилъ, а ты его добра не попомнилъ.»

20.

НИКИТА-КОЖЕМЯКА.

Около Кіева проявился змѣй, бралъ онъ съ народа поборы немалые: съ каждаго двора по красной дѣвкѣ; возметъ дѣвку да и съѣстъ ее. Пришелъ чередъ идти къ тому змѣю царской дочери. Схватилъ змѣй царевну и потащилъ ее къ себѣ въ берлогу, а ѣсть ее не сталъ: красавица собой была, такъ за жену себѣ взялъ. Полетитъ змѣй на свои промыслы, а царевну завалитъ бревнами, чтобъ не ушла. У той царевны была собачка, увязалась съ нею изъ дому. Напишетъ бывало царевна записочку къ батюшкѣ съ матушкой, навяжетъ собачкѣ на шею; а та побѣжитъ куда надо, да и отвѣтъ еще принесетъ. Вотъ разъ царь съ царицею и пишутъ къ царевнѣ: узнай, кто сильнѣе змѣя? Царевна стала привѣтливѣй къ своему змѣю, стала у него допытываться, кто его сильнѣе. Тотъ долго не говорилъ, да разъ и проболтался, что живетъ въ городѣ Кіевѣ Кожемяка—тотъ и его сильнѣе. Услыхала про то царевна, написала къ батюшкѣ: сыщите въ городѣ Кіевѣ Никиту-Кожемяку, да пошлите его меня изъ неволи выручать. Царь, получивши такую вѣсть, сыскалъ Никиту-Кожемяку, да самъ пошелъ просить его, чтобы освободилъ его землю отъ лютаго змѣя и выручилъ царевну. Въ ту пору Никита кожи мялъ, держалъ онъ въ рукахъ двѣнадцать кожъ; какъ увидалъ онъ, что къ нему пришелъ самъ царь, задрожалъ со страху, руки у него затряслись—и разорвалъ онъ тѣ двѣнадцать кожъ. Да сколько не упрашивалъ царь съ царицею Кожемяку, тотъ не пошелъ супротивъ змѣя. Вотъ и придумали собрать пять тысячъ дѣтей малолѣтныхъ, да и заставили ихъ просить Кожемяку; авось на ихъ слезы сжалобится! Пришли къ Никитѣ малолѣтные, стали со слезами просить, чтобъ шелъ онъ супро-

тивъ змѣя. Прослезился и самъ Никита-Кожемяка, на ихъ слезы глядя. Взялъ триста пудъ пеньки, насмолилъ смолою, и весь таки обмотался, чтобы змѣй не съѣлъ, да и пошелъ на него. Подходитъ Никита къ берлогѣ змiиной, а змѣй заперся и не выходитъ къ нему. «Выходи лучше въ чистое поле, а то и берлогу размечу», сказалъ Кожемяка и сталъ уже двери ломать. Змѣй, видя бѣду неминучую, вышелъ къ нему въ чистое поле. Долго-ли, коротко-ли бился съ змѣемъ Никита-Кожемяка, только повалилъ змѣя. Тутъ змѣй сталъ молить Никиту: «не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильнѣй насъ съ тобой въ свѣтѣ нѣтъ; раздѣлимъ всю землю, весь свѣтъ по-ровну: ты будешь жить въ одной половинѣ, а я въ другой».—Хорошо, сказалъ Кожемяка, надо межу проложить. Сдѣлалъ Никита соху въ триста пудъ, запрёгъ въ нее змѣя, да и сталъ отъ Кіева межу пропахивать; Никита провелъ борозду отъ Кіева до моря Кавстрійскаго. «Ну, говоритъ змѣй, теперь мы всю землю раздѣлили!»—Землю раздѣлили, проговорилъ Никита, давай море дѣлить; а то ты скажешь, что твою воду берутъ. Взъѣхалъ змѣй на середину моря, Никита-Кожемяка убилъ и утопилъ его въ морѣ. Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двухъ саженъ. Кругомъ ее пашутъ, а борозды не трогаютъ; а кто не знаетъ, отъ чего эта борозда, — называетъ ее *валомъ*. Никита-Кожемяка, сдѣлавши святое дѣло, нè взялъ за работу ничего, пошелъ опять кожи мять.

(Записана въ Козловѣ, тамбовской губерніи П. И. Якушкинымъ.)

21.

МАЛЬЧИКЪ-СЪ-ПАЛЬЧИКЪ.

Жилъ себѣ старикъ со старухою. Разъ старуха рубила капусту на пироги, задѣла нечаянно по рукѣ и отрубила мизи-

ный палецъ; отрубила и бросила за печку. Вдругъ послышалось старухѣ — кто-то говоритъ за печкой человѣческимъ голосомъ: «матушка! сними меня отсюдова.» Изумилась она, сотворила честной крестъ, и спрашиваетъ: «ты кто таковъ?» — Я твой сынокъ, народился изъ твоего мизинчика. Сняла его старуха, смотритъ — мальчикъ крохотной-крохотной, еле отъ земли видно! и назвала его Мальчикъ-съ-пальчикъ. «А гдѣ мой батюшка?» спрашиваетъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. — Поѣхалъ на пашню. «Я къ нему пойду, помогать стану.» — Ступай, дитятко! [1]).

Пришелъ онъ на пашню: «Богъ въ помочь, батюшка!» Осмотрѣлся старикъ кругомъ; «что за чудо! говоритъ; гласъ человѣческой слышу, а никого не вижу. Кто таковъ говоритъ со мною?» — Я — твой сынокъ. «Да у меня и дѣтей съ роду

---

[1]) *Варіантъ 1:* Въ одной деревнѣ жили-были мужикъ да баба, дѣтей у нихъ не было. Стали они Богу молиться, да просить себѣ дѣтища. Услышалъ Богъ молитву. Говоритъ однажды мужикъ бабѣ: «старуха! нѣтъ ли у насъ какого полѣна; я нащиплю лучины.» Баба въ отвѣтъ: «возьми, старикъ, въ печкѣ.» Мужикъ взялъ топоръ, досталъ полѣно и давай лучину щипать; щипалъ-щипалъ и отрубилъ себѣ пальчикъ; изъ того пальчика сдѣлался мальчикъ, да такой рѣзвой, разумной; только народился, а ужъ съ отцемъ, съ матерью разговариваетъ. Возрадовались мужикъ съ бабою, возблагодарили Господа и назвали своего мальчика Микулка Четвертной. На другой день поѣхалъ мужикъ землю пахать, а баба принялась блины печь. Напекла блиновъ, намазала и говоритъ Микулкѣ: «на, сынокъ! снеси отцу пообѣдать.»

Варіантъ 2: Жили-были старикъ со старухою. Стала старуха капусту рубить, отсѣкла себѣ пальчикъ, бросила на печку, а сама приговариваетъ: «пальчикъ, пальчикъ! вырости мальчикъ.» Истопила печь, напекла блинковъ, воздохнула и промолвила: «еслибъ былъ у меня сынокъ, онъ бы снесъ къ отцу блинковъ позавтракать!» Только вымолвила — соскочилъ съ печи мальчикъ-съ-пальчикъ: «давай, матушка! я снесу.» — Ахъ, сынокъ! ты еще малёшенекъ, гдѣ тебѣ блины тащить! «Ничего, матушка! я малъ да удалъ; гдѣ бокомъ, гдѣ скокомъ — донесу до батюшки!» Пришелъ на отцовскую полосу: «ѣшь, батюшка, блины; а я пахать стану.» — Гдѣ тебѣ пахать? ты еще за соху не ухватишься! «Ничего! я малъ, да удалъ!» Усѣлся поверхъ сошника, взялъ возжи, и ну пахать землю.

не бывало!» — Я только что народился на бѣлый свѣтъ: рубила матушка капусту на пироги, отрубила себѣ мизинный палецъ съ руки, бросила за печку — вотъ я и сталъ Мальчикъ-съ-пальчикъ! Пришелъ тебѣ помогать — землю пахать. Садись, батюшка, закуси чѣмъ Богъ послалъ, да отдохни маленько. Обрадовался старикъ, сѣлъ обѣдать; а Мальчикъ-съ-пальчикъ залѣзъ лошади въ ухо и сталъ пахать землю; а напередъ отцу наказалъ: «коли кто будетъ торговать меня, продавай смѣло; небось — не пропаду, назадъ домой прійду.» Вотъ ѣдетъ мимо баринъ, смотритъ и дивуется: конь идетъ, соха орётъ (пашетъ), а человѣка нѣтъ! «Этого, говоритъ, еще видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, чтобы лошадь сама собой пахала!» — Что ты развѣ ослѣпъ! отозвался ему старикъ; то у меня сынъ пашетъ. «Продай его мнѣ!» — Нѣтъ, не продамъ; намъ только и радости со старухой, только и утѣхи, что̀ онъ! «Продай, дѣдушка!» пристаетъ баринъ. «Ну, давай тысячу рублевъ — твой будетъ!» — Что такъ дорого? «Самъ видишь: мальчикъ малъ да удалъ, на ногу скоръ, на посылки лёгокъ!» Баринъ заплатилъ тысячу, взялъ мальчика, посадилъ въ карманъ и поѣхалъ домой. А Мальчикъ-съ-пальчикъ напаскудѣлъ ему въ карманъ, прогрызъ дыру и ушелъ.

Шелъ-шелъ, и пристигла его темная ночь; спрятался онъ подъ былинку, подлѣ самой дороги, лежитъ себѣ, спать собирается[1]). Идутъ мимо три вора. «Здравствуйте, добрые молодцы!» говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. «Здорово!» — Куда идете? «Къ попу.» — Зачѣмъ? «Быковъ воровать.» — Возьмите и меня съ собой! «Куда ты годишься? намъ надо такого молодца, чтобъ разъ далъ — и духъ вонъ!» — Пригожусь и я:

---

[1]) *Варіантъ:* Шелъ-шелъ онъ; вдругъ поднялась буря и пошелъ сильный дождь. Микулка Четвертной сталъ подъ старой грибъ, и стоитъ словно подъ крышкою.

въ подворотню пролѣзу да вамъ ворота отопру. «И то дѣло! пойдемъ съ нами». Вотъ пришли въ четверомъ къ богатому попу; Мальчикъ-съ-пальчикъ пролѣзъ въ подворотню, отворилъ ворота, и говоритъ: «вы, братцы! здѣсь на дворѣ постойте, а я заберусь въ сарай, да выберу быка получше и выведу къ вамъ.» — Ладно! Забрался онъ въ сарай, и кричитъ оттуда во всю глотку: «какого быка тащить — бураго, али чорнаго?» — Не шуми, говорятъ ему воры; тащи, какой подъ руку попадется [1]). Мальчикъ-съ-пальчикъ вывелъ имъ быка что ни есть самаго лучшаго; воры пригнали быка въ лѣсъ, зарѣзали, сняли шкуру, и стали дѣлить мясо. «Ну, братцы! говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ, я возьму себѣ требуху; съ меня и того будетъ.» Взялъ требуху и тутъ-же залѣзъ въ нее спать — ночь коротать; а воры подѣлили мясо и пошли по домамъ.

Набѣжалъ голодной волкъ и проглотилъ требуху вмѣстѣ съ мальчикомъ: сидитъ онъ въ волчьемъ брюхѣ живой, и горя ему мало! Плохо пришлось сѣрому! Увидитъ онъ стадо, овцы пасутся, пастухъ спитъ, и только что подкрадется овцу унести — какъ Мальчикъ-съ-пальчикъ и закричитъ во все горло: «пастухъ, пастухъ, овечій духъ! ты спишь, а волкъ овцу тащитъ!» Пастухъ проснется, бросится на волка съ дубиною да притравитъ его собаками, а собаки ну его рвать — только

---

[1]) Въ другомъ спискѣ сказка оканчивается такъ: «Да какого, спрашиваетъ опять, бураго, али чорнаго?» Воры испугались — пожалуй, отъ такого шума хозяева проснутся! — и припустились въ лѣсъ. А Мальчикъ-съ-пальчикъ увелъ быка и погналъ его домой; нагоняютъ его воры: «давай дѣлиться!» Зарѣзали быка, мальчику бросили требуху да кишки, а мясо себѣ взяли, поклали на возъ, и поѣхали своей дорогой. Пока собирались они въ путь-дорогу, Мальчикъ-съ-пальчикъ улучилъ минуту, вскочилъ потихоньку въ телегу, залѣзъ въ щель промежъ досокъ, и давай свистать. Воры услыхали свистъ и говорятъ одинъ другому: «эхъ, братцы! за нами погоня послана. Ужь близко! уйдемъ, пока не догнали!» Бросили телегу и побѣжали въ лѣсъ. А Мальчикъ-съ-пальчикъ со всѣмъ возомъ пріѣхалъ домой.

клочья летятъ! еле-еле уйдетъ сердешной! Совсѣмъ отощалъ волкъ, пришлось пропадать съ голоду. «Вылѣзай!» проситъ волкъ. — Довези меня домой къ отцу, къ матери, такъ вылѣзу, говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. Побѣжалъ волкъ въ деревню, вскочилъ прямо къ старику въ избу; Мальчикъ-съ-пальчикъ тотчасъ вылѣзъ изъ волчьяго брюха задомъ, схватилъ волка за хвостъ и кричитъ: «бейте волка, бейте сѣраго!» Старикъ схватилъ дубинку, старуха другую, и давай бить волка; тутъ его и порѣшили, сняли кожу да сынку тулупъ сдѣлали. И стали они жить-поживать, вѣкъ доживать.

22.

ХИТРАЯ НАУКА. [1])

Жили себѣ дѣдъ да баба, былъ у нихъ сынъ. Старикъ-то былъ бѣдный; хотѣлось ему отдать сына въ науку, чтобъ съ-молоду былъ родителямъ своимъ на утѣху, подъ старость на перемѣну [2]), а по смерти на поминъ души; да что станешь дѣлать, коли достатку нѣтъ! Водилъ онъ его, водилъ по городамъ — авось возьмётъ кто въ ученье; нѣтъ, никто не взялся учить безъ денегъ. Воротился старикъ домой, поплакалъ-поплакалъ съ бабою, потужилъ-погоревалъ о своей бѣдности, и опять повелъ сына въ городъ. Только пришли они въ городъ, попадается имъ на встрѣчу человѣкъ, и спрашиваетъ дѣда: «что, старичокъ, пригорюнился?» — Какъ мнѣ не пригорюниться! сказалъ дѣдъ; вотъ водилъ-водилъ сына, никто не берётъ безъ денегъ въ науку, а денегъ нѣтути! «Ну, такъ отдай его мнѣ, говоритъ встрѣчной; я его въ три года выучу всѣмъ хитростямъ. А черезъ три года, въ этотъ самой день,

---

[1]) См. выпускъ VI, № 45. [2]) *Вар.* на помогу.

въ этотъ самой часъ, приходи за сыномъ; да смотри: коли не просрочишь — придешь во время да узнаешь своего сына — возьмёшь его назадъ; а коли нѣтъ, такъ оставаться ему у меня.» Дѣдъ такъ обрадовался, и не спросилъ: кто такой встрѣчной, гдѣ живетъ и чему учить станетъ малаго? отдалъ ему сына и пошелъ домой. Пришелъ домой въ радости, разсказалъ обо всёмъ бабѣ; а встрѣчной-та былъ колдунъ.

Вотъ прошли три года, а старикъ совсѣмъ позабылъ, въ какой день отдалъ сына въ науку, и не знаетъ, какъ ему быть. А сынъ за день до срока прилетѣлъ къ нему малою птичкою, хлопнулся о завалинку и вошелъ въ избу добрымъ молодцемъ [1]); поклонился отцу и говоритъ: завтра де сровняется какъ разъ три года, надо за нимъ приходить; и разсказалъ, куда за нимъ приходить и какъ его узнавать. «У хозяина моего не я одинъ въ наукѣ; есть, говоритъ, еще одиннадцать работниковъ, навсегда при немъ остались — отъ того, что родители не смогли ихъ признать; и только ты меня не признаешь, такъ и я останусь при немъ двѣнадцатымъ. Завтра, какъ придёшь ты за мною, хозяинъ всѣхъ насъ двѣнадцать выпуститъ бѣлыми голубями — перо въ перо, хвостъ въ хвостъ и голова въ голову ровны. Вотъ ты и смотри: всѣ высоко станутъ летать, а я нѣтъ-нѣтъ, да возьму повыше всѣхъ. Хозяинъ спроситъ: узналъ ли своего сына? ты и покажь на того голубя, что повыше всѣхъ [2]). Послѣ выведетъ онъ къ тебѣ двѣнадцать жеребцовъ — всѣ одной масти, гривы на одну сторону, и собой ровны; какъ станешь проходить мимо тѣхъ жеребцовъ, хорошенько примѣчай: я нѣтъ-нѣтъ, да правой ногою и топну [3]).

---

[1]) *Варіантъ:* Слышитъ дѣдъ — жужжитъ пчела, прямо къ нему прилетѣла, ударилась о земь и оборотилась добрымъ молодцемъ. «Здравствуй, батюшка!» Поклонился сынъ отцу...

[2]) *Вар.* Всѣ будутъ смирно стоять, а я нѣтъ-нѣтъ, да стану носомъ пёрушки обчищать...

[3]) *Вар.* я нѣтъ-нѣтъ, и моргну (поведу) правымъ ухомъ.

Хозяинъ опять спроситъ: узналъ своего сына? ты смѣло показывай на меня. Послѣ того выведетъ къ тебѣ двѣнадцать добрыхъ молодцевъ — ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ, всѣ на одно лицо, и одёжей ровны. Какъ станешь проходить мимо тѣхъ молодцевъ, примѣчай-ка: на правую щеку ко мнѣ нѣтъ-нѣтъ, да и сядетъ малая мушка [1]). Хозяинъ опять таки спроситъ: узналъ ли своего сына? ты и покажъ на меня.»

Разсказалъ все это, распростился съ отцемъ и пошелъ изъ дому, хлопнулся о завалинку, сдѣлался птичкою и улетѣлъ къ хозяину. Поутру дѣдъ всталъ, собрался и пошелъ за сыномъ. Приходитъ къ колдуну. «Ну, старикъ! говоритъ колдунъ, выучилъ твоего сына всѣмъ хитростямъ. Только если не признаешь его, оставаться ему при мнѣ на вѣки вѣчные.» Послѣ того выпустилъ онъ двѣнадцать бѣлыхъ голубей — перо въ перо, хвостъ въ хвостъ, голова въ голову ровны, и говоритъ: «узнавай, старикъ, своего сына!» — Какъ узнавать-то, вишь всѣ ровны! Смотрѣлъ-смотрѣлъ, да какъ поднялся одинъ голубь повыше всѣхъ, указалъ на того голубя: «кажись, это мой!» — Узналъ, узналъ, дѣдушка! сказываетъ колдунъ. Въ другой разъ выпустилъ онъ двѣнадцать жеребцовъ — всѣ какъ одинъ, и гривы на одну сторону. Сталъ дѣдъ ходить вокругъ жеребцовъ да приглядываться, а хозяинъ спрашиваетъ: «ну что, дѣдушка! узналъ своего сына?» — Нѣтъ еще, погоди маленько; да какъ увидалъ, что одинъ жеребецъ топнулъ правою ногою, сейчасъ показалъ на него: «кажись, это мой!» — Узналъ, узналъ, дѣдушка! Въ третій разъ вышли двѣнадцать добрыхъ молодцевъ — ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ, всѣ на одно лицо, словно одна мать родила. Дѣдъ разъ прошелъ мимо молодцевъ — ничего не заприметилъ, въ другой

---

[1]) *Вар.* Выведетъ къ тебѣ двѣнадцать волковъ (или: медвѣдей); всѣ будутъ смирно стоять, а я назадъ оглянусь (а я стану лапу сосать).

прошелъ — тожъ ничего, а какъ проходилъ въ третій разъ — увидалъ у одного молодца на правой щекѣ муху, и говоритъ: «кажись, это мой!» — Узналъ, узналъ, дѣдушка! Вотъ, дѣлать нечего, отдалъ колдунъ старику сына, и пошли они себѣ домой.

Шли-шли, и видятъ: ѣдетъ по дорогѣ какой-то баринъ. «Батюшка, говоритъ сынъ, я сейчасъ сдѣлаюсь собачкою; баринъ станетъ покупать меня, ты меня-то продай, а ошейника не продавай; не то я къ тебѣ назадъ не ворочусь!» Сказалъ такъ-то, да въ ту-жъ минуту ударился о земь и оборотился собачкою. Баринъ увидалъ, что старикъ ведетъ собачку, зачалъ ее торговать: не такъ ему собачка показалася, какъ ошейникъ хорошъ. Баринъ даетъ за нее сто рублевъ, а дѣдъ проситъ триста; торговались-торговались, и купилъ баринъ собачку за двѣсти рублевъ. Только сталъ было дѣдъ снимать ошейникъ, куда! баринъ и слышать про то не хочетъ, упирается. «Я ошейника не продавалъ, говоритъ дѣдъ; я продалъ одну собачку.» А баринъ: «нѣтъ, врёшь! кто купилъ собачку, тотъ купилъ и ошейникъ.» Дѣдъ подумалъ-подумалъ (вить и вправь безъ ошейника нельзя купить собаку!) и отдалъ ее съ ошейникомъ. Баринъ взялъ и посадилъ собачку къ себѣ, а дѣдъ забралъ деньги и пошелъ домой.

Вотъ баринъ ѣдетъ себѣ да ѣдетъ, вдругъ — откуда не возьмись — бѣжитъ на встрѣчу заяцъ. «Что, думаетъ баринъ, али выпустить собачку за зайцемъ, да посмотрѣть ея прыти?» Только выпустилъ, смотритъ: заяцъ бѣжитъ въ одну сторону, собака въ другую — и убѣжала въ лѣсъ. Ждалъ-ждалъ ее баринъ, не дождался и поѣхалъ не при чемъ. А собачка оборотилась добрымъ молодцемъ. Дѣдъ идетъ дорогою, идетъ широкою, и думаетъ: какъ домой глаза-то показать, какъ старухѣ сказать, куда сына дѣвалъ? А сынъ ужь нагналъ его: «эхъ, батюшка! говоритъ, зачѣмъ съ ошейникомъ продавалъ?

Ну, не повстрѣчай мы зайца, я-бъ не воротился, такъ-бы и пропалъ ни-за-што!»

Воротились они домой и живутъ себѣ по-маленьку. Много-ли, мало-ли прошло времени, въ одно воскресенье говоритъ сынъ отцу: «батюшка, я обернусь птичкою, понеси меня на базаръ и продай; только клѣтки не продавай, не то домой не ворочусь.» Ударился ô земь, сдѣлался птичкою; старикъ посадилъ ее въ клѣтку и понёсъ продавать. Обступили старика люди, на перебой начали торговать птичку: такъ она всѣмъ показалася! Пришелъ и колдунъ, тотчасъ призналъ дѣда и догадался, что у него за птица въ клѣткѣ сидитъ. Тотъ даетъ дорого, другой даетъ дорого, а онъ дороже всѣхъ: продалъ ему старикъ птичку, а клѣтки не отдаетъ; колдунъ туда-сюда, бился съ нимъ, бился, ничего не беретъ! Взялъ одну птичку, завернулъ въ платокъ и понёсъ домой. «Ну, дочка, говоритъ дома, я купилъ нашего шельмеца!»—Гдѣ-же онъ? Колдунъ распахнулъ платокъ, а птички давно нѣтъ; улетѣла сердешная!

Насталъ опять воскресный день. Говоритъ сынъ отцу: «батюшка! я обернусь нынче лошадью; смотри-же лошадь продавай, а уздечки не моги продавать; не то домой не ворочусь.» Хлопнулся о сырую землю и сдѣлался лошадью; повелъ ее дѣдъ на базаръ продавать. Обступили старика торговые люди, все барышники: тотъ даетъ дорого, другой даетъ дорого, а колдунъ дороже всѣхъ. Дѣдъ продалъ ему сына, а уздечки не отдаетъ. «Да какъ-же я поведу лошадь-то? спрашиваетъ колдунъ; дай хоть до двора довести, а тамъ пожалуй — бери свою узду: мнѣ она не въ корысть!» Тутъ всѣ барышники на дѣда накинулись: такъ де не водится! продалъ лошадь — продалъ и узду. Что съ ними подѣлаешь? отдалъ дѣдъ уздечку. Колдунъ привелъ коня на свой дворъ, поставилъ въ конюшню, накрѣпко привязалъ къ кольцу и высоко притянулъ ему голо-

ву: стоитъ конь на однихъ заднихъ ногахъ, передніе до земи не хватаютъ. «Ну, дочка сказываетъ опять колдунъ, вотъ когда купилъ, такъ купилъ нашего шельмеца.»—Где-же онъ? «На конюшнѣ стоитъ.» Дочь побѣжала смотрѣть; жалко ей стало добра молодца, захотѣла подлиннѣй отпустить поводъ, стала распутывать да развязывать, а конь тѣмъ временемъ вырвался и пошелъ вёрсты отсчитывать. Бросилась дочь къ отцу: «батюшка, говоритъ, прости! грѣхъ меня попуталъ, конь убѣжалъ!»[1]). Колдунъ хлопнулся о сырую землю, сдѣлался сѣрымъ волкомъ и пустился въ погоню: вотъ близко, вотъ нагонитъ! Конь прибѣжалъ къ рѣкѣ, ударился ó земь, оборотился ершомъ и бултыхъ въ воду, а волкъ за нимъ щукою. Ершъ бѣжалъ-бѣжалъ водою, добрался къ плотамъ, гдѣ красныя дѣвицы бѣльё моютъ, перекинулся золотымъ кольцомъ и подкатился купеческой дочери пóдъ ноги. Купеческая дочь подхватила колечко и спрятала. А колдунъ сдѣлался по-прежнему человѣкомъ: «отдай, пристаетъ къ ней, мое золотое кольцо.» —Бери! говоритъ дѣвица и бросила кольцо нáземь. Какъ ударилось оно, въ ту-жъ минуту разсыпалось мелкими зернами. Колдунъ обернулся пѣтухомъ и бросился клевать; пока клевалъ — одно зерно обернулось ястребомъ, и плохо пришлось пѣтуху: задралъ его ястребъ! Тѣмъ сказкѣ конецъ, а мнѣ водочки корецъ.

(Записана въ бобровскомъ уѣздѣ, воронежской губерніи.)

---

[1]) *Варіантъ:* Идетъ дѣдъ путемъ-дорогою, а самъ пригорюнился. На встрѣчу ему старушка! «что такъ кручиненъ, дѣдушка?»—Ахъ родимая, какъ не кручиниться? роднаго сына навѣкъ продалъ. «Хочешь добру научу?» —Научи, бабушка! «Ступай на зеленые луга, прилетитъ туда сорока—ты всю бѣду ей и разскажи!» Побрёлъ дѣдъ на луга, увидалъ сороку-бѣлобоку, скачетъ на одной ножкѣ: «чикъ-чикъ, старичокъ! отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?»—Эхъ, не вѣдаешь ты моего горя! вѣдь я сына продалъ! «Чикъ-чикъ, дѣдушка! все знаю-все вѣдаю... (а то не сорока была, то была дочь колдуна!) Не плачь не тужи! мнѣ тебя жалко, а твоему горю помогу.» Взвилась и полетѣла въ конюшню, отвязала коня и отпустила на волю. Колдунъ увидалъ....

23.

МОРСКОЙ ЦАРЬ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ. [1])

а. Жилъ былъ царь съ царицею. Любилъ онъ ходить на охоту и стрѣлять дичь. Вотъ одинъ разъ пошелъ царь на охоту и увидѣлъ: сидитъ на дубу молодой орелъ; только хотѣлъ его застрѣлить, орелъ и проситъ: «не стрѣляй меня, царь-государь! возьми лучше къ себѣ, въ нѣкое время я тебѣ пригожусь.» Царь подумалъ-подумалъ, и говоритъ: «зачѣмъ ты мнѣ нуженъ!»—и хочетъ опять стрѣлять. Говоритъ ему орелъ въ другой разъ: «не стрѣляй меня, царь-государь! возьми лучше къ себѣ, въ нѣкое время я тебѣ пригожусь.» Царь думалъ-думалъ, и опять-таки не придумалъ, на что бы такое пригодился ему орелъ, и хочетъ ужь совсѣмъ застрѣлить его. Орелъ и въ третій разъ провѣщалъ: «не стрѣляй меня, царь-государь! возьми лучше къ себѣ да прокорми три года; въ нѣкое время я пригожусь тебѣ!» Царь смиловался, взялъ орла къ себѣ и кормилъ его годъ и два: орелъ такъ много поѣдалъ, что всю скотину пріѣлъ; не стало у царя ни овцы, ни коровы. Говоритъ ему орелъ: «пусти-ка меня на волю!» Царь выпустилъ его на волю; попробовалъ орелъ свои крылья, нѣтъ—не сможетъ еще летать! и проситъ: «ну, царь-государь! кормилъ ты меня два года; ужь какъ хочешь, а прокорми еще годъ; хоть займи, да прокорми: въ накладѣ не будешь!» Царь то и сдѣлалъ: вездѣ занималъ скотинку и цѣлый годъ кормилъ орла, а послѣ выпустилъ его на волю вольную. Орелъ поднялся высоко-высоко, леталъ-леталъ, спустился на землю и говоритъ: «ну, царь-государь! садись теперь на меня; полетимъ вмѣстѣ.» Царь сѣлъ на птицу. Вотъ и полетѣли они;

---

[1]) См. выпускъ VI, № 48. и 49.

ни много, ни мало прошло времени, прилетѣли на край моря синяго. Тутъ орелъ скинулъ съ себя царя, и упалъ онъ въ море—по колѣни намокъ; только орелъ не далъ ему потонуть, подхватилъ его на крыло, и спрашиваетъ: «что, царь-государь, небось испуж(г)ался?» — Испужался, говоритъ царь; думалъ, что совсѣмъ потону! Опять летѣли, летѣли, прилетѣли къ другому морю. Орелъ скинулъ съ себя царя какъ разъ посерёдъ моря—ажно царь по поясъ намокъ. Подхватилъ его орелъ на крыло и спрашиваетъ: «что, царь-государь, небось испужался?»—Испужался, говоритъ онъ, да все думалось: авось, Богъ дастъ, ты меня вытащишь. Опять таки летѣли, летѣли, и прилетѣли къ третьему морю. Скинулъ орелъ царя въ великую глубь—ажно намокъ онъ по самую шею. И въ третій разъ подхватилъ его орелъ на крыло, и спрашиваетъ: «что, царь-государь, небось испужался.»—Испужался, говоритъ царь, да все думалось: авось ты меня вытащишь. «Ну, царь-государь, теперь ты изведалъ, каковъ смертной страхъ! Это тебѣ за старое, за прошлое: помнишь ли, какъ сидѣлъ я на дубу, а ты хотѣлъ меня застрѣлить; три раза примался стрѣлять, а я все просилъ тебя да на мысли держалъ: авось не загубишь, авось смилуешься—къ себѣ возьмешь!»

Послѣ полетѣли они за тридевять земель; долго-долго летѣли. Сказываетъ орелъ: «посмотри-ка, царь-государь, что надъ нами и что подъ нами?» Посмотрѣлъ царь: «надъ нами, говоритъ, небо, подъ нами земля.»—Посмотри-ка еще, что по правую сторону и что по лѣвую? «По правую сторону поле чистое, по лѣвую домъ стоитъ.»—Полетимъ туда, сказалъ орелъ; тамъ живетъ моя меньшая сестра. Опустились прямо на дворъ; сестра выступила на встрѣчу, примаетъ своего брата, сажаетъ его за дубовой столъ, а на царя и смотрѣть не хочетъ; оставила его на дворѣ, спустила борзыхъ со-

бакъ и давай травить. Крѣпко осерчалъ орелъ, выскочилъ изъ за стола, подхватилъ царя и полетѣлъ съ нимъ дальше. Вотъ летѣли они, летѣли; говоритъ орелъ царю: «погляди, что позади насъ?» Обернулся царь, посмотрѣлъ: «позади насъ домъ красной.» А орелъ ему: «то горитъ домъ меньшой моей сестры—зачѣмъ тебя не примала, да борзыми собаками травила!» Летѣли-летѣли, орелъ опять спрашиваетъ: «посмотри, царь-государь, что надъ нами и что подъ нами?»—Надъ нами небо, подъ нами земля. «Посмотри-ка, что будетъ по правую сторону и что по лѣвую?»—По правую сторону поле чистое, по лѣвую домъ стойтъ. «Тамъ живетъ моя середняя сестра: полетимъ къ ней въ гости.» Опустились на широкой дворъ; середняя сестра примаетъ своего брата, сажаетъ его за дубовой столъ, а царь на дворѣ остался: выпустила она борзыхъ собакъ и притравила его. Орелъ осерчалъ, выскочилъ изъ за стола, подхватилъ царя и улетѣлъ съ нимъ еще дальше. Летѣли они, летѣли; говоритъ орелъ: «царь-государь! посмотри, что позади насъ?» Царь обернулся: стойтъ позади красной домъ. «То горитъ домъ моей середней сестры! сказалъ орелъ; теперь полетимъ туда, гдѣ живутъ моя мать и старшая сестра.» Вотъ прилетѣли туда; мать и старшая сестра куда какъ имъ обрадовались, и примали царя съ честью, съ ласкою. «Ну, царь-государь! сказалъ орелъ, отдохни у насъ, а послѣ дамъ тебѣ корабль, расплачусь съ тобой за все, что поѣлъ у тебя, и ступай съ Богомъ домой.» Далъ онъ царю корабль и два сундучка: одинъ—красной, другой—зеленой, и сказываетъ: «смотри же, не отпирай сундучковъ, пока домой не пріѣдешь; красной сундучокъ отопри на заднемъ дворѣ, а зеленой сундучокъ на переднемъ дворѣ.»

Взялъ царь сундучки, распростился съ орломъ и поѣхалъ по синему морю; доѣхалъ до какого-то острова, тамъ его корабль остановился. Вышелъ онъ на берегъ, вспомянулъ про

сундучки, сталъ придумывать, что бы такое въ нихъ было и зачѣмъ орелъ не велѣлъ открывать ихъ, думалъ-думалъ, не утерпѣлъ—больно [1]) узнать ему захотѣлось—взялъ онъ красной сундучокъ, поставилъ нà-земь и открылъ, а оттудова столько разнаго скота вышло, что глазомъ не окинешь! едва на островѣ помѣстилась. Какъ увидалъ это царь, взгоревался, зàчалъ плакать и приговаривать: «что же мнѣ теперь дѣлать? какъ опять соберу все стадо въ такой маленькой сундучокъ?» И видитъ онъ—вышелъ изъ воды человѣкъ, подходитъ къ нему и спрашиваетъ: «чего ты, царь-государь, такъ горько плачешь?»—Какъ же мнѣ не плакать! отвѣчаетъ царь; какъ мнѣ будетъ собрать все это стадо великое въ такой маленькой сундучокъ? «Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебѣ все стадо, только съ уговоромъ: отдай мнѣ—чего дòма не знаешь.» Задумался царь: «чего бы это я дома не зналъ? кажись, все знаю.» Подумалъ и согласился: «собери, говоритъ, отдамъ тебѣ—чего дома не знаю.» Вотъ тотъ человѣкъ собралъ ему въ сундучокъ всю скотину; царь сѣлъ на корабль и поплылъ восвояси. Какъ пріѣхалъ домой, тутъ только увѣдалъ, что родился у него сынъ-царевичъ, сталъ онъ его цѣловать, миловàть, а самъ такъ слезами и разливается. «Царь-государь! спрашиваетъ царица; скажи, о чемъ горьки слезы ронишь?« —Съ радости, говоритъ; побоялся-то сказать ей правду, что надо отдавать царевича. Вышелъ онъ послѣ на заднiй дворъ, открылъ красной сундучокъ—и полѣзли оттуда быки да коровы, овцы да бараны; много-много набралось всякаго скота, всѣ сараи и варки [2]) стали полны. Вышелъ на переднiй дворъ, открылъ зеленой сундучокъ—и появился передъ нимъ большой да славной садъ: какихъ-какихъ деревьевъ тутъ ни было! Царь такъ обрадовался, что и забылъ отдавать сына. Прошло много

[1]) Очень, сильно. [2]) Загороженныя мѣста, куда загоняютъ скотъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 21).

лѣтъ. Разъ какъ-то захотѣлось царю погулять, подошелъ онъ къ рѣкѣ; на ту пору показался изъ воды прежній человѣкъ и говоритъ: «скоро же ты, царь-государь, забывчивъ сталъ! вспомни, вѣдь ты долженъ мнѣ!» Воротился царь домой съ тоскою-кручиною и разсказалъ царицѣ и царевичу всю правду истинную. Погоревали, поплакали всѣ вмѣстѣ, и рѣшили, что дѣлать-то нечего, надо отдавать царевича; отвезли его на взморье, и оставили одного.

Оглядѣлся царевичъ кругомъ, увидалъ тропинку и пошелъ по ней: авось куда Богъ приведетъ. Шелъ-шелъ, и очутился въ дремучемъ лѣсу; стоитъ въ лѣсу избушка, въ избушкѣ живетъ баба-яга. «Дай зайду», подумалъ царевичъ и вошелъ въ избушку. «Здравствуй, царевичъ! молвила баба-яга; дѣло пытаешь, или отъ дѣла лытаешь?» —Эхъ, бабушка! напой, накорми, да потомъ распроси. Она его напоила, накормила, [1] и царевичъ разсказалъ про все безъ утайки, куда и зачѣмъ идетъ. Говоритъ ему яга-баба: «иди, дитятко, на̀ море; прилетятъ туда двѣнадцать колпицъ, обернутся красными дѣвицами и станутъ купаться; ты подкрадься потихохоньку и захвати у старшей дѣвицы сорочку. Какъ поладишь съ нею, ступай къ морскому царю, и понадутся тебѣ на встрѣчу Объѣдало да Опивало, попадется еще Морозъ-Трескунъ—всѣхъ возьми съ собою; они тебѣ къ добру пригодятся.» Простился царевичъ съ ягою, пошелъ на сказанное мѣсто на̀ море, и спрятался за кусты. Тутъ прилетѣли двѣнадцать колпицъ, ударились о сырую землю, обернулись красными дѣвицами и стали купаться. Царевичъ скралъ у старшей сорочку, сидитъ за кустомъ—не

---

[1]) *Варіантъ:* Идетъ царевичъ по бережку. На встрѣчу ему старая баба. «Куда путь держишь, царевичъ?»—Отвяжись, старая! и безъ тебя тошно. Пошла баба своей дорогой, а царевичъ пораздумалъ: «вѣдь старые люди разсудливы! Эй, говоритъ, воротись, бабушка! всю правду тебѣ скажу.» Воротилась старуха...

ворохнется. Дѣвицы выкупались и вышли на берегъ; одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетѣли домой; оставалась одна старшая Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца: «отдай, говоритъ, мою сорочку; придешь къ батюшкѣ Водяному Царю — въ то времячко я тебѣ сама пригожусь.» Царевичъ отдалъ ей сорочку, она сейчасъ обернулась колпицею и улетѣла вслѣдъ за подружками. Пустился царевичъ дальше; повстрѣчались ему на пути три богатыря: Объѣдало, Опивало да Морозъ-Трескунъ; взялъ ихъ съ собою, и пришелъ къ Водяному Царю.

Увидалъ его Водяной Царь, и говоритъ: «здорово, дружокъ! что такъ долго ко мнѣ не бывалъ? я усталъ, тебя дожидаючи. Примайся-ка теперь за работу; вотъ тебѣ первая задача: построй за одну ночь большой хрустальной мостъ, чтобъ къ утру готовъ былъ! Не построишь — голова долой!» Идетъ царевичъ отъ Водянаго, самъ слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко въ своемъ теремѣ и спрашиваетъ: «о чемъ, царевичъ, слезы ронишь?» — Ахъ, Василиса Премудрая! какъ-же мнѣ не плакать? приказалъ твой батюшка за единую ночь построить хрустальной мостъ, а я топора не умѣю въ руки взять. «Ничего! ложись-ка спать; утро вечера мудренѣе.» Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свиснула молодецкимъ посвистомъ; со всѣхъ сторонъ сбѣжались плотники-работники: кто мѣсто ровняетъ, кто кирпичи таскаетъ; скоро поставили хрустальной мостъ, вывели на немъ узоры хитрые, и разошлись по домамъ. Поутру рано будитъ Василиса Премудрая царевича: «вставай, царевичъ! мостъ готовъ, сейчасъ батюшка смотрѣть прійдетъ.» Всталъ царевичъ, взялъ метлу; стоитъ себѣ на мосту — гдѣ подмететъ, гдѣ почиститъ. Похвалилъ его Водяной Царь: «спасибо! говоритъ, сослужилъ мнѣ единую службу; сослужи и другую; вотъ тебѣ задача: насади къ завтраму

зеленой садъ — большой да вѣтвистой, въ саду бы птицы пѣвчія распѣвали, на деревьяхъ бы цвѣты расцвѣтали, груши-яблоки спѣлыя висѣли.» Идетъ царевичъ отъ Водянаго, самъ слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко, и спрашиваетъ: «о чемъ плачешь, царевичъ?» — Какъ-же мнѣ не плакать? велѣлъ твой батюшка за единую ночь садъ насадить. «Ничего! ложись спать; утро вечера мудренѣе.» Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свиснула молодецкимъ посвистомъ; со всѣхъ сторонъ сбѣжались садовники огородники и насадили зеленой садъ, въ саду птицы пѣвчія распѣваютъ, на деревьяхъ цвѣты расцвѣтаютъ, груши-яблоки спѣлыя висятъ. Поутру рано будитъ Василиса Премудрая царевича: «вставай, царевичъ! садъ готовъ, батюшка смотрѣть идетъ.» Царевичъ сейчасъ за метлу да въ садъ: гдѣ дорожку подмететъ, гдѣ вѣточку поправитъ. Похвалилъ его Водяной Царь: «спасибо, царевичъ! сослужилъ ты мнѣ службу вѣрой-правдою; выбирай себѣ за то невѣсту изъ двѣнадцати моихъ дочерей. Всѣ онѣ лице въ лице, волосъ въ волосъ, платье въ платье; угадаешь до трехъ разъ одну и туже—будетъ она твоею женою, не угадаешь — велю тебя казнить.» Узнала про то Василиса Премудрая, улучила время и говоритъ царевичу: «въ первой разъ я платкомъ махну, въ другой платье поправлю, въ третій надъ моей головой станетъ муха летать.» Такъ-то и угадалъ царевичъ Василису Премудрую до трехъ разъ. Повѣнчали ихъ, и стали пиръ пировать.

Водяной Царь наготовилъ много всякаго кушанья — сотнѣ человѣкъ не съѣсть! и велитъ зятю, чтобъ все было поѣдено; коли что останется—худо будетъ. «Батюшка! проситъ царевичъ, есть у насъ старичокъ, дозволь и ему закусить съ нами.» —Пускай прійдетъ! Сейчасъ явился Объѣдало; все пріѣлъ—еще мало стало. Водяной Царь наставилъ всякаго питья сорокъ бочекъ, и велитъ зятю, чтобъ дочиста было выпито.

«Батюшка! проситъ опять царевичъ, есть у насъ другой старичокъ, дозволь и ему выпить про твое здоровье.»—Пускай прійдетъ! Явился Опивало, заразъ опросталъ всѣ сорокъ бочекъ—еще опохмѣлиться проситъ. Видитъ Водяной Царь, что ничто не беретъ, приказалъ истопить для молодыхъ баню чугунную жарко-нажарко; истопили баню чугунную, двадцать сажòнъ дровъ сожгли, дò-красна печь и стѣны раскалили — за пять вёрстъ подойти нельзя. «Батюшка! говоритъ царевичъ, дозволь напередъ нашему старичку попариться, баню опробывать.» — Пускай попарится! Пришелъ въ баню Морозъ-Трескунъ; въ одинъ уголъ дунулъ, въ другой дунулъ—ужь сосульки висятъ. Вслѣдъ за нимъ и молодые въ баню сходили, помылись-попарились и домой воротились.

«Уйдемъ отъ батюшки Водянаго Царя, говоритъ царевичу Василиса Премудрая; онъ на тебя больно сердитъ, не причинилъ бы зла какого!»—Уйдемъ, говоритъ царевичъ. Сейчасъ осѣдлали коней и поскакали въ чистое поле. Ѣхали-ѣхали; много прошло времени. «Слѣзь-ка, царевичъ, съ коня да припади ухомъ къ сырой землѣ, сказала Василиса Премудрая; не слыхать ли за нами погони?» Царевичъ припалъ ухомъ къ сырой землѣ: ничего не слышно! Василиса Премудрая сошла сама съ добраго коня, прилегла къ сырой землѣ, и говоритъ: «ахъ, царевичъ! слышу сильную за нами погоню.» Оборотила она коней — колодяземъ, себя — ковшикомъ, а царевича — старымъ старичкомъ [1]). Наѣхала погоня: «эй, старикъ! не видалъ ли добра молодца съ красной дѣвицей?» — Видѣлъ, родимые! только давно; они еще въ-тѣ-поры проѣхали, какъ я молодъ былъ [2]). Погоня воротилась къ Водяному Царю: «нѣтъ, говоритъ, ни слѣдовъ, ни вѣсти; только и видѣли, что стари-

---

[1]) *Варіантъ:* коней — дремучимъ лѣсомъ, себя—колодяземъ, а царевича — старцемъ. [2]) *Варіантъ:* какъ я молодъ былъ, этотъ лѣсъ сажалъ.

ка возлѣ колодезя, по водѣ ковшикъ плаваетъ.» — Что-жъ вы ихъ нѐ брали? закричалъ Водяной Царь, и тутъ-же предалъ гонцовъ лютой смерти, а за царевичемъ и Василисой Премудрою послалъ другую смѣну. А тѣмъ временемъ они далеко-далеко уѣхали. Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; оборотила царевича—старымъ попомъ, а сама сдѣлалась ветхой церковью: еле стѣны держатся, кругомъ мохомъ обросли. Наѣхала погоня: «эй, старичокъ! не видалъ ли добра молодца съ красной дѣвицей?» — Видѣлъ, родимые! только давнымъ-давно; они еще въ-тѣ-поры проѣхали, какъ я молодъ былъ, эту церковь строилъ. И вторая погоня воротилась къ Водяному Царю: «нѣтъ, ваше царское величество, ни слѣдовъ, ни вѣсти; только и видѣли, что̀ старца-попа да церковь ветхую.» — Что-жъ вы ихъ нѐ брали? закричалъ пуще прежняго Водяной Царь; предалъ гонцовъ лютой смерти, а за царевичемъ и Василисою Премудрою самъ поскакалъ. На этотъ разъ Василиса Премудрая оборотила коней—рѣкою медовою, берегами кисельными, царевича — селезнемъ, себя — сѣрой утицею. Водяной Царь бросился на кисель и сыту, ѣлъ-ѣлъ, пилъ-пилъ—до того, что лопнулъ! тутъ и духъ испустилъ [1]).

Царевичъ съ Василисою Премудрою поѣхали дальше; стали они подъѣзжать домой, къ отцу, къ матери царевича, Василиса Премудрая и говоритъ: «ступай, царевичъ, впередъ! доложись отцу съ матерью, а я тебя здѣсь на дорогѣ обожду; только помни мое слово: со всѣми цѣлуйся, не цѣлуй сестрицы [2]); не то меня позабудешь.» Пріѣхалъ царевичъ домой,

---

[1]) *Варіантъ:* Василиса Премудрая оборотила царевича—соколомъ, а *себя*—ракитовымъ кустомъ. Водяной Царь бросился къ ракитову кусту, хотѣлъ всѣ сучья обломать; отколь ни возьмись соколъ, налетѣлъ на него и выклюнулъ ему оба глаза. Поплелся Водяной Царь въ свое царство ощупью; а царевичъ съ Василисою Премудрою...

[2]) *Варіантъ:* не цѣлуй невѣстки(или: цѣлуй всѣхъ въ лѣвую щеку; а коли въ правую поцѣлуешь—меня позабудешь).

сталъ со всѣми здороваться, поцѣловалъ и сестрицу, и только поцѣловалъ — какъ въ ту-жъ минуту забылъ про свою жену, словно и въ мысляхъ не была. Три дня ждала его Василиса Премудрая; на четвертой нарядилась нищенкой, пошла въ стольной городъ и пристала у одной старушки. А царевичъ собрался жениться на богатой королевнѣ, и велѣно было кликнуть кличь по всему царству, чтобъ сколько ни есть народу православнаго—всѣ бы шли поздравлять жениха съ невѣстою и несли въ даръ по пирогу пшеничному. Вотъ и старуха, у которой пристала Василиса Премудрая, принялась муку сѣять да пирогъ готовить. «Для кого, бабушка, пирогъ готовишь?» спрашиваетъ ее Василиса Премудрая.—Какъ для кого? развѣ ты не знаешь: нашъ царь сына женитъ на богатой королевнѣ; надо во дворецъ идти, молодымъ на столъ подавать. «Дай, и я испеку да во дворецъ снесу; можетъ, меня царь чѣмъ пожалуетъ.»—Пеки съ Богомъ! Василиса Премудрая взяла муки, замѣсила тѣсто, положила творогу да голубя съ голубкою и сдѣлала пирогъ. Къ самому обѣду пошла старуха съ Василисою Премудрою во дворецъ; а тамъ пиръ идетъ на весь міръ. Подали на столъ пирогъ Василисы Премудрой, и только разрѣзали его пополамъ, какъ вылетѣли оттудова голубь и голубка. Голубка ухватила кусокъ творогу, а голубь говоритъ: «голубушка, дай и мнѣ творожку!» — Не дамъ, отвѣчаетъ голубка, а то ты меня позабудешь, какъ позабылъ царевичъ свою Василису Премудрую. Тутъ вспомнилъ царевичъ про свою жену, выскочилъ изъ-за стола, бралъ ее за бѣлыя руки и сажалъ возлѣ себя рядышкомъ. Съ тѣхъ поръ стали они жить вмѣстѣ во всякомъ добрѣ и въ счастіи.

(Записана въ воронежской губерніи.)

ѣ. Жили мышь съ воробьемъ ровно тридцать лѣтъ такъ дружно: кто что ни найдетъ — все пополамъ. Разъ воробей

нашелъ маковое зернушко. «Что тутъ дѣлить? подумалъ онъ; разъ куснуть — нѣтъ ничего!» Взялъ да и съѣлъ одинъ зернушко. [1]) Спознала про то мышь, и не захотѣла больше жить съ коробьемъ: «давай, говоритъ ему, давай драться не на животъ, а на̀ смерть; ты собирай всѣхъ птицъ, а я соберу всѣхъ звѣрей.» Такъ и сдѣлалось: собрались и звѣри, и птицы, бились долго-долго. Въ этомъ бою подбили одного орла: тотъ полетѣлъ на дубокъ и сѣлъ на вѣтку. На ту пору мужикъ въ лѣсу охотился; охота была неудачная. «Дай, подумалъ мужикъ, хоть орла убью.» Не успѣлъ онъ взяться за ружье, какъ орелъ провѣщалъ человѣческимъ голосомъ: «не бей меня, добрый человѣкъ! я тебѣ ничего худаго не сдѣлалъ.» Мужикъ пошелъ отъ него прочь; ходилъ-ходилъ, не нашелъ никакой птицы; подходитъ въ другой разъ къ дубу и хочетъ орла убить. Ужь совсѣмъ было приловчился, орелъ опять упросилъ его. Мужикъ пошелъ отъ него прочь; ходилъ-ходилъ, не нашелъ ничего; поровнялся опять съ орломъ, приложился и выстрѣлилъ — ружье у него осѣклось. Проговорилъ орелъ: «не бей ты меня, добрый человѣкъ! не-въ-кую [2]) пору гожусь я тебѣ. Возьми лучше къ себѣ, выходи да вылѣчи.» Мужикъ послушался, взялъ орла въ избу къ себѣ, сталъ его кормить мясомъ: то овцу зарѣжетъ, то теленка. Въ дому мужикъ жилъ не одинъ; семья была большая — стали на него ворчать, что онъ весь на орла проживается. Мужикъ терпѣлъ долго; наконецъ говоритъ орлу: «полетай, куда знаешь; больше держать тебя не смогу.» — Пусти меня силъ попробовать, отвѣчаетъ орелъ. Взлетѣлъ орелъ высоко, опустился на̀-земь, и говоритъ

---

[1]) *Вар.* Нашелъ воробей зернушко; стали дѣлить. «Кусай, мышь, половину себѣ, половину мнѣ.» Мышь откусила, себѣ больше, воробью меньше; подрались и пошли съ жалобой по начальству: воробей къ ворону, мышь къ медвѣдю, и началась война между звѣрями и птицами. [2]) Т. е. въ нѣкую.

мужику: «продержи меня еще три дня.» Мужикъ согласился. Прошло три дня; молвилъ орелъ мужику: «пора намъ съ тобою расчитаться; садись на меня.» Мужикъ сѣлъ на орла; орелъ взвился и полетѣлъ на синё море. Отлетѣлъ отъ берега, и спрашиваетъ у мужика: «погляди да скажи, что за нами и что передъ нами, что надъ нами и что подъ нами?» — За нами, отвѣчаетъ мужикъ, — земля, передъ нами — море, надъ нами — небо, подъ нами, — вода. Орелъ встрепенулся [1]), мужикъ свалился; только орелъ не допустилъ его упасть въ воду, на лету поймалъ. Взлетѣлъ орелъ на средину синя моря, опять сталъ спрашивать: «что за нами и что передъ нами, что надъ нами и что подъ нами?» — И за нами — море, и передъ нами — море, надъ нами — небо, подъ нами — вода. Орелъ встрепенулся, мужикъ свалился и упалъ въ море; орелъ не далъ ему потонуть, подхватилъ и посадилъ на себя. Подлетаютъ они къ другому берегу; сталъ опять орелъ спрашивать: «что за нами и что передъ нами, что надъ нами и что подъ нами?» Отвѣчаетъ мужикъ: «за нами — море, передъ нами — земля, надъ нами — небо, подъ нами вода.» Орелъ встрепенулся, упалъ мужикъ въ море, сталъ совсѣмъ тонуть, чуть-чуть не захлебнулся.... Орелъ вытащилъ его, посадилъ на себя и говоритъ: «хорошо тебѣ тонуть было? таково-то и мнѣ было сидѣть на деревѣ, какъ ты въ меня изъ ружья цѣлился. Теперь за зло мы расчитались; давай добромъ считаться.»

Взлетѣли они на берегъ; летѣли близко ли, далеко ли — видятъ: посерёдъ поля мѣдный столбъ. «Прочти на столбѣ надпись», приказываетъ орелъ мужику. Мужикъ прочелъ: «за этимъ столбомъ, говоритъ, стоитъ», мѣдный городъ на двадцать пять верстъ.» — «Ступай въ мѣдный городъ; тутъ живетъ моя сестрица. Проси у нея мѣдный ларчикъ съ мѣдными

---

[1]) *Вар.* отряхнулся.

ключиками; чтò-бъ она тебѣ ни давала, ничего другаго не бери —ни злата, ни сѐребра, ни камѐнья самоцвѣтнаго.» Приходитъ мужикъ въ городъ, и прямо къ царицѣ: «здравствуй! тебѣ братъ поклонъ шлетъ.»— А какъ ты знаешь моего брата? «Да я кормилъ его больнаго цѣлые три года.»— Спасибо тебѣ, мужичокъ! Вотъ тебѣ злато и сѐребро и камѐнье самоцвѣтное —бери, сколько душѣ угодно! Мужикъ ничего не беретъ, только проситъ мѣднаго ларчика съ мѣдными ключиками. Она ему отказала: «нѣтъ, голубчикъ! это для меня стòитъ дорого.» —А дорого, такъ мнѣ ничего не надобно. Поклонился, ушелъ зà городъ и разсказалъ все орлу. «Ничего, промолвилъ орелъ; садись на меня.» Мужикъ сѣлъ, орелъ полетѣлъ. Стоитъ посерёдъ поля столбъ, весь серебреный. Заставилъ орелъ мужика надпись читать. Тотъ прочелъ; «за этимъ столбомъ, говоритъ, стоитъ городъ серебреный на пятьдесятъ верстъ.» —Ступай въ серебреный городъ; тамъ живетъ моя другая сестрица; проси у нея серебреный ларчикъ съ серебреными, ключиками. Мужикъ приходитъ въ городъ, прямо къ царицѣ, орловой сестрицѣ; разсказалъ ей, какъ у него братецъ орелъ проживалъ, какъ онъ его холилъ и кормилъ, и сталъ просить серебреный ларчикъ съ серебреными ключиками. «Правда, сказала царица мужику, ты сберёгъ моего братца; бери, сколько хочешь, злата и сѐребра и камѐнья самоцвѣтнаго, а ларчика не отдамъ.» Мужикъ вышелъ зà городъ и разсказалъ все орлу. «Ничего, сказалъ орелъ; садись на меня.» Мужикъ сѣлъ, орелъ полетѣлъ. Стоитъ посерёдъ поля столбъ, весь золотой. Заставилъ орелъ мужика читать на столбѣ надпись. «За этимъ столбомъ, прочелъ мужикъ, стоитъ золотой городъ на сто верстъ.» — Ступай туда; въ этомъ городѣ живетъ моя любимая сестрица, проговорилъ орелъ; проси у нея золотой ларчикъ съ золотыми ключиками. Мужикъ пришелъ прямо къ царицѣ, орловой сестрицѣ; разсказалъ ей, какъ

жилъ у него орелъ, какъ онъ за больнымъ орломъ ухаживалъ и чѣмъ его кормилъ-поилъ, и сталъ просить золотой ларчикъ съ золотыми ключиками. Та слова ему не сказала — сейчасъ отдала ларчикъ: «хоть дорогъ мнѣ ларчикъ, а братъ дороже!» Мужикъ взялъ подарокъ и вышелъ къ орлу за̀ городъ. «Ступай теперь домой, сказалъ ему орелъ, да смотри — не отпирай ларчика до самаго дому.» Сказалъ и улетѣлъ.

Мужикъ долго крѣпился, да не выдержалъ до своего времени: не дошедчи до двора, открылъ золотой ларчикъ, и только успѣлъ открыть — какъ сталъ передъ нимъ золотой городъ. Мужикъ смотритъ — не насмотрится; чудно ему показалось, какъ это изъ ларчика да цѣлый городъ выскочилъ! Межъ тѣмъ царь той земли, на которой раскинулся золотой городъ, прислалъ сказать мужику, чтобы онъ или отдалъ ему городъ или то, что есть у него дома и чего онъ не вѣдаетъ. Не захотѣлось мужику отдавать города; онъ подумалъ: «то, чего я не знаю, не жалко и отдать будетъ!» и согласился на послѣднее. Только вымолвилъ отвѣтъ свой, глядь — города нѣтъ; стоитъ онъ въ чистомъ полѣ одинъ-одинёхонекъ, а возлѣ него золотой ларчикъ съ золотыми ключиками. Взялъ мужикъ ларчикъ и поплёлся домой. Приходитъ въ свою избу, а жена несетъ ему младенца, что̀ безъ него родила. Тутъ только спохватился мужикъ и спозналъ, чего просилъ у него царь земли невѣрной. Дѣлать было нечего; раскинулъ онъ золотой городъ, и сталъ до времени растить сына. Стало сыну осьмнадцать лѣтъ; царь земли невѣрной прислалъ сказать, что пора де расчитаться. Поплакалъ мужикъ, благословилъ сына, да и послалъ къ царю.

Идетъ молодецъ путемъ-дорогою, подходитъ ко Дунаю-рѣкѣ, и прилёгъ тутъ на бережку отдохнуть. Видитъ онъ, что прилетѣли двѣнадцать дѣвушекъ — одна другой лучше, раздѣлись, обернулись сѣрыми утицами и полетѣли купаться. Молодецъ под-

крался и взялъ платье одной дѣвушки. Накупавшись, утицы вылетѣли на берегъ. Всѣ одѣлись; одной не достало платья. Одѣтыя улетѣли, а та стала плакать и просить молодца: «отдай мое платье; не-въ-кую пору сама гожусь я тебѣ.» Молодецъ подумалъ-подумалъ, и отдалъ ей платье. Приходитъ онъ къ царю невѣрному. «Слушай, доброй молодецъ! говоритъ царь земли невѣрной: узнай ты мою меньшую дочь; узнаешь—пущу тебя на всѣ на четыре стороны, не узнаешь—пѣняй на себя!» Только вышелъ молодецъ изъ дворца, меньшая царевна на встрѣчу ему: «отдалъ ты мнѣ платье, доброй молодецъ! пригожусь и я тебѣ. Завтра отецъ мой будетъ показывать тебѣ всѣхъ насъ сестеръ, и велитъ меня угадывать. Мы всѣ похожи одна на другую; такъ ты смотри: у меня на лѣвомъ ухѣ будетъ мошка ползать.» На утро зоветъ къ себѣ молодца царь невѣрный, показываетъ ему двѣнадцать своихъ дочерей: «угадай, говоритъ, которая меньшая дочь?» Молодецъ посмотрѣлъ: у которой на лѣвомъ ухѣ мошка, на ту и показалъ. Завопилъ, закричалъ царь: «слушай, молодецъ! тутъ подлогъ есть, да я тебѣ не игрушка. Выстрой къ завтраму мнѣ бѣлокаменныя палаты; мои, вишь, стары, такъ я хочу въ новыя перейдти [1]). Выстроишь—отдамъ за тебя меньшую дочь, не выстроишь—живаго съѣмъ!» Запечалился молодецъ, идучи отъ невѣрнаго царя, да царевна ему на встрѣчу: «не кручинься, говоритъ; молись Богу, да спать ложись; къ завтраму все готово будетъ.» Лёгъ молодецъ, заснулъ. Поутру глядь въ окошко—стоитъ новый дворецъ, мастера ходятъ кругомъ, да кой-гдѣ гвоздики поколачиваютъ. Царь земли невѣрной отдалъ свою меньшую дочь за молодца; не хотѣлось ему отступиться отъ своего слова царскаго. Да и замысла покинуть—тоже не хочется: заду-

---

[1]) *Вар.* Выстрой за одну ночь большой дворецъ, кругомъ чтобъ озера были да деревья росли и чтобъ изъ каждаго листочка вода бѣжала!

малъ онъ съѣсть живьёмъ молодца и съ дочерью. Пошла молодая посмотрѣть, что дѣлаетъ ея батюшка съ матушкой; подходитъ къ двери, и слышитъ, что они совѣтъ совѣтуютъ, какъ дочь съ затемъ съѣсть.

Побѣжала царевна къ мужу, оборотила его въ голубя, сама перекинулась въ голубку, и полетѣли на свою сторону. Провѣдалъ про то царь невѣрный, послалъ ихъ догонять. Догонщики мчали-скакали, никого не нагнали, увидѣли только голубя съ голубкою, да и вернулись назадъ. «Никого не догнали, сказали они царю своему; только и видѣли голубя съ голубкою.» Царь догадался, что это они были; разсердился на догонщиковъ, перевѣшалъ ихъ, и послалъ другихъ. Погналисъ эти, мчали-скакали, прискакали къ рѣкѣ, а у той рѣки стоитъ дерево; видятъ, что нѣтъ никого, и вернулись къ царю. Разсказали ему про рѣчку, про дерево. «Это они и были!» закричалъ царь земли невѣрной, велѣлъ перевѣшать и этихъ догонщиковъ. Погнался самъ. Ѣхалъ-ѣхалъ и наѣхалъ на божью церковь. Онъ въ церковь, а тамъ старичокъ ходитъ, да свѣчи передъ иконами зажигаетъ. Спросилъ царь у него, не видалъ ли онъ бѣглецовъ? Старичокъ сказалъ, что они ужъ давно ушли въ золотой городъ, что̀ стоитъ на сто верстъ. Ударился царь невѣрный отъ злости о̀-земь, да дѣлать-то было нечего —поворачивай оглобли домой. Только что онъ уѣхалъ, церковь оборотилась царевною, а старичокъ добрымъ молодцемъ, поцѣловались да и пошли къ батюшкѣ съ матушкой въ золотой городъ, что̀ раскинулся на сто верстъ. Пришли, и стали тамъ жить да поживать, да добра наживать.

(Записана въ рязанской губерніи.)

с. Однажды мышь уговоръ сдѣлала съ воробьемъ, чтобы вмѣстѣ въ одной норѣ жить, въ одну нору кормъ носить—про зиму въ запасъ. Вотъ и сталъ воробей пуще прежняго воро-

вать; благо теперь есть куды прятать! и много натаскалъ онъ въ мышиную нору ячменю, конопляннаго и всякаго зерна. Да и мышь не зѣваетъ: что ни найдетъ, туда же несетъ. Знатной запасъ снарядили на глухое зимнее времячко; всего вдоволь! «Заживу теперь припѣваючи», думаетъ воробей, а онъ сердечной порядкомъ таки поусталъ на воровствѣ. Пришла зима, а мышь воробья въ нору не пущаетъ, знай его гонитъ; да еще въ насмѣшку всѣ перья на немъ выщипала. Трудно стало воробью зиму маячить: и голодно, и холодно! «Постой же, мышь каторжная! говоритъ воробей; я на тебя управу найду, пойду на тебя своему царю жаловаться.» Пошелъ жаловаться: «царь-государь! не вели казнить, вели миловать. Былъ у насъ съ мышью уговоръ, чтобы вмѣстѣ въ одной норѣ жить, въ одну нору кормъ носить—про зиму запасать; а какъ пришла зима—не пущаетъ она, каторжная, меня къ себѣ, да еще въ насмѣшку все перье мое повыдергала. Заступись за меня, царь-государь, чтобъ не помереть мнѣ съ дѣтишками напрасною смертію.»—Ладно, вымолвалъ птичій царь; я все это дѣло разберу. И полетѣлъ къ царю звѣриному, разсказалъ ему, какъ мышь надъ воробьемъ наругалася: «прикажи, говоритъ, моему воробью безчестье то сполна заплатить.»—Позвать ко мнѣ мышь, сказалъ звѣриной царь. Мышь явилась, прикинулась такой смиренницей, такія лясы подпустила, что вороб ей сталъ кругомъ виноватъ: «никогда де уговору у насъ не было, а хотѣлъ воробей насилкомъ въ моей норѣ проживать; а какъ не стала его пущать — такъ онъ въ драку полѣзъ! просто изъ силъ выбилась; думала, что смерть моя пришла! еле отступился окаянный!»—Ну, любезный государь! говоритъ звѣриный царь птичьему; мышь моя ни въ чемъ не виновна; воробей твой самъ ее обидѣлъ, и никакого безчестья ему платить не приходится. «Коли такъ, сказалъ птичій царь звѣриному, станемъ сража́ться; вели своему войску выходить въ чистое

поле—тамъ будетъ у насъ расчетъ съ вашимъ звѣринымъ родомъ; а свою птицу я въ обиду не дамъ.» — Хорошо, будемъ сражаться. На другой день чуть свѣтъ собралось на поляну войско звѣриное, собралось и войско птичее. Начался страшный бой, и много пало съ обѣихъ сторонъ. Куда силёнъ звѣриный народъ! кого нōгтемъ цапнетъ, глядишь—и духъ вонъ; да птицы-то не больно поддаются, бьютъ все сверху; иной бы звѣрь и ударилъ, и смялъ птицу, такъ она сейчасъ на лётъ пойдетъ: смотри на нее да и только! Въ томъ бою ранили орла. Пыталъ было сердечный подняться ввысь, да силы не хватило; только и смогъ, чтò взлетѣлъ на сосну и усѣлся на верхушкѣ. Окончилась битва, звѣри разбрелись по своимъ берлогамъ и норамъ, птицы разлетѣлись по гнѣздамъ; а онъ, горемычный, сидитъ на деревѣ, пригорюнившись: рана болитъ, а помочи неоткуда ждать.

Въ то самое время идетъ мимо охотникъ. День деньской ходилъ онъ пò лѣсу, ничего не выходилъ: «эхма! думаетъ про себя: видно сегодня съ пустыми руками домой ворочаться.» Глядь—орелъ сидитъ на деревѣ. Сталъ охотникъ подъ него подходить, ружьецо на него наводить. «Не стрѣляй меня, младъ охотничекъ! провѣщалъ ему орелъ человѣческимъ голосомъ; лучше живьёмъ возьми—въ нѣкое время я тебѣ самъ пригожусь.» Влѣзъ охотникъ на дерево, снялъ орла съ сосновой макушки, посадилъ къ себѣ нá руку и принесъ его домой. «Ну, младъ охотничекъ! говоритъ ему орелъ; день деньской ты ходилъ, ничего не убилъ; бери теперь острый ножъ и ступай на поляну: былъ у насъ тамъ страшный бой со всякимъ звѣрьёмъ, и много мы того звѣрья побили; будетъ и тебѣ поживишка немалая!» Пошелъ охотникъ на поляну; а тамъ лежитъ звѣрья побитаго видимо-невидимо, куницамъ да лисицамъ счету нѣтъ! Отточилъ ножъ на брускѣ, поснималъ звѣриныя шкуры, свёзъ въ городъ и продалъ недешево; на тѣ деньги

накупилъ въ запасъ хлѣба и насыпалъ три закрома большущіе—на три года хватитъ! Проходитъ одинъ годъ—опустѣлъ одинъ закромъ; у орла силы все не пребываетъ. Взялъ охотникъ ножъ, отточилъ на брускѣ: «пойду, говоритъ, зарѣжу орла; здоровѣть—онъ не здоровѣетъ, даромъ только хлѣбъ ѣстъ!»—Не рѣжь меня, доброй человѣкъ! проситъ птица-орелъ; потерпи хоть еще годокъ; будетъ время—добромъ тебѣ заплачу̀. «Ну, Господь съ тобой! не возьму грѣха на̀ душу; кормилъ годъ, прокормлю и другой.» Вотъ еще года какъ не бывало, опустѣлъ и другой закромъ; у орла все силы не пребываетъ. Говоритъ охотникъ: «пожалѣлъ я прошлое лѣто орла, а нынче видно ему конецъ пришелъ: здоровѣть—онъ не здоровѣетъ, только даромъ хлѣбъ поѣдаетъ! Пойду—его зарѣжу.» Взялъ ножъ, отточилъ на брускѣ, и пошелъ къ орлу: «ну, орелъ! прощайся со свѣтомъ божіимъ. Лѣчилъ я тебя, лѣчилъ, а толку нѣтъ ничего; только занапрасно хлѣбъ на тебя извелъ!»—Не рѣжь меня, доброй человѣкъ! потерпи еще годокъ; будетъ время—добромъ тебѣ заплачу̀. «Господь съ тобой! не возьму грѣха на̀ душу; кормилъ тебя два года, третій куда не шелъ!» На третій годъ сталъ орелъ выправляться, стала прибывать у него сила великая, богатырская: хлопнетъ крыльями—въ избѣ окна дрожатъ. Вотъ и третій годъ на исходѣ, во всѣхъ закромахъ пусто; остался охотникъ безъ хлѣба. «Спасибо тебѣ, младъ охотничекъ! говоритъ ему орелъ, что умѣлъ ты меня выходить.» Посадилъ на себя того охотника и полетѣлъ съ нимъ по поднебесью къ морю-окіану, да какъ забралъ въ самую высоту—встрепенулся и сбросилъ его внизъ: Сажень на двадцать только не далъ ему долетѣть до синя моря, подхватилъ и посадилъ къ себѣ на спину. «Хорошо ли тебѣ было?» спрашиваетъ орелъ охотника.—Ужь чего хуже этого, отвѣчаетъ онъ; а думалъ: смерть моя пришла! «Таковото и мнѣ легко было, какъ приходилъ ты съ ножемъ ко мнѣ

въ первый годъ.» Поднялся орелъ повыше прежняго, встрепенулся и сбросилъ охотника, и не допускаючи его до синя моря саженъ на десять, подхватилъ опять къ себѣ на̀ спину. Сидитъ охотникъ ни живъ, ни мертвъ. «Каково показалось тебѣ?» спрашиваетъ орелъ.—Чего хуже этого! ужъ лучше бы ты одинъ конецъ положилъ мнѣ, да не томилъ моей душеньки. «Таково-то и мнѣ было сладко, какъ приходилъ ты съ ножемъ ко мнѣ на другой годъ. Умѣлъ же ты меня помиловать; не останусь и я въ долгу. Полетимъ, говоритъ, къ моей старшей сестрицѣ; станетъ она тебѣ давать много злата и сѐребра и ка̀менья самоцвѣтнаго — ничего не бери, проси сундучокъ.»

Долго-ли, коротко-ли, прилетаютъ они въ тридевятое царство, въ тридесятое государство. Выбѣгала на встрѣчу имъ старшая сестрица, стала брата цѣловать, миловать, крѣпко къ сердцу прижимать: «свѣтъ ты мой милый, братецъ любезный! гдѣ былъ - побывалъ, въ какихъ земляхъ странствовалъ? Ужъ мы по тебѣ давно сокрушались, слезами горючими обливались.» — А и вѣчные вѣки бы вамъ по мнѣ сокрушаться да слезами горючими обливаться, коли-бъ не сыскался мнѣ благодѣтель—вотъ этотъ охотникъ; онъ меня три года лѣчилъ и кормилъ, чрезъ него свѣтъ божій вижу.» Взяла орлова сестрица охотника за̀ руку, повела его въ подвалы глубокіе; въ тѣхъ подвалахъ лежитъ казна великая: злата и сѐребра — полныя кучи, ка̀менья самоцвѣтнаго цѣлой уголъ наваленъ. «Бери, говоритъ, сколько хочется.» Отвѣчаетъ ей охотникъ: «не надо мнѣ ни злата, ни сѐребра, ни ка̀менья самоцвѣтнаго; коли милость твоя будетъ, отдай мнѣ сундучокъ.» Какъ услышала таковы слова старшая сестрица — тотчасъ изъ лица перемѣняется, на иной ладъ рѣчь поворачиваетъ: «какъ-бы не такъ! говоритъ; знаемъ мы этихъ братьевъ, только и норовятъ, какъ-бы выманить что̀ получше да къ своимъ рукамъ

прибрать!» Не сталъ долго толковать съ нею орелъ, подхватилъ охотника и полетѣлъ къ середней сестрицѣ; ну, и здѣсь случилось тоже самое. Полетѣлъ наконецъ къ младшей сестрицѣ; выбѣжала она на встрѣчу, стала брата цѣловать, миловать крѣпко къ сердцу прижимать: «свѣтъ ты мой милый, братецъ любезный! гдѣ былъ-побывалъ, въ какихъ земляхъ странствовалъ? А ужь мы тебя и жива не чаяли, много слезъ по тебѣ пролили.» — И вправду, лежать бы мнѣ во сырой землѣ, выплакать бы тебѣ свои ясныя очи, коли бы да не сыскался благодѣтель—вотъ этотъ охотникъ; онъ меня три года лѣчилъ и кормилъ, чрезъ него только и свѣтъ божій вижу! Сейчасъ повела орлова сестрица охотника въ подвалы глубокie; въ тѣхъ подвалахъ — казна великая: отъ каменья самоцвѣтнаго ажъ глазамъ больно, про злато - серебро и говорить нечего! «Бери, говоритъ ему, сколько душа твоя хочетъ.» — Не надо мнѣ, отвѣчаетъ охотникъ, ни злата, ни серебра, ни каменья самоцвѣтнаго; коли будетъ твоя милость, отдай сундучокъ. «Отчего не дать! я для братца любимаго ничего не пожалѣю.» Сказала и отдала ему сундучокъ.

«Иди теперь съ Богомъ въ свое государство, сказалъ охотнику орелъ; да одно помни: не отворяй сундучка до тѣхъ мѣстъ, пока домой не воротишься.» Тутъ распростились они любовно; орелъ взмахнулъ крыльями и поднялся стрѣлою въ небо, а доброй молодецъ поплёлся своею дорогою. Долго ли, коротко-ли шелъ онъ — только взяло его раздумье: что если въ сундучкѣ-то пусто? было изъ чего хлопотать, таскаясь по бѣлу свѣту! «Дай посмотрю!» Отворилъ сундучокъ... Батюшки свѣты! какъ полѣзло оттуда воинство: такъ и валитъ, такъ и валитъ! Собралася рать несмѣтная: и пѣшая, и конная. «Какъ же теперь быть? думаетъ охотникъ; какъ убрать въ сундучокъ всю эту силу военную? да этого и чортъ не сдѣлаетъ!» Глядь — стоитъ передъ нимъ окаянный. «Хочешь, говоритъ,

я помогу твоей бѣдѣ; только не поскупись, отдай мнѣ — чего дома не знаешь.»—Изволь, отвѣчаетъ охотникъ; готовъ тебѣ отдать — чего дома не знаю, только съ уговоромъ: коли въ три дня не съумѣешь найдти, такъ оно навсегда при мнѣ останется. «Ладно», сказалъ окаянной.

Воротился охотникъ домой, а у него сынъ народился; жаль стало ему отдавать чорту дѣтище родимое, залился слезами и разсказалъ женѣ про свое горе. Всѣмъ вѣдомо, что баба хитрѣе чорта. Говоритъ жена охотнику: «что̀ будетъ — то будетъ, а слезами дѣлу не поможешь. Давай-ка, убьемъ нашу цѣпную собаку и зашьемъ сына въ собачью шкуру, да и цѣпь на него надѣнемъ: пусть сидитъ на привязи, словно взаправду пёсъ.» Такъ и сдѣлали, зашили мальчика въ собачью шкуру, привязали на́ цѣпь, а сами стали усердно творить молитвы Богу. Ночью поднялся на дворѣ страшной шумъ — и явился лукавой; ужь онъ метался-метался; кажись, всякой уголокъ раза три оглядѣлъ, ошарилъ — а мальчика нѣтъ какъ нѣтъ! Вотъ запѣлъ пѣтухъ, надо домой убираться; бросился лукавой къ своему старшо̀му: «нигдѣ, говоритъ, не нашелъ мальчика.» — А зачѣмъ же ты не досмотрѣлъ цѣпную собаку? сказалъ старшо́й, да схватилъ его за хвостъ, трясъ-трясъ и со злости бросилъ въ самой жаръ. На другую ночь охотникъ зашилъ сына въ баранью шкуру, на третью ночь въ козли́ную; а самъ съ женою пуще прежняго Богу молится. Какъ ни бился лукавой, такъ-таки и не смогъ найдти мальчика. Послѣ того выбралъ охотникъ знатное мѣсто, выпустилъ изъ сундуч а все свое воинство, велѣлъ лѣсъ рубить да городъ строить. Мигомъ закипѣла работа, и откуда что̀ взялось, словно изъ земли вышло — раскинулся большой и славной городъ; въ томъ городѣ сталъ онъ царствовать, и царствовалъ долго и счастливо.

24.

ПОКАТИГОРОШЕКЪ [1]).

Бувъ соби человикъ да жинка, а у нихъ було два сына и дочка́. Отъ батько посылаеть сыновъ орать [2]); воны кажуть: «а хто намъ обидать прынесе?» Батько каже: «дивка.» А дивка каже: «я дороги не знаю.» Отъ браты кажуть: «якъ зыйдешъ на гору, такъ буде тры дороги; на которой дорози стружки будуть лыжать, то ты по тій и йды.» Змій бачыть, що два браты ѣдуть и все по дорози стружки стружуть; винъ узявъ стружки позбиравъ, да кида́ по тій дорози, що до ёго норы. Маты наварыла обидать и дала дочки несты. Вона вышла на гору и пошла по тій дорози, по которой стружки лыжать; дошла до норы, а змій узявъ ейи да въ нору и кинувъ. Браты ждалы-ждалы обиду да-й выпряглы волы; волы пустылы пасты, а сами пишлы до дому да-й питають матери: «дѣ-жъ вашъ, мамо, обидъ?» Маты каже: «я-жъ давно вамъ з' дивкою послала.» Отъ воны до самого вичера ейи ждалы; уранци вcraлы—ейи нима! Браты кажуть: «мабуть ейи той проклятущій змій узявъ!» Воны удяглысь да-й пишлы сестры шукать. Идуть да идуть — колы чередникъ череду [3]) пасе. Воны поздоровалысь; чередникъ питае: «куда вы йдыте?» Воны кажуть: «до змія—сестры отыйматы.» — Якъ хочете вы отнять отъ змія сестру, то изъйижте у мене самого бильшего вола. Воны не захотилы да-й пишлы. Идуть да идуть — колы пастухъ пасе овечки. Воны из' нымъ поздоровалысь. Винъ ихъ питае: «куды вы йдыте?» — До змія — сестры отыймать. «Колы хочете ейи отнять, то изъйижте у мене самого биль-

---

[1]) См. вып. III, № 2. [2]) Пахать. [3]) Череда—стадо крупнаго скота; чередникъ — пастухъ (Опытъ вел. обл. словаря, стр. 256).

шего барана.» Вони не захотилы да-й пишлы. Идуть да идуть —колы свинарь пасе свини. Воны поздоровалысь. Винъ ихъ питае: «куды вы йдыте?»—До змія—сестры отыймать. «Колы хочете еји отнять, то изъјижте у мене самого бильшего кабана.» Воны не захотилы да-й пишлы. Идуть да идуть— ажъ змій стоить коло свого дому. Змій каже: «здраствуйте! чого васъ сюды Богъ занисъ?» — До тебе за сестрою. «Колы хочете свою сестру узять, такъ изъјижте двѣнадцять волнвъ, двѣнадцять баранивъ и двѣнадцять кабанивъ.» Воны по малесенькому кусочку изъјилы, да-й бильше не захотилы. Винъ ихъ узявъ да пидъ камынь пидвернувъ.

Маты плакала, що нима ни сынивъ, ни дочки; узяла видра да-й пишла по воду до колодязя. набрала воды да иде — колы горошина катытця по дорози да-й вскочила у видро, а вона и не бачила. Прыишла до дому, вылывае воду—колы дывитця: горошина у видри; вона узяла да-й изъјила, и отъ тей горошины уродився сынъ. Далы ёму имя Покатыгорошко; винъ росте не по часамъ, а по минутамъ. Посидалы вичеряти, Покатыгорошко питае: «чи у васъ, мамо, булы јищо диты?» — Було у мене двое сынивъ и одна дочка́. «А дѣ-жъ воны?» — Змій укравъ дочку, такъ сыны пишлы еји шукать; да нима ни сынивъ, ни дочки. Винъ повичерявъ, обувся и одягся: «пиду-жъ и я теперь за ными.» Просить ковала: «зробы мини велыку булаву.» Коваль зробывъ ёму булаву; Покатыгорошко узявъ булаву, заплатывъ да-й пишовъ. Иде да иде — колы пасе чередникъ череду. Винъ из' нымъ поздоровалысь; чередникъ ёго питае: «куды ты идешъ?»—Иду до змія — сестры отыймать. «Изъјижъ у мене самого бильшего вола, такъ отыймешъ!» Винъ изъјивъ, подяковавъ да-й пишовъ. Иде да иде— колы пастухъ пасе овечки. Покатыгорошко из' нымъ поздоровалысь; пастухъ ёго питае: «куды ты идешъ?» Винъ каже: «до змія—сестры отыймать.»—Изъјижъ у мене самого биль-

шего барана, такъ отыймешъ!» Винъ изъјивъ, подяковавъ да-й пишовъ. Иде да иде—колы свинарь пасе свини. Покатыгорошко из' нымъ поздоровалысь; свинарь его питае: «куды ты идешъ?»—До змія—сестры отыймать. «Изъјижъ у мене самого бильшего кабана, такъ отыймешъ!» Винъ изъјивъ, подяковавъ да-й пишовъ. Иде да иде—ажъ стоить домъ змія, и сестра бере коло колодязя воду. «Здрастуй, сестра!» каже Покатыгорошко. Вона ёму: «якій ты мини братъ?» Винъ каже: «побачишъ, якій я тоби братъ!» Отъ выходыть змій: «а, здрастуй!» каже.—Здрастуй! Змій его питае: «чого ты пришовъ?»—За сестрою да за братьями. «Изъјижъ двѣнадцять волив, двѣнадцять баранивъ и двѣнадцять кабанивъ.» Винъ узявъ вси појивъ. Змій каже: «молодецъ!.. ну, теперь чи будемъ битьця, чи миритьця?»—Будемъ битьця! я съ тобою не хочу миритьця. «Дмы токъ», каже змій.—Дмы ты, каже Покатыгорошко; бо ты въ своемъ добри хозяинъ, а не я. Отъ змій якъ дунувъ—такъ у ёго ставъ чегунный; а Покатыгорошко якъ дунувъ—такъ у ёго ставъ мидный. Отъ Покатыгорошко якъ давъ змія булавою, такъ змій ставъ по колѣна въ земли; ударивъ другій разъ—и убивъ змія. Тоди узявъ змія посикъ-порубавъ, на попилъ перевивъ; братьевъ съ-пидъ камыня изъ-верьувъ, забравъ ихъ и сестру да-й пишовъ до дому. Батько и маты булы рады!

(Доставлена М. А. Максимовичемъ.)

25.

ЗМѢЙ И ЦЫГАНЪ.

Въ старые годы стояла одна деревушка; повадился въ ту деревушку змѣй летать, людей пожирать. Всѣхъ поѣлъ; остался всего-на-всего одинъ мужикъ. Въ тѣпоры приходитъ туда цыганъ;

дѣло было позднимъ вечеромъ. Куда ни заглянетъ—вездѣ пусто! Зашелъ наконецъ въ послѣднюю избушку; тамъ сидитъ да плачется остальной мужикъ. «Здравствуй, доброй человѣкъ!» — Ты зачѣмъ, цыганъ? вѣрно жизнь тебѣ надоѣла! «А что?» — Да вѣдь сюда повадился змѣй летать, людей пожирать; всѣхъ поѣлъ, меня одного до утра оставилъ, а завтра прилетитъ—и меня сожрётъ, да и тебѣ не сдобровать. Разомъ двухъ съѣстъ! «А можетъ подавится! Дай-ка я съ тобой переночую, да посмотрю завтра: какой-такой змѣй къ вамъ летаетъ?» Переночевали. Утромъ поднялась вдругъ сильная буря, затряслась изба—прилетаетъ змѣй: «ага! говоритъ, прибыль есть! оставилъ одного мужика, а нашелъ двухъ. Будетъ чѣмъ позавтракать...» — Будто и вправду съѣшь? спрашиваетъ цыганъ. «Да таки съѣмъ!»—Брешишь, чортова образина! подавишься! «Что-жъ ты развѣ сильнѣе меня?» — Еще бы! чай самъ знаешь, что у меня сила больше твоей. «А ну, давай попробуемъ: кто кого сильнѣе?» — Давай! Змѣй досталъ изъ жерновóвъ камень: «смотри, цыганъ! я этотъ камень одной рукой раздавлю.»—Ладно, посмотрю! Змѣй взялъ камень въ горсть и стиснулъ такъ крѣпко, что онъ въ мелкой песокъ обратился: искры такъ и посыпались! «Экое диво! говоритъ цыганъ, а ты такъ сожми камень, чтобъ изъ него вода потекла. Гляди, какъ я сожму!» А на столѣ лежалъ узелокъ творогу; цыганъ схватилъ его и ну давить — сыворотка и потекла нà-земь [1]). «Что видѣлъ? у кого силы больше?»—Правда, рука у тебя сильнѣе моей; а вотъ попробуемъ: кто изъ насъ крѣпче свиснетъ? «Ну, свисти!» Змѣй какъ свиснулъ—со всѣхъ деревьевъ листъ осыпался. «Хорошо, братъ, свистишь; а все не лучше моего, сказалъ цыганъ. Завяжи-ка напередъ свои

---

[1]) Иногда, вмѣсто творогу, сказочники заставляютъ цыгана давить жирной пирогъ.

бѣльмы, а то какъ я свисну — они у тебя изо лба повыскочутъ!» Змѣй повѣрилъ и завязалъ платкомъ свои глаза: «а ну свисти!» Цыганъ взялъ дубину да какъ свиснетъ змѣя по башкѣ — тотъ во все горло закричалъ: «полно, полно, цыганъ! не свисти больше; и съ одного разу немного глаза не вылѣзли.»—Какъ знаешь, а я пожалуй готовъ и еще разокъ-другой свиснуть. «Нѣтъ, не надо! не хочу больше спорить. Давай лучше съ тобой побратаемся: ты будь старшій братъ, а я меньшой.»—Пожалуй!

«Ну, братъ, говоритъ змѣй, ступай — тамъ на степи пасется стадо воловъ; выбери самаго жирнаго, возьми за хвостъ и тащи на обѣдъ.» Нечего дѣлать—пошелъ цыганъ въ степь; видитъ — пасется большой гуртъ воловъ, давай ихъ ловить да другъ къ дружкѣ за хвосты связывать. Змѣй ждалъ ждалъ, не выдержалъ и побѣжалъ самъ: «что такъ долго?» — А вотъ постой: навяжу штукъ пятьдесятъ да за одинъ разъ и поволоку всѣхъ домой, чтобъ на цѣлой мѣсяцъ хватило! «Экой ты! нѣшто намъ здѣсь вѣкъ вѣковать? Будетъ и одного.» Тутъ змѣй ухватилъ самаго жирнаго вола за хвостъ, сдернулъ съ него шкуру, мясо взвалилъ на плечи и потащилъ домой. «Какъ-же, братъ! я столько штукъ навязалъ — неужли-жъ такъ бросить?» — Ну, брось! Пришли въ избу, наклали два котла говядины, а воды нѣту. «На тебѣ воловью шкуру, говоритъ цыгану змѣй; ступай, набери полную воды и неси сюда; станемъ обѣдъ варить.» Цыганъ взялъ шкуру, потащилъ къ колодезю — еле-еле порожнюю тащитъ, не то что съ водою. Пришелъ и давай окапывать кругомъ колодезь. Змѣй опять ждалъ-ждалъ, не выдержалъ и побѣжалъ самъ: «что ты, братъ, дѣлаешь?» — Хочу колодезь кругомъ окопать да весь въ избу притащить, чтобъ не нужно было ходить по воду. «Экой ты! много затѣваешь! Чтобъ окопать, надо много времени.» Опустилъ змѣй въ колодезь шкуру, набралъ полную воды,

вытащилъ и понёсъ домой. «А ты, братъ, говоритъ цыгану, ступай пока въ лѣсъ, выбери сухой дубъ и волоки въ избу: пора огонь разводить!» Цыганъ пошелъ въ лѣсъ, началъ лыки драть да веревки вить; свилъ длинную-длинную веревку и принялся дубы опутывать. Змѣй ждалъ-ждалъ, не выдержалъ, побѣжалъ самъ: «что такъ мѣшкаешь?» — Да вотъ хочу заразъ дубовъ двадцать зацѣпить веревкою да и тащить все съ кореньями, чтобъ надолго дровъ хватило! «Экой ты! все по своему дѣлаешь», сказалъ змѣй, вырвалъ съ корнемъ самой толстой дубъ и поволокъ въ избу. Цыганъ притворился, что крѣпко сердитъ, надулъ губы и сидитъ молча. Змѣй наварилъ говядины, зоветъ его обѣдать, а онъ съ сердцемъ отвѣчаетъ: «не хочу!» Вотъ змѣй сожралъ цѣлаго вола, выпилъ воловью шкуру воды, и сталъ цыгана допрашивать: «скажи, братъ, за что сердишься?»—А за то: что я ни сдѣлаю — все не такъ, все не по твоему! «Ну, не сердись, помирися!»—Коли хочешь со мной помириться, поѣдемъ ко мнѣ въ гости. «Изволь; готовъ, братъ!» Тотчасъ досталъ змѣй повозку, запрёгъ тройку что ни есть лучшихъ коней, и поѣхали вдвоемъ въ цыганской таборъ. Стали подъѣзжать; увидали цыганята своего батька, бѣгутъ къ нему на встрѣчу голые да во все горло кричатъ: «батько прiѣхалъ! змѣя привёзъ!» Змѣй испугался, спрашиваетъ цыгана: «кто это?»—А то мои дѣти! чай, голодны теперь; смотри, какъ за тебя прiймутся! Змѣй изъ повозки да бѣжать; а цыганъ продалъ тройку лошадей вмѣстѣ съ повозкой, и зажилъ себѣ припѣваючи.

26.

НЕУМОЙКА.

Отслужилъ солдатъ свою службу, отпустили его *въ чистую* [1]. Вотъ онъ вышелъ на дорогу, шелъ-шелъ, присталъ и

---

[1]) Т. е. отставку.

сѣлъ у озера; сидитъ да думу думаетъ: «что-же мнѣ теперь дѣлать?... Къ чорту что-ли въ работники наняться!» Только вымолвилъ эти рѣчи, а чертёнокъ тутъ какъ тутъ — стоитъ передъ нимъ, кланяется: «здорово, служба!»—Тебѣ что надо? «Да не самъ ли ты захотѣлъ къ намъ въ работники наняться? Что-жъ, служивой, наймись! жалованье большое дадимъ.» —А какова работа? «Работа легкая: только пятнадцать лѣтъ не бриться, не стричься, соплей не сморкать, носъ не утирать и одёжи не перемѣнять!» [1]) — Ладно, говоритъ солдатъ; я возьмусь за эту работу, но съ тѣмъ уговоромъ, чтобы все мнѣ было готово, чего душа пожелаетъ! «Ужь это какъ водится! будь спокоенъ, за нами помѣшки не будетъ.» — Ну, такъ по рукамъ! Сейчасъ же перенеси меня въ большой столичной городъ да кучу денегъ притащи; ты вѣдь самъ знаешь, что этого добра у солдатъ безъ малаго ничего! Чертёнокъ бросился въ озеро, притащилъ кучу денегъ и мигомъ перенёсъ солдата въ большой городъ; перенёсъ — и былъ таковъ! «Вотъ на дурака напалъ! говоритъ солдатъ; еще не служилъ, не работалъ, а деньги взялъ.» Нанялъ себѣ квартиру, не стрижется, не брѣется, носа не утираетъ, одёжи не перемѣняетъ, живетъ богатѣетъ; до того разбогатѣлъ, что некуда стало денегъ дѣвать. Что дѣлать съ серебромъ да съ золотомъ? «Дай-ка, вздумалъ онъ, начну помогать бѣднымъ; пусть за мою душу молятся.» Началъ солдатъ раздавать деньги бѣднымъ, и на-право даетъ, и на-лѣво даетъ — а денегъ у него не только не убываетъ, а еще прибавляется. Пошла объ немъ слава по всему царству, по всѣмъ людямъ. Вотъ такъ-то жилъ солдатъ лѣтъ четырнадцать; на пятнадцатомъ году не хватило у царя казны; велѣлъ онъ позвать къ себѣ этого солдата.

---

[1]) *Варіантъ:* Три года не умывайся, не стригись и ногтей не обрѣзывай; отслужишь эту службу — тогда поѣдемъ къ королю, есть у него три дочери: двѣ мои, а третья твоя будетъ!

Приходитъ къ нему солдатъ небритой, немытой, нечесаной, сопли не вытерты, одёжа не перемѣнена. «Здравія желаю, ваше величество!»—Послушай, служивой! ты, говорятъ, всѣмъ людямъ добро дѣлаешь; дай мнѣ хоть въ займы денегъ. У меня на жалованье войскамъ не хватаетъ. Если дашь, сейчасъ тебя генераломъ пожалую. «Нѣтъ, ваше величество! я генераломъ быть не желаю; а коли хочешь жаловать, отдай за меня одну изъ своихъ дочерей, и бери тогда казны, сколько надобно.» Тутъ король призадумался: и дочерей жалко, и безъ денегъ обойтись нельзя. «Ну, говоритъ, хорошо; прикажи списать съ себя патретъ [1]), я его дочерямъ покажу—которая за тебя пойдетъ?» Солдатъ повернулся, велѣлъ списать съ себя патретъ—точь въ точь, какъ онъ есть, и послалъ его къ царю. У того царя было три дочери; призвалъ ихъ отецъ, показываетъ солдатской патретъ старшей: «пойдешь ли за него замужъ? онъ меня изъ великой нужды выведетъ.» Царевна видитъ, что нарисовано страшилище, волоса всклокочены, ногти не выстрижены, сопли не вытерты! «Не хочу! говоритъ; я лучше за чорта пойду!» А чортъ откуда взялся—стоитъ позади съ перомъ да съ бумагой; услыхалъ это и записалъ ея душу. Спрашиваетъ отецъ середнюю дочь: «пойдешь за солдата замужъ?»—Какъ-же! я лучше въ дѣвкахъ просижу, лучше съ чортомъ повяжуся, чѣмъ за него идти! Чортъ записалъ и другую душу. Спрашиваетъ отецъ у меньшой дочери; она ему отвѣчаетъ: «видно судьба моя такова! иду за него замужъ, а тамъ что Богъ дастъ!» Царь обрадовался, послалъ сказать солдату, чтобъ къ вѣнцу готовился, и отправилъ къ нему двѣнадцать подводъ за золотомъ. Солдатъ потребовалъ къ себѣ чертёнка: «вотъ двѣнадцать подводъ—чтобы сейчасъ всѣ были золотомъ насыпаны!» Чертёнокъ побѣжалъ въ озе-

---

[1]) Портретъ.

ро, и пошла у нечистыхъ работа: кто мѣшокъ тащитъ, кто два; живой рукой насыпали воза и отправили къ царю во дворецъ. Царь поправился и началъ звать къ себѣ солдата почитай кажный день, сажалъ съ собою за единой столъ, вмѣстѣ съ нимъ и пилъ и ѣлъ. Вотъ пока готовились они къ свадьбѣ, прошло какъ разъ пятнадцать лѣтъ: кончился срокъ солдатской службы. Зоветъ онъ чертёнка и говоритъ: «ну, служба моя покончилась; сдѣлай теперь меня молодцомъ.» Чертёнокъ изрубилъ его на мелкія части, бросилъ въ котелъ, и давай варить; сварилъ, вынулъ и собралъ все во-едино, какъ слѣдуетъ: косточка въ косточку, суставчикъ въ суставчикъ, жилка въ жилку; потомъ вбрызнулъ мертвой и живой водою—и солдатъ всталъ такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Обвѣнчался онъ съ младшею царевною, и стали они жить-поживать, добра наживать; я на свадьбѣ былъ, медъ-пиво пилъ, было у нихъ вино—выпивалъ его по самое дно!

Прибѣжалъ чертёнокъ въ озеро; потребовалъ его дѣдушка къ отчету: «что какъ солдатъ?»—Отслужилъ свой срокъ вѣрно и честно: ни разу не брился, не стригся, соплей не утиралъ, одёжи не перемѣнялъ. Разсердился на него дѣдушка: «въ пятнадцать лѣтъ, говоритъ, не могъ соблазнить ты солдата! что даромъ денегъ потрачено! какой же ты чортъ послѣ этого?» и приказалъ бросить его въ смолу кипучую. «Постой, дѣдушка! отвѣчаетъ внучекъ; за солдатскую душу у меня двѣ записаны.» — Какъ такъ? «Да вотъ какъ: задумалъ солдатъ на царевнѣ жениться, такъ старшая да середная сказали отцу, что лучше за чорта пойдутъ замужъ, чѣмъ за солдата! Стало быть онѣ — наши!» Дѣдушка оправилъ чертёнка и велѣлъ его отпустить: знаетъ де свое дѣло!

27.

ИВАНЪ-ЦАРЕВИЧЪ И ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ [1]).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ жилъ-былъ царь на царствѣ, король на королевствѣ, и были у него дѣти: сынъ Иванъ-царевичъ и дочь Елена Прекрасная. Появился въ его царствѣ медвѣдь-желѣзная шерсть [2]), и началъ его подданныхъ ѣсть. Ѣстъ медвѣдь людей, а царь сидитъ, да думаетъ, какъ-бы ему спасти дѣтей своихъ. Велѣлъ онъ построить высокой столбъ, посадилъ на него Ивана-царевича и Елену Прекрасную, и провизіи имъ поклалъ туда на пять лѣтъ. Переѣлъ медвѣдь всѣхъ людей, прибѣжалъ въ царской дворецъ и сталъ съ досады грызть вѣникъ.

«Не грызи меня, медвѣдь-желѣзная шерсть! говоритъ ему вѣникъ; а лучше ступай въ поле, тамъ увидишь ты столбъ, а на томъ столбу сидятъ Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная!..» Прибѣжалъ медвѣдь къ столбу и началъ его раскачивать. Испугался Иванъ-царевичъ и бросилъ ему пищи, а медвѣдь наѣлся, да и лёгъ спать!

Спитъ медвѣдь, а Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная бѣгутъ безъ оглядки... На дорогѣ стоитъ конь. «Конь, конь! спаси насъ», говорятъ они. Только что сѣли на коня, медвѣдь ихъ и догналъ. Коня онъ разорвалъ на части, а ихъ взялъ въ пасть и принесъ къ столбу. Дали они ему пищи, онъ на-

---

[1]) См. вып. VI, №№ 51, 52, 53, и въ этомъ выпускѣ № 28.

[2]) *Варіантъ:* Жилъ царь съ царицею, у нихъ были дѣти: Иванъ-царевичъ да Елена Прекрасная. Поѣхалъ царь на охоту, они и просятъ его: «привези намъ волка.» Сколько не искалъ царь волка, нигдѣ не нашелъ; воротился домой и велѣлъ сдѣлать для своихъ дѣтей желѣзнаго волка. Прошло ни много, ни мало времени—ожилъ этотъ желѣзной волкъ и сталъ людей поѣдать...

ѣлся и опять заснулъ.—Спитъ медвѣдь, а Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная бѣгутъ безъ оглядки... По дорогѣ идутъ гуси. «Гуси, гуси! спасите насъ.» Сѣли они на гусей и полетѣли, а медвѣдь проснулся, опалилъ гусей полымьемъ, и принесъ ихъ къ столбу. Дали они ему снова пищи: онъ наѣлся и опять заснулъ. — Спитъ медвѣдь, а Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная бѣгутъ безъ оглядки... На дорогѣ стоитъ бычокъ-третьячокъ [1]). «Бычокъ, бычокъ! спаси насъ: за нами гонится медвѣдь-желѣзная шерсть.»—Садитесь на меня, а ты, Иванъ-царевичъ! сядь задомъ напередъ, и какъ увидишь медвѣдя, скажи мнѣ. Только что догонитъ ихъ медвѣдь, бычокъ-третьячокъ др....— да и залѣпитъ ему глаза. Три раза медвѣдь догонялъ, три раза бычокъ залѣплялъ ему глаза. Стали они переправляться черезъ рѣку, медвѣдь за ними—да и утонулъ.

Захотѣли они ѣсть, вотъ бычокъ имъ и говоритъ: «зарѣжьте меня и съѣшьте, а косточки мои соберите и ударьте; изъ нихъ выйдетъ мужичокъ-кулачокъ — самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ. Онъ для васъ всё сдѣлаетъ.» Время идетъ да идетъ, съѣли они бычка и захотѣли опять ѣсть; вдарили легонько по косточкамъ, и вышелъ мужичокъ-кулачокъ. Вотъ пошли они въ лѣсъ, а въ томъ лѣсу стоялъ домъ, а домъ тотъ былъ разбойничій. Кулачокъ убилъ и разбойниковъ и атамана, и заперъ ихъ въ одной комнатѣ; а Еленѣ не велѣлъ туда ходить. Только она не вытерпѣла, посмотрѣла и влюбилась въ голову атамана.

Попросила она Ивана-царевича достать ей живой и мертвой воды. Какъ только онъ досталъ воды живой и мертвой, царевна оживила атамана и сговорилась вмѣстѣ съ нимъ извести Ивана-царевича. Наперво согласились они послать его за волчьимъ

---

[1]) Т. е. по третьему году.

молокомъ. Пошелъ Иванъ-царевичъ съ мужичкомъ-кулачкомъ, находитъ волчицу: «давай молока!» она проситъ ихъ взять и волчонка, потому что онъ б....., п......, даромъ хлѣбъ ѣстъ. Взявши молоко и волчонка, пошли къ Еленѣ Прекрасной; молоко отдали Еленѣ, а волчонка взяли себѣ. Этимъ не смогли его известь; послали за медвѣжьимъ молокомъ. Пошелъ Иванъ-царевичъ съ мужичкомъ-кулачкомъ доставать медвѣжьяго молока; находятъ медвѣдицу: «давай молока!» она проситъ взять и медвѣжонка, потому что онъ.... даромъ хлѣбъ ѣстъ. Опять взявши молоко и медвѣжонка, пошли къ Еленѣ Прекрасной; отдали ей молоко, а медвѣжонка взяли себѣ. И этимъ не смогли известь Ивана-царевича; послали его за львинымъ молокомъ. Иванъ-царевичъ пошелъ съ мужичкомъ-кулачкомъ; находятъ львицу, взяли молока; она проситъ ихъ взять и львёнка, потому что онъ.... даромъ хлѣбъ ѣстъ. Воротились къ Еленѣ Прекрасной, отдали молоко, львёнка взяли себѣ. Потомъ атаманъ и Елена Прекрасная видятъ, что и этимъ нельзя известь Ивана-царевича; послали его достать яицъ жаръ-птицы. Отправился Иванъ-царевичъ съ мужичкомъ-кулачкомъ доставать яйцы. Нашли они жаръ-птицу, хотѣли было взять яйцы, она разсердилась и проглотила мужичка кулачка; а Иванъ-царевичъ пошелъ безъ яицъ домой. Приходитъ къ Еленѣ Прекрасной, разсказалъ ей, что не могъ достать яицъ и что жаръ-птица проглотила мужичка-кулачка. Елена Прекрасная съ атаманомъ обрадовались и говорятъ, что теперь Иванъ-царевичъ безъ кулачка ничего не сдѣлаетъ; велѣли его убить. Иванъ-царевичъ услыхалъ это и попросился у сестры помыться передъ смертію въ банѣ. Елена Прекрасная велѣла натопить баню. Иванъ-царевичъ пошелъ въ баню, а Елена Прекрасная послала къ нему сказать, чтобы онъ скорѣе мылся. Иванъ-царевичъ ее не послушалъ, все таки мылся не спѣша. Вдругъ прибѣжали къ нему: волчонокъ,

медвѣжонокъ и львёнокъ; говорятъ ему, что мужичокъ-кулачокъ спасся отъ жаръ-птицы и сейчасъ прійдетъ къ нему. Иванъ-царевичъ приказалъ имъ лечь подъ порогъ въ банѣ; а самъ все-таки мылся. Елена Прекрасная посылаетъ опять ему сказать, чтобы онъ скорѣе мылся, а если онъ нескоро выйдетъ, то она сама прійдетъ. Иванъ-царевичъ все не слушалъ, не выходилъ изъ бани. Елена Прекрасная ждала-ждала, не могла дождаться и пошла съ атаманомъ посмотрѣть, что онъ тамъ дѣлаетъ? Приходитъ и видитъ, что онъ моется и не слушаетъ приказанія; разсердилась, дала ему плюху. Откуда не возьмись мужичокъ-кулачокъ — велѣлъ волчонку, медвѣжонку и львёнку разорвать атамана на мелкіе кусочки, а Елену взялъ-привязалъ голую къ дереву, чтобъ ея тѣло съѣли комары да мухи; а самъ отправился съ Иваномъ-царевичемъ путемъ-дорогою. Завидѣли большія палаты; говоритъ мужичокъ-кулачокъ: «не хочешь ли, Иванъ-царевичъ, жениться? вотъ въ этомъ домѣ живетъ богатырь-дѣвка; она ищетъ такого молодца, чтобъ ее одолѣлъ.» Вотъ и пошли къ тому дому. Не дошедчи немного, сѣлъ Иванъ-царевичъ на лошадь, а мужичокъ-кулачокъ сзади его, и начали вызывать богатырь-дѣвку драться. Дрались-дрались; богатырь-дѣвка ударила Ивана-царевича въ грудь — Иванъ-царевичъ чуть-чуть не упалъ, да его кулачокъ удержалъ. Потомъ Иванъ-царевичъ ударилъ богатырь-дѣвку копьемъ — и она тотчасъ свалилась съ коня. Какъ сшибъ Иванъ-царевичъ богатырь-дѣвку; она и говоритъ ему: «ну, Иванъ царевичъ, ты теперь можешь меня взять замужъ.» Скоро сказка сказывается, а нескоро дѣло дѣлается. Иванъ-царевичъ женился на богатырь-дѣвкѣ. «Ну, Иванъ-царевичъ! говоритъ мужичокъ-кулачокъ, если на первую ночь сдѣлается тебѣ дурно, то выходи ко мнѣ; я въ бѣдѣ помогу.» Вотъ лёгъ Иванъ-царевичъ спать съ богатырь-дѣвкою. Вдругъ богатырь-дѣвка положила ему на грудь руку,

Ивану-царевичу сдѣлалось дурно; началъ онъ проситься выйдти. Вышедчи, кликнулъ мужичка-кулачка; разсказалъ ему, что богатырь-дѣвка его душитъ. Мужичокъ-кулачокъ пошелъ къ богатырь-дѣвкѣ, началъ ее бить да приговаривать: «почитай мужа, почитай мужа!» Съ этого времени стали они жить да поживать, да добра наживать. Послѣ начала богатырь-дѣвка просить Ивана-царевича, чтобъ отвязалъ Елену Прекрасную и взялъ бы ее къ себѣ жить. Онъ сейчасъ послалъ отвязать и привесть ее къ себѣ. Долго жила у него Елена Прекрасная. Одинъ разъ говоритъ она Ивану-царевичу: «братецъ! дай я тебѣ поищу.» Начала искать ему и пустила въ голову мертвой зубъ [1]); Иванъ-царевичъ началъ умирать. Львёнокъ видитъ, что Иванъ-царевичъ умираетъ, выдернулъ у него мертвой зубъ; царевичъ сталъ оживать, а львёнокъ умирать. Медвѣжонокъ вырвалъ зубъ; львёнокъ началъ оживать, а медвѣжонокъ умирать. Лисица видитъ, что онъ помираетъ, выдернула у него мертвой зубъ, и какъ она была хитрѣй всѣхъ, то выдернувши—бросила зубъ на сковороду, отчего зубъ и разсыпался въ куски. За это Иванъ-царевичъ велѣлъ Елену Прекрасную привязать къ хвосту богатырскаго коня и размыкать по чистому полю. Я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

(Записана въ орловской губерніи, карачевскомъ уѣздѣ. Изъ собранія П. В. Кирѣевскаго.)

28.

ЦАРЬ-МЕДВѢДЬ.

Жилъ себѣ царь съ царицею, дѣтей у нихъ не было. Царь поѣхалъ разъ на охоту краснаго звѣря да перелетныхъ птицъ

[1]) *Вар.* змѣиной зубъ.

стрѣлять. Сдѣлалось жарко, захотѣлось ему водицы испить; увидалъ въ сторонѣ колодецъ, подошелъ, нагнулся и только хотѣлъ испить — царь-медвѣдь [1]) и ухватилъ его за бороду. «Пусти», просится царь. — Дай мнѣ то, чего въ домѣ не знаешь; тогда и пущу. «Чего-жъ бы я въ домѣ не зналъ? думаетъ царь; кажись, все знаю... Я лучше, говоритъ, дамъ тебѣ стадо коровъ.» — Нѣтъ, не хочу и двухъ стадъ. «Ну, возьми табунъ лошадей.» — Не надо и двухъ табуновъ; а дай то, чего въ домѣ не знаешь. Царь согласился, высвободилъ свою бороду и поѣхалъ домой. Входитъ во дворецъ, а жена родила ему двойни: Ивана-царевича и Марью-царевну; вотъ чего не зналъ онъ въ домѣ. Всплеснулъ царь руками и горько заплакалъ. «Чего ты такъ убиваешься?» спрашиваетъ царица. — Какъ мнѣ не плакать; я отдалъ своихъ дѣтокъ родныхъ царю-медвѣдю. «Какимъ случаемъ?» — Такъ и такъ, сказываетъ царь. «Да мы не отдадимъ ихъ!» — О, никакъ нельзя! онъ въ конецъ разоритъ все царство, а ихъ все-таки возьметъ. Вотъ они думали-думали, какъ быть? да и придумали: выкопали преглубокую яму, убрали ее, разукрасили, словно палаты, навезли туда всякихъ запасовъ, чтобъ было что̀ и пить, и ѣсть; послѣ посадили въ ту яму своихъ дѣтей, а поверхъ сдѣлали потолокъ, закидали землею и заровняли гладко-нàгладко. Въ скоромъ времени царь съ царицею померли, а дѣтки ихъ ростутъ да ростутъ. Пришелъ наконецъ за ними царь-медвѣдь, смотритъ туда-сюда: нѣтъ никого! опустѣлъ дворецъ. Ходилъ онъ, ходилъ, весь домъ выходилъ, и думаетъ: «кто-же мнѣ про царскихъ дѣтей скажетъ, куда они дѣвались?» Глядь — долото въ стѣну воткнуто. «Долото, долото! спрашиваетъ царь-медвѣдь; скажи мнѣ, гдѣ царскіе дѣти?» — Вынеси меня на дворъ и брось нàземь; гдѣ я воткнусь, тамъ и рой. Царь-медвѣдь взялъ

---

[1]) Слово это на мѣстномъ нарѣчіи выговаривается: ведмѣть.

долото, вышелъ на дворъ и бросилъ его наземь; долото закружилось, завертѣлось и прямо въ то мѣсто воткнулось, гдѣ были спрятаны Иванъ-царевичъ и Марья-царевна. Медвѣдь разрылъ землю лапами, разломалъ потолокъ, и говоритъ: «а Иванъ-царевичъ, а Марья-царевна, вы вотъ гдѣ!... вздумали отъ меня прятаться! Отецъ-то вашъ съ матерью меня обманули, такъ я васъ за это съѣмъ.» — Ахъ, царь-медвѣдь, не ѣшь насъ; у нашего батюшки осталось много куръ и гусей и всякаго добра; есть чѣмъ полакомиться. «Ну, такъ и быть! садитесь на меня, я васъ къ себѣ въ услугу возьму.» Они сѣли, и царь-медвѣдь принесъ ихъ подъ такія крутыя да высокія горы, что̀ подъ самое небо уходятъ; всюду здѣсь пусто, никто не живетъ. «Мы ѣсть-пить хотимъ», говорятъ Иванъ-царевичъ и Марья-царевна. — Я побѣгу, добуду вамъ и пить и ѣсть, отвѣчаетъ медвѣдь, а вы пока тутъ побудьте да отдохните. Побѣжалъ медвѣдь за ѣдой, а царевичъ съ царевною стоятъ и слезно плачутъ. Откуда нѐ взялся ясный соколъ [1]), замахалъ крыльями и вымолвилъ таково слово: «ахъ, Иванъ-царевичъ и Марья-царевна, какими судьбами вы здѣсь очутились?» Они разсказали. «Зачѣмъ же взялъ васъ медвѣдь?» — На всякія послуги. «Хотите, я васъ унесу? Садитесь ко мнѣ на крылушки.» Они сѣли; ясный соколъ поднялся выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго, и полетѣлъ было въ далекія страны. На ту пору царь-медвѣдь прибѣжалъ, усмотрѣлъ сокола въ поднебесьи, ударился головой о сырую землю и обжогъ ему пламенемъ крылья. Опалились у сокола крылья, опустилъ онъ царевича и царевну наземь. «А! говоритъ медвѣдь, вы хотѣли отъ меня уйдти; съѣмъ же васъ за то и съ косточками!» — Не ѣшь, царь-медвѣдь; мы будемъ тебѣ вѣрно служить. Медвѣдь простилъ ихъ и повезъ въ свое царство: горы все выше да

---

[1]) *Вар.* воронъ.

круче. Прошло ни много, ни мало времени — «ахъ! говоритъ Иванъ-царевичъ, я ѣсть хочу.» — И я! говоритъ Марья-царевна. Царь-медвѣдь побѣжалъ за ѣдой, а имъ строго наказалъ никуда не сходить съ мѣста. Сидятъ они на травкѣ- на муравкѣ да слезы ронятъ Откуда нѐ взялся орелъ, спустился изъ-за облакъ и спрашиваетъ: «ахъ, Иванъ-царевичъ и Марья-царевна, какими судьбами очутились вы здѣсь?» Они разсказали. «Хотите, я васъ унесу?» — Куда тебѣ! ясный соколъ брался унести, да не смогъ, и ты не сможешь! «Соколъ — птица малая; я взлечу повыше его; садитесь на мои крылушки.» Царевичъ съ царевною сѣли; орелъ взмахнулъ крыльями и взвился еще выше. Медвѣдь прибѣжалъ, усмотрѣлъ орла въ поднебесьи, ударился головой о сыру землю и опалилъ ему крылья. Спустилъ орелъ Иванъ-царевича и Марью-царевну наземь. «А, вы опять вздумали уходить! сказалъ медвѣдь; вотъ я-же васъ съѣмъ!» — Не ѣшь пожалуста; насъ орелъ взманилъ! мы будемъ служить тебѣ вѣрой и правдою. Царь-медвѣдь простилъ ихъ въ послѣдній разъ, накормилъ-напоилъ и повезъ дальше... Прошло ни много, ни мало времени — «ахъ, говоритъ Иванъ-царевичъ, я ѣсть хочу.» — И я! говоритъ Марья-царевна. Царь-медвѣдь оставилъ ихъ, а самъ за ѣдой побѣжалъ. Сидятъ они на травкѣ-на муравкѣ да плачутъ. Откуда нѐ взялся бычокъ-др....нокъ, замоталъ головой и спрашиваетъ: «Иванъ-царевичъ, Марья-царевна! вы какими судьбами здѣсь очутились?» Они разсказали. — Хотите, я васъ унесу? «Куда тебѣ! насъ уносили птица-соколъ да птица-орелъ, и то не смогли; ты и подавну не сможешь!» — а сами такъ и разливаются, едва во слезахъ слово вымолвятъ. «Птицы не унесли, а я унесу! садитесь ко мнѣ на спину.» Они сѣли, бычокъ др....нокъ побѣжалъ не больно прытко. Медвѣдь усмотрѣлъ, что царевичъ съ царевною уходить стали, и бросился за ними въ погоню. «Ахъ, бычокъ-др.....нокъ! кричатъ царскіе дѣти, медвѣдь гонится.» — Далеко

ли? «Нѣтъ близко!» Только было медвѣдь подскочилъ да хотѣлъ сцапать, бычокъ понатужился.... и залѣпилъ ему оба глаза. Побѣжалъ медвѣдь на синё море глаза промывать, а бычокъ-др....нокъ все вперёдъ да вперёдъ! Царь-медвѣдь умылся да опять въ погоню. «Ахъ, бычокъ-др....нокъ! медвѣдь гонится.» — Далеко ли? «Охъ, близко!» Медвѣдь подскочилъ, а бычокъ опять понатужился....и залѣпилъ ему оба глаза. Пока медвѣдь бѣгалъ глаза промывать, бычокъ все вперёдъ да вперёдъ! И въ третій разъ залѣпилъ онъ глаза медвѣдю; а послѣ того даетъ Ивану-царевичу гребешокъ да утиральникъ и говоритъ: «коли станетъ нагонять царь-медвѣдь близко, въ первой разъ брось гребешокъ, а въ другой — махни утиральникомъ.» Бычокъ-др....нокъ бѣжитъ все дальше и дальше. Оглянулся Иванъ-царевичъ, а за ними царь-медвѣдь гонится: вотъ-вотъ схватитъ! Взялъ онъ гребешокъ и бросилъ позадь себя — вдругъ выросъ, поднялся такой густой, дремучій лѣсъ, что̀ ни птицѣ не пролетѣть, ни звѣрю не пролѣзть, ни пѣшему не пройти, ни конному не проѣхать. Ужь медвѣдь грызъ-грызъ, насилу прогрызъ себѣ узенькую дорожку, пробрался сквозь дремучій лѣсъ и бросился догонять; а царскіе дѣти далёко-далёко! Сталъ медвѣдь нагонять ихъ, Иванъ-царевичъ оглянулся и махнулъ позадь себя утиральникомъ — вдругъ сдѣлалось огненное озеро: такое широкое-широкое! волна изъ края въ край бьетъ. Царь-медвѣдь постоялъ-постоялъ на берегу и поворотилъ домой; а бычокъ-др....нокъ съ Иваномъ-царевичемъ да съ Марьей-царевной прибѣжалъ на полянку. На той на полянкѣ стоялъ большой, славной домъ [1]). «Вотъ вамъ домъ! ска-

---

[1]) *Варіантъ:* Царь-медвѣдь побѣжалъ за ѣдою; а Иванъ-царевичъ да Марья-царевна стоятъ да плачутъ. Откуда не взялся доброй конь: «садитесь, говоритъ, на меня; я васъ завезу за синее море.» Только сѣли, доброй конь и понесъ ихъ выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго. Медвѣдь увидалъ да въ погоню. «Ахъ, доброй конь! за нами медвѣдь, гонится.» — Ничего,

залъ бычокъ; живите-не тужите. А на дворѣ приготовьте сейчасъ костёръ, зарѣжьте меня да на томъ кострѣ и сожгите.» —Ахъ! говорятъ царскіе дѣти; зачѣмъ тебя рѣзать? лучше живи съ нами; мы за тобой будемъ ухаживать, станемъ тебя кормить свѣжею травою, поить ключевой водою. «Нѣтъ. сожгите меня, а пепелъ посѣйте на трехъградкахъ: на одной градкѣ выскочитъ конь, на другой собачка, а на третьей выростетъ яблонька; на томъ коню ѣзди ты, Иванъ-царевичъ, а съ тою собачкой ходи на охоту.» [1]) Такъ все и сдѣлалось.

Вотъ какъ-то вздумалъ Иванъ-царевичъ поѣхать на охоту; попрощался съ сестрицею, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ лѣсъ; убилъ гуся, убилъ утку, да поймалъ живаго волчонка и привезъ домой. Видитъ царевичъ, что охота идетъ ему въ руку, и опять поѣхалъ, настрѣлялъ всякой птицы и поймалъ живаго медвѣжонка. Въ третій разъ собрался Иванъ-царевичъ на охоту, а собачку позабылъ съ собой взять. Тѣмъ временемъ Марья-царевна пошла бѣлье мыть. Идетъ она, а на другой сторонѣ огненнаго озера прилетѣлъ къ берегу шестиглавой змѣй, перекинулся красавцемъ, увидалъ царевну и такъ слад-

---

Иванъ-царевичъ! вынь у меня изъ лѣваго уха щепочку и брось позади себя. Иванъ-царевичъ вынулъ щепочку и бросилъ — тотчасъ сдѣлался густой, темной лѣсъ — ни пройдти, ни проѣхати! Пока царь-медвѣдь продрался сквозь чащу, они далеко уѣхали. Побѣжалъ медвѣдь въ погоню; вотъ ужь близко! «Ахъ, доброй конь! за нами медвѣдь гонится.» — Ничего, Иванъ-царевичъ! возьми у меня изъ праваго уха скляночку и брызни позади себя. Иванъ-царевичъ то и сдѣлалъ — тотчасъ разлилось синё море глубокое. Медвѣдь прибѣжалъ къ синю морю, поглядѣлъ-посмотрѣлъ и побѣжалъ въ темные лѣса. Доброй конь сталъ прощаться съ Иваномъ-царевичемъ и Марьей-царевною; жалко имъ было съ нимъ разставаться, да дѣлать нечего. Распрощались, и пошелъ царевичъ съ царевною въ одну сторону, а конь въ другую. Иванъ-царевичъ нашелъ пустую избушку и поселился въ ней съ сестрицею...

[1]) *Варіантъ:* «Живите въ этомъ домѣ, сказалъ бычокъ, а меня зарѣжьте: мясо скушайте, а кости въ одно мѣсто сложите да поливайте тою водой, въ которой будете чашки да ложки мыть; изъ тѣхъ костей двѣ собачки народятся.»

ко говоритъ: «здравствуй, красная дѣвица!»—Здравствуй, доброй молодецъ! «Я слышалъ отъ старыхъ людей, что въ прежнее время этого озера не бывало; если-бъ черезъ него да былъ перекинутъ высокой мостъ — я бы перешелъ на ту сторону и женился на тебѣ.» — Постой! мостъ сейчасъ будетъ, отвѣчала ему Марья-царевна и бросила утиральникъ: въ ту-жъ минуту утиральникъ дугою раскинулся и повисъ черезъ озеро высокимъ, красивымъ мостомъ. Змѣй перешелъ по мосту, перекинулся въ прежній видъ, собачку Ивана-царевича заперъ на замокъ, а ключъ въ озеро забросилъ; послѣ того схватилъ и унесъ царевну. Пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ съ охоты — сестры нѣтъ, собачка въ заперти воетъ; увидалъ мостъ черезъ озеро и говоритъ: «вѣрно змѣй унесъ мою сестрицу!» Пошелъ разыскивать. Шелъ-шелъ, въ чистомъ полѣ стоитъ хатка на курьихъ лапкахъ, на собачьихъ пяткахъ. «Хатка, хатка! повернись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ.» Хатка повернулась; Иванъ-царевичъ вошелъ, а въ хаткѣ лежитъ баба-яга, костяная нога, изъ угла въ уголъ, носъ въ потолокъ вросъ. «Фу-фу! говоритъ она, доселева русскаго духа не слыхать было, а нынче русской духъ въ очью проявляется, въ носъ бросается! Почто пришелъ, Иванъ-царевичъ?» — Да если-бъ ты моему горю пособила! «А какое твое горе?» Царевичъ разсказалъ ей. — Ну, ступай же домой; у тебя на дворѣ есть яблонька, сломи съ неё три зеленыхъ прутика, сплети вмѣстѣ и тамъ, гдѣ собачка заперта, ударь ими по замку: замокъ тотчасъ разлетится на мелкія части. Тогда смѣло на змѣя иди, не устоитъ супротивъ тебя. Иванъ-царевичъ воротился домой, освободилъ собачку—выбѣжала она злая-злая! взялъ еще съ собой волчонка да медвѣжонка, и отправился на змѣя. Звѣри бросились на него и разорвали въ клочки. А Иванъ-царевичъ взялъ Марью-царевну, и стали они жить-поживать, добра наживать.

(Записана издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

29.

ДОЧЬ ПАСТУХА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь; наскучило ему ходить холостому, и задумалъ жениться; долго приглядывался, долго присматривался, и никакъ не могъ найдти себѣ невѣсты по сердцу. Въ одно время поѣхалъ онъ на охоту и увидалъ на̀ полѣ: пасетъ скотину крестьянская дочь — такая красавица, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, а другой такой во всемъ свѣтѣ не сыскать. Подъѣхалъ царь къ ней и говоритъ ласково: «здравствуй, красная дѣвица!» — Здравствуй, государь! «Котораго отца ты дочь?» — Мой отецъ — пастухъ, недалече живетъ. Царь распросилъ про все подробно: какъ зовутъ ея отца и какъ слыветъ ихъ деревня, распрощался и поѣхалъ прочь. Немного погодя, день или два, пріѣзжаетъ царь къ пастуху въ домъ: «здравствуй, доброй человѣкъ! я хочу на твоей дочери жениться.» — Твоя воля, государь! «А ты, красная дѣвица, пойдешь за меня?» — Пойду! говоритъ. «Только я беру тебя съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ ни однимъ словомъ мнѣ не поперечила; а коли скажешь супротивъ хоть единое словечко — то мой мечь, твоя голова съ плечъ!» Она согласилась. Царь приказалъ ей готовиться къ свадьбѣ, а самъ разослалъ по всѣмъ окрестнымъ государствамъ пословъ, чтобъ съѣзжались къ нему короли и королевичи на пиръ-на веселье. Собрались гости; царь вывелъ къ нимъ свою невѣсту въ простомъ деревенскомъ платьѣ: «что, любезные гости, нравится ли вамъ моя невѣста?» — Ваше величество! сказали гости; коли тебѣ нравится, а намъ и подавно. Тогда велѣлъ ей нарядиться въ царскіе уборы, и поѣхали къ вѣнцу. Извѣстное дѣло: у царя ни пиво варить, ни вино курить — всего вдоволь! Перевѣнчались и

подняли пиръ на весь міръ: пили-ѣли, гуляли и потѣшались. Отпировали, и зачалъ царь жить съ своей молодой царицею въ любви и согласіи. Черезъ годъ времени родила царица сына, и говоритъ ей царь грозное слово: «твоего сына убить надо, а то сосѣдніе короли смѣяться будутъ, что всѣмъ моимъ царствомъ завладѣетъ послѣ меня мужицкой сынъ!» — Твоя воля! не могу тебѣ поперечить, отвѣчаетъ бѣдная царица. Царь взялъ ребенка, унесъ отъ матери и тайно велѣлъ отвезти его къ своей сестрѣ: пусть у ней ростетъ до поры, до времени. Прошелъ еще годъ — царица родила ему дочь; царь опять говоритъ ей грозное слово: «надобно изгубить твою дочь, а то сосѣдніе короли смѣяться будутъ, что она не царевна, а мужицкая дочь!»—Твоя воля! дѣлай что̀ знаешь, не могу тебѣ поперечить. Царь взялъ дѣвочку, унесъ отъ бѣдной матери и отослалъ къ своей сестрѣ. Много лѣтъ прошло, много воды утекло; царевичъ съ царевною выросли: онъ хорошъ, она еще лучше — другой такой красавицы нигдѣ не найдти! Царь собралъ своихъ думныхъ людей, призвалъ жену и сталъ говорить: «не хочу съ тобой больше жить; ты—мужичка, а я — царь! Снимай царскіе уборы, надѣвай крестьянское платье и ступай къ своему отцу.» Ни слова не сказала царица, сняла съ себя богатые уборы, надѣла старое крестьянское платье, воротилась къ отцу и по-прежнему начала въ поле скотину гонять. А царь задумалъ на иной жениться; отдалъ приказъ, чтобы все было къ свадьбѣ готово, и призвавъ свою прежнюю жену, говоритъ ей: «хорошенько прибери у меня въ комнатахъ; я сегодня невѣсту привезу.» Она убрала комнаты, стоѝтъ—дожидается. Вотъ привезъ царь невѣсту, за нимъ слѣдомъ наѣхало гостей видимо-невидимо; сѣли за столъ, стали ѣсть-пить, веселиться. «Что хороша ли моя невѣста?» спрашиваетъ царь у прежней жены. — Отвѣчаетъ она: если тебѣ хороша, такъ мнѣ и подавно! «Ну, сказалъ ей царь, надѣвай

опять царскіе уборы и садись со мной рядомъ; была ты и будешь моей женою. А эта невѣста — дочь твоя, а это — сынъ твой!» Съ этихъ поръ началъ царь жить съ своею царицею безъ всякой хитрости, пересталъ ее испытывать и до конца своей жизни вѣрилъ ей во всякомъ словѣ.

30.

РАЗСКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХЪ [1]).

а. *У* одномъ селѣ была дѣвка — лежàка, лѣнтяйкà, не любила работàть, абы какъ погуторить да побалакать! И вздумала она собрать къ себѣ дѣвокъ на попрядухи. А въ деревняхъ вѣстимо ужь лежàки собираютъ на попрядухи, а лакомогузки ходятъ. Вотъ она собрала нà ночь попрядухъ; онѣ ей прядутъ, а она ихъ кормитъ, подчуетъ. То-сё, и разговорились: кто изъ нихъ смѣлѣе? Лежàка говоритъ: «я ничего не боюсь!» — Ну, ежели не боишься, говорятъ попрядухи, дакъ поди мимо погосту [2]) къ церкви, сними съ дверей образъ да принеси. «Хорошо, принесу; тольки кажная напряди мнѣ по початку.» [3]) А это чувство-то *въ* ней есть, чтобъ ей ничего самой не дѣлать, а чтобъ другіе за нее дѣлали. Вотъ она пошла, сняла образъ и принесла. Ну, тѣ *видютъ* — точно образъ отъ церкви. Надо теперь несть образъ назадъ, а время ужь *къ* полночи. Кому несть? Лежàка говоритъ: «вы, дѣвки, прядите; я сама отнесу, я ничего не боюсь!» Пошла, поставила образъ на мѣста. Тольки идетъ назадъ мимо погосту, и видитъ: мертвецъ въ бѣломъ саванѣ сидитъ на могилѣ. Ночь-то мѣсяшная, все видно. Она подходитъ къ мертвецу, стащшила съ него саванъ; мертвецъ ничего не говоритъ, молчитъ — знать время не при-

[1]) Смотри вып. VI, № 65. [2]) Кладбища. [3]) Мѣра прядева.

ило ишша [1]) ему говорить-то. Вотъ она взяла саванъ, приходитъ домой [2]). «Ну, говоритъ, образъ отнесла, поставила на мѣста. да вотъ ишша съ мертвеца саванъ стащщила!» Дѣвки которыя спужались, которыя не вѣрють, смѣются. Тольки поужинали, легли спать, вдругъ мертвецъ стучится въ окна и говоритъ: «отдай мой саванъ! отдай мой саванъ!» Дѣвки перепугались—не живы, не мертвы; а лежака беретъ саванъ, идетъ къ окну, отворила: «на̀, говоритъ, возьми!»—Нѣтъ, отвѣчаетъ мертвецъ, неси туда, гдѣ взяла! Тольки вдругъ пѣтухи запѣли — и мертвецъ счезъ. На другую ночь ужь попрядухи всѣ по домамъ разошлись; въ тотъ же самой часъ опять мертвецъ приходитъ, стучится въ окно: «отдай мой саванъ!» Вотъ отецъ и мать лежаки отворяють окно, отдають ему саванъ. «Нѣтъ, говоритъ, пущщай она отнесетъ туда, гдѣ взяла!» Ну, какъ идти съ мертвецомъ на погостъ? страшно! Тольки пѣтухи пропѣли — счезъ мертвецъ. На другой день

---

[1]) Еще.

[2]) *Варіантъ 1:* Хозяйка хвастаетъ: «я ничего не боюсь! хоть сейчасъ пойду къ церкви.»—Ну, пойди! Вотъ идетъ она къ церкви и видитъ: стоятъ покойники. Дѣвка сотворила вслухъ молитву, покойники разступились и дали ей дорогу. Подошла она къ церкви, взялась за веревку и ударила въ колоколъ; стала назадъ идти, сорвала съ одного покойника саванъ и прибѣжала въ избу.

Варіантъ 2: На деревенскихъ посидѣлкахъ полюбилъ одинъ парень красную дѣвку, полюбила и она его крѣпко; а была она сирота бѣдная, такъ жила въ чужомъ домѣ въ работницахъ. Разъ у ея хозяина засидѣлись долго гости; послѣ гостей надо закуски, посуду убрать, вотъ и опоздниласъ красная дѣвица. На дворѣ полночь, а на посидѣлки хочется. «Чего бояться? побѣгу, хоть минутку на милаго погляжу!» Побѣжала, а дорога-то шла мимо кладбища. Глядь — на дорогѣ покойникъ стоитъ, весь въ бѣломъ. Дѣвка думаетъ, что то ея парень— испугать хочетъ, подбѣжала къ нему, обхватила и говоритъ: «ахъ, милой мой! я тебя не боюсь!» Мертвецъ исчезъ, а въ рукахъ дѣвицы осталась бѣлая рубаха. Отнесла ее домой и спрятала въ укромное мѣсто. Ночью стучится мертвецъ. «Кто тамъ?» спрашиваетъ хозяинъ. — Отдай мою рубаху! «Какую рубаху?»—Твоя работница знаетъ; спроси ее...

отецъ и мать послали за священникомъ; разсказали ему такъ и такъ и просють пособить ихъ горю: «нельзя ли, говорять, обѣдню отслужить!» Священникъ подумалъ: «ну, пожалуй! велите ей завтра къ обѣдни выходить.» Назавтра пошла лежака къ обѣдни; началась служба, народу много нашло! Тольки какъ стали херувимскую пѣть, вдругъ откуда поднялся страшной вихрь, ажно всѣ ницъ попадали! ухватилъ ее да ȯ земь. Дѣвки не стало, тольки одна коса отъ неё осталась [1]).

(Записана въ воронежской губерніи. Доставлена Н. И. Второвымъ.)

b. Ѣхалъ ночью мужикъ съ горшками; ѣхалъ-ѣхалъ, лошадь у него устала и остановилась какъ разъ противъ кладбища. Мужикъ выпрягъ лошадь, пустилъ на траву, а самъ прилёгъ на одной могилѣ; только что-то не спится ему. Лежалъ лежалъ, вдругъ начала подъ нимъ могила растворяться; онъ почуялъ это и вскочилъ на ноги. Вотъ могила растворилась, и оттуда вышелъ мертвецъ съ гробовою крышкою, въ бѣломъ саванѣ; вышелъ и побѣжалъ къ церкви, положилъ въ дверяхъ крышку, а самъ въ село. Мужикъ былъ человѣкъ смѣлой; взялъ гробовую крышку и сталъ возлѣ своей телеги, дожидается — что будетъ? Немного погодя пришелъ мертвецъ, хвать — а крышки-то нѣту, сталъ по слѣду добираться, добрался до мужика и говоритъ: «отдай мою крышку, не то въ

---

[1]) *Варіантъ 1:* Отецъ съ матерью благословили свою дочь: отнести саванъ на кладбище. Вотъ идетъ она на кладбище — стоятъ покойники, одинъ совсѣмъ голой; стала надѣвать на него саванъ—тутъ ее покойники схватили и разорвали на мелкія части!

Варіантъ 2: Пошла бѣдная дѣвка на кладбище и пропала. На утро стали осматривать могилы—одна какъ будто недавно взрыта; разрыли, а въ ней лежитъ мертвецъ съ тою дѣвицей, крѣпко-накрѣпко обхватилъ ее руками—костлявые пальцы такъ и впились въ бѣлое тѣло! Лежитъ она мертвая, русая коса въ горло втиснута. Взяли ихъ, розняли: дѣвицу похоронили съ честію, а тому мертвецу осиновой колъ вбили.

клочья разорву!»—А топоръ-то на что? отвѣчаетъ мужикъ; я самъ тебя искрошу на мелкія части! «Отдай, доброй человѣкъ!» проситъ его мертвецъ.—Тогда отдамъ, когда скажешь: гдѣ былъ и что дѣлалъ? [1]) «А былъ я въ селѣ; уморилъ тамъ двухъ молодыхъ парней.»—Ну, скажи теперь: какъ ихъ оживить можно? Мертвецъ по неволѣ сказываетъ: «отрѣжь отъ моего савана лѣвую полу и возьми съ собой; какъ придешь въ тотъ домъ, гдѣ парни уморены, насыпь въ горшечекъ горячихъ угольёвъ и положи туда клочокъ отъ савана, да дверь затвори; отъ того дыму они сейчасъ оживутъ.» Мужикъ отрѣзалъ лѣвую полу отъ савана и отдалъ гробовую крышку. Мертвецъ подошелъ къ могилѣ — могила растворилась; сталъ въ нее опускаться—вдругъ пѣтухи закричали, и онъ не успѣлъ закрыться, какъ надо; одинъ конецъ крышки снаружи остался. Мужикъ все это видѣлъ, все примѣтилъ. Стало разсвѣтать; онъ запрёгъ лошадь и поѣхалъ въ село. Слышитъ въ одномъ домѣ плачь, крики; входитъ туда — лежатъ два парня мертвые. «Не плачьте! я смогу ихъ оживить.» — Оживи, родимой; половину нашего добра тебѣ отдадимъ, говорятъ родичи. Мужикъ сдѣлалъ все такъ, какъ научилъ его мертвецъ, и парни ожили. Родные обрадовались, а мужика тотчасъ схватили, скрутили веревками: «нѣтъ, дока! мы тебя начальству представимъ; коли оживить съумѣлъ, стало быть ты и уморилъ-то!»—Что вы, православные! Бога побойтесь! завопилъ мужикъ и разсказалъ все, что съ нимъ ночью было. Вотъ

---

[1]) *Варіантъ:* Мертвецъ уходитъ изъ могилы; мужикъ занимаетъ его мѣсто. «Выходи изъ моей могилы!» кричитъ мертвецъ, воротясь назадъ. — Не выйду, пока не скажешь: куда уходилъ? «Вотъ подъ такимъ-то камнемъ спрятаны мои деньги; ходилъ посмотрѣть: все ли цѣло?» — А какъ добыть твои деньги? «Ну, это трудно! только мизинный палецъ съ моей руки можетъ поднять камень. Тутъ запѣли пѣтухи, мертвецъ грохнулся навзничь; мужикъ вылѣзъ изъ могилы, отрѣзалъ у него мизинецъ, поднялъ камень и завладѣлъ всѣмъ богатствомъ.

дали знать по селу, собрался народъ и повалилъ на кладбище, отыскали могилу, изъ которой мертвецъ выходилъ, разрыли и вбили ему прямо въ сердце осиновой колъ, чтобъ больше не вставалъ да людей не морилъ; а мужика знатно наградили и съ честью домой отпустили.

(Записана въ моршанскомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи, сельскимъ приходскимъ учителемъ Алексѣемъ Добровольскимъ.)

c. Случилось одному ремесленнику позднимъ вечеромъ ворочаться домой изъ чужой деревни, съ веселой пріятельской пирушки. На встрѣчу ему старинный пріятель—лѣтъ съ десятокъ тому, какъ померъ. «Здоровъ!»—Здравствуй! говоритъ гуляка, и позабылъ, что знакомой его давнымъ-давно приказалъ долго жить. «Зайдемъ ко мнѣ; хватимъ еще по чаркѣ, по другой!»—Пойдемъ; на радостяхъ, что свидѣлись, можно выпить! Пришли въ избу, пьютъ-гуляютъ. «Ну, прощай! пора домой идти?»—Постой, куда теперь идти? переночуй со мной. «Нѣтъ, братъ! и не проси — нельзя; завтра дѣло есть, такъ надо пораньше быть дома.»—Ну, прощай! да что тебѣ пѣшкомъ идти? лучше садись на мою лошадь живо довезетъ. «Спасибо, давай!» Сѣлъ верхомъ и понесся — что твой вихрь летитъ! Вдругъ пѣтухъ запѣлъ!... Страшно: кругомъ могилы, а подъ ѣздокомъ надгробный камень!

d. Отпустили одного солдата въ побывку на родину; вотъ онъ шелъ-шелъ, долго ли, коротко ли, и сталъ къ своему селу приближаться. Недалеко отъ села жилъ мельникъ на мельницѣ; въ былое время солдатъ водилъ съ нимъ большое знакомство; отчего не зайдти къ пріятелю? Зашелъ; мельникъ встрѣтилъ его ласково, сейчасъ винца принесъ, стали распивать да про свое житье-бытье толковать. Дѣло было къ вечеру, а какъ погостилъ солдатъ у мельника—такъ и вовсе смерклось. Собирается солдатъ идти на село: а хозяинъ го-

ворить: «служивой! ночуй у меня; теперь ужь поздно, да пожалуй и бѣды не уйдешь!» — Что такъ? «Богъ наказалъ! померъ у насъ страшной колдунъ; по ночамъ встаетъ изъ могилы, бродитъ по селу и то творитъ, что на самыхъ смѣлыхъ страхъ нагналъ! Какъ-бы онъ и тебя не потревожилъ!» — Ничего! солдатъ — казенной человѣкъ, а казенное ни въ водѣ не тонетъ, ни въ огнѣ не горитъ; пойду, больно хочется съ родными поскорѣй увидаться. Отправился; дорога шла мимо кладбища. Видитъ — на одной могилѣ огонёкъ свѣтитъ; «что такое? дай посмотрю.» Подходитъ, а возлѣ огня колдунъ сидитъ да сапоги тачаетъ. «Здорово, братъ!» крикнулъ ему служивой. Колдунъ взглянулъ и спрашиваетъ: «ты сюда зачѣмъ?» — Да захотѣлось посмотрѣть, что ты дѣлаешь. Колдунъ бросилъ свою работу и зоветъ солдата на свадьбу: «пойдемъ, братъ, погуляемъ — въ селѣ нонче свадьба!» — Пойдемъ! Пришли на свадьбу: начали ихъ поить, угощать всячески. Колдунъ пилъ-пилъ, гулялъ-гулялъ, и осердился; прогналъ изъ избы всѣхъ гостей и семейныхъ, усыпилъ повѣнчанныхъ, вынулъ два пузырька и шильце, ранилъ шильцемъ руки жениха и невѣсты и нáбралъ ихъ крови. Сдѣлалъ это и говоритъ солдату: «теперь пойдемъ отсюда.» Вотъ и пошли. На дорогѣ солдатъ спрашиваетъ: «скажи, для чего нáбралъ ты въ пузырьки крови?» — Для того, чтобъ женихъ съ невѣстою померли; завтра никто ихъ не добудится! Только одинъ я знаю, какъ ихъ оживить. «А какъ?» — Надо разрѣзать у жениха и невѣсты пяты и въ тѣ раны влить опять кровь — каждому свою: въ правомъ карманѣ спрятана у меня кровь женихова, а въ лѣвомъ невѣстина. Солдатъ выслушалъ, слóва не проронилъ; а колдунъ все хвалится: «я, говоритъ, что захочу, то и сдѣлаю!» — Будто съ тобой и сладить нельзя? «Какъ нельзя? вотъ если бъ кто набралъ костёръ осиновыхъ дровъ во сто возовъ, да сжегъ меня на этомъ кострѣ, такъ можетъ — и сладилъ

бы со мною! Только жечь меня надо умѣючи: въ то время полѣзутъ изъ моей утробы змѣи черви и разные гады, полетятъ галки, сороки и воро́ны; ихъ надо ловить да въ костёръ бросать: если хоть одинъ червякъ уйдетъ, тогда ничто не поможетъ! Въ томъ червякѣ я ускользну!» Солдатъ выслушалъ и запомнилъ. Говорили-говорили и дошли наконецъ до могилы. «Ну, братъ! сказалъ колдунъ, теперь я тебя разорву; а то ты все разскажешь.» — Что ты! образумься. Какъ меня рвать? я Богу и государю служу. Колдунъ заскрипѣлъ зубами, завылъ и бросился на солдата, а тотъ выхватилъ саблю и сталъ на отмашъ бить. Дрались-дрались, солдатъ почти изъ силъ выбился; эхъ, думаетъ, ни за грошъ пропалъ! Вдругъ запѣли пѣтухи — колдунъ упалъ бездыханенъ. Солдатъ вынулъ изъ его кармановъ пузырьки съ кровью и пошелъ къ своимъ родичамъ.

Приходитъ, поздоровался; родные спрашиваютъ: «не видалъ ли ты, служивой, какой тревоги?» — Нѣтъ, не видалъ. «То-то! а у насъ на селѣ горе: колдунъ ходить повадился.» Поговорили и легли спать; на утро проснулся солдатъ и началъ спрашивать: «говорятъ, у васъ свадьба гдѣ-то справляется?» Родные въ отвѣтъ: «была свадьба у одного богатаго мужика, только и женихъ и невѣста нынѣшней ночью померли, а отчего? — неизвѣстно.» — А гдѣ живетъ этотъ мужикъ? Указали ему домъ; онъ, не говоря ни слова, пошелъ туда; приходитъ и застаетъ все семейство въ слезахъ. «О чемъ горюете?» — Такъ и такъ, служивой! «Я могу оживить вашихъ молодыхъ; что дадите?» — Да хоть половину имѣнья бери! Солдатъ сдѣлалъ такъ, какъ научилъ его колдунъ, и оживилъ молодыхъ; вмѣсто плача началась радость, веселье; солдата и угостили и наградили. Онъ налѣво кругомъ и маршъ къ старостѣ; наказалъ ему собрать крестьянъ и приготовить сто возовъ осиновыхъ дровъ. Вотъ привезли дрова на кладбище, свалили въ кучу,

вытащили колдуна изъ могилы, положили на костёръ и зажгли; а кругомъ народъ обступилъ — всѣ съ метлами, лопатами, кочергами. Костёръ облился пламенемъ, началъ и колдунъ горѣть; утроба его лопнула, и полѣзли оттуда змѣи, черви и разные гады, и полетѣли оттуда вороны, сороки и галки; мужики бьютъ ихъ да въ огонь бросаютъ, ни одному червяку нѐ дали ускользнуть. Такъ колдунъ и сгорѣлъ! Солдатъ тотчасъ собралъ его пепелъ и развѣялъ по вѣтру. Съ того времени стала на селѣ тишина; крестьяне отблагодарили солдата всѣмъ міромъ; онъ побылъ на родинѣ, нагулялся дòсыта и воротился на царскую службу съ денежками. Отслужилъ свой срокъ, вышелъ въ отставку и сталъ жить-поживать, добра наживать, худа избывать.

(Записана въ тамбовской губерніи, моршанскомъ уѣздѣ, сельскимъ учителемъ Алексѣемъ Добровольскимъ.)

е. Жилъ-былъ солдатъ; вышелъ въ отставку и пошелъ домой. Приходитъ въ свою деревню — вся пуста, не видать нигдѣ народу. Что такое значитъ? Зашелъ въ свою прежнюю избу, снялъ ранецъ, раздѣлся; сталъ на лавку садиться, глянулъ, а на столѣ стоитъ штофъ вина и всякихъ закусокъ въ волю наготовлено. «Ну, думаетъ, хоть голоденъ не буду; есть что̀ закусить и выпить.» Вдругъ лѣзетъ въ избу его старой дѣдъ, которой лѣтъ съ десять какъ померъ; былъ онъ сильной колдунъ, весь народъ изъ деревни повыгналъ, а такого хитреца, чтобы съ нимъ сладилъ, еще не бывало! Увидалъ онъ гостя и закричалъ: «ба! здравствуй, внучекъ!» — Здорово, дѣдушка! «Давно я тебя не видалъ!» — И то давно! Сѣлъ колдунъ и давай закуски уписывать да виномъ запивать; все одинъ прієлъ. «Гдѣ-жъ мои братья?» спрашиваетъ солдатъ. — Въ иной деревнѣ живутъ; я отсюдова всѣхъ выгналъ. Только и ходятъ сюда что̀ днемъ; придутъ, поставятъ мнѣ ужинъ да

штофъ вина, и назадъ! Позакусилъ колдунъ, повыпилъ, и говоритъ: «поѣдемъ-ка въ сосѣднее село; тамъ нынче свадьба у богатаго мужика. Какъ пріѣдемъ, я въ избу пойду, а ты стой на улицѣ и что стану тебѣ въ окно подавать — все принимай да въ повозку клади.» — Ладно, дѣдушка! Вышли на дворъ, у крыльца стоитъ тройка вороныхъ — такъ и рвутъ, копытами землю роютъ! Сѣли въ повозку и мигомъ въ село прискакали. Колдунъ вошелъ въ избу, а солдатъ остался на улицѣ, смотритъ: что будетъ? Дѣдъ взялъ со стола скатерть и все, что на столѣ было накладено-наставлено, завернулъ въ узелъ и подаетъ въ окно; солдатъ принялъ и положилъ въ повозку. Потомъ подошелъ колдунъ къ жениху, засучилъ свой рукавъ и засунулъ ему руку въ ротъ по самое плечо — женихъ тотчасъ померъ; сдѣлалъ тоже и съ невѣстою — и та померла. Тутъ всѣ заголосили, заплакали; отчего бѣда приключилась? никто не вѣдаетъ; колдунъ и вошелъ и ушелъ никому невидимъ. Сѣлъ онъ съ солдатомъ въ повозку и поскакалъ назадъ. Кони быстро несутъ! «Что, дѣдушка! спрашиваетъ солдатъ, долго ты будешь по бѣлу свѣту ходить?» — Долго, внучекъ! пока самъ захочу. «Неужто на тебя и силы нѣтъ?» — Сила-то есть, да никто про нее не вѣдаетъ. «Скажи мнѣ, дѣдушка!» — Нѣтъ, внучекъ! много знать хочешь. «Пожалуста, скажи!» — Ну, такъ и быть: вотъ въ эдакомъ-то мѣстѣ стоитъ сухая груша; коли соберутся семеро да выдернутъ ее съ корнемъ — подъ ней провалъ окажется; послѣ надо вырыть мой гробъ, да бросить въ тотъ провалъ и посадить опять грушу: ну, внучекъ, тогда полно мнѣ ходить! «А нельзя ли вылѣчить помершихъ молодыхъ, чтобъ они ожили?» — Эхъ, внучекъ! много будешь знать, скоро состарѣешься. «Однако скажи!» — Ну, такъ и быть! У богатаго мужика отелилась сегодня корова и принесла краснаго бычка; коли того бычка зарѣзать да вынуть сердце, да изъ того сердца взять крови, да тою кровью помазать

молодыхъ—они въ ту-жъ минуту оживутъ и будутъ здравы и невредимы [1]). Кони подлетѣли къ крыльцу и стали какъ вкопанные; колдунъ взялъ узелъ и понесъ въ избу. Развязалъ и началъ жрать все, что попало: сперва ѣлъ кушанья, а тамъ принялся глотать ложки, ножи, бутыли и самую скатерть. Живо все обработалъ, и кричитъ во всю глотку: «ѣсть хочу! голоденъ!... ну, внучекъ, теперь за тебя прiймусь!» — Что ты, дѣдушка! какая солдатъ ѣда! только однѣ кости. «Ничего, годишься!» — Дай хоть въ послѣднiй разъ на бѣлой свѣтъ взглянуть! «Ну взгляни, только поскорѣе!» Вышелъ солдатъ на дворъ, нашелъ осиновое полѣно, взялъ и стоитъ; а дѣдъ кричитъ: «что-жъ ты копаешься? Иди, мнѣ некогда ждать.» —Нѣтъ, дѣдушка! я въ избу не пойду; если хочешь, ѣшь меня на дворѣ—нечего избы марать! Колдунъ разсердился, бѣжитъ къ нему на дворъ; только хотѣлъ было схватить, а солдатъ не далъ маху—какъ урѣжетъ его на отмашъ осиновымъ полѣномъ! Колдунъ и съ ногъ долой! «Ну, внучекъ! ударь еще разъ.»—Будетъ съ тебя и этого! [2]) Тутъ запѣлъ пѣтухъ — старикъ окостенѣлъ и замолчалъ; а солдатъ схватилъ ранецъ и пошелъ въ сосѣднюю деревню, гдѣ его братья жили. На дру-

---

[1]) *Варiантъ 1:* Надо у чорной коровы надоить молока въ чистую тарелку да отыскать такой старой гвоздь, которой ужь ржавчина переѣла; послѣ раздѣть молодыхъ—будетъ у нихъ на груди по три синихъ пятна; тогда взять тотъ старой гвоздь, обмочить въ молоко и капать на синiя пятна: сейчасъ оживутъ.

Варiантъ 2: Ну такъ и быть! сказалъ колдунъ; молодые спятъ смертнымъ сномъ. У самыхъ дверей воткнулъ я въ стѣну гороховое зерно; если его вынуть да приложить къ головѣ жениха или невѣсты — они тотчасъ проснутся.

[2]) *Варiантъ:* Прiѣхалъ колдунъ со свадьбы и говоритъ солдату: «ну, внучекъ, теперь я тебя съѣмъ!» — Эхъ, дѣдушка! сегодня ты и такъ много ѣлъ; оставь меня на завтра — все равно отъ тебя не уйду. «Ладно!» отвѣчаетъ колдунъ; вышелъ изъ избы, сталъ у дверей и слушаетъ, что будетъ внучекъ говорить. А солдатъ то примѣтилъ и говоритъ самъ себѣ: «вѣдь когда-нибудь умирать надо! такъ ужь лучше пускай меня дѣдушка съѣстъ, чѣмъ могильные черви.» Колдунъ повѣрилъ и ушелъ...

гой день онъ созвалъ весь міръ, выбралъ шесть человѣкъ, самъ седьмой пошелъ; взяли колдуна и бросили въ провалъ — тамъ, гдѣ сухая груша стояла. Послѣ того солда[illegible]ѣчилъ молодыхъ, взялъ за то большую награду и зажил[illegible]огато и счастливо.

31.

ДОБРОЕ СЛОВО.

а. Жилъ-былъ купецъ богатой; умеръ, оставался у него сынъ Иванъ Безсчастной: пропилъ онъ, промоталъ все богатство, и пошелъ искать работы. Ходитъ онъ по торгу, собой-то видной; на ту пору красная дѣвушка, дочь купецкая, сидѣла подъ окошечкомъ, вышивала коверъ разными шелками. Увидала она купецкаго сына... Полюбился ей купецкой сынъ: «пусти меня, говоритъ матери, за него замужъ.» Старуха и слышать было не хотѣла, да потолковала со старикомъ: «можетъ быть жениными счастьемъ и онъ будетъ счастливъ, а дочь наша въ сорочкѣ родилась!» Взяли ее да и отдали — перевѣнчали. Жена купила бумаги, вышила коверъ и послала мужа продавать: «отдавай коверъ за сто рублей, а встрѣтится хорошій человѣкъ — за доброе слово уступи.» Встрѣтился ему старичокъ, сталъ коверъ торговать; сторговалъ за сто рублей, вынимаетъ деньги, и говоритъ: «что̀ хочешь — деньги или доброе слово?» Купецкой сынъ подумалъ-подумалъ: жена недаромъ наказывала... «Сказывай, говоритъ, доброе слово; на̀ коверъ!» — Прежде смерти ничего не бойся! сказалъ старикъ, самъ взялъ коверъ и ушелъ. Приходитъ купецкой сынъ домой, разсказалъ все хозяйкѣ; хозяйка молвила ему спасибо, купила шелку, вышила новой коверъ и опять посылаетъ мужа продавать: «отдавай коверъ за пятьсотъ рублей, а встрѣтится хорошій человѣкъ — за доброе слово уступи.» Выходитъ ку-

пецкой сынъ на торгъ; попадается ему тотъ-же старичокъ, сторговалъ коверъ за пятьсотъ рублей, сталъ деньги вынимать, и говоритъ купецкому сыну: «а хочешь — я тебѣ доброе слово скажу?» — На́ коверъ; говори доброе слово. «Пробуди, дѣло разбери, головы не сымаючи!» сказалъ старикъ, взялъ коверъ и ушелъ. Воротился купецкой сынъ домой, разсказалъ все хозяйкѣ — та ни слова.

Вотъ дядья купецкаго сына собралися за̀ море ѣхать, торгъ-торговать; купецкой сынъ собралъ кое какъ одинъ корабль, простился на постели съ женой, да и поѣхалъ съ ними. Ѣдутъ они по̀ морю; вдругъ выходитъ изъ моря морской *горбыль*(?); «давай намъ, говоритъ горбыль купцамъ, русскаго человѣка на судьбину — дѣло разобрать; я его назадъ опять ворочу.» Дядья думали-думали, и пришли къ племяннику съ поклономъ, чтобъ онъ ишелъ въ море. Тотъ вспомнилъ слово старика: прежде смерти ничего не бойся, и пошелъ съ горбылемъ въ море. Тамъ Судьбина разбираетъ, что дороже: золото, серебро или мѣдь? «Разберешь ты это дѣло, говоритъ Судьбина купецкому сыну, награжу тебя.» — Изволь, отвѣчаетъ онъ; мѣдь дороже всего: безъ мѣди при расчетѣ обойтись нельзя; въ ней и копѣйка, и денежка, и полушка, изъ нея и рубль набрать можно; а изъ серебра и золота не откусишь. «Правда твоя! говоритъ Судьбина, ступай на свой корабль.» Выводитъ горбыль его на корабль, а тотъ корабль биткомъ набитъ каменьемъ самоцвѣтнымъ. Дядья ужь далеко уѣхали, да купецкой сынъ догналъ ихъ и заспорилъ съ ними, чей товаръ лучше? Тѣ ему говорятъ: «у тебя, племянничекъ, одинъ кораблишка, а у насъ сто кораблей.» Спорили-спорили, осерчали и пошли на него царю жаловаться. Царь сперва хотѣлъ просто безъ суда повѣсить купецкаго сына: не порочь дескать дядьевъ! да послѣ велѣлъ товары на посмотръ принесть. Дядья принесли ткани золотыя, шелковыя... Царь такъ и засмотрѣл-

ся. «Показывай свои!» говоритъ онъ купецкому сыну. «Прикажи, государь, закрыть окна; я свои товары ночью показываю.» Царь приказалъ закрыть окна; тотъ вынулъ изъ кармана камушекъ — такъ все и освѣтило! «Твой лучше товаръ, купецкой сынъ! возьми себѣ за то дядины корабли.» Онъ забралъ себѣ дядины корабли, торговалъ ровно двадцать лѣтъ, наторговалъ много всякаго добра, и съ большимъ, несмѣтнымъ богатствомъ ворочается домой. Входитъ въ свой домъ и видитъ: хозяйка его лежитъ на постели съ двумя молодцами. Закипѣло у него ретивое, вынулъ саблю вострую: «зарублю, думаетъ, друзей жениныхъ!» И вспомнилъ доброе слово старика: пробуди, дѣло разбери, головы не сымаючи! разбудилъ свою хозяйку, а та вскочила и ну толкать молоядцовъ: «дѣтки! говоритъ, вашъ батюшка пріѣхалъ.» Тутъ и узналъ купецкой сынъ, что жена безъ него родила ему двойчатъ.

(Записана въ рязанской губерніи, ранѣенбургскомъ уѣздѣ П. И. Якушкинымъ.)

ь. Жилъ-былъ купецъ, да померъ; оставался у него сынъ Иванъ Несчастной — въ большой бѣдности проживалъ. Пришелся онъ по мысли одной дѣвицѣ, дочкѣ богатаго купца; собралась идти за него замужъ. Отецъ началъ ее останавливать: «что ты за такого за бѣднаго замужъ идешь? я тебя лучше за богатаго отдамъ.» Она говоритъ: «я не хочу за богатаго; отдайте меня хоть за бѣднаго, да желаннаго.» Отдали ее за бѣднаго да желаннаго. Говоритъ она какъ-то Ивану Несчастному: «поди въ городъ, купи мнѣ одинъ золотникъ шелку.» Онъ пошелъ и купилъ; принесъ своей женѣ шелку. Она вывязала коверъ такой славной, что̀ не вздумать, не взгадать, только въ сказкѣ сказать! и говоритъ мужу: «поди, продай коверъ.» Иванъ Несчастной понесъ въ лавку и сталъ продавать старичку; а старичокъ наказываетъ: «вышей ты мнѣ еще такой коверъ; я тебѣ заразъ деньги отдамъ.» Иванъ Не-

счастной пошелъ домой; спрашиваетъ у него жена: «что же продалъ коверъ?» Онъ говоритъ, что я его купцу отдалъ, а деньги послѣ отдастъ; велѣлъ еще такой-же вышить коверъ. — Ну, хорошо! поди, купи два золотника шелку. Онъ купилъ; жена его вышила другой коверъ вдвое лучше того, и посылаетъ своего Ивана Несчастнаго продавать. Онъ понесъ коверъ къ прежнему купцу. Говоритъ ему купецъ: «вышей ты мнѣ третій коверъ; я тогда за всѣ разомъ деньги отдамъ.» Купеческой сынъ пошелъ домой; жена его спрашиваетъ: «что-же ты продалъ коверъ?» Онъ говоритъ, что купецъ велѣлъ еще третій вышить. Жена посылаетъ Ивана Несчастнаго купить три золотника шелку; онъ отправился въ городъ и купилъ три золотника шелку, а она вышила третій коверъ еще лучше. Посылаетъ Ивана Несчастнаго продавать; онъ понесъ коверъ опять къ тому-же купцу. Купецъ взялъ и третій коверъ, и говоритъ: «что тебѣ деньгами заплатить, или возьмешь съ меня три добрыя слова?» Иванъ Несчастной подумалъ про себя: «вотъ у моего отца много денегъ было, а всѣ прахомъ пошли! дай-ка лучше три слова возьму.» И сказалъ ему старикъ: «при радости не радуйся; при страсти не страшись; подымни да не опусти!» Иванъ Несчастной взялъ эти три слова и пошелъ домой. «Сколько за ковры получилъ?» спрашиваетъ жена. — Три добрыя слова взялъ: при радости не радуйся; при страсти не страшись; подымни да не опусти!

Пошелъ Иванъ Несчастной на корабли наниматься, и нанялся въ прикащики на тридцать кораблей. Поплыли по синему морю; плыли-плыли, вдругъ ни съ того, ни съ сего остановились всѣ эти корабли и не йдутъ съ мѣста. Хозяинъ сталъ посылать въ воду водолазовъ: «кто полѣзетъ да дѣло исправитъ, тому (говоритъ) три корабля подарю.» [1]) Иванъ Не-

---

[1]) *Вар.* Бросили жребій: кому въ воду лѣзть? Жребій выпалъ на самаго хозяина, а онъ сдѣлалъ кличь къ своимъ корабельщикамъ и прикащикамъ: кто полѣзетъ за него въ море, того наградитъ деньгами.

счастной вспомнилъ, что ему старикъ сказалъ: при страсти не страшись! и согласился лѣзть въ воду. Опустили его на цѣпи; видитъ онъ: стоитъ подъ водою домъ, въ томъ домѣ сидятъ старикъ и дѣвица [1]), передъ ними лежитъ осиновая плаха, въ плахѣ топоръ торчитъ; крѣпко спорятъ они межъ собою: дѣвица говоритъ, что олово дороже; старикъ, что сталь дороже. Стали они спрашивать у Ивана Несчастнаго: что дороже—олово или сталь? Отвѣчаетъ онъ: «сталь дороже.» Тотчасъ старикъ ухватилъ топоръ и отрубилъ дѣвицѣ голову, а Ивану Несчастному далъ три бриллiантовыхъ камушка. Вышелъ Иванъ Несчастной изъ-подъ воды; сейчасъ корабли поплыли; хозяинъ отдалъ ему три корабля. Поспорилъ Иванъ Несчастной съ хозяиномъ: у кого больше товару? Хозяинъ говоритъ: «у меня на двадцати семи корабляхъ больше!» а Иванъ Несчастной говоритъ: «у меня на трехъ больше!» Спорили-спорили и рѣшили: у кого товару больше, тому отдать всѣ корабли; стали смотрѣть, и нашли у Ивана Несчастнаго три камушка бриллiантовые — цѣны камушкам нѣтъ! Забралъ Иванъ Несчастной всѣ тридцать кораблей и поплылъ въ чужiя земли; присталъ къ большому городу, выкинулъ флагъ, и распродалъ свой товаръ на много тысячъ. Воротился въ свою родину и сталъ на якоряхъ; тутъ всѣ горожане удивилися: какъ-такъ былъ Иванъ Несчастной не при чемъ, жилъ бѣдно, а теперь сколько кораблей пригналъ! Приходитъ Иванъ Несчастной въ свой домъ и видитъ: жена его съ добрымъ молодцемъ цѣлуется: поднялъ саблю и хотѣлъ зарубить ихъ, да вспомнилъ доброе слово: подними да не опусти! сталъ свою жену распрашивать, и узналъ, что тотъ молодецъ его сынъ: когда Иванъ Несчастной поѣхалъ на корабляхъ, втѣпоры жена безъ него родила. Обрадовался онъ, поздоровался, и начали себѣ жить да богатѣть.

(Записана въ зубцовскомъ уѣздѣ, тверской губернiи.)

---

[1]) *Вар.* Морской Царь и его дочь.

32.

ТРИ КОПѢЕЧКИ.

Жилъ-былъ купецъ именитый (богатый); въ одно время приходитъ къ нему невѣдомый человѣкъ и наймывается въ работники. Проработалъ годъ и проситъ у купца расчету; тотъ ему даетъ заслуженное жалованье, а работникъ беретъ за свою работу только одну копѣечку, идетъ съ ней къ рѣкѣ и бросаетъ въ воду. «Если, говоритъ, я служилъ вѣрой и правдой, то моя копѣйка не утонетъ!» Копѣечка утонула. Онъ опять пошелъ къ тому-же купцу работать; проработалъ годъ, купецъ даетъ ему денегъ, сколько надо, а работникъ опять беретъ одну копѣечку, идетъ съ ней къ рѣкѣ на старое мѣсто и бросаетъ въ воду. Копѣечка утонула. Пошелъ въ третій разъ къ купцу работать; проработалъ годъ, купецъ даетъ ему денегъ еще больше прежняго за усердную его службу, а работникъ беретъ опять одну копѣечку, идетъ съ нею къ рѣкѣ, и бросаетъ ее въ воду; глядь — всѣ три копѣечки поверхъ воды! Онъ взялъ ихъ и пошелъ вдоль по дорогѣ въ свое мѣсто. Вдругъ ему попадается купецъ — къ обѣднѣ ѣдетъ; онъ даетъ тому купцу копѣечку и проситъ свѣчу образамъ поставить. Купецъ взошелъ въ церковь, даетъ изъ кармана своего денегъ на свѣчи, и какъ-то обронилъ ту копѣечку на полъ. Вдругъ отъ той копѣечки огонь возгорѣлъ; люди въ церкви изумились, спрашиваютъ: кто копѣечку обронилъ? Купецъ говоритъ: «я обронилъ, а мнѣ ее далъ-на свѣчу какой-то работникъ.» Люди взяли по свѣчѣ и зажгли отъ той копѣечки. А работникъ тѣмъ временемъ продолжаетъ свой путь впередъ. На дорогѣ попадается ему другой купецъ — на ярмарку ѣдетъ; работникъ вынимаетъ изъ кармана копѣечку, отдаетъ купцу и говоритъ: «купи мнѣ на эту копѣечку на ярмаркѣ товару.» Купецъ взялъ,

накупилъ себѣ товару, думаетъ: чего бы еще искупить? и вспомнилъ про копѣечку. Вспомнилъ и не знаетъ, чего бы на нее купить. Попадается ему мальчикъ, продаетъ кота и проситъ за него ни больше, ни меньше, какъ одну копѣечку; купецъ не нашелъ другаго товару и купилъ кота. Поплылъ онъ на корабляхъ въ иное государство торгъ торговать; а на то государство напалъ великой гнусъ [1]). Стали корабли въ пристани; котикъ то и дѣло изъ корабля выбѣгаетъ, гнусъ поѣдаетъ. Узналъ про то царь, спрашиваетъ купца: «дорогъ-ли этотъ звѣрь?» Купецъ говоритъ: «не мой это звѣрь; мнѣ велѣлъ его купить одинъ молодецъ»—и нарочно молвилъ, что стòитъ трехъ кораблей. Царь отдалъ три корабля купцу, а котика себѣ взялъ. Воротился купецъ назадъ, а работникъ вышелъ на рынокъ, нашелъ его, и говоритъ: «купилъ ли ты мнѣ на копѣечку товару?» Купецъ отвѣчаетъ: «нельзя потаить—купилъ три корабля!» Работникъ взялъ три корабля и поплылъ пò морю. Долго ли, коротко ли—приплылъ къ острову; на томъ островѣ стоитъ дубъ; онъ взлѣзъ на него ночевать и слышитъ: внизу подъ дубомъ хвастается Ерахта [2]) своимъ товарищамъ, что вотъ завтра среди бѣла дня украдетъ онъ у царя дочь. Товарищи ему говорятъ: «если ты не утащишь, то мы тебя всего желѣзными прутьями изхлещемъ!» Послѣ того разговора они ушли; работникъ слѣзъ съ дуба и идетъ къ царю; пришелъ въ палаты, вынулъ изъ кармана послѣднюю копѣечку и зажегъ ее. Ерахта прибѣжалъ къ царю, и никакъ не сможетъ украсть его дочери; воротился ни съ чѣмъ къ братьямъ, а они давай его хлестать желѣзными прутьями; хлестали-хлестали и бросили въ невѣдомое мѣсто! А работникъ женился на царевнѣ и сталъ себѣ жить-поживать, добра наживать.

(Записана въ архангельской губерніи.)

---

[1]) Мыши, крысы (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 38). [2]) Чортъ.

33.

ДИВО-ДИВНОЕ, ЧУДО-ЧУДНОЕ.

Жилъ-былъ богатой купецъ съ купчихою; торговалъ дорогими и знатными товарами и кажной годъ ѣздилъ съ ними по чужимъ государствамъ. Въ нѣкое время снарядилъ онъ корабль, сталъ собираться въ дорогу, и спрашиваетъ жену: «скажи, радость моя, что тебѣ изъ иныхъ земель въ гостинецъ привезти?» Отвѣчаетъ купчиха: «я у тебя всѣмъ довольна; всего у меня много! а коли угодить да потѣшить хочешь, купи мнѣ диво дивное, чудо-чудное.» — Хорошо; коли найду — куплю. Поплылъ купецъ за тридевять земель въ тридесятое царство, присталъ къ великому, богатому городу, распродалъ всѣ свои товары, а новые закупилъ, корабль нагрузилъ; идетъ по городу и думаетъ: гдѣ бы найдти диво-дивное, чудо-чудное? Попался ему на встрѣчу незнакомой старичокъ, спрашиваетъ его: «что такъ призадумался, раскручинился, доброй молодецъ?» — Какъ мнѣ не кручиниться! отвѣчаетъ купецъ; ищу я купить своей женѣ диво-дивное, чудо-чудное, да не вѣдаю — гдѣ. «Эхъ, ты давно бы мнѣ сказалъ! Пойдемъ со мной; у меня есть диво-дивное, чудо-чудное — такъ и быть, продамъ.» Пошли вмѣстѣ; старичокъ привелъ купца въ свой домъ и говоритъ: «видишь ли — вонъ на дворѣ у меня гусь ходитъ?» — Вижу. «Такъ смотри-же, что съ нимъ будетъ... Эй, гусь, подь сюды!» Гусь пришелъ въ горницу. Старичокъ взялъ сковороду и опять приказываетъ: «эй, гусь, ложись на сковороду!» Гусь лёгъ на сковороду; старичокъ поставилъ ее въ печь, изжарилъ гуся, вынулъ и поставилъ на столъ. «Ну, купецъ, доброй молодецъ! садись, закусимъ; только костей подъ столъ не кидай, всѣ въ одну кучу собирай.» Вотъ они

за столъ сѣли, да вдвоемъ цѣлаго гуся и съѣли. Старичокъ взялъ оглоданныя кости, завернулъ въ скатерть, бросилъ на полъ и молвилъ: «гусь! встань, встрепенись и поди на дворъ.» Гусь всталъ, встрепенулся и пошелъ на дворъ, словно и въ печи не бывалъ! «Подлинно, хозяинъ, у тебя диво-дивное, чудо-чудное!» сказалъ купецъ, сталъ торговать у него гуся и сторговалъ за дорогія деньги. Взялъ съ собой гуся на корабль и поплылъ въ свою землю. Пріѣхалъ домой, поздоровался съ женой, отдаетъ ей гуся и сказываетъ, что съ той птицею хоть всякой день некупленое жаркое ѣшь! Зажарь ее—она опять оживетъ! На другой день купецъ пошелъ въ лавки, а къ купчихѣ полюбовникъ прибѣжалъ. Такому гостю, другу сердечному, она куды какъ рада! Вздумала угостить его жаренымъ гусемъ, высунулась въ окно и закричала: «гусь, подь сюды!» Гусь пришелъ въ горницу. «Гусь, ложись на сковороду!» Гусь не слушаетъ, не йдетъ на сковороду; купчиха осердилась и ударила его сковородникомъ — и въ ту-жъ минуту однимъ концомъ сковородникъ прильнулъ къ гусю, а другимъ къ купцовой женѣ, и такъ плотно прильнулъ, что никакъ оторваться нельзя! «Ахъ, миленькой дружокъ! закричала купчиха, оторви меня отъ сковородника; видно, этотъ проклятой гусь заворожёнъ!» Полюбовникъ обхватилъ купчиху обѣими руками, хотѣлъ было отъ сковородника оторвать, да и самъ прильнулъ... Гусь выбѣжалъ на дворъ, на улицу, и потащилъ ихъ къ лавкамъ. Увидали прикащики, бросились разнимать; только кто до нихъ ни дотронется — такъ и прилипнетъ! Сбѣжался народъ на то диво смотрѣть, вышелъ и купецъ изъ лавки, видитъ: дѣло то не ладно: что за друзья у жены проявились? «Признавайся, говоритъ, во всемъ; не то на вѣкъ такъ — сольнувшись — останешься!» Нечего дѣлать, повинилась купчиха; купецъ взялъ тогда—рознялъ ихъ, полюбовнику шею накостылялъ, а жену домой отвелъ да нарядно

поучилъ, приговаривая: «вотъ тебѣ диво-дивное! вотъ тебѣ чудо чудное!»

(Записана въ архангельской губерніи.)

34.

ГОРЕ.

Въ одной деревушкѣ жили два мужика, два родные брата: одинъ былъ бѣдной, другой богатой. Богачь переѣхалъ на житье въ городъ, выстроилъ себѣ большой домъ и записался въ купцы; а у бѣднаго иной разъ нѣтъ ни куска хлѣба, а ребятишки — малъ мала меньше — плачутъ да ѣсть просятъ. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Говоритъ онъ однова̀ своей женѣ: «дай-ка пойду въ городъ, попрошу у брата: не поможетъ ли чѣмъ?» Пришелъ къ богатому: «ахъ, братецъ родимой! помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дѣти безъ хлѣба сидятъ, по цѣлымъ днямъ голодаютъ.» — Проработай у меня эту недѣлю, тогда и помогу! Что дѣлать? принялся бѣдной за работу: и дворъ чиститъ, и лошадей холитъ, и воду возитъ, и дрова рубитъ. Черезъ недѣлю даетъ ему богатой одну ковригу хлѣба: «вотъ тебѣ за труды!» — И за то спасибо! сказалъ бѣдной, поклонился и хотѣлъ было домой идти. «Постой! приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости, и жену приводи: вѣдь завтра—мои именины.»—Эхъ, братецъ! куда мнѣ? самъ знаешь: къ тебѣ прійдутъ купцы въ сапогахъ да въ шубахъ, а я въ лаптяхъ хожу да въ худенькомъ сѣромъ кафтанишкѣ. «Ничего, приходи! и тебѣ будетъ мѣсто.»—Хорошо, братецъ! прійду. Воротился бѣдной домой, отдалъ женѣ ковригу, и говоритъ: «слушай, жена! назавтрее насъ съ тобой въ гости звали.» — Какъ въ гости? кто звалъ? «Братъ; онъ завтра именинникъ.» — Ну,

что-жъ! пойдемъ. На утро встали и пошли въ городъ, пришли къ богатому, поздравили его и усѣлись на лавку. За столомъ ужь много именитыхъ гостей сидѣло; всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата и его жену и думать забылъ—ничего имъ не даетъ; они сидятъ да только посматриваютъ, какъ другіе пьютъ да ѣдятъ. Кончился обѣдъ; стали гости изъ за стола вылазить да хозяина съ хозяюшкой благодарить, и бѣдной тожъ—поднялся съ лавки и кланяется брату въ поясъ. Гости поѣхали домой пьяные, веселые; шумятъ, пѣсни поютъ. А бѣдный идетъ назадъ съ пустымъ брюхомъ; «давай-ка, говоритъ женѣ, и мы запоемъ пѣсню!»—Эхъ, ты дуракъ! люди поютъ отъ того, что сладко поѣли да много выпили; а ты съ чего пѣть вздумалъ? «Ну, все-таки у брата на имянинахъ былъ; безъ пѣсенъ мнѣ стыдно идти. Какъ я запою, такъ всякой подумаетъ, что и меня угостили...»—Ну пой, коли хочешь, а я не стану! Мужикъ запѣлъ пѣсню, и послышалось ему два голоса; онъ перестаалъ и спрашиваетъ жену: «это ты мнѣ подсобляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?» —Что съ тобой? я вовсе и не думала. «Такъ кто-же?»— Не знаю! сказала баба; а ну запой, я послушаю. Онъ опять запѣлъ; поетъ-то одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: «это ты, Горе, мнѣ пѣть пособляешь?» Горе отозвалось: «да, хозяинъ! это я пособляю.»—Ну, Горе, пойдемъ съ нами вмѣстѣ. «Пойдемъ, хозяинъ! я теперь отъ тебя не отстану.» Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. Тотъ говоритъ: «у меня денегъ нѣтъ!»—Охъ ты, мужичокъ! да на что тебѣ деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? скоро лѣто будетъ, все равно носить не станешь! пойдемъ въ кабакъ, да полушубокъ по боку... Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полушубокъ. На другой день Горе заохало, съ похмѣлья голова болитъ, и опять зоветъ хозяина винца испить. «Денегъ нѣтъ!» говоритъ мужикъ.

«Да на что намъ деньги? Возьми сани да телегу—съ насъ и довольно!» Нечего дѣлать, не отбиться мужику отъ Горя; взялъ онъ сани и телегу, потащилъ въ кабакъ и пропилъ вмѣстѣ съ Горемъ. На утро Горе еще больше заохало, зоветъ хозяина опохмѣлиться; мужикъ пропилъ и борону, и соху. Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снёсъ. Горе опять пристаетъ къ нему: «пойдемъ да пойдемъ въ кабакъ!» — Нѣтъ, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего. «Какъ нечего? у твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой пропить надобно.» Мужикъ взялъ сарафанъ, пропилъ и думаетъ: «вотъ когда чистъ! ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!»

Поутру проснулось Горе, видитъ, что у мужика нечего больше взять, и говоритъ: «хозяинъ!» — Что, Горе? «А вотъ что: ступай къ сосѣду, попроси у него пару воловъ съ телегою.» Пошелъ мужикъ къ сосѣду: «дай, проситъ, на времячко пару воловъ съ телегою; я на тебя хоть недѣлю за то проработаю.» — На что тебѣ? «Въ лѣсъ за дровами съѣздить.» —Ну .возьми; только невеликъ возъ накладывай. «И что ты, кормилецъ!» Привелъ пару воловъ, сѣлъ вмѣстѣ съ Горемъ на телегу и поѣхалъ въ чистое поле. «Хозяинъ! спрашиваетъ Горе, знаешь ли ты на этомъ полѣ большой камень?» — Какъ не знать! «А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему.» Пріѣхали они на то мѣсто, остановились и вылѣзли изъ телеги. Горе велитъ мужику поднимать камень; мужикъ поднимаетъ, Горе пособляетъ; вотъ подняли, а подъ камнемъ яма — полна золотомъ насыпана. «Ну, что глядишь? сказываетъ Горе мужику; таскай скорѣй въ телегу.» Мужикъ принялся за работу и насыпалъ телегу золотомъ, все изъ ямы повыбралъ до послѣдняго червонца; видитъ, что ужь больше ничего не осталось, и говоритъ: «посмотри-ко. Горе, никакъ тамъ еще деньги остались?» Горе наклонилось: «гдѣ? я что-то не вижу!»

—Да вонъ въ углу свѣтятся! «Нѣтъ, не вижу.»—Полѣзай въ яму, такъ и увидишь. Горе полѣзло въ яму; только что опустилось туда, а мужикъ и накрылъ его камнемъ. «Вотъ эдакъ-то лучше будетъ! сказалъ мужикъ; не то коли взять тебя съ собою, такъ ты, Горе горемычное, хоть не скоро, а все-же пропьешь и эти деньги!» Пріѣхалъ мужикъ домой, свалилъ деньги въ подвалъ, воловъ отвелъ къ сосѣду, и сталъ думать, какъ-бы себя устроить; купилъ лѣсу, выстроилъ большіе хоромы и зажилъ вдвое богаче своего брата. Долго ли, коротко ли—поѣхалъ онъ въ городъ просить своего брата съ женой къ себѣ на имянины. «Вотъ что выдумалъ! сказалъ ему богатой братъ; у самого ѣсть нечего, а ты еще имянины справляешь!»—Ну, когда-то было нечего ѣсть, а теперь, слава Богу! имѣю не меньше твоего; пріѣзжай — увидишь. «Ладно, пріѣду!» На другой день богатой братъ собрался съ женою, и поѣхали на имянины; смотрятъ, а у бѣднаго-то голыша хоромы новые, высокіе: не у всякаго купца такіе есть! Мужикъ угостилъ ихъ, уподчивалъ всякими наѣдками, напоилъ всякими медами и винами. Спрашиваетъ богатой у брата: «скажи, пожалуй, какими судьбами разбогатѣлъ ты?» Мужикъ разсказалъ ему по чистой совѣсти, какъ привязалось къ нему Горе горемычное, какъ пропилъ онъ съ Горемъ въ кабакѣ все свое добро до послѣдней нитки: только и осталось, что̀ душа въ тѣлѣ! какъ Горе указало ему кладъ въ чистомъ полѣ, какъ онъ забралъ этотъ кладъ, да отъ Горя избавился. Завистно стало богатому; дай, думаетъ, поѣду въ чистое поле, подниму камень да выпущу Горе — пусть оно до тла разоритъ брата, чтобъ не смѣлъ передо мной своимъ богатствомъ чваниться! Отпустилъ свою жену домой, а самъ въ поле погналъ; подъѣхалъ къ большому камню, своротилъ его въ сторону и наклоняется посмотрѣть, что̀ тамъ подъ камнемъ? Не успѣлъ порядкомъ головы нагнуть — а ужь Горе

выскочило и усѣлось ему на шею: «а! кричитъ, ты хотѣлъ меня здѣсь уморить! Нѣтъ, теперь я отъ тебя ни за что не отстану.» — Послушай, Горе! сказалъ купецъ; вовсе не я засадилъ тебя подъ камень... «А кто-же, какъ не ты?» — Это мой братъ тебя засадилъ, а я нарочно пришелъ, чтобъ тебя выпустить. «Нѣтъ, врешь! одинъ разъ обманулъ, въ другой не обманешь!» Крѣпко насѣло Горе богáтому купцу на шею; привезъ онъ его домой, и пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе ужь съ утра за свое принимается, кажной день зоветъ купца опохмѣлиться; много добра въ кабакъ ушло! «Эдакъ несходно жить! думаетъ про себя купецъ; кажись, довольно потѣшилъ я Горе; пора-бъ и разстаться съ нимъ, да какъ?» Думалъ-думалъ, и выдумалъ: пошелъ на широкой дворъ, обтесалъ два дубовыхъ клина, взялъ новое колесо и накрѣпко вбилъ клинъ съ одного конца въ тулку. Приходитъ къ Горю: «что ты, Горе, все на боку лежишь?» — А что-жъ мнѣ больше дѣлать? «Что дѣлать! пойдемъ на дворъ въ гулючки играть.» А Горе и радо; вышли на дворъ. Сперва купецъ спрятался — Горе сейчасъ его нашло; послѣ того чередъ Горю прятаться: «ну, говоритъ, меня нескоро найдешь! я хоть въ какую щель забьюсь!» — Куда тебѣ! отвѣчаетъ купецъ; ты въ это колесо не влѣзешь, а то — въ щель! «Въ колесо не влѣзу? смотри-ка, еще какъ спрячусь!» Влѣзло Горе въ колесо; купецъ взялъ да и съ другаго конца забилъ въ тулку дубовой клинъ, поднялъ колесо и забросилъ его вмѣстѣ съ Горемъ въ рѣку. Горе потонуло, а купецъ сталъ жить по старому, по прежнему.

(Записана въ новгородской губерніи.)

35.

БЕЗНОГОЙ И СЛѢПОЙ БОГАТЫРИ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею; у нихъ былъ сынъ Иванъ-царевичъ, а смотрѣть-глядѣть за царевичемъ приставленъ былъ Катома-дядька, дубовая шапка. Царь съ царицею достигли древнихъ лѣтъ, заболѣли, и не чаютъ ужь выздоровѣть; призываютъ Ивана-царевича и наказываютъ: «когда мы помрёмъ, ты во всёмъ слушайся и почитай Катому-дядьку, дубовую шапку; станешь слушаться—счастливъ будешь, а захочешь быть ослушникомъ — пропадёшь, какъ муха.» На другой день царь съ царицею померли; Иванъ-царевичъ похоронилъ родителей и сталъ жить по ихъ наказу: что ни дѣлаетъ, обо всемъ съ дядькой совѣтъ держитъ. Долго ли, коротко ли — дошелъ царевичъ до совершенныхъ лѣтъ и надумалъ жениться; приходитъ къ дядькѣ и говоритъ ему: «Катома-дядька, дубовая шапка! скучно мнѣ одному, хочу жениться.»—Что-же, царевичъ! зачѣмъ дѣло стало? Лѣта твои таковы, что пора и о невѣстѣ думать; поди въ большую палату — тамъ всѣхъ царевенъ, всѣхъ королевенъ портреты собраны, погляди да выбери: какая понравится, за ту и сватайся. Иванъ-царевичъ пошелъ въ большую палату, началъ пересматривать портреты, и пришлась ему по мысли королевна Анна Прекрасная—такая красавица, какой во всёмъ свѣтѣ другой нѣтъ! На ея портретѣ подписано: коли кто задастъ ей загадку, а королевна не отгадаетъ, за того пойдетъ она замужъ; а чью загадку отгадаетъ, съ того голова долой. Иванъ-царевичъ прочиталъ эту подпись, раскручинился и идетъ къ своему дядькѣ: «былъ я, говоритъ, въ большой палатѣ, высмотрѣлъ себѣ невѣсту Анну Прекрас-

ную; только не вѣдаю, можно ли ее высватать?» — Да, царевичъ! трудно ее достать; коли одинъ поѣдешь—ни за что не высватаешь; а возьмешь меня съ собой да будешь дѣлать, какъ я скажу,—можетъ, дѣло и уладится. Иванъ-царевичъ проситъ Катому-дядьку, дубовую шапку, ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и даетъ ему вѣрное слово слушаться его и въ горѣ, и въ радости [1]).

---

[1]) *Варіантъ:* Выбралъ себѣ Иванъ-царевичъ невѣсту, сильномогучую королевну, и послалъ курьера сватать ее. Курьеръ поскакалъ, доложилъ королевнѣ; она спрашиваетъ: «а каковъ твой царевичъ въ ратномъ дѣлѣ?» —Нашъ царевичъ въ ратномъ дѣлѣ силёнъ и непобѣдимъ. «Если онъ силёнъ, то пускай дастъ о себѣ знать желѣзною булавой!» сказала королевна и подаетъ курьеру трехъ-пудовую булаву: «если броситъ эту булаву изъ своего царства въ мой теремъ и собьетъ съ него верхушку, то можетъ ко мнѣ женихомъ ѣхать; а если не въ мочь ему добросить, то пусть лучше и не пріѣзжаетъ!» Воротился курьеръ и отдалъ Ивану-царевичу трехъ-пудовую булаву; закручинился царевичъ: какъ ее за тридевять земель, въ тридесятое царство забросить? Говоритъ ему дядька: «не кручинься, царевичъ! прикажи-ка эту булаву кузнецамъ передѣлать, чтобъ была въ шесть пудовъ вѣсомъ.» Кузнецы ее передѣлали, привезли на царской дворъ. Царевичъ взялся было за булаву—куда! и повернуть не можетъ; дядька разсмѣялся, схватилъ булаву одной рукой, размахнулся три раза и бросилъ въ тридесятое царство: съ гуломъ полетѣла она черезъ горы и долы и такъ тяжело упала на теремъ королевны, что весь дворецъ пошатнулся, всѣ крыши, всѣ чердаки рухнули; только стѣны остались. Поѣхалъ Иванъ-царевичъ къ своей нарѣченной невѣстѣ и взялъ съ собой дядьку; долго они ѣхали, а королевна выслала къ жениху на встрѣчу своего богатырскаго коня; на томъ конѣ никто усидѣть не можетъ: поднимается онъ выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго, и летитъ по поднебесью, а когда по землѣ бѣжитъ— изъ-подъ копытъ цѣлыя горы вымётываетъ! Подъѣзжаетъ Иванъ-царевичъ къ королевству своей нарѣченной невѣсты; стоятъ двѣнадцать человѣкъ, держатъ коня на желѣзныхъ цѣпяхъ, а онъ громко ржетъ, глубоко копытомъ землю бьетъ, на волю рвется. Иванъ-царевичъ не знаетъ, какъ и приступиться къ богатырскому коню; да есть у него дядька на выручку. «Кажись, конь-то плохъ! надо мнѣ опробовать», сказалъ дядька, схватилъ его за повода и сѣлъ верхомъ. Конь рванулся было въ поднебесье—да не тотъ сѣдокъ! какъ прижалъ дядька коня своими богатырскими пятками, такъ онъ тутъ-же свалился наземь, захрипѣлъ и издохъ. «Что это за клячу къ намъ вывели? али королевна вздумала шутку сшутить? Нѣтъ, ужь мы лучше на своихъ коняхъ поѣдемъ!»

Вотъ собрались они въ путь-дорогу и поѣхали сватать Анну Прекрасную королевну. Ѣдутъ они годъ, и другой, и третій, и заѣхали за много земель. Говоритъ Иванъ-царевичъ: «ѣдемъ мы, дядя, столько времени, приближа́емся къ земля́мъ Анны Прекрасной королевны, а не знаемъ: какую загадку загадывать.»—Еще успѣемъ выдумать! Ѣдутъ дальше; Катома-дядька, дубовая шапка, глянулъ на дорогу—на дорогѣ лежитъ кошеле́къ съ деньгами; сейчасъ его поднялъ, высыпалъ оттуда всѣ деньги въ свой кошеле́къ, и говоритъ: «вотъ тебѣ и загадка, Иванъ-царевичъ! Какъ пріѣдешь къ королевнѣ, загадай ей такими слова́ми: ѣхали де мы путе́мъ-дорогою, увидали: на дорогѣ добро́ лежитъ, мы добро добромъ взяли да въ свое добро положили! Эту загадку ей въ жизнь не разгадать; а всякую другую сейчасъ узнаетъ — только взглянетъ въ свою волшебную книгу; а какъ узнаетъ, то и велитъ отрубить тебѣ голову.» Вотъ наконецъ пріѣхалъ Иванъ-царевичъ съ дядькою къ высокому дворцу, гдѣ проживала прекрасная королевна; въ ту пору-времячко была она на балх(к)онѣ, увидала пріѣзжихъ и послала узнать: откуда они и зачѣмъ прибыли? Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: «пріѣхалъ я изъ такого-то царства, хочу сватать за себя Анну Прекрасную королевну.» Доложили о томъ королевнѣ; она приказала, чтобы царевичъ во дворецъ шелъ да при всѣхъ ея думныхъ князьяхъ и боярахъ загадку загадывалъ; у меня, молвила, такой завѣтъ положенъ: если не отгадаю чьей загадки, за того мнѣ идти замужъ, а чью отгадаю — того злой смерти предать! «Слушай, прекрасная королевна, мою загадку, говоритъ Иванъ-царевичъ: ѣхали мы путемъ-дорогою, увидали—на дорогѣ добро лежитъ, мы добро добромъ взяли да въ добро положили.» Анна Прекрасная королевна беретъ свою волшебную книгу, начала ее пересматривать да отгадки розыскивать; всю книгу перебрала, а толку не добилась. Тутъ думные князья и бояре присудили королевнѣ вы-

ходить замужъ за Ивана-царевича; хоть она и не рада, а дѣлать нечего—стала готовиться къ свадьбѣ. Думаетъ сама съ собой королевна: какъ-бы время протянуть да жениха отбыть? и вздумала — утрудить его великими службами. Призываетъ она Ивана-царевича и говоритъ ему: «милой мой Иванъ-царевичъ, мужъ нарѣченной! надо намъ къ свадьбѣ изготовиться; сослужи-ка мнѣ службу невеликую: въ моемъ королевствѣ, на такомъ-то мѣстѣ, стоитъ большой чугунной столбъ; перетащи его въ дворцовую кухню и сруби въ мелкія полѣнья — повару на дрова.» — Помилуй, королевна! нѐшто я пріѣхалъ сюда дрова рубить? мое ли это дѣло! на то у меня слуга есть: Катома-дядька, дубовая шапка. Сейчасъ призываетъ царевичъ дядьку, и приказываетъ ему притащить въ кухню чугунной столбъ и срубить его въ мелкія полѣнья повару на дрова. Катома-дядька пошелъ на сказанное мѣсто, схватилъ столбъ въ охапку, принесъ въ дворцовую кухню и разбилъ на мелкія части; четыре чугунныхъ полѣна взялъ себѣ въ карманъ: «для пѐреду годится!» На другой день говоритъ королевна Ивану-царевичу: «милой мой царевичъ, нарѣченной мужъ! завтра намъ къ вѣнцу ѣхать: я поѣду въ коляскѣ, а ты верхомъ на богатырскомъ жеребцѣ; надобно тебѣ загодя объѣздить того коня.»—Стану я самъ объѣзжать коня! на то у меня слуга есть. Призываетъ Иванъ-царевичъ Катому-дядьку, дубовую шапку: «ступай, говоритъ, на конюшню, вели конюхамъ вывести богатырскаго жеребца, сядь на него и объѣзди; завтра я на немъ къ вѣнцу поѣду.» Катома-дядька смекнулъ хитрости королевны, не сталъ долго разговаривать, пошелъ на конюшню и велѣлъ конюхамъ вывести богатырскаго жеребца. Собралось двѣнадцать конюховъ; отперли двѣнадцать замкòвъ, отворили двѣнадцать дверей и вывели волшебнаго коня на двѣнадцати желѣзныхъ цѣпяхъ. Катома-дядька, дубовая шапка, подошелъ къ нему; только успѣлъ сѣсть — волшебной

конь отъ земли отдѣляется, выше лѣсу подымается, что повыше лѣсу стоячаго, пониже облака ходячаго. Катома крѣпко сидитъ, одной рукой за гриву держится, а другой вынимаетъ изъ кармана чугунное полѣно и начинаетъ этимъ полѣномъ промежду ушей коня осаживать. Избилъ одно полѣно, взялся за другое; два избилъ, взялся за третее; три избилъ, пошло въ ходъ четвертое. И такъ донялъ онъ богатырскаго жеребца, что не выдержалъ конь, возговорилъ человѣческимъ голосомъ: «батюшка Катома! отпусти хоть живаго на бѣлой свѣтъ. Что хочешь, то и приказывай: все будетъ по твоему!» — Слушай, собачье мясо! отвѣчаетъ ему Катома-дядька, дубовая шапка; завтра поѣдетъ на тебѣ къ вѣнцу Иванъ-царевичъ. Смотри же: какъ выведутъ тебя конюхи на широкой дворъ, да подойдетъ къ тебѣ царевичъ и наложитъ свою руку—ты стой смирно, ухомъ не пошевели; а какъ сядетъ онъ верхомъ — ты по самыя щотки въ землю подайся да иди подъ нимъ тяжелымъ шагомъ, словно у тебя на спинѣ непомѣрная тягота накладена. Богатырской конь выслушалъ приказъ и опустился еле живъ на землю. Катома ухватилъ его за хвостъ и бросилъ возлѣ конюшни: «эй, кучера и конюхи! уберите въ стойло это собачье мясо.» Дождались другаго дня; подошло время къ вѣнцу ѣхать: королевнѣ коляску подали, а Ивану-царевичу богатырскаго жеребца подвели. Со всѣхъ сторонъ народъ сбѣжался — видимо-невидимо! Вышли изъ палатъ бѣлокаменныхъ женихъ съ невѣстою; королевна сѣла въ коляску и дожидается: что-то будетъ съ Иваномъ-царевичемъ? волшебной конь разнесетъ его кудри по вѣтру, размычетъ его кости по чисту полю. Подходитъ Иванъ-царевичъ къ жеребцу, накладываетъ руку на спину, ногу въ стремено—жеребецъ стоитъ словно вкопаной, ухомъ не шевельнетъ! Сѣлъ царевичъ верхомъ — волшебной конь по щотки въ землю ушелъ; сняли съ него двѣнадцать цѣпей — сталъ конь

выступать ровнымъ, тяжелымъ шагомъ, а съ самого потъ градомъ такъ и ка́тится. «Экой богатырь! экая сила непомѣрная!» говоритъ народъ, глядя́ на царевича. Перевѣнчали жениха съ невѣстою; стали они выходить изъ церкви, взяли другъ дружку за руки. Вздумалось королевнѣ еще разъ попытать силу Ивана-царевича, сжала ему руку такъ сильно, что̀ онъ не смогъ выдержать: кровь въ лицо кинулась, глаза подъ лобъ ушли. «Такъ ты эдакой-то богатырь!» думаетъ королевна; славно же твой дядька меня опуталъ... только даромъ вамъ это не пройдетъ!»

Живетъ Анна Прекрасная королевна съ Иваномъ-царевичемъ, какъ подобаетъ женѣ съ богоданнымъ мужемъ, всячески его словами улещаетъ, а сама одно мыслитъ, какимъ-быто способомъ извести Катому-дядьку, дубовую шапку; съ царевичемъ безъ дядьки нетрудно управиться! Сколько ни вымышляла она всякихъ наговоровъ, Иванъ-царевичъ не поддавался на ея рѣчи, все сожалѣлъ своего дядьку. Черезъ годъ времени говоритъ онъ своей женѣ: «любезная моя супружница, прекрасная королевна! желается мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ тобой въ свое государство.» — Пожалуй, поѣдемъ; мнѣ самой давно хочется увидать твое государство. Вотъ собрались и поѣхали; дядьку Катому за кучера посадили. Ѣхали-ѣхали; Иванъ-царевичъ заснулъ дорогою. Вдругъ Анна Прекрасная королевна стала его будить да жалобу приносить: «послушай, царевичъ, ты все спишь—ничего не слышишь! А твой дядька совсѣмъ меня не слушаетъ, нарочно правитъ лошадей на кочки да рытвины — словно извести насъ собирается; стала я ему добромъ говорить, а онъ надо мной насмѣхается. Жить не хочу, коли его не накажешь!» Иванъ-царевичъ крѣпко съ просонокъ разсердился на своего дядьку, и отдалъ его на всю волю королевнину: «дѣлай съ нимъ, что сама знаешь!» Королевна приказала отрубить ему ноги. Катома дался ей на поруганіе:

«пусть, думаетъ, пострадаю; да и царевичъ узнаетъ, каково горе мыкать!» Отрубили Катомѣ-дядькѣ обѣ ноги. Глянула королевна кругомъ и увидала: стоитъ въ сторонѣ высокой пень; позвала слугъ и приказала посадить его на этотъ пень, а Ивана-царевича привязала на веревкѣ къ коляскѣ, повернула назадъ и поѣхала въ свое королевство. Катома-дядька, дубовая шапка, на пнѣ сидитъ, горькими слезами плачетъ: «прощай, говоритъ, Иванъ-царевичъ! вспомянишь и меня.» А Иванъ-царевичъ въ припрыжку за коляскою бѣжитъ; самъ знаетъ, что маху далъ, да воротить нельзя. Пріѣхала королевна Анна Прекрасная въ свое государство и заставила Ивана-царевича коровъ пасти. Каждой день поутру ходитъ онъ со стадомъ въ чистое поле, а вечеромъ назадъ на королевской дворъ гонитъ; въ то время королевна на балконѣ сидитъ и повѣряетъ, всѣ ли счетомъ коровы? Пересчитаетъ и велитъ ихъ царевичу въ сарай загонять, да послѣднюю корову подъ хвостъ цѣловать: эта корова такъ ужь и знаетъ — дойдетъ до воротъ, остановится и хвостъ подыметъ...

Катома-дядька сидитъ на пнѣ день, и другой, и третій, ни пивши, ни ѣвши; слѣзть никакъ не можетъ, приходится помирать голодною смертію. Невдалекѣ отъ этого мѣста былъ густой лѣсъ: въ томъ лѣсу проживалъ слѣпой сильномогучій богатырь; только тѣмъ и кормился, что̀ какъ услышитъ по духу, что мимо его какой звѣрь пробѣжалъ: заяцъ, лиса ли, медвѣдь ли — сейчасъ за нимъ въ погоню; поймаетъ — и обѣдъ готовъ! Былъ богатырь на ногу скоръ, и ни одному звѣрю прыскучему не удавалось убѣжать отъ него. Вотъ и случилось такъ: проскользнула мимо лиса; богатырь услыхалъ да вслѣдъ за нею; она добѣжала до того высокаго пня и дала колѣно въ сторону, а слѣпой богатырь поторопился да съ разбѣгу какъ ударится лбомъ о пень — такъ съ корнемъ его и выворотилъ. Катома свалился на землю и спрашиваетъ: «ты кто таковъ?» — Я — слѣ-

пой богатырь. живу въ лѣсу тридцать лѣтъ, только тѣмъ и кормлюся — коли какого звѣря поймаю да на кострѣ зажарю; а то бъ давно померъ голодною смертію! «Неужли-жъ ты отъ роду слѣпой?» — Нѣтъ, ни отъ роду; а мнѣ выколола глаза Анна Прекрасная королевна. «Ну, братъ! говоритъ Катома-дядька, дубовая шапка, и я черезъ нее безъ ногъ остался: обѣ отрубила проклятая!» Разговорились богатыри промежъ собой и согласились вмѣстѣ жить, вмѣстѣ хлѣбъ добывать. Слѣпой говоритъ безногому: «садись на меня да сказывай дорогу; я послужу тебѣ своими ногами, а ты мнѣ своими глазами.» Взялъ онъ безногаго и понесъ на себѣ, а Катома сидитъ, по сторонамъ поглядываетъ да знай покрикиваетъ: направо! налѣво! прямо!.. Жили они эдакъ нѣкоторое время въ лѣсу и ловили себѣ на обѣдъ и зайцевъ, и лисицъ, и медвѣдей. Говоритъ разъ безногой: «неужли-жъ намъ весь вѣкъ безъ людей прожить? Слышалъ я, что въ такомъ-то городѣ живетъ богатой купецъ съ дочкою, и та купеческая дочь куда-какъ милостива къ убогимъ и увѣчнымъ! сама всѣмъ милостину подаетъ. Увеземъ-ка, братъ, ее! пусть у насъ за хозяйку живетъ.» Слѣпой взялъ тележку, посадилъ въ нее безногаго и повезъ въ городъ, прямо къ богатому купцу на дворъ; увидала ихъ изъ окна купеческая дочь, тотчасъ вскочила и пошла одѣлять ихъ милостиною. Подошла къ безногому: «прими, убоженькой, Христа ради!» Сталъ онъ принимать подаяніе, ухватилъ ее за руки да въ тележку, закричалъ на слѣпаго — тотъ побѣжалъ такъ скоро, что на лошадяхъ не поймать! Купецъ послалъ погоню — нѣтъ, не догнали. Богатыри привезли купеческую дочь въ свою лѣсную избушку и говорятъ ей: «будь намъ замѣсто родной сестры, живи у насъ, хозяйничай; а то намъ, увѣчнымъ, некому обѣда сварить, рубашекъ помыть. Богъ тебя за это не оставитъ!» Осталась съ ними купеческая дочь; богатыри ее почитали, любили, за родную сестру признавали; сами они то

и дѣло — на охотѣ, а названная сестра завсегда дома: всѣмъ хозяйствомъ заправляетъ, обѣдъ готовитъ, бѣлье моетъ. Вотъ и повадилась къ нимъ въ избушку ходить баба-яга, костяная нога, и сосать у красной дѣвицы, купеческой дочери, бѣлыя груди. Только богатыри на охоту уйдутъ, а баба-яга тутъ какъ тутъ! Долго ли, коротко ли — спала съ лица красная дѣвица, похудѣла-захирѣла; слѣпой ничего не видитъ, а Катома дядька, дубовая шапка, замѣчаетъ, что дѣло неладно; сказалъ про то слѣпому, и пристали они вдвоемъ къ своей названной сестрицѣ, начали допрашивать, а баба-яга ей накрѣпко запретила признаваться. Долго боялась она повѣрить имъ свое горе, долго крѣпилась, да наконецъ братья ее уговорили, и она все дочиста разсказала: «всякой разъ, какъ уйдете вы на охоту, тотчасъ является въ избушку древняя старуха — лицо злющее, волоса длинные, сѣдые! и заставляетъ меня въ головѣ ей искать, а сама сосётъ мои груди бѣлыя.» — А! говоритъ слѣпой, это — баба-яга; погоди же, надо съ ней по-своему раздѣлаться! Завтра мы не пойдемъ на охоту, а постараемся залучить ее да поймать... Утромъ на другой день богатыри не идутъ на охоту. «Ну, дядя безногой! говоритъ слѣпой, полѣзай ты подъ лавку, смирненько сиди, а я пойду на дворъ — подъ окномъ стану. А ты, сестрица, какъ прійдетъ баба-яга, садись вотъ здѣсь, у этого окна; въ головѣ-то у ней ищи, да потихоньку пряди волосъ отдѣляй, да за оконницу на дворъ пропускай: я ее за сѣдыя-то космы и сграбастаю!» Сказано — сдѣлано. Ухватилъ слѣпой бабу-ягу за сѣдыя космы и кричитъ: «эй, дядя Катома! вылѣзай-ка изъ-подъ лавки да придержи ехидную бабу, пока я въ избу войду.» Баба-яга услыхала бѣду, хочетъ вскочить, голову приподнять — куда тебѣ! нѣтъ совсѣмъ ходу! рвалась-рвалась — ничего не пособляетъ! А тутъ вылѣзъ изъ-подъ лавки дядя Катома, навалился на нее словно каменная гора, принялся душить бабу-ягу, ажно небо съ овчинку ей показа-

лось! Вскочилъ въ избушку слѣпой, говоритъ безногому: «надо намъ теперь развести большой костеръ, сжечь ее проклятую на огнѣ. а пепелъ по вѣтру пустить!» Возмолилась баба-яга: «батюшки, голубчики! простите... что угодно, все вамъ сдѣлаю!» — Хорошо, старая вѣдьма! сказали богатыри, покажи-ка намъ колодезь съ цѣлющей и живущей водою. «Только не бейте, сейчасъ покажу!» Вотъ Катома-дядька, дубовая шапка сѣлъ на слѣпаго; слѣпой взялъ бабу-ягу за̀ косы; баба-яга повела ихъ въ лѣсную трущобу, привела къ колодезю и говоритъ: «это и есть цѣлющая и живущая вода!» — Смотри, дядя Катома! вымолвилъ слѣпой, не давай маху; коли она теперь обманетъ — вѣкъ не поправимся! Катома-дядька, дубовая шапка, сломилъ съ дерева зеленую вѣтку и бросилъ въ колодезь: не успѣла вѣтка до воды долетѣть, какъ ужь вся огнемъ вспыхнула! «Э! да ты еще на обманъ пошла!» Принялись богатыри душить бабу-ягу, хотятъ кинуть ее проклятую въ огненный колодезь. Пуще прежняго возмолилась баба-яга, даетъ клятву великую, что теперь не станетъ хитрить: «право-слово доведу до хорошей воды!» Согласились богатыри попытать еще разъ, и привела ихъ баба-яга къ другому колодезю. Дядька Катома отломилъ отъ дерева сухой сучо̀къ и бросилъ въ колодезь: не успѣлъ тотъ сучо̀къ до воды долетѣть, какъ ужь ростки пустилъ, зазеленѣлъ и расцвѣлъ. «Ну, это вода хорошая!» сказалъ Катома. Слѣпой помочилъ ею свои глаза — и въ мигъ прозрѣлъ; опустилъ безногаго въ воду — и выросли у него ноги. Оба обрадовались и говорятъ межъ собой: «вотъ когда мы поправимся! все свое воротимъ! только напередъ надо съ бабой-ягой порѣшить: коли намъ ее теперь простить, такъ самимъ добра не видать — она всю жизнь будетъ зло мыслить!» Воротились они къ огненному колодезю и бросили туда бабу-ягу: такъ она и сгинула!

Послѣ того Катома-дядька, дубовая шапка, женился на купеческой дочери. и всѣ трое отправились они въ королевство Анны Прекрасной выручать Ивана-царевича. Стали подходить къ столичному городу, смотрятъ: Иванъ-царевичъ гонитъ стадо коровъ. «Стой, пастухъ! говоритъ Катома-дядька, куда ты этихъ коровъ гонишь?» Отвѣчаетъ ему царевичъ: «на королевской дворъ гоню; королевна всякой разъ сама повѣряетъ, всѣ ли коровы?» — Ну-ка, пастухъ! на тебѣ мою одёжу, надѣвай на себя, а я твою надѣну и коровъ погоню. «Нѣтъ, братъ! этого нельзя сдѣлать; коли королевна увѣдаетъ — бѣда мнѣ будетъ!» — Не бойся, ничего не будетъ! Въ томъ тебѣ порука Катома-дядька, дубовая шапка! Иванъ-царевичъ вздохнулъ и говоритъ: «эхъ, доброй человѣкъ! если бы живъ былъ Катома-дядька, я бы не пасъ въ полѣ этихъ коровъ.» Тутъ Катома-дядька, дубовая шапка, сознался ему, кто онъ таковъ есть; Иванъ-царевичъ обнялъ его крѣпко и залился слезами: «не чаялъ и видѣть тебя!» Помѣнялись они своими одёжами; погналъ дядька коровъ на королевской дворъ. Анна Прекрасная вышла на балконъ, повѣрила, всѣ-ли коровы счетомъ? и приказала загонять ихъ въ сарай. Вотъ всѣ коровы въ сарай вошли, только послѣдняя у воротъ остановилась и хвостъ оттопырила. Катома подскочилъ: «ты чего, собачье мясо, дожидаешься?» схватилъ ее за хвостъ, дёрнулъ, такъ и стащилъ шкуру! Королевна увидала и кричитъ громкимъ голосомъ: «что это мерзавецъ-пастухъ дѣлаетъ? взять его и привесть ко мнѣ!» Тутъ слуги подхватили Катому и потащили во дворецъ; онъ идетъ — не отговаривается, на себя надѣется. Привели его къ королевнѣ; она взглянула и спрашиваетъ: «ты кто таковъ? откуда явился?» — А я тотъ самой, которому ты ноги отрубила да на пень посадила; зовутъ меня Катома-дядька, дубовая шапка! «Ну, думаетъ королевна, когда онъ ноги свои воротилъ, то съ нимъ мудрить больше нечего!» и стала у него и у цареви-

ча просить прощенія; покаялась во своихъ грѣхахъ и дала клятву вѣчно Ивана-царевича любить и во всемъ слушаться. Иванъ-царевичъ ее простилъ, и началъ жить съ нею въ тишинѣ и согласіи; при нихъ остался слѣпой богатырь, а Катома-дядька уѣхалъ съ своею женою къ богатому купцу и поселился въ его домѣ.

36.

РОГА.

Жилъ-былъ батракъ; далъ ему Богъ большую силу. Узналъ онъ, что къ царской дочери змѣй летаетъ, и похвастался: «никто, говоритъ, не изведетъ лютаго змѣя, а я изведу!» Услыхали его похвальбу люди государевы, пристали къ нему: «иди, батракъ! вылѣчи царевну.» Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ; пошелъ батракъ къ царю и сказываетъ ему: «я де могу царевну вылѣчить; что будетъ за хлопоты?» Обрадовался царь и говоритъ ему: «царевну за тебя отдамъ.» Вотъ батракъ велѣлъ принести себѣ семь воловьихъ кожъ да надѣлать желѣзныхъ орѣховъ, желѣзные когти и желѣзной молотокъ; взялъ онъ надѣлъ семь шкуръ воловьихъ да когти желѣзные, въ карманъ насыпалъ орѣховъ и простыхъ и желѣзныхъ, а въ руки большой молотокъ взялъ, и пошелъ къ царевнѣ въ горницу. Вотъ летитъ къ царевнѣ змѣй; какъ увидалъ батрака, такъ и защелкалъ зубами: «ты зачѣмъ сюда пришелъ?» —За тѣмъ-же, за чѣмъ и ты! сказалъ батракъ, а самъ сидитъ да орѣшки пощелкиваетъ. Змѣй видитъ, что силою ничего не возьмешь, давай къ нему подлѣзать; попросилъ у него орѣшковъ, а тотъ и далъ ему желѣзныхъ. Змѣй грызъ-грызъ и плюнулъ: «не хороши, братъ, твои орѣшки! давай-ка лучше въ

карты играть.»—Давай, пожалуй; да какъ-же будемъ играть? И поладили они на томъ: кто проиграетъ, тому зубочистку дать. Стали играть; проигралъ змѣй. Батракъ вынулъ молотокъ, да какъ дастъ ему зубочистку, тотъ ажно насилу опомнился. «Давай, говоритъ змѣй, играть на кожу: кто проиграетъ, съ того кожу долой.» Проигралъ батракъ; змѣй снялъ съ него одну воловью кожу. «Давай еще!» Проигралъ змѣй; какъ вцѣпился ему батракъ желѣзными когтями въ кожу — такъ всю и снялъ! Змѣй тутъ-же издохъ.

Узналъ про то царь, да на радости и женилъ батрака на царевнѣ. Вотъ царевнѣ и скучно жить съ такимъ мужикомъ; велѣла его отвести въ лѣсъ, да тамъ и убить. Слуги подхватили его, отвели въ лѣсъ; да пожалѣли, не убили. Ходитъ батракъ по лѣсу, плачетъ. На встрѣчу ему идутъ три человѣка, сами спорятъ. Только поровнялись съ нимъ, такъ и кинулись къ нему съ мольбою: «скажи, доброй человѣкъ! вотъ мы нашли сапоги-самоходы, коверъ-самолётъ да скатертъ-самобранку; какъ намъ подѣлить?»—А вотъ какъ: кто прежде всѣхъ влѣзетъ на дубъ — тому все и отдать! Тѣ съ-дуру и согласились, бросились на дерево; только что на дубъ влѣзли, батракъ надѣлъ сапоги-самоходы, сѣлъ на коверъ-самолётъ, взялъ съ собой скатертъ-самобранку, да и говоритъ: «будь я подлѣ царскаго города!» Тамъ и очутился. Разбилъ шатеръ, велѣлъ скатерти-самобранкѣ приготовить обѣдъ, и позвалъ къ себѣ въ гости царя съ царевною; они его и не признали. Приходятъ къ нему царь съ царевною; онъ зачалъ ихъ подчивать, подчивалъ-подчивалъ, и сталъ показывать царевнѣ коверъ-самолётъ, а самъ потихоньку взялъ скатертъ-самобранку да толкнулъ царевну на коверъ и велѣлъ ему нести себя въ темной лѣсъ. Въ лѣсу сказалъ батракъ царевнѣ, кто онъ таковъ; она начала его ласкать да умасливать—ну, и умаслила! Какъ только онъ заснулъ, царевна схватила скатертъ-самобранку, сѣла на

коверъ-самолётъ, да и была такова! Проснулся батракъ, видитъ, что нѣтъ ни царевны, ни ковра-самолёта, ни скатерти-самобранки; остались одни сапоги-самоходы [1]. Бродилъ-бродилъ по лѣсу; захотѣлось ему ѣсть, видитъ онъ, что стоятъ двѣ яблони, взялъ сорвалъ съ одной яблоко и сталъ ѣсть. Съѣлъ яблоко — выросъ на головѣ рогъ, съѣлъ другое — выросъ другой рогъ! Онъ попробовалъ съ другой яблони: съѣлъ яблоко — въ ту-жъ минуту пропали рога, самъ молодцомъ да красавцемъ сталъ! Набралъ въ карманъ и тѣхъ и другихъ яблокъ и пошелъ въ царской городъ. Ходитъ батракъ мимо дворца; увидалъ дѣвку-чернавку, царевнину прислужницу, дурную-предурную: «не хочешь ли, голубушка, яблочка?» Та взяла у него яблочко, съѣла и сдѣлалась такая красавица, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Приходитъ дѣвка-чернавка къ царевнѣ, та такъ и ахнула! «Купи, говоритъ, непремѣнно купи мнѣ такихъ яблокъ.» Чернавка пошла и купила; съѣла царевна, а у ней рога выросли. На другой день приходитъ батракъ къ царевнѣ и сказываетъ, что онъ можетъ сдѣлать ее опять красавицею. Та зачала его просить. Онъ велѣлъ ей идти въ баню; тамъ раздѣлъ ее до-нага да такъ желѣзными прутьями отподчивалъ, что̀ надолго не забудетъ! Послѣ сказалъ, что онъ ея законный мужъ; царевна спокаялась, возвратила ему и коверъ-самолётъ, и скатерть-самобранку; а батракъ далъ ей хорошихъ яблокъ. И стали они жить да поживать, да добра наживать [2].

(Записана П. И. Якушкинымъ въ орловской губерніи, малоархангельскомъ уѣздѣ.)

---

[1] *Вар.* Хотѣлъ было утопиться съ горя, зажмурилъ глаза и побѣжалъ въ рѣку, бѣжалъ-бѣжалъ — черезъ всю рѣку перебѣжалъ, а потонуть — не потонулъ: сапоги-самоходы поверхъ воды его перенесли.

[2] *Вар. 1:* Съѣлъ съ одного дерева яблоко — сталъ волкомъ, съѣлъ съ другаго дерева — сталъ медвѣдемъ, съѣлъ съ третьяго — оборотился добрымъ молодцемъ.

Вар. 2: Съѣлъ яблоко — и вдругъ выросли у него хвостъ и два горба: одинъ сзади, другой спереди...

37.

ЦАРЕВИЧЪ И ЕГО СЛУГА.

Былъ мужикъ, у него было три сына: два умныхъ, третій дуракъ. Вотъ хорошо, зачалъ мужикъ горохъ сѣять, и повадился къ нему на горохъ незнамо кто. Видитъ отецъ, что все побито, повалено, потоптано, и сталъ говорить своимъ дѣтямъ: «дѣти мои любезные! надобно караулить, кто-такой горохъ у насъ топчетъ?» Сейчасъ большой братъ пошелъ караулить. Приходитъ полуночное время, ударилъ его сонъ — горохъ потоптанъ, а онъ ничего не видалъ. Опосля досталось караулить середнему брату — и середній ничего не видалъ. «Сёмъка я пойду, говоритъ дуракъ; ужь я не прогляжу!» — Хорошо ты поешь! каково станется? отвѣчаютъ ему братья. И такі пошелъ дуракъ караулить, узялъ съ собой возъ лыкъ да хфунтъ табаку. Какъ сталъ его сонъ ударять, онъ сталъ табаку больше нюхать. Пріѣзжаетъ на горохъ Никаноръ-богатырь, пускаетъ сваво коня, а самъ лёгъ богатырскимъ сномъ спать — лёгъ и заснулъ. Сейчасъ это дуракъ узялъ и зачалъ его соннаго лыками путлять. Упутлялъ его лыками и пришелъ къ отцу: «ну, говоритъ, поймалъ я вора!» Отецъ приходитъ, смотритъ: «какъ-же ты, дуракъ, могъ эдакую силу повалить?» Вотъ донесли царю, что пойманъ эдакой богатырь [1]). Царь сейчасъ посылаить: «кѣмъ онъ пойманъ?»

---

[1]) *Варіантъ 1:* Жилъ-былъ царь на царствѣ, государь на государствѣ; у того царя былъ любимой садъ, а въ томъ саду росла яблоня съ золотыми и серебреными яблоками. Началъ воръ ходить, золотыя, серебреныя яблоки обрывать. Царь поставилъ кругомъ большой караулъ — все нѣтъ толку! воръ свое дѣло знаетъ, яблочки по прежнему сымаетъ. Вотъ и вызвался старой садовникъ: «я, говоритъ, могу вора изловить!» Царь тому очень радъ: «пожалуста излови! царской рукой награжу!» Садовникъ потребовалъ три ведра вина крѣпкаго да три кадочки меду сладкаго; взялъ корыто, разсыпалъ вино

Докладаютъ ему, что пойманъ такимъ-то дуракомъ. Тутъ сейчасъ царь приказываетъ: «приведите мнѣ дурака!» Привели; царь спрашиваетъ: «какъ-же это, дуракъ, какъ-бы его сюда перевезть?» Онъ ему говоритъ: «а вотъ какъ надобно

медомъ и поставилъ подъ яблоню, а самъ спать пошелъ. Вдругъ пошелъ гулъ по саду: земля дрожитъ, листъ на деревѣ шумитъ, волна на рѣкѣ подымается — летитъ чудище; прилетѣлъ, нарвалъ золотыхъ и серебреныхъ яблокъ и увидалъ корыто, спустился нàземь, упился виномъ и тутъ-же мертвецкимъ сномъ заснулъ. Садовникъ какъ разъ вò время пробудился, прибѣжалъ и двѣнадцать кузнецовъ съ собой привелъ; взяли кузнецы цѣпи желѣзныя, оковали чудище и сволокли его соннаго въ крѣпкую темницу. Царь обрадовался, наградилъ садовника и приказалъ войска готовить, народъ сзывать, висѣлицу ставить: захотѣлъ казнить это чудище... (Царевичъ выпускаетъ его на волю.) Въ назначенный часъ пошли за чудищемъ, отперли темницу — а тамъ его и духу не слыхать, только разорваныя цѣпи валяются. Осерчалъ царь на свою царицу: «какъ де ты усмотрѣть не могла? у тебя ключи были!» Ухватилъ ее за бѣлую руку и возвёлъ на висѣлицу: «честной, православной народъ! свободила она чудище отъ лютой казни; пусть сама ее иріиметъ!» (Царевичъ признается...)

Варіантъ 2: У крестьянина было три сына; посѣяли на новинѣ бѣлоярую пшеницу, вмѣсто зеленей все поле засвѣтилося самоцвѣтными каменьями. Пошелъ мужикъ къ царю: «ваше величество! позволь слово говорить, не вели за слово казнить.»—Говори смѣло. Разсказалъ мужикъ про каменья самоцвѣтныя: «намъ ли велишь тѣмъ полемъ владать, али въ казну велишь отобрать?»—Вамъ Богъ далъ, вы и владайте! Повадился на крестьянское поле воръ ходить. Пошелъ старшой братъ караулить. Въ самую полночь пріѣзжаетъ Вихорь Вихрёвичъ о двѣнадцати головахъ, подъ нимъ бóрзой конь, копытомъ въ землю бьетъ, да самоцвѣтное каменьё пожираетъ. Большой братъ выскочилъ: «что ты, Вихорь Вихрёвичъ, насъ обидишь (обижаешь)? Намъ Богъ далъ, государь пожаловалъ!» — Ахъ ты, бѣлогубой щенокъ! говоритъ Вихорь, еще вздумалъ со мною считаться! Слѣзъ съ коня, вытащилъ острой ножъ и вырѣзалъ у него ремень изъ спины. На утро спрашиваетъ отецъ: «что, сынокъ! не видалъ ли вора?»—Нѣтъ, не видалъ! Развѣ воръ—дуракъ, чтò тогда пойдетъ, когда стерегутъ! На другую ночь пошелъ средній братъ; у него Вихорь два ремня вырѣзалъ. На третью ночь досталось младшему караулить; онъ поймалъ вора, скрутилъ его веревками и привязалъ къ дубу...

Варіантъ 3: Вмѣсто чудища и Вихря сказка выводитъ Кощея-сѣдаго стариучка, который самъ съ ноготь, борода съ локоть; понравилось ему го-

править: надобно двѣнадцать лошадей да шестьдесятъ человѣкъ народу да чугунныя дроги—тогда можно положить Никанора-богатыря на дроги и привезть сюда.» Привезли богатыря къ царю. «Какъ-же, дуракъ! спрашиваетъ царь, куды-же его посадить и чѣмъ закрѣпить, чтобъ не ушелъ?» Дуракъ говоритъ: «на двадцать аршинъ вели земли выкопать, той землей завали чугунныя стѣны да накати накатники; крѣпко будетъ!» Завалили чугунныя стѣны, накатили накатники, посадили туда Никанора-богатыря, и поставили надъ нимъ полкъ солдатъ караульныхъ. Дуракъ зацѣпилъ крюкомъ, переравалъ лыки и развязалъ богатыря. Царь дурака наградилъ, домой отпустилъ.

Разъ какъ-то гуляли царскіе дѣти пò саду и пущали золотыя стрѣлы, и попала стрѣла меньшаго брата Ивана-царевича въ окошечко Никанора-богатыря. «Ахъ, Никаноръ-богатырь! отдай мою стрѣлку.»—Помоги мнѣ, говоритъ Никаноръ-богатырь, прикажи хоть одну накатинку скатить — такъ отдамъ твою стрѣлку; пожалуй, еще три своихъ подарю! Иванъ-царевичъ понатужился и самъ снялъ одну накатину; Никаноръ-богатырь отдалъ ему золотую стрѣлку, и говоритъ: «ну, Иванъ-царевичъ! будешь ты лакеемъ, пастухомъ и поваромъ, и опять будешь Иваномъ-царевичемъ.» Сейчасъ разломалъ Никаноръ-богатырь свою темницу, вылѣзъ оттуда и весь полкъ побилъ. Царь пришелъ, увидалъ и ужаснулся: «кѣмъ богатырь выпущенъ?» Тутъ валялись избитые, израненые: у того солдата рука оторвана, у того нога изломана; говорятъ они царю:

нять свой табунъ лошадей на крестьянское поле да пшеницу травить; почти всю сгубилъ. Два старшихъ брата караулили вора, да ничего не узнали; пошелъ меньшой, вырылъ яму и залѣзъ туда нà ночь: «воръ хитеръ! думаетъ; сонъ напущаетъ! ну, да въ ямѣ не увидитъ и сна не напуститъ!» Цѣлую ночь доброй молодецъ не спалъ, укараулилъ таки Кощея, поймалъ его за бороду да къ царю отвёзъ.

«такъ и такъ, Иванъ-царевичъ выпустилъ.» Осердился царь, послалъ собирать съ разныхъ земель королей и принцевъ. Собрались короли и принцы; угостилъ ихъ царь и сталъ съ ними думать-гадать: «что мнѣ, говоритъ, съ сыномъ съ Иваномъ-царевичемъ дѣлать?...» Присовѣтали ему: дать царевичу одного слугу и пускай идетъ, куда самъ знаетъ!

Пошелъ Иванъ-царевичъ отъ своего отца; шелъ ни много, ни мало, и захотѣлось ему пить. Приходитъ къ колодезю, глянулъ — далече вода, не достанешь, напиться нечѣмъ. Говоритъ онъ слугѣ своему: «ахъ, Ванька, какъ-же быть?»— Ну, Иванъ-царевичъ! говоритъ Ванька, держи меня за ноги, я напьюся, а тамъ и тебя напою; а то не достанешь — далече вода. Сейчасъ это Ванька началъ пить, напился, а тамъ сталъ царевича держать. Иванъ-царевичъ напился: «ну, Ванька, вытаскивай меня!» Онъ ему отвѣчаетъ: «нѣтъ-же! будь ты — Ванька, а я буду Иванъ-царевичъ.» — Что ты, дуракъ, пустое болтаешь! «Самъ болтаешь! Коли не хочешь, утоплю у(въ) колодезѣ!»—Нѣтъ-же! лучше не топи; будь ты—Иванъ-царевичъ, а я буду Ванька. На томъ и поладили; приходятъ въ большой градъ столичной, прямо въ палаты царскія: названной царевичъ идетъ впереди, кресты кладетъ не по писанному, поклоны ведетъ не по ученому, а настоящій царевичъ позади выступаетъ, кресты кладетъ по писанному, поклоны ведетъ по ученому. Царь принимаетъ ихъ съ охотою: «живите у меня», говоритъ. Сейчасъ Ванька-названникъ [1]) началъ наговаривать: «ахъ, какой лакей у меня! какъ хорошо скотину стережетъ! Если лошадей погонитъ, то у всякой лошади сдѣлаются хвостъ—золотой, грива—золотая, по бокамъ—часты звѣзды; а коровъ погонитъ, у всякой коровы сдѣлаются рога—золотые, хвостъ—золотой, по бокамъ—часты звѣзды.» Далъ ему царь лошадей стеречь. Погналъ Иванъ-царевичъ табунъ

[1]) Самозванецъ.

въ чистое поле; всѣ лошади отъ него разбѣжалися. Онъ сѣлъ и заплакалъ горько: «эхъ, Никаноръ-богатырь, что ты сдѣлалъ надо мной! Какъ мнѣ теперь быть?» Откуда нѐ взялся — является передъ нимъ Никаноръ-богатырь: «что, говоритъ, тебѣ надобно, Иванъ-царевичъ?» Тотъ разсказалъ ему про свое горе. «Ничего! поѣдемъ-ка съ тобой, соберемъ всѣхъ лошадей да погонимъ къ моей меньшой сестрѣ. Меньшая сестра все подѣлаетъ, что тебѣ царь приказалъ.» Пригнали табунъ къ меньшой сестрѣ; она и вправь все подѣлала, накормила-напоила гостей и домой проводила. Гонитъ Иванъ-царевичъ лошадей къ царскому дворцу: у всякой лошади грива — золотà, хвостъ — золотой, по бокамъ — звѣзды. Названникъ-Ванька подъ окномъ сидитъ: «ахъ, каналья! сдѣлалъ-таки сдѣлалъ! хитёръ, говоритъ, мудёръ!» Ну, теперича приказываетъ ему царь коровъ гнать: «чтобъ было тоже сдѣлано, а если не сдѣлаешь — я тебя на воротахъ разстрѣляю!» Иванъ-царевичъ горько заплакалъ и погналъ коровъ; цѣлой день стерёгъ: «ахъ, другъ Никаноръ! явись передо мной.» Никаноръ-богатырь является; погнали къ его середней сестрѣ: она всѣмъ коровамъ подѣлала рожки — золотые, хвосты — золотые, по бокамъ — звѣзды; накормила гостей, напоила и домой проводила. Гонитъ Иванъ-царевичъ коровъ, а Ванька-названникъ подъ окномъ сидитъ: «ахъ! говоритъ, хотѣлъ погубить, да нѣтъ: и это сдѣлалъ!» Царь увидалъ: «вотъ такъ пастухъ! вишь какихъ лошадей да коровъ поставилъ — любо-дорого посмотрѣть!» Говоритъ ему Ванька: «онъ мнѣ и кушанье хорошо готовитъ!» Царь сейчасъ отправилъ его въ поварскую; пошелъ Иванъ-царевичъ къ поварамъ подъ начало, а самъ горько плачетъ: «Господи! я ничего не умѣю; это все на меня напраслину наговариваютъ.»

Вотъ задумалъ царь отдать свою дочерю за названника; а тутъ и пишетъ къ нему трехглавой змѣй: «если ты не отдашь

своей дочери за меня, то я всю твою силу порублю и тебе(я) самого въ полонъ возьму.» [1]) Говоритъ царь своему нарѣченному зятю: «что-же мнѣ дѣлать?» Ванька отвѣчаетъ: «батенька! выставимъ силу; можетъ быть, и наша возьметъ!» Выставили силу, стали воевать. А Иванъ-царевичъ просится у поваровъ: «пустите меня, дядиньки, посмотрѣть страженіе; я съ-роду не видалъ.» Тѣ говорятъ: «ступай, посмотри!» Сейчасъ приходитъ онъ на чистое поле и говоритъ: «другъ Никаноръ! явись передо мной.» Никаноръ-богатырь передъ нимъ является: «что вгодно тебѣ, Иванъ-царевичъ, то я буду дѣлать.» Онъ спрашиваетъ: «какъ-же намъ разогнать все это страженіе, побить непріятелей? сослужи-ка мнѣ этую службу.» — Это службишка, а не служба! Поѣхалъ Никаноръ-богатырь и разогналъ силу непріятельскую, всѣхъ побилъ, порубалъ. «Ну, теперь надо свадьбу играть!» говоритъ царь. Вдругъ пишетъ шестиглавой змѣй: «если ты не отдашь своей дочери за меня, то всю силу твою порублю и тебе(я) самого въ полонъ возьму!»—Ахъ, какъ-же намъ быть? спрашиваетъ царь. Говоритъ Ванька: «нечего дѣлать — надо силу выставлять; можетъ быть, намъ Богъ помогнётъ!» Выставили противъ силы змѣиной свою армію. Сталъ Иванъ-царевичъ проситься у поваровъ: «дядиньки! отпустите меня посмотрѣть.» —Ступай, да скорѣй назадъ приходи. Онъ пошелъ на чистое поле: «ахъ, другъ Никаноръ! явись передо мной.» Никаноръ-богатырь является: «что тебѣ вгодно, все для тебя буду дѣлать.»—Какъ-бы намъ порубить эту силу? Отвѣчаетъ Никаноръ-богатырь: «поѣду и потружусь для тебя!» Пустился на рать-силу змѣиную и побилъ ее всю дочиста. «Ну, говоритъ царь, теперь намъ можно

[1]) По другому варіанту: у царя пиръ горой; гости въ полсыта наѣдалися, въ полпьяна напивалися—вдругъ съ шумомъ влетаетъ въ окно каленая стрѣла и упадаетъ къ ногамъ царя, а къ той стрѣлѣ привязано грозное письмо отъ змѣя трехглаваго.

и свадьбу играть; никакой помѣхи не будетъ!» Взялись за свадьбу, а тутъ двѣнадцатиглавой змѣй пишетъ: «если не отдашь за меня своей дочери, то всю твою силу побью, тебя самого въ полонъ возьму, а царство твое головнёй выжгу!» Надобно опять выставлять армію; «если станетъ змѣй побивать, думаетъ царь, въ ту-жъ минуту отдамъ ему дочь добромъ, чтобъ только царства не тронулъ.» Иванъ-царевичъ просится у поваровъ: «дядиньки! отпустите меня посмотрѣть.» — Ступай, да скорѣй назадъ приходи! Вотъ приходитъ онъ на чистое поле, свиснулъ-гаркнулъ своимъ громкимъ голосомъ: «другъ Никаноръ! явись передо мной.» Никаноръ-богатырь является: «ну, братъ Иванъ-царевичъ! вотъ когда служба-то намъ пришла! Садись и ты на коня, и поѣдемъ: я впереди — на двѣнадцатиглаваго змѣя, а ты позади—на всѣхъ его богатырей.» А у того змѣя было двѣнадцать подручныхъ богатырей. Сѣлъ Иванъ-царевичъ на коня и вслѣдъ за Никаноромъ-богатыремъ поѣхалъ на непріятеля; стали биться, рубиться, изводить силу змѣиную. На томъ бою ранили Ивана-царевича въ руку; онъ повернулъ коня и прямо наѣхалъ на царскую карету. Царевна сняла съ себя шаль, разорвала пополамъ и половинкой завязала ему руку. Иванъ-царевичъ опять ударилъ на змѣя и побилъ все его войско; послѣ пріѣхалъ въ свое мѣсто, лёгъ спать и заснулъ крѣпкимъ богатырскимъ сномъ. Во дворцѣ свадьба готовится; хватились его повара: «куда, говорятъ, дѣлся нашъ молодой поваръ?» Побѣжали искать, и нашли соннаго; стали будить — никакъ не разбудятъ, стали толкать— никакъ не растолкаютъ. Одинъ поваръ взялъ колотушку: «сейчасъ пришибу его; пускай пропадаетъ!» Ударилъ его разъ, другой; Иванъ-царевичъ проснулся: «ахъ, братцы, я проспалъ!» И проситъ: «дядиньки! не сказывайте, что я такъ долго спалъ.» Тѣ говорятъ: «пойдемъ, дуракъ, скорѣе, чтобы насъ за тебя не ругали!» Привели его въ поварскую и

заставили кострюли чистить. Иванъ-царевичъ засучилъ рукава и принялся за работу. Увидала царевна у него половинку своей шали: «покажи-ка, Ванька! гдѣ ты этотъ платокъ взялъ?» Тутъ онъ и признался: «не тотъ, говоритъ, названникъ — царевичъ, а я!» и разсказалъ ей все, какъ было. Сейчасъ взяла царевна его за руку, повела къ отцу: «вотъ мой нарѣченной женихъ, а не тотъ лакей!» Царь сталъ у него спрашивать: «какъ у васъ дѣло было?» — Такъ и такъ, говоритъ. Царь перевѣнчалъ свою дочь за Ивана-царевича, а названника расказнилъ. И я тамъ былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, во рту не было; подали бѣлужины — остался не ужинавши.

(Записана въ воронежской губерніи. — Изъ собранія, доставленнаго Н. И. Второвымъ.)

38.

МАСЕНЖНЫ ДЗЯДОКЪ.

Бызу сабе гаспадаръ и мѣу трехъ сыноу: двухъ розумныхъ, а трецци дурень. Да таго гаспадара упадзилося [1]) нѣшто у пшаницу и што дзень — по моргу [2]) зъѣдало. Паслау той гаспадаръ на першую ночь старшаго сына вартаваць [3]); ёнъ пашоу, сидзѣу-сидзѣу, а надъ самы дзень заснуу, и рано, якъ устау, то пшаницу знашоу нецѣлую. На другую ночь пашоу середни, и ёнъ такъ само заснуу надъ дзень — и нѣшто зъѣло пшаницу. На трецюю ночь пашоу дурень; ёнъ, якъ тольки пришоу, такъ з' вечера и лёгъ спаць, а надъ дзень устау и сядзиць — ажъ прилетая пташка. Ёнъ падкрауся и злавиу тую

---

[1]) Повадилось. [2]) Моргъ — мѣра земли, меньше нашей десятины.
[3]) Wartować — караулить, стеречь.

птапку и усадзиу у мѣхъ, и самъ лёгъ спаць. На други дзень рано приходзяць брате старшіе глядзѣць пшаницы—ажъ пшаница цѣлая, а дурень спиць. Яны пабудзили дурня и стали пытаць: «чаму сегодня цѣлая пшаница?» Ёнъ разказау братомъ усе, якъ было, и паказау пташку, каторая сядзѣла у мѣху. Яны адабрали адъ дурня тую пташку и панясли бацьку на паказъ. Пришоуши да бацька, яны сказали, што дурень спиць и што яны злавили пташку, каторая сядзѣла на пшаницы и ѣла. Бацько, разглядзѣуши тую пташку, панёсъ ее да круля. Круль узяу пташку, заплациу за её мужику и казау замкнуць да склепу [1]), а ключь аддау жонцы. Сядзѣла тая пташка, сядзѣла у склепѣ, ажъ падбѣгъ падъ дзвери маленки кралевичъ. Дакъ тая пташка зачиная прасиць у кралевича чалавѣческимъ голасамъ, кабъ ёнъ ее выпусциу. «Якъ-же я магу выпусциць, кали ключь адъ склепу у маей матки на шіи?» сказау кралевичъ.—Вазьми падлащися [2]) да матки, адкрадзи ключь и мене выпусци, сказала пташка. Той кралевичъ такъ и зрабиу: пришоу да матки, зачау пѣсцицца [3]), адкрау ключь и выпусциу тую пташку; а тая пташка — то быу масенжны дзядокъ [4]), и ёнъ, выходзячи съ склепу, сказау кралевичу: «якъ чаго табѣ будзе треба, то тольки выйдзи на дворъ и скажи: масенжны дзѣдку, паважи мнѣ!—то я зараз пристаулюся и чаго тольки будзе треба, то усе зраблю.» На други дзень круль наспрашау госцей, кабъ паглядзѣли такой дзиунай пташки. Пазъѣжджалися госци глядзѣць пташки и па абѣдзѣ пашли да склепу; приходзяць туда, адамкнули склепъ, ажъ пташки нима! Кароль

[1]) Погребъ, тюрьма. [2]) Подольстись. [3]) *Ласкаться*; pieścić — нѣжить, баловать, пѣстовать. [4]) Дзѣдка (дзядокъ), по бѣлорусскимъ повѣрьямъ, есть хранитель кладовъ и представляется съ огненными глазами и огненною бородою (Смотри Прибавл. къ Журналу Министер. Народн. Просвѣщ. 1846, кн. 2, стр. 10 — 12.) Эпитетъ: масенжны — mosiężny (желтомѣдный, см. Słownik polsko-rossyiski, ч. I, стр. 408), вѣроятно, указываетъ на храненіе этимъ дзѣдкомъ мѣдныхъ кладовъ.

зараз да жонки, бо у ее были ключи. Жонка бажилася, присягалася, што не выпущала пташки, але ёй не вѣрили и присудзили ее страцицъ [1]). Плакала яна, плакала, а послѣ припамицае, што коло ее пѣсциуся сынъ и неуно ёнъ адкрау ключи; яна гето сказала мужу и усѣмъ гасцямъ. Госци адны казали, кабъ сына павѣсицъ, другіе казали — кабъ утапицъ, а адинъ изъ гасцей каже, што пашиць яму свины кажушокъ и пуесциць у свѣтъ. Усѣ на гето згадзилися [2]). Матка вельми плакала, а послѣ бачучи, што плачъ не паможе, казала принесци той свины кажушокъ и панашивала у яго грошей принаймнѣй тысячъ сто бумажками и золотомъ, и выправила яго.

Ёнъ узяу кіёкъ [3]), дый пашоу. Идзе ёнъ и плаче, што яму пачаць? ажъ приходзиць яму на мысль масенжны дзядокъ; ёнъ взашоу на гору и сказау: «масенжны дзѣдку! памажи мнѣ.» Дакъ заразъ той дзядокъ пришоу до яго и запытауся: чаго яму трэба? Ёнъ разказау усё, якъ было, и прасиу, какъ яму памогъ. Дзядокъ падумаушы сказау: «идзи ты за моро [4]) да караля и праси яго, кабъ приняу цебе за кухцика [5]); якъ ёнъ цебе приме, то заразъ будзе вайна, и ты папрасися у кухара, кабъ табѣ пазволиу пайсци [6]) пагладзѣць той вайны, и якъ ёнъ табѣ пазволиць, то выйдзи за варота и паклычь мене.» Той краловичъ паслухау дзѣдка и пашоу; приходзиць ёнъ за моро — ажъ станиць палацъ [7]) и на дварѣ пахаджая круль. Краловичъ у свиныиъ кажушку падышоу да караля и стау прасицца, кабъ приняу яго да себе за кухцика. Кароль згадзиуся и казау исци да кухни. Служиу ёнъ у караля годъ, други, ажъ на трецёмъ гаду зрабилася вайна. Круль пазбирау войско, самъ вабрауся и паѣхау на вайну. Кухцикъ, давѣдаушися, што кароль паѣхау, зачау прасицца у кухара, кабъ яму пазволиу па-

---

[1]) Казнить. [2]) Согласилися. [3]) Палку. [4]) Море. [5]) Kuchcik — поваренокъ; кухаръ — поваръ. [6]) Пойдти. [7]) Дворецъ.

глядзѣць вайны; кухаръ не хацѣу пазволиць, але кралевичъ дау кухару пяць рублёу, и ёнъ яму̀ пазволиу. Кралевичъ вышау за браму [1]) и зачау кликаць масенжнаго дзѣдка. Дзядокъ заразъ приставиуся, дау яму̀ каня, вабрау у ахвицерскае адзенё, дау мечь, дау серебраное яблыко, и сказау: «ты на вайнѣ гетымъ мечомъ пабъешь усе непріяцельскае войско; круль цебе будзе прасиць да свайго палацу, але ты не йдзи; а гетое яблыко, якъ вернешся да па цу, то будзешь качаць, и будзе у цебе прасиць кралеуна гетаго ѣлычка, то ты тагды аддай ёй, кали яна пазволиць перенача ваць табѣ у кралеуны пакои у парозѣ.» Кралевичъ такъ и зрабиу: паѣхау на вайну, пабиу усе войско; кароль прасиу, кабъ ёнъ заѣхау да палацу, але ёнъ не згадзиуся. Послѣ, пріѣхаушы да дому, перезадзѣуся у свой свиты кажушокъ, пришоу да кухни; тамъ, памыушы начинё [2]), зачау качаць сребное яблычко — ажъ уходзиць кралеуна, и якъ убачила тое яблычко, такъ и зачала прасиць у яго̀, кабъ ёнъ прадау. «Я ничого болѣй не хачу, только — кабъ кралеуна пазволила у сваёмъ пакои у парозѣ перенача вац ь.» — Дòбра! сказала кралеуна и узяла яблычко. Якъ пришла ночь, кралевичъ пашоу да кралеуны пакою, перенача вау у парозѣ и вернууся да кухни. — Перезъ гадоу два изноу зробилася вайна; кароль такъ само пазбирау войско и паѣхау. Кухцикъ выпрасиуся у кухара на вайну, взашоу за браму, крикнуу на дзѣдка, и ёнъ заразъ приставиуся; дау кралевичу каня, вабрау у ахвицерскае адзенё, дау залатое яблыко и казау аддаць яго̀ кралеунѣ тагды, кали яна пазволиць перенача вац коло свайго ложка [3]). Кралевичъ такъ само пабиу непріяцельскае войско; круль прасиу яго̀ да палацу, але ёнъ не згадзиуся и вернууся да дому. Памыушы начинё, зачау качаць и забаулаицца съ сва-

[1]) Brama — ворота (Słownik Polsko-rossyiski, С. Миллера).
[2]) Naczynie — посуда (ibidem). [3]) Постель, ложе.

жимъ яблыкамъ — ажъ изноу вайшла кралеуна и зачала прасиць, кабъ ёнъ прадау яблычко. Ёнъ адказау, што жаднай [1]) платы не хоче, тольки хоче — кабъ пазволила яму̀ переначаваць при сваёмъ ложку. Кралеуна пазволила и узяла яблычко. Кралевичъ сабрауся, пашоу у кралеуны пакой, переначавау коло кралеуны ложка и назаутра пашоу да кухни и принуяуся да сваёй работы. — Перезъ три годы изноу зрабилася вайна. Круль пазбирау сваё войско и самъ паѣхау на вайну. Кралевичъ, выпрасиушися у кухара, пашоу паглядзѣць нибыто вайны. Вышауши за браму, пакликау масенжнаго дзѣдка; ёнъ заразъ приставиуся, дау яму̀ еще лѣпшаго каня и яблыко такое, якъ сонцо, и сказау: «ты изноу пабьешь усе непріяцельскае войско, цебе ранiаць у руку, круль будзе прасиць да себе, але ты не ѣдзь; а гетое яблыко аддаси кралеунѣ тагды, кали яна пазволиць переначаваць табѣ на сваёмъ ложку.» Кралевичъ, сѣуши на каня, палецѣу на вайну; прилецѣуши туды, заразъ зачау рубаць непріяцельскае войско, перерубау усѣхъ, але адзинъ шаблею ударну кралевича па руцѣ и ранну яго̀. Кароль, убачнуши, што яго̀ ранили, падскочну заразъ, зняу зъ шіи сваю хустку [2]), абверцѣу рану, и аддауши свой персцёнакъ на памятку, прасну, кабъ ёнъ заѣхау да яго̀ палацу адпачиць; але кралевичъ не захацѣу, ударну каня и схавауся за гору. Круль вельми быу радъ, што три вайны кончну счасливе и забрау много другихъ краеу. Кралевичъ пусцну каня, переадзѣуся у свой свины кажушокъ и пришоу да кухни. Тамъ разпытывалися у яго̀, што бачну? и ёнъ разказау абъ усёмъ, якъ нѣки панъ пабну непріяцельскае войско, якъ круль аддау сваю хустку и свой персцёнакъ на па̀матку и якъ прасну да себе, але той панъ не захацѣу. Памыуши сваимъ звычаемъ начинё и гаршки, стау сабѣ забауляцца з' яблыкамъ, каторае асвѣцило

---

[1]) Никакой. [2]) Платокъ.

цѣлую кухню. Якъ ёнъ забауляуся з' яблыкамъ, вайшла кралеуна да кухни, и убачиушы такое яблычко, зачала вельми прасиць, кабъ ёнъ ягò прадау, и ана яму̀ дасць тольки грошай, кольки ёнъ хоче. Кралевичъ у свиныимъ кажушину сказау, што ёнъ грошай не хоче, тольки хоче — кабъ кралеуна пазволила переначаваць на сваёмъ ложку. Кралеуна згадзилася и казала паслаць кухцику сваю пасцель. Якъ надышла ночь, кухцикъ пашоу да кралеуны пакою, разабрауся и лёгъ на её пасцели.

Назаутра коло гадзины [1]) дванадцатой у поудзень прачхнууся [2]) кралевичъ и казау прасиць да себе круля. Круль, здивиушися, вабрауся у мундиръ, сѣу у карету и пріѣхау. Пріѣхаушы надъ палацъ, заразъ убачиу стражъ(у) незнаёмую, але яна ягò усюды пропускала, и кароль дашоу да кралевича пакою. Якъ тольки адамкнуу дзвери, кралевичъ падбѣгъ спатыкаць [3]), привитауся съ каралемъ и прасиу сядзѣць. Кароль заразъ пазнау таго, каторы быу три разы на вайнѣ и усѣ три разы пабиу непріяцельскае войско; также пазнау на кралевича рацѣ сваю хустку и на пальцы персцёнакъ. Круль зачау абнимаць кралевича, што яму̀ памогъ на вайнѣ, и павёу да сваёй дачкѝ. А кралеуна дауно ягò палюбила, бо быу вельми харошы, и заразъ з' нимъ заручилася [4]). На заручинахъ кралевичъ расказау, якъ ягò выгнали з' дому, якъ масенжны дзядокъ имъ апекавауся [5]), якъ ёнъ пришоу за моро, якъ дау яму̀ той дзядокъ яблыка. Па заручинахъ у три недзѣли было веселё [6]) вельми гучное [7]), а па веселли паѣхали да родзицау кралевича. Бацьке [8]) ихъ не пазнали, бо мѣли свайго сына за прапаушаго; вельми были рады, што сынъ знашоуся, а асабливе мацп, катарая зачала распытывацца: якимъ спосабамъ ёнъ зайшоу такъ далёко? Кралевичъ заразъ абъ масенжномъ дзѣдку, якъ ёнъ

---

[1]) Часа. [2]) Проснулся. [3]) Встрѣчать. [4]) Обручилася. [5]) Объ немъ заботился. [6]) Свадьба. [7]) Пышное. [8]) Родители.

ягò завёу ажъ за моро, якъ ёнъ служиу за кухцика, якъ быу на вайнѣ; разказау абъ яблыкахъ, а послѣ — якъ адкрыуся кралю и якъ заручыуся и ажаниуся съ кралеунаю. Жили яны счасливы доуго; а послѣ бацко кралеуны и кралевича паумирали и пазаписывали сваи кралеуства имъ. А масенжины дандокъ быу у ихъ ажъ да смерци и многа имъ памагау у усёмъ, а асабливо у вайнѣ. Часто яны рабили балы, на каторыхъ и я быу, мёдъ-вино пиу; па барадѣ цекло, а у роцѣ не было.

(Записана старшимъ учителемъ новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитріевымъ.)

39.

КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ И СЛУЖАНКА.

Жилъ купецъ прибогатый; у нево одна дочь была хороша-расхороша! Развозитъ этотъ купецъ товаръ по разнымъ губерниямъ, и пріѣхалъ онъ въ нѣкое царство къ царю, привее(з)ъ красный товаръ и сталъ яму̀ атдавать. Изымѣлъ съ нимъ царь таково слово: «што, говоритъ, я по̀ себѣ невѣсты не найду!» Вотъ купецъ и сталъ говорить этыму царю: «у меня есть дочка хороша; такъ хороша, штò человѣкъ ни здумаетъ, то она узнаитъ!» То царь часа часовать не сталъ, написалъ письмо и скричалъ своимъ господамъ жандар(м)амъ: «ступайте вы къ этыму купцу и отдайте это письмо купеческой дочери!» а въ письмѣ написано: «убирайся вѣнчатца.» Взяла купеческая дочь это письмо на руки, залилась слезами и стала убиратца, и служанка съ нею; и никто эту служанку не разгадаитъ съ купеческой дочерью, потому не разгадаитъ, што оби(ѣ) на одно лицо. Вотъ убрались они въ одинакое платье и ѣдутъ къ царю ви(ѣ)нчатца. Дасàдна стало этой служанки(ѣ); сичасъ и говоритъ она: «пойдемъ по острову, погуляимъ!» Пошли по ос-

трову; усыпила служанка купеческую дочь сонным зельем, выри(ѣ)зала у ней глаза и положила въ карманчикъ. Потомъ приходитъ къ жандар(м)амъ и говоритъ: «господа жандар(м)ы! уходилась на мори моя служанка.» А они въ отвѣтъ: «намъ лишь бы ты была жива, а эта крестьянка вовси не нужна!» Пріѣхали къ царю; сичасъ стали винчатца, и начали жить. Вотъ царь самъ себѣ и думаитъ: «должно быть купецъ миня обманулъ! это не купеческая дочь; отчего она такъ нехороша умомъ-разумомъ? вовси ничаво *млюмѣитъ* дѣлать!» Живетъ онъ съ нею; а энта купеческая дочь опомнилась отъ болѣзни, штò ей служанка-то причинила: ничаво она не видитъ, а только слышитъ. И слышитъ она, што стирягётъ старичокъ скатину; стала яму̀ говорить: «идѣ ты, дѣдушка, находишься?» —Я живу въ избушки. «Прими и миня съ собой.» Старичокъ принялъ ее. Она и говоритъ: «дѣдушка! атгани скатину-то.» Онъ ее послушался — атогналъ скатину. И посылаитъ она этыва старика въ лавку: «возьми ты барх(а)ту и шолку въ долх(г)ъ.» Старичокъ пошелъ; изъ богатыхъ никто не далъ въ долх(г)ъ, а дали яму̀ изъ бѣдной лавки. Принёсъ онъ слѣпинькой барх(а)ту и шолку; она яму̀ говоритъ: «дѣдушка! ложись спать и ухомъ не веди; а мнѣ штò день, штò ночь — все равно!» И стала изъ барх(а)ту и шолку царскую карону шить; вышила такую хорошую карону, штò глядѣть — ни(е) наглядишься. Поутру рано будитъ слѣпинькая старика и говоритъ: «поди-отнеси къ царю, ничаво ни(е) проси, а проси только глазъ; и што надъ тобой ни будутъ такъ дѣлать — ничаво ни(е) бойсь!» Вотъ онъ пришелъ во дворецъ, принёсъ карону. Тутъ всѣ надъ этый кароной сдивавались и стали у няво торговать; а старичокъ сталъ у нихъ просить глазъ. Сичасъ донесли царю, што онъ глазъ проситъ. Царь вы̀шалъ, обрадывался карони(ѣ) и началъ торговать её, а тотъ и съ няво глазъ проситъ. Ну, царь заругался и хочитъ ужь яво̀ въ астрохъ са-

жить. Только штò царь ни говоритъ, а онъ свое дѣла правитъ. Царь скричалъ сваимъ жандар(м)амъ: «подите, у плѣннаво солдата вырижта глазъ!» А жана явò царица сичасъ выскачила, вынимантъ глазъ и даетъ явò царю. Царь очення обрадовался: «ахъ, какъ ты меня выручила, царевнушка (sic)!» и отдалъ старику этотъ глазъ. Старикъ взялъ и пошелъ со дворца; пришелъ въ свою избушку. Слепая спрашивантъ: «взялъ ли ты, дѣдушка, мой глазокъ?» Онъ говоритъ: «взялъ». Вотъ она приняла у явò, вышла на зорю, поплевала на глазокъ, приставила — и стала видить. Посылантъ она старичка опять въ лавки, дала яму денихъ, велѣла долх(г)ъ отдать за шолкъ и за бархатъ, и еще приказала взять барх(а)ту и золоту. Взялъ онъ у бѣднаво купца и принёсъ купеческой дочери и барх(а)ту и золоту. Вотъ она сѣла шить другую карону, сшила, и посылантъ старичка къ этыму-жа царю, а сама приказывантъ: «ничаво ни бири, толька глазъ проси; а станутъ табя спрашивать: идѣ ты взялъ? скажи: мнѣ Богъ далъ!» Пришелъ старикъ во дворецъ; тамъ всѣ сдивавались: перва карона была храша, а эта ищо лучше. И говоритъ царь: «штò ни давать, а купить надо!» — Дай мнѣ глазъ, проситъ старикъ. Царь сичасъ посылантъ вырizать глазъ у плѣннаво; а супруга царёва тутъ-жа и вынимантъ другой глазокъ. Царь очення обрадовался, благодаритъ ее: «ахъ, какъ ты миня, матушка, выручила этимъ глазкомъ!» Спрашивантъ царь старичка: «идѣ ты, старичокъ, бирёшь эти кароны?» — Мнѣ Богъ далъ! сказалъ яму старикъ и пошелъ со дворца. Приходитъ въ избушку, отдаетъ глазокъ слѣпинькой. Она вышла опять на зорю, поплевала глазокъ, приставила явò — и стала видить абѣими глазами. Ночь спала въ избушки, а то вдругъ очутилась въ стиклянимъ даму, и завалá она гулянья.

Ѣдитъ царь посмотрѣть, што такоя за дива! хто такоя построилъ энти хароны? Въѣхалъ во дворъ, и такъ она яму

рада, сичасъ аво̀ принимаитъ и за столикъ сажаитъ. Попировалъ тамъ, уизжаитъ, и зоветъ ее къ сибѣ въ гости. Вернулся къ сибѣ въ домъ и сказываетъ своей царицы(ѣ): «ахъ, матушка, какой въ эвтакомъ мѣсти домъ! и какая въ немъ дивица: хто што̀ ни вздумаитъ, то она узнаитъ!» Царица догадалась и говоритъ сама сибѣ: «эте вѣрна она, которой я глаза вырѣзала!» Вотъ царь опять ѣдитъ къ ней въ гости, а царицы(ѣ) очинно дасадна. Пріѣхалъ царь, попировалъ, и зоветъ ее въ гости. Она стала убиратца, и говоритъ старичку: «прощай! вотъ тибѣ сундукъ денихъ: до дна аво̀ ни добирай — всягда будитъ полонъ. Ляжишь ты спать въ этамъ стиклянномъ даму̀, а встанишь въ избушки своей. Вотъ я въ гости поѣду; миня въ-живи ни будитъ — убьютъ и въ мелкія части изрубютъ; ты встань поутру, сдѣлай гробокъ, сыбири мои кусочки и похрани.» Старичокъ заплакалъ абъ ней. Тѣмъ-жа часомъ жандар(м)ы пріѣхали, посадили ее и повизли. Привозютъ ее въ гости, а царица на нее и ни смотритъ — сичасъ застрилила бы ее. Вотъ и вышла царица на дворъ и говоритъ жандар(м)амъ: «какъ вы эту дѣвку домой повизёте, дакъ тутъ-жа изсикита её въ мясныя части и выньтя у ней сѐрца да привизита ко мнѣ!» Повизли они купеческу дочь домой и разговариваютъ съ ней быстра, а она ужь знаитъ, что они хочутъ дѣлать, и говоритъ имъ: «сикитя-жъ миня скорѣе!» Они изсѣкли ее, вынули у ней сѐрца, а самаю въ назёмъ закопали, и пріѣхали во дворецъ. Царица вышла, взяла сѐрца, скатала аво̀ въ яйцо и положила въ карманъ. Старичокъ спалъ въ стиклянномъ даму̀, а всталъ въ избушки, и залился слезами. Плакалъ-плакалъ, а дѣла нада исполнить. Сдѣлалъ гробъ и пошелъ искать её; нашелъ въ навози, разрылъ, собралъ всѣ части, положилъ ихъ въ гробъ и похранилъ у себя. А царь ни знаитъ никакова дѣла, ѣдитъ х(к)ъ купеческой дочери въ гости. Пріѣхалъ на то мѣста — нѣтъ ни дома, нѣтъ ни дивицы, а тольки идѣ она стра-

нона, тамъ на ней садъ вырасъ. Вернулся во дворецъ и сталъ царицы(ѣ) разсказывать: «ѣздилъ-ѣздилъ, ни нашелъ ни дома, ни дивицы, а толька одинъ садъ!» Вотъ царица услыхала объ этомъ; вышла на дворъ и говоритъ жандар(м)амъ: «ступайтя вы посикитя на томъ мѣсти садъ.» Пріѣхали они къ саду и стали явò сѣчь, а онъ весь окаминѣлъ.

Ни терпитца царю — хочитца садъ посмотрѣть; вотъ и ѣдитъ глядѣть явò. Пріѣхалъ въ садъ, и увидалъ въ немъ мальчика — и какой хорошинькай мальчикъ! «Вѣрна, думаитъ, господа гуляли да потеряли.» Взялъ явò во дворецъ, привесъ въ свои палаты, и говоритъ царицы: «смотри, матушка! ни(е) расквили [1]) явò.» А мальчикъ на то время такъ раскричался, што ничѣмъ явò и ни забавютъ: и такъ, и сякъ, а онъ знай кричитъ! Царица вынула изъ карманчика яичка, скатанная изъ сѐрца, и дала яму̀; онъ и перестал кричать, зачилъ бѣгать по комнатамъ. «Ахъ, матушка! говоритъ царь царицы, какъ ты явò утѣшила.» Мальчикъ пабѣх(г)ъ на дворъ, а царь за нимъ; онъ на улицу — и царь на улицу, онъ въ по́ля — и царь въ по́ля; онъ въ садъ — и царь въ садъ. Увидалъ тамъ этотъ царь дивицу и очинно обрадовалси. Дѣвица и говоритъ яму̀: «я твоя нивѣста купеческая дочь, а царица твоя — моя служанка.» Вотъ и пріѣхали они во дворецъ. Царица упала ей въ ноги: «прости миня!» — А ты миня ни прощала: одинъ рас(з)ъ глаза вырѣзала, а въ другой вилѣла въ мелкіи части разсѣчь! Царь и говоритъ: «жандар(м)ы! вырѣштя-жа типерь и царицы(ѣ) глаза и пуститя ее въ по́ля.» Вырѣзали ей глаза, привязали х(к)ъ канямъ и пустили въ по́ля: размыкали её канѝ по чистому полю. А царь съ младой царицею стали жить да поживать, добра наживать. Царь ею завсегда любовалси и въ золоти водилъ.

(Записана въ тамбовской губерніи,-въ Казачьей Слободѣ.)

[1]) Не раздразни (см. Опытъ обл. великор. словаря, стр. 81).

40.

ОКАМЕНѢЛОЕ ЦАРСТВО.

Жилъ-былъ старикъ; у старика былъ сынъ — славной сынъ, вздумалъ чево идти въ дорогу, простился-благословился и пошолъ. Шолъ долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается; приходитъ въ одно царство, видитъ —кругомъ камни! и скотъ, и люди — гдѣ кто былъ, стоялъ или сидѣлъ, кто куда ѣхалъ, тамъ всѣ и окаменѣли; иной дрова рубилъ, руку съ топоромъ поднялъ, да такъ и остался! Врагъ [1]) пошутилъ надъ ними! Вотъ этотъ парень походилъ по городу — ни однаво человѣка не нашолъ живова; вошолъ въ царской чертогъ и думатъ: подожду; не будетъ ли кто? Вдрукъ прибѣгатъ царская дочь, увидѣла этаво человѣка, поклонилась, распросила ево: откудова онъ? куда пошолъ и зачѣмъ? и говоритъ: «вотъ бы надо крѣпкова человѣка, чтобы онъ по три ночи молился во дворцѣ; тогда бы люди всѣ стали опеть людьми!» Онъ согласился; уговорились, чтобы послѣ (если Богъ велитъ воротить царя и людей по прежнему) она вышла за него замужъ, и положили на томъ записи. Она дала ему восковыхъ свѣчъ три снопухи [2]) — по снопухѣ на кажду ночь, сама уѣхала. Наступила ночь; крестьянской сынъ сталъ на молитву. Въ полночь вдрукъ и набѣжало дьяволовъ множество; кто дразнитъ ево, кто говоритъ: надо заколоть, кто огня подпускатъ подъ нево, кто — воду, чево-чево не было! страшно! а онъ стоитъ да молится. Пѣтухъ спѣлъ — и дьяволовъ не стало. Онъ въ ночь снопуху свѣчъ изжок(г)ъ, утромъ лёк(г)ъ спать. Царская дочь пріѣзжатъ, спрашиватъ: «что живъ ли ты?» — Живъ, слава Богу! «Ну, каково тебѣ было?» — Страшно, да ничево, Богъ мило-

---

[1]) Нечистая сила. [2]) Связки.

стивъ! «Смотри, на эту ночь ешшо страшний будетъ!» Переговорила и уѣхала. И точно на другую ночь ешшо больше дьяволà страшшили; крестьянской сынъ промолился. На третью ночь и пушше тево; онъ опеть промолился, всѣ свѣчи издержалъ. А царская дочь послѣ третьей ночи велѣла ему залѣзти въ печь и написать рукопись, какъ спасалъ царство; «а то, говоритъ, отецъ мой оживится, разсердится, забѣгатъ—бѣда тебѣ!» Онъ такъ и сдѣлалъ. Утро настало — вдрукъ весь народъ оживился, начали ходить, бѣгать, стали переѣзжать, только стукотъ стойтъ! Царь также ожилъ, забѣгалъ, осердился: «кто смѣлъ, говоритъ, шутить надъ моимъ царствомъ?» и увйдялъ у печи рукопись, прочиталъ. Пріѣхала дочь; она рукопись утвердила, сказала отцу, что точно такъ было. Царю понравилось; тотчасъ свадьбу: крестьянской сынъ женился на царской дочери. Тесть по смерти своей благословилъ все свое царство милому зятю. Крестьянской сынъ то все изъ-подъ большихъ смотрѣлъ, а тутъ самъ царемъ сдѣлался, и теперь царствуетъ — такой доброй для подданныхъ, особливо для солдатъ!

(Записана въ пермской губерніи, шадринскаго округа, государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ.)

41.

ЧУДЕСНЫЙ ЯЩИКЪ.

У одново старика и старухи былъ сынъ ужь на возрастѣ; чему учить сына — отецъ не знатъ, и вздумалъ ево отдать одному мастеру въ работники всяки вешши дѣлать. Поѣхалъ въ городъ, сдѣлалъ условіе съ мастеромъ, чтобы сыну учиться у нево три года, а домой побывать въ три года только одинъ разъ. Отвёзъ сына. Вотъ парень живётъ годъ, другой;

скоро научился дѣлать дорогі вешши, превзошолъ и самово хозяина. Одинъ разъ сдѣлалъ часы въ пятьсотъ рублей, послалъ ихъ отцу: «хоть, говоритъ, продастъ да поправитъ бѣдность!» Гдѣ отцу продавать! онъ насмотрѣться не можотъ на часы, потому что сынъ ихъ дѣлалъ. Время приходитъ: надо ему увидѣться съ родителями. Хозяинъ былъ знаткой [1]), и говоритъ: «ступай, вотъ тебѣ срокъ три часа и три минуты; если въ срокъ не воротишься—смерть тебѣ!» Онъ и думатъ: «когда-жо я доѣду столько вёрстъ до отца?» Мастеръ на это говоритъ: возьми вонъ ту карету; какъ только сядешь — зашшурся. «Нашъ парень такъ и сдѣлалъ; только зашшурился, взглянулъ —ужъ и дома у отца; вылѣзъ, приходитъ въ избу — никово нѣтъ. А отецъ и мать его увидѣли, что къ дому карета подъѣхала, испугались да и спрятались въ голбецъ; насилу онъ ихъ вызвалъ изъ голбца. Начали здоровaться; мать плакать — долго не видались. Сынъ привёзъ имъ гостинцовъ. Докуда здоровались да говорили, время мешкалось— три часа ужь и прошло, осталось три минуты; то-друго, вотъ только одна минута! Нечистой шопчотъ парню: «ступай скоряя; хозяинъ ужо тебя!..» Парень былъ заботливой, простился и поѣхалъ; скоро очу-д(т)ился у дому, вошолъ въ избу, а хозяина за нево, что просрочилъ, нечистя сила мучитъ. Парень отваживаться-отваживаться съ хозяиномъ, отвадился, палъ ему въ ноги: «прости, просрочилъ, вперёдъ таковъ не буду!» Хозяинъ побранилъ только и подлянно простилъ. Парень нашъ опеть живётъ; всѣхъ лучше сталъ дѣлать всяки вешши. Хозяинъ и думатъ, что если парень отойдётъ, отнимётъ у нево всю работу—лучше мастера сталъ! и говоритъ ему: «работникъ! ступай въ подземное царство, принеси оттуда мнѣ ашшичокъ; онъ стоитъ тамъ на царскомъ тронѣ.» Подѣлали спуски длинные, ремень къ ремню

---

[1]) Знахарь, колдунъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 71).

шшили и къ каждому шву привязали по колокольчику. Хозяинъ началъ ево спускать въ какой-то оврагъ, велѣлъ: если достанетъ ашшикъ, трести заранѣе за ремень; какъ колокольчики зазвонятъ, хозяинъ услышитъ. Парень спустился подъ землю, видитъ домъ, входитъ въ нево; человѣкъ съ дватцеть мужиковъ стали всѣ на ноги, поклонились и всѣ въ голосъ: «здравстуй, Иванъ-царевичъ!» Парень изумился: какая честь! входитъ въ другу комнату—полна женщинъ; тѣ также стали, поклонились, говорятъ: «здравстуй, Иванъ-царевичъ!» Эти люди всѣ были наспусканы мастеромъ. Пошолъ парень въ третью комнату, видитъ — тронъ, на тронѣ ашшикъ; взялъ этотъ ашшикъ, пошолъ и людей всѣхъ за собой повёлъ. Пришли къ ремню, потресли, привязали человѣка—хозяинъ потянулъ; а самъ онъ съ ашшикомъ хотѣлъ привязаться на самомъ послѣдѣ. Хозяинъ половину ихъ вытаскалъ; вдрукъ къ нему прибѣжалъ работникъ, зовётъ скорѣй домой — сдѣлалось како-то несчастье. Хозяинъ пошолъ, велѣлъ всѣхъ таскать изъ-подъ земли, а крестьянскаво сына таскать не велѣлъ. Ну, людей всѣхъ перетаскали по ремню, а этово парня и оставили. Онъ ходилъ-ходилъ по подземному царству, что-то ашшичокъ и трехнулъ — вдрукъ выскочило двѣнатцеть молодцовъ, говорятъ: «что Иванъ-царевичъ прикажетъ?»—Да вотъ выташшите меня наверхъ. Молодцы тотчасъ ево подхватили, вынесли. Онъ не пошолъ къ своему хозяину, а пошолъ прямо къ отцу. Между тѣмъ хозяинъ хватился ашшичка, прибѣжалъ къ оврагу, трести-трести за ремень — нѣту ево работника! Думатъ масторъ: «видно ушолъ куда-то! надо посылать за нимъ человѣка.»

А крестьянской сынъ пожилъ у отца, выбралъ богатое какое-то мѣсто, мѣтнулъ ашшикъ съ руки на руку—вдрукъ явилось дватцеть четыре молодца: «что, Иванъ-царевичъ, прикажите?»—Ступайте, на этомъ мѣстѣ устройте царство, чтобы оно лучше всѣхъ царствъ было. Въ кою пору царство яви-

лось! Парень нашъ переѣхалъ туда, женился и сталъ жить на славу. Въ ево царствѣ былъ какой-то дѣтинка — такъ, нездрашной [1])! а мать ево всё ходила къ Ивану-царевичу, збирала милостыню. Сынъ и велитъ ей: «матушка! украдь у нашево царя ящичокъ.» Ивана-царевича дома не было; жена ево старухѣ подала милостыню да и вышла. Старуха схватила ящичокъ, положила въ мѣшокъ и ступай къ сыну. Тотъ перемѣтнулъ ящикъ—выскочили тѣ-же молодцы. Онъ велитъ имъ бросить Ивана-царевича въ глубокую яму, куда валили только пропавшаво [2]) скота, а жену ево и родителей размѣстить—ково въ лакеи, ково куда; самъ царёмъ сталъ. Вотъ крестьянской сынъ и сидитъ въ ямѣ день, другой и третей. Какъ вырваться? видитъ какую-то большую птицу — таскать скота; въ одно время свалили въ яму палую скотину, онъ взялъ да къ ней и привязался; птица налетѣла, схватила скотину и вынесла, сѣла на сосну, и Иванъ-царевичъ тутъ болтатся—отвязаться нельзя. Неоткуда взялся стрѣлецъ, прицѣлился, стрѣлилъ; птица спорхнула и полетѣла, корову изъ лапъ упустила; корова пала, и Иванъ-царевичъ за ней палъ, отвязался, идётъ дорогой и думатъ: какъ воротить свое царство? Хватилъ карманъ—тутъ ключъ отъ ящика; мѣтнулъ—вдрукъ выскочило два молодца: «что, Иванъ-царевичъ, прикажите?» — Вотъ, братцы, я въ несчастіи! «Знаемъ мы это; счастливъ ешшо, что мы двое за ключомъ остались!»—Нельзя ли, братцы, принести мнѣ ящикъ? Иванъ-царевичъ не успѣлъ выговорить, двое молодцовъ ящикъ принесли! Тутъ онъ ожилъ, старуху-нишшу и сына её приказалъ казнить, самъ сталъ по старому царёмъ.

(Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

---

[1]) Невзрачной?

[2]) Дохлаго, палаго.

42.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ былъ купецъ; жена у него померла, оставался одинъ сынъ Иванъ. Къ этому сыну приставилъ онъ дядьку, а самъ чрезъ нѣкоторое время женился на другой женѣ, и какъ Иванъ-купеческой сынъ былъ уже на возрастѣ и больно хорошъ собою, то мачиха и влюбилась въ него. Однажды Иванъ-купеческой сынъ отправился на плотикѣ по морю охотничать съ дядькою; вдругъ увидѣли они, что плывутъ къ нимъ тридцать кораблей. На тѣхъ корабляхъ была Царь-дѣвица съ тридцатью другими дѣвицами, своими названными сестрицами. Когда плотикъ сплылся съ кораблями, тотчасъ всѣ тридцать кораблей стали на якорахъ. Ивана-купеческаго сына вмѣстѣ съ дядькою позвали на самой лучшій корабль; тамъ ихъ встрѣтила Царь-дѣвица съ тридцатью дѣвицами, названными сестрицами, и сказала Ивану-купеческому сыну, что она его крѣпко полюбила и пріѣхала съ нимъ повидаться. Тутъ они и обручались. Царь-дѣвица наказала Ивану-купеческому сыну, чтобы завтра въ тоже самое время пріѣзжалъ онъ на это мѣсто; распростилась съ нимъ и отплыла въ сторону. А Иванъ-купеческой сынъ воротился домой, поужиналъ и легъ спать. Мачиха завела его дядьку въ свою комнату, напоила пьянымъ и стала спрашивать: не было ли у нихъ чего на охотѣ? Дядька ей все разсказалъ. Она, выслушавъ, дала ему булавку и сказала: «завтра, какъ станутъ подплывать къ вамъ корабли, воткни эту булавку въ одёжу Ивана-купеческаго сына.» Дядька обѣщался исполнить приказъ. Поутру всталъ Иванъ-купеческой сынъ и отправился на охоту. Какъ скоро увидалъ дядька плывущіе вдали корабли, тотчасъ взялъ и воткнулъ въ его одёжу

булавочку. «Ахъ, какъ я спать хочу! сказалъ купеческой сынъ; послушай, дядька, я покуда лягу да сосну, а какъ подплывутъ корабли, въ то время пожалуста разбуди меня.» —Хорошо! отчего не разбудить? Вотъ приплыли корабли и остановились на якоряхъ; Царь-дѣвица послала за Иваномъ-купеческимъ сыномъ, чтобъ скорѣе къ ней пожаловалъ; но онъ крѣпко-крѣпко спалъ. Начали его будить, тревожить, толкать, но что̀ ни дѣлали—не могли разбудить; такъ и оставили. Царь-дѣвица наказала дядькѣ, чтобы Иванъ-купеческой сынъ завтра опять сюда-же пріѣзжалъ, и велѣла подымать якоря̀ и паруса̀ ставить. Только отплыли корабли, дядька выдернулъ булавочку—и Иванъ-купеческой сынъ проснулся, вскочилъ и сталъ кричать, чтобъ Царь-дѣвица назадъ воротилась. Нѣтъ, ужь она далеко, не слышитъ. Пріѣхалъ онъ домой печальной, кручинной. Мачиха привела дядьку въ свою комнату, напоила допьяна, повыспросила все, что было, и приказала завтра опять воткнуть булавочку. На другой день Иванъ-купеческой сынъ поѣхалъ на охоту, опять проспалъ все время и не видалъ Царь-дѣвицы; наказала она побывать ему еще одинъ разъ. На третій день собрался онъ съ дядькою на охоту; стали подъѣзжать къ старому мѣсту, увидали: корабли вдали плывутъ, дядька тотчасъ воткнулъ булавочку и Иванъ-купеческой сынъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Корабли приплыли, остановились на якорахъ; Царь-дѣвица послала за своимъ нарѣченнымъ женихомъ, чтобы къ ней на корабль пожаловалъ. Начали его будить всячески, но что̀ ни дѣлали — не могли разбудить. Царь-дѣвица узнала хитрости мачихины, измѣну дядькину, и написала къ Ивану-купеческому сыну, чтобы онъ дядькѣ голову отрубилъ, и если любитъ свою невѣсту, то искалъ бы ее за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ. Только распустили корабли паруса и поплыли въ широкое море, дядька выдернулъ изъ одёжи Ивана-купеческаго сына булавочку, и

онъ проснулся, началъ громко кричать да звать Царь-дѣвицу; но она была далеко и ничего не слыхала! Дядька подалъ ему письмо отъ Царь-дѣвицы; Иванъ-купеческой сынъ прочиталъ его, выхватилъ свою саблю острую и срубилъ злому дядькѣ голову, а самъ присталъ поскорѣе къ берегу, пошелъ домой, распрощался съ отцомъ и отправился въ путь-дорогу искать тридесятое царство. Шелъ онъ куда глаза глядятъ, долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается, — приходитъ къ избушкѣ: стоитъ въ чистомъ полѣ избушка, на куричьихъ голяшкахъ [1]) повертывается. Взошелъ въ избушку, а тамъ баба-яга, костяная нога. «Фу-фу! говоритъ, русскаго духу слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нынѣ самъ пришелъ. Волей, али неволей, доброй молодецъ?» — Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, баба-яга, тридесятаго царства? «Нѣтъ, не вѣдаю!» сказала ягая и велѣла ему идти къ своей середней сестрѣ: та не знаетъ ли? Иванъ-купеческой сынъ поблагодарилъ ее и отправился дальше; шелъ-шелъ, близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли—приходитъ къ такой-же избушкѣ, взошелъ—и тутъ баба-яга. «Фу-фу! говоритъ, русскаго духу слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нынѣ самъ пришелъ. Волей, али неволей, доброй молодецъ?» — Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли: гдѣ тридесятое царство? «Нѣтъ, не знаю!» отвѣчала ягая и велѣла ему зайдти къ своей младшей сестрѣ: та, может, и знаетъ! «Коли она на тебя разсердится да захочетъ съѣсть тебя, ты возьми у ней три трубы и попроси поиграть на нихъ: въ первую трубу негромко играй, въ другую погромче, а въ третью еще громче.» Иванъ-купеческой сынъ поблагодарилъ ягую и отправился дальше. Шелъ шелъ, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, наконецъ увидалъ из-

---

[1]) Голяшки—голени.

бушку — стоитъ въ чистомъ полѣ, на куричьихъ голяшкахъ повертывается; взошелъ — и тутъ баба-яга. «Фу-фу! русскаго духа слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нынѣ самъ пришелъ!» сказала ягая и побѣжала зубы точить, чтобы съѣсть незваннаго гостя. Иванъ-купеческой сынъ выпросилъ у ней три трубы; въ первую негромко игралъ, въ другую погромче, а въ третью еще громче. Вдругъ налетѣли со всѣхъ сторонъ всякія птицы; прилетѣла и жаръ-птица. «Садись скорѣй на меня, сказала жаръ-птица, и полетимъ, куда тебѣ надобно; а то баба-яга съѣстъ тебя!» Только успѣлъ сѣсть на нее — прибѣжала баба-яга, схватила жаръ-птицу за хвостъ и выдернула немало перьевъ. Жаръ-птица полетѣла съ Иваномъ-купеческимъ сыномъ; долгое время неслась она по поднебесью и прилетѣла наконецъ къ широкому морю. «Ну, Иванъ-купеческой сынъ! тридесятое царство за этимъ моремъ лежитъ; перенесть тебя на ту сторону я не въ силахъ; добирайся туда, какъ самъ знаешь!» Иванъ-купеческой сынъ слѣзъ съ жаръ-птицы, поблагодарилъ и пошелъ по берегу. Шелъ-шелъ — стоитъ избушка, взошелъ въ нее; повстрѣчала его старая старуха, напоила, накормила, и стала спрашивать: куда идетъ? зачѣмъ странствуетъ? Онъ разсказалъ ей, что идетъ въ тридесятое царство, ищетъ Царь-дѣвицу, свою суженую. «Ахъ! сказала старушка, ужь она тебя не любитъ больше; если ты попадешься ей на глаза — Царь-дѣвица разорветъ тебя: любовь ея далеко запрятана!» — Какъ-же достать ее? «Подожди немножко! у Царь-дѣвицы живетъ дочь моя и сегодня обѣщалась побывать ко мнѣ; развѣ черезъ нее какъ-нибудь узнаемъ.» Тутъ старуха обернула Ивана-купеческаго сына булавкою и воткнула въ стѣну; ввечеру прилетѣла ея дочь. Мать стала ее спрашивать: не знаетъ ли она, гдѣ любовь Царь-дѣвицы запрятана? — Не знаю! отозвалась дочь и обѣщала допытаться про то у самой Царь-дѣвицы. На другой день она опять при-

летѣла и сказала матери: «на той сторонѣ окіана-моря стоитъ дубъ, на дубу сундукъ, въ сундукѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, въ уткѣ яйцо, а въ яйцѣ любовь Царь-дѣвицы!» Иванъ-купеческой сынъ взялъ хлѣба и отправился на сказанное мѣсто; нашелъ дубъ, снялъ съ него сундукъ, изъ него вынулъ зайца, изъ зайца утку, изъ утки яйцо, и воротился съ яичкомъ къ старухѣ. Настали скоро именины старухины; позвала она къ себѣ въ гости Царь-дѣвицу съ тридцатью иными дѣвицами, ея названными сестрицами; энто яичко испекла, а Ивана-купеческаго сына срядила по праздничному и спрятала. Вдругъ въ полдень прилетаютъ Царь-дѣвица и тридцать иныхъ дѣвицъ, сѣли за столъ, стали обѣдать; послѣ обѣда положила старушка всѣмъ по простому яичку, а Царь-дѣвицѣ то самое, что̀ Иванъ-купеческой сынъ добылъ. Она съѣла его, и въ ту-жъ минуту крѣпко-крѣпко полюбила Ивана-купеческаго сына. Старуха сейчасъ его вывела; сколько тутъ было радостей, сколько веселья! Уѣхала Царь-дѣвица вмѣстѣ съ женихомъ купеческимъ сыномъ въ свое царство; обвѣнчались и стали жить да быть, да добро копить.

(Записана въ оренбургской губерніи.)

43.

СОЛДАТЪ ИЗБАВЛЯЕТЪ ЦАРЕВНУ.

Загнали солдата на дальнія границы; прослужилъ онъ положенной срокъ, получилъ чистую отставку и пошелъ на родину. Шелъ онъ чрезъ многія земли, чрезъ разныя государства; приходитъ въ одну столицу и останавливается на квартирѣ у бѣдной старушки. Началъ ее распрашивать: «какъ у васъ, баушка, въ государствѣ — все ли здорово?» — И-и, служивой! у нашего царя есть дочь-красавица Марѳа-царевна;

сватался за нее чужестранной принцъ; царевна не захотѣла за него идти, а онъ напустилъ на нее нечистую силу. Вотъ ужъ третій годъ неможетъ! Не даетъ ей нечистая сила по ночамъ спокою; бьется сердечная и кричитъ безъ памяти... Ужь чего царь ни дѣлалъ: и колдуновъ, и знахарей приводилъ — никто не избавилъ! Выслушалъ это солдатъ, и думаетъ самъ съ собой: «дай пойду, счастья попытаю; можетъ, и избавлю царевну! царь хоть что-нибудь на дорогу пожалуетъ.» Взялъ шинель, вычистилъ пуговицы мѣломъ, надѣлъ и маршъ во дворецъ. Увидала его придворная прислуга, узнала — зачѣмъ идетъ, подхватила подъ руки и привела къ самому царю. «Здравствуй, служба! что хорошаго скажешь?» говоритъ царь. —Здравія желаю, ваше царское величество! слышалъ я, что у васъ Марѳа-царевна хвораетъ; я могу ее вылѣчить. «Хорошо, братецъ! коли вылѣчишь, я тебя съ ногъ до головы золотомъ осыплю.»—Только прикажите, ваше величество, выдавать мнѣ все, что требовать стану. «Говори, что тебѣ надобно?» — Да вотъ дайте мнѣ мѣру чугунныхъ пуль, мѣру грецкихъ орѣховъ, фунтъ свѣчей и двѣ колоды картъ, да изладьте мнѣ чугунной прутъ, чугунную царапку о пяти зубьяхъ да чугунное подобіе человѣка съ пружинами. «Ну, хорошо; къ завтряму все будетъ готово.» Вотъ изготовили что надо; солдатъ заперъ во дворцѣ всѣ окна и двери накрѣпко и закрестилъ ихъ православнымъ крестомъ; только одну дверь оставилъ незапертой, и сталъ возлѣ нея на часахъ; комнату освѣтилъ свѣчами, на столъ положилъ карты, а въ карманы насыпалъ чугунныхъ пуль да грецкихъ орѣховъ. Управился и ждетъ. Вдругъ въ самую полночь прилетѣлъ нечистой духъ: куда ни сунется— не можетъ войдти! Леталъ-леталъ кругомъ дворца, и увидалъ наконецъ отворену дверь; скинулся человѣкомъ и хочетъ войдти. «Кто идетъ?» окликнулъ солдатъ.—Пусти, служивой! я придворной лакей. «Гдѣ-же ты, халдейская харя, до сихъ поръ

таскался?» — А гдѣ былъ, тамъ теперь нѣту! Дай-ка мнѣ орѣшковъ погрызть? «Много васъ тутъ халдеевъ! всѣхъ по орѣху одѣлить, самому ничего не останется.»—Дай пожалуста! «Ну, возьми!» и даетъ ему пулю. Чортъ взялъ въ ротъ пулю, давилъ-давилъ зубами, въ лепёшку ее смялъ, а разгрызть—не разгрызъ. Пока онъ съ чугунною пулей возился, солдатъ орѣховъ съ двадцать разгрызъ да съѣлъ. «Эхъ, служивой! говоритъ чортъ; крѣпки у тебя зубы!» — Плохъ ты я вижу! отвѣчалъ солдатъ; вѣдь я двадцать пять лѣтъ царю прослужилъ, надъ сухарями зубы притупилъ, а ты-бъ посмотрѣлъ: каковъ съ молодыхъ годовъ я былъ! «Давай, служивой, въ карты играть.»—А на что играть-то станемъ? «Извѣстно — на деньги.» — Ахъ ты, халдейская харя! ну, какія у солдата деньги? онъ всего жалованья — три денежки въ сутки получаетъ, а надо ему и мыла и ваксы, и мелу и клею купить, и въ баню сходить. Хочешь — на щелчки играть? «Пожалуй!» Начали на щелчки играть. Чортъ выигралъ на солдата три щелчка: «давай, говоритъ, бить стану!» — Догоняй до десятку, тогда и бей; изъ трехъ щелчковъ нечего рукъ марать! «Ладно!» Стали опять играть; пришелъ солдату крестовой хлюстъ и нагналъ онъ на нечистаго десять щелчковъ: «ну-ка, говоритъ чорту, подставляй свой лобъ; я покажу тебѣ, каково съ нашимъ братомъ на щелчки играть! По солдацки урѣжу! И другу, и недругу закажешь!...» Чортъ взмолился, проситъ, чтобъ солдатъ полегче его билъ. «То то! съ вами халдеями только свяжись, самъ не радъ будешь; какъ дѣло къ расчету — такъ сейчасъ и отлынивать! А мнѣ никоимъ способомъ нельзя тебя пощадить: я—солдатъ и давалъ присягу завсегда поступать вѣрою-правдою.» — Возьми, служивой, деньгами! «А на что мнѣ твои деньги? я игралъ на щелчки — щелчками и плати. Развѣ вотъ что: есть у меня меньшой братъ, пойдемъ-ка къ нему—онъ пробьетъ тебѣ щелчки потише моего; а если

не хочешь, давай — я самъ стану бить!» — Нѣтъ, служивой! веди лучше къ меньшому брату. Солдатъ привелъ нечистаго къ чугунному человѣку, тронулъ за пружину, да какъ щолкнетъ чорта по̀ лбу — тотъ ажно въ другую стѣну отлетѣлъ; а солдатъ ухватилъ его за̀ руку: «стой! еще девять щелчковъ за тобою.» Тронулъ въ другой разъ пружину да такъ урѣзалъ, что̀ чортъ ку̀баремъ покатился да чуть-чуть стѣны не пробилъ! А въ третій разъ отбросило нечистаго прямо въ окно: вышибъ онъ раму, выскочилъ вонъ и навострилъ лыжи. «Помни, проклятой! кричитъ солдатъ, за тобой еще семь щелчковъ осталось!» А чортъ-то улепётываетъ, ажъ пятками въ задъ достаетъ [1]). На утро спрашиваетъ царь Мароу-царевну: «ну что — каково ночь проводила?» — Спокойно, государь-батюшка!

На другую ночь отрядилъ сатана во дворецъ иного чорта; вишь, они ходили стращать да мучить царевну по очереди. Досталось и этому на орѣхи! Въ тринадцать ночей перебывало у солдата тринадцать нечистыхъ въ передѣлкѣ, и всѣмъ равно туго пришлось! Ни одинъ въ другой разъ идти не хочетъ. «Ну, внучки! говоритъ имъ дѣдушка сатана, я самъ теперь

---

[1]) *Варіантъ*: Пришелъ чортъ, сталъ съ солдатомъ въ карты играть: кто кого обыграетъ, чтобы дурака ударить разъ. Дьяволъ обыгралъ солдата и ударилъ такъ шибко, что чуть съ ногъ его не свалилъ. Потомъ солдатъ обыгралъ дьявола. Ну, какъ его бить? то и есть вертится, на минуту не остановится окаянной! «Постой-же, думаетъ солдатъ, я съ тобой поправлюсь по своему!» Показываетъ ему чугунное ядро и спрашиваетъ: «раскусишь ли ты вотъ этотъ орѣхъ?» Дьяволъ говоритъ: «раскушу!» Взялъ ядро, грызъ-грызъ, всѣ зубы поломалъ, а не раскусилъ. «Эхъ ты! говоритъ ему солдатъ; посмотри-ка: у меня малой братишка лучше тебя.» Сунулъ ядро въ ротъ чугунному мужику, потрогалъ пружину — ядро на мелкія части разлетѣлось. Дьяволъ облизнулся: «постой! цѣлы-ль зубы?» Началъ щупать; только запихалъ въ ротъ руки, у него ихъ и прижало. Солдатъ пошевелилъ другую пружину, чугунныя руки обвились вокругъ дьявола и крѣпко схватили; а солдатъ давай его угощать царапкою... Насилу чортъ вырвался и убѣжалъ; послѣ того полно ходить къ Мароѣ-царевнѣ. (Записано въ пермской губерніи.)

пойду.» Пришелъ сатана во дворецъ, и ну съ солдатомъ разговаривать: то-другое, пятое-десятое, стали въ карты играть; солдатъ обыгралъ его и повелъ къ меньшому брату щелчками угощать. Привелъ, подавилъ пружины, меньшой братъ обхватилъ сатану чугунными руками да такъ-таки плотно, что ему ни взадъ, ни впередъ нельзя пошевелиться. Солдатъ схватилъ чугунный прутъ и давай хлестать; бьетъ сатану да приговариваетъ: «вотъ тебѣ въ карты играть! вотъ тебѣ Мареу-царевну мучить!» Изхлесталъ чугунный прутъ, и взялся царапкой строгать: сатана благимъ матомъ реветъ, а солдатъ знай себѣ деретъ, и такъ его донялъ, что тотъ какъ вырвался — безъ оглядки убѣжалъ! Вернулся въ свое болото, охаетъ: «ахъ, внучки! чуть было солдатъ до смерти ни убилъ!» — То-то, дѣдушка! вишь онъ какой мудрёной! вотъ ужь двѣ недѣли, какъ я во дворцѣ былъ, а все голова трещитъ! да еще спасибо, что не самъ билъ, а меньшаго брата заставлялъ!... Вотъ стали черти придумывать, какъ-бы выжить имъ изъ дворца этого солдата. Думали-думали и рѣшились золотомъ откупиться. Прибѣжали къ солдату разомъ всѣ; тотъ увидалъ, испугался и закричалъ громкимъ голосомъ: «эй, братъ! ступай сюда скорѣе, должники пришли, надо щелчки давать.» — Полно, полно, служивой! мы пришли къ тебѣ о дѣлѣ потолковать; сколько хочешь, возьми съ насъ золота — только выйди изъ дворца! «Нѣтъ! что мнѣ золото! Ужь коли хотите услужить мнѣ, такъ полѣзайте всѣ въ ранецъ; я слыхалъ, что нечистая сила больно хитра — хоть въ щель, и то влѣзетъ! Вотъ коли это сдѣлаете, право слово уйду изъ дворца!» Черти обрадовались: «ну, служивой! открывай свой ранецъ.» Солдатъ открылъ; они и полѣзли туда всѣ до единаго, сатана сверху легъ. «Укладывайтесь плотнѣе, говоритъ солдатъ, чтобъ можно было на всѣ пряжки застегнуть.» — Застегивай, не твоя печаль! «Счастье вамъ, коли застегну! а не то не прогнѣвайтесь, ни-зà-что изъ дворца не

выйду!» Вотъ солдатъ взялъ-застегнулъ ранецъ на всѣ пряжки, перекрестилъ его, надѣлъ на себя и пошелъ къ царю: «ваше царское величество! прикажите изготовить тридцать желѣзныхъ молотовъ, каждый молотъ въ три пуда.» Царь отдалъ приказъ; сейчасъ изготовили тридцать молотовъ. Солдатъ принесъ ранецъ въ кузницу, положилъ на наковальню и велѣлъ бить, какъ можно сильнѣе. Плохо пришлось чертямъ, а вылѣзть никакъ нельзя! Угостилъ ихъ солдатъ на славу! «Теперь довольно!» Вскинулъ ранецъ на плечи и явился къ царю съ докладомъ: «служба де моя кончена; больше нечистая сила не станетъ царевны тревожить.» Царь поблагодарилъ его: «молодецъ служивой! ступай-гуляй по всѣмъ кабакамъ и трактирамъ, требуй что̀ только душѣ угодно; ни въ чемъ тебѣ нѣтъ запрету!» И приставилъ къ нему царь двухъ писарей, чтобы всюду за нимъ ходили да записывали на казенной счетъ, гдѣ сколько солдатъ нагуляетъ. Вотъ онъ гулялъ-гулялъ, цѣлой мѣсяцъ прогулялъ, и пошелъ къ царю. «Что, служба, нагулялся?» — Нагулялся, ваше величество! хочу домой идти. «Что ты! оставайся-ка у насъ; я тебя первымъ человѣкомъ сдѣлаю.» — Нѣтъ, государь! хочется повидать своихъ сродниковъ. «Ну, ступай съ Богомъ!» сказалъ царь, далъ ему повозку, лошадей, и денегъ столько, что въ цѣлой вѣкъ не прожить.

Поѣхалъ солдатъ на родину; присталъ доро̀гою въ какой-то деревнѣ, и увидалъ знакомаго солдата — въ одномъ полку служили. «Здравствуй, братъ!» — Здравствуй! «Какъ поживаешь?» — Все по-старому! «А мнѣ Господь счастье далъ: вдругъ разбогатѣлъ! На радостяхъ надо бы выпить; сбѣгай-ка, братъ, купи ведёрку вина.» — Радъ бы сбѣгать, да вишь у меня скотинка еще не убрана; потрудись, сходи самъ — кабакъ вотъ, недалеча! «Ладно; а ты возьми мой ранецъ, положи въ избѣ, да накажи бабамъ, чтобъ не трогали!» Отправился нашъ

солдатъ за виномъ, а землякъ его принесъ ранецъ въ избу и говоритъ бабамъ: «не трожьте!» Пока убиралъ онъ скотину, бабамъ не терпится: «дай посмотримъ, что такое въ ранцѣ накладено?» Принялись разстегивать — какъ выскочатъ оттуда черти съ шумомъ да съ трескомъ; двери съ крючьевъ посбивали и ну бѣжать! А на встрѣчу имъ солдатъ съ ведеркою: «ахъ, проклятые! кто васъ выпустилъ?» Черти испугались и бросились въ буковище [1]) подъ мельницу, да тамъ навсегда и остались. Солдатъ пришелъ въ избу, разбранилъ бабъ, и давай гулять съ старымъ товарищемъ; а послѣ пріѣхалъ на родину и зажилъ богато и счастливо.

44.

ГОРШЕЧНИКЪ.

Ѣдетъ дорогою горшечникъ; на встрѣчу ему прохожій: «найми, говоритъ, меня въ работники!» — Да умѣешь ли ты горшки дѣлать? «Еще какъ умѣю-то!» Вотъ порядились, ударили по рукамъ и поѣхали вмѣстѣ. Пріѣзжаютъ домой, работникъ и говоритъ: «ну, хозяинъ! приготовь сорокъ возовъ глины, завтра я за работу пріймусь!» Хозяинъ приготовилъ сорокъ возовъ глины; а работникъ-то былъ—самъ нечистой, и наказываетъ онъ горшечнику: «я стану по ночамъ работать, а ты ко мнѣ въ сарай не ходи!» — Отчего такъ? «Ну, да ужь такъ! Пріидешь — бѣды наживешь!» Наступила темная ночь; какъ разъ въ двѣнадцать часовъ закричалъ нечистой громкимъ голосомъ — и собралось къ нему чертенятъ видимо-невидимо, начали горшки лѣпить, пошелъ громъ, стукъ, хохотъ по всему двору. Хозяинъ не вытерпѣлъ: «дай пойду — посмотрю!» При-

[1]) Мѣсто подъ колесомъ мельницы.

ходитъ къ сараю, заглянулъ въ щелочку — сидятъ черти на корточкахъ да горшки лѣпятъ; только одинъ хромой не работаетъ, по сторонамъ смотритъ, увидалъ хозяина, схватилъ комъ глины да какъ пуститъ—и попалъ ему прямо въ глазъ! Окривѣлъ хозяинъ на одинъ глазъ и вернулся въ избу, а въ сараѣ-то гамъ да хохотъ пуще прежняго! На утро говоритъ работникъ: «эй, хозяинъ! ступай горшки считать, сколько за одну ночь наработано.» Хозяинъ сосчиталъ — сорокъ тысячъ наработано. «Ну, теперь готовь мнѣ десять саженъ дровъ; въ эту ночь стану обжигать горшки.» Ровно въ полночь опять закричалъ нечистой громкимъ голосомъ; сбѣжались къ нему со всѣхъ концовъ чертенята, перебили всѣ горшки, покидали черепье въ печь и давай обжигать. А хозяинъ закрестилъ щелочку и смотритъ; «ну, думаетъ, пропала работа!» На другой день зоветъ его работникъ: «погляди, хорошо ли сдѣлалъ?» Хозяинъ приходитъ смотрѣть — всѣ сорокъ тысячъ горшковъ стоятъ цѣлы, одинъ одного лучше! На третью ночь созвалъ нечистой чертенятъ, раскрасилъ горшки разными цвѣтами, и всѣ до послѣдняго на одинъ возъ уклалъ. Дождался хозяинъ базарнаго дня и повезъ горшки въ городъ на продажу; а нечистой приказалъ своимъ чертенятамъ бѣгать по всѣмъ домамъ, по всѣмъ улицамъ, да народъ скликать — горшки покупать. Сейчасъ повалилъ народъ на базаръ; обступили со всѣхъ сторонъ горшечника и въ полчаса весь товаръ разобрали. Пріѣхалъ мужикъ домой, и полонъ мѣшокъ денегъ привезъ. «Ну, говоритъ ему нечистой, давай барыши дѣлить.» Подѣлили пополамъ. Чортъ взялъ свою часть, распрощался съ хозяиномъ и пропалъ. Черезъ недѣлю поѣхалъ мужикъ съ горшками въ городъ; сколько ни стоялъ онъ на базарѣ, никто не покупаетъ; всѣ обходятъ его мимо да еще всячески ругаютъ: «знаемъ мы твои горшки, старой хрѣнъ! съ виду казисты, а нальешь воды —сейчасъ и развалятся! Нѣтъ, братъ! теперь не

надуешь.» Перестали брать у него горшки; совсѣмъ обѣднялъ мужикъ, запилъ съ горя и сталъ по кабакамъ валяться.

45.

ВДОВА И БѢСЪ.

Жилъ-былъ мужикъ, была у него жена-красавица; крѣпко они любили другъ дружку и жили въ ладу и согласіи. Ни много, ни мало прошло времени, померъ мужъ. Похоронила его бѣдная вдова и стала задумываться, плакать, тосковать. Три дни, три ночи безперечь слезами обливалась; на четвертые сутки ровно въ полночь приходитъ къ ней бѣсъ въ образѣ ея мужа. Она возрадовалась, бросилась ему на шею, и спрашиваетъ: «какъ ты пришелъ?» — Да слышу, говоритъ, что ты, бѣдная, по мнѣ горько плачешь, жалко тебя стало, отпросился и пришелъ. Лёгъ онъ съ нею спать; а къ утру, только пѣтухи запѣли, какъ дымъ исчезъ. Ходитъ бѣсъ къ ней мѣсяцъ и другой; она никому про то не сказываетъ, а сама все больше да больше сохнетъ, словно свѣчка на огнѣ таетъ! Въ одно время приходитъ ко вдовѣ мать-старуха, стала ее спрашивать: «отчего ты, дочка, такая худая?» — Отъ радости, матушка! «Отъ какой радости?» — Ко мнѣ покойной мужъ по ночамъ ходитъ. «Ахъ ты, дура! какой это мужъ — это нечистой!» Дочь не вѣритъ. «Ну, слушай же, что̀ я тебѣ скажу: какъ придетъ онъ къ тебѣ въ гости и сядетъ за столъ, ты урони нарочно ложку, да какъ станешь подымать — посмотри ему на̀ ноги.» Послушалась вдова матери; въ первую же ночь, какъ пришелъ къ ней нечистой, уронила подъ столъ ложку, полѣзла доставать, глянула ему на̀ ноги — и увидала, что онъ съ хвостомъ. На другой день побѣжала къ матери. «Ну что, дочка? правда моя?» — Правда, матушка! что мнѣ дѣлать несчаст-

ной? «Пойдемъ къ попу.» Пошли, разсказали все, какъ было; попъ началъ вдову отчитывать, три недѣли отчитывалъ — насилу отсталъ отъ нея злой бѣсъ!

46.

БЕЗСТРАШНОЙ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ купеческой сынъ, сильной, смѣлой, съ молоду ничего не боялся; захотѣлось ему страсти (страху) извѣдать и поѣхалъ онъ съ работникомъ странствовать. Долго ли, коротко ли—пріѣхали они къ дремучему лѣсу, а тутъ какъ нарочно и смерклося. «Поѣзжай въ лѣсъ!» говоритъ купеческой сынъ. «Эхъ, хозяинъ, сюда страшно ѣхать; вѣдь теперь ночь, могутъ либо звѣри напасть, либо разбойники обидѣть.» — Вотъ испугался! дѣлай, что̀ приказываю. Въѣхали они въ лѣсъ, и спустя немного увидали: виситъ на одномъ деревѣ мертвецъ. Работникъ еще пуще набрался страху, а купеческому сыну все ни почемъ — снялъ мертвеца съ дерева, положилъ въ повозку и велѣлъ ѣхать дальше. Черезъ часъ-черезъ два подъѣзжаютъ они къ большому дому; въ окна огонь свѣтится. «Ну, вотъ и знатно: есть гдѣ переночевать!» говоритъ купеческой сынъ; а работникъ упирается: «лучше въ лѣсу ночевать, чѣмъ въ этомъ домѣ; того и гляди къ разбойникамъ попадемъ — оберутъ насъ до нитки, да и смерти не миновать!» И вправь тутъ жили разбойники; но купеческой сынъ ничего не слушаетъ, самъ и ворота отворилъ и на дворъ въѣхалъ. Выпрягъ лошадей, и беретъ съ собой работника въ хоромы. Входятъ — а тамъ за большимъ столомъ сидятъ разбойники, всѣ въ богатой одёжѣ, у всѣхъ при боку̀ славныя сабли; пьютъ разные напитки да ѣдятъ рыбу. «Здравствуйте, господа! сказалъ имъ купеческой сынъ; посадите-ка и меня съ собой

попить, покушать.» Разбойники смотрятъ на него: что за молодецъ? и не отвѣчаютъ ни слова. Незванной гость самъ къ столу подходитъ, взялъ кусокъ рыбы, съѣлъ и говоритъ: «ну, господа, плоха ваша рыба! Эй, работникъ! поди-ка принеси сюда ту бѣлужину, что въ повозкѣ лежитъ.» Работникъ сбѣгалъ, принесъ мертвеца. Купеческой сынъ взялъ мертвое тѣло, бросилъ на столъ и принялся ножемъ кромсать; отрѣзалъ кусокъ, понюхалъ и закричалъ: «нѣтъ, не хороша и эта бѣлужина! Работникъ! лови-ка живыхъ.» А самъ на разбойниковъ показываетъ; разбойники съ испугу разбѣжались въ разныя стороны и попрятались — кто куда [1]). «Ну, вотъ ты боялся!

---

[1]) *Варіантъ:* Въ лѣсу безстрашной капралъ наѣзжаетъ на избушку. «Остановимся-ка здѣсь, да переночуемъ!» говоритъ онъ товарищу. Вошли въ избушку, а въ избушкѣ никого нѣтъ — только гробъ на столѣ стоитъ, на томъ гробу двѣнадцать желѣзныхъ обручей набито. «Я боюсь!» говоритъ капралу его товарищъ. — Да чего ты боишься? «Да страшно!» — Да чего тебѣ страшно? «Да боюсь!» Безстрашной плюнулъ и легъ на скамейкѣ, а боязливой за печку забился. Въ глухую полночь пошелъ гулъ по лѣсу — лопнулъ желѣзный обручь на гробѣ, за нимъ — другой, а тамъ — третій; такъ всѣ двѣнадцать и развалились! Встаетъ изъ гроба мертвецъ и давай тащить капрала за ноги. Тотъ проснулся и говоритъ: «какъ ты смѣешь будить меня? я Богу и великому государю двадцать пять лѣтъ прослужилъ да капральской чинъ выслужилъ!» Мертвецъ не слушаетъ, знай тащитъ, да зубами скрипитъ. Капралъ осерчалъ, вскочилъ съ лавки, схватилъ мертвеца и выкинулъ вонъ изъ избы. Долго мертвецъ въ избу стучался, пока пѣтухи ни запѣли; а какъ закричали пѣтухи — такъ наземь и грохнулся. Капралъ положилъ его въ повозку и поѣхалъ съ товарищемъ дальше; ѣхали-ѣхали и наѣзжаютъ на разбойниковъ — вокругъ огня сидятъ да кашицу хлебаютъ. Тѣ увидали ихъ и говорятъ: «вонъ гуси сами къ намъ летятъ! не надо и на добычу ѣхать.» Капралъ соскочилъ съ повозки: «здравствуйте, добрые люди!» — Нѣтъ, братъ! не узналъ; мы — тѣ, что добрыхъ людей на дорогѣ подбираютъ! Капралъ выхватилъ у атамана ложку изъ рукъ и давай кашицу уписывать; разбойники только рты разинули, глядя на такого смѣльчака. «Что-жъ вы, ребята! говоритъ капралъ, про гуся поминали, а гусемъ-то вовсе и не пахнетъ. Гей, Терёха! подай сюда гуся.» Терёха притащилъ мертвеца. Капралъ отрѣзалъ у мертваго икру съ правой ноги, понюхалъ и сказалъ: «немножко протухъ!

гдѣ-же страсть-то?» спрашиваетъ купеческой сынъ работника; «садемъ лучше за столъ да поужинаемъ.» Сѣли, напились-наѣлись; а ночевать не остались; запрягли лошадей и поѣхали въ путь-дорогу. Вотъ подъѣзжаютъ они къ кладбищу. «Стой! закричалъ купеческой сынъ; остановимся здѣсь ночевать.» А работникъ опять за свое: «тутъ страшно! по ночамъ мертвецы встаютъ.» — Экой ты! всего боишься! Остановились и легли спать на могилѣ. Купеческой сынъ заснулъ, а работнику и сна нѣтъ. Вдругъ изъ той могилы подымается мертвецъ въ бѣломъ саванѣ, огромнаго роста; навалился на купеческаго сына и началъ его душить. Тотъ пробудился, сшибъ мертвеца подъ себя и принялся въ свою очередь бить его и мучить всячески. Мертвецъ терпѣлъ-терпѣлъ и сталъ пощады просить. «Я тебя, пожалуй, отпущу (говоритъ купеческой сынъ), если ты черезъ часъ унесешь и доставишь мнѣ дочь такого-то царя, что живетъ отсюдова за тридевять земель.» — Доставлю, только отпусти! Купеческой сынъ отпустилъ мертвеца, и черезъ часъ времени возлѣ его повозки появилась спящая царевна — на той-же самой кровати, на какой обыкновенно она почивала въ царскихъ палатахъ. Купеческой сынъ не будилъ царевны до тѣхъ поръ, пока она сама не проснулась; а воротившись домой, вступилъ съ нею въ законное супружество.

Много купеческой сынъ по разнымъ землямъ странствовалъ, а страху нигдѣ не испыталъ; пріѣхалъ домой, и вотъ что случилось съ нимъ въ нѣкое время. Имѣлъ онъ сильную охоту рыбу ловить; цѣлые дни и ночи на рѣкѣ проводилъ. Матери его больно не нравилось, что онъ надолго изъ дому отлу-

---

Гей, Терёшка! бери свѣжаго.» — Котораго прикажешь? «Да вотъ съ краю-то, рыжаго!» Разбойники было бѣжать, да капралъ ухватилъ атамана за ноги и давай имъ направо-налѣво помахивать: всѣхъ до единаго перебилъ, а деньги ихъ себѣ забралъ. (Записано въ оренбургской губерніи.)

частей; вотъ она и попросила рыбаковъ какъ-нибудь испугать его. Рыбаки наловили ершей, и какъ скоро замѣтили, что купеческой сынъ, плавая въ лодкѣ, заснулъ, — подплыли къ нему потихоньку и положили ему за пазуху нѣсколько ершей. Ерши затрепетались, купеческой сынъ вскочилъ, испугался и упалъ въ воду, кое-какъ выплылъ, и тутъ-то впервые узналъ, что такое страхъ!

(Записана въ моршанскомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи, приходскимъ учителемъ А. Добровольскимъ.)

47.

СКРИПАЧЪ ВЪ АДУ.

Былъ-жилъ мужикъ, у него было три сына. Жилъ онъ богато, собралъ два котла денегъ — одинъ закопалъ въ овинѣ, другой въ воротахъ. Вотъ померъ этотъ мужикъ, а про деньги никому не сказалъ. Однажды былъ на деревнѣ праздникъ; шелъ скрипачь на гулянку и вдругъ провалился сквозь землю; провалился и попалъ въ адъ, прямо въ то мѣсто, гдѣ богатой мужикъ мучился. «Здравствуй, знакомой!» говоритъ скрипачь. Отвѣчаетъ ему мужикъ: «ты неладно попалъ сюда! здѣсь адъ, и я въ аду сижу.» — За что-же ты, дядя, сюда угодилъ? «За деньги! было у меня денегъ много, нищимъ не давалъ, два котла въ землю закопалъ. Вотъ сейчасъ станутъ меня мучить, палками бить, когтями терзать.» — Какъ-же мнѣ-то быть? пожалуй и меня замучаютъ! «А ты поди, сядь за трубой на печкѣ, да три года не ѣшь—такъ уцѣлѣешь!» Скрипачь спрятался за трубой; пришли ненаши [1]), стали богатаго мужика бить да приговаривать: «вотъ тебѣ, богачь! тьму денегъ на-

---

[1]) Черти.

копилъ, а спрятать не съумѣлъ: туда закопалъ ихъ, что намъ сторожить не въ моготу! Въ воротахъ безперечь ѣздятъ, лошади намъ головы подковами поразбивали, а въ овинѣ цѣпами насъ молотятъ.» Только ушли ненаши, мужикъ и говоритъ скрипачу: «если выйдешь отсюдова, скажи моимъ дѣтямъ, чтобы они взяли деньги: одинъ котелъ у воротъ закопанъ, а другой—въ овинѣ, и чтобы рôздали ихъ на нищую братію.» Потомъ еще набѣжала цѣлая изба ненашихъ, и спрашиваютъ у богатаго мужика: «что у тебя русскимъ духомъ пахнетъ?» Мужикъ говоритъ: «это вы по Руси ходили, русскаго духу набрались!» — Какъ-бы не такъ! Стали искать, нашли скрипача и закричали: «ха-ха-ха, скрипачь здѣсь!» Стащили его съ печки и заставили играть на скрипкѣ. Онъ три года игралъ, а ему за три дня показалось; уморился и говоритъ: «что за диво! бывало игралъ я—въ одинъ вечеръ всѣ струны изорву, а теперь третій день играю— и всё цѣлы. Господи благослови!» Только вымолвилъ — всѣ струны и лопнули. «Ну, братцы! говоритъ скрипачь, сами видите: струны лопнули, не на чѣмъ играть!»—Постой, сказалъ одинъ нечистой; у меня есть два бунта струнъ, я тебѣ принесу. Сбѣгалъ и принесъ; скрипачь взялъ струны, потянулъ и опять только вымолвилъ: «Господи благослови!» — оба бунта лопнули. «Нѣтъ, братцы, ваши струны мнѣ не годятся; у меня свои дôма есть, дайте—схожу!» Ненаши его не пущаютъ: «ты уйдешь!» говоратъ. — Если вы не вѣрите, то пошлите со мной кого-нибудь въ провожатыхъ. Ненаши выбрали одного и послали съ скрипачемъ. Скрипачь пришелъ въ деревню; слышитъ: въ крайней избѣ свадьбу справляютъ. «Пойдемъ на свадьбу!» — Пойдемъ! Вошли въ избу; тутъ всѣ скрипача узнали, спрашиваютъ: «гдѣ это ты, братецъ, три года пропадалъ?»—На томъ свѣтѣ былъ! Посидѣли, погуляли; ненашъ зоветъ скрипача: «пора идти!» А тотъ: «погоди еще немножко; дай мнѣ на скрипкѣ поиграть,

молодыхъ повеселить.» До тѣхъ поръ просидѣли, пока пѣтухи запѣли; тутъ ненашъ пропалъ, а скрипачь сталъ говорить сыновьямъ богатаго мужика: «вашъ батюшка приказалъ вамъ взять деньги: одинъ котелъ у воротъ зарытъ, а другой — въ овинѣ, и велѣлъ всѣ эти деньги нищимъ раздать. Вотъ откопали оба котла, стали раздавать деньги по нищьей братіи: чѣмъ больше ихъ раздаютъ, тѣмъ больше ихъ прибавляется. Вывезли эти котлы на перекрёстокъ: кто ни ѣдетъ мимо, всякой беретъ оттуда, сколько рукой захватитъ, а деньги все не сбываютъ. Подали челобитную государю; онъ и приказалъ: въ нѣкоторомъ городѣ шла дорога въ объѣздъ — верстъ пятьдесятъ будетъ, а если прямо проложить, то всего пять верстъ, и приказалъ государь выстроить прямоѣзжій мостъ. Вотъ и выстроили мостъ на пять верстъ, и на то дѣло оба котла опорожнили. Въ тѣ времена нѣкая дѣвица родила сына и покинула его съ малолѣтства; этотъ младенецъ три года не ѣлъ, не пилъ, и все съ нимъ божій ангелъ ходилъ. Пришелъ младенецъ на мостъ и говоритъ: «ахъ, какой славной мостъ! дай Богъ тому царство небесное, на чьи деньги его построили.» Услышалъ Господь эту молитву и велѣлъ своимъ ангеламъ выпустить богатаго мужика изъ аду кромѣшнаго.

(Записана въ зубцовскомъ уѣздѣ, тверской губерніи.)

48.

НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО.

Въ нѣкоторомъ селѣ жилъ старикъ со старухою въ большой бѣдности; у нихъ былъ сынъ. Взошелъ сынъ въ совершенныя лѣта, и стала старуха говорить старику: «пора намъ сына женить!» — Ну, ступай сватать! Пошла она къ сосѣду сватать дочь за своего сына: сосѣдъ отказалъ. Пошла къ другому му-

жику, и другой отказалъ, къ третьему — и тотъ на ворота указалъ; всю деревню обходила — никто не отдаетъ. Вернулась домой: «ну, старикъ! пропащій нашъ парень!» — Что такъ? «По всѣмъ дворамъ таскалася, никто за него не отдаетъ своей дочери.» — Плохо дѣло! говоритъ старикъ; скоро лѣто настанетъ, а у насъ работать некому. Ступай, старуха, въ другую деревню; можетъ, тамъ высватаешь. Потащилась старуха въ другую деревню, съ краю до краю всѣ дворы обходила — а толку нѣтъ ни капли; куда ни сунется — вездѣ отказываютъ. Съ чѣмъ изъ дому пошла, съ тѣмъ и домой пришла. «Нѣтъ, говоритъ, никто не хочетъ съ нами бѣдняками породниться.» — Коли такъ, отвѣчаетъ старикъ, нечего и ногъ ломать, полѣзай на полати. Сынъ закручинился и сталъ проситься: «родимой мой батюшка и родимая матушка! благословите меня — я самъ пойду искать свою судьбу.» — Да куда-жъ ты пойдешь? «А куда глаза глядятъ!» Они благословили его и отпустили на всѣ на четыре стороны.

Вотъ вышелъ парень на большую дорогу, горько-горько заплакалъ, да идучи самъ съ собой говоритъ: «неужли-жъ я хуже всѣхъ на свѣтѣ зародился, что ни одна дѣвка не хочетъ за меня замужъ идти? Кажись, еслибъ самъ чортъ далъ мнѣ невѣсту, я-бъ и тоё взялъ!» Вдругъ словно изъ земли выросъ — идетъ къ нему на встрѣчу старой старикъ: «здравствуй, доброй молодецъ!» — Здравствуй, старичокъ! «Про что ты сейчасъ говорилъ?» Парень испугался, не знаетъ, что и отвѣчать. «А ты меня не бойся! я тебѣ худаго ничего не сотворю, а можетъ еще — твоему горю пособлю. Говори смѣло!» Парень разсказалъ ему все по правдѣ: «бѣдная моя головушка! ни одна-то дѣвка за меня замужъ не йдетъ. Вотъ я идучи раскручинился, и съ той кручины вымолвилъ: хоть бы чортъ мнѣ невѣсту далъ, я-бъ и тоё взялъ!» Старикъ засмѣялся и сказалъ: «иди за мной; я тебѣ любую невѣсту на выборъ дамъ.» Приходятъ они къ озеру.

«Оберись-ка спиной къ озеру да ступай задомъ!» приказываетъ парню старикъ. Только успѣлъ онъ оборотиться и ступить шагъ-другой, какъ очутился подъ водой въ бѣлокаменныхъ палатахъ; всѣ комнаты славно убраны, хитро изукрашены. Накормилъ-напоилъ его старикъ; послѣ выводитъ двѣнадцать дѣвицъ — одна другой краше: «выбирай себѣ любую! какую выберешь, ту и отдамъ за тебя.» — Это дѣло хитрое! позволь, дѣдушка, до утра подумать. «Ну, подумай!» сказалъ старикъ и отвелъ его въ особую свѣтлицу. Парень легъ спать и думаетъ: «какую взять?» Вдругъ дверь отворяется, входитъ къ нему красная дѣвица: «спишь ли, доброй молодецъ, али нѣтъ?» —Нѣтъ, красная дѣвица! и сонъ не беретъ, все думаю: какую невѣсту выбрать? «Я нарочно къ тебѣ пришла посовѣтовать; вѣдь ты, доброй молодецъ, къ чорту попалъ въ гости! Слушай-же: если ты хочешь пожить еще на бѣломъ свѣтѣ, то дѣлай такъ, какъ велю; а не станешь по моему дѣлать — отсюда живъ не уйдешь!» — Научи, красная дѣвица! по вѣкъ не забуду. «Завтра выведетъ нечистый двѣнадцать дѣвицъ — всѣ одна въ одну; а ты приглядывайся да меня выбирай: на правомъ глазу у меня будетъ мошка сидѣть — то тебѣ примѣта вѣрная!» И разсказала тутъ красна дѣвица про себя, кто она такова. «Знаешь ли ты, говоритъ, въ такомъ-то селѣ попа? Я его дочь — та самая, что̀ девяти лѣтъ ѝзъ дому пропала. Разъ какъ-то отецъ на меня осерчалъ да въ сердцахъ слово вымолвилъ: чтобъ тебя черти побрали! Я вышла на крыльцо, заплакала — вдругъ подхватили меня нечистые и принесли сюда; вотъ и живу теперь съ ними.» Поутру вывелъ старикъ двѣнадцать дѣвицъ — одна въ одну, и приказываетъ доброму молодцу выбирать невѣсту. Онъ присмотрѣлся: у которой на правомъ глазу мошка сидѣла, ту и выбралъ. Старику жалко ее отдавать, перемѣшалъ красныхъ дѣвицъ, и велитъ выбирать съизнова; доброй молодецъ указалъ ту-же самую. Заставилъ

его нечистой выбирать еще въ третій разъ — онъ опять угадалъ свою суженую. «Ну, твое счастье! веди ее домой.» Тотчасъ очутился парень съ красной дѣвицей на берегу озера, и пока на большую дорогу ни выбрались — шли они задомъ. Бросились догонять ихъ нечистые: «отобьемъ, кричатъ, нашу дѣвицу!» Смотрятъ: нѣтъ слѣдовъ отъ озера, всѣ слѣды ведутъ въ воду! побѣгали, поискали, да ни съ чѣмъ и воротились.

Вотъ привелъ доброй молодецъ свою невѣсту на село, и остановился противъ попова двора. Попъ увидалъ и выслалъ работника: «поди, спроси, что за люди?»—Мы—люди прохожіе; пустите переночевать. «У меня купцы въ гостяхъ, говоритъ попъ; и безъ нихъ въ избѣ тѣсно.»—И, что ты, батюшка! говоритъ одинъ купецъ; прохожаго человѣка завсегда надо принять; они намъ не помѣшаютъ. «Ну, пусть войдутъ!» Вошли они, поздоровались и сѣли на лавочку въ заднемъ углу. «Узнаешь ли меня, батюшка? спрашиваетъ красная дѣвица; вѣдь я твоя родная дочь.» Разсказала все, какъ было; стали они обниматься, цѣловаться, радостныя слезы проливать. «А это кто?» —А это мой нарѣченной женихъ; онъ меня на бѣлой свѣтъ вывелъ. Если-бы не онъ, вѣчно-бъ тамъ осталась! Послѣ того развязала красна дѣвица свой узелъ, а въ томъ узлѣ была золотая да серебреная посуда — у чертей забрала. Купецъ глянулъ и говоритъ: «ахъ! посуда-то моя; пировалъ я однажды съ гостями, съ-пьяна осерчалъ на жену — чортъ возьми! говорю, и давай кидать со стола что ни попало за порогъ; съ той поры и пропала моя посуда!» И взаправду такъ было; какъ помянулъ этотъ купецъ чорта, нечистой тотчасъ явился у порога, сталъ забирать къ себѣ золотую да серебреную посуду, а замѣсто её черепковъ накидалъ.

Вотъ такимъ-то случаемъ добылъ себѣ парень славную невѣсту, женился на ней и поѣхалъ къ своимъ родителямъ; они считали его ужь на вѣки-пропащимъ: шутка ли — больше

трехъ лѣтъ дома не бывалъ, а ему показалось, что онъ всего-то одни сутки у чертей прожилъ!

49.

СОСВАТАННЫЯ ДѢТИ.

Жили-были два богатыхъ купца: одинъ въ Москвѣ, другой въ Кіевѣ; часто они съѣзжались по торговымъ дѣламъ, вмѣстѣ дружбу водили и хлѣбъ-соль дѣлили. Въ нѣкое время пріѣхалъ кіевской купецъ въ Москву, свидѣлся съ своимъ пріятелемъ и говоритъ ему: «а мнѣ Богъ радость далъ — жена сына родила!» — А у меня дочь родилась! отвѣчаетъ московской купецъ. «Ну-ка, давай по рукамъ ударимъ! у меня—сынъ, у тебя—дочь, чего лучше?—женихъ и невѣста! Какъ выростутъ, обвѣнчаемъ ихъ и породнимся.»—Ладно; только это дѣло нельзя просто дѣлать. Пожалуй, еще твой сынъ отступится отъ невѣсты; давай мнѣ двадцать тысячъ залогу! «А если твоя дочь да помретъ?» —Ну, тогда и деньги назадъ. Кіевской купецъ вынулъ двадцать тысячъ и отдалъ московскому; тотъ взялъ, пріѣзжаетъ домой и говоритъ женѣ: «знаешь ли, что̀ скажу? вѣдь я свою дочь просваталъ!» Купчиха изумилась: «что ты! али съ ума сошелъ? она еще въ люлькѣ лежитъ!» — Ну, что-жъ что въ люлькѣ? я все-таки ее просваталъ: вотъ двадцать тысячъ залогу взялъ.

Вотъ хорошо. Живутъ купцы всякой въ своемъ городѣ, а другъ друга не навѣщаютъ—далеко, да и дѣла такъ пошли, что надо дома оставаться. А дѣти ихъ ростутъ да ростутъ: сынъ хорошъ, а дочь еще лучше. Прошло осьмнадцать лѣтъ; московской купецъ видитъ, что отъ стараго его знакомца нѣтъ ни вѣсти, ни слуху, и просваталъ дочь свою за полковника. Въ то самое время призываетъ кіевской купецъ своего сына и говоритъ

ему: «поѣзжай-ка ты въ Москву; тамъ есть озеро, на томъ озерѣ я поставилъ плёнку; если въ эту плёнку попалась утка— то утку вези, а ежели нѣтъ утки—то плёнку назадъ.» [1]) Купеческой сынъ собрался и поѣхалъ въ Москву; ѣхалъ-ѣхалъ, вотъ ужь близко, всего одинъ перегонъ остался. Надо ему черезъ рѣку переправляться, а на рѣкѣ мостъ: половина замощена, а другая нѣтъ. Тою-же самою дорогою случилось ѣхать и полковнику, подъѣхалъ къ мосту и не знаетъ, какъ ему перебраться на ту сторону? Увидалъ онъ купеческаго сына и спрашиваетъ: «ты куда ѣдешь?»—Въ Москву. «Зачѣмъ?» —Тамъ есть озеро, въ томъ озерѣ—лѣтъ осьмнадцать прошло, какъ поставилъ мой отецъ плёнку, а теперь послалъ меня съ такимъ приказомъ: если попалась въ плёнку утка—то утку возьми, а если утки нѣтъ—то плёнку назадъ! «Вотъ задача! думаетъ полковникъ; развѣ можетъ простоять плёнка осьмнадцать лѣтъ? ну, пожалуй, плёнка еще простоитъ; а какъ-же утка-то проживетъ столько времени?» Думалъ-думалъ, гадалъ-гадалъ, ничего не разгадалъ; «какъ-же, говоритъ, намъ черезъ рѣку переѣхать?»—Я поѣду задомъ напередъ! сказалъ купеческой сынъ; погналъ лошадей, доѣхалъ до половины моста, и давай заднія доски напередъ перемащивать; намостилъ и перебрался на другую сторону, а вмѣстѣ съ нимъ и полковникъ переѣхалъ. Вотъ пріѣхали они въ городъ. «Ты гдѣ остановишься?» спрашиваетъ купеческаго сына полковникъ.—А въ томъ домѣ, гдѣ весна съ зимой на воротахъ. Распрощались и повернули всякой въ свою сторону. Купеческой сынъ присталъ у одной бѣдной старухи; а полковникъ погналъ къ невѣстѣ. Тамъ его стали поить, угощать, о дорогѣ спрашивать. Онъ и разсказываетъ: «повстрѣчался я съ какимъ-то купеческимъ сы-

---

[1]) *Вар.* «поѣзжай въ Москву; въ тамошнихъ садахъ я поставилъ сѣтку— такъ ты, сынокъ, или пеночку излови, или сѣточку сними.»

немъ; спросилъ его: зачѣмъ въ Москву ѣдетъ? а онъ въ отвѣтъ: есть-де въ Москвѣ озеро, на томъ озерѣ — лѣтъ осьмнадцать прошло, какъ мой отецъ плёнку поставилъ, а теперь послалъ меня съ такимъ приказомъ: если попалась въ плёнку утка — то утку возьми, а ежели утки нѣтъ — то плёнку назадъ! Тутъ пришлось намъ черезъ рѣку переправляться; на той рѣкѣ мостъ, половина замощена, а другая нѣтъ. Раздумался я, какъ на другую сторону переѣхать? а купеческой сынъ сейчасъ смекнулъ, задомъ напередъ переѣхалъ и меня перевёзъ.» — Гдѣ-же онъ на квартирѣ сталъ? спрашиваетъ невѣста. «А въ томъ домѣ, гдѣ весна съ зимой на воротахъ.» Вотъ купеческая дочь побѣжала въ свою комнату, позвала служанку и приказываетъ: «возьми крынку молока, ковригу хлѣба да лукошко яицъ; изъ крынки отпей, ковригу почни, изъ лукошки яйцо скушай. Потомъ ступай въ тотъ домъ, гдѣ на воротахъ трава съ сѣномъ привязаны; разыщи тамъ купеческаго сына, отдай ему хлѣбъ, молоко и яйца, да спроси: въ своихъ ли берегахъ море, или упало? полонъ ли мѣсяцъ, или въ ущербѣ? всѣ ли звѣзды на небѣ, или скатилась?» Пришла служанка къ купеческому сыну, отдала гостинцы и спрашиваетъ: «что море — въ своихъ ли берегахъ или упало?» — Упало. «Что мѣсяцъ — полонъ или въ ущербѣ?» — Въ ущербѣ. «Что звѣзды — всѣ ли на небѣ?» — Нѣтъ, одна скатилась. Вотъ служанка воротилась домой и разсказала эти отвѣты купеческой дочери. «Ну, батюшка! говоритъ отцу купеческая дочь, вашъ женихъ мнѣ не годится; у меня есть свой давнишній — съ его отцемъ по рукамъ ударено, договоромъ скрѣплено.» Сейчасъ послали за настоящимъ женихомъ, стали свадьбу справлять, да пиръ пировать, а полковнику отказали. На той свадьбѣ и я былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало.

50.

ДОКА НА ДОКУ

Пришелъ солдатъ въ деревню и просится ночевать къ мужику. «Я бы тебя пустилъ, служивой! говоритъ мужикъ; да у меня свадьба заводится, негдѣ тебѣ спать будетъ.» — Ничего, солдату вездѣ мѣсто! «Ну, ступай!» Видитъ солдатъ, что у мужика лошадь въ сани запряжена, и спрашиваетъ: «куда, хозяинъ, отправляешься?» — Да вишь у насъ такое заведеніе: у кого свадьба, тотъ и поѣзжай къ колдуну да вези подарокъ! Самой бѣдной безъ двадцати рублевъ не отдѣлается, а коли богатъ, такъ и пятидесяти мало; а не отвезешь подарка, всю свадьбу испортитъ! «Послушай, хозяинъ! не вози, и такъ сойдетъ!» Крѣпко увѣрилъ мужика, тотъ послушался и не поѣхалъ къ колдуну съ гостинцами. Вотъ начали свадьбу играть, повезли жениха съ невѣстою законъ принимать; ѣдутъ дорòгою, а на встрѣчу поѣзду быкъ несется, такъ и реветъ, рогами землю копаетъ. Всѣ поѣзжане испугалися, а солдатъ усомъ не мигнетъ: гдѣ ни взялася — выскочила изъ-подъ него собака, бросилась на быка и прямо за глотку вцѣпилась — быкъ такъ и грохнулся наземь. Ѣдутъ дальше, а на встрѣчу поѣзду огромной медвѣдь. «Не бойтесь, кричитъ солдатъ, я худа не допущу!» Опять гдѣ ни взялася — выскочила изъ-подъ него собака, кинулась на медвѣдя и давай его душить; медвѣдь заревѣлъ и издохъ. Миновала та бѣда, снова ѣдутъ дальше; а на встрѣчу поѣзду заяцъ выскочилъ и перебѣжалъ дорогу чуть-чуть нé подъ ногами передней тройки. Лошади остановились, храпятъ, а съ мѣста не трогаются! «Не дури, заяцъ! крикнулъ на него солдатъ; мы опослѣ поговоримъ съ тобой!» — и тотчасъ весь поѣздъ легко двинулся. Пріѣхали къ церкви благополучно, обвѣнчали жениха съ невѣстою, и отправились назадъ

въ свою деревню. Стали ко двору подъѣзжать, а на воротахъ чорной воронъ сидитъ да громко каркаетъ — лошади опять стали, ни одна съ мѣста не тронется. «Не дури, воронъ! крикнулъ на него солдатъ; мы съ тобой опосля потолкуемъ.» Воронъ улетѣлъ, лошади въ ворота пошли. Вотъ посадили молодыхъ за столъ; гости и родичи свои мѣста заняли — какъ слѣдуетъ, по порядку; начали ѣсть, пить, веселиться. А колдунъ крѣпко осердился: гостинцовъ ему не дали, пробовалъ было страхи напускать — и то дѣло не выгорѣло! Вотъ пришелъ самъ въ избу, шапку не ломаетъ, образамъ не молится, честнымъ людямъ не кланяется; и говоритъ солдату: «я на тебя сердитъ!» — А за что на меня сердиться? ни я не занималъ у тебя, ни ты мнѣ не долженъ! Давай-ка лучше пить да гулять. «Давай!» Взялъ колдунъ со стола ендову пива, налилъ стаканъ и подноситъ солдату: «выпей, служивой!» Солдатъ выпилъ — у него всѣ зубы въ стаканъ выпадали! «Эхъ, братецъ! говоритъ солдатъ, какъ мнѣ безъ зубовъ-то быть? чѣмъ будетъ сухари грызть?» Взялъ да и бросилъ зубы въ ротъ — они опять стали по-прежнему. «Ну, теперь я поднесу! выпей-ка отъ меня стаканъ пива!» Колдунъ выпилъ — у него глаза вылѣзли! Солдатъ подхватилъ его глаза и забросилъ невѣдомо куда. Остался колдунъ на всю жизнь слѣпымъ и закаялся страхи напускать, надъ людьми мудрить; а мужики и бабы стали за служиваго Бога молить.

51.

ДВѢ ДОЛИ.

Жилъ да былъ мужикъ, прижилъ двухъ сыновей и померъ. Задумали братья жениться: старшій взялъ бѣдную, младшій — богатую; а живутъ вмѣстѣ, не дѣлятся. Вотъ начали жены

15*

ихъ межъ собой ссориться да вздорить; одна говоритъ: «я за старшимъ братомъ замужемъ; мой верхъ долженъ быть!» А другая: «нѣтъ, мой верхъ! я богаче тебя!» Братья смотрѣли-смотрѣли, видятъ, что жены не ладятъ, раздѣлили отцовское добро поровну и разошлись. У старшаго брата что̀ ни годъ, то дѣти рожаются, а хозяйство все плоше да хуже идетъ; до того дошло, что̀ совсѣмъ разорился. Пока хлѣбъ да деньги были—на дѣтей глядя радовался, а какъ обѣднялъ — и дѣтямъ не радъ! Пошелъ къ меньшому брату: «помоги де въ бѣдности!» Тотъ на отрѣзъ отказалъ: «живи, какъ самъ знаешь! у меня свои дѣти подростаютъ.» Вотъ немного погодя опять пришелъ бѣдной къ богатому: «одолжи, проситъ, хоть на одинъ день лошади; пахать не на чѣмъ!» — Сходи на̀ поле и возьми на одинъ день; да смотри — не замучь! Бѣдной пришелъ на̀ поле и видитъ, что какіе-то люди на братнихъ лошадяхъ землю пашутъ. «Стой! закричалъ; сказывайте, что вы за̀ люди?» —А ты что за спросъ? «Да то, что эти лошади моего брата!» —А развѣ не видишь ты, отозвался одинъ изъ пахарей, что я —Счастье твоего брата; онъ пьетъ, гуляетъ, ничего не знаетъ; а мы на него работаемъ. «Куда-же мое Счастье дѣвалось?»— А твое Счастье вонъ тамъ-то подъ кустомъ, въ красной рубашкѣ, лежитъ; ни днемъ, ни ночью ничего не дѣлаетъ, только спитъ! «Ладно! думаетъ мужикъ, доберусь я до тебя.» Пошелъ, вырѣзалъ толстую палку, подкрался къ своему Счастью и вытянулъ его по̀ боку изо всей силы. [1]) Счастье

---

[1]) *Варіантъ:* Жили-были два брата-рыбака. Одинъ богатой, другой — чуть не убогой! У богатаго завсегда всѣ верши рыбой полны, съ вечера поставитъ, а къ утру цѣлой возъ увезетъ; а бѣдному коли попадутся двѣ-три плотички — и то славо Богу! «Что за чудо! думаетъ онъ про себя; ужь не ходитъ ли братъ по ночамъ на̀ рѣку да не воруетъ ли мою рыбу? дай-ка я его изловлю.» Взялъ плеть, пошелъ на̀ рѣку и легъ подъ лодку. Послышался ему ночью плескъ на водѣ; вылѣзъ изъ-подъ лодки, глядь — кто-то въ брат-

проснулось и спрашиваетъ: «что ты дерешься!»—Еще не такъ прибью! Люди добрые землю пашутъ, а ты безъ просыпу спишь! «А ты небось хочешь, чтобъ я на тебя пахалъ? И не думай!» — Что-жъ? все будешь подъ кустомъ лежать? Вѣдь эдакъ мнѣ умирать съ голоду прійдется! «Ну, коли хочешь, чтобъ я тебѣ помочь дѣлалъ, такъ ты брось крестьянское дѣло, да займись торговлею. Я къ вашей работѣ совсѣмъ непривыченъ, а купеческія дѣла всякія знаю». — Займись торговлею!... да было бы на что! Мнѣ ѣсть нечего, а не то, что въ торгъ пускаться. «Ну, хоть сними съ своей бабы старой сарафанъ да продай; на тѣ деньги купи новой — и тотъ продай! А ужъ я стану тебѣ помогать; ни на шагъ прочь не отойду!» —Хорошо!

Поутру говоритъ бѣднякъ своей женѣ: «ну, жена! собирайся, пойдемъ въ городъ.»—Зачѣмъ? «Хочу въ мѣщане приписаться, торговать зачну.» — Съ ума что-ли спятилъ? дѣтей кормить нечѣмъ, а онъ въ городъ норовитъ! «Не твое дѣло! укладывай все имѣніе, забирай дѣтишекъ и пойдемъ.» Вотъ и собрались. Помолились Богу, стали нáглухо запирать свою избушку, и послышали, что кто-то горько плачетъ въ избѣ. Хозяинъ спрашиваетъ: «кто тамъ плачетъ?»—Это я — Горе! «О чемъ-же ты плачешь?» — Да какъ-же мнѣ не плакать? самъ ты уѣзжаешь, а меня злѣсь покидаешь. «Нѣтъ, милое! я тебя съ собой возьму, а здѣсь не покину. Эй, жена! говоритъ, выкидывай изъ сундука свою поклажу.» Жена опорожнила сундукъ. «Ну-ка, Горе, полѣзай въ сундукъ!» Горе влѣзло; онъ его заперъ тремя замкáми; зарылъ сундукъ въ землю и говоритъ: «пропадай ты, проклятое! чтобъ вѣкъ съ

нину сѣть рыбу загоняетъ. «Кто ты?» спрашиваетъ рыбакъ.— Я—Доля твоего брата, гоню ему рыбу. «А гдѣ-жъ моя Доля?»—Твоя Доля на камнѣ лежитъ да пѣсни поетъ! Рыбакъ бросился къ камню и давай стегать свою Долю плетью...

тобой не знаться!» Приходитъ бѣдной съ женой и съ дѣтьми въ городъ, нанялъ себѣ квартиру, и началъ торговать: взялъ старой женинъ сарафанъ, понёсъ на базаръ и продалъ за рубль; на тѣ деньги купилъ новой сарафанъ и продалъ его за два рубля. И вотъ такимъ-то счастливымъ торгомъ, что за всякую вещь двойную цѣну получалъ, разбогатѣлъ онъ въ самое короткое время и записался въ купцы. Услыхалъ про то младшій братъ, пріѣзжаетъ къ нему въ гости и спрашиваетъ: «скажи, пожалуй, какъ это ты ухитрился — изъ нищаго богачомъ сталъ?»—Да просто, отвѣчаетъ купецъ, я свое Горе въ сундукъ заперъ да въ землю зарылъ. «Въ какомъ мѣстѣ?» —Въ деревнѣ, на старомъ дворѣ. Младшій братъ чуть ни плачетъ отъ зависти; поѣхалъ сейчасъ на деревню, вырылъ сундукъ и выпустилъ оттуда Горе: «ступай, говоритъ, къ моему брату, разори его до послѣдней нитки!» — Нѣтъ! отвѣчаетъ Горе, я лучше къ тебѣ пристану, а къ нему не пойду: ты — доброй человѣкъ, ты меня на свѣтъ выпустилъ! а тотъ лиходѣй—въ землю упряталъ! Немного прошло времени—разорился завистливой братъ, и изъ богатаго мужика сдѣлался голымъ бѣднякомъ.

52.

ДУРАКЪ И БЕРЕЗА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ старикъ, у него было три сына: двое — умныхъ, третій — дуракъ. Померъ старикъ, сыновья раздѣлили имѣнье по жеребью: умнымъ досталось много всякаго добра, а дураку одинъ быкъ — и тотъ худой? Пришла ярмарка; умные братья собираются на торгъ ѣхать. Дуракъ увидалъ и говоритъ: «и я, братцы, поведу своего быка продавать.» Зацѣпилъ быка

коровиною за рога и повелъ въ городъ. Случилось ему идти лѣсомъ, а въ лѣсу стояла старая сухая береза; вѣтеръ подуетъ — и береза заскрипитъ. «Почто береза скрипитъ? думаетъ дуракъ; ужь не торгуетъ ли моего быка? Ну, говоритъ, коли хочешь покупать — такъ покупай; я не прочь продать! Быкъ двадцать рублевъ стоитъ; меньше взять нельзя... Вынимай-ка деньги!» Береза ничего ему не отвѣчаетъ, только скрипитъ; а дураку чудится, что она быка въ долгъ проситъ. «Изволь, я подожду до завтраго!» Привязалъ быка къ березѣ, распрощался съ нею и пошелъ домой. Вотъ пріѣхали умные братья и стали спрашивать: «ну что, дуракъ! продалъ быка?» — Продалъ. «За дорого?»—За двадцать рублевъ. «А деньги гдѣ?» —Денегъ еще не получалъ; сказано—завтра приходить. «Эхъ, ты—простота!» На другой день поутру всталъ дуракъ, снарядился и пошелъ къ березѣ за деньгами. Приходитъ въ лѣсъ— стоитъ береза, отъ вѣтру качается, а быка нѣту: ночью волки съѣли. «Ну, землякъ! подавай деньги, ты самъ обѣщалъ, что сегодня заплатишь.» Вѣтеръ подулъ —береза заскрипѣла, а дуракъ говоритъ: «ишь ты какой невѣрной! вчера сказывалъ: завтра отдамъ! и нонче тоже сулишь. Такъ и быть, подожду еще одинъ день, а ужь больше не стану—мнѣ самому деньги надобны.» Воротился домой. Братья опять къ нему пристаютъ: «что получилъ деньги?» — Нѣтъ, братцы! пришлось еще денёкъ подождать. «Да кому ты продалъ?» — Сухой березѣ въ лѣсу. «Экой дуракъ!» На третій день взялъ дуракъ топоръ и отправился въ лѣсъ. Приходитъ и требуетъ денегъ. Береза скрипитъ да скрипитъ. «Нѣтъ, землякъ! коли все будешь завтраками подчивать, такъ съ тебя никогда не получишь. Я шутить-то не люблю, живо съ тобой раздѣлаюсь!» Какъ хватитъ ее топоромъ — такъ щепки и посыпались во всѣ стороны. Въ той березѣ было дупло, а въ томъ дуплѣ разбойники спрятали полной котелъ золота. Распалось дерево надвое, и

увидалъ дуракъ чистое золото; нагрёбъ цѣлую кучу и потащилъ домой; принесъ и показываетъ братьямъ. «Гдѣ ты, дуракъ, добылъ столько?» — Землякъ за быка отдалъ; да тутъ еще несполна все, чай и половины домой не притащилъ! Пойдемте-ка, братцы, забирать остальное! Пошли въ лѣсъ, забрали деньги и несутъ домой. «Смотри-же, дуракъ! говорятъ умные братья, никому не сказывай, что у насъ столько золота.» — Небось, не скажу! Вдругъ попадается имъ на встрѣчу дьячокъ [1]). «Что вы, ребята, изъ лѣсу тащите?» Умные говорятъ: грибы. А дуракъ поперечитъ: «врутъ они! мы деньги несемъ; вотъ посмотри! Дьячокъ такъ и ахнулъ, бросился къ золоту и давай хватать пригоршнями да въ карманъ совать. Дуракъ разсердился, ударилъ его топоромъ и убилъ до смерти. «Эхъ, дуракъ! что ты надѣлалъ? закричали братья, самъ пропадешь, и насъ загубишь! Куда теперь мертвое тѣло дѣвать?» Думали-думали и стащили его въ пустой погребъ, да тамъ и бросили. Поздно вечеромъ говоритъ старшій братъ середнему: «дѣло-то выходитъ неладно! Какъ станутъ про дьячка розыскивать, вѣдь дуракъ все разскажетъ. Давай-ка убьемъ козла да схоронимъ въ погребѣ, а мертвое тѣло зароемъ въ иномъ мѣстѣ.» Дождали они глухой ночи, убили козла и бросили въ погребъ, а дьячка снесли въ иное мѣсто и зарыли въ землю. Прошло нѣсколько дней, стали про дьячка вездѣ розыскивать, у всѣхъ распрашивать; дуракъ и отозвался: «на что̀ онъ вамъ? анамедни я его топоромъ убилъ, а братья на погребъ снесли.» Тотчасъ ухватились за дурака: «веди, показывай!» Дуракъ полѣзъ въ погребъ, досталъ козлиную голову и спрашиваетъ: «вашъ дьячокъ чорной?» — Чорной. «И съ бородою?» — Да, и съ бородою. «И рога есть?» — Какіе тамъ рога,

---

[1]) *Варіантъ:* Дуракъ подбираетъ деньги.... Шелъ мимо попъ, увидалъ и ну приставать: «дуракъ, подѣлись со мной деньгами!» — Отойди, батька! голову отрублю!...

дуракъ! «А вотъ смотрите!»—и выбросилъ голову. Люди смотрятъ — какъ есть козёлъ, плюнули дураку въ глаза и разошлись по домамъ. Сказкѣ конецъ, а мнѣ меду корецъ.

53.

СКАЗКА ПРО УТКУ СЪ ЗОЛОТЫМИ ЯЙЦАМИ.

а. Было-жило два брата: одинъ богатой, другой бѣдной; у бѣднаго — жена да дѣти, а богатой одинъ какъ перстъ. Пошелъ бѣдной къ богатому и сталъ просить: «накорми, братецъ, сегодня при бѣдности моихъ дѣтей; намъ и пообѣдать нечего!» — Сегодня мнѣ не до тебя! говоритъ богатой; сегодня у меня все князья да бояре, такъ бѣдному не приходится тутъ быть! Облился бѣдной братъ слезами и пошелъ рыбу ловить: «авось Богъ дастъ—поймаю! хоть ухи дѣти похлебаютъ.» Только затянулъ тоню, и попалъ ему кувшинъ. «Вытащи меня да разбей на берегу, отозвалось изъ кувшина; такъ я тебѣ счастье укажу.» Вытащилъ онъ кувшинъ, разбилъ на берегу, и вышелъ оттуда невѣдомой молодецъ и сказалъ: «есть зеленый лугъ, на томъ лугу береза, у той березы подъ кореньями утка; обруби у березы коренья и возьми утку домой: она станетъ тебѣ нести яички — одинъ день золотое, другой день серебреное.» Бѣдной братъ пошелъ къ березѣ, досталъ утку и принесъ домой; стала утка нести яички—одинъ день золотое, другой день серебреное; сталъ онъ продавать ихъ купцамъ да боярамъ, и куда какъ разбогатѣлъ скоро [1])! «Дѣти! говоритъ онъ, молитесь Богу; Господь нашелъ насъ.»

---

[1]) *Варіантъ 1:* Жилъ старикъ со старухою въ большой бѣдности. Въ домѣ нѣтъ ничего; дѣти сидятъ безъ хлѣба да горькими слезами заливаются. Выпросилъ старикъ у сосѣда ружье и пошелъ въ лѣсъ: не удастся ли, думаетъ, птицы какой застрѣлить да семью накормить. Цѣлой день ходилъ по лѣсу—

Богатой братъ позавидовалъ, озлобился: «отчего такъ разбогатѣлъ мой братъ? теперь я нужнѣе (бѣднѣе), а онъ богаче сталъ! вѣрно, какой-нибудь грѣхъ за нимъ водится!» и пошелъ въ судъ съ жалобой. Дошло это дѣло до самого царя. Зовутъ того брата, что̀ былъ бѣденъ да разбогатѣлъ скоро, къ царю. Куды дѣвать утку? дѣти малы, пришло женѣ подъ присмотръ отдать; начала она на базаръ ходить, да яйцы по дорогой цѣнѣ продавать, а была собой красавица и слюбилась съ бариномъ. «Отчего, скажи, вы разбогатѣли?» распрашиваетъ ее баринъ. — Да намъ вѣдь Богъ далъ! А онъ приступаетъ: «нѣтъ, скажи правду; коли не скажешь, не стану тебя любить, не стану къ тебѣ ходить.» И таки не пришелъ къ ней день-другой; она позвала его къ себѣ и разсказала: у насъ есть утка—день несетъ золотое яичко, день серебреное. «Принеси-ка эту утку да покажъ, какова птица?» Оглядѣлъ утку, и видитъ—на брюшкѣ у ней золотыми буквами написано: кто съѣстъ ея голову, тотъ царемъ будетъ, а кто — сердце, тотъ станетъ золотомъ пле-

---

нѣтъ, да и нѣтъ удачи; сталъ домой ворочаться, глядь — сидитъ на деревѣ птица. Старикъ поднялъ ружье и только прицѣлился — птица ему промолвила человѣческимъ голосомъ: «не бей меня, доброй человѣкъ! возьми лучше живую, я тебѣ на добро пригожусь!» Взялъ онъ ту птицу домой, и что ни день—стала она нести ему по золотому яичку, одно другаго краше. Дождался старикъ свѣтлаго Христова Воскресенья и пошелъ къ царю христосоваться золотымъ яичкомъ; царь тому несказанно обрадовался, сдѣлалъ его купцомъ и наградилъ вольнымъ торгомъ.

Варіантъ 2: Жилъ старикъ со старухою: занимался старикъ охотою, лавливалъ и птицъ перелетныхъ, и звѣрей прискучихъ. Говоритъ однажды старуха: «поди-ка, старикъ, въ лѣсъ; не поймаешь ли чего на заговѣнье, а я Богу помолю.» Пошелъ старикъ въ лѣсъ; ходилъ-ходилъ, не видалъ ни птицы перелетныя, ни звѣря прискучаго, только и поймалъ что̀ одну птичку-синичку; да вѣдь птичка-синичка куда невеличка! на ней нечего взять. «Понесу ее на базаръ, думаетъ старикъ; авось кто купитъ! Попался ему на базарѣ купецъ, сторговалъ синичку, заплатилъ деньги и взялъ ее себѣ. У той синички подъ крыломъ было написано: кто ее съѣстъ, тотъ царемъ сдѣлается...

вать [1]). Позарился баринъ на такое великое счастье, присталъ къ бабѣ: «зарѣжь, да и зарѣжь утку!» Отговаривалась она, отговаривалась, а покончила тѣмъ, что зарѣзала утку и поставила въ печь жарить. День былъ праздничной; ушла она къ обѣдни, а тѣмъ временемъ прибѣжали въ избу два ея сына. Вздумалось имъ перекусить чего-нибудь, заглянули въ печку и вытащили утку; старшій съѣлъ голову, а меньшой сердце. Воротилась мать изъ церкви, пришелъ и баринъ, сѣли за столъ; смотритъ онъ — нѣтъ ни сердца утинаго, ни головы. «Кто съѣлъ?» спрашиваетъ баринъ, и таки дознался, что съѣли эти два мальчика. Вотъ онъ и пристаетъ къ матери: «зарѣжь-де своихъ сыновей, изъ одного вынь мозги, изъ другаго сердце; а коли не зарѣжешь — и дружба врозь!» Сказалъ и ушелъ отъ неё; вотъ она цѣлую недѣлю томилась, а послѣ не выдержала, посылаетъ къ барину: «приходи! такъ и быть для тебя и дѣтей не пожалѣю!» Сидитъ она и точитъ ножъ; старшій сынъ увидалъ, заплакалъ горькими слезами и просится: «отпусти насъ, матушка, въ садъ погулять.» — Ну, ступайте, да далеко не уходите. А мальчики не то, что гулять, ударились въ бѣги: Бѣжали-бѣжали, уморились и оголодали. Въ чистомъ полѣ пастухъ коровъ пасетъ. «Пастушокъ, пастушокъ! дай намъ хлѣбца.» — Вотъ вамъ кусочекъ, говоритъ пастухъ; только всего и осталось! кушайте на здоровье. Старшій братъ отдаетъ меньшому: «скушай ты, братецъ! ты малосильнѣе, а я подюжѣе — могу и такъ стерпѣть.» — Нѣтъ, братецъ! ты все меня за ручку тащилъ, хуже моего

---

[1]) *Варіантъ:* кто съѣстъ потрохи, у того будетъ золота безъ выгреба: что ни встанетъ поутру, а подъ изголовьемъ комокъ золота лежитъ. — Въ другомъ спискѣ сказано: кто съѣстъ печенку, у того каждое утро подъ изголовьемъ двадцать пять рублей готово. Два мальчика съѣли эту печенку, на другой день проснулись, а въ головахъ у каждаго изъ нихъ лежитъ по двѣнадцати рублей съ полтиною.

утомился; съѣдимъ пополамъ! Взяли-пополамъ раздѣлили, съѣли и оба сыты стали. Вотъ пошли они дальше; идутъ все вперёдъ да впорёдъ дорòгою широкою — и разбилась та дорога надвое; на распутіи столбъ стоитъ, на столбѣ написано: кто въ правую руку пойдетъ — царемъ сдѣлается, кто въ лѣвую руку пойдетъ — богатъ будетъ. Малой братъ и говоритъ большому: «братецъ! ступай ты въ правую руку; ты больше меня знаешь, больше меня снести можешь.» Бòльшій братъ пошелъ направо, меньшой — налѣво. Вотъ первой-то шелъ, шелъ, и пришелъ въ иное царство; попросился къ старушкѣ ночь ночевать, переночевалъ, всталъ поутру, умылся, одѣлся, Богу помолился. А въ томъ государствѣ померъ тогда царь, и собираются всѣ люди въ церковь со свѣчами: у кого прежде свѣча сама собой загорится, тотъ царь будетъ. «Поди и ты, дитятко, въ церковь! говоритъ ему старушка; можетъ у тебя свѣча прежде всѣхъ загорится.» Дала ему свѣчку; онъ и пошелъ въ церковь; только что входитъ туда — у него свѣча и загорѣлась; другимъ князьямъ да боярамъ завидно стало, начали огонь тушить, самого мальчика вонъ гнать. А царевна сидитъ высоко на тронѣ, и говоритъ: «не троньте его! худъ ли, хорошъ ли — видно судьба моя!» Подхватили этого мальчика пòдъ руки, привели къ ней; она сдѣлала ему во лбу печать своимъ золотымъ перстнемъ, приняла его во дворецъ къ себѣ, выростила, объявила царемъ, и вышла за него замужъ. Ни много, ни мало пожили они вмѣстѣ, и говоритъ новой царь своей женѣ: «позволь мнѣ поѣхать — розыскивать моего малаго брата!» — Поѣзжай съ Богомъ! Долго ѣздилъ онъ по разнымъ землямъ и нашелъ малаго брата: въ великомъ богатствѣ живетъ, цѣлыя кучи золота въ анбарахъ насыпаны; что ни плюнетъ онъ — то все золотомъ! дѣвать некуда! «Братецъ! говоритъ меньшой старшему, поѣдемъ къ отцу нашему, да посмотримъ: каково его житье-бытье?» — Хоть сейчасъ въ дорогу!

Вотъ пріѣзжаютъ они къ отцу-къ матери, попросились къ нимъ въ избу роздыхъ сдѣлать, а не сказываютъ, кто они таковы? Сѣли за столъ; старшій братъ и началъ говорить про утку съ золотыми яичками да про мать-лиходѣйку. А мать то и дѣло перебиваетъ да рѣчь запинаетъ. Отецъ догадался: «не вы ли—мои дѣтки?» — Мы, батюшка! Пошло обниманье, цѣлованье; что разговоровъ тутъ было! Старшій братъ взялъ отца въ свое царство жить; меньшой поѣхалъ невѣсту искать, а мать одноѣ покинули.

b. Былъ-жилъ старикъ со старухою: старика того звали Абросимомъ, а старуху Фетиньею, и жили они въ великой скудости и бѣдности и имѣли одного сына, по имени Иванушка, который и былъ уже по пятнадцатому году. Въ одинъ день старикъ Абросимъ промыслилъ краюшку хлѣба и принесъ домой, чтобъ накормить свою жену и сына, и лишь только принялся рѣзать—вдругъ изъ-за печки выбѣжалъ Кручина, выхватилъ изъ рукъ его краюшку и ушелъ опять за печь. Тогда старикъ началъ Кручинѣ кланяться и просить, чтобъ онъ отдалъ краюшку назадъ, потому что ему съ семьею своею ѣсть нечего. Кручина старику на то сказалъ: «а тебѣ краюшки твоей не отдамъ, а за нее подарю тебѣ уточку, которая всякой день будетъ несть по золотому яичку.» — Хорошо, сказалъ Абросимъ, я севодни какъ-нибудь безъ ужина пробуду. Только ты меня не обмани и скажи, гдѣ та уточка? «Завтра поутру, какъ ты встанешь, отвѣчалъ ему Кручина, поди въ свой огородъ, и тамъ въ пруду увидишь утку, которую поймай и возьми къ себѣ въ домъ.» Абросимъ выслушалъ его слова и легъ спать, а поутру всталъ рано и пошелъ въ огородъ, и увидѣвъ въ пруду [1]) утку, несказанно обрадовался; сталъ ловить утку, и скоро поймалъ, принесъ домой и отдалъ ее

---

[1]) *Варіантъ:* въ-праду.

Фетиньѣ. Старуха пощупала утку и сказала мужу, что утка съ яичкомъ.

Тогда они оба обрадовались и посадили утку въ корчагу и покрыли рѣшетомъ, а чрезъ часъ послѣ того посмотрѣли и увидѣли, что утка снесла золотое яичко. Тогда утку пустили погулять пò полю [1]), а яичко старикъ взялъ и понесъ продавать въ городъ, и продалъ то яичко за сто рублей, и взявши деньги, пошелъ на рынокъ и накупилъ всякаго харчу и принесъ домой. На другой-же день та уточка снесла опять такое-же яичко; Абросимъ и то продалъ. И такимъ образомъ та уточка несла всякой день по золотому яичку, и старикъ въ малое время весьма обогатился, и сдѣлался богатъ, и состроилъ себѣ въ городѣ большой домъ и множество великое лавокъ, и накупилъ разныхъ товаровъ и началъ торговать. Жена же его Фетинья понялась съ нѣкіимъ молодымъ своимъ прикащикомъ и стала его любить; а тотъ прикащикъ ее не любилъ и только выманивалъ у неё деньги.

Въ одно время, когда Абросимъ ушелъ закупать новые товары, прикащикъ пришелъ къ Фетиньѣ, и говоря съ нею, увидѣлъ уточку, которая несла золотыя яички, поймалъ ее и любовался, и примѣтилъ, что подъ крылушками у ней подписано золотыми буквами: «ежели кто ту уточку съѣстъ, тотъ царь будетъ.» Тогда прикащикъ, не сказавъ о томъ Фетиньѣ, сталъ ее упрашивать, чтобъ она любя его зажарила ту утку. Однако Фетинья ему отвѣчала, что она не можетъ и не смѣетъ ее зарѣзать, потому что отъ неё ихъ счастіе зависитъ. Прикащикъ же началъ усильно просить Фетинью, чтобъ она ту уточку изъ любви къ нему зарѣзала и зажарила. Фетинья же, долго думая и боясь своего мужа, не смѣла того сдѣлать; но послѣ ослѣпилась и уточку зарѣзала и поставила въ печь. Прика-

[1]) *Вар.* по полу.

щикъ отлучился, обѣщаясь вскорѣ назадъ придти; а Фетинья пошла въ городъ. И на ту пору пришелъ домой Иванушка, сынъ ея, и захотѣлось ему ѣсть. Онъ началъ искать чего-нибудь пообѣдать и нашелъ въ печи жареную уточку; вынувши ту утку изъ печи, съѣлъ ее всю дочиста и ушелъ со двора опять въ лавку. Потомъ пришелъ и прикащикъ и кликнулъ Фетинью. Когда-же она пришла, тогда прикащикъ велѣлъ ей подать жареную утку. Фетинья тотчасъ бросилась въ печь, и увидѣвъ, что утки нѣтъ, испужалась и сказала прикащику, что утка изъ печи пропала. Тогда прикащикъ на нее разсердился и сказалъ ей: «ты, конечно, сама утку скушала!» — разбранился и ушелъ изъ дому.

Къ вечеру пришли домой Абросимъ и Иванушка, сынъ его. Примѣтивъ, что утки нѣтъ, Абросимъ спрашиваетъ объ ней Фетинью: куда она дѣвалась? Фетинья же ему отвѣчала, что ничего о томъ не знаетъ. А Иванушка сказалъ своему отцу: «кормилецъ батюшка! я давича пришелъ домой пообѣдать, и какъ матушки не случилось дома, то я заглянулъ въ печь и увидѣлъ жареную утку, и вынувши ее изъ печи, съѣлъ всеё дочиста; только не знаю, наша ли это утка или чья иная?» Тогда Абросимъ вздурился на свою жену и прибилъ ее до полусмерти, а сына своего Иванушку согналъ со двора долой.

Малой Иванушка пошелъ путемъ-дорогою и шелъ, куда и самъ не знаетъ, а туда, куда глаза глядятъ; шелъ десять дней и десять ночей, и пришелъ къ нѣкоему государству. И когда пошелъ во градскія ворота, увидѣлъ великое множество народу; и тотъ народъ думалъ думушку крѣпкую и такую думу, что царь ихъ умеръ, а они не знали кого царемъ выбрать, и уговорились между собою такъ: который человѣкъ прежде придетъ къ нимъ въ градскія вороты, то того и царемъ сдѣлать надъ собою. И какъ на ту пору Иванушка пришелъ во градскія ворота, тогда весь народъ закричалъ: «вотъ идетъ

нашъ царь!» — и старѣйшины подхватили Иванушку подъ руки, и повели въ царскіе чертоги, и облекли его въ царскія ризы, и посадили на царской престолъ, и начали всѣ ему кланятися, яко истинному царю своему, и спрашивали отъ него разныхъ приказовъ. Тогда Иванушка подумалъ, что онъ царемъ себя во снѣ видитъ, а не на яву; однако опомнился, и увидѣвъ себя настоящимъ царемъ, возрадовался всѣмъ сердцемъ, и началъ повелѣвать народомъ и учредилъ многихъ чиновныхъ людей.

По маломъ же времени выбралъ одного изъ нихъ, именемъ Лугу, призвалъ его къ себѣ и говорилъ ему сицевыя слова: «вѣрный мой и добрый кавалеръ Луга! сослужи ты мнѣ службу: поѣзжай въ мое отечество прямо къ самому царю, бей ему отъ меня челомъ, проси, чтобъ онъ отдалъ тебѣ виновнаго купца Абросима и съ женою его Фетиньею, и когда онъ тебѣ ихъ отдастъ, то привези ты обоихъ ко мнѣ; а ежели не отдастъ, то скажи самому царю отъ меня, что его государство огнемъ сожгу и самого царя въ полонъ возьму.» Когда слуга Луга отправился въ отечество Иванушки и пріѣхалъ къ самому царю и сталъ у него просить виноватыхъ Абросима и Фетинью. — царь, вѣдая, что Абросимъ богатой купецъ въ его государствѣ, не хотѣлъ было выдавать; однако разсудилъ, что государство Иванушкино весьма сильно воинствомъ, и убояся того, отпустилъ Абросима и Фетинью. Луга же, принявъ ихъ, отправился въ свое государство, и когда привезъ ихъ къ Иванушкѣ-царю, тогда Иванушка сказалъ своему отцу Абросиму: «государь мой батюшка! ты меня выгналъ изъ дому своего; я за то принимаю тебя къ себѣ. Живите оба съ матушкою у меня до конца жизни.» Абросимъ и Фетинья возрадовались, что ихъ сынъ царемъ сталъ, и съ того дня жили у сына много лѣтъ, а послѣ померли. Иванушка сидѣлъ на престолѣ тридцать лѣтъ въ добромъ здоровьи и

благополучія; всѣ подданные любили его нелицемѣрно до послѣдняго часа его жизни.

(Перепечатана съ лубочнаго изданія.)

54.

ИВАНЪ СУЧЕНКО И БѢЛОЙ ПОЛЯНИНЪ.

Начинается сказка отъ сивки, отъ бурки, отъ вѣщей каурки. На морѣ, на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ быкъ печеный, возлѣ него лукъ толченый; шли три молодца, зашли да позавтракали, а дальше идутъ — похваляются, сами собой забавляются: были мы, братцы, у такого-то мѣста, наѣдались пуще, чѣмъ деревенская баба тѣста! Это присказка, сказка будетъ впереди.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь на гладкомъ мѣстѣ, словно на скатерти, съ-роду не имѣлъ у себя дѣтей. Пришелъ до него нищій. Царь его пытаетъ: «не знаешь ли ты — что̀ мнѣ такое сдѣлать, чтобъ были у меня дѣти?» Онъ ему отвѣчаетъ: «собери-ка ты мальчиковъ да дѣвочекъ — семилѣтокъ, чтобъ дѣвочки напряли, а мальчики выплели за одну ночь неводъ; тѣмъ неводомъ вели наловить въ морѣ леща златопёраго и дай его царицѣ съѣсть.» Вотъ поймали леща златопёраго, отдали въ кухню изжарить; поварка [1]) вычистила, вымыла леща, кишки собакѣ бросила, помои отдала тремъ кобыламъ выпить, сама оглядала косточки, а рыбу царица скушала. Вотъ разомъ родили: царица сына, и поварка сына, и собака сына, а три кобылы ожеребились тремя жеребятами. Царь далъ имъ всѣмъ имена: царевичъ Иванъ, Поваренко Иванъ и Сученко Иванъ. Ростутъ они, добрые

---

[1]) Стряпуха.

молодцы, не по днямъ, не по часамъ, а по минутамъ; выросли большіе, и посылаетъ Иванъ-Сученко Ивана-царевича до царя: «поди, попроси, чтобъ позволилъ намъ царь осѣдлать тѣхъ трехъ коней, что̀ кобылы принесли, да поѣхать по городу погулять-покататься.» Царь позволилъ; они посѣдлали коней, выѣхали за̀ городъ и начали межъ собой говорить: «чѣмъ намъ у батюшки у царя жить, лучше въ чужія земли поѣдемъ!» Вотъ они взяли-купили желѣза, сдѣлали себѣ по булавѣ— каждая булава въ девять пудовъ, и погнали коней. Немного погодя, говоритъ Иванъ-Сученко: «какъ намъ, братцы, будетъ путь держать, когда нѣтъ у насъ ни старшаго, ни младшаго? Надо такъ сдѣлать, чтобъ былъ у насъ старшій братъ.» Царенко говоритъ, что меня отецъ старшимъ поставилъ, а Сученко—свое, что надо силу попробовать—по стрѣлкѣ бросить. Кидаютъ стрѣлки одинъ за другимъ: сначала Царенко Иванъ, за Царенкомъ Поваренко, за Поваренкомъ Сученко. Ѣдутъ не далеко, не близко—ажъ лежитъ царенкова стрѣлка; немного подальше того упала поваренкова стрѣлка, а сученковой нигдѣ не видать! Ѣдутъ все впередъ да впередъ, и заѣхали за тридевять земель въ тридесятое царство, въ нишее государство—ажъ тамъ лежитъ сученкова стрѣлка. Тутъ и порѣшили: Царенко будетъ меньшой братъ, Поваренко—подстаршій, а Сученко—самый найстаршій, и пустились опять въ путь-дорогу. Смотрятъ—передъ ними степь разстилается, на той степи палатка разбита, у палатки конь стоитъ, ярую пшеницу ѣстъ, медовой сытой запиваетъ. Посылаетъ Иванъ-Сученко Ивана-царевича: «пойди, узнай: кто въ палаткѣ?» Вотъ Царенко приходитъ въ палатку, а тамъ на кровати Бѣлой-Поляниндъ лежитъ. И ударилъ его Бѣлой-Поляниндъ мизинцомъ по̀ лбу—Царенко упалъ; онъ взялъ его да подъ кровать и бросилъ. Посылаетъ Сученко Ивана-Поваренка; Бѣлой-Поляниндъ и этого ударилъ мизинцомъ по̀ лбу и бросилъ подъ кро-

вать. Сученко ждалъ-ждалъ, не дождался; прибѣгаетъ туда самъ, какъ ударитъ Бѣлаго-Поланина разъ — онъ и глаза подъ лобъ! Послѣ вынесъ его изъ палатки; свѣжій вѣтерокъ пахнулъ, Бѣлой-Поланинъ ожилъ и проситъ: «не убивай меня! прійми за самаго меньшаго брата!» Иванъ-Сученко его помиловалъ.

Вотъ всѣ четыре брата поосѣдлали своихъ коней и поѣхали пущами да рощами; долго ли, коротко ли ѣхали — стоитъ передъ ними домъ въ два этажа подъ золотой крышею. Зашли въ этотъ домъ—вездѣ чисто, вездѣ убрано, напитковъ, наѣдковъ вдоволь запасено, а живыхъ людей нѣтъ никого; подумали-подумали и положили пока здѣсь проживать-дни коротать. Утромъ три брата на охоту поѣхали, а Ивана-царевича дома оставили за хозяйствомъ смотрѣть. Онъ наварилъ, нажарилъ къ обѣду всякой всячины, сѣлъ на лавкѣ да трубку покуриваетъ. Вдругъ ѣдетъ старой дѣдъ въ ступѣ, толкачемъ подпирается, подъ нимъ ковета (?) на семь саженей лита, и проситъ милостины. Царенко даетъ ему цѣлой хлѣбъ; дѣдъ не за хлѣбъ, за него берется, крючкомъ да въ ступу, толкъ-толкъ! снялъ у него со спины полосу до самыхъ плечей, взялъ-половою натёръ, да подъ полъ [1]) бросилъ... Вернулись братья съ охоты, спрашиваютъ Царенка: «никого у тебя не было?» — Я никого не видалъ; развѣ вы кого? «Нѣтъ, и мы не видали!» На другой день дома остался Иванъ-Поваренко, а тѣ на охоту поѣхали; наварилъ обѣдать, сѣлъ на лавкѣ и куритъ трубку— ажъ ѣдетъ дѣдъ въ ступѣ, толкачемъ подпирается, подъ нимъ ковета на семь саженей лита, и проситъ милостины. Поваренко даетъ ему булку; онъ не за булку, а за него, крючкомъ да въ ступу, толкъ-толкъ! снялъ кожу до самыхъ плечей, половою натёръ, да подъ полъ бросилъ... Вернулись братья съ охоты и

---

[1]) Помостъ въ избахъ, замѣняющій кровати (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 168).

спрашиваютъ: «никого у тебя не было?» — Нѣтъ, никого! а вы развѣ видѣли? «Нѣтъ, и мы не видали!» На третій день дома остался Бѣлой-Полянинъ; наварилъ обѣдать, сѣлъ на лавкѣ и куритъ трубку—ажъ ѣдетъ дѣдъ въ ступѣ, толкачемъ подпирается, подъ нимъ ковета на семь саженей лита, и проситъ милостины. Бѣлой-Полянинъ даетъ ему булку; онъ не за булку, а за него, крючкомъ да въ ступу, толкъ-толкъ! снялъ кожу до самыхъ плечей, половою натёръ, да подъ полъ бросилъ... Пріѣхали братья съ охоты: «ты никого не видалъ?» —Нѣтъ, никого; а вы? «И мы тожъ!» На четвертой день остался дома Иванъ-Сученко; наварилъ обѣдать, сѣлъ на лавкѣ и куритъ трубку — ажъ опять ѣдетъ старой дѣдъ въ ступѣ, толкачемъ подпирается, подъ нимъ ковета на семь саженей лита, и проситъ милостины. Сученко даетъ ему булку; онъ не за булку, а за него, крючкомъ да въ ступу—ступа и разбилась. Иванъ-Сученко ухватилъ дѣда за̀ голову, притащилъ до вербоваго пня, расколол̀ъ пень на̀двое да всадилъ дѣдову бороду въ разщелину, а самъ — въ горницу. Вотъ ѣдутъ его братья, межъ собой разговариваютъ. «Что, братцы! вамъ ничего не случилось? спрашиваетъ Царенко; а у меня такъ рубаха совсѣмъ къ тѣлу присохла!»—Ну, и намъ досталось! до спины доторкнуться нельзя. Проклятой дѣдъ! вѣрно, онъ и Сученку содралъ. Пріѣхали домой: «а что, Сученко Иванъ, никого у тебя не было?» — Былъ одинъ нахаба [1]), такъ я ему по-своему задалъ! «Что-жъ ты ему сдѣлалъ?»—Пень расколол̀ъ да бороду всадилъ. «Пойдемъ, посмотримъ!» Пришли на дѣда смотрѣть, а его и слѣдъ простылъ! Какъ попалъ онъ въ тиски, началъ биться, рваться, и таки выворотилъ весь пень съ корнемъ и унесъ съ собой на тотъ свѣтъ; а съ того свѣта онъ приходилъ до своего дома подъ золотою крышею.

---

[1]) Наглой, непріятной гость (Дополн. къ Опыту обл. словаря, стр 138).

Братья пошли по его слѣдамъ, шли-шли—стоитъ гора: въ той горѣ ляда [1]); взяли ее отворили, привязали до каната камень и опустили въ нору; какъ достали каменемъ дно, вытянули его назадъ и привязали до каната Ивана-Сученка. Говоритъ Сученко: «черезъ три дня какъ встряхну канатъ — сейчасъ меня вытягайте!» Вотъ опустили его на тотъ свѣтъ. Онъ вспомнилъ про царевенъ, что̀ покрали на тотъ свѣтъ три змія: «пойду ихъ шукать!» [2]) Шелъ-шелъ — стоитъ двухъэтажной домъ; вышла оттуда дѣвка: «чего, русской человѣкъ, коло нашего двора ходишь?» — А ты что за спросъ! Дай-ка мнѣ наперёдъ воды—глаза промыть, накорми меня, напой, да тогда и спрашивай. Она принесла ему воды, накормила, напоила и повела къ царевнѣ. «Здравствуй, прекрасная царевна!»—Здравствуй, доброй молодецъ! чего сюда зашелъ? «За тобою; хочу съ твоимъ мужемъ воевать.»—Охъ, не отымешь ты меня! мой мужъ дюже сильный, съ шестью головами! «Я и съ одною, да буду воевать, какъ мнѣ Богъ поможетъ!» Царевна его за двери спрятала — ажъ летитъ змій: «фу, русска кость воня̀!» —Ты, душечка, на Руси леталъ, русской кости напахалъ! [3]) говоритъ царевна, подаетъ ему ужинать, а сама тяжело вздохнула. «Чего, голубка, такъ тяжело вздыхаешь?»—Какъ мнѣ не вздыхать! четвертой годъ за тобою, не видѣла ни отца, ни матери. Ну что если-бы кто-нибудь изъ моихъ родныхъ да сюда пришелъ? что-бъ ты ему сдѣлалъ? «Что сдѣлалъ? пилъ да гулялъ бы съ нимъ.» На тѣ рѣчи выходитъ изъ-за дверей Иванъ-Сученко. «А, Сученко! здравствуй; зачѣмъ пришелъ: биться, или мириться?» — Давай биться! дми точокъ! [4]) Змій дунулъ—у него сталъ чугунный точокъ съ серебреными пругами, а Сученко дунулъ — у него серебреный съ золотыми пругами.

---

[1]) Поперечная дверь (Дополн. къ Опыту обл. словаря, стр. 107).

[2]) Искать. [3]) Т. е. русскаго духу набрался; *пахнуть* — вѣять и за-тѣмъ сравни съ словами: *дунуть* и *духъ*. [4]) Токъ, видное мѣсто.

Ударилъ онъ змія разъ и убилъ до смерти, въ пепелъ перепалилъ, на вѣтеръ перепустилъ; царевна дала ему кольцо, онъ взялъ и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ — опять двухъэтажной домъ; вышла ему на встрѣчу дѣвка и спрашиваетъ: «чего ты, русской человѣкъ, коло нашего двора ходишь?» — А ты что за спросъ? Дай напередъ мнѣ воды—глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай! Вотъ она принесла ему воды, накормила его, напоила и къ царевнѣ проводила. «Чего ты пришелъ?» говоритъ царевна.—За тобою; хочу съ твоимъ мужемъ воевать. «Куда тебѣ воевать съ моимъ мужемъ! мой мужъ дюже сильный, съ девятью головами!» — Я и съ одною, да буду съ нимъ воевать, какъ мнѣ Богъ поможетъ! Царевна спрятала гостя за двери—ажъ летитъ змій: «фу, какъ русска кость вонѣ!»—Это ты по Руси леталъ, русской кости напахалъ! говоритъ царевна, стала подавать ужинать и тяжело вздохнула. «Чего ты, душечка, вздыхаешь?» — Какъ мнѣ не вздыхать, когда я ни отца, ни матери не вижу. Что-бъ ты сдѣлалъ, если-бы кто-нибудь изъ моихъ родныхъ сюда пришелъ? «Пилъ да гулялъ бы съ нимъ!» Иванъ-Сученко выходитъ изъ-за дверей. «А, Сученко! здравствуй, говоритъ змій; чего ты пришелъ сюда: биться, или мириться?» — Станемъ биться! дми точокъ! Змій дунулъ—у него сталъ чугунный точокъ съ серебреными пругами, а Иванъ-Сученко дунулъ — у него серебреный съ золотыми пругами; ударилъ онъ змія и убилъ до смерти, въ пепелъ перепалилъ, на вѣтеръ перепустилъ. Царевна ему дала кольцо; онъ взялъ и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ—опять такой-же домъ съ двумя этажами. Вышла на встрѣчу дѣвка: «чего, русской человѣкъ, коло нашего двора ходишь?» — Ты прежде воды дай—глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай! Она принесла ему воды, накормила, напоила и къ царевнѣ проводила. «Здравствуй, Иванъ-Сученко! чего ты пришелъ?» — За тобою; хочу тебя у змія

отнимать. «Куда тебѣ отнимать! мой мужъ дюже сильный, съ двѣнадцатью головами!» — Я и съ одною, а его повою, коли Богъ поможетъ! Входитъ въ горницу, а тамъ двѣнадцатиглавой змій дрыхнетъ [1]): какъ змій вздохнётъ, такъ увесь потолокъ ходоромъ [2]) заходитъ! а его сорокопудовая булава въ кутку [3]) стоитъ. Иванъ-Сученко свою булаву въ кутокъ поставилъ, а зміеву взялъ; размахнулся, какъ ударитъ змія — пошелъ гулъ по всему двору! съ дому крышу сорвало! Убилъ Иванъ-Сученко двѣнадцатиглаваго змія, въ пепелъ перепалилъ, на вѣтеръ перепустилъ. Царевна даетъ ему кольцо и говоритъ: «будешь со мною жить!» А онъ зоветъ ее съ собою. «Какъ-же я свое богатство брошу?» Взяла-все свое богатство въ золотое яйцо своротила и отдала Ивану-Сученку; онъ положилъ то яйцо въ карманъ, и вмѣстѣ съ нею пошелъ назадъ до ея сестеръ. Подстаршая царевна своротила свое богатство въ серебреное яйцо, а самая меньшая—въ мѣдное, и ему-жъ отдали.

Приходятъ они въ-четверомъ до норы; Иванъ-Сученко привязалъ меньшую царевну и встряхнулъ канатъ: «какъ тебя (говоритъ) вытянутъ наверхъ, то покличь: Царенко! Онъ озовется: га! а ты скажи: я твоя!» Послѣ привязалъ другую царевну и опять встряхнулъ канатъ, чтобъ наверхъ тянули: «какъ тебя вытянутъ, то покличь: Поваренко! Онъ озовется: га! а ты скажи: я твоя!» Сталъ третью царевну до каната привязывать, и говоритъ ей: «какъ тебя вытянутъ, ты молчи—моя будешь!» Вытянули эту царевну, она молчитъ; вотъ Бѣлой-Полянинъ рассердился, и какъ стали тянуть Ивана-Сученка, взялъ да-й перерѣзалъ канатъ. Сученко упалъ, приподнялся и пошелъ до стараго дѣда. Дѣдъ его пытаетъ: «чего ты пришелъ?» —Биться! Начали воевать; бились-бились, устали и бросились

---

[1]) Спитъ. [2]) Ходенемъ (Доп. къ Опыту областн. словаря, стр. 292). [3]) Въ углу.

до воды. Дѣдъ ошибся, далъ Сученку сильной воды напиться, а самъ простой выпилъ. Сталъ Иванъ Сученко осиливать; дѣдъ ему и говоритъ: «не добивай меня! возьми себѣ въ погребѣ кремень, кресало да трехъ сортовъ шерсть — въ бѣдѣ пригодится!» Иванъ-Сученко взялъ кремень, кресало и трехъ сортовъ шерсть; вырубилъ огонь и припалилъ сѣрую шерсть— бѣжитъ до него сѣрой конь, изъ-подъ копытъ шматья [1]) летятъ, изо рта пàра [2]) пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ. «Много-ль нужно времени, пока ты меня на тотъ свѣтъ вынесешь?» —А столько, сколько нужно людямъ, чтобъ обѣдъ наварить! Сученко припалилъ вороную шерсть — бѣжитъ вороной конь, изъ-подъ копытъ шматья летятъ, изо рта пàра пышетъ, изъ ушей дымъ валитъ. «Скоро-ль ты меня на тотъ свѣтъ вынесешь?» — Люди пообѣдать не успѣютъ! Припалилъ рыжую шерсть — бѣжитъ рыжій конь, изъ-подъ копытъ шматья летятъ, изо рта пàра пышетъ, изъ ушей дымъ валитъ. «Скоро-ль ты меня на тотъ свѣтъ вынесешь?» — Плюнуть не успѣешь! Сѣлъ на того коня, и очутился въ своей землѣ.

Приходитъ до золотаря: «я, говоритъ, буду твоимъ помощникомъ!» Меньшая царевна приказываетъ золотарю: «сдѣлай мнѣ къ свадьбѣ золотой перстень!» Онъ взялся за ту работу, а Иванъ-Сученко говоритъ: «постой, я тебѣ перстень сдѣлаю, а ты мнѣ мѣшокъ орѣховъ дай.» Золотарь принесъ ему мѣшокъ орѣховъ; Иванъ-Сученко орѣхи поѣлъ, золото молоткомъ разбилъ, вынулъ царевнино колечко, вычистилъ и отдалъ хозяину. Царевна приходитъ въ субботу за кольцомъ, глянула: «ахъ, какое прекрасное колечко! я такое отдала Ивану-Сученку, да его нѣтъ на этомъ свѣтѣ!» И проситъ золотаря къ себѣ на свадьбу. На другой день золотарь пошелъ на свадьбу; а Иванъ-Сученко дома остался, при-

---

[1]) Большіе куски грязи, земли. [2]) Паръ.

палилъ сѣрую шерсть — бѣжитъ до него сѣрой конь. «Чего ты меня требуешь?»—Надо на весильномъ [1]) домѣ трубу сорвать! «Садись на меня, заглянь въ лѣвое ухо, выглянь въ правое!» Онъ заглянулъ въ лѣвое ухо, а въ правое выглянулъ— и сталъ такой молодецъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Поскакалъ и снялъ трубу съ дома; тутъ всѣ закричали, перепугались, свадьба разъѣхалась. — Другая царевна приносла золото, проситъ кольцо сдѣлать. Иванъ-Сученко говоритъ золотарю: «дай мнѣ два мѣшка орѣховъ, я тебѣ кольцо сдѣлаю.»—Ну, что-жъ? сдѣлай. Сученко орѣхи поѣлъ, золото молоткомъ разбилъ, вынулъ царевнино кольцо, вычистилъ и отдалъ. Царевна увидала кольцо: «ахъ, какое славное! я точно такое отдала Ивану-Сученку, да его теперь нѣтъ на этомъ свѣтѣ!» Взяла кольцо и зоветъ золотаря на свадьбу. Тотъ пошелъ на свадьбу, а Иванъ-Сученко припалилъ вороную шерсть — бѣжитъ вороной конь. «Чего ты отъ меня требуешь?» — Надо сорвать съ весильнаго дома крышу. «Сядь на меня; въ лѣвое ухо заглянь, въ правое выглянь!» Онъ заглянулъ въ лѣвое ухо, выглянулъ въ правое — сталъ молодецъ молодцомъ! Конь понесъ его такъ шибко, что сорвалъ съ дома крышу; всѣ закричали, принялись стрѣлять въ коня, только не попали; свадьба опять разъѣхалась. — Вотъ и старшая царевна проситъ, чтобы ей колечко сдѣлали: «не хотѣла я, говоритъ, за Бѣлаго-Полянина замужъ идти, да видно Богъ такъ судилъ!» Иванъ-Сученко говоритъ золотарю: «дай мнѣ три мѣшка орѣховъ, я тебѣ кольцо сдѣлаю.» Опять орѣхи поѣлъ, золото молоткомъ разбилъ, вынулъ царевнино кольцо, вычистилъ и отдалъ. Въ субботу приходитъ царевна за кольцомъ, глянула: «ахъ, какое славное колечко! Боже мой! гдѣ ты досталъ этотъ перстень? я точно такой отдала тому, кого любила.» И

---

[1]) Свадебномъ.

просить золотаря: «приходи завтра на свадьбу ко мнѣ!» На другой день золотарь пошелъ на свадьбу; а Иванъ-Сученко дома остался, припалилъ рыжую шерстину — бѣжитъ рыжій конь. «Чего ты отъ меня требуешь?» — Неси меня, какъ хочешь; только бы намъ впередъ ѣхать — потолокъ на весильномъ домѣ сорвать, а назадъ ѣхать — Бѣлаго-Полянина за чубъ взять! «Садь на меня, въ лѣвое ухо заглянь, въ правое выглянь!» Понесъ его рыжій конь шибко-шибко! туда ѣдучи — Сученко потолокъ съ дома снялъ, а назадъ ѣдучи — ухватилъ Бѣлаго-Полянина за чубъ, поднялся высоко вверхъ и бросилъ его наземь: Бѣлой-Полянинъ на кусочки разбился. А Иванъ-Сученко опустился внизъ, обнялся, поцѣловался съ своею невѣстою; Иванъ-царевичъ и Поваренко ему обрадовались; всѣ они обвѣнчались на прекрасныхъ царевнахъ и стали жить вмѣстѣ богато и счастливо.

(Сообщена М. А. Максимовичемъ.)

55.

СКАЗКА О ЕМЕЛѢ ДУРАКѢ [1]).

Въ нѣкоторой было деревнѣ: жилъ мужикъ, и у него было три сына, два было умныхъ, а третій дуракъ, котораго звали Емельяномъ. И какъ жилъ ихъ отецъ долгое время, то и пришелъ въ глубокую старость; призвалъ къ себѣ сыновьевъ и говорилъ имъ: «любезныя дѣти! я чувствую, что вамъ со мною недолго жить; оставляю вамъ домъ и скотину, которые вы раздѣлите на части ровно; также оставляю вамъ денегъ на каждаго по сту рублевъ.» Послѣ того вскорѣ отецъ ихъ умеръ, и дѣти, похороня его честно, жили благополучно. Потомъ

---

[1]) См. прим. VI, № 32.

вздумали Емельяновы братья ѣхать въ городъ торговать на тѣ триста рублевъ, которые имъ отказаны были ихъ отцомъ, и говорили они дураку Емельяну: «послушай, дуракъ, мы поѣдемъ въ городъ, возьмемъ съ собой и твои сто рублевъ, а когда выторгуемъ, то барышъ пополамъ и купимъ тебѣ красной кафтанъ, красную шапку и красные сапоги. А ты оставься дома; есколи что тебя заставятъ сдѣлать наши жены, а твои невѣстки (ибо они были женаты), то ты сдѣлай.» Дуракъ, желая получить обѣщанные красной кафтанъ, красную шапку и красные сапоги, отвѣчалъ братьямъ, что онъ будетъ дѣлать все, что его заставятъ. Послѣ того братья его поѣхали въ городъ, а дуракъ остался дома и жилъ съ своими невѣстками.

Потомъ спустя нѣсколько времени въ одинъ день, когда было зимнее время и былъ жестокой морозъ, тогда говорили ему невѣстки, чтобъ онъ сходилъ за водою. Но дуракъ, лежа на печи, сказалъ: «да а вы-то что?» Невѣстки закричали на него: «какъ, дуракъ, мы-то что? Вить ты видишь, какой морозъ, что и мущинѣ въ пору идти!» Но онъ говорилъ: «я лѣнюсь!» Невѣстки опять на него закричали: «какъ ты лѣнишься? вѣдь ты захочешь же ѣсть, а когда не будетъ воды, то и сварить ничего нельзя.» Притомъ сказали: «добро-жъ, мы скажемъ своимъ мужьямъ, когда они пріѣдутъ, что хотя и купятъ они красной кафтанъ и все, но чтобъ тебѣ ничего не давали»—что слыша дуракъ и желая получить красной кафтанъ и шапку, принужденъ былъ идтить, слѣзъ съ печи и началъ обуваться и одѣваться. И какъ совсѣмъ одѣлся, взялъ съ собою вёдры и топоръ, пошелъ на рѣку, ибо ихъ деревня была подлѣ самой рѣки; и какъ пришелъ на рѣку, то и началъ прорубать пролубь, и прорубилъ чрезвычайно большую. Потомъ почерпнулъ въ вёдра воды и поставилъ ихъ на льду, а самъ стоялъ подлѣ пролуби и смотрѣлъ въ воду. Въ то самое время увидѣлъ дуракъ, что плавала въ той пролуби пребольшая щука; а Емеля, сколько

ни былъ глупъ, однако-жъ пожелалъ ту щуку поймать, и для того сталъ онъ по-немножку подходить; подошедъ къ ней близко, ухватилъ вдругъ ее рукою, вытащилъ изъ воды, и положивъ за пазуху, хотѣлъ идти домой. Но щука говорила ему: «что ты, дуракъ! на что ты меня поймалъ?» — Какъ на что? говорилъ онъ, я тебя отнесу домой и велю невѣсткамъ сварить. «Нѣтъ, дуракъ, не носи ты меня домой; отпусти ты меня опять въ воду; я тебя за то сдѣлаю человѣкомъ богатымъ.» Но дуракъ ей не вѣрилъ и хотѣлъ идти домой. Щука, видя, что дуракъ ея не отпускаетъ, говорила: «слушай, дуракъ, пусти-жъ ты меня въ воду; я тебѣ сдѣлаю то: чего ты ни пожелаешь, то все по твоему желанію исполнится.» Дуракъ, слыша сіе, весьма обрадовался, ибо онъ былъ чрезвычайно лѣнивъ и думалъ самъ себѣ: «когда щука сдѣлаетъ такъ, что чего я ни пожелаю — все будетъ готово, то я уже работать ничего не буду!» Говорилъ онъ щукѣ: «я тебя отпущу, только ты сдѣлай то, что обѣщаешь.» На что отвѣчала щука: «ты прежде пусти меня въ воду, а я обѣщаніе свое исполню.» Но дуракъ говорилъ ей, чтобъ она прежде свое обѣщаніе исполнила, а потомъ онъ ее отпуститъ. Щука, видя, что онъ не хочетъ ее пускать въ воду, говорила: «ежели ты желаешь, чтобъ я тебѣ сказала, какъ сдѣлать — чего ни пожелаешь, то надобно, чтобы ты теперь-же сказалъ: чего хочешь?» Дуракъ говорилъ ей: «я хочу, чтобъ мои вёдры съ водою сами пошли нà гору (ибо деревня та была на горѣ), и чтобъ вода не расплескалась.» Щука тотчасъ ему говорила: «ничего, не расплещится! только помни слова, которыя я тебѣ стану сказывать; вотъ въ чемъ тѣ слова состоятъ: по щучьему велѣнію, а по моему прошенію ступайте, вёдры, сами нà гору!» Дуракъ послѣ ея говорилъ: «по щучьему велѣнью, а по моему прошенью ступайте, вёдры, сами нà гору!» — и тотчасъ вёдры и съ коромысломъ пошли сами нà гору. Емеля, видя сіе, весьма удивился; потомъ говорилъ

щукѣ: «все ли такъ будетъ?» На что щука отвѣчала, что «все та будетъ, чего только пожелаешь; не забудь только тѣ слова, которыя я тебѣ сказывала.» Послѣ того пустилъ онъ щуку въ воду, а самъ пошелъ за вёдрами. Сосѣди его, видя (то), удивлялись и говорили межъ собою: «что это дуракъ дѣлаетъ? вёдры съ водою идутъ сами, а онъ идетъ за ними.» Но Емеля, не говоря ничего съ ними, пришелъ домой; вёдры взошли въ избу и стали на лавку, а дуракъ влѣзъ на печь.

Потомъ спустя нѣсколько времени говорили ему опять невѣстки: «Емеля, что ты лежишь? ты бы пошелъ дровъ нарубилъ.» Но дуракъ говорилъ: «да а вы-то что?» — Какъ мы что? вскричали на него невѣстки; вѣдь та(е)перь зима, и ежели ты не пойдешь рубить дровъ, такъ тебѣ-жъ будетъ холодно. «Я лѣнюсь!» говорилъ дуракъ. — Какъ лѣнишься? говорили ему невѣстки; вѣдь ты-же озябнешь. Притомъ онѣ говорили: «ежели ты не пойдешь рубить дровъ, такъ мы скажемъ своимъ мужьямъ, чтобъ они тебѣ не давали ни краснаго кафтана, ни красной шапки, ни красныхъ сапоговъ.» Дуракъ, желая получить красной кафтанъ, шапку и сапоги, принужденъ былъ нарубить дровъ; но какъ онъ былъ чрезвычайно лѣнивъ и не хотѣлось ему слѣзать съ печи, то говорилъ потихоньку, на печи лёжа, сіи слова: «по щучьему велѣнью, а по моему прошенью ну-ка, топоръ, поди наруби дровъ; а вы, дрова, сами въ избу идити(е) и въ печь кладитесь!» Топоръ откуда не взялся — выскочилъ на дворъ и началъ рубить; а дрова сами въ избу шли и въ печь клались, что̀ видя его невѣстки весьма удивлялись Емельяновой хитрости. Итакъ каждой день, когда только дураку велятъ нарубить дровъ, то топоръ и нарубитъ. И жилъ онъ съ невѣстками нѣсколько времени; потомъ невѣстки говорили ему: «Емеля, таперича нѣту дровъ у насъ; съѣзди въ лѣсъ и наруби.» Дуракъ имъ говорилъ: «да а вы-то что?» — Какъ мы что? отвѣчали невѣстки; вѣдь

лѣсъ далеча и таперь зима, такъ холодно ѣхать намъ въ лѣсъ за дровами. Но дуракъ имъ говорилъ: «я лѣнюсь!» — Какъ лѣниться? говорили ему невѣстки; вѣдь тебѣ-же будетъ холодно; а ежели ты не пойдешь, то когда пріѣдутъ твои братья, а наши мужья, то мы не велимъ имъ ничего тебѣ давать: ни кафтана краснаго, ни шапки красной, ни сапогъ красныхъ. Дуракъ, желая получить красной кафтанъ, красную шапку и красные сапоги, принужденъ былъ ѣхать въ лѣсъ за дровами, и вставъ, слѣзъ съ печи и началъ скорѣе обуваться и одѣваться.

И какъ совсѣмъ одѣлся, то вышелъ на дворъ и вытащилъ изъ-подъ навѣсу [1]) сани, взялъ съ собою веревку и топоръ, сѣлъ въ сани и говорилъ своимъ невѣсткамъ отворить вороты. Невѣстки, видя, что онъ ѣдетъ въ саняхъ, да безъ лошади, ибо дуракъ лошади не запрягалъ, говорили ему: «что ты, Емеля, сѣлъ въ сани, а лошади не запрёгъ?» Но онъ говорилъ, что лошади ему не надо, а только чтобъ отворили ему вороты. Невѣстки отворили вороты, а дуракъ, сидя въ саняхъ, говорилъ: «по щучьему велѣнью, а по моему прошенью ну-тка, сани, ступайте(е) въ лѣсъ!» Послѣ сихъ словъ сани тотчасъ поѣхали со двора, что̀ видя живущіе въ той деревнѣ мужики удивлялись, что Емеля ѣхалъ въ саняхъ и безъ лошади, и такъ шибко: хотя бы пара лошадей была запряжена, то нельзя бы шибче ѣхать! И какъ надобно было дураку ѣхать въ лѣсъ черезъ городъ, то и поѣхалъ онъ по оному городу; но какъ не зналъ, что надобно кричать для того, чтобы не передавить народу, то онъ ѣхалъ и не кричалъ, чтобъ посторонились, и передавилъ множество народу, и хотя за нимъ гнались, однако догнать его не могли.

Емеля уѣхалъ изъ города, а пріѣхавъ къ лѣсу, остановился и вылѣзъ изъ своихъ саней, и говорилъ: «по щучьему велѣнью,

---

[1]) *Вар.* изъ сарая.

а по моему прошенью ну-тка, топоръ, руби-ка дрова, а вы, полѣнья, сами кладитесь въ сани и вяжитесь!» Лишь только сказалъ дуракъ сіи слова, топоръ началъ рубить дрова, а полѣнья сами клались въ сани и веревкой вязались. Послѣ того, какъ нарубилъ онъ дровъ, велѣлъ еще топору вырубить одну дубинку. Какъ топоръ вырубилъ, то онъ сѣлъ на возъ и говорилъ: «ну-ка по щучьему велѣнью, а по моему прошенью поѣзжайте, сани, домой сами.» Тотчасъ и поѣхали они весьма шибко, и какъ подъѣхалъ онъ къ тому городу, въ которомъ онъ уже передавилъ много народу, тамъ уже дожидались его, чтобъ поймать; и какъ въѣхалъ въ городъ, то его поймали и стали тащить съ возу долой; притомъ начали его бить. Дуракъ, видя, что его тащутъ и бьютъ, потихоньку сказалъ сіи слова: «по щучьему велѣнью, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, отломай-ка имъ руки и ноги!» Въ тотъ часъ выскочила дубинка и начала всѣхъ бить. И какъ народъ бросился бѣжать, дуракъ поѣхалъ изъ городу домой [1]), а дубинка когда всѣхъ перебила, то покатилась вслѣдъ за нимъ-же. И какъ пріѣхалъ Емеля домой, то и влѣзъ на печь.

Послѣ того, какъ онъ уѣхалъ изъ города, стали поговаривать объ немъ вездѣ—не столько о томъ, что онъ передавилъ множество народу, сколько удивлялись тому, что онъ ѣхалъ въ саняхъ безъ лошади. Мало по малу рѣчи сіи дошли до самаго короля. Какъ король услышалъ то, чрезвычайно захотѣлъ его видѣть, и для того послалъ одного офицера и далъ ему нѣсколько солдатъ, чтобъ его сыскать. Посланной отъ короля офицеръ поѣхалъ немедленно изъ города и напалъ на ту дорогу, по которой ѣздилъ дуракъ въ лѣсъ. И какъ пріѣхалъ офицеръ въ ту деревню, гдѣ жилъ Емеля, то призвалъ къ себѣ старосту и сказалъ ему: «я присланъ отъ короля за

---

[1]) *Вар.* въ свою деревню.

вашимъ дуракомъ, чтобъ взять его и привести къ королю.» Староста тотчасъ показалъ тотъ дворъ, гдѣ жилъ Емеля, и офицеръ вошелъ въ избу и спрашивалъ: гдѣ дуракъ? а онъ, лёжа на печи, отвѣчалъ: «на что тебѣ?»—Какъ на что? одѣвайся скорѣй; я повезу тебя къ королю. Но Емеля говорилъ: «а что мнѣ тамъ дѣлать?» Офицеръ на него разсердился за неучтивыя слова и ударилъ его по щекѣ. Дуракъ, видя, что его бьютъ, сказалъ потихоньку: «по щучьему велѣнью, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, отломай-ка имъ руки и ноги!» Дубинка тотчасъ выскочила и начала ихъ бить, и перебила всѣхъ—какъ офицера, такъ и солдатъ. Офицеръ принужденъ былъ ѣхать назадъ; и какъ пріѣхалъ въ городъ, то и доложили королю, что дуракъ всѣхъ перебилъ. Король весьма удивился и не вѣрилъ тому, чтобъ могъ онъ всѣхъ перебить; однако выбралъ король умнаго человѣка, котораго послалъ съ тѣмъ, чтобы, какъ только возможно, привезъ дурака—хоть обманомъ.

Посланной отъ короля поѣхалъ, и какъ пріѣхалъ въ ту деревню, гдѣ жилъ Емеля, то призвалъ къ себѣ старосту и говорилъ ему: «я присланъ отъ короля за вашимъ дуракомъ, чтобъ его привезть; а ты призови мнѣ тѣхъ, съ кѣмъ онъ живетъ.» Староста тотчасъ побѣжалъ и привелъ его невѣстокъ. Посланной отъ короля спрашивалъ ихъ: что дуракъ любитъ? Невѣстки ему отвѣчали: «милостивой государь нашъ! дуракъ любитъ—ежели станешь просить неотступно о чемъ; онъ откажетъ разъ и другой, а въ третій уже не откажетъ и сдѣлаетъ; не любитъ онъ того, кто съ нимъ грубо поступаетъ.» Посланной отъ короля отпустилъ ихъ и не велѣлъ сказывать Емели, что онъ призывалъ ихъ къ себѣ. Послѣ того накупилъ изюму, черносливу и винныхъ ягодъ, пошелъ къ дураку, и какъ пришелъ въ избу, то подойдя къ печи говорилъ: «что ты, Емеля, лежишь на печи?» и даетъ ему изюму,

черносливу и винныхъ ягодъ, и проситъ: «поѣдемъ, Емеля, къ королю со мною; я тебя отвезу.» Но дуракъ говорилъ: «мнѣ и тутъ тепле!» ибо онъ ничего, кромѣ тепла, не любилъ. А посланной началъ его просить: «пожалуста, Емеля, поѣдемъ; тамъ тебѣ будетъ хорошо!» Дуракъ говорилъ: «я лѣнюсь!» Посланной сталъ просить его: «пожалуста поѣдемъ; тамъ тебѣ король велитъ сшить красной кафтанъ, красную шапку и красные сапоги.» Дуракъ, услыша, что красной кафтанъ велятъ ему сшить, ежели поѣдетъ, говорилъ: «поѣзжай же ты впередъ, а я за тобой буду.» Посланной не сталъ ему болѣе докучать, отошелъ отъ него и спрашивалъ тихонько у его невѣстокъ: «не обманываетъ ли меня дуракъ?» Но онѣ увѣряли, что онъ не обманетъ. Посланной поѣхалъ назадъ, а дуракъ послѣ его полежалъ еще на печи и говорилъ: «охъ, какъ мнѣ не хочется къ королю ѣхать; но такъ ужь и быть!» Потомъ говорилъ: «ну-ка по щучьему велѣнью, а по моему прошенью поѣзжай-ка, печь, прямо въ городъ!» Тотчасъ изба затрещала и печь вонъ пошла изъ избы, и какъ сошла содвора, то и поѣхала печь столь шибко, что̀ и догнать нельзя; и онъ догналъ еще на дорогѣ того посланнаго, которой за нимъ ѣздилъ, а во двор(ецъ) съ нимъ пріѣхалъ.

Какъ король увидѣлъ, что пріѣхалъ дуракъ, то и вышелъ со всѣми своими министрами его смотрѣть, и видя, что Емеля пріѣхалъ на печи, ничего не говорилъ; потомъ спрашивалъ его король: «для чего ты столько передавилъ народу, какъ ѣздилъ за дровами въ лѣсъ?» Но Емеля говорилъ: «я чѣмъ виноватъ! для чего они не посторонились?» И въ то время подошла къ окошку королевская дочь и смотрѣла на дурака, а Емеля нечаянно взглянулъ на то окошко, въ которое она смотрѣла, и видя дуракъ ее весьма прекрасною — говорилъ тихонько: «кабы по щучьему велѣнью, а по моему прошенью

влюбилась едакая красавица въ меня!» Лишь только сіи слова выговорилъ, королевская дочь посмотрѣла на него и влюбилась. А дуракъ послѣ того сказалъ: «ну-ка по щучьему велѣнью, а по моему прошенью ступай-ка, печь, домой!» Тотчасъ поѣхала печь домой, а пріѣхавши—опять стала на прежнемъ мѣстѣ.

Емеля жилъ послѣ того нѣсколько времени благополучно; но въ городѣ у короля происходило другое, ибо по дураковымъ словамъ королевская дочь влюбилась, и стала просить отца своего, чтобъ выдалъ ее за дурака замужъ. Король за то весьма разсердился на дурака, и не зналъ, какъ его взять. Въ то время доложили королю министры, чтобъ послать того офицера, которой прежде ѣздилъ за Емелей и не умѣлъ его взять; за вину его король, по ихъ совѣту, приказалъ представить того офицера. Какъ офицеръ предъ нимъ предсталъ, тогда король говорилъ ему: «слушай, другъ мой, я тебя прежде посылалъ за дуракомъ, но ты его не привезъ; за вину твою посылаю тебя въ другой разъ, чтобъ ты привезъ непримѣнно его; ежели привезешь, то будешь награжденъ, а ежели не привезешь, то будешь наказанъ.» Офицеръ выслушалъ короля и поѣхалъ немедленно за дуракомъ, а какъ пріѣхалъ въ ту деревню, то призвалъ опять старосту и говорилъ ему: «вотъ тебѣ деньги; купи все, что надобно завтра къ обѣду, и позови Емелю, и какъ будетъ онъ къ тебѣ обѣдать, то пой его допьяна, пока спать ляжетъ.» Староста зналъ, что онъ пріѣхалъ отъ короля, принужденъ былъ его послушаться, искупилъ все то и позвалъ дурака. Какъ Емеля сказалъ, что будетъ, то офицеръ его дожидался съ великою радостію. На другой день пришелъ дуракъ; староста началъ его поить и напоилъ его допьяна, такъ что Емеля легъ спать. Офицеръ, видя, что онъ спитъ, тотчасъ связалъ его и приказалъ подать кибитку, и какъ подали, то и положили дурака; потомъ сѣлъ и офицеръ

въ кибитку и повезъ его въ городъ. И какъ подъѣхалъ онъ къ городу, то и повезъ его прямо во дворецъ. Министры доложили королю о пріѣздѣ того офицера. И какъ скоро король услышалъ, то немедленно приказалъ принести большую бочку, и чтобъ набиты были (на ней) желѣзные обручи. Тотчасъ была сдѣлана и принесена оная бочка къ королю. Король, видя, что все готово, приказалъ посадить въ ту бочку свою дочь и дурака, и велѣлъ ихъ засмолить; а какъ ихъ посадили въ бочку и засмолили, то король при себѣ жъ велѣлъ пустить ту бочку въ море. И по его приказанію немедленно ее пустили, и король возвратился въ свой городъ.

А бочка, пущенная по морю, плыла нѣсколько часовъ; дуракъ все то время спалъ, а какъ проснулся и видя, что темно, спрашивалъ самъ у себя: «гдѣ я?» ибо думалъ, что онъ одинъ. Принцесса ему говорила: «ты, Емеля, въ бочкѣ, да и я съ тобою посажена.»—А ты кто? спросилъ дуракъ. «Я—королевская дочь», отвѣчала она, и разсказала ему—за что она посажена съ нимъ вмѣстѣ въ бочку; потомъ просила его, чтобъ онъ освободилъ себя и ее изъ бочки. Но онъ говорилъ: «мнѣ и тутъ тепло!»—Сдѣлай милость, говорила принцесса, сжалься на мои слезы; избавь меня и себя изъ этой бочки. «Какъ-же не такъ, говорилъ Емеля; я лѣнюсь!» Принцесса опять начала его просить: «сдѣлай милость, Емеля, избавь меня изъ этой бочки, и не дай мнѣ умереть.» Дуракъ, будучи тронутъ ея просьбою и слезами, сказалъ ей: «хорошо; я для тебя это сдѣлаю.» Послѣ того говорилъ потихоньку: «по щучьему велѣнью, а по моему прошенью выкинь-ка ты, море, эту бочку, въ которой мы сидимъ, на берегъ—на сухое мѣсто, только чтобъ поближе къ нашему государству; а ты, бочка, какъ на сухомъ мѣстѣ будешь, то сама разшибися!» Только успѣлъ дуракъ выговорить эти слова, какъ море начало волноваться и въ тотъ часъ выкинуло бочку на берегъ —на сухое мѣсто, а бочка

сама разсыпалась. Емеля всталъ и пошелъ съ принцессою по тому мѣсту, куда ихъ выкинуло, и увидѣлъ дуракъ, что они были на весьма прекрасномъ островѣ, на которомъ было премножество разныхъ деревьевъ со всякими плодами. Принцесса, все то видя, весьма радовалась, что они на такомъ прекрасномъ островѣ; а послѣ того говорила: «что-жъ, Емеля, гдѣ мы будемъ жить? ибо нѣтъ здѣсь и шалаша.» Но дуракъ говорилъ: «вотъ ты ужь многаго требуешь!» — Сдѣлай милость, Емеля, вели поставить какой-нибудь домикъ, говорила принцесса, чтобы можно было намъ гдѣ во время дождя укрыться; ибо принцесса знала, что онъ все можетъ сдѣлать, ежели захочетъ. Но дуракъ сказалъ: «я лѣнюсь!» Она опять начала его просить, и Емеля, будучи тронутъ ея просьбой, принужденъ былъ для нея то сдѣлать; онъ отошелъ отъ нея и говорилъ: «по щучьему велѣнью, а по моему прошенью будь среди этого острова дворецъ лучше королевскаго, и чтобъ отъ моего дворца и до королевскаго былъ хрустальной мостъ, а во дворцѣ чтобы были разнаго званія люди.» И лишь успѣлъ выговорить сіи слова, то въ ту-жъ минуту и появился преогромной дворецъ и хрустальной мостъ. Дуракъ взошелъ съ принцессою во дворецъ и увидѣлъ, что въ покояхъ весьма богатое было убранство и множество людей: какъ лакеевъ, такъ и всякихъ разнощиковъ, которые ожидали отъ дурака повелѣнія. Дуракъ, видя, что всѣ люди — какъ люди, а онъ одинъ былъ нехорошъ и глупъ, захотѣлъ сдѣлаться получше, и для того говорилъ: «по щучьему велѣнью, а по моему прошенью кабы я сдѣлался такой молодецъ, чтобъ мнѣ не было подобнаго, и чтобъ былъ я чрезвычайно умёнъ!» И лишь успѣлъ выговорить, то въ ту-жъ минуту сдѣлался такъ прекрасенъ, а притомъ и умёнъ, что всѣ удивлялись.

Послѣ того послалъ Емеля изъ своихъ слугъ къ королю, чтобъ звать его къ себѣ и со всѣми министрами. Посланной

отъ Емели поѣхалъ къ королю по тому хрустальному мосту, которой сдѣлалъ дуракъ; и какъ пріѣхалъ во дворецъ, то министры представили его предъ короля, и посланной отъ Емели говорилъ: «милостивой государь! я присланъ отъ моего господина съ покорностію просить васъ къ нему кушать.» Король спрашивалъ: «кто таковъ твой господинъ?» Но посланной отвѣчалъ: «я не могу вамъ сказать про него (ибо дуракъ ему сказывать не велѣлъ про себя, кто онъ таковъ); о моемъ господинѣ ничего неизвѣстно; а когда вы будете кушать у него, въ то время и скажетъ о себѣ.» Любопытствуя знать, кто присылалъ звать его, король сказалъ посланному, что онъ непремѣнно будетъ. Когда посланной ушелъ, король тотчасъ поѣхалъ вслѣдъ за нимъ со всѣми министрами. Посланной, возвратясь назадъ, сказалъ, что король непремѣнно будетъ, и только сказалъ — а король и ѣдетъ къ дураку по тому мосту хрустальному и съ принцами. И какъ пріѣхалъ король во дворецъ, то Емеля вышелъ на встрѣчу, принималъ его за бѣлыя руки, цѣловалъ во уста сахарныя, ласково вводилъ его въ свой бѣлокаменный дворецъ, сажалъ его за столы дубовые, за скатерти браныя, за кушанья сахарныя, за питья медовыя. За столомъ король и министры пили, ѣли и веселились; а какъ встали изъ-за стола и сѣли по мѣстамъ, то дуракъ говорилъ королю: «милостивой государь! узнаёте ли вы меня, кто я таковъ?» И какъ Емеля былъ въ то время въ пребогатомъ платьѣ, а притомъ лицемъ былъ весьма прекрасенъ, то и нельзя было узнать его, почему король и говорилъ, что онъ не знаетъ. Но дуракъ говорилъ: «помните ли, милостивой государь, какъ дуракъ къ вамъ пріѣзжалъ на печи во дворецъ, и вы его и съ дочерью, засмоля въ бочку, пустили въ море? Итакъ узнайте теперь меня, что я — тотъ самой Емеля!» Король, видя его предъ собою, весьма испугался и не зналъ, что дѣлать; а дуракъ въ то время пошелъ за его дочерью и при-

велъ ее предъ короля. Король, увидя дочь свою, весьма обрадовался и говорилъ дураку: «я передъ тобой весьма виноватъ, и за то отдаю за тебя въ замужество дочь мою.» Дуракъ, слыша сіе, съ покорностію благодарилъ короля; и какъ у Емели все было готово къ свадьбѣ, то въ тотъ-же день праздновали ее съ великолѣпіемъ. А на другой день дуракъ сдѣлалъ великолѣпный пиръ для всѣхъ министровъ, а для простаго народу выставлены были чаны съ разными напитками [1]). И какъ веселье отошло, то король отдавалъ ему свое королевство; но онъ не захотѣлъ. Послѣ того король поѣхалъ въ свое королевство, а дуракъ остался въ своемъ дворцѣ и жилъ благополучно.

(Напечатана съ лубочнаго изданія.)

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ВЫПУСКА.

---

[1]) *Вар.* [illegible].

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ

СКАЗКИ.

А. Н. АѲАНАСЬЕВА,

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ

СКАЗКИ.

ВЫПУСКЪ VI.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконённое число экземпляровъ. Москва, 18 октября 1861 года.

Ценсоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

1.

НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ.

а. Жилъ-былъ купецъ; у него былъ сынъ. Вотъ однажды посылаетъ онъ сына въ нижніе города товары закупать, и на прощаньи наказываетъ: «смотри же, сынокъ! будь умёнъ да разсудливъ, съ рыжимъ да съ краснымъ не связывайся!» Поѣхалъ купеческой сынъ въ путь-дорогу. День-то былъ морозный; вотъ онъ прозябъ и заѣхалъ въ кабакъ обогрѣться; входитъ — за стойкою сидитъ рыжій цѣловальникъ. «Налей-ка мнѣ, говоритъ ему купеческой сынъ, стаканъ доброй наливки.» Выпилъ стаканъ наливки, и больно пришлась она ему по вкусу: «вотъ наливка, такъ наливка! ста рублёвъ стóитъ! Налей-ка еще.» Выпилъ въ другой разъ — еще лучше показалась: «ну, братъ, этотъ стаканъ двухъ сотъ стóитъ!» А цѣловальникъ себѣ на умѣ: какую цѣну сказывалъ купеческой сынъ, ту и на стѣнку записывалъ. Пришло дѣло до разсчета. «Сколько тебѣ?» спрашиваетъ купеческой сынъ.—Триста рублёвъ. «Что ты бѣлены объѣлся? экую цѣну заломилъ!»—Не я заломилъ, ты же самъ назначилъ; да теперь назадъ пятишься. Только, братъ, отъ меня не отвертишься; коли не заплатишь—съ двора не спущу! Нечего дѣлать, заплатилъ купеческой сынъ триста рублёвъ, поѣхалъ дальше и думаетъ самъ съ собою: «вотъ она правда-то! водись послѣ того съ рыжими да съ красными! не-

даромъ отецъ наказывалъ; родительское слово—пустимное не бываетъ.» На ту самую пору попадается на встрѣчу рыжій мужикъ съ возомъ. Какъ увидалъ его купеческой сынъ, тотчасъ выскочилъ изъ кибитки и сунулся ничкомъ въ снѣгъ, ажно дрожитъ съ испугу! «Что съ нимъ сталося? не попритчилось ли?» подумалъ встрѣчной мужикъ, подошелъ къ купеческому сыну, и сталъ подымать его на ноги: «вставай, братъ!» —Отвяжись отъ меня! ужь одинъ рыжій надулъ меня, и ты надуешь. «Полно, братъ! рыжій да красной всякой бываетъ: бываетъ плутъ, бываетъ и доброй человѣкъ. Да кто тебя обманулъ-то?»—Такъ и такъ, рыжій цѣловальникъ изъ сосѣдняго села. «Воротись со мной; я съ нимъ сдѣлаюсь.» Вотъ пріѣхали они въ кабакъ; мужикъ тотчасъ окинулъ глазомъ всю избу; увидалъ: подъ матицей баранья лопатка виситъ, подошелъ къ цѣловальнику, спросилъ рюмку водки, да тутъ-же бьетъ его по плечу и говоритъ: «продай-ка мнѣ эту лопаточку!»—Купи. «Что возьмешь?»—Рубль серебра. Мужикъ выкинулъ цѣлковой; послѣ вынулъ изъ-за пазухи широкой ножъ, и даетъ купеческому сыну въ руки: «на, братъ! вырѣжь у него лопатку—мнѣ на закуску.»—Что ты! говоритъ цѣловальникъ; я тебѣ баранью лопатку продалъ, а не эту. «Разсказывай! меня, братъ, не проведешь, какъ этого купеческаго сына; не на таковскаго напалъ!» Цѣловальникъ проситъ да молитъ, чуть не въ ноги кланяется. «Ну, такъ и быть! сказалъ мужикъ, отпущу тебя, коли воротишь купеческому сыну всѣ деньги сполна.» Цѣловальникъ отдалъ назадъ триста рублёвъ: а мужикъ того и добивался: «вотъ видишь, говоритъ купеческому сыну, рыжій да красной всякой бываетъ: бываетъ и плутъ, бываетъ и доброй человѣкъ. Поѣзжай теперь съ Богомъ!» А купеческой сынъ только и думаетъ, какъ-бы скорѣе убраться; сѣлъ въ кибитку, погоняетъ лошадей, и говоритъ самъ съ собой объ мужикѣ: «слава Богу, вырвался! цѣловальникъ рыжій плутоватъ, а

будетъ еще плутоватѣй: коли-бъ съ нимъ связался, кажись, онъ съ меня съ живаго бы кожу снялъ!»

(Записано въ оренбургской губерніи.)

b. Жилъ-былъ бѣдной мужикъ; дѣтей много, а добра—всего одинъ гусь. Долго берегъ онъ этого гуся, да голодъ не тетка! до того дошло, что ѣсть нечего; вотъ мужикъ и зарѣзалъ гуся; зарѣзалъ, зажарилъ и на столъ поставилъ. Все бы хорошо, да хлѣба нѣтъ, а соли не бывало. Говоритъ хозяинъ своей женѣ: «какъ станемъ мы ѣсть безъ хлѣба, безъ соли? Лучше я отнесу гуся-то къ барину на поклонъ, да попрошу у него хлѣба.» — Ну, что-жъ? съ Богомъ! Приходитъ къ барину: «принёсъ вашей милости гуська на поклонъ; чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Не побрезгуй, родимой!»—Спасибо, мужичокъ, спасибо! раздѣли-же ты гуся промежъ насъ безъ обиды [1]). А у того барина была жена, да два сына, да двѣ дочери—всего было шестеро. Подали мужику ножъ; сталъ онъ кроить, гуся дѣлить. Отрѣзалъ голову и даетъ барину: «ты, говоритъ, всему въ домѣ голова, такъ тебѣ голова и слѣдуетъ.» Отрѣзалъ гузку, даетъ барынѣ: «тебѣ дома сидѣть, за домомъ смотрѣть; вотъ тебѣ гузка!» Отрѣзалъ ноги, даетъ сыновьямъ: «а вамъ по ножкѣ, топтать отцовскія дорожки!» Дочерямъ далъ по крылышку: «вамъ съ отцемъ, съ матерью недолго жить; выростите—прочь улетите. А я, говоритъ, мужикъ глупъ, мнѣ глодать хлупъ!» [2]) Такъ всего гуся и выгадалъ себѣ. Баринъ засмѣялся, напоилъ мужика виномъ, наградилъ хлѣбомъ и отпустилъ домой. Услыхалъ про то богатой мужикъ, позавидовалъ бѣдному, взялъ-зажарилъ цѣлыхъ пять гусей и понесъ къ барину. «Что тебѣ, мужичокъ?» спрашиваетъ баринъ.—Да

---

[1]) *Варіантъ:* Хорошо, мужичокъ! умѣлъ ты меня подарить, сумѣй теперь гуся раздѣлить; коли раздѣлишь безъ обиды—награжу тебя деньгами, а не раздѣлишь—велю накормить березовой лапшою.

[2]) Птичье гузнище.

вотъ принесъ вашей милости на поклонъ пять гусиковъ. «Спасибо, братецъ! ну-ка раздѣли промежъ насъ безъ обиды.» Мужикъ и такъ, и сякъ; нѣтъ, не раздѣлишь поровну! стоитъ да въ затылкѣ почесываетъ. Послалъ баринъ за бѣднымъ мужикомъ, велѣлъ ему дѣлить. Тотъ взялъ одного гуся, отдалъ барину съ барыней, и говоритъ: «вы теперь, сударь, самъ третей!» Отдалъ другаго гуся двумъ сыновьямъ, а третьяго — двумъ дочерямъ: «и вы теперь самъ третей!» Остальную пару гусей взялъ себѣ: «вотъ и я самъ третей!» Баринъ говоритъ: «вотъ молодецъ, такъ молодецъ! съумѣлъ всѣмъ поровну раздѣлить, и себя не забылъ.» Тутъ наградилъ онъ бѣднаго мужика своею казною, а богатаго выгналъ вонъ.

c. Повёзъ бѣдной мужичокъ дрова продавать. Встрѣчаетъ его богатой да чванной. «Эй, постой! что на базаръ везешь?» — Солому. «Врёшь, дуракъ! какая солома — это дрова!» — Ну, коли самъ видишь, такъ нѐча и спрашивать; у тебя глаза не вытѣкли! сказалъ бѣдной и поѣхалъ своей дорогой. На другой день идетъ богатой да чванной по улицѣ съ пріятелемъ; «такъ и такъ, разсказываетъ ему, разобидѣлъ меня бѣдной мужичишка!» А бѣдной какъ тутъ — ѣдетъ опять на встрѣчу. «Вотъ онъ — вчерашній мужикъ-то!» говоритъ богатой. «Нѣтъ, врёшь! отвѣчаетъ ему бѣдной; я не вчерашній: скоро сорокъ лѣтъ стукнетъ, какъ живу на бѣломъ свѣтѣ.»

d. Шли проселкомъ нищіе — старикъ да старуха; стали подходить къ деревнѣ. Старикъ говоритъ: «я здѣсь молока попрошу!» Старуха въ отвѣтъ: «а я въ молоко хлѣба покрошу!» Старикъ ухватилъ старуху и давай бить да приговаривать: «не кроши въ молоко хлѣба, не то прокиснетъ! не кроши въ молоко хлѣба, не то прокиснетъ!» Пришли въ деревню, а молока никто нѐ далъ.

e. Повезла баба въ городъ кринку масла продавать; время-то шло къ масляной. Нагоняютъ ее два солдата; одинъ позади

остался, а другой впередъ забѣжалъ и проситъ бабу: «эй, тетка! подпояшь меня пожалуйста.» Баба слѣзла съ воза и принялась подпоясывать. «Да покрѣпче подтяни!» Баба подтянула покрѣпче. «Нѣтъ, это туго; послабь маленько.» Отпустила послабѣе. «Ужъ это больно слабо будетъ; затяни потуже.» Пока завязывала баба поясъ то крѣпче, то слабѣе, другой солдатъ успѣлъ утащить кринку съ масломъ и убрался себѣ по добру по здорову. «Ну, спасибо тебѣ, тетка! подпоясала ты меня на всю масляницу», говоритъ солдатъ.—На здоровье, служба! Пріѣхала баба въ городъ, хвать—а масла какъ не бывало!

f. Пришелъ солдатъ съ походу на квартиру, и говоритъ хозяйкѣ: «здравствуй, божья старушка! дай-ка мнѣ чего-нибудь поѣсть.» А старуха въ отвѣтъ: «вотъ тамъ на гвоздикѣ повѣсь.» —Аль ты совсѣмъ глуха, что не чуешь? «Гдѣ хошь, тамъ и заночуешь.»—Ахъ ты, старая вѣдьма! я тѣ глухоту-то вылѣчу! — и полѣзъ было съ кулаками: подавай на столъ! «Да нечего, родимой!» — Вари кашицу! «Да нѐ изъ чего, родимой!»—Давай топоръ; я изъ топора сварю. «Что за диво! думаетъ баба; дай посмотрю, какъ изъ топора солдатъ кашицу сваритъ.» Принесла ему топоръ; солдатъ взялъ, положилъ его въ горшокъ, налилъ воды и давай варить. Варилъ-варилъ, попробовалъ, и говоритъ: «всѣмъ бы кашица взяла, только-бъ малую толику крупъ подсыпать!» Баба принесла ему крупъ. Опять варилъ-варилъ, попробовалъ, и говоритъ: «совсѣмъ бы готово, только-бъ масломъ сдобрить!» Баба принесла ему масла. Солдатъ сварилъ кашицу: «ну, старуха, теперь подавай хлѣба да соли, да принимайся за ложку; станемъ кашицу ѣсть.» Похлебали вдвоемъ кашицу. Старуха спрашиваетъ: «служивой! когда-же топоръ будемъ ѣсть?»—Да вишь, онъ еще не уварился, отвѣчалъ солдатъ; гдѣ-нибудь на дорогѣ доварю, да позавтракаю. Тотчасъ припряталъ топоръ въ ранецъ, распро-

стился съ хозяйкою и пошелъ въ иную деревню. Вотъ такъ-то солдатъ и кашицы поѣлъ, и топоръ унёсъ!

g. Купилъ мужикъ гуся къ празднику и повѣсилъ въ сѣняхъ. Провѣдали про то двое солдатъ; одинъ взобрался на крышу гуся добывать, а другой вошелъ въ избу. «Здорово, хозяинъ!» —Здорово, служба! «Благослови колядовать!»—Колядуй, доброй человѣкъ! Солдатъ началъ!

А въ лѣсѣ, въ лѣсѣ
Солдатъ на стрѣхѣ; [1])
Стрѣху продралъ,
Гуся забралъ.
Святой вечеръ!

А хозяину и не въ догадъ, что солдатъ прямо въ глаза ему смѣется. «Спасибо тебѣ, служивой! я, говоритъ, такой коледы отъ роду не слыхивалъ.»—Ничего, хозяинъ! завтра самъ ее увидишь. На утро полѣзла хозяйка за гусемъ, а гусемъ и не пахнетъ давно!

h. Дѣло было весною. Вынесли бабы холсты бѣлить: «ну, говорятъ, теперь надо смотрѣть да смотрѣть, какъ-бы кто холстовъ ни стибрилъ!»—У меня все будетъ цѣло! стала похваляться одна старушка; кто къ моимъ холстамъ только руку протянетъ, тотъ съ мѣста не встанетъ! Похвальныя рѣчи завсегда гнилы; старуха-то выдавала себя за колдунью, а какая колдунья! бывало у людей кровь заговариваетъ, а у себя и соплей утереть не сможетъ. Вотъ разостлала она по полю холсты и усѣлась сторожить. Проходили мимо двое солдатъ и вздумали поживиться чужимъ добромъ. «Слушай, товарищъ! говоритъ одинъ; ты залѣзь въ кусты, да смотри не зѣвай! а я подойду, стану съ бабой лясы точить.» Сказано—сдѣлано. Подошелъ солдатъ къ старухѣ: «здравствуй, баушка!»—Здорово, батюшка! куда тебя Господь несетъ? «Иду къ начальству за

---

[1]) Стрѣха—крыша, кровля.

тѣмъ, за сѣмъ, больше не за чѣмъ.»—И-и, родимой! служба-то ваша куды мудрена! «А я, баушка, къ тебѣ съ запросомъ; вижу: ты—человѣкъ бывалой! разрѣши-ка нашъ солдатской споръ. Товарищи мои говорятъ, что въ вашей сторонѣ совсѣмъ не такъ звонятъ, какъ у насъ; а я говорю, что все равно.» —Вѣстимо, все равно; небось, и у васъ колокола-то мѣдные! «То то! прозвони-ка, баушка, по вашему.»—По нашему: тинь-тинь-тинь! донъ-донъ! тинь-тинь-тинь! донъ-донъ! «Немного разницы! у насъ, баушка, звонятъ порѣже.» Тутъ солдатъ махнулъ своему товарищу рукою и зазвонилъ: «ти(я)инитини, потягивай, тини-тини, потягивай!» Старуха и ротъ разинула; пока она слушала, другой солдатъ стянулъ холстъ — и былъ таковъ! «Ну, служивой! говоритъ старуха, а сама такъ и заливается со смѣху; звоны-то ваши куда чудны! досыта насмѣешься!»—А вотъ ужо—такъ досыта наплачешься! Прощай, баушка! «Съ Богомъ, родимой!» Вечеромъ стали бабы холсты считать; у старухи нѣтъ одного. Заплакала она горькими слезами, и наплакалась досыта: правду сказалъ солдатъ! [1])

і. Пошелъ солдатъ въ отпускъ; шелъ-шелъ, много вёрстъ ногами измѣрилъ, и добрался къ вечеру до одной деревушки. Время было осеннее: то дождемъ поливало, а тутъ изморозь пошла. Солдатъ крѣпко измочился и весь иззябъ; остановился у одной избы, постучался въ окно, и просится ночевать. «Кто тамъ?» спрашиваетъ хозяинъ.—Солдатъ. «Откуда тебя черти принесли! ступай туда, откуда пришелъ.» Постучался солдатъ

---

[1]) *Варіантъ:* У мужика въ сѣняхъ висѣлъ кусокъ сала. Одинъ солдатъ взобрался на чердакъ, другой вошелъ въ избу: «здравствуй, бабушка? скажи пожалуста, какъ у васъ звонятъ?»—Неужли-жъ ты не слыхивалъ? «Не доводилось, бабушка!»—У насъ звонятъ: тень-бомъ! тень-бомъ! «А у насъ: тини-тини, по-тя-ги-вай, на-сто-ро-ну по-гля-ды-вай!»—Хорошо и эдакъ! говоритъ баба. Ну, пока одинъ звонилъ, другой (солдатъ) сало стащилъ.

у другой и у третьей избы, всю деревню обошелъ—нигдѣ не пускаютъ; приходится на улицѣ мерзнуть! Увидалъ онъ: на другомъ краю стоитъ еще избушка, пошелъ туда и говоритъ: «эй, хозяинъ! пусти нà ночь кости обогрѣть.»—Пожалуй, пущу, только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы ты во всю ночь сказывалъ намъ сказки. «Хорошо, говоритъ солдатъ; я стану сказывать, только чтобъ никто мнѣ не поперечилъ; а коли кто хоть единое слово промолвитъ, такъ ужь не погнѣвись—тому и сказки разсказывать до бѣлаго дня.»—Ладно, ладнò, служивой! Вотъ поужинали и улеглись нà ночь: хозяинъ съ солдатомъ на лавкахъ, хозяйка на печкѣ, а работникъ подъ печкою. «Ну, сказалъ солдатъ, теперь слушайте; начинается моя сказка: какъ у васъ, хозяинъ, на деревнѣ мужики всё живутъ дураки! какъ у васъ на деревнѣ мужики всё живутъ дураки!» И пошелъ твердить одно и тоже, разовъ сто ужь повторилъ! мужикъ слушалъ-слушалъ, разобидѣлся и не вытерпѣлъ. «Послушай, служивой! вить ты и меня за-одно ругаешь, а не я-ль тебя въ избу пустилъ?» Солдатъ вскочилъ съ лавки, хлопъ хозяина пò уху: «мое дѣло было сказывать, твое—слушать да молчать!» Присталъ къ нему вплотную; ничѣмъ не отвяжешься! «Полно, служивой! говоритъ хозяинъ; ложись съ Богомъ. Я самъ тебѣ стану сказку сказывать.» Солдатъ улегся, а мужикъ началъ: «дуракъ будетъ тотъ, кто тебя, служивой, впёредъ пуститъ къ себѣ ночевать; а я больше никогда не пущу! дуракъ будетъ тотъ, кто тебя, служивой, впёредъ пуститъ къ себѣ ночевать; а я больше никогда не пущу!» Разовъ сто повторилъ онъ эти рѣчи; на ту пору проснулась на печи хозяйка, слышитъ, что въ избѣ все еще бормочутъ, и говоритъ: «полно вамъ болтать! скоро свѣтъ, а вы все не спите.» Мужикъ съ солдатомъ вскочили и пристали къ старухѣ: «какъ ты смѣла перебить нашу сказку? теперь сама разсказывай!» Нечего дѣлать, начала старуха: «какой, говоритъ, хозяинъ—подлецъ, такого-жъ подлеца

и ночлежника пустилъ! иной хозяинъ — подлецъ, такого-жъ подлеца и ночлежника пустилъ!» Твердила-твердила; вотъ услыхалъ работникъ и отозвался подъ печкою: «будетъ вамъ толковать, изъ пустого въ порожнее переливать; добрые люди давно спятъ!» Тутъ всѣ трое: и солдатъ, и хозяинъ съ хозяйкою уцѣпились за работника: говори до нихъ сказку! Работникъ началъ: «какъ не спали мы съ вечера, такъ не спать намъ и дò свѣту; скоро надо на работу идти! какъ не спали мы съ вечера, такъ не спать намъ и дò свѣту; скоро надо на работу идти!» И говорилъ онъ эти рѣчи до самаго свѣта. Поутру собрался солдатъ въ дорогу: «прощай, хозяинъ!» — Ну тò къ бѣсу!

к. Два солдата шли домой на побывку; шли, шли — дѣло-то было зимою — и набрели на мерзлаго человѣка. Одинъ говоритъ: «вотъ бѣда!» Другой ему: «что за бѣда? это Богъ кладъ даетъ!» Отрубилъ у мертваго ногу и положилъ ее въ ранецъ совсѣмъ съ сапогомъ. Пришли они въ большое село, сговорилися промежду себя, и выпросилися одинъ у богатаго мужика нà ночь, другой у его сосѣда. Тотъ, чтò ночевалъ у богатаго мужика, собрался рано-рано, только свѣтать начинало, подбросилъ на полати отрубленную ногу и ушелъ потихоньку. Погодя немного, приходитъ его товарищъ, стучится въ избу и кричитъ: «вставай! солдату долго спать не приходится; пора въ походъ идти.» — Да его здѣсь нѣту, говоритъ хозяйка; видно съ позаранку ушелъ. «Вотъ тò на, чтò выдумала! какъ-же онъ про меня-то забылъ?» Тотчасъ вошелъ солдатъ въ избу, бросился на полати, искалъ-искалъ, и нашелъ отрубленную ногу; вытащилъ ее: «а это что?» говоритъ. Хозяинъ съ хозяйкою перепугались: «батюшка! знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ; ни душою, ни тѣломъ не виноваты.» — Врете вы, воры! Польстилися на солдатскія деньги да и зарѣзали; вотъ такъ-то вы нашего брата прохожаго обираете, да свои карманы набиваете — съ того и богатѣете! Да что съ вами много

разговорились! пойду къ сотскому и скажу; пускай-ко дѣло судъ разбираетъ. Мужикъ чуть ни въ ноги кланяется солдату: «служивой! батюшка! нельзя ли какъ помириться?» Принесъ ему штофъ водки, подчуетъ, а самъ все упрашиваетъ. Солдатъ какъ выпилъ, еще пуще закуражился. «Не погуби, родимой! проситъ мужикъ; хочешь полсотни взять?» — Какъ-бы не такъ! Съ убитаго ты, чай, цѣлую тысячу заграбилъ; давай пятьсотъ, въ убыткѣ не будешь! Коли дашь — все шито да крыто, а не дашь — на себя пеняй! Нечего дѣлать, заплатилъ ему мужикъ пятьсотъ рублевъ. «Давай еще на придачу лошадь съ телегой.» Мужикъ и на томъ не постоялъ. Вотъ солдатъ сѣлъ въ повозку и поѣхалъ въ путь-дорогу; нагналъ своего товарища, что впередъ-то ушелъ, и говоритъ: «здорово, землякъ! не подвезти ли?» — Что, какъ дѣло? «Да вѣдь я-жъ тебѣ говорилъ, что Богъ кладъ дастъ!»

1. Познакомился русской съ чувашиномъ и сталъ ѣздить къ нему въ гости. Пріѣдетъ бывало, а чувашинъ его за руку, да за столъ: «садись, садись! *моя* тебя любитъ.» И начнетъ его такъ угощать, что русской мужикъ напьется крѣпко-крѣпко пьянъ: едва въ повозку ввалится! Лошадь-то у него была привычная, сама домой привезетъ. Вотъ этотъ мужикъ такую взялъ сноровку: какъ только захочетъ напиться пьянъ, сейчасъ запрягаетъ лошадь и ѣдетъ прямо къ чувашину. Другой разъ дня два пропьянствуетъ, а къ себѣ чувашина не зоветъ. Однова былъ у чувашина праздникъ; русской къ нему въ гости, и такъ наугощался, что любо-дорого! и объ святой недѣлѣ невсегда мужику такая благодать выпадетъ! Вотъ русской и говоритъ чувашину: «братъ! заѣзжай какъ-нибудь ко мнѣ въ гости.» — Спасибо, братъ! случится по дорогѣ — заѣду. Прошло немного времени; понадобилось чувашину быть въ той самой деревнѣ, гдѣ проживалъ его русской знакомецъ. Заѣзжаетъ къ нему на дворъ — на ту пору мужикъ рожь моло-

шатъ: «здравствуй, русской! Богъ въ помощь!» — А здорово, братъ, здорово! говоритъ русской. Сейчасъ бросилъ молотить, взялъ чувашина за руку и повелъ въ избу, посадилъ въ переднемъ углу, а на столъ полное ведро воды поставилъ. Набралъ ковшикъ и подноситъ чувашину: «пей, братъ!» Тотъ выпилъ. Онъ — другой ковшикъ: «пей, пріятель! пожалуста пей!» Выпилъ и другой. Мужикъ зачерпнулъ въ третій разъ и опять подноситъ: «выпей, другъ! потѣшь меня! вить я у тебя завсегда пью, не отказываюсь.» Чувашинъ не хочетъ, а мужикъ его нудитъ: пей да и полно! Нечего дѣлать чувашину: хоть не хочетъ, черезъ силу пьетъ!... Воротился онъ домой, и сказываетъ своей хозяйкѣ: «я былъ у знакомаго въ гостяхъ.» — Чѣмъ-же онъ тебя подчивалъ? «Небось, русской не по нашему! Цѣлое ведро на столъ поставилъ, все ковшикомъ подносилъ да силовалъ: пей, братъ! пожалуста пей. Я пилъ-пилъ, ковша четыре выпилъ; да спасибо что̀ вода была, а то-бъ живому домой не воротиться!»

ш. Сидѣли старикъ съ старухою на печи. Старуха смотритъ въ окошечко на̀ поле и говоритъ: «что, старикъ, кабы былъ у насъ сынокъ Иванушка, да была дочка Алёнушка; вотъ бы сынокъ вспахалъ тутъ да посѣялъ хлѣба, хлѣбъ-то бы выросъ, а дочка сжала; наростила бы я солоду, наварила бы пива, всю родню свою созвала бы, а твоихъ не позвала-бъ!»—Нѣтъ, моихъ позови, а своихъ не надо! говоритъ старикъ. «Нѣтъ своихъ позову, а твоихъ не надо!» Старикъ вскочилъ, и ну таскать старуху за̀ косу; таскалъ-таскалъ и съ печи столкнулъ.

Старикъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, а старуха бѣжать собралась; напекла пироговъ да хлѣбовъ, уложила въ большой мѣшокъ, и пошла къ сосѣдкѣ прощаться. Узналъ какъ-то про это старикъ, воротился домой, повынулъ изъ мѣшка все, что баба на дорогу заготовила, отнесъ пироги да хлѣбы въ клѣть.

а самъ сѣлъ въ мѣшокъ. Старуха пришла домой, подняла мѣшокъ на спину и ударилась въ бѣги. Сдѣлала верстъ пять или шесть, остановилась и говоритъ: «сѣсть было на пенёкъ, съѣсть было пирожокъ!» А старикъ изъ мѣшка кричитъ: «вижу-вижу! слышу-слышу!» — Ахъ, проклятой! онъ пожалуй догонитъ, думаетъ старуха, и пустилась дальше. Опять верстъ шесть отошла, и говоритъ: «сѣсть было на пенёкъ, съѣсть было пирожокъ!» — Вижу-вижу! слышу-слышу! кричитъ старикъ. Она опять бѣжать; много верстъ отсчитала, и такъ-то приустала, ни пивши, ни ѣвши, что и силъ больше не хватаетъ. «Что будетъ — ни будетъ, остановлюся здѣсь, думаетъ старуха; отдохну маленько да закушу.» Глядь — а въ мѣшкѣ-то мужъ. Взмолилась старуха старику: «батюшка, помилуй! николи впередъ не стану бѣгать.» Старикъ ее простилъ, и пошли вмѣстѣ домой.

(Записано въ тверской губерніи.)

п. Бѣдной мужикъ, идучи по чистому полю, увидалъ подъ кустомъ зайца, обрадовался и говоритъ: «вотъ когда заживу домкомъ-то! Возьму этого зайца убью плетью, да продамъ за четыре алтына; на тѣ деньги куплю свинушку, она принесетъ мнѣ двѣнадцать поросеночковъ; поросятки выростутъ, принесутъ еще по двѣнадцати; я всѣхъ приколю, анбаръ мяса накоплю; мясо продамъ, а на денежки домъ заведу, да самъ оженюсь; жена-то родитъ мнѣ двухъ сыновей: Ваську да Ваньку. Дѣтки станутъ пашню пахать, а я буду подъ окномъ сидѣть да порядки давать: эй вы, ребятки, крикну, Васька да Ванька! шибко людей на работу не туганьте [1]); видно, сами бѣдно не живали!» Да такъ-то громко крикнулъ мужикъ, что заяцъ испугался и убѣжалъ, а домъ со всѣмъ богатствомъ, съ женой и съ дѣтьми пропалъ!

(Записано въ пермской губерніи, осинскомъ уѣздѣ.)

---

[1]) Не понуждайте (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 233).

о. Мужикъ стащилъ въ лавкѣ куль пшеничной муки; захотѣлось къ празднику гостей зазвать, пирогами попотчивать. Принёсъ домой муку, да и задумался. «Жена! говоритъ онъ своей бабѣ; муки-то я укралъ, да боюсь — узнаютъ! спросятъ: отколь ты взялъ такую бѣлую муку?» — Не кручинься, мой кормилецъ! я испеку изъ неё такіе пироги, что гости ни-за-што не отличатъ отъ аржаныхъ.

р. «Куда, доброй человѣкъ, идешь?» — Да вонъ въ сосѣднюю деревню. «Что-жъ тамъ родня у тебя?»—Да изъ нашей деревни отдана туда дѣвка замужъ. «Такъ зачѣмъ-же ты идёшь?» — Да либо пива напиться, либо подраться.

ϥ. Пришла въ кабакъ баба, и спрашиваетъ о своемъ мужѣ: «не былъ ли здѣсь мой пьяница?» — Былъ. «Ахъ, подлецъ! ахъ, разбойникъ! На сколько онъ выпилъ?» — На пятакъ. «Ну, такъ давай мнѣ на гривну.»

г. Выдали дѣвку замужъ; она сидитъ и воетъ: «свѣтъ-то моя крашенина, у матушки на печи осталась!» — Какая крашенина? много ли аршинъ? «Да я въ квасу хлѣба накрошила густо-нагусто и съ лучкомъ, и съ маслецомъ!»

s. У одной бабы былъ мужъ глухой. Разъ какъ-то вздумалось ей приласкаться къ мужу. Вотъ она и говоритъ ему: «охъ ты, моя защита и оборона!» — Какъ я ощипана ворона? ахъ, ты—такая-сякая! и отколотилъ жену. «Что ты, глухой чортъ! закричала баба; разбойникъ, обидчикъ эдакой!»—Вотъ давно бы такъ! сказалъ мужъ.

t. Давно было. Не стало на селѣ попа. Согласились мужики избрать попа міромъ, выбрали и пошли къ дядѣ Пахому: «Пахомъ, говорятъ ему, а Пахомъ! будь ты у насъ на селѣ попомъ.» Пахомъ и сталъ попомъ, да то бѣда: ни службы не знаетъ, ни пѣть-ни читать не умѣетъ. Вотъ однажды собрались міряне въ церковь, а въ тотъ день былъ большой у Бога праздникъ. Пахомъ выноситъ книгу, и спрашиваетъ: «право-

славные! знаете ли вы эту книгу?» — Знаемъ, батька, знаемъ. Еще покойной попъ все бывало ее читалъ. «Ну, коли знаете, нечего вамъ ее и читать.» Выноситъ другую: «православные! а эту книгу знаете?»—Нѣтъ, батька, этой не знаемъ. «Ну, такъ что-жъ вамъ ее и читать!»

п. Повезъ мужикъ въ городъ три четверти ржи продавать. Подъѣзжаетъ къ заставѣ. Обступили его мошенники: «стой! какъ тебя зовутъ?» — Егоромъ, родимые! «Эхъ, братъ! недавно у насъ четыре Егора церковь обокрали; троихъ-то нашли, а четвертаго все ищутъ! Смотри-жъ: коли гдѣ тебя спросятъ: какъ зовутъ? говори: Безъ-четверти-Егоръ; а не то свяжутъ да въ тюрьму посадятъ.»—Спасибо, родимые! спасибо, что научили. Пріѣхалъ мужикъ на подворье, хватился, а четверти ржи какъ не бывало! на заставѣ стащили.[1])

w. Жилъ-былъ мужикъ Иванъ да жена Арина. Послалъ онъ ее въ поле рожь жать. Вотъ Арина пришла на полосу, выжала такое мѣстечко, чтобъ можно было одной улечься; улеглась, выспалась хорошохонько и отправилась домой, будто и вправь потрудилась-поработала. «Что, жена, спрашиваетъ мужъ, много ли сегодни выжала?»—Слава тебѣ, Господи! одно мѣстечко выжала. «Ну, это хорошо! думаетъ мужикъ; одна полоса, значитъ, покончена.» На другой день опять пошла Арина въ поле, выжала мѣстечко и проспала до вечера; и на третій день—тоже самое, и на четвертой—тоже самое; такъ всю недѣлю и проволочила. Пора, думаетъ мужикъ, за снопами въ поле ѣхать; пріѣзжаетъ—а рожь стоитъ вся нежатая; коегдѣ-коегдѣ выжато мѣстечками, да и то такими, что только человѣку улечься. Сталъ жену искать, и видитъ: лежитъ она на одномъ мѣстечкѣ да такъ-то храпитъ! Мужикъ сейчасъ домой, захватилъ ножницы, патоки и пуху; воротился на ниву,

---

[1]) Разсказы подъ буквами: о—и записаны въ тверской губерніи.

остригъ свою бабу нàголо, вымазалъ ей голову патокой и осыпалъ пухомъ; сдѣлалъ все это, и воротился на деревню. Вотъ Арина спала-спала; да наконецъ и проснулась; хватилась рукой зà голову и говоритъ сама себѣ: «что-й-то поприттчилось! Кажись, я — Арина, а голова не моя! Пойду домой: коли собака залаетъ, такъ я, значитъ,—не Арина.» Пришла на деревню, прямо къ своей избѣ и спрашиваетъ подъ окошкомъ: «что ваша Арина дома?» Мужъ смекнулъ и говоритъ ей: «дома!» Тутъ выбѣжала изъ-подъ воротъ собака, не признала хозяйки и бросилась на нее, словно на чужую; такъ зà полы и хватаетъ. Арина бѣгомъ да бѣгомъ! какъ-бы только живой отъ своего дома уйдти! И пошла она бродить пò полю; цѣлые сутки ничего не пила-не ѣла. Послѣ того мужикъ сжалился, простилъ ее, и съ той поры стала Арина жить безхитростно.

x. Доселева одинокой былъ Мартынко, задумалъ жениться и пошелъ свататься къ попу; вотъ и савта(е)тъ дѣвку Устинью. Попъ ему и баетъ: «ой, Мартынко! отдалъ бы, да какъ станешь жить-то? вѣть Уста урослива́я [1]) такая!» Мартынко отвѣчаетъ ему: «батюшко! я одинъ, а съ ней будемъ двое, не на кого будетъ сердиться, не съ кѣмъ будетъ браниться». Попъ согласился отдать Устю за Мартынка. Вотъ они и свѣнчались. Мартынко увезъ Устю къ себѣ домой; она спрашиваетъ: «коли ты осердишься, что дѣла(е)шь?» Онъ сказалъ: «когда осержусь, съ воды пьянъ бываю!» Потомъ спросилъ Устю: «а ты, Уста, когда осердишься, что дѣла(е)шь?»—Коли я сердита, тогда стану сидѣть на печѝ къ углу лицемъ и у кокошника козырёкъ назадъ сдѣлаю. На другой день утромъ уѣхалъ нашъ Мартынко на своей пѣгой кобылѣ пахать подъ вешну. [2]) Уста послѣ его настряпала шанегъ [3]), понесла къ нему, кри-

---

[1]) Капризная (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 240). [2]) Подъ яровую. [3]) Ватрушекъ сдобныхъ хлѣбовъ.

читъ: «мужикъ! иди ѣсть.» Онъ какъ будто не слышетъ, машетъ себѣ. Устя разсердилась, ушла домой, стряпню свою съѣла и сѣла на печь въ углу лицомъ. Мартынко какъ пріѣхалъ домой, выпилъ два ковша воды, взялъ ягненка и порвалъ; началъ полѣзать на печь къ женѣ, оборвался, палъ къ дверямъ избы на̀ полъ и захрапѣлъ. Жена тихонько слѣзала съ печи, дверей отперетъ не посмѣла, въ окошко дровъ натаскала, истопила печку и настряпала для Мартынка. Онъ проснулся, она его наподчивала и созвала въ гости къ отцу. Вотъ Мартынко запрегъ свою пѣгую кобылу въ сани—нужды нѣтъ, что весной! поѣхали; доро̀гою кобыла-то у нихъ не пошла, Мартынко отсѣкъ ей голову и запрегъ свою Устю. Подъѣзжаетъ къ дому тестя; увидѣла попадья съ дочерьми, что Устя Мартынка везетъ, выскочили встрѣчать, взяли кто за гужи, кто за оглобли, пособляютъ Устѣ; а попъ благодаритъ Мартынка, что такъ учитъ уросливыхъ. Пришли въ избу, Устя закавываетъ своимъ, чтобы воды нигдѣ не было, а поили бы виномъ да пивомъ; сказывала: когда Мартынко воды напьется —бѣда сердитъ! На другой день какъ-то одна стряпка оставила въ сѣняхъ ведро съ водою; онъ и напился воды, задурѣлъ какъ пьяной, приказываетъ Устѣ запрягаться, а она дрожитъ, да все попа проситъ, чтобы далъ имъ своего бу̀рка. Попъ подарилъ имъ лошадь; Мартынко уѣхалъ съ Устей домой, и теперь они живутъ да хлѣбъ жуютъ, а Устя поди-нось какая послушная стала!

(Записано въ пермской губерніи, осинскомъ уѣздѣ.)

у. Въ одномъ селѣ жилъ-былъ старикъ, да такой скупой, прижимистой! Какъ садетъ за столъ, нарѣжетъ хлѣба, сидитъ да на снохъ посматриваетъ: то на ту, то на другую, а самъ ничего не ѣстъ. Вотъ, глядя на него, и снохи тоже поглазѣютъ-поглазѣютъ, да и полѣзутъ вонъ изъ-за стола голод-

шли. А старикъ опослà, только что уйдутъ онѣ по работамъ, втихомолку наѣстся, напьется, и развалится на печи сытёхонекъ. Вотъ однова отпросилась меньшая сноха и пошла къ своему отцу, къ матери, и стала жаловаться на свекора: «такой де лютой, ненавистной! жить нельзя! совсѣмъ ѣсть не даетъ, все ругается: ненаѣды вы едакія!»—Хорошо, говоритъ ей отецъ, я приду къ вамъ въ гости, самъ посмотрю ваши порядки. И погодя денёкъ-другой, пришелъ онъ къ старику вечеромъ. «Здорово, сватъ!» — Здорово! «Я къ тебѣ въ гости; радъ-ли мнѣ?» — Радъ-не радъ, дѣлать нечего; садись, такъ и гость будешь! «Какъ моя дочушка живётъ, хорошо ли хлѣбъ жуётъ?» — Ништò, живетъ себѣ! «Ну-ка, сватушка, соловья баснями не кормятъ; давай-ка поужинаемъ, легче говорить будетъ.» Сѣли за столъ; старикъ нарѣзалъ хлѣба, самъ не ѣстъ—сидитъ, все на снохъ глядитъ. «Эхъ, сватъ! говоритъ гость, это не по нашему; у насъ нарѣзалъ хлѣба да поѣлъ, еще нарѣзалъ— и то поѣлъ. Ну вы, бабы молодыя! больше хлѣба ѣшьте, здоровѣе будете.» Послѣ ужина, стали спать укладываться. «Ты, сватъ, гдѣ ляжешь?» спрашиваетъ хозяинъ. —Я лягу на кутничкѣ. «Что ты! я тутъ завсегда сплю», говоритъ старикъ; вишь, въ кутѣ у него спрятаны были яйца, хлѣбъ и молоко; ночью, какъ заснутъ всѣ въ избѣ, онъ украдкою встанетъ и наѣстся вдоволь. Сватъ это дѣло запримѣтилъ: «какъ хочешь, говоритъ, а я лягу на кутничкѣ.» Вотъ улеглися всѣ спать. Въ самую какъ есть полночь старикъ ползкомъ-ползкомъ, да прямо въ залавокъ—скрипъ! А гость еще съ вечера припасъ про него большой ремённой кнутъ; какъ вытянетъ свата разъ, другой, третій—самъ бьетъ да приговариваетъ: «брысь, окаянная! брысь!» Пришлось старику не ѣвши спать. Вотъ такъ-то прогостилъ сватъ у свата цѣлыхъ три дня и заставилъ надолго себя помнить. Проводилъ его старикъ, и съ тѣхъ поръ полно—пересталъ у снохъ во рту куски считать.

z. Послала хохлушка въ городъ мужа—продать кадку масла да купить очипокъ [1]), и нáкрѣпко ему наказала по сторонамъ не зѣвать, а смотрѣть, чтобы не стащилъ кто кадки. Пріѣхалъ хохолъ на базаръ, поставилъ свою кадку и усѣлся на ней. «Что, хохолъ, продаешь?» — Масличко. «Покажи.» — Ни, вкрадешъ! И это говорилъ онъ всякому, кто только хотѣлъ торговать у него масло. Такъ бéзъ толку и просидѣлъ на базарѣ до самаго вечера; а тутъ пришли два солдата. «Знаешь что, хохóлъ? сказалъ ему одинъ; вѣдь съ вашего брата наборъ, тебя пожалуй въ солдаты возьмутъ. Не хочешь ли помѣриться? можетъ, ты и не годишься...» Хохолъ всталъ и пошелъ въ мѣру становиться; солдатъ примѣрилъ его и говоритъ: «ну, счастливъ твой Богъ! ты, братъ, негоденъ.» А тѣмъ временемъ другой солдатъ ужь успѣлъ стащить у него кадку съ масломъ. Приходитъ хохолъ назадъ, смотритъ — масло украдено; потужилъ онъ, потужилъ, и поѣхалъ домой. Только въ двери, а жена спрашиваетъ: «що, человиче, купивъ очипокъ?» — Ни. «А масличко продавъ?» — Ни. «Сгубивъ?»—Ни. «Вкрали?»—Ни. «Дѣ-жъ воно?»—Ге! усе утро стоявъ — не вкрали, повдень стоявъ—не вкрали; та насилу, насилу вже къ вичеру вкрали!

аа. Мужикъ рубилъ дрова. Прибѣгаетъ къ нему на дворъ цыганъ: «здорово, батиньку! Богъ въ помощь!» — Спасибо! «Мнѣ, батиньку, тебя жалко; чай куды тяжело дрова рубить! давай я тебѣ пособлю.»—Пожалуй, пособи. «Ну, батиньку, ты руби; а я буду гакать.» И кажной разъ, только мужикъ тяпнетъ топоромъ, цыганъ крикнетъ: га! «Ну видишь, говоритъ, теперь тебѣ легче!» Вотъ цыганъ гакалъ-гакалъ, вдругъ какъ отскочитъ отъ полѣна щепка да прямо ему въ глазъ; цыганъ зажалъ рукою глазъ, побѣжалъ со двора и кричитъ мужику:

---

[1]) Головной уборъ.

«плевать бы на твоего батьку! не стану тебѣ пособлять: теперь и руби ты самъ, и гакай самъ!» [1])

hh. Былъ-жилъ мужикъ — парень бойкой, ловкой; присталъ онъ въ работники къ одному цыгану. Вотъ какъ-то случилось цыгану ѣхать на ярмарку; взялъ онъ съ собой и работника, собрались и поѣхали. Ѣхали-ѣхали, и пристигла ихъ въ дорогѣ темная ночь: надо въ чистомъ полѣ ночевать. Отложили они лошадей, поужинали, пора и на покой! «А что, батиньку! говоритъ цыганъ, надо одному спать ложиться, а другому лошадей караулить.» — Ну, что-жъ! отвѣчаетъ работникъ, ложись ты вперёдъ, а какъ выспишься—тогда я залягу, а ты сторожить будешь. Сталъ цыганъ постель себѣ готовить, постлалъ ее къ мѣсяцу головами—а мѣсяцъ только-что-только зачалъ всходить — улёгся и говоритъ работнику: «послушай, батяньку! ты смотри на этого чудака (и указываетъ ему на мѣсяцъ): когда уйдетъ онъ отсюдова и станетъ у моихъ ногъ, тогда и буди меня; а раньше не трогай!» — Ладно! «Ну, думаетъ цыганъ, важно надулъ мужика; теперь всю ночь до свѣта просплю!» Повернулся на бокъ и захрапѣлъ на все поле. Мужикъ подождалъ немного; видитъ, что цыганъ крѣпко уснулъ, подошелъ къ нему, взялъ за ноги да со всею постелью и повернулъ налѣво кругомъ: очутился мѣсяцъ какъ разъ въ ногахъ у цыгана; потомъ будитъ цыгана: «эй, хозяинъ! время вставать, посмотри-ка: вонъ гдѣ чудакъ!» Цыганъ проснулся, поглядѣлъ— мѣсяцъ въ ногахъ, и говоритъ: «ну, батиньку, ложись да усни немножко; вишь чудакъ-то заходитъ, скоро свѣтать будетъ!» Мужикъ лёгъ спать, а цыганъ сталъ на часы лошадей караулить. Стоитъ онъ часъ, стоитъ другой — нѣтъ, не свѣтаетъ! а мѣсяцъ ни только не спускается ниже, а все выше да выше забираетъ. «Что такое съ чудакомъ сталося? думаетъ

---

[1]) Разсказы подъ буквами: н—аа записаны въ тверской губерніи.

цыганъ; опять въ гору лѣзетъ!» Часовъ шесть прошло; надоѣло цыгану караулить, не вытерпѣлъ, давай будить мужика: «вставай, батиньку, да смотри на небо: нашъ чудакъ совсѣмъ взбѣсился—назадъ воротился! Видно, намъ эту ночь не дождаться свѣту; запрягай-ка лошадей да поѣдемъ дальше!» [1])

сс. Жилъ-былъ цыганъ; вздумалъ на базарѣ побывать, запрёгъ лошадь, сѣлъ на телегу и поѣхалъ въ городъ. Сталъ черезъ мостъ переѣзжать; тутъ на его бѣду у телеги ось поломалась. Смотритъ: у самаго мосту надъ водою верба ростетъ; дай, думаетъ, влѣзу на дерево да вырублю новую ось. Сейчасъ за топоръ, влѣзъ на дерево и давай рубить тотъ самой сукъ, на которомъ ногами стоялъ. На ту пору шелъ мимо мужикъ, увидалъ, что цыганъ стоитъ на суку да его-же и топоромъ рубитъ, и говоритъ: «эй, цыганъ! что ты дѣлаешь? вѣдь ты въ воду упадешь!» — Плюю батька твоего! ты почёмъ знаешь! Вотъ мужикъ пошелъ своею дорогою, а цыганъ тапъ да ляпъ, сукъ сломился и упалъ онъ, сердечной, прямо въ воду. Цыганъ выскочилъ изъ воды и побѣжалъ догонять мужика; нагналъ и спрашиваетъ: «скажи, мужичокъ, какъ ты это узналъ, что я въ воду свалюся? Развѣ ты святой?» — Можетъ, и святой! молвилъ мужикъ. «А ну скажи, сколько мнѣ на бѣломъ свѣтѣ жить? вѣрно, ты знаешь.»—А вотъ починишь телегу, да станешь подыматься въ гору, твоя лошаденка будетъ съ натуги хвостомъ вертѣть да задомъ п......., и только въ третій разъ хвостомъ вертнётъ—въ ту минуту и конецъ твоему вѣку! Цыганъ починилъ телегу и поѣхалъ въ путь-дорогу; сталъ подыматься на гору, стала его лошаденка съ натуги хвостомъ вертѣть, да задомъ п......; цыганъ сидитъ самъ не свой, и только лошадь въ третій разъ хвостомъ вертнула — онъ выскочилъ изъ телеги и легъ въ чистомъ полѣ, посерёдъ дороги. Лежитъ

---

[1]) См. выпускъ II, №№ 13 и 14.

себѣ, не ворохнется. Вотъ ѣдетъ баринъ; увидалъ цыгана и закричалъ: «прочь съ дороги! чего растянулся?»—Да я померъ! говоритъ цыганъ. «Ну, коли померъ, такъ я тебя воскрешу!» —и давай его стегать кнутомъ; разъ махнулъ, въ другой стегнулъ — цыганъ какъ вскочитъ да бѣжать! «Постой, цыганъ, постой! закричалъ баринъ; вотъ тебѣ грошъ на разживу.» Цыганъ воротился: «ну, баринъ, сѣки еще на грошъ!»—Не надо, будетъ съ тебя!

Взялъ цыганъ грошъ и поѣхалъ на базаръ. Ходилъ-ходилъ по базару; чего бы такого купить на грошъ? того мало даютъ, а то слишкомъ дорого! На встрѣчу ему несётъ баба большой пучокъ хрѣну. «Что, баба, просишь?»—Грошъ, родимой! Цыганъ отдалъ ей грошъ, взялъ хрѣнъ, и думаетъ: «вотъ такъ поддѣлъ! за одинъ грошъ да столько товару купилъ!» Попробовалъ—горько, а нечего дѣлать: хочь плачь да ѣшь! не пропадать же даромъ панскому грошу. [1])

dd. Былъ-жилъ мужикъ да баба, дождались они сѣнокоса, и пошелъ мужикъ по деревнѣ искать себѣ подёнщика сѣно косить; ходилъ-ходилъ, и нашелъ только гуляющаго цыгана. «Цыганъ, пойдемъ ко мнѣ сѣно косить; все равно ты гуляешь, даромъ время теряешь, а я тебѣ чистыми деньгами заплачу.» —Пойдемъ, батиньку! Пришли они въ избу. «Хозяйка! давай завтракать», говоритъ мужикъ. Хозяйка поставила на столъ и вареннаго, и жареннаго. Мужикъ подиёсъ цыгану стаканъ водки; тотъ выпилъ и давай оплетать и вареное и жареное, только за ушами скрипитъ! «Вишь какъ ѣстъ! думаетъ про себя мужикъ; за троихъ одинъ! видно, на работѣ силёнъ.» Позавтракали, вылѣзали изъ-за стола и одѣлись. «Хозяйка! говоритъ мужикъ, приготовь намъ на цѣлой день ѣды; мы съ собой возьмёмъ.» Она наклала имъ въ плетенъ всего вдоволь. Вотъ

[1]) Въ Малороссіи разсказываютъ, что цыганъ накупилъ хрѣну, чуть не плачетъ да ѣстъ, а самъ приговариваетъ: «бачили очи, що куповали!»

они собрались, взяли на плеча косы и пошли на лугъ. Пришли до травы; цыганъ и говоритъ: «хозяинъ! теперь надо маленько отдохнуть; потомъ скорѣй работать будемъ.» — И то правда! Растянулись на травѣ; цыганъ какъ лёгъ, такъ и заснулъ, и проспалъ до самаго обѣда; а мужикъ думаетъ: «не стану его будить, семъ-ка посмотрю, какой онъ работникъ!» Вотъ проснулся цыганъ: «вставай, говоритъ, вставай, хозяинъ! время обѣдать; вишь добрые люди давно обѣдаютъ.» Мужикъ всталъ. Принялись вдвоемъ за хлѣбъ-за соль; пообѣдали. «Ну, цыганъ! пора и косить.» — Что ты, батиньку! какая теперь косьба? послѣ хлѣба-соли надо отдохнуть; такъ ужь вездѣ водится. Легли отдыхать; опять цыганъ спалъ-спалъ, проснулся къ самому полднику, вскочилъ и прямо къ хозяину: «эй, хозяинъ! что ты все спишь? смотри, добрые люди давно полуднуютъ; время и намъ закусить!»—Правда твоя, цыганъ! Сѣли, пополудновали. «Ну, батиньку, послѣ хлѣба-соли надо отдохнуть», сказалъ цыганъ, растянулся и захрапѣлъ; опять спалъ-спалъ! Вотъ и солнышко садится; цыганъ вскочилъ, подбѣжалъ къ хозяину: «что ты все спишь? ужь давно вечерѣетъ, добрые люди домой пошли — пора и намъ на покой!» Взяли они косы и воротились на деревню. «Что-жъ, батиньку! говоритъ цыганъ; цѣлой день я на тебя работалъ, заплати по уговору.»—Нѣтъ, цыганъ! ты мнѣ еще нуженъ, приходи-ка завтра на весь день; я тебѣ разомъ за оба дня заплачу. «Хорошо, батиньку! пріиду.» — Пожалуста, братъ! Цыганъ ушелъ домой, а мужикъ сталъ наказывать своей бабѣ: «смотри-жъ, хозяйка! къ утру ничего не готовь намъ завтракать; на обѣдъ пустыхъ щей принеси, а къ ужину зажарь курицу да яишню сдѣлай.»

Поутру рано стучится въ дверь къ мужику цыганъ. Хозяинъ впустилъ цыгана, и сталъ съ женою ругаться: «ахъ, ты такая-сякая! все только спишь да на печи валяешься! Вотъ ужь работникъ пришелъ, а у тебя еще завтракъ не готовъ.»

Хозяйка говоритъ: «ну, что вамъ дожидаться? ступайте-ка съ Богомъ на работу, а я приготовлю завтракъ да сама принесу къ вамъ въ поле.» — Нечего дѣлать! пойдемъ, цыганъ, сѣно косить. Вишь жена-шельма проспала! Да ты у меня смотри —недолго копайся, живо приноси! закричалъ хозяинъ на жену. «Вслѣдъ за вами буду!» Вотъ мужикъ да цыганъ собрались, взяли косы на плеча и пошли на сѣнокосъ. Приходятъ до травы; мужикъ и говоритъ: «ну, цыганъ, давай немножко покосимъ, покуда хозяйка завтракъ принесетъ; вить она скоро будетъ!» Начали они косить; мужику ловко работать, онъ ужь давно поѣлъ и водки стаканъ выпилъ; а цыганъ-то натощакъ, ажно морщится: «экъ, думаетъ, далъ маху! зналъ бы — сегодня не приходилъ.» Махнетъ-махнетъ косою, да на дорогу взглянетъ: не идетъ ли баба? нѣтъ, не видать! Время къ обѣду приходитъ, а ее все нѣту. Мужикъ коситъ да ругается: «погоди-же, шельма! прійди только —я съ тобою раздѣлаюсь!» А цыганъ чуть не плачетъ съ голоду; глянулъ еще на дорогу — идетъ какая-то баба: «посмотри, батиньку, не твоя ли шельма идетъ?» — И то моя! Сейчасъ бросилъ мужикъ косу, побѣжалъ къ ней на встрѣчу, выхватилъ горшокъ да ð-земь, такъ черепки и полетѣли. Баба въ слезы, будто и взаправду плачетъ! Пришелъ цыганъ: «полно, хозяйка, плакать! гдѣ твой завтракъ? давай поскорѣе.» — А вотъ у этого обидчика спрашивай! Онъ и меня приколотилъ, и всѣ горшки побилъ. Цыганъ напустился на хозяина: «плевалъ бы на твоего батька! зачѣмъ ты побѣжалъ къ ней на встрѣчу? развѣ не могъ дождаться! она бы сама пришла. А то пропадай теперь съ голоду!» — Извини, братъ цыганъ! ужь какъ-нибудь доработаемъ до вечера не ѣвши. Принялись снова косить. Вотъ и вечеръ; кругомъ потемнѣло. Цыганъ изъ силъ выбился, едва домахалъ до вечера. Взяли косы и пошли на деревню. Приходятъ; мужикъ опять жену ругать, а цыганъ его останавли-

ваетъ: «пожалуста, хозяинъ, не ругай ее, пока не поужинаемъ; послѣ ужина что хочешь, то съ нею и дѣлай!» Сѣли за столъ. Хозяйка налила имъ большую чашку постныхъ щей — только туманъ по нимъ ходитъ! Мужикъ попробовалъ одну ложку и не ѣстъ больше, а цыганъ съ голодухи такъ уписываетъ что̀ любо-дорого! «Что-жъ ты, батиньку, ничего не ѣшь?» — Да мнѣ, братъ, не до ѣды; жена такъ меня разсердила, что и ѣсть не хочется. Цыганъ съѣлъ полную чашку; хозяйка налила ему другую; онъ и эту обработалъ; набилъ брюхо словно барабанъ, до отвалу нажрался. Послѣ того подаетъ хозяйка на столъ яишню да жареную курицу. Цыганъ увидалъ, такъ и затрёсся; радъ бы все поѣсть, да душа не принимаетъ! и давай ругать бабу: «ахъ ты, подлая! плевалъ бы на твоего батька! съумѣла наготовить, не съумѣла на столъ подать; зачѣмъ впередъ не поставила ни яишницы, ни курицы?»—Видно, она севодни совсѣмъ рехнулась! говоритъ мужикъ, а самъ-то уписываетъ курицу съ яишницей. Поужиналъ плотно, всталъ изъ-за стола и о̀тдалъ цыгану что̀ слѣдовало за работу. Съ тѣхъ самыхъ поръ цыганъ пересталъ ходить въ работники [1]).

[1]) *Варiантъ*: Жилъ себѣ попъ съ попадьею; у него былъ батракъ. Пришло лѣто; поѣхалъ попъ съ батракомъ въ поле сѣно косить, и показалась ему работа эта очень трудна. Вздумалъ нанять еще работника; самъ де лучше дома буду сидѣть. Вотъ ввечеру надѣлъ онъ шапку, взялъ костыль и пошелъ по селу; попадается ему цыганъ: «что, батька, не возьмешь ли меня въ работники?» А попъ тому и радъ: «хорошо! говоритъ; да умѣешь ли ты сѣно косить?» — Еще какъ умѣю! вашихъ десять того не сработаютъ, что я одинъ сдѣлаю. «Ну, свѣтъ! пойдемъ ко мнѣ.» Пришли въ избу; цыганъ сейчасъ за ужинъ, а былъ онъ большой обжора! какъ сталъ уплетать, такъ только держись! На другой день рано поутру поѣхалъ батракъ вмѣстѣ съ цыганомъ на работу. Прiѣхали въ поле. «Ну, цыганъ, давай-ка сѣно косить», говоритъ батракъ. «Эхъ, голова! напередъ надо отдохнуть; самъ вѣдаешь, безъ отдыха какая работа!» Легли и такú порядкомъ выспались. Батракъ всталъ, и будитъ цыгана: «полно, братъ, спать; косить пора!» — Что ты? вперёдъ надо пообѣдать; голодному какая работа! Вотъ развели огонь, сварили кашицу и пообѣдали. Батракъ опять зоветъ цыгана косить сѣно. «Нѣтъ, отвѣчаетъ

ее. Однажды заспорилъ жидъ съ цыганомъ, и говоритъ ему: «чуешь, цыгане! ты со мною не спорь, не то худо будетъ.» —А скажи, батюшку, отчего бы такъ было ище худо? «Отъ того, что вѣра наша больше вашей.» — Э, нѣтъ, батюшку!

цыганъ; послѣ обѣда надо заснуть маленько — ужъ это у всѣхъ такъ водится!» Прошелъ часъ, прошло два и три—цыганъ все спитъ да спитъ. «Вставай! будитъ его батракъ, пора за работу.» — Работа, братъ, не волкъ—въ лѣсъ не уйдетъ; а теперь время полудновать, разводи-ка огонь да вари кашицу. Батракъ развелъ огонь, сталъ варить кашицу; цыганъ и говоритъ: «знаешь, братъ, вари двойную порцію; кстати заодно мы теперь и поужинаемъ, а послѣ за работу примемся и будемъ косить безъ роздыху.» — Ладно! сказалъ батракъ. Вотъ какъ они пополудновали да поужинали, батракъ опять за свое: «давай де сѣно косить.» — Ахъ, какой-же ты дуракъ! отвѣчаетъ цыганъ; ну, кто послѣ ужина работаетъ? послѣ ужина спать надо. Завалились они спать, и проспали до самаго утра. На другой день будитъ батракъ цыгана: «вставай, время за работу приниматься!» Цыганъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на обѣ стороны, и говоритъ въ отвѣтъ: «кто теперь работаетъ? чай, самъ видишь какая по травѣ роса-то! Обождёмъ часъ-другой; роса уберется, ну и станемъ косить: я одинъ скошу—что̀ твои десять!» Повернулся цыганъ на другой бокъ и опять захрапѣлъ; не хочется батраку одному работать, залёгъ и онъ спать. Проснулись, а солнце ужъ высоко на небѣ. «Ну, цыганъ, росы нѣту; пора и за дѣло!» — Вотъ сбрехалъ! видишь, какъ солнышко печетъ; много тутъ накосишь? только понапрасну истомишься. Обождемъ, пока жаръ спадетъ, и станемъ косами помахивать: живо всю траву скосимъ! А теперь станови котёлъ, да вари кашицу. Вотъ такъ-то цыганъ съ батракомъ цѣлыхъ три дня и промаяли безъ всякаго толку; то роса на травѣ, то солнышко печетъ, а то пора обѣдать, да роздыхъ взять — такъ ничего и не сдѣлали, только время задаромъ потеряли, да запасъ весь пріѣли. «Цыганъ, а цыганъ! вѣдь запасъ-то вышелъ; чѣмъ кормиться будемъ?» — А коли нечего ѣсть, надо домой ѣхать. «Экой ты! пріѣдемъ домой, батька станетъ спрашивать: много-ль сѣна накосили? а мы что̀ скажемъ?»—Что за бѣда! говори за мной: что̀ я скажу, то и ты говори. Пріѣхали домой. «Здорово, ребята! много-ль сѣна накосили?» спрашиваетъ попъ. — Да какъ есть, совсѣмъ покончали! отвѣчаетъ цыганъ. «Скоро-жъ вы управились!» —Еще бы не скоро! вѣдь я какой работникъ: одинъ за десятерыхъ сойду! «Молодецъ, молодецъ!» говоритъ попъ. «Да ты, батька, не хвали! лучше заплати денежки за три дня; мнѣ нужно идти, новой работы искать.» Попъ заплатилъ цыгану за три дня, только десяти копѣекъ пожалѣлъ, не додалъ. «Давай, батька, еще десять копѣекъ; я лишняго съ тебя не хочу, за что̀ ра-

наша вѣра больше вашей. Да вотъ: если я положу на дорогѣ девяносто девять цѣлковыхъ, вѣдь ты, жидъ, не утерпишь, возьмешь деньги себѣ, а послѣ божиться станешь, что не только не бралъ — совсѣмъ не видалъ! А если ты положишь, я ни-зà-что не возьму! «Постой, думаетъ жидъ, узнаю же я цыганскую правду!» Побѣжалъ впередъ въ ту самую сторону, куда нужно было идтить цыгану; положилъ на дорогѣ девяносто девять цѣлковыхъ, а самъ за кустъ спрятался и смотрить: возьметъ ли цыганъ деньги или нѣтъ? Вотъ и цыганъ показался; дошелъ до того мѣста, увидалъ кучу денегъ на дорогѣ, остановился и думаетъ: навѣрно, это поганой жидъ съ-дуру насыпалъ! дай сосчитаю.» Сосчиталъ — какъ разъ девяносто девять цѣлковыхъ. «Такъ и есть жидовскія штуки! да ничего, что всѣхъ девяносто девять; я одинъ свой добавлю — будетъ ровно сто!» Забралъ деньги, положилъ за пазуху и пошелъ куда надо. Жидъ выбѣжалъ изъ-за куста, нагналъ цыгана: «такъ-то, говоритъ, ваша вѣра крѣпче нашей! зачѣмъ ты забралъ на дорогѣ мои деньги?»—Какія деньги! я ихъ и не видывалъ. «Что ты, цыгане! отдай безъ грѣха; вить я нарочно положилъ, твоей правды пыталъ!» — Отвяжись, проклятой! что ты присталъ ко мнѣ; я тебя совсѣмъ не знаю, впервòй вижу. Потащилъ жидъ цыгана до пана судиться. «Э, батиньку! говоритъ цыганъ; на мнѣ одёжа вся оборвана, какъ я пойду съ тобой къ пану?» Жидъ подумалъ, что онъ не хочетъ идти къ пану — суда боится, снялъ съ себя кафтанъ: «на!

дился — того и прошу.» — Нѣтъ, не дамъ больше! «Ну, Богъ съ тобою; прощай!» Вышелъ цыганъ на улицу, сталъ у поповой избы подъ окномъ и проситъ: «отдай, батька; я бѣдной человѣкъ! — Сказано: не дамъ; лучше и не проси. «Ну, коли такъ, я на небо взгляну, руку протяну да Бога вспомяну: какъ была трава — такъ и будетъ трава!» На утро поѣхалъ попъ сѣно посмотрѣть; глядь — трава совсѣмъ не кошена. «Правду сказалъ цыганъ! думаетъ попъ; какъ была трава, такъ и есть трава; лучше-бъ было передать ему десять копѣекъ лишнихъ, чѣмъ косить теперь траву сызнова!»

говоритъ, надѣвай мою одёжу, а я твою надѣну.» Помѣнялись кафтанами и пошли къ пану судиться. Жидъ разсказалъ все, какъ было, какъ спорили они о вѣрѣ — чья крѣпче и больше? и какъ завладѣлъ цыганъ его деньгами. А цыганъ стоитъ на одномъ: «знать не знаю, паночекъ! Привязался жидъ ни съ того, ни съ сего; онъ, чего добраго, станетъ говорить, что и одёжа-то на мнѣ его, а не моя!» — Да моя и есть! [1]) Панъ плюнулъ имъ въ глаза, и закричалъ на своихъ слугъ: «чортъ ихъ разберетъ! ведите обоихъ на конюшню, положите рядомъ да отдуйте кнутомъ!» Потащили добрыхъ молодцовъ на конюшню. Жидъ кланяется, проситъ панскихъ слугъ: «голубчики! не кладите меня подъ цѣлой кнутъ, положите подъ конецъ кнута; я вамъ рубль заплачу!» Вотъ положили ихъ рядомъ: цыгана подъ цѣлой кнутъ, а жида подъ кончикъ, и начали драть. Не такъ больно цыгану досталось, какъ его товарищу: славно ему настегали спину, едва портки натянулъ! Пошли они съ панскаго двора. «Что, цыгане! говоритъ жидъ, будешь пана помнить? Мнѣ было горько, а тебѣ, чай, вдвое; вишь я недаромъ упросилъ, да тебя подъ цѣлой кнутъ подвёлъ!»

11. Шелъ мужикъ дорогою. Нагоняетъ его жидъ: «здравствуй, доброй целовѣкъ!»—Здорово, жидъ! «Куда-зе ты идешь?» — Въ деревню. «Пойдемъ вмѣстѣ, и я туда-зъ иду.» — Пойдемъ! Вотъ и пошли вмѣстѣ; дошли до канавы; жидъ прыгнулъ —у него изъ-за пазухи выпалъ кошель съ деньгами и прямо въ канаву, а мужикъ подхватилъ да къ себѣ въ карманъ. «Цуешь, доброй целовѣкъ! говоритъ жидъ, отдай мои гроши.»—Какіе? я у тебя не бралъ. «А взе-зъ неправда! ты взялъ; отдай позалуста!»—Ты, жидъ, кажись—бѣлены объѣлся! самъ ко мнѣ

---

[1]) Сличи съ Народн. русск. легендами, № 12, стр. 46.

навязался, да еще деньгами урекаешь. «А ну, пойдемъ до пана.» И потащилъ жидъ мужика судиться; идутъ да спорятъ. «Цуешь, говоритъ жидъ, прійдемъ мы до пана, ты якъ будешь сказывать?» — Какъ? извѣстное дѣло: скажу, что не бралъ твоихъ денегъ. «Нѣтъ, целовѣче! ты говори такъ, якъ я буду говорить.»—А ты какъ будешь говорить? «Да вотъ говори за мною: шли мы вдвоемъ по дорогѣ...» — Ну, шли мы вдвоемъ по дорогѣ. «Дошли до канавы...» — Дошли до канавы. «Я черезъ канаву скокъ!» — Ты черезъ канаву скокъ! «Кошелёкъ съ деньгами въ канаву покъ!» [1])—Кошелёкъ съ деньгами въ канаву покъ! «А ты хопъ!» [2])—А я хопъ! «Вотъ тебѣ, доброй целовѣкъ, пятакъ; говори и передъ паномъ такъ.» Всю дорогу твердилъ жидъ мужику, какъ говорить передъ паномъ, и надавалъ ему пятаковъ съ двадцать. Вотъ пришли до пана; мужикъ по прежнему отпирается: не бралъ денегъ, да и только! «Пане вельможный! говоритъ жидъ; послухайте, какъ онъ за мною будетъ сказывать. Ну, доброй целовѣце! шли мы вдвоемъ по дорогѣ...» — Шли мы вдвоемъ по дорогѣ. «Дошли до канавы...»—Дошли до канавы. «Я черезъ канаву скокъ!» — Ты черезъ канаву скокъ! «Кошелёкъ съ деньгами покъ!»—Кошелёкъ съ деньгами покъ! «А ты хопъ!» — Нѣтъ, я не бралъ. «О бачь, якій ты невѣрный! передъ паномъ не хочешь такъ сказывать, якъ сказывалъ дорогою. Позвольте, пане, я выйду съ нимъ въ сѣнцы да поговорю; а то онъ, глупый, забылъ, якъ надо сказывать.»—Ну, ступайте, потолкуйте. Вотъ жидъ съ мужикомъ вышли въ сѣни, а панъ сталъ у дверей и слушаетъ. «Сто-зе [3])ты, доброй целовѣкъ! говоритъ жидъ, обѣщался передъ паномъ говорить по моимъ словамъ, а говоришь другое; вотъ тебѣ цѣлковой-рубль, только сказы пану, якъ я

---

[1]) Вѣроятно, тоже, что—брякъ! [2]) Отъ хопить (хапать)—хватать (Опытъ обл. великор. словаря; стр. 249). [3]) Что-же.

тебя научилъ.» — Хорошо! Взялъ мужикъ цѣлковой, и вошли опять въ горницу. «Ну, паночекъ, послухай: шли мы дорогою...»—Шли мы дорогою. «Дошли до канавы...»—Дошли до канавы. «Я черезъ канаву скокъ!»—Ты, жидове, черезъ канаву скокъ! «Кошелёкъ покъ!»—Кошелёкъ покъ! «А ты хопъ!» —Нѣтъ, я не бралъ! «Ахъ, цортовъ сынъ! опять не признается.» А панъ говоритъ: «полно, жидъ! я самъ слышалъ, какъ ты его уговаривалъ, да цѣлковой давалъ, чтобы онъ всклепалъ на себя напраслину!» и тотчасъ-же приказалъ вытолкать жида въ шею.

gg. Жилъ-былъ солдатъ; отпросился на побывку домой. Идетъ дорогою, на дорогѣ корчма, а въ корчмѣ жидъ водку продаетъ. «Эй, жидъ! дай мнѣ горѣлки [1]) въ долгъ на десять копѣекъ.»—Какъ-зе? я тебя, слузивой, не знаю. «Я тебѣ заплачу̀; вотъ до первой деревни дойду, въ первой хатѣ попрошу—и отдамъ; а коли откажутъ, такъ бери себѣ все мое добро.» И вытащилъ изъ ранца пару ситцевыхъ рубашекъ да еще кой-чего, на рубль серебромъ будетъ! Разгорѣлись жидовскіе глаза на чужое добро; «ну, думаетъ, кто ему тамъ дастъ въ первой деревнѣ? все къ рукамъ приберу!» Принесъ жидъ горѣлки, солдатъ выпилъ и спрашиваетъ: «что, жидъ, ты понесешь ранецъ, али я?»—Луцсе(лучше) я понесу, а то, позалуй, ты не отдасъ(шь) послѣ. А солдатъ тому и радъ; до деревни-то вёрстъ двѣнадцать было: «пускай себѣ несетъ! мнѣ же легче.» Пришли въ деревню; солдатъ вынулъ изъ кошелька десять копѣекъ, заплатилъ жиду, взялъ у него ранецъ и пошелъ дальше. А жидъ-то вслѣдъ ему ругается: «вотъ узе правда истинная, что русской солдатъ—мошенникъ! всегда надуетъ цестнаго еврея!»

Идетъ солдатъ дорогою, идетъ широкою; нагоняетъ его повозка, а въ повозкѣ жидъ сидитъ. «Доброй человѣкъ! куда

[1]) Водки.

ѣдешь?» спрашиваетъ солдатъ. — До города. «Послушай. довези меня до города; тамъ мой отецъ, моя мать живутъ, они тебѣ заплатятъ.» Жидъ посадилъ съ собой солдата, погналъ лошадь шибче, и часа два спустя прiѣхали въ городъ. Солдатъ слѣзъ съ повозки, посмотрѣлъ-поглядѣлъ кругомъ, и говоритъ жиду: «эхъ, братъ! вѣдь это не тотъ городъ, гдѣ мой отецъ съ матерью живетъ; свези-ка меня до другаго!»—«Нѣтъ, служивой! до другаго-то города будетъ двадцать вёрстъ; а ты, пожалуй, опять скажесъ (скажешь), что не тотъ городъ, вези до третьего. Ступай лучсе съ Богомъ, мнѣ и денегъ твоихъ не нузно!» Солдатъ того только и хотѣлъ, взялъ ранецъ и пошелъ домой.

hh. Жилъ-былъ мужикъ, по имени Иванъ; была у него корова. Пошелъ онъ по жидамъ продавать корову, и въ одинъ день запродалъ ее двадцати жидамъ, и со всѣхъ взялъ по рублю задатку. На утро приходятъ къ нему на дворъ жиды цѣлой толпою. «Иванъ, гдѣ твоя корова?» — Въ поле ушла. «Поди, приведи.»—А для чего. «Какъ для цѣво? вцера ты мнѣ ее запродалъ и рубль серебра взялъ», говоритъ одинъ жидъ.—И мнѣ запродалъ, и мнѣ! зашумѣли другiе жиды, и пошелъ гвалтъ на всю деревню! Схватили Ивана и потащили къ пану судиться, а у пана былъ продувной слуга: «жаль мнѣ тебя, говоритъ Ивану; что̀ дашь за работу? я-бъ тебя добру научилъ, отъ бѣды отвелъ.» — Научи, доброй человѣкъ! десяти цѣлковиковъ не пожалѣю. «Ну, ладно! Смотри-же: о чемъ бы панъ тебя ни спрашивалъ, ты ни слова не говори, только свисти.» Вышелъ панъ; жиды съ жалобой: запродалъ де Иванъ корову, взялъ двадцать рублевъ, а теперь не отдаетъ ни коровы, ни денегъ. «Правда ли?» спрашиваетъ панъ у Ивана; а мужикъ ни слова, знай себѣ свиститъ. «Да говори толкомъ, запродалъ что-ли корову?» Иванъ опять за свое: свиститъ—да и только. «Ужь онъ родомъ такой! говоритъ слуга; съ-измала ничего отъ него

не слыхивали, окромя свисту.»—«Ахъ, вы мошенники! закричалъ панъ на жидовъ; пришли на нѣмаго жаловаться! Вонъ отсюда!» Такъ-таки и прогналъ жидовъ. Побрели они домой; побрелъ и мужикъ. Нагоняетъ его панской слуга: «Иванъ! давай сулёное.» А Иванъ себѣ на умѣ—идетъ да свиститъ!

ii. Разъ какъ-то вздумалось жиду съѣздить въ Бердичевъ. Сталъ онъ батрака искать, съ кѣмъ бы путь держать, дорòгой время коротать; и пришелъ къ нему одинъ парень—изъ ловкихъ былъ: «найми, говоритъ, меня!» — Сто-зе ты возьмёсъ? «Десять рублевъ; деньги впередъ.» — Харасо. А какъ тебя звать? «Люди Ванькой зовутъ.»—Ну, цуесъ, Ванька! вотъ тебѣ деньги, только вѣренъ будь. «Что и толковать! такъ вѣренъ буду, какъ собака палкѣ вѣрна.» Собрались они и поѣхали въ Бердичевъ; ѣхали-ѣхали; коротко ли, долго ли, пришло время къ вечеру. Говоритъ жидъ: «Ванька, а Ванька! здѣсь трава хараса, давай занацуемъ.»—Давай! «Ну, я лязу спать, а ты меня не буди, пока совсѣмъ не высплюсь, да коня сторозы.» И завалился спать. Ночью пришелъ волкъ и сталъ коня драть. Батракъ къ жиду: «вставай, волкъ коня дерётъ!» —Нехай дере, узе меня сонъ бере! Вотъ онъ поглядѣлъ-поглядѣлъ, видитъ — волкъ совсѣмъ коня задавилъ, и опять принялся жида будить, тормошить: «вставай, проклятой жидъ! волкъ коня додираетъ.»—Нехай, додирае, узе меня сонъ разбирае! «Чортъ съ тобой, коли такъ!» сказалъ батракъ и улегся спать. Поутру проснулся жидъ: «цуесъ, Ванька! запрягай повозку, пора въ Бердицевъ ѣхать.»—Кого запрягать-то? развѣ самъ заложишься—тогда и поѣдемъ. «Сто ты, Ванька! а лосадь гдѣ?» — Да, поминай, какъ звали! лошадь твою волки съѣли. «Сто-зе намъ теперь дѣлать?» — Одно осталось: надо на себѣ и телегу везть, и збрую несть. «А сто луцсе: телегу везть, или збрую несть?»—Извѣстное дѣло: хомутъ да дуга—

вся конская вага! [1]) «Бери-зе ты хомутъ съ дугою, а я телегу повезу.» Такъ и сдѣлали; жидъ телегу везетъ, а Ванька съ дугой да съ хомутомъ идетъ; шелъ онъ ни много, ни мало, остановился и сѣлъ на дорогѣ. Жидъ оглянулся, видитъ, что Ванька не йдетъ, и крикнулъ ему: «сто-зе ты на дорогѣ сѣлъ?» —Да тебѣ хорошо: само на колесахъ катится! а мнѣ надо на себѣ нести; я до смерти усталъ! «Ну, полòзъ [2]) хомутъ на телегу, а самъ хоть дугу неси.» Ванька положилъ хомутъ на повозку, и поплелся вслѣдъ за жидомъ съ дугою; шелъ-шелъ и опять усѣлся на дорогѣ. Жидъ оглянулся назадъ: «цуесъ, Ванька! сто-зъ ты сидисъ?»—Еще-бъ не сидѣть, я усталъ, какъ собака; тебѣ хорошо: само на колесахъ катится! а мнѣ надо на себѣ нести. «Ну, полòзъ и дугу; только самъ иди.» Ванька положилъ дугу на повозку и пошелъ сзади. Шелъ-шелъ, долго ли, коротко ли, и опять усѣлся посерёдъ дороги. Жидъ оглянулся и закричалъ: «сто-зе ты опять сѣлъ?» — Да тебѣ хорошо: само на колесахъ катится! а я несъ-несъ, до того усталъ, что идтить не могу.»—Нецево дѣлать, сказалъ жидъ; садись, Ванька, на повозку; зауздай меня, какъ лосадь, да кнутикомъ помаленьку подфескувай.» Батракъ зауздалъ его, сѣлъ на повозку и давай погонять да по ляшкамъ кнутомъ постегивать. Долго этакъ ѣхалъ Ванька; уморился проклятой жидъ! еле до деревни дотащился; здѣсь купилъ онъ новую лошадь, запрягли ее въ телегу и поѣхали дальше... Ѣдутъ доро̀гою, ѣдутъ широкою, а въ чистомъ полѣ красный макъ цвѣтетъ, словно войско идетъ! «Цуесъ, Ванька! сказалъ жидъ; сто за войско такое идетъ?»—А то козаки-молодцы, что̀ жидовъ вѣшаютъ. «Узли-зъ и меня станутъ вѣсать?» — Еще бы нѣтъ! ты что за цаца, чтобъ тебя не повѣсили? «Сто-зе мнѣ дѣлать?» завопилъ бѣдной жидъ со страху.—А вотъ что: по-

---

[1]) Народная поговорка; см. Опытъ обл. словаря, стр. 20. [2]) Положи.

лѣзай въ мѣшокъ; я скажу козакамъ, что господское стекло везу. Жидъ скорѣе въ мѣшокъ, лежитъ — не ворохнется. Вотъ Ванька проѣхалъ съ четверть версты и говоритъ самъ себѣ: «здравствуй, доброй человѣкъ!» — Зравствуйте, братцы! «Что везешь?» — Господское стекло. «А въ шкатулкѣ что? небось деньги! подавай сюда, не то — все стекло побьемъ!» — Нѣтъ, не дамъ! Такой споръ да крикъ поднялъ, что просто бѣда! а тѣмъ временемъ спроворилъ жидовскую шкатулку, припряталъ ее за кустами, ухватилъ палку и давай по мѣшку колотить да приговаривать: «вотъ же тебѣ, вотъ-же тебѣ!» Онъ бьетъ, а жидъ изъ мѣшка: дзенъ-дзенъ! будто и въ самомъ дѣлѣ стекло звенитъ: Натѣшился батракъ въ волю! обождалъ немного, и говоритъ: «эй, жидъ! вылѣзай, козаки уѣхали.» Вылѣзъ жидъ: «а сто, Ванька, какъ дѣло? — Все хорошо, только шкатулку отняли. «Сто-зъ они будутъ съ нею дѣлать? вѣдь ключъ-то у меня.» — Ну, братъ! должно быть безъ ключа обойдутся. Послѣ того не захотѣлъ Ванька съ жидомъ ѣхать, бросилъ его на дорогѣ и пошелъ домой; такъ жидъ и остался дуракъ дуракомъ!

кк. Когда-то пріѣхалъ на Русь нѣмецъ — календарями торговать, остановился въ одной деревнѣ и сталъ проситься у мужика на квартиру: «здравствуй, мужикъ!» — Здорово, нѣмецъ! «Я къ тебѣ ночевать пришелъ.» — Милости просимъ; мы добрымъ людямъ рады. Принесъ мужикъ въ избу цѣлой ворохъ соломы и хочетъ постель готовить; а нѣмецъ говоритъ: «въ избѣ душно! я на дворѣ спать лягу.» — Что ты, нѣмецъ! ложись здѣся; северодишню ночь дождь будетъ. «А ты почомъ знаешь?» — Да вишь вороны кричатъ, свиньи хрюкаютъ, да и поясница что-то разболѣлась. «Какой-же, братецъ, ты дуракъ! ничего не понимаешь. Въ моемъ календарѣ сказано, что погода хорошая, а ты хочешь, чтобъ я воронамъ да свиньямъ повѣрилъ!» Легъ нѣмецъ на дворѣ, и только сталъ было засыпать, какъ

нашли со всѣхъ сторонъ тучи и полилъ страшной дождикъ, словно изъ ведра обкатилъ нѣмца; подхватилъ онъ одёжу и убрался въ избу совсѣмъ мокрёхонекъ. Поутру мужикъ спрашиваетъ: «что, нѣмецъ, хорошо ли на дворѣ спалъ, мягка ли постель была?» — Нѣтъ, братъ хозяинъ! видно мнѣ у васъ на Руси календарями не торговать; кой чортъ ихъ покупать станетъ, коли у васъ ворона — календарь, свинья — календарь и поясница—календарь! Распрощался нѣмецъ съ хозяиномъ и пошелъ назадъ. Шелъ-шелъ, вотъ нагоняетъ его прохожій мужичокъ: «здорово!»—Здравствуй! «Пойдемъ вмѣстѣ.» А нѣмецъ тому и радъ; вдвоемъ идти веселѣй, да и выгоднѣй: всѣ расходы пополамъ, а посчастливится — и того лучше дѣло выгоритъ; слыхалъ онъ, что русскіе просты, а нѣмцы куда хитры! Пришли они на постоялой дворъ и сѣли ужинать. Съѣли щи, съѣли и кашу; остается жареной гусь. Нѣмецъ посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, и говоритъ русскому: «а гуся когда ѣсть будемъ?»—По мнѣ хоть сейчасъ! «Нѣтъ, русской! я тебѣ вотъ что скажу: ляжемъ-ка спать, а гуся спрячемъ; кому лучше сонъ приснится—тому и гусь достанется.»—Пожалуй и такъ; утро вечера мудренѣе. Вотъ легли спать, и только что нѣмецъ заснулъ—русской вскочилъ съ лавки и убралъ цѣлаго гуся... [1])

II. Шелъ солдатъ домой на побывку, и забрёлъ къ одному мужику ночь ночевать. «Здравствуй, хозяинъ! накорми и обогрѣй прохожаго.»—Ну, что-жъ! садись за столъ, гость будешь. Солдатъ снялъ тесакъ да ранецъ, помолился образамъ и усѣлся за столъ; а хозяинъ налилъ стаканъ горькаго и говоритъ: «отгадай, служба, загадку—стаканъ вина поднесу; не отгадаешь—оплеуха тебѣ!» — Изволь, сказывай загадку. «А что значитъ *чистота?*» Солдатъ подумалъ-подумалъ, и вымолвилъ: хлѣбъ

---

[1]) Окончаніе такое-же, какъ и въ другихъ подобныхъ разсказахъ, напечатанныхъ въ вып. II, № 14; вып. V, № 1, b.

чистъ, значитъ онъ и чистота.» Мужикъ хлопъ его по щекѣ. «Что-жъ ты дерешься? насъ бьютъ да вину сказываютъ.» —Чистота, братъ, кошка: завсегда умывается! А что значитъ *благодать?* Солдатъ опять подумалъ-подумалъ, и говоритъ: «знамое дѣло, хлѣбъ — благодать!» Мужикъ хлопъ его въ другой разъ: «врешь, братъ служба! благодать — вода. Ну, вотъ тебѣ послѣдняя загадка: что такое *красота?*» Солдатъ опять свое: «хлѣбъ, говоритъ, красота!» — Врешь, служба; красота —огонь; вотъ тебѣ и еще оплеуха! Теперь, полно; давай ужинать. Солдатъ ѣстъ да про себя думаетъ: «съ роду такихъ оплеухъ не видалъ, и на службѣ царской того не было; постой же, я тебѣ и самъ удружу; будешь меня помнить!» Поужинали и легли спать. Солдатъ выждалъ ни много, ни мало времечка; видитъ, что хозяева заснули; слѣзъ съ полатей, поймалъ кошку, навязалъ ей на хвостъ пакли, паклю-то зажегъ, да кошку на чердакъ погналъ: бросилась она туда со всѣхъ четырехъ ногъ и заронила огонь въ солому; въ мигъ загорѣлась изба и пошло драть! Солдатъ наскоро одѣлся, подошелъ къ хозяину и давай въ спину толкать. «Что ты, служивой?» —Прощай, хозяинъ! иду въ походъ. «Ступай съ Богомъ!»—Да вотъ тебѣ на прощанье загадка: взяла чистота красоту, понесла на высоту; коли не ухватишь благодати, не будешь жить въ хати! Отгадывай! Сказалъ солдатъ и пошелъ со двора. Пока мужикъ ломалъ себѣ голову, что бы такое значили солдатскія рѣчи, загорѣлся потолокъ. «Воды, воды!» кричитъ хозяинъ, а воды-то въ домѣ ни капли нѣтъ; такъ все и згинуло. «Ну, правду солдатъ загадалъ: коли не ухватишь благодати, не будешь жить въ хати!» Отольются кошкѣ мышиныя слёзки! [1])

---

[1]) См. вып. III, № 29, ее.

2.

НЕ ЛЮБО—НЕ СЛУШАЙ [1].

а. Пустилъ мужикъ пѣтуха въ подвалъ; пѣтухъ тамъ нашелъ горошинку и сталъ куръ скликать. Мужикъ услыхалъ про находку, вынулъ пѣтуха, а горошинку пòлилъ водою. Вотъ она и начала рости; росла, росла—выросла дò полу. Мужикъ полъ прорубилъ, горошинка опять начала рости; росла, росла—доросла до потолка. Мужикъ потолокъ прорубилъ, горошинка опять росла, росла—доросла до крыши. Мужикъ и крышу разобралъ, стала горошинка еще выше рости; росла, росла—доросла до нёбушка. Вотъ мужикъ и говоритъ женѣ: «жена, а жена! полѣзу я на нёбушко, посмотрю, чтò тамъ дѣется? Кажись тамъ и сахару, и мёду—всего вдоволь!»—Полѣзай, коли хочешь. Мужикъ и полѣзъ на нёбушко; лѣзъ, лѣзъ, насилу влѣзъ. Входитъ въ хоромы: вездѣ такое заглядѣнье, чтò онъ чуть было глазъ не проглядѣлъ! Середи хоромъ стоитъ печка, въ печкѣ и гусятины, и поросятины, и пироговъ—видимо-невидимо! одно слово сказать—чего только душа хочетъ, все есть! Сторожитъ ту печку коза о семи глазахъ. Мужикъ догадался чтò надобно дѣлать, и сталъ про себя приговаривать: «засни глазокъ, засни глазокъ!» Одинъ глазъ у козы заснулъ. Мужикъ сталъ приговаривать погромче: «засни другой, засни другой!» И другой глазъ заснулъ. Такимъ побытомъ всѣ шесть глазъ у козы заснули; а седьмаго глаза, которой былъ у козы на спинѣ, мужикъ не примѣтилъ и не заговорилъ. Недолго онъ думалъ, полѣзъ въ печку, напился, наѣлся, насахарился; вылѣзъ оттуда и легъ на лавочку отдохнуть. Пришелъ хозяинъ, а коза про все ему и разсказала: вишь она все-то видѣла седь-

[1]) См. выпускъ II, № 7 и стр. 431—433; вып. V, № 4.

нымъ глазкомъ. Хозяинъ осердился, кликнулъ своихъ слугъ, и прогнали мужика въ зашей [1]). Побрёлъ онъ къ тому самому мѣсту, гдѣ была горошинка; глянулъ — нѣтъ горошинки. Что будешь дѣлать? Началъ собирать паутину, что летаетъ лѣтомъ по воздуху; собралъ паутину и свилъ верёвочку; зацѣпилъ эту верёвочку за край неба и сталъ спускаться. Спускался, спускался, хвать—верёвочка вся, а до земли еще далеко, далеко; онъ перекрестился—и бухъ! Летѣлъ, летѣлъ, и упалъ въ болото. Долго ли, коротко ли сидѣлъ онъ въ болотѣ (а сидѣлъ онъ въ болотѣ по самую шею), только вздумалось уткѣ на его головѣ гнѣздо свить; свила гнѣздо и положила яйца. Мужикъ ухитрился, подкараулилъ утку и поймалъ ее за хвостъ. Утка билась, билась, и вытащила такѝ мужика изъ болота. Онъ взялъ и утку, и яйца, принёсъ домой, и разсказалъ про все женѣ.

Не то чудо изъ чудесъ,
Что мужикъ упалъ съ небесъ;
А то чудо изъ чудесъ,
Какъ онъ туда залѣзъ!

(Записана въ тверской губерніи.)

b. У одного старика было три сына: старшій — говорливъ, средній—говорливъ, а малый—какъ чортъ, все молчитъ. Пошли эти дѣтки лѣсовать, а огниво дома позабыли. Ходили день до вечера, привелось ужинать, а огня нѣту. Большой братъ былъ смысловатѣе: взлѣзъ на лѣсину, увидалъ — вдалекѣ огонёкъ горитъ, и пошелъ въ ту сторону. Приходитъ къ старику: «здравствуй, доброй человѣкъ! дай огня». — Нѣтъ, братъ! скажи нѐбыль, тогда и огня дамъ; а скажешь быль — изъ спины ремень выкрою. Сталъ ему мужикъ сказывать; что ни скажетъ, все быль да быль; повалилъ его старикъ наземь,

---

[1]) Сличи въ IV выпускѣ, № 7, стр. 34—35, примѣчаніе.

выкроилъ изъ спины ремень и отпустилъ къ братьямъ. Пошелъ средній добывать огня, дошелъ до старика: «здравствуй, доброй человѣкъ! дай огня». — А скажи, братъ, нѐбыль, тогда и огня дамъ; а скажешь быль—изъ спины ремень выкрою. И этотъ мужикъ что̀ ни скажетъ, все быль да быль; старикъ выкроилъ изъ его спины ремень и отпустилъ къ братьямъ. Воротился средній братъ и говоритъ младшему: «поди ты, братъ; тебя звали». Пошелъ младшій: «здравствуй, доброй человѣкъ! дай огня». — Скажи нѐбыль, тогда и огня дамъ; а коли быль скажешь—изъ спины ремень выкрою. «Ладно, старой старичище! только чуръ не перебивать, а перебьешь — изъ твоей спины три ремня вырѣзать.» И сталъ сказывать: «Было насъ у отца, у матери тридцать девять братовъ, да была у насъ кобыла о тридцати восьми пѣжинахъ. Мы на той кобылѣ ѣздили, гуляли по чистому полю: всякой на свою пѣжину садится, а мнѣ грѣшному нѣтъ пѣжинки. Выѣхали разъ братья въ чистое поле погулять, а я за ними; ѣздили день, наѣхали на пень; кобыла лягнула да хвостомъ махнула, увидалъ я на хвостѣ у ней пѣжинку, прискочилъ да и сѣлъ. Поѣхали мы, не знаю куда; пріѣхали на базаръ, спрашиваемъ: люди добрые! что дешево и что дорого? — Дешевы за̀ моремъ коровы, дороги мухи; за муху съ мушонкомъ даютъ корову съ телёнкомъ, за крупныхъ оводовъ—большихъ быковъ. [1]) Наловили мы тутъ мухъ цѣлыхъ три куля, пріѣхали къ морю синему. Какъ намъ переправиться? синё море широко и глубоко. Братья плакать-горевать, а я не тужу да пѣсни пою; сѣлъ на куль, переплылъ море и намѣнялъ коровъ да быковъ три табуна. Взяло меня раздумье: какъ назадъ ворочаться? Если корабли наймовать—дорого возьмутъ; если стадо плавкомъ пускать — половина потонетъ. Вотъ я схватилъ одну корову за хвостъ, махалъ-махалъ, да какъ пу-

---

[1]) *Вар.* за слѣпня—быка.

щу — такъ на другой берегъ и ткнулась, разъ-другой на лету перевернулась. Перемахалъ я всѣ три табуна; оставался одинъ быкъ-бурище. Взялъ и его за хвостъ, обвилъ кругомъ руки крѣпко-накрѣпко, собрался съ силою, развернулся, да какъ махну—такъ вмѣстѣ съ быкомъ и перелетѣлъ за море. Тутъ услыхалъ я, что на небѣ люди босикомъ ходятъ, и задумалъ тамъ побывать, сапогами промышлять. Товаръ-то у меня некупленый: перебилъ коровъ да быковъ, захватилъ съ собой кожи и полѣзъ на небо. Туда-то не хитро влѣзть; какъ назадъ воротиться? Втѣпоры я догадливъ былъ: оставалось у меня съ десятокъ кожъ; я тѣ кожи на ремни порѣзалъ, ремни зацѣпилъ за сваю, сваю вколотилъ въ облако, и пошелъ спускаться. Еще далеко-далеко до земли, а ремней не достало. Только я не тужу, по сторонамъ гляжу: попъ овесъ вѣетъ, полова вверхъ летитъ. Я скорѣй полову ловить да веревку вить; вилъ-вилъ, мертвую крысу завилъ. Ни съ того, ни съ сего крыса ожилъ, принялась за веревку, грызла-грызла, совсѣмъ перегрызла. Я упалъ, да въ тинѣ застрялъ. Прибѣжала супоросая лиса, на моей головѣ гнѣздо свила, семерыхъ лисинятъ принесла. Шелъ мимо сѣрой волкъ, лисинятъ уволокъ: «за лисою приду, все гнѣздо разорю!» Я тѣмъ временемъ вытащилъ изъ болота руки, и только пришелъ сѣрой волкъ гнѣздо разорять—я хвать его за хвостъ. Тю-тю-тю! Волкъ бѣжать: разъ рванулъ — меня вытянулъ, въ другой рванулъ — хвостъ оборвалъ. Я взялъ-хвостъ распоролъ, тамъ ящикъ нашелъ, въ ящикѣ—грамотка, а въ грамоткѣ написано, что твой отецъ моему отцу будетъ вѣкъ платить кабалы, напраслины...»—Что ты, дуракъ! когда это было? перебилъ старикъ. «Эхъ, старой чортъ! не вытерпѣлъ; подавай изъ спины три ремня», сказалъ мужикъ; выкроилъ три ремня, взялъ огню и воротился къ братьямъ.

(Записана въ архангельской губерніи.)

с. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ мужикъ; у него три сына: два умныхъ, третій дуракъ. Послалъ ихъ отецъ землю пахать. Вотъ они пахали, пахали — до самаго вечера, пришлось ночевать въ полѣ; надо на ужинъ кашу варить, да за огнемъ куда идтить? Старшій братъ валѣзъ на дерево, туда-сюда поглазѣлъ и увидѣлъ: въ одной сторонѣ какъ-будто огонь горитъ; слѣзъ наземь и пошелъ огня добывать. Идетъ себѣ да идетъ—стоитъ на пути избушка на курьихъ ножкахъ, на собачьихъ пяткахъ, а въ избушкѣ сидитъ сѣдой старикъ. «Здорово, дѣдушка!» — Здорово, сосѣдушка! «Дай огоньку.» — Скажи сказочку. «Не умѣю.» — Скажи присказку. «Не смѣю.» — Коли такъ, отвѣчай спиной. Выдралъ у него изъ спины ремень, посыпалъ [1]) то мѣсто золой, и пустилъ безъ огня домой. Воротился парень къ братьямъ и сказываетъ, что не могъ найдти. «Экой ты гусь! развѣ мнѣ пойдти», говоритъ середній братъ. Пошелъ, и съ нимъ случилось тоже самое. «Ну, дуракъ, ступай теперь ты.» Поплелся дуракъ—стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, на собачьихъ пяткахъ, а въ избушкѣ — сѣдой старикъ. «Здорово, дѣдушка!» — Здорово, сосѣдушка! «Дай огоньку.» — Скажи сказочку. «Сказалъ бы, да ты поперечить будешь.» — Нѣтъ, не буду; я люблю, коли мнѣ сказки сказываютъ. «Ну такъ сдѣлаемъ уговоръ: кто поперечитъ станетъ — у того изъ спины ремень.» — Ладно! Вотъ и началъ дуракъ:

«Было насъ, дѣдушка, три брата; поѣхали мы траву косить, пріѣзжаемъ—хвать: нѣтъ ни одной косы! дома забыли. Что дѣлать? чѣмъ косить? Только мы догадливы были, давай косить дугами, махали-махали, три стога наметали. Стали домой ворочаться: ѣдемъ мимо лѣсу и слышимъ крикъ-гамъ великой. Что такое? Медвѣдь съ шмелемъ дерется. Шмель

---

[1]) *Вар.* вытеръ.

кричитъ: «мнѣ пособите!» Медвѣдь кричитъ: «мнѣ пособите!» Какъ тутъ быть, кому пособить? Если шмелю, такъ онъ вырвется да улетитъ. Пособили медвѣдю; убили шмеля и надавили вощинъ семь лощинъ, а меду съ сѣнную копну набрали. Изъ тѣхъ вощинъ я слѣпилъ себѣ кобылку, да три года на ней ѣздилъ. Разъ какъ-то поѣхалъ я на зеленя̀: ѣду, ничего не вѣдаю, глядь назадъ—половины лошади нѣтъ: на передкѣ сижу, а задо̀къ по зеленямъ бѣгаетъ. Я ловилъ его-ловилъ, насилу поймалъ; взялъ да лычкомъ обѣ половины сшилъ, да еще три года ѣздилъ. Въ нѣкое время случилось мнѣ ѣхать возлѣ озера; на томъ озерѣ утка гнѣздо свила. Я сейчасъ вырубилъ три полѣна: одно—липовое, другое—лутоховое, а третье, съ чего лыки дерутъ; однимъ бросилъ — не дошвырнулъ, другимъ бросилъ—перешвырнулъ, а третьимъ какъ разъ въ утку угодилъ; утка полетѣла, а я, дѣдушка, гнѣздо потащилъ, полну лодку яицъ навалилъ: въ цѣлой годъ не съѣсть! Захотѣлось мнѣ напиться; влѣзъ я въ озеро по самую глотку, а почерпнуть воды нечѣмъ; вотъ я снялъ съ головы черепъ да тѣмъ и напился. Оглянулся назадъ: лошадь моя далеко ушла; побѣжалъ за нею, да черепъ и позабылъ. Пока изловилъ я лошадь, тѣмъ временемъ черепъ уплылъ; прилетѣла утка, нанесла въ немъ яичекъ и вывела дѣтокъ. Захватилъ я все гнѣздо; черепъ на себя надѣлъ, а птицъ зажарилъ да поѣлъ. Ѣду послѣ того по̀ лѣсу; мужикъ на дубу горохъ молотитъ: гороховина наземь валится, а горохъ по сучка̀мъ садится. Полѣзъ я, дѣдушка, горохъ собирать; сижу на деревѣ, собираю, ничего не знаю. А дубъ-росъ-росъ, до небесъ доросъ. Влѣзъ я на небеса посмотрѣть-посудить, что тамъ дѣется. Только у нашего попа завистные глаза: взялъ онъ этотъ дубъ срубилъ, къ себѣ на дворъ стащилъ. Какъ быть? Спасибо тамъ коровы дешевы: телушка по мушкѣ, за быка слѣпня даютъ. Вотъ я цѣлой кошель мухъ наловилъ, да телушекъ накупилъ; сталъ ихъ рѣ-

зать, кожи драть, ремни вязать. Зацѣпилъ ремень за край неба и давай внизъ спускаться; спускался-спускался; гляжу — ремень-то весь, а до земли далеко: коли прянуть — убьешься! На мое счастье мужикъ овесъ вѣялъ: я все мякину ловилъ, да веревку вилъ. Только та веревка оборвалась; я упалъ, чуть ни убился, на тотъ свѣтъ провалился; видѣлъ тамъ всѣхъ покойниковъ: какъ мой-то батюшка на твоемъ дѣдушкѣ воду возитъ. . .» — Что ты, дуракъ! будто и правда? перебилъ старикъ. Дуракъ тотчасъ его повалилъ, вырѣзалъ изъ спины ремень, взялъ огню и воротился къ братьямъ: «вотъ вамъ огонь, варите-ка кашу!»

d. Жилъ я съ дѣдушкой, а батька мой тогда еще не родился, потому сàмому какъ начался свѣтъ—было мнѣ семь лѣтъ. Жили мы куда богато! Былъ у насъ большой домъ изъ одного кирпичика: глазомъ не окинешь, а взглянуть нè на что; свѣтомъ обгороженъ, небомъ покрытъ. Лошадей было много: шесть кошекъ ѣзжалыхъ, двѣнадцать котовъ стоялыхъ; одинъ жеребецъ бойкой-котъ сибирской былъ нà цѣпь прикованъ возлѣ печки къ столбу. Землѝ у насъ съ дѣдомъ было видимоневидимо: полъ да лавки сами засѣвали, а печь да полати въ наймы отдавали. Родилось хлѣба много; стали убирать — дѣвать некуда. Дѣдъ былъ уменъ, а я догадливъ; склали скирду на печномъ столбу; велика скирда — глазомъ не окинешь, хоть взглянуть нè на что! И завелись въ ней мыши, стали хлѣбъ точить; жеребецъ нашъ бойкой-котъ сибирской прыгъ на столбъ — мышей не изловилъ, скирду въ лохань уронилъ. Дѣдъ голосомъ завылъ, а я заголосилъ: чѣмъ теперь кормиться-то будемъ? Только дѣдъ былъ уменъ, а я догадливъ: вытащили хлѣбъ изъ лохани, пересушили и обмолотили. Время было къ празднику, стали мы солодъ готовить, да пиво варить; какъ въ ложкѣ затёрли, въ корцѣ развели — вышло пива съ цѣлую бочку. Что гостей-то къ намъ привалило!

и въ домъ, и на дворъ; по улицѣ пройдтить нельзя отъ народу. Дѣдъ выставилъ бочку съ пивомъ, принесъ большущій ковшъ и давай всѣхъ поить-угощать. Стали къ нему гости подходить; а дѣдъ былъ очень простъ—всякому по полному ковшу: какъ кому поднесетъ, да за волосы потрясетъ, да четвертнымъ полѣномъ по затылку оплететъ, такъ и съ ногъ долой! Сколько тутъ пьяныхъ набралось! по двору, по улицѣ какъ шмели ползаютъ. Перепоили мы съ дѣдомъ всю деревню, да такъ перепоили: которой и проспится, такъ опохмѣлиться не хочетъ; а пива все-таки осталось немало—цѣлую недѣлю мы съ дѣдомъ пили, насилу выпили. [1]) Послѣ того смотрю я — дровъ въ дому ни полѣна, а топить надобно. Была у насъ лошадь сѣрая, упряжь чудесная, да запречь нѐ во что. «Ступай, го-

---

[1]) *Варіантъ 1:* Жили мы съ дѣдушкой богато: отъ наготы и босоты ломились шесты. Было у насъ мѣдной посуды—крестъ да пуговица, рогатой скотины—пѣтухъ да курица; было у насъ денегъ—сто безъ девяноста, класть было нѐ во что, а купить мѣшка нѐ на что; было у насъ сто ульевъ да пятьдесятъ пчелъ: которая пчела въ поле летитъ — хвостомъ вертитъ, а съ поля летитъ—корову тащѝтъ. Лошадка была у дѣдушки иноходь, а не на чемъ было выѣхать: съ горы-то самъ сойди, а въ гору пѣшкомъ побѣги; одной рукой погоняй, другой слезы утирай! Ты впрягать, она лягать; ты орать, она играть! На гладѝ хоть не клади, а въ грязи хоть самъ повези! Сварили мы съ дѣдушкой два пива: одно пожиже, а другое чтò вода; выпьешь буракъ, станешь какъ дуракъ, а стаканъ поднесешь, да четвертнымъ полѣномъ оплетешь — такъ всякъ идетъ да спотыкается.

Варіантъ 2: Жили мы богато; было у насъ скота рогатаго много: десять кошекъ дойныхъ, два кота ѣзжалыхъ, одинъ котъ — виноходъ. Паханной земли еще больше: печь да полати, да застольныя лавки. Посѣяли мы на печи-то просо, на полатяхъ сѣмя. Выросло наше просо въ косую сажень; мы съ дѣдушкой просо сжали, на печномъ столбѣ склали. Котъ-виноходъ увидалъ мышь да крысу, шмыгъ за ними, и свалилъ зерно въ корыто. Дѣдушка просо собиралъ, бабушка шелуху сдирала. А бабушка была куда рѣзва, на печь три года лѣзла, да оттуда сорвалась, на-трое разодралась; дѣдушка взялъ лычко и сшилъ ее, такъ она еще десять лѣтъ жила. Было у насъ пчелъ много, и что за пчелы! одна подыметъ козла, а которая сильна—та свинью да кабана.

ворить мнѣ дѣдушка, запрягай лошадь, поѣзжай въ лѣсъ за дровами.» Я надѣлъ кафтанишко худенькой, заткнулъ топоръ за поясъ, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ въ путь. Ѣду рысью скорою, а топоръ тяпъ да ляпъ и перерубилъ мою лошадь пополамъ. Оглянулся назадъ — анъ на одномъ передкѣ ѣду; задокъ далеко отсталъ. Я кликать, я звать — прибѣжалъ задокъ. Что долго думать? составилъ обѣ половинки, смазалъ глиною, далъ шпоры подъ бока—и откуда прыть взялась! Пріѣхалъ въ лѣсъ, нарубилъ дровъ, наклалъ большущій возъ и привязалъ веревкою за хвостъ. Какъ крикну — лошадь сгоряча хватила, по уши въ грязь угодила. Я за дѣдомъ; тотъ былъ уменъ, а я догадливъ; взялись оба за хвостъ и ну тянуть; тащили-тащили, да шкуру долой и стащили! Дѣдъ голосомъ завылъ, я заголосилъ. Нè на чемъ было ѣхать; приходимъ домой и горюемъ. Только глядь въ окно, а лошадь наша стоитъ у воротъ, сама пришла. Дѣдъ засмѣялся, я захохоталъ: лошадь-то дома, а шкура въ барышахъ досталась. У насъ на дворѣ росъ высокой дубъ; усмотрѣлъ я, что на томъ дубу много птицы водится, и полѣзъ добывать дичинки. Я лѣзу, а дубъ все растетъ да растетъ, и упёръ верхушкою въ небо. Пришло мнѣ на мысль: дай пощупаю, крѣпко ли небо? Только рукой за край взялся, дубъ подо мной и свалился; повисъ было̀ на одной рукѣ, да потòмъ ухитрился и взобрался нà небо. День хожу, и два, и три хожу; совсѣмъ отощалъ-исхудалъ, ѣсть-то нечего! Съ той худобы завелися вши немалыя; а я догадливъ былъ, принялся ихъ ловить, шкурки драть да ремешки кроить; свилъ верёвочку, привязалъ за край неба, и началъ спускаться. На бѣду не хватило веревочки. Пришлось бы мнѣ долго висѣть промежъ неба и земли, да мужикъ вышелъ овесъ вѣять; несётъ вѣтеркомъ ко мнѣ пòлову, а я-то ловлю, да веревку вью. Ни много, ни мало прошло времени, пересталъ мужикъ овесъ вѣять, а веревки все не хватаетъ. Что тутъ дѣлать? Была-не была,

прыгнулъ наземь и попалъ въ трясину; по самыя уши утонулъ. Сижу день, и два, и три; волоса вѣтромъ разбило. Прилетѣла утка, свила себѣ на моей головѣ гнѣздышко и снесла яичко. Я хотѣлъ было взять яйцо да съѣсть, ужь и руку протянулъ, да одумался: пусть еще снесетъ, тогда за одинъ разъ наѣмся. На другой день снесла утка второе яичко; а я себѣ на умѣ: подожду еще денёкъ, авось снесетъ третье. На утро слышу я — шумъ шумитъ: идетъ волкъ болотомъ; подошелъ къ гнѣзду и поѣлъ яйца; поѣлъ и хочетъ назадъ идти, а я тѣмъ временемъ намоталъ хвостъ его на руку и крикнулъ во все свое горло. Волкъ съ испугу бросился въ сторону и вытащилъ меня изъ трясины. Воротился я домой; дѣдъ засмѣялся, я захохоталъ; тутъ и батька мой родился.

е. Какъ у насъ на селѣ заспорилъ Лука съ Петромъ, сомутилася вода съ пескомъ, у невѣстки съ золовками былъ бой большой: на томъ на бою кашу-горюху поранили, киселя-горюна [1]) во полонъ полонили, рѣпу съ морковью подкопомъ взяли, капусту подъ мечъ приклонили. А я на бой не поспѣлъ, на лавочкѣ просидѣлъ. Въ то время жили мы шесть братьевъ — все Агафоны, батюшка былъ Тарасъ, а матушка—не помню, какъ звалась; да что до названья? пусть будетъ Маланья. Я-то родомъ былъ меньшой, да разумомъ большой. Вотъ поѣхали люди землю пахать, а мы шесть братьевъ руками махать. Люди-то думаютъ: мы пашемъ да на лошадей руками машемъ, а мы промежъ себя управляемся. А батюшка навязалъ на кнутъ зерно гречихи, махнулъ разъ-другой, и забросилъ далеко. Уродилась у насъ гречиха предобрая.[2]) Люди вышли въ поле жать, а мы въ бороздахъ лежать; до обѣда пролежали, послѣ обѣда

---

[1]) *Варіантъ:* шанги да блины.

[2]) *Варіантъ:* Нынче хлѣбу не родъ, а прежде дородно росъ: три пуда колосъ тянулъ, три фунта зерно. Коли въ одно мѣсто сбирать, надо по семи лошадей подъ снопъ запрягать...

проспали, и наставили много хлѣба: скирда отъ скирды, какъ отъ Казани до Москвы. Стали молотить—вышла цѣлая горсть гречихи. На другой годъ батюшка спрашиваетъ: «сынки мои возлюбленные! гдѣ намъ нынче гречиху сѣять?» Я — братъ меньшой, да разумомъ большой, говорю батюшкѣ: «посѣемъ на печкѣ, потому что земля та порожняя; все равно круглой годъ гуляетъ!» Посѣяли на печкѣ, а изба у насъ была большая: на первомъ вѣнцѣ [1]) порогъ, на другомъ потолокъ; окна и двери буравомъ наверчены. Хоть сидѣть въ избѣ нельзя, да глядѣть гожа. Батюшка былъ тогда больно заботливъ, рано утромъ вставалъ — чуть заря занимается, и все на улицу глазѣлъ. Морозъ-то и заберись къ намъ въ окно да на печку; вся гречиха позябла. Вотъ шесть братьевъ стали горевать, какъ гречиху съ печи собирать; а я—родомъ хоть меньшой, да разумомъ большой: «надобно, говорю, гречиху скосить, въ омётъ свозить.» — Гдѣ-же намъ омётъ метать? «Какъ гдѣ? на печномъ столбѣ: мѣсто порожнее.» Сметали большой омётъ. Была у насъ въ дому кошка лыса; почуй она, что въ гречихѣ крыса, бросилась ловить и прямо таки о печной столбъ лбомъ пришлась; омётъ упалъ, да въ лохань попалъ. Шесть братьевъ горевать, какъ изъ лохани омётъ убирать? На ту пору пришла кобыла сѣра, омётъ изъ лохани съѣла; стала вонъ изъ избы бѣжать, да въ дверяхъ и завязла: таково-то съ гречихи у ней брюхо распёрло! заднія ноги въ избѣ, а переднія на улицѣ. Зачала она скакать, избу по улицѣ таскать; а мы сидимъ да глядимъ: что-то будетъ! Вотъ какъ брюхо у кобылы-то опало, я сейчасъ въ гриву ей вцѣпился, верхомъ на нее ввалился, и поѣхалъ въ кабакъ. Выпилъ винца, разгулялся доброй молодецъ; попалось мнѣ въ глаза у цѣловальника ружье славное. «Что, спрашиваю, завѣтное аль продажное?»—Продажное. Ну, хоть

---

[1]) Т. е. на первомъ ряду бревенъ.

полтину и заплатилъ, да ружье купилъ. Поѣхалъ въ дубовую рощу за дичью; гляжу: сидитъ тетеревъ на дубу. Я прицѣлился, а кремня-то нѣтъ! Коли въ городъ за кремнемъ ѣхать — будетъ десать вёрстъ: далеко, пожалуй птица улетитъ. Думаючи эдакъ самъ съ собою, задѣлъ невзначай полушубкомъ за дубовой сукъ; кобыла моя рванула съ испугу, да какъ треснетъ меня башкой о дерево — такъ искры изъ глазъ и посыпались! Одна искра упала на полку, ружье выстрѣлило и убило тетерева; тетеревъ внизъ упалъ, да на зайца попалъ; а заяцъ сгоряча вскочилъ, да что про меня дичины набилъ! Тутъ я обозомъ въ Саратовъ отправился; торговалъ-продавалъ, на пятьсотъ рублевъ дичины сбывалъ. На тѣ деньги я женился, взялъ себѣ славную хозяюшку: коли вдоль улицы пройдетъ, всю подоломъ замететъ; малые ребятишки встрѣчаютъ, полѣньями кидаютъ. Не надо покупать ни дровъ, ни лучины; живу себѣ безъ кручины.

(Записана въ костромской губерніи.)

г. Уродился я ни малъ, ни великъ — всего-то съ игольное ушко, не то съ приворотную надолбу. Пошелъ я въ лѣсъ, самое дремучее дерево рубить — крапиву. Разъ тяпнулъ — дерево качается, въ другой тяпнулъ — ничего не слышно, въ третій тяпнулъ — выскочилъ кусокъ, мнѣ добру молодцу въ лобокъ. Тутъ я доброй молодецъ трои сутки пролежалъ; никто меня не зналъ, не видалъ, только знала-видала меня рогатая скотина — тараканъ да жужелица. Всталъ я доброй молодецъ, отряхнулся, на всѣ четыре стороны оглянулся, побрелъ по берегу, по берегу все не нашему. Стоитъ рѣка — вся изъ молока, берега изъ киселя. Вотъ я доброй молодецъ киселя наѣлся, молока нахлебался.... Пошелъ я по берегу, по берегу все не нашему: ходитъ тутъ быкъ печоный, въ боку ножъ точоный. Кому надо закусить, изволь рѣзать да кроить.

g. Я (в)сталъ поутру, обувалсе на босу̀ ногу, топоръ надѣвалъ, трои лыжи подъ поесъ подтыкалъ, дубинкою подпоясалсе, кушакомъ подпиралсе. Шолъ я не путемъ, не доро́гой; подлѣ лыцье [1]) го́ры дралъ; увидялъ на уткѣ озеро, топоромъ въ её шибъ [2])—не дошибъ, другимъ шибъ — перешибъ, третьимъ шибъ — попа́ло, да ни́мо [3]); утка-то скулуба́лась [4]), озеро то улетѣло. И пошолъ я въ цисто поле, увидялъ: подъ дубомъ корова бабу доитъ. Я говорю: «тётинька, маминька! дай мнѣ-ка полтора молока̀ прѣсново ста́вця.» [5]) Она миня̀ послала въ незна́мую деревню, въ небывалую избу. Я пошолъ и пришолъ: квашня бабу мѣситъ. Я говорю: «тётинька, маминька! дай мнѣ-ка тѣста.» Она выхватила изъ мутовки квашню—хлысь по зубамъ. Я бѣжать! вышолъ на у̀лку: тутъ лайка соба́цитъ [6]) на миня; мнѣ-ка цѣмъ оборони́це (оборониться)? я увидялъ: на санахъ дорога, выхватилъ изъ оглобель сани, хлысь лайкѣ по зубамъ, и пошолъ домой, да съ горя спать повали́лсе.

(Записана въ шенкурскомъ уѣздѣ, архангельской губерніи, г. Борисовымъ.)

h. Бывали-живали старикъ да старушка. У старика, у старушки былъ сынъ Иванъ. Жили они ни много, ни мало; старикъ померъ, а сынъ выросъ. Старуха напряла два мотка. Въ то самое времячко занадобилось Ивану ѣхать на ярманку; сталъ проситься у матери: «я поѣду, мати, на ярманку; стану торговать, изъ кармановъ воровать; наторгую много денегъ и буду богатъ!»—Что ты, дитятко! говоритъ ему мать; эдакъ вѣдь неладно. «Небось, ладно будетъ!» Взялъ онъ у старухи мотки прядены, пріѣхалъ на ярманку и началъ торговать; продалъ на десять рублевъ, да укралъ девяносто—стало всѣхъ денегъ сто рублевъ. Накупилъ себѣ пряниковъ да мёду, сѣлъ

---

[1]) Подлѣ лыковъ. [2]) Кинулъ. [3]) Мимо. [4]) Всколебалась. [5]) Навыворотъ, вмѣсто: полтора ста́вца (т. е. кувшина) прѣснаго молока. [6]) Вмѣсто: собака лаетъ.

на возъ и поѣхалъ домой. Ѣдетъ не ѣдетъ, все пряники въ мёдъ макаетъ да въ ротъ пихаетъ. Попался ему на дорогѣ баринъ: скачетъ на лихой четвернѣ. Увидалъ баринъ Ивана, остановился и говоритъ ему: «что ты, мужичокъ, больно роскошно кушаешь? Кажись бы, пряники можно и такъ ѣсть; а ты еще въ мёдъ макаешь!» — Какъ-же мнѣ роскошно не ѣсть! отвѣчаетъ Иванъ барину; ѣздилъ я въ торгъ торговать, выторговалъ десять, да укралъ деваносто рублевъ; а съ тебя хоть бы двѣсти взять. «А ну, ухитрись!»—Давай-ка, баринъ, уговоръ положимъ: коли ты мнѣ молвишь: *врёшь!*—съ тебя двѣсти рублевъ; а коли удержишься—дѣлай со мной, что самъ знаешь. «Ладно!» говоритъ баринъ. Вотъ ударили они по рукамъ, и началъ Иванъ сказку сказывать: «Былъ я у отца съ матерью малёшенекъ; пошелъ я какъ то въ лѣсъ; увидалъ въ лѣсу дерево, а въ деревѣ дупло, а въ дуплѣ-то жареныя перепелята гнѣздо свили. Сунулъ я въ дупло руку—не лѣзетъ, сунулъ ногу—не лѣзетъ; я согнулся да прыгъ—и вскочилъ туда весь. Наѣлся-накушался, захотѣлъ вылѣзать; не тутъ-то было! больно толстъ отъ ѣды сдѣлался, а дыра мала. Я, доброй молодецъ, догадался, сбѣгалъ домой за топоромъ, прорубилъ дыру и вылѣзъ. Вздумалось тогда мнѣ напиться; пришелъ я къ морю [1]), снялъ черепъ, зачерпнулъ воды и напился. Все бы ладно, да уронилъ черепъ въ воду. Глядь—а онъ серёдъ моря плаваетъ, утки-гуси въ немъ гнѣзда подѣлали да яицъ нанесли. Что дѣлать? разъ топоромъ кинулъ—не докинулъ, въ другой кинулъ—перекинулъ, а въ третій совсѣмъ не попалъ. Вотъ такъ-то я всѣхъ гусей-утокъ побилъ; яйца сами улетѣли. Опосля того зашелъ я по конецъ моря, взялъ да зажогъ: какъ все море выгорѣло—я досталъ свой черепъ, и пошелъ по бѣлу свѣту разгуливать.» [2])

---

[1]) *Вар.* къ озеру. [2]) *Варіантъ:* Кинулъ топоромъ разъ — не докинулъ, въ другой—перекинулъ. Топоръ-то плаваетъ, топорище тонетъ. Зажогъ

— Бай, бай [1]), мужичокъ! говоритъ баринъ; все это правда истинная!

«Поѣхалъ я въ лѣсъ за дровами. Пока тамъ-сямъ бродилъ да дрова рубилъ, сѣрые волки набѣжали, у моей лошадёнки брюхо прорвали [2]). Только я догадливъ былъ: вырубилъ березовой прутъ, да бѣгомъ къ лошади; кишки всѣ собралъ, въ брюхо поклалъ, и зашилъ березовымъ прутомъ. Наложилъ цѣлой возъ дровъ и сталъ въ путь собираться; трогаю лошадь, она не съ мѣста! Что за диво? Смотрю, а березовой-то прутъ выросъ высоко высоко, такъ за облака и задѣваетъ верхушкою. Вотъ я полѣзъ на небо; все тамъ выглядѣлъ, все тамъ высмотрѣлъ. Пора и назадъ спускаться; на мою бѣду лошадёнка съ мѣста дёрнула и свалила вербу. Какъ быть, чѣмъ горю пособить? Набралъ я пыли-копоти, свилъ канатъ, привязалъ его за облако и давай спускаться внизъ. Спускался-спускался, пока канату не достало. Что-же я вздумалъ: сверху-то отрѣжу, да внизъ наставлю; отрѣжу да наставлю, отрѣжу да наставлю, а самъ все внизъ спускаюсь. До того дошло, что рѣзать-то нечего, а до земли еще далёко! Вотъ поднялся сильный вѣтеръ; ужь меня качало-качало, во всѣ стороны бросало! канатъ оборвался, и упалъ я въ самую преисподнюю. Насилу оттуда выбрался! Да, былъ я, баринъ, въ аду; видѣлъ, какъ на твоемъ отцѣ навозъ возятъ...»—Что ты, дуракъ, врёшь! А Ивану того только и надобно; взялъ съ барина по уговору двѣсти рублевъ и поѣхалъ домой. Мать ему обрадовалась; тотчасъ назвала гостей, сродниковъ, и подняли они пиръ великой; на томъ пиру

я озеро съ конца; оно трещитъ да горитъ; какъ вода совсѣмъ выгорѣла — яйца испеклися. Я былъ смѣлъ—тѣ яйца съѣлъ.

[1]) Говори, сказывай. [2]) *Варіантъ:* Взялся за топоръ дрова рубить, глядь—бѣжитъ семеро волковъ: шесть куцыхъ, седьмой безъ хвоста. Я думалъ: то сѣрые волки, анъ бирюки! Прибѣжали, да мою кобылу разорвали.

и я былъ, медъ-вино пилъ, по усу̀ текло, во рту сухо было. Дали мнѣ колпакъ, стали въ шею толкать; дали мнѣ шлыкъ, а я подъ ворота шмыгъ! Сказкѣ конецъ, а мнѣ мёду корецъ.

3.

ХОРОШО ДА ХУДО. [1])

а. «Аѳонька! гдѣ былъ-побывалъ, какъ отъ меня бѣжалъ?» —Въ вашей, сударь, деревнѣ — у мужика подъ овиномъ лежалъ. «Ну, а кабы овинъ-то вспыхнулъ?» — Я-бъ его прочь отпихнулъ. «А кабы овинъ-то загорѣлся?» — Я бы, сударь, погрѣлся. «Стало ты мою деревню знаешь?» — Знаю, сударь. «Что, богаты мои мужички?» — Богаты, сударь! у семи дворовъ одинъ топоръ, да и тотъ безъ топорища. «Что-жъ они съ нимъ дѣлаютъ?» —Да въ лѣсъ ѣздятъ, дрова рубятъ; одинъ-то дрова рубитъ, а шестеро въ кулакъ трубятъ. «Хорошъ ли хлѣбъ у насъ?» — Хорошъ, сударь! Снопъ отъ снопа будетъ цѣлая верета, копна отъ копны — день ѣзды. «Гдѣ-жъ его склали?» — На вашемъ дворѣ, на печномъ столбѣ. «Хорошее это дѣло!» — Хорошо, да не очень: ваши борзыя разыгрались, столбъ упалъ — хлѣбъ въ лохань попалъ. «Неужто весь пропалъ?» — Нѣтъ, сударь! солоду наростили, да пива наварили. «А много вышло?» — Много! въ ложкѣ растирали, въ ковшѣ разводили, семьдесятъ семь бочекъ накатили. «Да пьяно ли пиво?» —Вамъ, сударь, ковшомъ поднести, да четвертнымъ полѣномъ сверху оплести, такъ и со двора не свести. «Что жъ ты дѣлалъ, чѣмъ промышлялъ?» — Горохомъ торговалъ. «Хорошо твое дѣло!» — Нѣтъ, сударь; хорошо, да не такъ. «А какъ?» — Шелъ я мимо попова двора, выскочили

---

[1]) Смотри выпускъ III, № 28.

собаки, я бѣжать — и разсыпалъ горохъ. Горохъ раскатился и рѣдокъ уродился. «Худо же твое дѣло!» — Худо, да не такъ! «А какъ?» — Хоть рѣдокъ, да стручистъ. «Хорошо же твое дѣло!» — Хорошо, да не такъ! «А какъ?» — Повадилась во горохъ попова свинья, все изрыла-перепортила. «Худо же, Аѳонька, твое дѣло!»—Нѣтъ, сударь! худо, да не такъ. «А какъ?»—Я свинью-то убилъ, вѣтчины насолилъ.

«Эй, Аѳонька!» — Чего извольте. «Съ чѣмъ ты обозъ пригналъ?» — Два воза сѣна, сударь, да возъ лошадей. «А коня моего поилъ?»—Поилъ. «Да что-жъ у него губа-то суха?» — Да прорубь, сударь, высока. «Ты-бъ ее подрубилъ.» —И такъ коню четыре ноги отрубилъ. «Ахъ, дуракъ, ты мнѣ лошадь извелъ!» — Нѣтъ, я ее на Волынской дворъ къ собакамъ свелъ [1]). «Ты никакъ не дослышишь?» — И такъ коня не сыщишь.

«Жену мою видѣлъ?»—Видѣлъ. «Что-жъ хороша?»— Какъ сука пестрà. «Какъ?» — Словно яблочко наливное [2]).

b. «Братъ, здорово!» — Брату челомъ! «Откуда?» — Изъ города Ростова. «А какъ-же сказали: въ вашемъ ростовскомъ государствѣ озеро выгорѣло?» — Выгорѣло-не выгорѣло! пошелъ я сегодня, пришелъ вчера, случилось мнѣ идти мимо того озера; тамъ я видѣлъ: окуни сотлѣли, ерши погорѣли, а щучьи головы, словно головнй, лежатъ. «Да правда-ль это?» — Правда-не правда, а чтò видѣлъ, то и сказываю. «А съ чѣмъ въ городъ ѣздилъ?»—Ѣздилъ, братъ, съ овсомъ; мѣшки-то на бѣду завязалъ плохо; овёсъ мой сыпался да сыпался, чуть не весь разсыпался. «Худо-жъ твое дѣло?» —Худо,

---

[1]) *Варіантъ:* «Ты никакъ, Аѳонька, глухъ?» — И безъ того свели коня въ лугъ.

[2]) *Варіантъ:* «А въ низовыхъ городахъ былъ?»—Былъ. «Видѣлъ моихъ любимыхъ птичекъ!» — Видѣлъ. «Какія онѣ?» —Зелененькія. «Какъ поютъ?» — Ква-ква-ква! «Дуракъ, да то лягушки!»

да не само; разсыпалъ мѣру, да двѣ нагрёбъ. «Хорошо-жъ твое дѣло!» — Хорошо, да не само; овёсъ-то у меня въ городѣ украли. «Худо-жъ твое дѣло!» — Худо, да не само; я воровъ поймалъ, да деньги взялъ. «Хорошо-жъ твое дѣло!» —Хорошо, да не само; денегъ-то всего три алтына. «Худо-жъ твое дѣло!» — Худо, да не само; на тѣ деньги я купилъ калачъ. «Хорошо-жъ твое дѣло!» — Хорошо, да не само; я калачъ съѣлъ, и сталъ ни сытъ, ни голоденъ. «Худо-жъ твое дѣло!» —Худо, да не само; въ городѣ нашелъ я работу. «Хорошо-жъ твое дѣло!» — Хорошо, да не само; на работѣ меня били, больно колотили. «Худо-жъ твое дѣло!» —Худо, да не само; я теперь дороже сталъ: вѣдь за битаго двухъ небитыхъ даютъ, да и то не берутъ!

(Записана въ тверской губерніи.)

с. «Гдѣ ты, братъ, былъ?» — Въ Боровичахъ на торгу. «Что почему?» — Рожь да овесъ по мѣшкамъ, а деньги по мошнямъ. «Ладно, братъ!»—Ладно, да не совсѣмъ. «А что-жъ таково?»—Ѣхалъ я рѣкою, да рожь подмочилъ. «Худо, братъ, худо!» — Да не то-то, братъ, худо! «А что-жъ таково?» — Я солоду наростилъ, да пива наварилъ. «Ладно, братъ, ладно!» —Да не то-то, братъ, ладно! «А что-жъ таково?» — Пришли свиньи, да все пиво выпили. «Худо, братъ, худо!» — Да не то-то, братъ, худо! «А что-жъ таково?»—Я свиней-то убилъ, да чанъ мяса насолилъ. «Ладно, братъ, ладно!» — Да не то-то, братъ, ладно! «А что-жъ таково?» — Пришли кошки, все мясо поѣли. «Худо, братъ, худо!» — Да не то-то, братъ, худо! «А что-жъ таково?» — Я кошекъ убилъ, женѣ шубку сшилъ. «Ладно, братъ, ладно!» — Да не то-то, братъ, ладно! «А что-жъ таково?» — Пришли воры, да шубку украли. «Худо, братъ, худо!» — Да не то-то, братъ, худо! «А что-жъ таково?» — Я воровъ изловилъ, въ тюрьму засадилъ. «Ладно,

братъ, ладно!» — Да не то-то, братъ, ладно! «А что-жъ таково?» — Воры изъ тюрмы ушли, да деревню сожгли.

4.

СОЛДАТСКАЯ ЗАГАДКА.

Шли солдаты прохожіе, остановились у старушки на отдыхъ. Попросили они попить да поѣсть, а старуха отзывается: «дѣтоньки! чѣмъ-же я васъ буду подчивать? у меня ничего нѣту.» А у ней въ печи́ былъ варёной пѣтухъ — въ горшкѣ, подъ сковородой. Солдаты это дѣло смекнули; одинъ—вороватой былъ! — вышелъ на дворъ, раздергалъ возъ со снопами, воротился въ и̂збу и говоритъ: «бабушка, а бабушка! посмотри-ка, скотъ атъ у тебя хлѣбъ ѣстъ.» Старуха на дворъ, а солдаты тѣмъ времячкомъ заглянули въ печь, вынули изъ горшка пѣтуха, на мѣсто его положили туда ошмётокъ [1]), а пѣтуха въ суму спрятали. Пришла старуха: «дѣтоньки, миленьки! не вы ли скота-то пустили? почто-же, дѣтоньки, пакостите? не надо, миленьки!» Солдаты помолчали-помолчали, да опять попросили: «дай же, бабушка, поѣсть намъ!»—Возьмите, дѣтоньки, кваску да хлѣбца; будетъ съ васъ! И вздумала старуха похвалиться, что провела [2]) ихъ, и загануда имъ загадку: «а что дѣтоньки! вы люди-то бывалые, всего видали; скажите-ка мнѣ: нынѣ въ Пенскомъ, Черепенскомъ, подъ Сковороднымъ, здравствуетъ ли [3]) Куруханъ Куруxановичъ?» —Нѣтъ, бабушка! «А кто же, дѣтоньки, вмѣсто его?» — Да Липавъ Липановичъ. [4]) «А гдѣ же Куруханъ Куруxановичъ?»

---

[1]) Изношенный, старой лапоть (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 150).

[2]) Обманула. [3]) *Варіантъ:* царствуетъ ли.

[4]) Куруханъ отъ слова: куръ — пѣтухъ; липанъ отъ слова: липа, потому что лапти плетутся изъ липовыхъ лыкъ.

—Да въ Суминъ городъ переведенъ, бабушка. Послѣ того ушли солдаты. Пріѣзжаетъ сынъ съ поля, проситъ ѣсть у старухи, а она ему: «поди-ка, сынокъ! были у меня солдаты да просили закусить, а я имъ, дитятко, загануля загадочку про пѣтуха, что̀ у меня въ печи; они не съумѣли отгадать-то.» —Да какую ты, матушка, загануля имъ загадку? «А вотъ какую: въ Пенскомъ, Черепенскомъ, подъ Сковороднымъ, здравствуетъ ли Куруханъ Куруханочичъ? Они не отганули; нѣтъ, баютъ, бабушка! Гдѣ же онъ, родимые? Да въ Суминъ городъ переведенъ. А того и не знаютъ, к...... дѣти, что у меня въ горшкѣ-то есть!» Заглянула въ печь, анъ пѣтухъ-то улетѣлъ; только лапоть вытащила. «Ахти, дитятко, обманули меня проклятые!» — То-то, матушка! солдата не проведешь, онъ — челодѣкъ бывалой. [1])

(Записана въ пермской губерніи.)

---

[1]) *Варіантъ 1:* Жила-была баба, у ней было три сына. Встали они ранехонько, пошли въ поле, застрѣлили журавля, принесли къ матери: «свари, матушка, къ обѣду!» а сами поѣхали сѣно косить. На ту пору зашли къ бабѣ солдаты—люди дорожные; налила она имъ щей и говоритъ: «загадаю вамъ загадку.»—Какую, бабушка? «Доселева Курлинской-Мурлинской подъ Небесинскомъ леталъ, а въ нынѣшни годы очутился въ городѣ Печинскомъ, во селѣ Горшинскомъ. Солдаты хоть давно смекнули, чѣмъ щи-то пахнутъ, одначе притворились, будто ничего не догадываются. «Подумайте, родимые! а я вотъ на погребъ за молокомъ пойду.» Пока старуха на погребъ ходила, солдаты утащили у ней журавля. «Что-жъ отгадали загадку?» спрашиваетъ старуха. — Нѣтъ, бабушка, твоей не отгадали, а свою загадали: доселева Курлинской-Мурлинской подъ Небесинскомъ леталъ да въ городъ Печинской попалъ, а въ нынѣшни годы очутился въ городѣ Суминскомъ, въ селѣ Заплечинскомъ. Отгадай-ка, божья старушка! «Нѣтъ, родные! ваша загадка длиннѣе моей, мнѣ не разгадать ее...» (Записана въ оренбургской губерніи.)

Варіантъ 2: Старуха сварила во щахъ гуся. Приходитъ къ ней на квартиру солдатъ... «А что, служивой! спрашиваетъ старуха, не бывалъ ли ты въ городѣ Горшанскѣ, не знавалъ ли тамъ Гагатея Гагатеевича?» — Какъ не знать! только теперь его тамъ нѣту: Гагатей Гагатеевичъ вышелъ оттудова въ городъ Кошелянскъ (отъ слова: кошель), въ село Заплечанское, а на мѣсто его въ городъ Горшанскъ пріѣхалъ Плетуханъ Плетухановичъ,

5.

ВОРОВАТОЙ МУЖИКЪ.

Жила-была старуха, у ней было два сына: одинъ-то померъ, а другой въ дальню сторону уѣхалъ. Дня три спустя, какъ уѣхалъ сынъ, приходитъ къ ней солдатъ и просится: «бабушка! пусти ночевать.»—Иди, родимой! да ты откудова? «Я, бабушка, Никонецъ, съ того свѣту выходецъ.» — Ахъ, золотой мой! у меня сыночекъ померъ; не видалъ ли ты его? Какъ-же! видѣлъ; мы съ нимъ въ одной горницѣ жили.» — Что-ты! «Онъ, бабушка, на томъ свѣтѣ журавлей пасетъ.»—Ахъ, родненькой! чай, онъ съ ними замаялся? «Еще какъ замаялся! вѣдь журавли-то, бабушка, все по шиповнику бродятъ.»—Чай, онъ обно-

---

сынъ Ковырякинъ (отъ словъ: плести и ковырять).» Тутъ ударили сборъ; солдатъ простился съ старухою и пошелъ въ походъ. Идетъ съ товарищами, глядь—лежитъ на дорогѣ зубъ отъ бороны, поднялъ его и спряталъ въ карманъ. Пришли въ другую деревню. Досталось нашему солдату опять къ глупой бабѣ на квартиру. Сѣлъ обѣдать, вынулъ зубъ, что дорòгой нашелъ, ну мѣшать щи. Подаетъ ему хозяйка солонку: «на, посоли, служивой! —Не надо мнѣ твоей соли! я вотъ этимъ зубомъ помѣшаю—все одно что̀ солью посыпалъ! (а ужъ онъ давно посолилъ щи своей солью.) — Вишь диво какое, думаетъ хозяйка; съ такимъ добромъ и соли покупать не надо! Попробовала щи—какъ есть солоны! «Не продашь ли зубъ?»—Купи. «А что возьмешь?»—Рубль серебра да двадцать аршинъ холста. На томъ и поладили. —Вотъ тебѣ зубъ? говоритъ солдатъ; какъ станешь щи мѣшать, приговаривай: «шуны́-буны́, будьте щи солоны́! мужъ прiѣдетъ, будутъ шлёпанцы-хлопанцы!» Взялъ рубль денегъ да кусокъ холста, и пошелъ куда надо. Послѣ того воротился мужикъ домой и спросилъ обѣдать. Налила ему баба щей, а соли не даетъ. «Что-жъ ты про соль позабыла?»—Нѣтъ, хозяинъ! у меня теперь есть такая штука, что и соли покупать не станемъ. Вытащила зубъ и зачала мѣшать въ мискѣ да приговаривать: «шуны́-буны́, будьте щи солоны́! мужъ прiѣдетъ, будутъ шлёпанцы-хлопанцы!» Мужикъ попробовалъ щи—совсѣмъ безъ соли. «А что дала за эту штуку?» — Рубль серебра да двадцать аршинъ холста. Схватилъ ее мужъ за̀ косу и пошелъ таскать: «вотъ тебѣ шлёпанцы, вотъ тебѣ хлопанцы!»

сился? «Еще какъ обносился-то! совсѣмъ въ лохмотьяхъ.»—Есть у меня, родимой, аршинъ сорокъ холста да рублевъ съ десятокъ денегъ: отнеси къ сынку. «Изволь, бабушка!» Долго ли, коротко ли, пріѣзжаетъ сынъ: «здравствуй, матушка!»—А ко мнѣ безъ тебя приходилъ Никонецъ, съ того свѣта выходецъ, про покойнаго сынка сказывалъ; они вмѣстѣ въ одной горницѣ жили; я услала съ нимъ туда холстикъ да десять рублевъ денегъ. [1]) «Коли такъ, говоритъ сынъ, прощай, матушка! я поѣду по вольному свѣту; когда найду дураковатѣй тебя — буду тебя и кормить, и поить, а не найду — со двора спихну!» Повернулся и пошелъ въ путь-дорогу.

Приходитъ въ господску деревню, остановился возлѣ барскаго двора, а на дворѣ ходитъ свинья съ поросятами; вотъ мужикъ сталъ на колѣни и кланяется свиньѣ въ землю. Увидала то изъ окна барыня, и говоритъ дѣвкѣ: «ступай, спроси, чего мужикъ кланяется?» Спрашиваетъ дѣвка: «мужичокъ! чего ты на колѣняхъ стоишь да свиньѣ поклоны бьешь?»—Матушка! доложи барынькѣ, что свинья-то ваша пестра, моей женѣ сестра, а у меня сынъ завтра женится, такъ на свадьбу прошу. Не отпуститъ ли свинью въ свахи, а поросятъ въ поѣздъ? Барыня какъ выслушала эти рѣчи, и говоритъ дѣвкѣ: «какой дуракъ! проситъ свинью на свадьбу, да еще съ поросятами.

---

[1]) *Варіантъ*: Сидитъ на печи старуха. Пришелъ солдатъ: «бабушка, дай пообѣдать.» Она дала ему пообѣдать. — А какъ тебя зовутъ, родимой? «Я—Тихонъ, съ того свѣту спиханъ.» — У меня тамъ сынокъ Филатушка; повѣсти́, какъ онъ живетъ тамъ? «Онъ, бабушка, свиней пасетъ; ну, да и хлопотно-жъ ему: весь-то онъ оборвался, весь-то онъ обносился!» — Ахъ, батюшки-свѣты! ну, служивой, я съ тобой къ сынку гостинецъ пошлю: унеси къ нему шубу, поддёвку да цѣлковой денегъ. «Хорошо, бабушка, унесу!» Взялъ шубу съ поддёвкой да цѣлковой-рубль и ушелъ, куда самъ зналъ. А старухинъ сынъ на ту пору въ лѣсъ за дровами ѣздилъ; воротился онъ домой, старуха и говоритъ: «а ко мнѣ вѣсточка пришла отъ Филатушки!» — Какая вѣсточка? «Давича приходилъ солдатъ Тихонъ, съ того свѣта спиханъ; я съ нимъ и гостинецъ къ Филатушкѣ послала...»

Ну, что-жъ! пусть съ него люди посмѣются. Наряди поскорѣй свинью въ мою шубу, да вели запречь въ повозку пару лошадей; пусть не пѣшкомъ идетъ на свадьбу.» [1]) Запрегли повозку, посадили въ нее наряжену свинью съ поросятами, и отдали мужику; онъ сѣлъ и поѣхалъ назадъ. Вотъ воротился домой баринъ, а былъ онъ въ то время на охотѣ. Барыня его встрѣчаетъ, сама сô смѣху помираетъ: «ахъ, душенька! не было тебя, не съ кѣмъ было посмѣяться. Былъ здѣсь мужичокъ, кланялся нашей свиньѣ: ваша свинья, говорилъ, пестра—моей женѣ сестра, и просилъ ее къ своему сыну въ свахи, а поросятъ въ поѣзжане.»—Я знаю, говоритъ баринъ, ты ее отдала. «Отпустила, душенька! нарядила въ свою шубу и дала повозку съ парою лошадей.»—Да откуда мужикъ-то? «Не знаю, голубчикъ!» — Это выходитъ: не мужикъ—дуракъ, а ты — дура! Разсердился баринъ, что жену обманули, выбѣжалъ изъ хоромъ, сѣлъ на иноходца и поскакалъ въ погоню. Слышитъ мужикъ, что баринъ его нагоняетъ, завелъ лошадей съ повозкою въ густой лѣсъ, а самъ снялъ съ головы шляпу, опрокинулъ наземь и сѣлъ возлѣ. «Эй ты, борода! закричалъ баринъ, не видалъ ли — не проѣхалъ ли здѣсь мужикъ на парѣ лошадей? еще у него свинья съ поросятами въ повозкѣ.»—Какъ не видать! ужь онъ давно проѣхалъ. «Въ какую сторону? какъ бы мнѣ его догнать?»—Догнать—не устать, да повёртокъ много;

---

[1]) *Варіантъ 1:* Увидала барыня: «позвать ко мнѣ мужика!» Позвали. «Здравствуйте, матушка!»—Здравствуй! что ты, мужичокъ, моей свиньѣ зѐмно кланялся? «Свинья-то ваша пѐстрая, моему сыну мать крёсная; мой сынъ женится, такъ послалъ попросить, не отпустите-ль ее на свадьбу?»—Изволь, мужичокъ! отчего не отпустить! «Что-же, барыня моя добрая! гнать мнѣ ее одному — не согнать, несть мнѣ ее—не снесть; нѣтъ ли какой лошаденки?» —Хорошо; я сейчасъ прикажу запречь бариновъ аиноходца въ пáрные дрожки...

Варіантъ 2: Говоритъ мужикъ дѣвкѣ: «Ваша свинья пестра, моей женѣ сестра, зову на крестины: жена сына родила.» Доложила дѣвка барынѣ. «Пущай возьметъ; что за горе!» говоритъ барыня.

того и смотри заплутаешься. Тебѣ, чай, дорóги невѣдомы? «Поѣзжай, братецъ, ты! поймай мнѣ этого мужика!»—Нѣтъ, баринъ, мнѣ никакъ нельзя! у меня подъ шляпою соколъ сидитъ. «Ничего, я постерегу твоего сокола.»—Смотри, еще выпустишь! Птица — дорогая! меня хозяинъ тогда со свѣту сживетъ. «А что она стóитъ?»—Да рублевъ триста будетъ. «Ну, коли упущу, такъ заплачу.»—Нѣтъ, баринъ! хоть теперь ты сулишь, а что послѣ будетъ — не вѣдаю. «Экой невѣра! ну, вотъ тебѣ триста рублевъ про всякой случай.» Мужикъ взялъ деньги, сѣлъ на иноходца и поскакалъ въ лѣсъ, а баринъ остался пустую шляпу караулить. Долго ждалъ баринъ; ужь и солнышко закатывается, а мужика нѣтъ какъ нѣтъ! «Постой, посмотрю: есть ли подъ шляпою соколъ? коли есть, такъ прiѣдетъ; а коли нѣтъ, такъ и ждать нечего!» Поднялъ шляпу, а сокола и не бывало! «Экой мерзавецъ! вѣдь навѣрно это былъ тотъ самой мужикъ, что̀ барыню обманулъ!» Плюнулъ съ досады баринъ и поплёлся къ женѣ; а мужикъ ужь давно дома: «ну, матушка! говоритъ старухѣ, живи у меня; есть на свѣтѣ и тебя дурашливѣе. Вотъ ни за̀ что, ни прò что дали тройку лошадей съ повозкою, триста рублевъ денегъ, да свинью съ поросятами.» [1])

---

[1]) *Варiантъ:* Мужикъ запряталъ лошадь съ дрожками въ лѣсную чащу; самъ вышелъ на дорогу, выбралъ мѣстечко у ручья, поскорѣй нагрёбъ коровьего дерма, накрылъ своей шляпою, и сидитъ—барина поджидаетъ. Вотъ катитъ баринъ въ коляскѣ: «эй, мужичокъ! не видалъ ли ты, какъ провезли свинью на дрожкахъ?»—Видѣлъ. «Можно догнать?»—Отчего не догнать, только-бъ не заплутать! «А ты что за человѣкъ?»—Охотникъ. «Что-жъ у тебя подъ шляпою?»—Заморская птица; сейчасъ накрылъ. «Когда-жъ ты её изъ-подъ шляпы вынимать будешь?»—А вотъ погоди, уснетъ! «Давай я присмотрю за твоей птицею, а ты садись въ коляску да поймай мнѣ того мужика, что свинью увезъ. Коли поймаешь—я тебя деньгами награжу.»—Изволь, баринъ! да съумѣешь ли ты надъ птицей приговаривать? «Приговаривать! это зачѣмъ?—Затѣмъ, что безъ приговора она еще цѣлые сутки не заснетъ. «Ну, ты поучи меня.»—Приговоръ простой: сижу на берегу, дермо стерегу;

6.

ВОРЪ. [1])

а. Жилъ старикъ со старухою; народился у нихъ сынъ Матроха [2]), сталъ подростать, стала мать говорить старику: «поведи сына, отдай куда-нибудь въ науку!» Старикъ собрался и повелъ сына въ городъ; идутъ они дорогою, и попадается имъ на встрѣчу мужикъ: «здорово, старичокъ! зачѣмъ идешь? куда путь держишь?»—Да вотъ, родимой, сына въ городъ веду, въ науку отдавать хочу. «Отдай его мнѣ, добру научу.» — А ты какому мастерству знаешь? «Я — ночной портной: туда-сюда стегну, шубу съ кафтаномъ за одну ночь сошью.»—Ахъ, родимой! мнѣ такого и надобно, говоритъ старикъ, и отдалъ ему сына. Какъ воротился домой, старуха спрашаетъ: «ну что, старикъ?» — Слава тебѣ, Господи! отдалъ сынка къ ночному портному въ ученье, да еще какой мастеръ выискался: туда-сюда стегнетъ, за одну ночь шуба съ кафтаномъ явится! «Ну, ладно! говоритъ старуха; дай Богъ, чтобъ наука въ прокъ пошла!» [3])

головой качаю, прибыли не чаю! «Хорошо, поѣзжай съ Богомъ!» Мужикъ взлѣзъ на козлы и погналъ лошадей, а баринъ съ кучеромъ сѣли сторожить заморскую птицу. Долго баринъ сидѣлъ да приговаривалъ: «сижу на берегу, дермо стерегу; головой качаю, прибыли не чаю!» Наконецъ надоѣло ему: «должно быть, этотъ мужикъ надулъ меня! по крайней мѣрѣ хоть птица дорогая осталась. Ну, кучеръ! я стану шляпу подымать, а ты лови птицу.» —Эхъ, баринъ! у меня рука тяжела, пожалуй—задавлю ее; ужь лучше ты лови, а я шляпу подыму. Сталъ ловить баринъ птицу, и вымаралъ себѣ руки. (Еще въ одномъ спискѣ мужикъ сажаетъ подъ шляпу ежа; баринъ хватаетъ и колетъ свои руки.) [1]) См. выпускъ V, № 6.

[2]) Митроха (Димитрій)? Ради игры словъ, имя это сближается въ сказкѣ съ словомъ: мотрошить—худо торговать, въ переносномъ смыслѣ: воровать.

[3]) *Варіантъ:* Жила-была старуха со внучкомъ. Остановились у нихъ на квартирѣ портные, и говоритъ она внучку: «поди, батюшка, къ нимъ въ науку; будешь шить да стегать, станешь денежки добывать.»—И-и, ба-

Ночной портной привелъ Матроху къ себѣ въ домъ, дождался вечера и говоритъ ему: «ну, теперь пойдемъ на раздобытки!» —Куда? спрашиваетъ Матроха. «Да есть у меня на примѣтѣ вдова; заберемся къ ней да пообчистимъ клѣти.» — Эхъ, ты! вдова—бѣдной человѣкъ, у ней все трудовое; пойдемъ лучше къ богатому генералу. «И то дѣло!» Вотъ и пошли; Матроха захватилъ съ собой цѣлую вязку соломы, и какъ только подошли къ генеральскому дому, сейчасъ обернулся въ солому, перепрыгнулъ черезъ заборъ и подкатился прямо къ крыльцу. Стоятъ два дворника; одинъ говоритъ: «вишь, солома катится!» А другой· «пускай катится, гдѣ-нибудь да остановится; завтра утромъ уберемъ.» Матроха выждалъ время, выскочилъ изъ соломы и забрался въ хоромы; нашелъ генеральской халатъ и фуражку, нарядился, вышелъ на крыльцо и крикнулъ дворникамъ: «что, ребята, холодно нынче?»—Холодно, ваше превосходительство. «А про воровъ не слышно?»—Нѣтъ, ничего не слыхать. «А коли не слыхать, такъ ступайте себѣ съ Богомъ спать.» Дворники ушли въ кухню, а Матроха отперъ ворота. впустилъ своего учителя, и принялись вдвоемъ за работу: стали замки ломать, анбары вычищать; забрали все, что

бушка! стану шить — пальчикъ наколю, пальчикъ разболится, прочь отвалится; кто насъ поить-кормить будетъ? Дня черезъ два, черезъ три пришли на деревню плотники. Старуха опять начала говорить внучку: «учись, батюшка, плотничать; будешь рубить да тесать, станешь денежки огребать.» — И-и, бабушка! стану плотничать—ножку обрублю, ножка разболится, прочь отвалится; кто насъ кормить-поить будетъ? Лучше благослови-ка меня, бабушка, на большую дорогу идти съ вязовою иголкою: что ни кольну, то шуба съ кафтаномъ, лошадь съ санями, да сто рублей въ карманѣ. «Нѣтъ, внучекъ! на это не будетъ моего благословенія.»—Ну, когда не благословляешь, я и такъ пойду! Вотъ идетъ онъ дорогою, а на встрѣчу ему два разбойника: «стой, ты кто?»—Воръ. «А ну покажъ свое мастерство; вотъ тебѣ торба, повѣсь ее на вѣтку этого дерева, да такъ, чтобъ ни одинъ листъ не пошевелился.» Бабушкинъ внучекъ взялъ торбу и такъ искусно зацѣпилъ за вѣтку, что ни одинъ листъ не шелохнулся. «Ай да молодецъ! говорятъ разбойники; пойдемъ воровать вмѣстѣ...»

получше, да и были таковы! [1]) Дошло до дѣлежа; ну, знамое дѣло—не поладили, не захотѣлъ Матроха быть подъ началомъ и воротился къ отцу, къ матери; сталъ онъ красть-воровать, на всѣ стороны обирать; пошла объ немъ слава по всему околодку.

Присылаетъ за нимъ генералъ и говоритъ: «сказываютъ про тебя, что ты славной воръ! Покажи свое мастерство, украдь моего лучшаго воронаго коня; если украдешь—плачу́ тебѣ сто рублевъ, а на воровствѣ попадешься—твоя спина въ отвѣтѣ. Согласенъ?»—Согласенъ; отчего не украсть. «Когда-жъ воровать

---

[1]) *Варіантъ:* Впустилъ своего учителя, оставилъ его замки ломать, анбары вычищать, а самъ пошелъ въ генеральскую спальню. Только генералъ любилъ по ночамъ сказки слушать, и завсегда возлѣ его кровати сидѣлъ сказочникъ. Воръ подошелъ къ сказочнику, дернулъ его за руку; тотъ подумалъ, что другой пришелъ ему на смѣну, всталъ и пошелъ спать; а на его мѣсто усѣлся незванной гость. «Что-жъ ты молчишь?» спрашиваетъ генералъ.—Да не придумаю какую сказку начать; развѣ про бабушкина внучка? «Пожалуй, хоть эту сказывай.»—Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ былъ у бабушки внучекъ. Пришли къ нимъ портные; стала бабушка посылать его учиться: будешь, говоритъ, шить да стегать, станешь денежки зашибать. А онъ въ отвѣтъ: и-и, бабушка! пальчикъ наколю, пальчикъ разболится, прочь отвалится; кто насъ поить-кормить будетъ? «Экой забавной!» говоритъ генералъ. Въ это время воръ-учитель попалъ въ кадку со смолою, а внучекъ услыхалъ бѣду и кричитъ ему изъ окна: вылѣзай изъ кафтана, поживешь—другой наживешь! «Это что такое?» спрашиваетъ генералъ.—Это присказка! «Ха, ха, ха! какая смѣшная присказка! сказывай дальше.»—Вотъ пришли на деревню плотники. Говоритъ бабушка внучку: поди, родимой, въ плотники; будешь рубить да тесать, станешь денежки огребать. А онъ въ отвѣтъ: и-и, бабушка! ножку отрублю, ножка разболится, прочь отвалится... Тутъ учитель вылѣзъ изъ кадки, подошелъ подъ окно и сталъ говорить: «ну, чего сидишь? не на что накладывать.»—А развѣ у богатаго хозяина лошадей мало? бери да накладывай. Генералъ опять спрашиваетъ: «это, братецъ, что такое?»—Это присказка, сказка будетъ впереди!... Схватилъ шкатулку съ деньгами, и бѣгомъ изъ дому. На утро докладываютъ генералу: были де ночью воры, замки поломали, анбары очистили, лошадей увели. Вспомнилъ генералъ про шкатулку съ деньгами, хватился—и той нѣту. «Ну, говоритъ, видно это былъ бабушкинъ внучекъ!»

пріидешь?»—Да зачѣмъ откладывать? нынѣшнюю ночь пріиду. Генералъ собралъ конюховъ и накрѣпко приказалъ беречь: одного посадилъ верхомъ на коня, другому велѣлъ за узду держать, третьему за хвостъ, а двухъ у дверей поставилъ [1]). Матроха тоже не промахъ, себѣ на умѣ; купилъ ведро водки, поставилъ у самой конюшни, обвертѣлся-обвязался соломою и лёгъ возлѣ. «Братцы! говоритъ одинъ караульщикъ; надо обойдти кругомъ конюшни да поглядѣть, не видать ли вора?»—Ну, что-жъ! поди, погляди; у дверей пока одинъ постоитъ. Вышелъ караульщикъ и сталъ присматриваться; видитъ—солома валяется, поднялъ всю связку и снёсъ въ конюшню: «вишь, говоритъ, прибрать позабыли!» Потомъ усмотрѣлъ полное ведро водки: «вѣрно, думаетъ, кто-нибудь изъ кабака унёсъ да здѣсь припряталъ; добро-жъ! мы и сами съ усами, съумѣемъ выпить.» Притащилъ ведро въ конюшню: «братцы! Богъ находку послалъ.» Выпили конюхи по стакану—хорошо, выпили по другому — еще лучше, и давай пить-опорожнять дочиста; напились пьяны и заснули, какъ убитые. Матроха только этого и ждалъ, вылѣзъ изъ соломы и принялся за работу: обрѣзалъ у лошади и хвостъ, и повода; конюха, что верхомъ сидѣлъ, снялъ вмѣстѣ съ сѣдломъ и посадилъ на перекладину, отворилъ ворота и увелъ коня. Ранёхонько утромъ проснулся генералъ и бросился поскорѣй въ конюшню; смотритъ—дверь растворена, караульщики спятъ: одинъ держитъ обрѣзанные повода, другой обрывокъ лошадинаго хвоста, третій на перекладинѣ очутился, а лучшаго воронаго коня какъ не бывало. «Ахъ вы, мошенники!» закричалъ на нихъ генералъ; караульщики разомъ проснулись отъ его грознаго голоса, пали на колѣни и повинились въ своей винѣ. Пошелъ генералъ къ старику на дворъ,

---

[1]) *Варіантъ:* кому велѣлъ за хвостъ держать, а кому за гриву, двумъ конюхамъ за уши, четыремъ за ноги: если и заснутъ, такъ не уведешь!

а старикъ сидитъ у воротъ на завалинкѣ, грѣется, на солнышкѣ. «Здорово, старикъ! что твой сынокъ?»—Мотрошитъ помаленьку; вотъ нынѣшнюю ночь коня привелъ—такого славнаго, виднаго! «Экой плутъ! на, отдай ему сто рублевъ, да скажи, чтобъ ухитрился, укралъ у меня весь приборъ со стола; коли украдетъ — другую сотню пожалую, а нѣтъ — такъ спиной расплатится!» — Хорошо, говоритъ, скажу. На другой день собрались къ генералу гости; а Матроха выпачкалъ себѣ рожу сажею, привязалъ къ головѣ бараньи рога, забрался въ генеральскіе хоромы и залѣзъ за печку. Только стали гости за обѣдъ садиться, онъ какъ выскочитъ, какъ побѣжитъ по горницамъ. Гости за нимъ, генералъ за гостями, слуги за генераломъ. «Чортъ, чортъ!» кричатъ всѣ въ одинъ голосъ; шумъ, гамъ, бѣготня въ домѣ, а старикъ, по уговору съ сыномъ, бросился изъ передней прямо къ столу, забралъ весь приборъ и унёсъ къ себѣ. Воротился генералъ, глядь — не видать на столѣ ни ложки, ни плошки! и чорта не поймалъ, и приборъ потерялъ. Пошелъ къ старику на дворъ; опять сидитъ онъ на завалинкѣ, да грѣется на солнышкѣ. «Здорово, старикъ! что твой сынокъ?» — Слава Богу, мотрошитъ помаленьку; вотъ сейчасъ притащилъ цѣлой ворохъ блюдъ, ножей да ложекъ; будетъ на чёмъ пообѣдать! Заплатилъ генералъ сто рублевъ и не захотѣлъ больше вѣдаться съ стариковымъ сыномъ.

b. У барина былъ старикъ-слуга, такой вѣрной, что всѣмъ домомъ одинъ управлялъ; а сынъ его Климка не въ батьку пошелъ, съ малолѣтства воровать научился. А ему ли не было холи и воли? отецъ водилъ его, словно ягодку, въ красной рубашкѣ, въ новыхъ сапожкахъ. Такъ нѣтъ, нечестиваго дарами не ударишь. «Пойду, говоритъ, батюшка! уведу вола.» — Не ходи, каналья! тебѣ тамъ голову сорвутъ. Не послушалъ Климка отца, пошелъ воровать. Гонятъ хохлы гуртъ. Климка выглядѣлъ-высмотрѣлъ, забѣжалъ впередъ, не пожалѣлъ новаго са-

пога, снялъ съ ноги и бросилъ на дорогѣ; самъ за кустъ спрятался. Хохлы увидали сапогъ: «эхъ, жаль, что одинъ! кабы, говорятъ, пара такихъ саповогъ, надѣлъ бы ихъ и сталъ паномъ.» Поговорили, сапога не подняли, и погнали скотину дальше. Климка радъ услужить, забѣжалъ впередъ, снялъ другой сапогъ и кинулъ на распутіе. Хохлы увидали, обрадовались и пустились всѣ за прежнимъ сапогомъ. А Климка не плошаетъ, дѣло въ его рукахъ огнемъ горитъ: отвязалъ пару воловъ—и поминай какъ звали!

«Худо, худо дѣлаешь, говоритъ отецъ; скажу барину.» Сказалъ барину подъ веселой часъ. Климку позвали. «Ты, Климка—говорятъ—воръ?»—Воръ, сударь! «Ха, ха, ха! украдь-же у меня стоялаго жеребца.»—Украду, только чуръ не отнимать. «Не отниму!» Барину потѣха, что Климка-мальчишка воръ! Надъ жеребцомъ поставили большой караулъ: два человѣка за узду держатъ, два—за хвостъ, четверо—за ноги, одинъ верхомъ сидитъ, да двое у дверей торчатъ; всѣхъ сторожей было одиннадцать. «Смотрите, ребята! не спать, не зѣвать! говорилъ баринъ; придетъ Климка воровать—ловите; ужь мы его проучимъ, зададимъ ему баню!» Пришла ночь, пришелъ и Климка; взлѣзъ на крышу, проломалъ дыру, спустилъ въ конюшню боченокъ вина на оброточкѣ, боченкомъ помахиваетъ, сторожей подразниваетъ. [1]) «Братцы! говорятъ караульщики, что-то хорошо пахнетъ! кажись, Богъ кладъ посылаетъ; дураки же мы будемъ, коли не съумѣемъ взять его.» Одинъ за другимъ стали къ боченку прикладываться, зелена вина натягиваться; натянулись такъ, что и руки опустили, и носы повѣсили. А Климкѣ того и надо; онъ тутъ какъ есть! зачалъ распоряжаться по своему: верховаго снялъ—на колоду посадилъ, ко-

---

[1]) Въ другомъ спискѣ Климка, вмѣсто того, зарываетъ боченокъ съ водкою въ ясли; сторожа находятъ вино и напиваются пьяны.

торые за ноги держали—тѣмъ въ руки по палкѣ всупулъ, которые за хвостъ—тѣмъ трёпаной пеньки далъ, а которые за узду—тѣмъ по веревочкѣ; опросталъ повода и вывелъ коня, сѣлъ на него молодцомъ и очутился подъ барскимъ крыльцомъ. «Ахъ, ахъ! гдѣ мои нагладчики, гдѣ караульщики?» Пошелъ баринъ на конюшню пытать, а они словно дурни сидятъ, еще не очнулись съ-пьяна. «Ну, Климка, твое счастье, твой конь! Украдь-же ты у меня погребецъ.»—Украду, только не отнимай. «Не отниму!»

Климка взялъ лопату и заступъ, пошелъ на кладбище, вырылъ мертвеца и сготовился на дѣло; а баринъ собралъ-снарядилъ караулъ съ вилами, стрѣлами, дубинами: глянуть, такъ страшно! Посадились всѣ караульщики въ круговину, погребецъ поставили въ середину; сидятъ, чубомъ не трехонутъ, глазомъ не моргонутъ, хозяйское добро берегутъ. Пришла полночь, въ окно кто-то стукъ, стукъ! Поднялись дубинки, натянулись стрѣлы, уставились вилы. Показалась голова, лѣзетъ человѣкъ, а то Климка-воръ суетъ въ окно мертвеца; сейчасъ напали на того мертвеца караульщики, изрубили-искрошили въ пирожное тѣсто. Пошли доложить барину, что Климку убили, на куски искромсали, да погребецъ грудью отстояли. Баринъ за то ни похвалилъ, ни пожурилъ, а по Климкѣ видно немного тужилъ. Тѣмъ временемъ Климка-воръ унёсъ погребецъ, и завалился спать. Вотъ на другое утро понадобился барину погребецъ, приказалъ подать; слуги побѣжали, хвать—тутъ былъ, да нѣту! «Что за притча!» думаетъ баринъ; смотритъ—а Климка въ дверь. «Ты унёсъ погребецъ?»—Я. «Какъ-же ты укралъ его?»—Какъ-бы ни укралъ, да укралъ: про то я знаю. «Ну, удалецъ! эдакъ ты пожалуй у меня барыню украдешь?»—Украду, только безъ выкупу не отнимай. «Дѣло! а коли не украдешь, знай напередъ: велю тебя повѣсить.» Согласились. Оградилъ баринъ барыню нянюшками, мамушками,

красными дѣвушками; самъ надъ нею день и ночь сидитъ, въ ея очи глядитъ; каждой шагъ назираетъ, каждой слѣдъ охраняетъ. Украсть трудновато!

Случилась барину нужда лѣснымъ путемъ проѣзжать. Климка забѣжалъ впередъ, развѣшалъ по деревьямъ колокольчики, самъ взялъ-взлѣзъ на ближнюю осину, надѣлъ на шею петлю и повисъ вверхъ ногами. Ѣдетъ баринъ съ барыней; увидалъ, что Климка на осинѣ качается, и говоритъ: «ахъ, Боже мой! да вить это Климка-воръ повѣсился! видно, моего гнѣва испугался, что до барыни не добрался. Жаль Климку!» А колокольчики въ лѣсу динь, динь! «Малой! это что за звонъ? поди, погляди!» Сперва пошелъ одинъ малой, тамъ другой, третій, и разбрелись всѣ въ разныя стороны—никакъ толку не доберутся. Выскочилъ самъ баринъ и пустился въ лѣсъ: а Климка того и ждалъ, спрыгнулъ съ дерева, подбѣжалъ къ коляскѣ, и въ мигъ очутился на кóзлахъ; пріударилъ коней по бедрамъ и покатилъ себѣ... [1]) Баринъ пришелъ назадъ — нѣтъ ни барыни, ни Климки на деревѣ, только пыль по дорожкѣ вьется! Догадался, и воротился пѣшкомъ домой. Велѣлъ позвать Климку: «ты укралъ барыню?» — Я. «Отдай назадъ!» — Нѣтъ, баринъ, шалишь! не на то воруютъ, чтобъ назадъ отдавать. Выкупи — твоя будетъ. «Что возьмешь?» — Коробочку сере-

[1]) *Варіантъ:* Климка-воръ добылъ себѣ кромку красную да другую чорную, поднялъ свои балахоны и побѣжалъ кустами; шаговъ на сто опередилъ барина, зацѣпилъ себѣ на шею красную кромку, закатилъ глаза подъ лобъ и повисъ на деревѣ, будто совсѣмъ удавился. Ѣдетъ баринъ съ барыней мимо. «Глянь, душенька! говоритъ барыня; Климка повѣсился!»—Туда ему и дорога! собакѣ собачья и смерть! Поѣхали дальше; Климка соскочилъ съ дерева, опять забѣжалъ впередъ и повисъ на чорной кромкѣ. «Что за диво, сказываетъ баринъ, опять Климка!»—Быть не можетъ! говоритъ барыня, Климка позади остался, на красной кромкѣ виситъ; это другой! Спорили-спорили; вылѣзъ баринъ изъ коляски и пошелъ посмотрѣть, кто изъ нихъ правъ. Тутъ Климка прыгъ съ дерева да на козлы, столкнулъ кучера, ударилъ по лошадямъ и понесся во всю прыть по дорогѣ...

бра. [1]) Баринъ согласился Климка вырылъ яму, поставилъ на нее коробку, да въ коробкѣ-то дно продырявилъ. Баринъ сыпалъ-сыпалъ, яма не насыпается, Климка барыней не мѣняется. Надоѣло барину сыпать, опостылѣлъ ему Климка, велѣлъ бросить его въ море. Зашили раба божія въ куль, положили на бережокъ, пошли искать камень на шею; а Климка-воръ въ кулѣ катается, громкимъ голосомъ разливается: «сударе бояре! явите божію правду: на воеводство меня посылаютъ, судить-рядить заставляютъ, а я воеводою быть не гожусь!» Проходилъ мимо какой-то бояринъ, вслушался въ эти рѣчи, подошелъ и спрашиваетъ: «что ты говоришь, братецъ?»—На воеводство меня посылаютъ, судить-рядить заставляютъ, а я воеводою быть не гожусь! «Пусти меня на свое мѣсто; лѣзь вонъ!» Забрался бояринъ въ куль, ужь считалъ себя за воеводу—да попалъ въ воду; а Климка вышелъ на просторъ, загулялъ вольнымъ козакомъ, кутилъ мутилъ, пока буйну голову сложилъ. [2])

(Записана въ курской губерніи.)

с. Живалъ-бывалъ Наумъ. Вздумалъ Наумъ воровать идти. Пошелъ одинъ; попался ему на встрѣчу Антонъ. «Ты куда, Наумъ?» — Взбрело мнѣ на умъ воровать идти; а ты куда, Антонъ? «Я самъ думаю о томъ!» — Ну, такъ пойдемъ вмѣстѣ. Вотъ и пошли двое; идетъ на встрѣчу Власъ, спрашиваетъ ихъ: «ты куда, Наумъ?» — Да взбрело мнѣ на умъ воровать идти. «А ты, Антонъ?» — Я самъ думаю о томъ! Въ свой черёдъ и они спрашиваютъ: «Ну, а ты куда, Власъ?» — Я давно поджидаю васъ! Вотъ пошли всѣ вмѣстѣ и держатъ та-

---

[1]) *Варіантъ:* «Что возьмешь?»—Тысячу рублей. Прислалъ баринъ Климкѣ тысячу рублей; Климка беретъ, усмѣхается: «ишь, говоритъ, какія у бояръ жены дорогія! Сказать было барину, не нужно-ль ему еще жены? я-бъ свою продалъ ему задёшево.»

[2]) На Украйнѣ сказка эта извѣстна подъ названіемъ: «Климка-злодій».

кой совѣтъ: «куда-жъ намъ воровать идти? если къ попу — у попа деньги трудныя [1]), если къ купцу—у купца тоже самое; пойдемте-ка къ судьѣ, у судьи деньги нетрудныя.» Пришли къ судьѣ; у него ворота заперты, а собаки злющія. «Нѣтъ, видно сюда не проберешься!» стали говорить Антонъ съ Власомъ. — Вотъ еще! сказалъ Наумъ, притащите соломы, заверните меня да спустите за ограду; я вамъ ворота отопру. Сказано — сдѣлано. Завернули Наума въ солому и перекинули за ограду; онъ покатился прямо къ кладовой, досталъ оттуда мѣшокъ муки, насыпалъ въ корыто, развелъ-замѣсилъ на крѣпкомъ винѣ и поставилъ собакамъ. Собаки бросились на мѣсиво; до того нажрались, что ни одна и съ мѣста не можетъ сойдти. Наумъ взялъ-перевязалъ всѣхъ собакъ хвостами по парѣ и повѣсилъ на оградѣ, потомъ отворилъ ворота, впустилъ товарищей, и пошли они замки ломать да анбары обчищать. Много набрали всякаго добра. Стали добычу дѣлить; все подѣлили, остается енотова шуба, какъ съ ней быть? Наумъ говоритъ: «шуба мнѣ слѣдуетъ; я выдумалъ и собакъ окормить, и ворота отворить.» — Нѣтъ, братъ, жирно будетъ! «Коли такъ, я пойду къ судьѣ; онъ гораздъ судить и рядить; пусть-ка насъ разсудитъ!» Вотъ пошелъ Наумъ въ комнаты, а Власъ да Антонъ стали подъ окно слушать. У судьи совѣсть-то нечиста, такъ ночью не спится. «Это ты, Иванъ?» спрашиваетъ судья. — Я, отвѣчаетъ воръ. «Разскажи-ка мнѣ сказочку.» — Пожалуй, скажу: живалъ бывалъ Наумъ, взбрело ему на умъ воровать идти... и началъ разсказывать все дѣло, какъ было; дошелъ до того, какъ они трое за шубу поспорили, и говоритъ: «самъ разсуди, кому шубу взять?»—Кому? да разумѣется Науму. «Мнѣ и самому тожъ думается!»—Что-жъ дальше-то было? «А дальше спать пора!» сказалъ Наумъ и ушелъ изъ комнаты. Приходитъ къ своимъ товарищамъ:

[1]) Трудовыя.

«ну, что? чай, сами слышали: кому шуба слѣдуетъ!» — Мы и не стоимъ теперь за нее, возьми себѣ и владѣй на здоровье! отвѣчали Антонъ и Власъ. Послѣ того распрощались и пошли въ разныя стороны, а судья остался съ пустыми анбарами и безъ шубы.

7.

МЕРТВОЕ ТѢЛО.

а. Въ нѣкоемъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жила старушка-вдова; у ней было два сына умныхъ, а третій дуракъ. Стала мать помирать, стала имѣнье отказывать — кому что̀, и проситъ умныхъ: «не обдѣлите, сынки, дурака; было-бы всѣмъ поровну!» Вотъ старуха померла, умные братья раздѣлили все имѣніе межъ собой, а дураку ничего не дали [1]). Дуракъ схватилъ покойницу со стола и потащилъ на чердакъ. «Что ты, дуракъ! закричали на него братья; куда поволокъ?» А дуракъ въ отвѣтъ: «вы двое все добро себѣ забрали; мнѣ одна матушка осталась!» Втащилъ наверхъ и принялся кричать во все горло: «люди добрые! поглядите — матушку убили!» Братья видятъ—худо дѣло! и говорятъ ему: «дуракъ, не кричи! вотъ тебѣ сто рублевъ; вотъ тебѣ лошадь!» Дуракъ взялъ деньги, запрёгъ лошадь, посадилъ старуху на дровни и повёзъ ее, словно живую, на большую дорогу. Скачетъ на встрѣчу ему баринъ, колокольчикъ подъ дугой такъ и заливается; дуракъ съ доро̀ги не сворачиваетъ. «Эй ты, олухъ! вороти въ сторону», кричитъ баринъ. — Самъ вороти! отвѣ-

---

[1]) *Варіантъ:* Померла старуха, много всякой скотинки оставила. «Давайте, братцы! сказалъ старшій сынъ, заплетемъ сараи (загоны); въ чей сарай пойдетъ скотина—того и будетъ.» Согласились; умные братья сплели изъ голаго хворосту, а дуракъ изъ зеленыхъ вѣтокъ. Какъ пришла съ поля скотина, такъ вся и бросилась къ дураку въ сарай. Вотъ умные разсердились, отняли у дурака все на̀чисто: живи, какъ знаешь!

чаетъ дуракъ. Баринъ осерчалъ, заругался, не велѣлъ сворачивать, наскакалъ на дровни и опрокинулъ на́ бокъ; старуха упала, а дуракъ завопилъ: «караулъ! караулъ! баринъ матушку до смерти зашибъ!»—Молчи, дуралей! вотъ тебѣ сто рублевъ. «Давай триста.» — Чортъ съ тобой! бери триста, только кричать перестань. Дуракъ взялъ съ барина деньги, положилъ старуху на дровни, и поѣхалъ въ ближнее село; пробрался зада̀ми къ попу на дворъ, залѣзъ въ погребъ, видитъ — стоятъ на льду кринки съ молокомъ. Онъ сейчасъ поснималъ съ нихъ покрышки, приволокъ свою старуху и усадилъ возлѣ на солому; въ лѣвую руку далъ ей кувшинъ, въ правую ложку, а самъ за кадку спрятался. Немного погодя, пошла на погребъ попадья; глядь — незнамо чья старуха сметану съ кринокъ сымаетъ да въ кувшинъ собираетъ; попадья ухватила палку, какъ треснетъ ее по головѣ — старуха свалилась, а дуракъ выскочилъ и давай кричать: «батюшки-свѣты, караулъ! попадья матушку убила!» Прибѣжалъ попъ: «молчи, говоритъ, я тебѣ сто рублевъ заплачу̀ и мать даромъ схороню.» — Неси деньги! Попъ заплатилъ дураку сто рублевъ и похоронилъ старуху. Дуракъ воротился домой съ деньгами; братья спрашиваютъ: «куда мать дѣвалъ?»—Продалъ, вотъ и денежки. Завидно стало братьямъ, стали сговариваться: «давай-ка убьемъ своихъ женъ да продадимъ. Коли за старуху столько дали, за молодыхъ вдвое дадутъ.» Ухлопали своихъ женъ и повезли на базаръ; тамъ ихъ взяли, въ кандалы заковали, и сослали въ Сибирь. А дуракъ остался хозяиномъ, и зажилъ себѣ припѣваючи, мать поминаючи. [1]).

---

[1]) *Варіантъ:* Жили-были два брата: умной да дуракъ; умнаго звали Терёха Гладкой, дуракъ слылъ Иваномъ-болваномъ. Померъ Терёха, дуракъ взялъ покойника и поволокъ къ богатому мужику на дворъ; у того мужика остановились извощики: везли въ городъ кадки съ медомъ. Дуракъ поставилъ Терёху къ возу, далъ въ руки лопатку—точь въ точь медъ колупаетъ. Уви-

b. Жилъ-былъ старей бобыль съ своею старухой; у него было три сына: два умныхъ, младшій—Иванъ-дуракъ. Случится большимъ братьямъ на охоту идти, и дуракъ за ними идетъ; тѣ ловятъ звѣрей да птицъ, а дуракъ крысъ да мышей, сорокъ да воронъ. Вотъ какъ-то посѣяли умные братья горохъ въ огородѣ, а Ивана-дурака отъ воровъ караулить поставили. Понадобилось старухѣ, ихъ матери, въ огородъ сходить; только влѣзла туда, Иванъ-дуракъ запримѣтилъ и говоритъ самъ съ собой: «погоди-жъ изловлю я вора; будетъ меня помнить!» Подкрался потихоньку, поднялъ дубинку да какъ треснетъ старуху по головѣ — такъ она и не ворохнулась, на вѣки уснула! Отецъ и братья принялись ругать, корить, увѣщать дурака, а онъ сѣлъ на печи, перегребаетъ сажу и говоритъ: «чортъ ли ее на кражу нёсъ! вѣдь вы сами меня караулить поставили.» — Ну, дуракъ! говорятъ братья; заварилъ кашу, самъ и расхлёбывай; слѣзай съ печи-то, убирай мясо! А дуракъ бормочетъ: «небось, не хуже другаго слажу!» Взялъ старуху, срядилъ въ праздншну одёжу, посадилъ на повозку въ самой задокъ, въ руки ей пяла [1]) далъ, и поѣхалъ деревнею. На встрѣчу ему чиновникъ ѣдетъ: «свороти,, мужикъ!» Дуракъ отвѣчаетъ: «свороти-ка самъ, я везу царскую золотошвейку.» —Мни его, мошенника! говоритъ баринъ кучеру, и какъ скоро поверстались ихнія лошади — зацѣпились повозки колесами и

дали извощики, прибѣжали съ палками и давай колотить мертваго: Терёха упалъ, дуракъ караулъ закричалъ, и взялъ съ нихъ за свою выдумку сто рублей откупнаго. Опосля того поволокъ дуракъ Терёху къ попу на конюшню, посадилъ его верхомъ па лошадь, ноги веревками опуталъ, и пустилъ лошадь по погосту гулять. Попъ увидалъ, что Терёха Гладкой на его лошади разъѣзжаетъ, схватилъ палку, побѣжалъ за нимъ слѣдомъ. «Слѣзай, кричитъ; съ чужаго коня среди грязи долой! Ишь взобрался!» Терёха не слѣзаетъ. Хватилъ его палкой, разъ, другой, третій — мертвецъ на бокъ, а дуракъ за попа: «стой, батька! пойдемъ въ судъ, почто человѣка убилъ?» Попъ испугался: «что хошь—возьми, до суда не доводи!...»

[1]) Пяльцы.

опрокинулся дуракъ со старухою: вылетѣли они далёко! «Государи бояре! закричалъ дуракъ на весь народъ; убили мою матушку, царскую золотошвейку!» Чиновникъ видитъ, что старуха совсѣмъ лежитъ мертвая, испугался и сталъ просить: «возьми, мужичокъ, что̀ тебѣ надобно; только не сзывай народу.» Ну, дуракъ не захотѣлъ хлопотать много, говоритъ ему: «давай триста рублей мнѣ, да попа сладь (уговори), чтобъ покойницу прибралъ». Тѣмъ дѣло и кончилось; взялъ дуракъ деньги, поворотилъ оглобли домой, пріѣхалъ къ отцу, къ братьямъ, и стали всѣ вмѣстѣ жить да быть.

(Записана въ пермской губерніи, осинском уѣздѣ.)

8.

ЕРЁМА-ДУРАКЪ [1]).

Жилъ-былъ попъ съ пападьёй. Вотъ јонъ, вишь ты, паѣхалъ нанимать казака̀ [2]); тольки што ѣдзитъ попъ па дзеревни—пападаетцы јиму мужикъ. «Здаро̀ва, батсюшка!»—Здравствуй, братсеникъ! «Куды ты, батся, ѣдзишь?»—Да ништо видзь, вишь работа поспѣла, такъ надыбна нанятсь казака на лѣтсину.»—А што, баитъ, батсюшка, найми миня. «Ладно, баитъ попъ. Ступай къ пападзьи, скажи, что миня молъ наняль попъ. А я покамѣстъ съѣзжу въ дзеревню, акрещу ребенка; вишь Пафнутсьевна радзила.»—Ступай, батсюшка, ступай! баитъ казакъ; а самъ пашолъ на пагостъ. Пришолъ къ пападзьи: «здаро̀ва, баитъ, матушка! Попъ приказалъ домъ жжечь, а самъ паѣхалъ новый пакупатсь.» И! пападзья взяла—пукъ лучины зажгла, и давай со всѣхъ сторонъ домъ поджигать. Ѣдзитъ попъ, а пападзья пепелокъ развиваитъ да мѣ-

[1]) См. выпускъ V, №№ 7 и 8. [2]) Батрака, работника.

ста ачищаитъ. «Што ты, пападзья?»—Да ништо! пришолъ Ерёма; миня, баитъ, батсюшка нанялъ въ казакѝ; домъ да сило покупаитъ, а етой домъ вилѣлъ жжечь. «Ахъ, јонъ лиходзѣй! гдѣ-же јонъ?»—Да ушолъ дамой.

«Дзѣлатсь нечево, разя нанятсь другова мужика въ казаки?» баитъ попъ сваей пападзьи. «Ужь безъ казака не жить! баитъ пападзья; найми, найми, попъ!» Вотъ јонъ и нанялъ другова мужика въ казаки. Дзѣло пашло на ладъ. Тольки што приходитъ синокосъ, а видзь этое время, знаешь, самое трудное!—попъ и здумалъ нанятсь ищò казачѝху. Паѣхалъ въ приходъ; ѣдзитъ и видзитъ бабу съ пяльцами, а эта былъ Ерёма: јонъ узналъ, што попъ хочитъ нанииматсь казачиху, взялъ да-й пирирядился въ бабье платье, и сталъ какъ дзѣвка. Вотъ ѣдзитъ попъ, а дзѣвушка баитъ: «куды ты, батсюшка, ѣдзишь?»—Да ништò видзь, баитъ попъ, надыбна нанятсь казачиху, такъ вотъ и јищу. «Ахъ, батсюшка, да найми миня!»—Да какъ тсибя зовутъ? «Маланьей.»—Такъ што-же, ступай съ Богомъ ка мнѣ. Вотъ и пошла. Живетъ Ерёма у попа да работаитъ, а попъ и не вѣдаитъ, што у нивò въ казачихахъ живетъ Ерёма. Тольки што дòлга-ль, корòтка-ль, а попу вздумалось жинить казака сваво на казачихѣ. «А што, пападзья! баитъ, сыгрáмъ-ка свадзибку; казакъ-та парень дюжій, да и казачиха-та дзѣвка рáжа. Давайка!»—Такъ што-жъ зѣватсь! баитъ пападзья. Взяли да и жинили казака сваво на казачихѣ, и заперли ихъ спатсь нà ночь въ клѣтси. Вотъ Ерёма и баитъ: «што, Сысоюшка! (этакъ звали казака-та) видзь мнѣ на дворъ нада.»—Да какъ-же, баитъ, быть? видзь мы заперты! «Ничиво; возьмемъ-ка, пои(д)нимимъ палавицу, да ты миня привижи къ кушаку да и пусти туда; я какъ справлюсь, такъ и патрясу кушакомъ, а ты и тащи миня.» —Ну ланно! ступай. Вотъ Ерёма спустился подъ полъ и привязалъ кушакомъ казу за рога—атъ таво што были тамъ козы. Привязалъ да и три(я)хнулъ: «тсяни!» баитъ, а самъ и ушолъ.

Тотъ потянулъ, а каза—бяў! «Што эта? думаитъ сибѣ; ништо мая жина казой сдѣлалась? Дака ищо!»—Бяў! «Ахъ, и взабыль [1]) никакъ яна ужь оборотень! Ну-ка ищо...»—Бяў! «Дзѣлать нечиво, пайти къ папу... Батсюшка!»—Хто тамъ стучитъ?» — Откутайси-ка [2]). «Да хто тамъ?» баитъ попъ. —Да я, батсюшка! «Ты, Сысой?»—Я. «Пашто ты?»—Да што, батсюшка! баитъ казакъ; никакъ жонка-та казой сдѣлалась!» —Пойдемъ-ка, посмотримъ! Казакъ все разсказалъ папу, какъ дзѣло было. Пришли падъ клѣтсь, глядзь—а кушакъ-та привязанъ казѣ за рога; сосчитали козъ: всѣ ли тута? нѣтъ ли, бываетъ, лишныихъ? Нѣтъ, все по прежнему; а казачихи какъ нѐ было! «Ужь ни Ерёма-ль эта поддзѣлалъ?» баитъ попъ. —Да пожалуй! баитъ пападзья.

У Ерёмы была ищо два брата: Өома да Кузьма, и были яны—варьё [3]). Тольки јимъ и здумалось укрась у папа улій пчолъ. Вотъ и пашли, да въ ту самую пору, какъ Ерёму-та въ клѣтси спатсь паложили; а Ерёма-та ужь зналъ, что братсеники думали дзѣлатсь. Вотъ јонъ ушолъ да и сѣлъ въ адзинъ улій. Пришли братсья и стали пробоватсь, каторый патсижилѣе; взялись за тотъ самой, гдзѣ сидзѣлъ Ерёма. «Ого-го! баютъ, вотъ гдѣ мёдъ-то. Ну-ка, братъ, на плечо да и потащимъ!» Подняли и потащили, а Ерёма сидзѣлъ-сидзѣлъ да потихоньку и закричалъ: вижу, вижу! «Матри-ка, братъ, никакъ насъ даганяютъ; слышишь?.. Пабѣжимъ скарѣя...» А Ерёма опять: вижу, вижу! «Ужь близко! бросимъ-ка лучше, а не то дагонютъ.» Вотъ яны бросили и ушли; и Ерёма ушолъ... Вотъ братсья на другой дзень приходзятъ, видзятъ улій, раскрыли—пустой!... «А это дзѣло Ерёмы; пайдземъ-ка, дадимъ јиму знатсь!»

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 24).
[2]) Отворись, отомкнись. [3]) Воры.

А Ерёма ужъ эта наперёдъ зналъ; баитъ сваей жонкѣ: «матри, какъ придутъ братсья, я теибѣ вилю сбиратсь на столъ; а ты возьми да и не давай намъ: мнѣ-малъ нàдать ребятъ накормитсь. Да ищô подвяжи пузырь падъ пазуху, а я теибя ножомъ по јиму—ты возьми и лякъ(г)ъ; а я теибя плёткой—ты и скачи паскарѣя. Матри-жъ, не забудзь!» — Ланно, баитъ жонка. Вотъ приходзятъ братсья: «здравствуй, баютъ, Ерёма!»—Здравствуйтсе, братцы! добро пожаловатсь! Што скажите харошиньково? «Да ништò! мы вотъ хотсимъ...» А Ерёма: «э, братцы! я васъ наперёдъ угощу. Жонка! давай сичасъ абѣдать.» —Некогда. «Ну-же, живѣе!»—Да дай рибятъ накормитсь! «А вотъ я теи[1]) дамъ рибятъ накормитсь!» да какъ чесонётъ ножомъ-та падъ пазуху—жонка јиво такъ тутъ и гранулась òземь. «Ахъ, ты шельма!» Взялъ плётку съ гвоздя, да её и ну паротсь, а самъ пригавариваитъ: «плётка-живѝлка, аживи маю жонушку!» И! жонка разомъ скочила, тотчасъ собрала на столъ. Вотъ братсья паабѣдали, пиригляну́лись: «а што, баютъ, Ерёмушка! дака намъ сваей плётки, и мы сваихъ жонъ паучимъ; яны у насъ нешто залѣнились.»—А какъ вы ее потсеряетсе? «Небось!»—Ну, такъ возьмитсе; да матритсе, отдайтси. Яны взяли и пашли. «Пайдземъ, баитъ Ѳома, пéрьва ка мнѣ; пéрьва я паучу сваю жонку.» Пришли; «давай, жонка, баитъ Ѳома, намъ јись!»—Пагадзи; вотъ я рибятъ накормлю, тада и сбиру. «Намъ некагды, давай скарѣя!»—Да пагадзи! Ѳома схватилъ ножъ, да какъ чесонётъ сваю женку падъ пазуху—та и грохнулась нáземь. Схватилъ плётку и ну паротсь, а самъ пригавариваитъ: «плётка-живѝлка, аживи маю жонушку!» Не тутъ-та бы́ла: жонка лижи́тъ сибѣ да лижи́тъ. «Пасто(й)-ка, баитъ Кузьма, ты не умѣешь паротсь; дака я!» Хлопъ, хлопъ!... не стаётъ. «Ну-ну, братъ! ишь твая жина

---

[1]) Тебѣ.

кажая непаслухмяная [1]). Пайдземъ къ маей.»—Пайдземъ, баитъ Ѳома; видзь мая-та ухъ какъ была не паслухмяна! видно, и плётка её ни бирётъ. Вотъ и пашли: «жонка! баитъ Кузьма, сбирай мнѣ на столъ.»—Некогда, баитъ жина. «Ищо стала отгавариватцы; вотъ я тси!» да какъ чесонётъ ножомъ-та, та и грянулась óземь. Jонъ схватилъ плётку и ну стегатсь, а самъ пригавариваитъ: «плётка-живилка, аживи маю жонушку!» Не тутъ-та была: жонка лижитъ сибѣ да лижитъ. «Ну, дзѣлатсь нечиво! амманулъ Ерёма. Пайдзёмъ, мы jиво утопимъ.»

Идутъ, а Ерёма пападáитцы на встрѣчу. Вотъ яны и схватсили jиво: «мы тси, баютъ, дадзимъ знатсь! станешь ужо насъ амманыватсь!» Взяли да и патащили къ рикѣ; а эта дзѣла-та была ужь осинью, тольки што рика замёрала. Притащили jиво къ рикѣ, а пролуби-та и нѣту такой, штобъ jиво въ воду броситсь. «Падзи, баитъ Ѳома Кузьмѣ, падзи—принеси тапоръ.» —Не пайду, баитъ Кузьма. «Ну, такъ останьси здѣся, а я принесу.»—Нѣтъ, братсеникъ, не останусь. «Ну, такъ дзѣлатсь нечиво, пайдземъ оба.» Вотъ яны взяли и пашли, а Ерёму такъ тутъ и аставили, тольки ноги jиму кушакомъ свизали. Видаитъ Ерёма—баринъ ѣдзитъ; вотъ jонъ и началъ кричатсь: «пожалуйтси сюды!» Баринъ падъѣхалъ; а Ерёма развизалъ сибѣ ноги, да какъ крикнетъ: «скидывай попонута!» [2]) Тотъ скинулъ. Ерёма снялъ съ сибя jирмякъ да надзѣлъ на барина, свизалъ jиму и руки и ноги: «лижи, баитъ, здѣся, пока опять приду.» Тольки што Ерёма ушолъ, а Ѳома да Кузьма и вернулись, прарубили пролубь, да не пасматрѣвши—бухъ въ нiё барина! Немножка погодзя, ѣдзитъ Ерёма на баринавой лошадзи и въ баринавомъ платсьи. «Здравствуйтсе, баитъ, братцы!»—Здравствуй, баютъ братсья; гдзѣ ты взялъ лошадзей-

[1]) Непослушная. [2]) Одежду.

та? «А вотъ гдзѣ! тольки што вы пихнули мина въ воду, а я бурлъ!... бурлъ!... бурлъ!... вотъ мнѣ и явились буры кони; я на нихъ и выѣхалъ изъ рикѝ.»—Ахъ, братсецъ радимой! пихни и насъ туды, штобъ и намъ дастать па бурымъ лошадзямъ. Јонъ взялъ да и пихнулъ јихъ въ пролубь; а самъ сталъ паживатъ, добра наживатъ.

(Записана въ тверской губерніи И. И. Лажечниковымъ.)

9.

ИВАНУШКО-ДУРАЧОКЪ. [1]

Былъ-жилъ старикъ со старухою; у нихъ было три сына: двое—умные, третій—Иванушко-дурачокъ. Умные-то овецъ въ полѣ пасли, а дуракъ ничего не дѣлалъ, все на печкѣ сидѣлъ да мухъ ловилъ. Въ одно время наварила старуха аржаныхъ клёцокъ, и говоритъ дураку: «на-ка, снеси эти клёцки братьямъ; пусть поѣдятъ.» Налила полной горшокъ и дала ему въ руки; побрёлъ онъ къ братьямъ. День былъ солнечной; только вышелъ Иванушко за околицу, увидалъ свою тѣнь съ боку, и думаетъ: «что это за человѣкъ? со мной рядомъ идетъ; ни на шагъ не отстаетъ; вѣрно клёцокъ захотѣлъ!» И началъ онъ бросать на свою тѣнь клёцки, такъ всѣ до единой и повыкидалъ; смотритъ, а тѣнь всё съ боку идетъ: «эка ненасытная утроба!» сказалъ дурачокъ съ сердцемъ, и пустилъ въ нее горшкомъ—разлетѣлись черепки въ разныя стороны. Вотъ приходитъ съ пустыми руками къ братьямъ; тѣ его спрашиваютъ: «ты, дуракъ, зачѣмъ?»—Вамъ обѣдъ принёсъ. «Гдѣже обѣдъ? давай живѣе.»—Да вишь, братцы, привязался ко мнѣ дорòгою незнамо-какой человѣкъ, да все и поѣлъ! «Какой-

[1]) См. вып. V, № 10.

такой человѣкъ?»—Вотъ онъ! и теперь рядомъ стоитъ! Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овецъ пасти, а сами ушли на деревню обѣдать. Принялся дурачокъ пасти: видитъ, что овцы разбрелись пò полю, давай ихъ ловить да глаза выдирать; всѣхъ переловилъ, всѣмъ глаза выдолбилъ, собралъ стадо въ одну кучу, и сидитъ себѣ радёхонекъ, словно дѣло сдѣлалъ. Братья пообѣдали, воротились въ поле: «что ты, дуракъ, натворилъ? отчего стадо слѣпое?» —Да почто имъ глаза-то? Какъ ушли вы, братцы, овцы-то врозь разсыпались; я и придумалъ: сталъ ихъ ловить, въ кучу сбирать, глаза выдирать; вò какъ умаялся! «Постой, еще не такъ умаешься!» говорятъ братья, и давай угощать его кулаками; порядкомъ таки досталось дураку на орѣхи!

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушка-дурачка въ городъ къ празднику по хозяйству закупать. Всего закупилъ Иванушко: и столъ купилъ, и ложекъ, и чашекъ, и соли; цѣлой возъ навалилъ всякой всячины. Ѣдетъ домой, а лошадёнка была такая, знать, неудàлая, везетъ—не везетъ! «А что, думаетъ себѣ Иванушко, вѣдь у лошади четыре ноги, и у стола тожъ четыре; такъ столъ-отъ и самъ добѣжитъ!» Взялъ столъ и выставилъ на дорогу. Ѣдетъ-ѣдетъ, близко ли, далеко ли, а ворòны такъ и вьются надъ нимъ да все каркаютъ. «Знать сестрицамъ поѣсть покушать охота, чтò такъ раскричались!» подумалъ дурачокъ; выставилъ блюда съ ѣствами нàземь и началъ подчивать: «сестрицы-голубушки! кушайте на здоровье.» А самъ все впередъ да впередъ подвигается. Ѣдетъ Иванушко перелѣскомъ; по дорогѣ все пни обгорѣлые. «Эхъ, думаетъ, ребята-то безъ шапокъ; вѣдь озябнутъ сердечные!» [1]) Взялъ-понадѣвалъ на нихъ горшки да корчаги. Вотъ доѣхалъ Иванушко до рѣки, давай лошадь поить, а она не пьетъ. «Знать безъ

[1]) *Вар.* «Братцы рòдные! что-жъ вы безъ шапокъ стоите? дождь пойдетъ—вымочетъ.»

соли не хочетъ!» и ну солить воду. Высыпалъ полонъ мѣшокъ соли, лошадь все не пьетъ. «Что-жъ ты не пьешь, волчье мясо! развѣ задаромъ я мѣшокъ соли высыпалъ?» [1]) Хватилъ ее полѣномъ, да прямо въ голову, и убилъ на повалъ. Остался у Иванушки одинъ кошель съ ложками, да и тотъ на себѣ понёсъ. Идетъ; ложки назади такъ и бракаютъ: брякъ, брякъ, брякъ! а онъ думаетъ, что ложки-то говорятъ: «Иванушко дуракъ»! бросилъ ихъ, и ну топтать да приговаривать: «вотъ вамъ Иванушко дуракъ! вотъ вамъ Иванушко дуракъ! Еще вздумали дразнить негодныя!» Воротился домой и говоритъ братьямъ: «все искупилъ, братики!»—Спасибо, дуракъ, да гдѣ-жъ у тебя закупки-то? «А столъ-отъ бѣжитъ, да знать отсталъ, изъ блюдъ сестрицы кушаютъ, горшки да корчаги ребятамъ въ лѣсу на головы понадѣвалъ, солью-то пиво лошади посолилъ, а ложки дразнятся — такъ я ихъ на дорогѣ покинулъ.»—Ступай, дуракъ, поскорѣе! собери все, что разбросалъ по дорогѣ. Иванушко пошелъ въ лѣсъ, снялъ съ обгорѣлыхъ пней корчаги, повышибалъ днища и надѣлъ на батогъ корчагъ съ дюжину — всякихъ: и большихъ, и малыхъ. Несетъ домой. Отколотили его братья; поѣхали сами въ городъ за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушаетъ дуракъ, а пиво въ кадкѣ такъ и бродитъ, такъ и бродитъ. «Пиво, не броди! дурака не дразни!» говоритъ Иванушко. Нѣтъ, пиво не слушается; взялъ да и выпустилъ все изъ кадки, самъ сѣлъ въ корыто, по избѣ разъѣзжаетъ да пѣсенки распѣваетъ.

Пріѣхали братья, крѣпко осерчали, взяли Иванушка — зашили въ куль и потащили къ рѣкѣ. Положили куль на берегу,

[1]) *Вар.* Дѣло было осенью; дорога—скользкая, лошаденка — некованая, шагъ сдѣлаетъ да оступится. «Что ты все спотыкаешься? говоритъ дуракъ; постой, вотъ я маслецомъ копыта смажу.» Вылилъ полонъ боченокъ масла, а лошадь еще больше спотыкается. «Что-жъ ты, волчье масо! развѣ задаромъ я масло сгубилъ?» Сталъ дуракъ поить лошадь... потомъ догадался: «али ей неловко, до воды далеко!» взялъ и обрубилъ ей ноги по колѣна.

а сами пошли пролубь осматривать. На ту пору ѣхалъ какой-то баринъ мимо на тройкѣ бурыхъ; Иванушко и ну кричать: «садятъ меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умѣю!» — Постой, дуракъ! сказалъ баринъ; я умѣю и судить, и рядить; вылѣзай изъ куля! Иванушко вылѣзъ изъ куля, зашилъ туда барина, а самъ сѣлъ въ его повозку и уѣхалъ изъ виду. Пришли братья, спустили куль подъ ледъ, и слушаютъ, а въ водѣ такъ и буркаетъ. «Знать бу̀рка ловитъ!» проговорили братья и побрели домой. На встрѣчу имъ, откуда ни возьмись, ѣдетъ на тройкѣ Иванушко, ѣдетъ да прихвастываетъ: «вотъ-ста какихъ поймалъ я лошадушекъ! а еще остался тамъ сивко—такой славной!» Завидно стало братьямъ; говорятъ дураку: «зашивай теперь насъ въ куль да спускай поскорѣй въ пролубь! Не уйдетъ отъ насъ сивко...» Опустилъ ихъ Иванушко-дурачокъ въ пролубь и погналъ домой пиво допивать да братьевъ поминать. Былъ у Иванушка колодецъ, въ колодцѣ рыба елецъ, а моей сказкѣ конецъ.

(Записана въ вологодской губерніи.)

10.

ШАБАРША.[1]

Ай потѣшить васъ сказычкой? а сказычка чудесная: есть въ ней дивы дивныя, чуды чудныя, а батракъ Шабарша изъ плутовъ плутъ: ужь какъ взялся за гужъ, такъ нѐча сказать—на все дюжъ! Пошелъ Шабарша по батракамъ[2]) жить, да година настала лихая: ни хлѣба никакого, ни овощей не родилось. Вотъ и думаетъ думу хозяинъ — думу глубокую: какъ разогнать злую кручину, чѣмъ жить-поживать, откуда деньги

---

[1]) См. выпускъ V, № 9, и въ этомъ выпускѣ № 11. [2]) Т. е. въ батракахъ.

брать? «Эхъ, не тужи, хозяинъ! говоритъ ему Шабарша; былъ бы день — хлѣбъ да деньги будутъ!» И пошелъ Шабарша на мельничну плотину; «авось, думаетъ, рыбки поймаю; продамъ—анъ вотъ и деньги! Эге, да веревочки-то нѣтъ на удочку... Постой, сейчасъ совью.» Выпросилъ у мельника горсть пеньки, сѣлъ на бережку, и ну вить уду. Вилъ, вилъ, а изъ воды прыгъ на берегъ мальчикъ въ черной курточкѣ да въ красной шапочкѣ. «Дядюшка, что ты здѣсь подѣлываешь?» спросилъ онъ. — А вотъ веревку вью. «Зачѣмъ?» — Да хочу прудъ вычищать, да васъ чертей изъ воды таскать. «Э, нѣтъ! погоди маленько; я пойду — скажу дѣдушкѣ.» Чертёнокъ нырнулъ въ глубь, а Шабарша принялся снова за работу. «Погоди, думаетъ, сыграю я съ вами окаянными штуку, принесете вы мнѣ и злата и сѐребра.» И началъ Шабарша копать яму, выкопалъ и наставилъ на нее свою шапку съ вырѣзанной верхушкою. «Шабарша, а Шабарша! дѣдушка говоритъ, чтобы я съ тобой сторговался. Что возьмешь, чтобы насъ изъ воды не таскать?» —Да вотъ эту шапочку насыпьте полну злата и сѐребра. Нырнулъ чертёнокъ въ воду; воротился назадъ: «дѣдушка говоритъ, чтобы я съ тобой сперва поборолся.»—О, да гдѣ-жъ тебѣ молокососу со мною бороться! да ты не сладишь съ моимъ среднимъ братомъ Мишкою. «А гдѣ твой Мишка?» [1])—А вонъ, смотри, отдыхаетъ въ яру подъ кустикомъ. «Какъ-же мнѣ его вызвать?» —А ты подойди, да ударь его пò боку: такъ онъ и самъ встанетъ. Пошелъ чертёнокъ въ яръ, нашелъ медвѣдя и хватилъ его дубинкой пò боку. Поднялся Мишка на дыбки, скрутилъ чертёнка такъ, что у него всѣ кости затрещали. Насилу вырвался изъ медвѣжьихъ лапъ; прибѣжалъ къ водяному старику. «Ну, дѣдушка! сказываетъ онъ въ испугѣ; у Шабарши есть

---

[1]) *Варіантъ:* Есть у меня старый дѣдъ, семидесяти лѣтъ; ты и съ тѣмъ не сладишь.—А гдѣ твой дѣдъ?

средній братъ Мишка, схватился было со мною бороться — ажно косточки у меня затрещали! Что-жъ было бы, еслибъ самъ-то Шабарша сталъ бороться?»—Гмъ! ступай, попробуй побѣгать съ Шабаршой въ запуски: кто кого обгонитъ? И вотъ мальчикъ въ красной шапочкѣ опять подлѣ Шабарши; передалъ ему дѣдушкины рѣчи, а тотъ въ отвѣтъ: «да куда тебѣ со мной въ запуски бѣгать! мой меньшой братъ Заинька — и тотъ тебя далёко за собой оставитъ!» — А гдѣ твой братъ Заинька? «Да вонъ — въ травкѣ лёгъ, отдохнуть захотѣлъ. Подойди къ нему поближе да тронь за ушко — вотъ онъ и побѣжитъ съ тобою!» Побѣжалъ чертёнокъ къ Заинькѣ, тронулъ его за ушко; заяцъ такъ и прыснулъ, чертёнокъ было̀ къ слѣдъ за нимъ! «Постой, постой, Заинька! дай съ тобой поровняться... Эхъ, ушелъ!» — «Ну, дѣдушка! говоритъ водяному; я было̀ бросился рѣзво бѣжать. Куды! и поровняться нѐ далъ, а то еще не самъ Шабарша, а меньшой его братъ бѣгалъ!» — Гмъ! проворчалъ старикъ, нахмуривъ брови; ступай къ Шабаршѣ и попробуйте: кто сильнѣй свистнетъ?—«Шабарша, а Шабарша! дѣдушка велѣлъ попробовать: кто изъ насъ крѣпче свистнетъ?»—Ну, свисти ты прежде. Свистнулъ чертёнокъ да такъ громко, что Шабарша насилу на ногахъ устоялъ, а съ деревъ такъ листья и посыпались. «Хорошо свистишь, говоритъ Шабарша, а все не по моему! Какъ я свистну—тебѣ на ногахъ не устоять, и уши твои не вынесутъ... Ложись ничкомъ на̀земь да затыкай уши пальцами.» Лёгъ чертёнокъ ничкомъ на землю и заткнулъ уши пальцами; Шабарша взялъ дубину да со всего размаху какъ хватитъ его по шеѣ, и самъ: фю-фю-фю!... посвистываетъ. «Охъ, дѣдушка, дѣдушка! да какъ-же здорово свистнулъ Шабарша—ажно у меня искры изъ глазъ посыпались; еле-еле съ земли поднялся, а на шеѣ да на поясницѣ, кажись, всѣ косточки поломались!»—Ого! не силёнъ знать ты, бѣсёнокъ! Пойди-тка, возьми тамъ въ трост-

никѣ мою дубинку, да попробуйте: кто изъ васъ выше вскинетъ ее на воздухъ? Взялъ чертёнокъ дубинку, взвалилъ на плечо и пошелъ къ Шабаршѣ. «Ну, Шабарша! дѣдушка велѣлъ въ послѣдній разъ попробовать, кто изъ насъ выше вскинетъ на воздухъ вотъ эту дубинку?» — Ну, кидай ты прежде, а я посмотрю. Вскинулъ чертёнокъ дубинку — высоко-высоко полетѣла она, словно точка въ вышинѣ чернѣетъ! насилу дождались, пока на землю упала... Взялъ Шабарша дубинку — тяжела! поставилъ ее на конецъ ноги, оперся ладонью и началъ пристально глядѣть на небо. «Что-жъ ты не бросаешь? чего ждешь?» спрашиваетъ чертёнокъ.—Жду, когда вонъ энта тучка подойдетъ — я на нее дубинку вскину. «Э, нѣтъ, Шабарша! не бросай дубинки на тучку, а то дѣдушка разсердится!» Выхватилъ бѣсёнокъ дубинку и нырнулъ къ дѣдушкѣ. Дѣдушка, какъ услыхалъ отъ внучка, что Шабарша чуть-чуть не закинулъ его дубинки, испугался не на шутку, и велѣлъ таскать изъ омута деньги да откупаться. Чертёнокъ таскалъ, таскалъ деньги, много ужь перетаскалъ — а шапка все неполна! «Ну, дѣдушка, на диво у Шабарши шапочка! всѣ деньги въ нее перетаскалъ, а она все еще пуста. Теперь остался твой послѣдній сундучокъ.»—Неси и его скорѣе! Веревку-то онъ вьётъ? «Вьётъ, дѣдушка!» — То-то! Нечего дѣлать, почалъ чертёнокъ завѣтный дѣдушкинъ сундучокъ, сталъ насыпать Шабаршову шапочку, сыпалъ-сыпалъ.... насилу дополнилъ! Съ той поры, съ того времени зажилъ батракъ на славу; звали меня къ нему медъ-пиво пить, да я не пошелъ: медъ, говорятъ, былъ горекъ, а пиво мутно. Отчего бы такая притча?

(Записана Д. Ханыковымъ.)

11.

ИВАНКО-МЕДВѢДКО.

Въ нѣкоторомъ селѣ жилъ-былъ богатой мужикъ съ женою. Вотъ разъ пошла она въ лѣсъ за груздями, заплуталась и забрела въ медвѣжью берлогу. Медвѣдь взялъ ее къ себѣ, и долго ли, коротко ли — прижилъ съ нею сына: до-поясъ человѣкъ, а отъ пояса медвѣдь; мать назвала того сына Иванко-Медвѣдко. Годы шли да шли, Иванко-Медвѣдко выросъ и захотѣлось ему съ матерью уйдти на село къ людямъ; выждали они, когда медвѣдь пошелъ на пчельникъ, собрались и убѣжали. Бѣжали-бѣжали, и добрались таки до мѣста. Увидалъ мужикъ жену, обрадовался — ужь онъ не чаялъ, чтобъ она когда-нибудь домой воротилась; а послѣ глянулъ на ея сына, и спрашиваетъ: «а это что за чудище?» Жена разсказала ему все, чтò и какъ было, какъ она жила въ берлогѣ съ медвѣдемъ и какъ прижила съ нимъ сына: до-поясъ человѣкъ, а отъ пояса медвѣдь. «Ну, Иванко-Медвѣдко! говоритъ мужикъ, поди на заднiй дворъ да заколи овцу; надо про васъ обѣдъ сготовить.» — А котору заколоть! «Ну, хоть ту, чтò на тебя глядѣть станетъ.» Иванко-Медвѣдко взялъ ножъ, отправился на заднiй дворъ, и только скричалъ овцамъ — какъ всѣ овцы на него и уставились. Медвѣдко тотчасъ всѣхъ перекололъ, поснималъ съ нихъ шкурки, и пошелъ спросить: куда прибрать мясо и шкуры? «Какъ? заревѣлъ на него мужикъ, я тебѣ велѣлъ заколоть одну овцу, а ты всѣхъ перерѣзалъ!» — Нѣтъ, батька! ты велѣлъ мнѣ ту заколоть, которая на меня взглянетъ; я на заднiй дворъ — онѣ всѣ до единой такъ на меня и уставились; вольно-жъ имъ было на меня глазѣть! «Экой разумникъ! ступай же, снеси все мясо и шкуры въ анбаръ, а ночью покара-

уль дверь у анбара-та, какъ-бы воры не украли да собаки не съѣли!» — Хорошо, покараулю. Какъ нарочно, въ ту самую ночь собралась гроза и полилъ сильной дождь. Иванко-Медвѣдко выломилъ у анбара дверь, унёсъ ее въ баню и остался тамъ ночевать. Время было темное, ворамъ сподручное; анбаръ открытъ, караула нѣтъ — бери, что̀ хочешь! Поутру проснулся мужикъ, пошелъ посмотрѣть: все ли цѣло? Какъ есть ничего не осталось: что̀ собаки съѣли, а что̀ воры покрали. Сталъ онъ искать сторожа, нашелъ его въ банѣ и принялся ругать пуще прежняго. «Ахъ, батька! чѣмъ-же я виноватъ? сказалъ Иванко-Медвѣдко; самъ ты велѣлъ дверь караулить — я дверь и караулилъ: вотъ она! ни воры не украли, ни собаки не съѣли!» — Что съ дуракомъ дѣлать? думаетъ мужикъ; эдакъ мѣсяцъ-другой поживетъ, совсѣмъ разоритъ! какъ-бы его съ рукъ сбыть? Вотъ и надумался: на другой же день послалъ Иванка-Медвѣдка на озеро изъ песку веревки вить; а въ томъ озерѣ много нечистыхъ водилось: пусть де его затащатъ черти въ омутъ! Иванко-Медвѣдко отправился на озеро, сѣлъ на берегу и началъ изъ песку веревки вить. Вдругъ выскочилъ изъ воды чертёнокъ: «что ты дѣлаешь, Медвѣдко?» — Что? веревки вью; хочу озеро мо̀рщить, да васъ чертей корчить [1]) —затѣмъ что въ нашихъ омутахъ живете, а руги не платите. «Погоди, Медвѣдко! я побѣгу, скажу дѣдушкѣ» — и съ этимъ словомъ бултыхъ въ воду. Минутъ черезъ пять снова выскочилъ: «дѣдушка сказалъ: коли ты меня перегонишь, такъ заплатитъ ругу, а коли не перегонишь — велѣлъ тащить тебя самого въ омутъ.» — Вишь прыткой! ну, гдѣ тебѣ перегнать меня? говоритъ Иванко-Медвѣдко; у ме́ня есть внучекъ, только вчера народился — и тотъ тебя перегонитъ! Не хочешь ли съ нимъ потягаться? «Какой-такой внучекъ?»—Вонъ подъ ко-

---

[1]) *Варіантъ:* «Что? оборки вью; хочу берегъ съ берегомъ сводить, васъ чертей изъ омута выводить!»

водой лежитъ, отвѣчаетъ Медвѣдко, да какъ вскрикнетъ на зайца: «ай, Заюшко, не подгадь!» Заяцъ бросился безъ памяти въ чистое поле и въ мигъ скрылся изъ виду; чертёнокъ было за нимъ, да куда? на полверсту отсталъ. «Теперь коли хочешь, говоритъ ему Медвѣдко, побѣжимъ со мною; только, братъ, съ уговоромъ: если отстанешь — я тебя до смерти убью!» —Что ты! сказалъ чертёнокъ—и бултыхъ въ омутъ. Немного погодя выскочилъ опять изъ воды и вынесъ дѣдушкинъ чугунный костыль: «дѣдушка сказалъ, коли вскинешь ты вотъ этотъ костыль выше, чѣмъ я вскину,—такъ заплатитъ ругу.»—Ну, кидай ты напервої Чтъ вскинулъ костыль такъ высоко, что̀ чуть видно стало; съ страшнымъ гуломъ полетѣлъ костыль назадъ и ушелъ въ землю на половину. «Кидай теперь ты!» Медвѣдко наложилъ на костыль руку, и пошевелить не смогъ: «погоди, говоритъ; вотъ скоро подойдетъ облачко, такъ на него закину!» — Э, нѣтъ! какъ-же дѣдушкѣ безъ костыля-то быть? сказалъ бѣсёнокъ, схватилъ чортову дубинку и бросился поскорѣй въ воду. [1]) Погодя немножко, опять выскочилъ: «дѣдушка сказалъ: коли сможешь ты обнести эту лошадь кругомъ озера хоть одинъ разъ лишній супротивъ меня, такъ заплатитъ ругу; а не то ступай самъ въ омутъ.» — Эко диво! начинай. Чертёнокъ взвалилъ на спину лошадь и потащилъ кругомъ озера; разовъ десять обнёсъ и усталъ окаянный — потъ такъ и льётъ съ рыла! «Ну, теперь мой черёдъ!» сказалъ

---

[1]) *Варіантъ:* Чертёнокъ принесъ дѣдушкину палицу: «ну, Медвѣдко, попробуемъ: кто изъ насъ выше броситъ?» — Бросай ты прежде! Чертёнокъ бросилъ палицу вверхъ такъ высоко, что за щепочку показалась, а назадъ упала—земля ходенемъ пошла! Стала очередь за Медвѣдкомъ; взялъ онъ палицу за одинъ конецъ — не только вверхъ бросить, и поднять не сможетъ; пустился на хитрости, поднялъ глаза на небо и началъ пристально приглядываться. «Что—жъ ты попусту глазѣешь?»—А вотъ поджидаю, когда подойдетъ облачко; хочу на него забросить палицу. «Э, нѣтъ! не бросай пожалуста; дѣдушка прибранитъ меня.»—Ишь, чортово племя! небось жалко...

Иванко-Медвѣдко, сѣлъ на лошадь верхомъ и ну ѣздить кругомъ озера: до тѣхъ поръ ѣздилъ, пока лошадь пала! «Что, братъ! каково?» спрашиваетъ чертёнка. — Ну, говоритъ нечистой, ты больше моего носилъ, да еще какъ? — промежъ ногъ; эдакъ мнѣ и разу не обнести! Сколько-жъ руги платить? «А вотъ сколько: насыпь мою шляпу золотомъ, да прослужи у меня годъ въ работникахъ — съ меня и довольно!» Побѣжалъ чертёнокъ за золотомъ, а Иванко-Медвѣдко вырѣзалъ въ шляпѣ дно и поставилъ ее надъ глубокой ямою; чертёнокъ носилъ-носилъ золото, сыпалъ-сыпалъ въ шляпу, цѣлой день работалъ, а только къ вечеру сполна насыпалъ. Иванко-Медвѣдко добылъ телегу, наклалъ ее червонцами и свёзъ на чертёнкѣ домой: «разживайся, батька! вотъ тебѣ батракъ, а вотъ и золото!»

(Записана въ оренбургской губерніи, уфимскомъ уѣздѣ.)

12.

НАБИТОЙ ДУРАКЪ. [1]

Жилъ-былъ старикъ со старухою, имѣли при себѣ одного сына, и то дурака. Говоритъ ему мать: «ты бы, сынокъ, пошелъ около людей потёрся да ума набрался.» — Постой, мама; сейчасъ пойду. Пошелъ по деревнѣ, видитъ—два мужика горохъ молотятъ, сейчасъ подбѣжалъ къ нимъ: то около одного потрётся, то около другаго. «Не дури! говорятъ ему мужики; ступай — откуда пришелъ»; а онъ знай себѣ потирается. Вотъ мужики озлобились и принялись его цѣпами подчивать: такъ ошарашили, что̀ едва домой приползъ. «Что ты, дитятко, плачешь?» спрашиваетъ его старуха. Дуракъ разсказалъ ей

---

[1]) См. вып. II, № 9.

свое горе. «Ахъ, сынокъ, куда ты глупёшенекъ! Ты бы сказалъ имъ: Богъ помочь, добрые люди! носить бы вамъ—не переносить; возить бы — не перевозить! Они-бъ тебѣ дали гороху; вотъ бы мы сварили да и скушали.» На другой день идетъ дуракъ по деревнѣ, на встрѣчу несутъ упокойника. Увидалъ и давай кричать: «Богъ помочь! носить бы вамъ — не переносить, возить бы — не перевозить!» Опять его прибили; воротился онъ домой и сталъ жаловаться: «вотъ, мама, ты научила, а меня прибили!» — Ахъ ты, дитятко! ты бы сказалъ: канунъ да свѣча! да снялъ бы шапку, началъ бы слезно плакать да поклоны бить; они-бъ тебя накормили-напоили досыта. Пошелъ дуракъ по деревнѣ, слышитъ—въ одной избѣ шумъ, веселье, свадьбу празднуютъ; онъ снялъ шапку, а самъ такъ и разливается: горько-горько плачетъ. «Что это за невѣжа пришелъ! говорятъ пьяные гости; мы всѣ гуляемъ да веселимся, а онъ словно по мертвому плачетъ!» Выскочили и порядкомъ ему бока помяли...

13.

ѲОМА БЕРЕННИКОВЪ. [1]

Въ нѣкоторомъ царствѣ-государствѣ жилъ-былъ мужикъ Ѳомка Беренниковъ — такой сильной да дородной, что если пролетитъ мимо воробей да зацѣпитъ его крыломъ, такъ онъ и съ ногъ свалится! Плохо ему на бѣломъ свѣтѣ, всѣ его обижаютъ, и вздумалъ онъ: «дай пойду, утоплюся съ горя!» Подходитъ къ болоту; увидали его лягушки и прыгнули въ воду. «Постой! думаетъ Ѳомка, не стану топиться; и меня люди боятся!» Воротился домой, сталъ на пашню сбираться;

---

[1]) См. выпускъ II, № 6, и вып. V, № 11.

а лошадёнка у него была дрянная, на работѣ замученная; натёрло ей хомутомъ шею до крови и облѣпили ее слѣпни да мухи видимо-невидимо. Ѳомка подошелъ, какъ ударитъ ладонью —однимъ махомъ сто побиваxомъ! и говоритъ: «охъ, да я самъ богатырь! не хочу пахать, хочу воевать!» Сосѣди надъ нимъ смѣются: «куда тебѣ, дураку, воевать; тебѣ въ пору свиньямъ кормъ давать!» Ни тутъ-то было, назвался Ѳомка богатыремъ, взялъ тупицу и косарь, что лучину скепаютъ [1]), надѣлъ на себя старой кафтанъ да высокой яломокъ [2]), сѣлъ на свою клячу и поѣхалъ въ чистое поле ступою бредучею. Въ чистомъ полѣ врылъ въ землю столбъ и написалъ на немъ: «ѣду сражаться въ иные города—однимъ махомъ сто побиваxомъ!» Только что успѣлъ отъѣхать съ мѣста, прискакали къ столбу два могучихъ богатыря, прочитали надпись и говорятъ: «что за богатырь такой! куда онъ поѣхалъ? скоку молодецкаго не слышно, слѣду богатырскаго не видно!» Кинулись за нимъ по дорогѣ; увидалъ ихъ Ѳомка и спрашиваетъ: «вы кто таковы?» —Миръ тебѣ, доброй человѣкъ! Мы—сильномогучіе богатыри. «А по скольку головъ сразу рубите?» Одинъ говоритъ: по пяти, другой: по десятку. «Какіе-жъ вы сильномогучіе богатыри? вы просто дрань! вотъ я такъ богатырь: однимъ махомъ сто побиваxомъ!» — Прими насъ въ товарищи, будь намъ старшій братъ. «Пожалуй, говоритъ Ѳомка; поѣзжайте сзади.» Пристроились къ нему сильномогучіе богатыри и отправились всѣ вмѣстѣ въ заповѣдные луга царскіе. Пріѣхали, сами легли отдыхъ взять, а лошадей пустили шелкову траву щипать. Долго ли, коротко ли —скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается, усмотрѣлъ ихъ царь: «что, говоритъ, за невѣжи такіе въ моихъ лугахъ прохлаждаются! доселѣва тутъ ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала, а те-

---

[1]) Колютъ. [2]) Войлочный колпакъ (Опытъ об. великор. словаря, стр. 274).

перь гости пожаловали!» Сейчас собрал войско великое, и даеть приказ очистить свои луга заповѣдные. Идеть сила-рать несмѣтная; увидали могучіе богатыри, доложили про то названному старшему брату, а онъ имъ въ отвѣтъ: «ступайте-ка, перевѣдайтесь, а я посмотрю — какова ваша храбрость есть?» Вотъ они сѣли на своихъ богатырскихъ коней, припустили ихъ на войско вражее, полетѣли, какъ ясные соколы на стадо голубей, притоптали, прирубили всѣхъ до единаго. Дѣло-то не ладно! думаетъ царь; опять собираетъ войско великое, чуть ни вдвое больше прежняго, а впереди всего войска посылаетъ силача-великана: голова что пивной котелъ, лобъ что твоя заслонка, а самъ что гора! Сѣлъ Ѳомка на свою клячу, выѣхалъ на встрѣчу и говоритъ великану: «ты — сильномогучій богатырь, и я—таковъ-же! Ни честь, ни хвала будетъ намъ, добрымъ молодцамъ, коли станемъ сражаться не поздоровавшись! Напередъ надо другъ другу поклонъ отдать, а потомъ и въ бой вступать.» — Ладно! отвѣчаетъ великанъ. Разъѣхались они и стали кланяться. Пока великанъ наклонилъ свою голову, прошло полчаса времени; а другое полчаса надо, чтобъ поднять ее. Ѳомка малъ да удалъ, не захотѣлъ дожидаться, хватилъ косаремъ разъ-другой, и полетѣла голова съ плечъ долой. [1]). Войско дрогнуло и разсыпалось въ разныя стороны; а Ѳомка взобрался на богатырскаго коня, давай нагонять да конемъ топтать. Нечего дѣлать, покорился царь; послалъ звать къ себѣ сильномогучаго богатыря Ѳому

---

[1]) *Варіантъ:* Сѣлъ Ѳомка на клячу, выѣхалъ на встрѣчу и говоритъ самъ себѣ: «дай лучше глаза завяжу; все не такъ страшно будетъ лютую смерть принимать!» Завязалъ глаза платкомъ и прилёгъ къ лошаденкѣ. Великанъ смотритъ: «вотъ, думаетъ, волка! глаза завязалъ—значитъ на себя надѣется! Да вѣдь я не хуже тебя, и самъ тоже сдѣлаю!» Только завязалъ онъ глаза и прилёгъ къ своему богатырскому коню, а ужъ Ѳомкѣ наскучило ждать, глянулъ Ѳомка, смекнулъ—въ чемъ дѣло, выхватилъ у великана мечъ-кладенецъ, и тѣмъ мечомъ срубилъ ему голову.

Беренникова и двухъ меньшихъ его братьевъ. Угостилъ ихъ, учествовалъ на славу, выдалъ за Ѳомку дочь свою царевну и далъ полцарства въ приданое.

Долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается — подступаетъ подъ то царство басурманской король съ силами несмѣтными, требуетъ дани-окупу великаго. Не захотѣлъ царь платить дани-окупу великаго, нарядилъ свое войско храброе, поставилъ зятя начальникомъ, и накрѣпко приказалъ, чтобы всѣ на Ѳомку смотрѣли: что̀ онъ станетъ дѣлать, и они-бъ тоже дѣлали. Снялся Ѳомка и поѣхалъ сражаться. Ѣдетъ онъ лѣсомъ, войско за нимъ. Онъ срубилъ себѣ березку, и солдаты срубили себѣ по березкѣ. Пришли къ глубокой рѣкѣ—мосту нѣтъ, а обходу двѣсти вёрстъ; Ѳомка бросилъ свою березку въ воду, и солдаты побросали свои туда-же, запрудили рѣку и перешли на другую сторону. Басурманской король засѣлъ въ крѣпкомъ городѣ. Ѳомка остановился передъ тѣмъ городомъ, развелъ костёръ, раздѣлся весь до-гола — сидитъ да грѣется; солдаты увидали, тотчасъ-же насбирали хворосту, нарубили полѣньевъ, и запалили костры по всему чистому полю. «Закусить бы надо!» сказалъ Ѳомка Беренниковъ, вытащилъ изъ сумки здобную лепешку и сталъ уписывать. Откуда ни возьмись—прибѣжала собака, вырвала лепешку, и давай Богъ ноги! Ѳомка ухватилъ горячую головешку, и какъ былъ голой—такъ и пустился за нею: во всю прыть бѣжитъ да во все горло кричитъ: «держите! держите!» Глядя на него, и солдаты сидѣли у огня голые, а тутъ повскакивали, похватали горячія головешки и побѣжали вслѣдъ за нимъ. Собака-то была королевская, бросилась прямо въ городъ да во дворецъ; Ѳомка за собакою, солдаты за Ѳомкою: все, что̀ ни попадетъ по̀дъ руку, жгутъ и палятъ безъ пощады. Поднялась въ городѣ суматоха; король не знаетъ—что̀ дѣлать съ испугу, сталъ просить замиренія. Ѳомка на то не со-

гласенъ; взялъ короля въ плѣнъ и покорилъ все его королевство. Воротился изъ походу — царь встрѣтилъ его съ большимъ почетомъ: музыка заиграла, колокола зазвонили, пушки грохнули, и пошелъ пиръ на весь міръ! И я тамъ былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало; ѣлъ я капусту, а въ брюхѣ-то пусто. Дали мнѣ колпакъ, стали со двора толкать; дали мнѣ шлыкъ, а я въ подворотню шмыгъ! Дали мнѣ синь кафтанъ; летятъ синицы да кричатъ: «синь кафтанъ, синь кафтанъ!» а мнѣ послышалось: «скинь кафтанъ!» скинулъ и бросилъ на дорогѣ. Дали мнѣ красные сапоги; летятъ вороны да кричатъ: «красные сапоги, красные сапоги!» а мнѣ послышалось: «крадены сапоги!» снялъ да и бросилъ. Дали мнѣ лошадку восковую, плетку гороховую, уздечку рѣпеную; увидалъ я — мужикъ овинъ сушитъ, привязалъ тутъ лошадку — она растаяла, плетку куры склевали, а уздечку свиньи съѣли!

14.

МѢНА. [1])

Жилъ мужикъ съ бабою; была у нихъ пара воловъ, а телеги не было. Куда ни соберутся ѣхать—бѣжитъ мужикъ по деревнѣ искать телеги, и ужь худо-худо разовъ по пяти бралъ онъ телегу у кажнаго хозяина! До того дошло дѣло, что перестали давать ему; куда не сунется, всякой срамитъ его: «какой ты мужикъ! пару воловъ имѣешь, а телеги не справишь!» Соберётся мужикъ въ дорогу, а ѣхать не на чемъ; посуетится-посуетится, да такъ дома и останется. «Послушай, мужинёкъ! сказываетъ жена, поведи воловъ на ярмарку, продай, да за эти деньги купи телегу; пускай у насъ своя будетъ! Тогда и къ

[1]) См. вып. II, № 10, и вып. V, № 12.

нашъ станутъ ходить люди да просить телеги, а мы никому не дадимъ!» Мужикъ послушалъ жену, всталъ поутру рано, взялъ пару воловъ и повелъ въ городъ. Сталъ приближаться къ городу, глядь—везётъ старикъ на ярмарку новыя телеги; подбѣжалъ къ нему: «здорово, землякъ! продаешь телеги?» —Продаю. «Знаешь ли, что я тебѣ скажу?»—Какъ скажешь, такъ и буду знать. «А вотъ что: сдѣлай милость, дай мнѣ телегу, а себѣ возьми пару воловъ.» Старикъ видитъ, что мѣната выгодная: пара воловъ худо стòитъ полтораста рублевъ, а телега всего-нàвсего двадцать, и говоритъ: «изволь, братъ! выбирай любую.» Мужикъ выбралъ себѣ самую большую телегу и отдалъ за нее пару воловъ. Старикъ радёхонекъ, поскорѣй въ городъ; на умѣ одно держитъ: какъ-бы этотъ дуракъ ни одумался да ни отобралъ назадъ своихъ воловъ! А мужикъ стоитъ на дорогѣ да думаетъ: «слава Богу, теперь есть телега! только какъ ее домой дотащить? вѣдь воловъ нѣту, приходится на себѣ везти.» Взялъ веревку, привязалъ къ телегѣ и давай тащить; тащилъ-тащилъ, съ полверсты сдѣлалъ, а усталъ какъ собака: потъ такъ и льётъ съ лица, а рубаху хоть выжми! Остановился, сѣлъ отдохнуть и призадумался: до двора далеко, вёрстъ съ пятьнадцать будетъ! какъ теперь съ телегой быть? Увидалъ пастуха—гонитъ двѣ козы на ярмарку, и закричалъ ему: «здорово, землякъ! куда козъ гонишь?»—Въ городъ продавать. «Чѣмъ продавать, промѣняй-ка лучше мнѣ одну козу вотъ на эту телегу; вишь, совсѣмъ новая!» Пастухъ усмѣхнулся: «какъ-бы, братъ, не промахнуться? а то маху дашь, послѣ не поправишься; да пожалуй, куда кривая не вывезетъ! выбирай себѣ любую.» Мужикъ отдалъ телегу, взялъ козу и повелъ ее домой. Шелъ-шелъ, версты двѣ отхваталъ, и встрѣчается ему разнощикъ: на спинѣ коробка, а за поясомъ цѣлая связка кошельковъ прицѣплена. Засмотрѣлся мужикъ на тѣ кошельки, крѣпко понравились: «послушай, землякъ! куда не-

сёшь кошельки?»—Въ городъ продавать. «Промѣняй мнѣ одинъ на козу.»—Изволь, братъ! Взялъ мужикъ кошелёкъ, положилъ за голенище, и пошелъ домой. Шелъ, шелъ; на пути рѣчка; сѣлъ на перевозъ и перебрался на другую сторону. Стали перевощики спрашивать деньги, а у него нѣтъ ни гроша, и заплатить нечѣмъ. «Тащите, братцы, армякъ съ плечъ, коли денегъ нѣтъ!» говорятъ перевощики. — Постойте, армякъ самому надобенъ; а есть у меня кошелёкъ новой, возьмите его за работу. Вынулъ кошелёкъ и отдалъ; перевощики отпустили его. Поплёлся мужикъ домой: «вотъ, думаетъ, ни за̀ что, ни про̀ что загубилъ пару воловъ!» Смотритъ: сидятъ на дорогѣ чумаки да варятъ кашицу. «Здравствуйте, земляки!»—Здравствуй, доброй человѣкъ! «Хлѣбъ-соль вашей милости!» — Спасибо. «Славная у васъ кашица! Пустите, братцы, похлебать маленько; крѣпко ѣсть хочется.» — Да ты откудова? спрашиваетъ атаманъ. «А я, дядинька, ходилъ на ярмарку, пару воловъ водилъ продавать.»—Ишь какой! пару воловъ продалъ, а попрошайничаешь... «Эхъ, дядинька! отвѣчалъ мужикъ, когда-бъ ты зналъ да вѣдалъ мое горе!» — Какое? «А вотъ послушайте!» и разсказалъ все, какъ было. Атаманъ засмѣялся и говоритъ мужику: «ну, братъ, теперь ты къ своей хозяйкѣ лучше и не показывайся; а то бѣда будетъ.»—Нѣтъ, дядинька, ничего не будетъ; даже слова худаго не скажетъ! «Врёшь, мужикъ! если за это да не обругаетъ тебя хозяйка, такъ вотъ двѣнадцать фуръ съ солью — всѣ отдамъ тебѣ, и съ волами!»—Хорошо, атаманъ! «Ну, а если обругаетъ?» — Въ вѣчную кабалу къ тебѣ пойду! Заложились [1]) и пошли въ деревню. Добрались до двора; атаманъ сталъ въ сѣнахъ и слушаетъ, а мужикъ вошелъ въ избу: «здравствуй, жена!»—Здравствуй, мужинёкъ! что-жъ промѣнялъ воловъ? «Промѣнялъ.»—Гдѣ-же телега? «За

---

[1]) Ударились объ закладъ.

козу отдалъ.»—А коза гдѣ? «За кошелёкъ пошла.»—А кошелёкъ гдѣ? «За перевозъ взяли.»—Ну, слава Богу, что самъ-то назадъ воротился! Раздѣвайся скорѣй да садись за столъ, пообѣдай; чай, давно проголодался? О волахъ не кручинься: нѣтъ воловъ — и заботы у насъ не будетъ! Мужикъ сѣлъ за столъ и кричитъ: «эй, атаманъ! ступай въ хату; ну что—слышалъ? правда моя?»—Правда, землякъ! сказалъ атаманъ, вздохнувши; Богъ съ тобой, забирай всѣ двѣнадцать фуръ и съ солью, и съ волами. Вотъ такъ-то и разбогатѣлъ мужикъ, и сталъ себѣ жить-поживать да добра наживать.

15.

ПРАВДА И КРИВДА. [1])

а. Были два брата: одинъ богатой, другой бѣдной. Богатой сдѣлалъ пирушку, позвалъ гостей, позвалъ и брата. Братъ пришелъ всѣхъ нàперво [2]); послѣ него начали собираться гости. Когда набралось ихъ много, хозяинъ началъ подвигать своего брата ниже; говоритъ ему: «поди-ка ты, братъ, пониже!» Братъ подвигался-подвигался, и додвинулся до самыхъ дверей; больше ужь и мѣста нѣтъ! А гостей все прибываетъ... Говоритъ наконецъ богатой бѣдному: «поди-ка ты къ чорту, дай другимъ мѣсто!» Бѣдной братъ вышелъ на улицу и побѣжалъ нà рѣку. Ходитъ по берегу мельникъ; бѣдной его и спрашиваетъ: «скажи, гдѣ чортъ живетъ?» Тотъ отвѣчаетъ: «вонъ, поди-скочи въ бучило!» [3]) Вотъ бѣдной туда скочилъ, и объявился [4]) въ избѣ—въ той избѣ никого нѣтъ. Онъ запалъ [5]) тута, чтобъ его не видно было, и сидитъ себѣ смирно да тихо.

---

[1]) См. вып. I, № 10, и вып. V, № 13. [2]) Прежде. [3]) Мѣсто внизу мельничныхъ колесъ (Дополн. къ Опыту обл. велик. словаря, стр. 14). [4]) Очутился. [5]) Спрятался.

Скоро собрались въ избу бѣсёнки; собрались и стали промежъ себя похваляться. Одинъ хромой говоритъ: «я мельницу прорылъ — ни зà что ее не укрѣпить!» А другіе ему въ отвѣтъ: «какъ не укрѣпить? мельникъ укрѣпитъ!»—Чѣмъ? «Онъ накладетъ терновнику да шиповнику; тѣмъ дѣло и устроитъ!» Мужикъ слушаетъ ихъ рѣчи... Когда бѣси убѣжали изъ избы, а мужикъ остался одинъ—онъ тотчасъ выскочилъ оттуда, вынырнулъ изъ-подъ воды и очутился на-верху. Мельникъ все по берегу ходитъ, не знаетъ-не вѣдаетъ—чѣмъ укрѣпить мельницу. Бѣдной говоритъ: «награди меня, я укрѣплю твою мельницу.»—Возьми, что угодно; хоть цѣлой возъ денегъ дамъ, только укрѣпи пожалуста! «Натаскай терновника да шиповника; тѣмъ и устроишь!» Мельникъ тотчасъ набилъ сваи, накидалъ терновнику, набросалъ шиповнику, сверху землей заровнялъ—и укрѣпилъ мельницу; а мужику цѣлой возъ денегъ насыпалъ. Бѣдной увёзъ деньги домой; надо въ кладовую таскать, а не въ чемъ. Вотъ онъ посылаетъ своего сына къ богатому брату и наказываетъ попросить у него четуху [1]). Богатой спрашиваетъ: «на что четуху?» — Деньги изъ телеги въ кладовую носить. «Какія тамъ деньги? что вы смѣетесь надо мной — что ли? у васъ денегъ николи не водилось!» и нè далъ четухи. Мальчикъ пришелъ безо всего и говоритъ отцу: «дядя нè далъ четухи, сказываетъ: на что вамъ!» Отецъ посылаетъ сына въ другой разъ: «поди еще, да хорошенько попроси.» Мальчикъ опять къ дядѣ: «дай, говоритъ, четуху; надо деньги таскать.» Богатой дивится, не вѣритъ: «ступай, я самъ принесу!» Приноситъ къ бѣдному брату четуху, увидалъ полной возъ денегъ, и сталъ спрашивать: «скажи, братъ, гдѣ взялъ монету? Гляди-ка, у тебя её цѣлые вороха набросаны!»—А помнишь, какъ ты послалъ меня къ чорту? Вотъ я къ чорту сходилъ, и добро получилъ. Богатому забѣдно [2]) стало, пошелъ искать чорта.

---

[1]) Четверикъ. [2]) Завидно (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 59).

Прибѣжалъ на̀ рѣку; а мельникъ по берегу ходитъ да радуется, что укрѣпилъ свою мельницу. Спрашиваетъ его богатой: «гдѣ чортъ живетъ?»—Вонъ, поди въ бучило! Онъ бросился, и объявился въ избѣ. Начали бѣсёнки опять собираться въ избу и разговариваютъ промежъ себя: «вотъ мельникъ укрѣпилъ такѝ мельницу и терновникомъ, и шиповникомъ; теперь не разломать!» Хромой бѣсёнокъ сталъ говорить: «а что, братцы! не подслушиваетъ ли кто наши рѣчи?» Давай искать вездѣ, и нашли богатаго брата въ углу: «а! дакъ это ты переносишь наши рѣчи?» Взяли его-задавили и бросили въ омутъ.

b. Былъ-жилъ Макарка—такой счастливой на рыбу, что за̀ ночь по десяти ведеръ налавливалъ. Вдругъ то сдѣлалось, что совсѣмъ перестала рыба попадать. Макарка-Счастливой сейчасъ догадался, пошелъ на̀ рѣку ночевать и лёгъ подъ лодку. Пришли три чорта и хвастаются; одинъ чортъ говоритъ: «я вотъ у Макарки-Счастливаго всю рыбу отнялъ, не стала къ нему въ сѣти попадать.» Другой говоритъ: «я вотъ въ такомъ-то царствѣ всю воду остановилъ; и люди, и звѣри безъ воды помираютъ. А можно сдѣлать, что пойдетъ вода; надобно цѣпь сковать да на той цѣпи въ омутъ опуститься и отомкнуть жилу; только надо скорѣй вылѣзать оттудова, а то человѣкъ отъ воды захлебнется!» Третій говоритъ: «а я вотъ въ нѣкоторомъ царствѣ му̀чу царицу, въ ночь по три платья раздираю!» Макарка выслушалъ эти разговоры, и только убралѝсь черти — онъ вылѣзъ изъ-подъ лодки и пошелъ въ чужую сторону, гдѣ народъ безъ воды помираетъ; пришелъ въ ту землю и говоритъ народу: «хотите, я вамъ воду пущу?» Весь народъ возрадовался, началъ просить: «сдѣлай милость, пусти воду!» Сейчасъ доложили царю. Макарка-Счастливой велѣлъ сковать цѣпь во сто сажѐнъ. Сковали цѣпь съ крюкомъ и опустили Макарку въ омутъ; онъ отомкнулъ жилу—вода ударила, потекла, зашумѣла... а Макарку-Счастливаго назадъ выхватили. И скотина, и люди

—всѣ бѣгутъ къ водѣ! Царь пожаловалъ Макарку-Счастливаго, наградилъ его и деньгами, и селами. Послѣ того отправился Макарка въ иное государство, гдѣ чортъ у царя жену мучитъ; пришелъ прямо во дворецъ, и говоритъ царю: «хочешь, я то сдѣлаю, что чортъ перестанетъ царицу мучить?» Царь этому возрадовался: «сдѣлай милость! что хочешь — тебѣ заплачу.» Макарка-Счастливой велѣлъ сковать себѣ долбню въ двѣнадцать пудъ да желѣзную шапку, чтобъ было что на голову надѣвать. Настала ночь; надѣлъ Макарка желѣзную шапку, взялъ въ руки долбню и сѣлъ возлѣ царицыной спальни; а кругомъ дворца все солдаты стоятъ съ ружьями да съ пушками: какъ летитъ чортъ къ царицѣ—сейчасъ бьютъ въ него и палятъ, а убить не могутъ! Прилетѣлъ чортъ, увидалъ Макарку и говоритъ ему: «здорово, Макарка-Счастливой!»—Здорово, чортъ! «Пусти къ царицѣ.» — Нѣтъ, не пущу! давай напередъ стукнемъ одинъ другаго по разу. «Давай!» Вотъ кинули жребій: кому достанется прежде бить? и досталося прежде бить чорту. Какъ ударилъ чортъ Макарку-Счастливаго — тотъ пошатнулся; а Макарка ударилъ его—чортъ съ ногъ свалился, еле-еле въ себя пришелъ и полетѣлъ назадъ. На другую ночь принёсъ чортъ осьмину орѣховъ и началъ Макарку-Счастливаго орѣхами занимать, только-бъ къ царицѣ пустилъ. Вотъ они щёлкали-щёлкали орѣхи, и говоритъ чортъ Макаркѣ: «что-жъ ты меня не поподчуешь своими орѣхами?» А у Макарки-Счастливаго были въ карманѣ чугунные орѣхи: «изволь, у меня въ карманѣ есть!» Чортъ эти орѣхи во рту валялъ-валялъ, не могъ ни одного разгрызть; такъ и бросилъ! и говоритъ опять: «пусти къ царицѣ!» Макарка не пущаетъ: «давай, говоритъ, ударимся еще по разу!» — Давай! Ударилъ чортъ — Макарка наземь упалъ, а Макарка ударилъ—убилъ чорта до смерти. Царь пожаловалъ Макарку-Счастливаго, отдалъ за него дочь свою замужъ; зажилъ Макарка съ царевою дочкою—просто чудо!

(Записана въ тверской губерніи, зубцовскомъ уѣздѣ.)

е. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были въ одной деревнѣ два сосѣда—оба портные. Разъ согласились они и пошли вмѣстѣ въ иныя волости промышлять своимъ мастерствомъ. Пришли въ село, начали бабъ да мужиковъ обшивать, и заработали по двадцати рублевъ на брата. Собрались и пошли въ другую волость; тѣ-другіе разговоры и заспорили: чѣмъ лучше жить правдою или кривдою? «Дуракъ ты! забранился криводушной; видишь: баре, купцы да торговые люди умѣютъ кривить, такъ они за то въ сапогахъ ходятъ; а у насъ на деревнѣ, чай, знаешь старика Абрама: весь вѣкъ свой прожилъ правдою, а сапоговъ да хорошаго платья съ роду не нашивалъ!» Правдивой стоитъ на своемъ, не соглашается. Вотъ и ударились они объ закладъ, а уговоръ былъ такой: дойдти до перваго села и спросить у людей, чѣмъ лучше жить? коли скажутъ: правдою, то криводушной отдастъ правдивому свои двадцать рублевъ, а коли скажутъ: кривдою, то наоборотъ—пусть правдивой расплачивается. Пришли въ село и стали ходить по избамъ да спрашивать: «скажите, люди божіе, чѣмъ лучше жить правдою или кривдою?» Только кого ни пытаютъ, всѣ въ одно слово говорятъ: «нашли о чемъ спрашивать! кривдѣ вездѣ лучше, кривда въ сапогахъ ходитъ, а правда въ лаптяхъ!» Отдалъ правдивой криводушному свои деньги, и принялись по прежнему работать, бабъ, мужиковъ обшивать; заработали по тридцати рублевъ на брата и пошли въ третью волость. Дорогою тѣ-же разговоры; одинъ говоритъ: правда лучше; другой говоритъ: нѣтъ, кривда лучше! Поспорили и ударились объ закладъ на тридцать рублевъ. Дошли до села; кого ни спросятъ—всякъ одно твердитъ: «гдѣ ужь нынче правдой жить? правда-то въ лаптяхъ ходитъ, а кривда въ сапогахъ!» Проспорилъ правдивой криводушному весь заработокъ. Въ третій разъ выработали они по пятидесяти рублевъ на брата, и опять заспорили. Заспорили и рѣшили на томъ: если кто теперь

проспоритъ, у того и деньги взять, и глаза ему выкопать. Знамое дѣло, правдивой проспорилъ; криводушной взялъ у него пятьдесятъ рублевъ, выкопалъ ему глаза, оставилъ одного на дорогѣ, а самъ ушелъ домой. «Видно, и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ на свѣтѣ правды! сказалъ слѣпой; кривда меня перемогла; какъ мнѣ быть невидущему?» Побрёлъ ощупью и попалъ на тропинку; эта тропинка привела его до станка [1]). Тутъ нащупалъ онъ толстое дерево, взлѣзъ на самую верхушку и просидѣлъ до поздняго вечера. Какъ стемнѣло, пришелъ на то мѣсто старецъ, принёсъ вязанку дровъ, сбросилъ съ плечъ, и сказалъ: «Господи благослови!» Немного погодя пришелъ другой старецъ, а тамъ и третій; сбросили съ плечъ по вязанкѣ дровъ и также промолвили: «Господи благослови!» Потомъ развели они огонь, сѣли возлѣ костра и стали разговаривать. Одинъ говоритъ: «у нашего царя третій годъ какъ дочь больна; кто ее вылѣчитъ, за того царь отдастъ ее замужъ.» Другой говоритъ: «царевну просто вылѣчить; она заболѣла въ самой Троицынъ день. Подалъ ей за обѣдней попъ просвиру, она стала ѣсть и уронила подъ полъ крошку, ту крошку подхватила лягушка и съѣла; отъ того вся бѣда приключилася. Теперь коли въ Троицынъ день взять бычью кожу, помазать ее медомъ да положить подъ церковный полъ; лягушка сейчасъ вснолзетъ на кожу, полижетъ меду, станетъ гадовать [2]), и выронитъ просвирную крошку. Тогда только взять эту крошку, обмыть въ водѣ да скормить царевнѣ—царевна и поздоровѣетъ.» На другое утро стали старцы росой умываться, и говорятъ между собой: «какая сегодня славная роса! стòитъ ею разъ-другой помочить глаза —такъ и слѣпота пропадетъ!» Послѣ того старцы ушли, а слѣпой швецъ [3]) спустился съ дерева, умылся росою—и въ ту-жъ

---

[1]) Станокъ—избушка, выстроенная въ лѣсу, которая служитъ убѣжищемъ для рыболововъ, лѣсничихъ и охотниковъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 214).
[2]) Блевать (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 34). [3]) Портной.

минуту сталъ видѣть лучше прежняго, словно никогда и глазъ не терялъ. Прославилъ онъ Господа Бога и пошелъ въ тотъ городъ, гдѣ жила больная царевна. На Троицынъ день явился онъ къ царю, потребовалъ себѣ бычью кожу да меду, сдѣлалъ все, какъ сказывалъ старецъ, и вылѣчилъ царевну. Царь обрадовался и выдалъ за него свою дочь [1]).

16.

ЗЛАЯ ЖЕНА. [2])

«Батюшка, жениться хочу! матушка, жениться хочу!» говорилъ доброй молодецъ. — Женись, дитятко! И женился, выбралъ себѣ бабу длинную, чорную, косую; понравилась сатана

---

[1]) *Варіантъ:* «Вылѣчить Царевну можно. Въ такой-то горѣ лежитъ животворной крестъ; да гора-то велика, всеё не скопаешь. А здѣсь нужна смѣтка; на той на горѣ ростетъ береза, стóитъ только отмѣрить отъ березы двѣнадцать локтей на восходъ солнца, да и копать землю: тутъ онъ и лежитъ! Тѣмъ крестомъ надо благословить царевну—она совсѣмъ исцѣлѣетъ.» Портной выслушалъ эти рѣчи, досталъ животворной крестъ, и пошелъ въ то царство, гдѣ заклятая царевна людей пожирала. Три года и три мѣсяца шелъ онъ туда; наконецъ добрался и выпросился ночевать къ одному бѣдному мужичку. Вечеромъ стали метать жребій: кому идтить на съѣденіе къ царевой дочери? а она лежитъ въ гробу въ церкви и кажную ночь съѣдаетъ по человѣку. Жребій упалъ на того самаго бѣднаго мужичка, у котораго портной присталъ; пришли его брать, и поднялся въ домѣ вой да плачь: мать, жена, дѣти такъ слезами и заливаются — не приведи Богъ! «О чемъ вы плачете?» спрашиваетъ портной.—Какъ-же намъ не плакать? одинъ хозяинъ былъ, и тому досталось идти на съѣденіе. «Не тужите; я за него пойду. Одна голова не бѣдна, мнѣ все равно помирать!» Сказалъ и пошелъ въ церковь; какъ вошелъ туда, очертилъ вокругъ себя крестомъ, стоитъ да Богу молится. Ровно въ двѣнадцать часовъ встала царевна изъ гроба и кинулась къ нему. Портной поднялъ животворной крестъ и благословилъ ее три раза; царевна упала къ его ногамъ, и съ той минуты совсѣмъ исцѣлѣла. Поутру приходятъ сторожа кости убирать, а онъ живёхонекъ и царевна выздоровѣла. Царь на радостяхъ отдалъ за него дочь свою и много земель, много городовъ и селъ въ приданое.

[2]) См. вып. I, № 9, и вып. V, № 14.

лучше яснаго сокола, и пѣнять не на кого, самъ себѣ виноватъ! Живетъ съ нею, и кулакомъ слезы утираетъ. Пошелъ разъ на сходку, гдѣ судятъ да рядятъ; постоялъ тамъ, и воротился домой. «Что шлялся? спросила косая баба; что слышалъ?» —Да говорятъ: новой царь насталъ, новой указъ наслалъ, чтобъ жены мужьями повелѣвали. Онъ думалъ пошутить, а она и на усъ замотала. «Ступай, говоритъ, на рѣчку рубахи мыть, да возьми вѣникъ—хату подмети, да садь къ люлькѣ—дитя закачай, да щи, кашу свари, пироги замѣси!» Мужъ хотѣлъ было молвить: «что ты, баба! мужицкое-ли это дѣло?» да какъ взглянулъ на нее — холодомъ облило, языкъ къ горлу пристылъ. Потащилъ бѣлье, замѣсилъ пироги, хату вычистилъ, и ни чѣмъ не угодилъ. Прошелъ годъ, и другой; наскучило добру молодцу въ хомутѣ ходить, да чтодѣл ать? женился—на вѣкъ заложился! а вѣкъ-то, можетъ, надолго протянется... Съ горя выгадалъ выгадку. Была въ лѣсу яма глубокая, конца-дна не видать; взялъ онъ — заклалъ ее сверху палочками, затрусилъ соломкою; приходитъ къ женѣ и сказываетъ: «ты не знаешь, жена! какъ въ лѣсу-то кладъ есть—и звенитъ, и гремитъ, и золотомъ разсыпается, а въ руки никакъ не дается; я подошелъ было къ нему, носъ съ носомъ стоялъ, дакъ мнѣ не дался — посылай, говоритъ, жену!»—Ну, пойдемъ, пойдемъ! я возьму, а тебѣ шишъ! Пошли въ лѣсъ. «Тише, баба! тутъ провальная земля, отсюда кладъ выйдетъ.»—Ахъ ты, дурень мужикъ! всего боишься. Вотъ какъ я-то прыгну! Прыгнула на солому и провалилась въ яму. «Ну, ступай! молвилъ мужъ, я теперь отдохну.» Отдыхалъ онъ мѣсяцъ, и другой, а тамъ и скучно стало безъ косой. Выйдетъ въ лѣсъ, выйдетъ въ поле, подойдетъ къ рѣчкѣ — все объ ней думаетъ: «можетъ, стала она и тиха и смирна; дай-ка выну опять!» Навязалъ коробью, опустилъ подъ землю; слышитъ—сѣла, тянетъ вверхъ, вотъ и близко... глядитъ, анъ въ коробьѣ чертёнокъ сидитъ! Мужикъ испугался,

чуть веревки изъ рукъ не выпустилъ. Взмолился чертёнокъ, закричалъ ему въ слухъ: «вынь меня, мужичокъ! твоя жена всѣхъ насъ замучила, загопала. Повелишь что творить, стану тебѣ вѣчно служить; вотъ хоть сейчасъ побѣгу въ боярскіе хоромы, мигомъ заварю кашу, буду днемъ и ночью стучать да бояръ выживать; а ты скажись знахаремъ, прійди, закричи на меня—а выскочу и уйду. Ну, ты и греби деньги лопатою!» Мужикъ вытащилъ коробью; чертёнокъ выпрыгнулъ, отряхнулся — и поминай какъ звали! Въ тотъ-же день въ боярскомъ дому все пошло наизворотъ. Стали искать доку; доброй мόлодецъ вызвался докою, выгналъ чорта, и получилъ плату хорошую. Скоро пронесся слухъ, что у князя во дворцѣ, въ высокомъ теремѣ завелись домовые и не даютъ княжнамъ покою. Изъ конца въ конецъ разослали по всей землѣ гонцовъ звать-собирать знахарей. Со всѣхъ царствъ сóбрали—нѣтъ проку, домовые стучатъ и гремятъ. Пришелъ и нашъ дока, узналъ стараго знакомаго, сталъ на чертёнка и кричать и плевать; чертёнокъ и не думаетъ бѣжать, полюбилось ему въ княжемъ терему жить. «Погоди-жъ, когда такъ! закричалъ дока; эй, косая баба! подь сюда.» Тутъ чертёнокъ не высидѣлъ и со всѣхъ ногъ махнулъ изъ-за печки вонъ. Докѣ честь, докѣ слава, дока деньги гребетъ; но не даромъ говорятъ, что и въ самомъ раю тошно жить одному. Сгрустнулось добру мόлодцу, и пошелъ опять косую искать. Навязалъ коробью и опустилъ въ яму; баба сѣла, онъ и потащилъ ее къ верху. Вотъ ужь близко! баба вверхъ подымается, а сама зубомъ скрипитъ да кулаками грозитъ. Со страстей затряслись у мужика руки, сорвалась коробья — и загремѣла косая баба по прежнему въ адъ.

17.

ВѢДЬМА [1]).

а. Якъ бувъ соби дидъ да баба, а у ихъ малѐнькій сынокъ Ивашко. Довго просивъ Ивашко батька, щобъ винъ зробывъ ёму човничокъ да пустывъ плавать по озеру; да все Ивашко бувъ малый, ёго боялись пустыть одного. А якъ Ивашко подри(о)съ, уже минувъ ёму десятый годъ, тоди батько зробывъ човничокъ, а маты пишла съ Ивашкомъ до озера, отпустыла ёго на воду, и обищалась навидувать всякій тыждень [2]). Бувало, якъ наступить пьятинка, маты прійде къ берегу и заспивае: «Ивашечку, Ивашечку! приплынь, приплынь до бережка; бо я тоби принесла јисты-пыты и сороченьку биле̇нькую.» Ивашко скаже човничку: «плывы, плывы, човничку, до бережка; це моя маты!» Човничокъ приплыве, маты дасть сынку јисты й пыты, надине на ёго билѐньку сорочку, и опьять отпустыть човничокъ въ воду. Такъ вона навищала Ивашка, а видьма усе чула, ховавшись у кустахъ биля того миста, куды приплывавъ човничокъ. Видьма хотила съјисты Ивашка, и на другу пьятницю прійшла раньше матыри Ивашкиной и заспивала: «Ивашечку, Ивашечку! приплынь, приплынь до бережка; бо я тоби принесла јисты-пыты и сороченьку билѐнькую.» Да заспивала грубымъ голосомъ, такъ що Ивашко узнавъ нематерыньскій голосъ, и каже човничку: «плывы, плывы отъ бережка, бо це прійшла не моя маты.» Човничокъ отплывъ. Тоди видьма побигла до коваля и просить ёго: «ковалю, ковалю! зробы мини такій голосъ, якъ у Ивашкиной матыри.» Коваль зробывъ јій такій голосъ, и вона на другу пьятницю опьять пишла раненько

---

[1]) См. вып. I, № 4, вып. 2, стр. 112—117, и въ этомъ выпускѣ №№ 18, 19 и 20. [2]) Недѣля.

до бережка и заспивала тонѐнькимъ голоскомъ: «Ивашечку, Ивашечку! приплынь, приплынь до бережка; бо я тоби принесла јисты-пыты и сороченьку бѣлѐнькую.» Ивашко не узнавъ уже, що це була не ёго маты, и сказавъ човничку, щобъ винъ приплывъ до бережка. Видьма схапала ёго и потащыла до себе, приказала Маруси дочьци сжарить Ивашка, а сама побигла скликать гостей. Маруся узяла лопату, що въ пичку хлибъ сажають, и каже: «сядь, Ивашку, на лопату.» Ивашко сивъ, да не такъ, якъ вона хоче. Маруся толкуе, якъ треба систы, а винъ усе якъ-будто не понимае и просить Марусю: «сядь сама, каже, покажи мини.» Маруся сила, а винъ јiи въ пичку—вона и сжарилась. Самъ выбигъ изъ хаты, взлизъ на дерево да-й сидыть. Прійшла видьма съ гостями, стукае въ двери и кричить: «Марусю, Марусю! отчини двери.» А Маруся не чуе. «Видно, суча дочка пишла на досвитки — гулять съ дивчатами да съ парубками, или до подругъ пишла — косу у ленты заплитать.» Стукала-стукала и у двери, и у окна, да-й выладыла [1]) окно, пролизла въ хату, отчинила двери и ввела гостей. Дывитця — въ печи жарена Маруся, подала на столъ гостямъ и просить јисты. Отъ и гости и сама видьма, најившись того мясця, выйшли изъ хаты на траву покататьця, легли и кричать: «покатимся повалимся, Ивашкиного мясця најившись!» А Ивашко съ дерева: «покатитесь, повалитесь, Марушиного мясця најившись!» Видьма чуе голосъ, да не бачить —видкиль винъ? Опьять: «покатимся, повалимся, Ивашкиного мясця најившись!» А Ивашко: «покатитесь, повалитесь, Марусиного мясця најившись!» Видьма побачила Ивашка и давай гризты дерево подъ Ивашкомъ; гризла-гризла, переломала уси зубы и побигла къ ковалю, щобъ винъ зробывъ јiй желизни зубы; прійшла назадъ и опьять начала гризты. Догризла до середины; въ то время гусы литять. Ивашко заголосивъ:

---

[1]) Вынула, выставила.

«гусы мои-гусенята, визьмить мене на крылята, отнесить мене до батеньки; у ёго есть много добра, есть що јисты и пыты.» А гусы ёму: «нехай тебе задни визьмуть!» Прилитили и ти; винъ и ихъ просить, но и воны сказали: «нехай тебе визьмуть ти, що ззади литать». Прилитили и задни, взяли Ивашка и отнесли къ батькови и матыри, посадыли на крышу хаты, а сами тутъ-же сили. Тоди баба напекла пироговъ и дилить: «цей тоби, диду, а цей мини!» а Ивашко съ крыши: «а мини?» Баба дывитцa, дывитця—ничого не бачить. Опьять: «цей тоби, диду, а цей мини!» а Ивашко съ крыши: «а мини?» Выйшла баба изъ хаты, глядь — а Ивашко сидыть на крыши; вотъ ёго заразъ сняли съ крыши, а гусей накормили овсомъ, пшеницею, напоили, и пустыли литить дальше. Ивашко остався дома, и теперь живе-хлибъ жуе и добромъ гусей вспоминае.

b. Въ нѣкоторой деревнѣ жилъ старикъ со старухой; дѣтей у нихъ не было. Однажды старикъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами; это было зимою. Старикъ нарубилъ дровъ, сколько нужно было, да срубилъ еще лутошку. Пріѣхалъ домой, дрова на дворѣ оставилъ, а лутошку въ избу принесъ и положилъ въ подпечекъ. На третій день что-то въ подпечкѣ зашумѣло, а потомъ кричитъ: «тятя! мама! выньте меня.» Старикъ со старухой испугались; да слышатъ и въ другой разъ тотъ-же голосъ: «тятя! мама! выньте меня»; старикъ поглядѣлъ въ подпечекъ, и увидѣлъ тамъ небольшаго мальчика. Вынулъ его оттуда, показалъ старухѣ, и назвали его Лутонькою, стали его и кормить и поить. Пришло лѣто, сталъ мальчикъ промышлять рыбною ловлею, и тѣмъ промысломъ кормилъ старика со старухою. Старуха бывало прійдетъ къ нему на ловлю и кричитъ [1]) его: «Лутонь, Лутонь, Лутонюшка! пригрянь, пригрянь ко бережку, а я тебѣ дамъ пирожка съ начинкою.» Лутоня какъ заслышитъ голосъ матери — и подъѣзжаетъ къ берегу; отъ

[1]) Зоветъ.

матери беретъ кусокъ пирога, а ей даетъ рыбу. Однажды подгладѣла это ягая-баба, пришла къ тому мѣсту и начала его манить къ себѣ такими-же словами, какъ и мать кликала; Лутонюшка услыхалъ толстой голосъ ягой-бабы и сказалъ ей въ отвѣтъ: «нѣтъ, не матушкинъ голосъ, очень толстъ! поди языкъ поточи!» Съ тѣмъ ягая-баба и отправилась. Послѣ того приходитъ туда-же старуха, его мать названная, и начала манить: «Лутонь, Лутонь, Лутонюшка! пригрянь, пригрянь ко бережку, а я тебѣ дамъ пирожка съ начинкою.» Лутонька услыхалъ материнъ голосъ, подъѣхалъ къ берегу, взялъ у нея пирогъ, а ей рыбу отдалъ. Старуха ушла, а ягая-баба выточила свой языкъ на точилѣ, и немного погодя, прибѣжала на берегъ и стала манить Лутонюшку. Лутонька не узналъ ея голоса, подумалъ, что мать его зоветъ, подъѣхалъ къ берегу; ягая-баба схватила его и утащила въ свою избу. У ягой-бабы было три дочери. Она приказала бóльшей дочери истопить избу жарко-жарко да Лутоньку ожарить, а сама ушла въ поле гулять. Бóльшая дочь истопила избу, привела Лутоньку и велѣла ему садиться на лопату. Лутонька былъ не плохъ, началъ отговариваться, что не знаетъ-не вѣдаетъ, какъ сѣсть на лопату: «покажи, проситъ, какъ надо садиться!» Дочка ягой-бабы сѣла на лопату, а Лутонька взялъ лопату за черенъ [1]) и сунулъ ее въ печь, а самъ залѣзъ на полдовку. Приходитъ ягая-баба и спрашиваетъ Лутоньку; дочери вынули изъ печи свою сестру и подали матери; она ее и скушала. Вышла на дворъ и говоритъ: «покатаюсь, поваляюсь на Лутонькиныхъ косточкахъ!» а Лутонька сидитъ на полдовкѣ да себѣ говоритъ: «покатайся, поваляйся на дочериныхъ косточкахъ!» Ягая-баба увидѣла Лутоньку и закричала: «какъ ни встану, а достану тебя, Лутонька!» Достала Лутоньку и отдала дочерямъ, приказала его ожарить, а сама опять ушла. Дочери истопили избу; середняя хотѣла посадить Лутоньку на лопату,

[1]) Рукоятка.

но онъ обманулъ ее и сунулъ самоё въ печь. Тоже сдѣлалъ онъ и съ младшею. Ягая-баба пришла домой, стала звать дочерей; нѣтъ никого. Вынула сама жареное и съѣла, потомъ вышла на дворъ и говоритъ: «покатаюсь, поваляюсь на Лутонькиныхъ косточкахъ!» А Лутонька съ полдовки отвѣчаетъ: «покатайся, поваляйся, дура, на дочернихъ косточкахъ!» Ягаябаба увидѣла его, осердилась и хотѣла достать. Лутонька закричалъ жалобнымъ голосомъ: «ахъ вы, гуси! ахъ вы, лебеди! прилетите ко мнѣ, вырвите по перушку.» Гуси-лебеди прилетѣли, вырвали у себя по перушку, сдѣлали два крылушка и дали Лутонюшкѣ; Лутонька взялъ и улетѣлъ отъ ягой-бабы къ отцу, къ матери, и сталъ вмѣстѣ съ ними жить-поживать, да рыбку изъ воды таскать.

(Записана въ саратовской губерніи К. А. Гуськовымъ.)

18.

КНЯЗЬ ДАНИЛА-ГОВОРИЛА.

Жила-была старушка-княгиня; у нея росли сынъ да дочь — такіе дородные, такіе хорошіе. Не по нутру они были злой вѣдьмѣ; какъ-бы ихъ извести, да до худа довести? думала она и придумала; скинулась такой лисой, пришла къ ихъ матери и говоритъ: «кумушка голубушка! вотъ тебѣ перстенёкъ, надѣнь его на пальчикъ твоему сынку, съ нимъ будетъ онъ и богатъ и тороватъ, только бы не снималъ и женился на той дѣвицѣ, которой мое колечко будетъ по ручкѣ!» Старушка повѣрила, обрадовалась, и умирая наказала сыну взять за себя жену, которой перстень годится.

Время идетъ, а сынокъ ростетъ. Выросъ и сталъ искать невѣсту; понравится одна, приглянется другая, а колечко помѣряютъ—или мало, или велико; ни той, ни другой не годится.

Ѣздилъ-ѣздилъ и по селамъ, и по городамъ, всѣхъ красныхъ дѣвушекъ перебралъ, а суженой себѣ не сыскалъ; пріѣхалъ домой и задумался. «О чемъ ты, братецъ, кручинишься?» спрашиваетъ его сестра. Открылъ онъ ей свое бездолье, разсказалъ свое горе. «Что-жъ это за мудрёной перстенёкъ? говоритъ сестра; дай я помѣряю.» Вздѣла на пальчикъ — колечко обвилось, засіяло, пришлось по рукѣ, какъ для ней нарочно вылито. «Ахъ, сестра, ты моя суженая, ты мнѣ будешь жена!» — Что ты, братъ! вспомни Бога, вспомни грѣхъ, женится-ль на сестрахъ? Но братъ не слушалъ, плясалъ отъ радости, и велѣлъ сбираться къ вѣнцу. Залилась она горькими слезами, вышла изъ свѣтлицы, сѣла на порогѣ и рѣка-рѣкой льётся! Идутъ мимо старушки прохожія; зазвала ихъ накормить, напоить. Спрашиваютъ онѣ: что ей за печаль, что за горе? Нечего было таить; разсказала имъ все. «Ну, не плачь-же ты, не горюй, а послушайся насъ: сдѣлай четыре куколки, разсади по четыремъ угламъ; станетъ братъ звать подъ вѣнецъ — иди, станетъ звать въ свѣтлицу — не торопись. Надѣйся на Бога, прощай!» Старушки ушли. Братъ съ сестрой обвѣнчался, пошелъ въ свѣтлицу и говоритъ: «сестра Катерина, иди на перины!» Она отвѣчаетъ: «сейчасъ, братецъ! серёжки сниму». А куколки въ четырехъ углахъ закуковали:

Куку, князь Данила!
Куку, Говорила!
Куку, сестру свою
Куку, за себя беретъ.
Куку, разступись земля,
Куку, провались сестра!

Земля стала разступаться, сестра проваливаться. Братъ кричитъ: «сестра Катерина, иди на перины!» — Сейчасъ, братецъ! поясокъ развяжу. Куколки кукуютъ:

Куку, князь Данила!
Куку, Говорила!

Куку, сестру свою
Куку, беретъ за себя.
Куку, разступись земля,
Куку, провались сестра!

Уже остается одна голова видна. Братъ опять зоветъ: «сестра Катерина, иди на перины!» — Сейчасъ, братецъ! башмачки сниму. Куколки кукуютъ, и скрылась она подъ землей.

Братъ зоветъ еще, зоветъ громче—нѣту! разсердился, прибѣжалъ, хлопнулъ въ двери — двери слетѣли, глянулъ на всѣ стороны — сестры какъ не бывало; а въ углахъ сидятъ однѣ куклы да знай себѣ кукуютъ: «разступись земля, провались сестра! Схватилъ онъ топоръ, порубилъ имъ головы и побросалъ въ печь.

А сестра шла, шла подъ землею, видитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, стоитъ-перевертывается. «Избушка, избушка! стань ты по старому къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ.» Избушка стала, двери отворились. Въ избушкѣ сидитъ дѣвица красная, вышиваетъ ширинку серебромъ и золотомъ. Встрѣла гостью ласково, вздохнула и говоритъ: «душечка, сеструшечка! рада я тебѣ сердечно, и привѣчу тебя и приголублю, пока матери нѣтъ; а прилетитъ, тогда бѣда и тебѣ и мнѣ; она у меня вѣдьма!» Испугалась гостья такихъ рѣчей, а дѣваться некуда, сѣла съ хозяйкой за ширинку; шьютъ да разговариваютъ. Долго ли, коротко ли, хозяйка знала время, знала—когда мать прилетитъ, обратила гостью въ иголочку, заложила въ вѣничекъ, поставила въ уголокъ. Только она ее прибрала, вѣдьма шасть въ двери: «дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнетъ.» — Матушка-сударыня! шли прохожіе, да зашли водицы напиться. «Что-жъ ты ихъ не оставила?»—Стары, родимая, не по твоимъ зубамъ. «Вперёдъ гляди—на дворъ всѣхъ зазывай, со двора никого не пускай; а я, поднявши лытки, пойду опять

на раздобытки.» Ушла; дѣвушки сѣли за ширинку, шили, говорили и посмѣивались. Прилетѣла вѣдьма; нюхъ, нюхъ по избѣ: «дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнетъ!» — Вотъ только заходили старички руки погрѣть; оставляла, не остались. Вѣдьма была голодна, пожурила дочь, и опять улетѣла. Гостья отсидѣлась въ вѣничкѣ. Скорѣе принялись дошивать ширинку; и шьютъ, и поспѣшаютъ, и сговариваются: какъ-бы уйдти отъ бѣды, убѣжать отъ лихой вѣдьмы? Не успѣли переглянуться, перешепнуться, а она къ нимъ въ двери, легка на поминѣ, запопала въ расплохъ: «дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнетъ?» — А вотъ, матушка, красная дѣвица тебя дожидаетъ. Красная дѣвица глянула на старуху и обмерла! Передъ ней стояла баба-яга, костяная нога, носъ въ потолокъ вросъ. «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! топи печь жарко-жарко!» Наносили дровъ и дубовыхъ и кленовыхъ, разложили огонь, пламя изъ печи бьётъ. Вѣдьма взяла лопату широкую, стала гостью подчивать: «садись-ка, красавица, на лопату». Красавица сѣла. Вѣдьма двинула ее въ устье, а она одну ногу кладетъ въ печь, а другую на печь. «Что ты, дѣвушка, не умѣешь сидѣть; сядь хорошенько!» Поправилась, сѣла хорошенько; вѣдьма ее въ устье, а она одну ногу въ печь, а другую подъ печь. Озлилась вѣдьма, выхватила ее назадъ. «Шалишь, шалишь, молодушка! сиди смирно, вотъ такъ; гляди на меня!» Шлёпъ сама на лопату, вытянула ножки; а дѣвицы поскорѣй ее въ печь, посадили, заслонками закрыли, колодами завалили, замазали и засмолили, а сами пустились бѣжать, взяли съ собой шитую ширинку, щетку и гребенку. Бѣжали-бѣжали, глядь назадъ, а злодѣйка выдралась, увидала ихъ и посвистываетъ: «гай, гай, гай, вы тамъ-то!» Что дѣлать? бросили щетку — выросъ тростникъ густой-густой: ужъ не проползетъ. Вѣдьма распустила когти, прощипала дорожку, нагоняетъ близко... Куда дѣваться? бро-

сили гребенку—выросла дуброва темная-темная: муха не пролетитъ. Вѣдьма наострила зубы, стала работать; что ни хватитъ, то дерево съ корнемъ вонъ! пошвыриваетъ на всѣ стороны, расчистила дорожку, и нагоняетъ опять... вотъ близко! Бѣжали-бѣжали, а бѣжать некуда, выбились изъ силъ! Бросили ширинку златошвейную—разлилось море широкое, глубокое, огненное; поднялась вѣдьма высоко, хотѣла перелетѣть, пала въ огонь и сгорѣла.

Остались двѣ дѣвицы, безпріютныя голубицы; надо идти, а куда? — не знаютъ. Сѣли отдохнуть. Вотъ подошелъ къ нимъ человѣкъ, спрашиваетъ: кто онѣ? и доложилъ барину, что въ его владѣньяхъ сидятъ не двѣ пташки залетныя, а двѣ красавицы намалеваныя — одна въ одну родествомъ и дородствомъ, бровь въ бровь, глазъ въ глазъ; одна изъ нихъ должна быть ваша сестрица, а которая? угадать нельзя. Пошелъ баринъ поглядѣть, зазвалъ ихъ къ себѣ. Видитъ — сестра его здѣсь, слуга не совралъ, но которая? ему не узнать; она сердита—не скажется; что дѣлать? «А вотъ что, сударь! налью я бараній пузырь крови, положите его себѣ подъ мышку, разговаривайте съ гостьми, а я подойду и хвачу васъ ножемъ въ бокъ; кровь польётся, сестра объявится!» — Хорошо! Вздумали—сдѣлали: слуга хватилъ барина въ бокъ, кровь брызнула; братъ упалъ, сестра кинулась обнимать его, и плачетъ и причитываетъ: «милой мой, ненаглядной мой!» А братъ вскочилъ ни горѣлой, ни болѣлой, обнялъ сестру и отдалъ ее за хорошаго человѣка; а самъ женился на ея подругѣ, которой и перстенёкъ пришелся по ручкѣ, и зажили всѣ припѣваючи.

(Эта и двѣ слѣдующія сказки записаны въ курской губерніи.)

19.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ.

Жили старичокъ со старушкою; у нихъ была дочка да сынокъ маленькой. «Дочка, дочка! говорила мать; мы пойдемъ на работу, принесемъ тебѣ булочку, сошьемъ платьеце, купимъ платочекъ; будь умна, береги братца, не ходи со двора.» Старшіе ушли, а дочка забыла, что ей приказывали: посадила братца на травкѣ подъ окошкомъ, а сама побѣжала на улицу, заигралась, загулялась. Налетѣли гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крылушкахъ.

Пришла дѣвочка, глядь — братца нѣту! ахнула, кинулась, туда-сюда—нѣту! Кликала, заливалась слезами, причитывала, что худо будетъ отъ отца и матери, — братецъ не откликнулся! Выбѣжала въ чистое поле; метнулись вдалекѣ гуси-лебеди и пропали за темнымъ лѣсомъ. Гуси-лебеди давно себѣ худую славу нажили, много шкодили и маленькихъ дѣтей крадывали; дѣвочка угадала, что они унесли ея братца, бросилась ихъ догонять. Бѣжала, бѣжала, стоитъ печка. «Печка, печка! скажи, куда гуси полетѣли?» — Съѣшь моего ржанаго пирожка, скажу. «О, у моего батюшки пшеничные не ѣдятся!» Печь не сказала. Побѣжала дальше, стоитъ яблонь. «Яблонь, яблонь! скажи, куда гуси полетѣли?» — Съѣшь моего лѣснаго яблочка, скажу. «О, у моего батюшки и садовыя не ѣдятся!» Побѣжала дальше, стоитъ молочная рѣчка, кисельные берега. «Молочная рѣчка, кисельные берега! куда гуси полетѣли?» —Съѣшь моего простаго киселика съ молокомъ, скажу. «О, у моего батюшки и сливочки не ѣдятся!» И долго бы ей бѣгать по полямъ да бродить по лѣсу, да къ счастью попался ёжъ; хотѣла она его толкнуть, побоялась наколоться, и спрашива-

етъ: «ёжикъ, ёжикъ! не видалъ ли, куда гуси полетѣли?» —Вонъ туда-то! указалъ. Побѣжала—стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, стоитъ-поворачивается. Въ избушкѣ сидитъ баба-яга, морда жилиная, нога глиняная; сидитъ и братецъ на лавочкѣ, играетъ золотыми яблочками. Увидѣла его сестра, подкралась, схватила и унесла; а гуси за нею въ погоню летятъ; нагонятъ злодѣи, куда дѣваться? Бѣжитъ молочная рѣчка, кисельные берега. «Рѣчка-матушка, спрячь меня!»—Съѣшь моего киселика? Нечего дѣлать, съѣла. Рѣчка ее посадила подъ бережокъ, гуси пролетѣли. Вышла она, сказала: спасибо! и опять бѣжать съ братцемъ; а гуси воротились, летятъ на встрѣчу. Что дѣлать? бѣда! Стоитъ яблонь. «Яблонь, яблонь-матушка, спрячь меня!» —Съѣшь мое лѣсное яблочко! Поскорѣй съѣла. Яблонь ее заслонила вѣточками, прикрыла листиками; гуси пролетѣли. Вышла и опять бѣжать съ братцемъ, а гуси увидѣли, да за ней; совсѣмъ налетаютъ, ужь крыльями бьютъ, того и гляди—изъ рукъ вырвутъ! Къ счастью на дорогѣ печка. «Сударыня-печка, спрячь меня!» — Съѣшь моего ржанаго пирожка! Дѣвушка поскорѣй пирожокъ въ ротъ, а сама въ печь, сѣла въ устьецо. Гуси полетали-полетали, покричали-покричали, и ни съ чѣмъ улетѣли. А она прибѣжала домой, да хорошо еще, что успѣла прибѣжать, а тутъ и отецъ и мать пришли.

20.

ТЕРЕШИЧКА.

Худое житье было старику со старухою! вѣкъ они прожили, а дѣтей не нажили; съ-молоду еще перебивались такъ-сякъ; состарѣлись оба, напиться подать некому, и тужу(а)тъ и плачутъ. Вотъ сдѣлали они колодочку, завернули ее въ пеленочку, положили въ люлечку, стали качать да прибаюкивать—

и вмѣсто колодочки сталъ рость въ пеленочкахъ сынокъ Терешичка, настоящая ягодка! Мальчикъ росъ-подростал, въ разумъ приходилъ. Отецъ ему сдѣлалъ челночокъ. Терешичка поѣхалъ рыбку ловить; а мать ему и молочко и творожокъ стала носить. Придетъ бывало на берегъ и зоветъ: «Терешичка, мой сыночекъ! плыви, плыви къ бережечку; я мать пришла, молока принесла.» Терешичка далеко услышитъ ея голосокъ, подъѣдетъ къ бережку, высыпитъ рыбку, напьётся-наѣстся, и опять поѣдетъ ловить. Одинъ разъ мать говорила ему: «сыночекъ, милочка! будь остороженъ, тебя караулитъ вѣдьма Чувилиха; не попадись ей въ когти.» Сказала и пошла. А Чувилиха пришла къ бережку и зоветъ страшнымъ голосомъ: «Терешичка, мой сыночекъ! плыви, плыви къ бережечку; я мать пришла, молока принесла.» А Терешичка распознал и говоритъ: «дальше, дальше, мой челночокъ! это не родимой матушки голосокъ, а злой вѣдьмы Чувилихи.» Чувилиха услышала, побѣжала, доку сыскала, и добыла себѣ голосокъ, какъ у Терешичкиной матери. Пришла мать, стала звать сына тоненькимъ голоскомъ: «Терешичка, мой сыночекъ! плыви, плыви къ бережечку.» Терешичка услышалъ и говоритъ: «ближе, ближе, мой челночокъ! это родимой матушки голосокъ.» Мать его накормила, напоила, и опять за рыбкой пустила. Пришла вѣдьма Чувилиха, запѣла выученнымъ голоскомъ, точь въ точь родимая матушка. Терешичка обознался, подъѣхалъ; она его схватила, да въ куль, и помчала. Примчала въ избушку на курьихъ ножкахъ, велѣла дочери его сжарить; а сама, поднявши лытки, пошла опять на раздобытки. Терешичка былъ мужичокъ-не дурачокъ, въ обиду дѣвкѣ не дался, вмѣсто себя посадилъ ее жариться въ печь, а самъ взобрался на высокой дубъ.

Прибѣжала Чувилиха, вскочила въ избу, напилась-наѣлась, вышла на дворъ, катается-валяется и приговариваетъ:

«покатаюсь я, поваляюсь я, Терешичкинаго мяса наѣвшись!» А онъ ей съ дуба кричитъ: «покатайся, вѣдьма, поваляйся, вѣдьма, своей дочери мяса наѣвшись!» Услышала она, подняла голову, раскинула глаза на всѣ стороны—нѣтъ никого! Опять затянула: «покатаюсь я, поваляюсь я, Терешичкинаго мяса наѣвшись!» А онъ отвѣчаетъ: «покатайся, поваляйся, вѣдьма, своей дочери мяса наѣвшись!» Испугалась она, глянула и увидѣла его на высокомъ дубу. Вскочила, бросилась къ кузнецу: «кузнецъ, кузнецъ! скуй мнѣ топорокъ». Сковалъ кузнецъ топорокъ и говоритъ: «не руби-же ты остріемъ, а руби обухомъ». Послушалась, стучала-стучала, рубила-рубила, ничего не сдѣлала. Припала къ дереву, впилась въ него зубами, дерево затрещало. По небу летятъ гуси-лебеди; Терешичка видитъ бѣду, видитъ гусей-лебедей, взмолился имъ, сталъ ихъ упрашивать:

Гуси-лебеди! возьмите меня,
Посадите меня на крылушки,
Донесите меня къ отцу, къ матери;
Тамъ васъ накормятъ-напоятъ.

А гуси-лебеди отвѣчаютъ: «ка-га! вонъ летитъ другое стадо поголоднѣе насъ, оно тебя возьметъ-донесетъ». А вѣдьма грызетъ, только щепки летятъ, а дубъ трещитъ да шатается. Летитъ другое стадо. Терешичка опять кричитъ: «гуси-лебеди! возьмите меня, посадите меня на крылушки, донесите меня къ отцу, къ матери; тамъ васъ накормятъ-напоятъ».—Ка-га! отвѣчаютъ гуси, за нами летитъ защипанной гусенёкъ, онъ тебя возьметъ-донесетъ. Гусенёкъ не летитъ, а дерево трещитъ да шатается. Вѣдьма погрызетъ, погрызетъ, взглянетъ на Терешичку—оближется, и опять примется за дѣло; вотъ, вотъ къ ней свалится! По счастью летитъ защипанной гусенёкъ, крылушками махаетъ, а Терешичка-то его проситъ, ублажаетъ: «гусь-лебедь ты мой! возьми меня, посади меня на

крылушки, донеси меня къ отцу, къ матери; тамъ тебя накормятъ-напоятъ, и чистой водицей обмоютъ». Сжалился защипанной гусенёкъ, подставилъ Терешичкѣ крылушки, встрепенулся и полетѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Подлетѣли къ окошечку роднмаго батюшки, сѣли на травкѣ. А старушка напекла блиновъ, созвала гостей, поминаетъ Терешичку и говоритъ: «это тебѣ, гостёкъ, это тебѣ, старичокъ, а это мнѣ блинокъ!» А Терешичка подъ окномъ отзывается: «а мнѣ?»—Погляди-ка, старичокъ! кто тамъ проситъ блинокъ? Старикъ вышелъ, увидѣлъ Терешичку, обхватилъ его, привёлъ къ матери — пошло обниманье! А защипаннаго гусенька откормили, отпоили, на волю пустили, и сталъ онъ съ тѣхъ поръ широко крыльями махать, впереди стада летать, да Терешичку вспоминать.

21.

МОРОКА. [1]

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь Агей. У этого царя были корабли, ѣздили воевать въ другія страны, и напалъ на нихъ нечаянно-негаданно сильной непріятель. На одномъ кораблѣ былъ на ту пору Иванъ-бурлакъ; видитъ бѣду неминучую, ухватился за мачту и повёлъ корабль подъ воду, отплылъ отъ непріятеля съ вёрсту и вынырнулъ наверхъ. Доложили про то дѣло царю, и царь отпустилъ его на волю. Ходитъ бурлакъ по всему царству; только про Ивашку слава хороша, а въ карманѣ нѣтъ ни гроша! Да ужъ что говорить про деньги, коли не было у него ни кола, ни двора! принужденъ былъ искать себѣ квартиру, гдѣ бы отъ тёмной ночи укрыться, отъ дождя схорониться. Нашелъ онъ квартиру

---

[1]) См. выпускъ V, № 16.

у отставнаго солдата и зачалъ съ нимъ уговариваться: «я, говоритъ, буду у тебя только по ночамъ ночевать, а днемъ стану промышлять да хлѣбъ добывать; а ты себѣ знай, денежки получай: за каждую ночь по цѣлковому.» Солдатъ—не богатъ, куда деньгамъ радъ! и вспало ему на разумъ купить себѣ ларчикъ, закрыть его наглухо, а сверху прорѣзать малую дырочку, и класть туда рублевики на сохрану. Такъ и сдѣлалъ; за всякую ночь даетъ ему бурлакъ по цѣлковому, а онъ все въ ларчикъ да въ ларчикъ. «Кажись, много накопилъ! думаетъ онъ однажды; время-то прошло немалое, дай посмотрю: много ли у меня рублевиковъ? А вѣдь мой бурлакъ—стало быть—совсѣмъ дуракъ; не ѣстъ, не пьетъ, а каждую ночь по цѣлковому несетъ! гдѣ только онъ деньги беретъ?» Открываетъ солдатъ ларчикъ, а въ немъ и не пахнетъ деньгами: однѣ щепки лежатъ. И вышелъ у хозяина съ постояльцемъ большой тогда споръ; одинъ божится, что чистымъ серебромъ давалъ, а другой говоритъ: «ну, братъ, не зналъ, что ты эдакой мошенникъ! я бы тебя и на квартиру не пускалъ, а то вишь все время даромъ простоялъ; чего у тебя взять? какъ добрымъ людямъ сказать?» Отправился солдатъ въ судъ и сталъ просить, чтобъ его съ бурлакомъ разсудить. Судьи думали-думали, ничего не выдумали; приказали обоимъ имъ руки связать да къ царю отослать. Царь Агей сталъ спрашивать у солдата: какія деньги онъ бралъ и куда клалъ? «Я бралъ ходячею серебреною монетою и клалъ въ сундучокъ, чтобъ не тёрся бочокъ.» Царь Агей захохоталъ, наскоро за сундучкомъ послалъ. Принесли ларчикъ, отперли, поглядѣли, а въ немъ лежатъ все цѣлковики, да такіе новые—словно съ молотка сейчасъ! Царь Агей на солдата напустился, закричалъ: «ты зачѣмъ бурлака оболгалъ?» и приказалъ его взять да плетьми наказать. Ивану-бурлаку стало жаль солдата, проситъ у царя, чтобъ его не билъ; это, говоритъ, я надъ нимъ шутку сшутилъ. Царь спрашиваетъ: «неужли ты

сможешь эдакъ шутить?»—Смогу. «А ну, пошути надо мною.» — Я бы радъ, да боюсь—достанется. «Ничего не достанется! вотъ тебѣ Микола порукою.» Тотчасъ напустилъ бурлакъ полонъ дворецъ воды; сенаторы всполошились, тонуть-то никому не хочется, чуть не плачутъ со страху! А къ царскому мѣсту подплываетъ лодка. «Царь Агей! говоритъ Иванъ-бурлакъ, сядемъ въ лодку да поѣдемъ гулять.» Сѣли и поѣхали; понесло ихъ вѣтромъ въ открытое море, а на морѣ поднялась такая сильная буря, что долго они живота себѣ не чаяли; потомъ буря помаленьку стихла, и прибило лодку къ одному острову. Вышелъ царь на землю, ступилъ шага два-три, оглянулся назадъ — нѣтъ ни лодки, ни Ивана-бурлака. Задумался царь Агей: куда мнѣ теперь идти? и пошелъ вдоль берега; шелъ-шелъ и попалъ въ большой городъ. Видитъ онъ: несетъ баба жареную баранину продавать. «Голубушка! говоритъ царь, найми меня; я стану тебѣ служить, стану за тобой баранину носить.»—Что возьмешь? «Ничего, только хлѣбомъ корми.» Баба согласилась, и пошли они вдвоемъ по городу. Царь нёсъ-нёсъ баранину, захотѣлось ему попробовать, взялъ кусокъ и давай ѣсть. Тутъ со всѣхъ сторонъ обступили его прохожіе, начали приставать да спрашивать: «что ты ѣшь?» — Жареную баранину. «Какая баранина! это человѣчья рука. Вишь какой людоѣдъ проявился!» Схватили его, связали по рукамъ и по ногамъ и посадили въ острогъ. Стали опослѣ судить, и присудили предать его смертной казни; привели на помостъ, положили голову на плаху, палачъ взялъ въ руки топоръ, замахнулся... Ай! закричалъ царь Агей. Сенаторы повскакивали со стульевъ: «что такъ громко изволили закричать?»—Еще бы не кричать; чуть-чуть палачъ головы не отсѣкъ! «Что вы это, ваше величество! какой палачъ? вы сидите во дворцѣ, на своемъ на царскомъ мѣстѣ, и насъ всѣхъ собрали судить Ивана-бурлака.»—А ты здѣсь еще, проклятой! грозно сказалъ царь

Агей; жаль мнѣ, что Миколу далъ въ поруки, а тобѣ велѣлъ тебя повѣсить! Вонъ изъ моего царства, чтобъ твоего и духу не было слышно! Тотчасъ-же отданъ былъ приказъ по всему царству, чтобъ никто не смѣлъ принимать въ свой домъ Ивана-бурлака. Долго бродилъ онъ безъ пристанища; во всѣ дворы заходилъ — нигдѣ не пускаютъ.

Вотъ однова приходитъ бурлакъ въ деревню и просится къ мужику. «Царь не велѣлъ!» говоритъ мужикъ.—Пусти, доброй человѣкъ! «Сказано: нельзя! Коли пущу, такъ развѣ за сказку; я до нихъ большой охотникъ.» — Пожалуй, хоть за сказку. Мужикъ пустилъ его, накормилъ, напоилъ, и полѣзли оба на полати. «Ну, сказывай сказку!» пристаетъ хозяинъ къ Ивану-бурлаку, а тотъ ему въ отвѣтъ: «посмотри-ка на себя, кто ты сталъ?» Мужикъ посмотрѣлъ на себя: какъ есть медвѣдь! «Посмотри и на меня: вѣдь и я такой-же!»—Какъ-же намъ быть? вѣдь насъ, пожалуй, убьютъ!.. «Небось!» На полатяхъ-то было окно; вотъ Иванъ-бурлакъ толкнулъ хозяина за окно, и самъ за нимъ; побѣжали въ лѣсъ. Увидали ихъ охотники и погнали ведвѣдъ. «Что теперь дѣлать?» спрашиваетъ мужикъ.—Садись въ дубовое дупло, а я возлѣ сяду; коли охотники прискачутъ, меня убьютъ да сдерутъ мою шкуру—ты выскочи изъ дупла, перекувырнись черезъ шкуру — и будешь опять человѣкомъ. Только успѣлъ разсказать, наскакали охотники, убили медвѣдя, сняли съ него шкуру и пошли къ рѣчкѣ руки мыть. Мужикъ увидалъ, что они ушли, выскочилъ изъ дупла, перевернулся разъ—и полетѣлъ съ полатей наземь [1]), больно ушибся, и говоритъ самъ съ собой: «праведно повелѣлъ царь Агей, чтобъ тебя нигдѣ не пускали!» А Иванъ-бурлакъ кричитъ съ

[1]) Въ другомъ спискѣ бурлакъ приходитъ къ мужику и морочитъ его тѣмъ-же, чѣмъ и царя: будто вся изба полнехонька водой налилась. «Это еще не большая бѣда! думаетъ мужикъ; вѣдь я плавать умѣю.» Бросился было плыть, да и загремѣлъ съ полатей, весь животъ отбилъ.

полатей: «что, хозяинъ! видно крѣпко уснулъ.»—Гдѣ ты, окаянный? вить тебя убили и шкуру сняли? «Неправда, я живъ и шкура цѣла!» Тутъ хозяинъ выгналъ его въ-зашея изъ дому. Иванъ-бурлакъ шатался, шатался, а ушелъ въ иное царство.

22.

ЗНАХАРЬ. [1]

Жилъ бѣдной да продувной мужичокъ, по прозванью Жучокъ; укралъ у бабы холстину и спряталъ въ омётѣ соломы, а самъ расхвастался, что ворожитъ мастеръ. Пришла къ нему баба и проситъ погадать. Мужикъ спрашиваетъ: «а что за работу дашь?» — Пудъ муки да фунтъ масла. «Ладно!» Сталъ гадать; погадалъ-погадалъ и сказалъ ей, гдѣ холстъ спрятанъ. Дня черезъ два, черезъ три пропалъ у барина жеребецъ: онъ-же плутъ его и увёлъ да привязалъ въ лѣсу къ дереву. Посылаетъ баринъ за этимъ мужикомъ; сталъ мужикъ гадать и говоритъ: «ступайте скорѣй, жеребецъ въ лѣсу къ дереву привязанъ.» Привели жеребца изъ лѣсу; далъ баринъ знахарю сто рублевъ, и пошла объ немъ слава по всему царству. Вотъ на бѣду пропало у царя его вѣнчальное кольцо; искать-искать — нѣтъ нигдѣ! Послалъ царь за знахаремъ, чтобъ какъ можно скорѣй во дворецъ его привезли. Взяли его, посадили въ повозку и привезли къ царю. «Вотъ когда пропалъ-то! думаетъ мужикъ; какъ мнѣ узнать, гдѣ дѣвалось кольцо? Ну какъ царь опалится да туда зашлётъ, куда Макаръ и телятъ не гонялъ!» «Здравствуй, мужичокъ! говоритъ царь; поворожи-ка мнѣ; отгадаешь—деньгами награжу, а коли нѣтъ — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Тотчасъ приказалъ отвести знахарю особую комнату: «пускай де цѣлую ночь

---

[1]) См. вып. II, № 16, и въ этомъ вып. № 23.

ворожитъ, чтобъ къ утру отвѣтъ былъ готовъ.» Знахарь сидитъ въ той комнатѣ да думаетъ: «какой отвѣтъ дамъ я царю? Лучше дождусь глухой полночи, да убѣгу—куда глаза глядятъ; вотъ какъ пропоютъ третьи пѣтухи, сейчасъ и задамъ тягу!» А кольцо-то царское стащили три дворовыхъ человѣка: лакей, кучеръ да поваръ. «Что, братцы! говорятъ они межъ собой, какъ этотъ ворожейка да узнаетъ насъ? вѣдь тогда намъ смерть неминучая... Давайте ка подслушивать у дверей: коли онъ ничего — и мы молчокъ; а коли узнаетъ насъ, такъ ужь дѣлать нечего—станемъ просить его, чтобъ царю-то не доказывалъ.» Пошелъ лакей подслушивать; вдругъ пѣтухи запѣли; мужикъ и промолвилъ: «слава тебѣ, Господи! одинъ уже есть, остается двухъ ждать.» У лакея душа въ пятки ушла; прибѣжалъ онъ къ своимъ товарищамъ: «ахъ, братцы! вѣдь меня узналъ; только я къ двери, а онъ кричитъ: одинъ уже есть, остается двухъ ждать!» — Постой, я пойду! сказалъ кучеръ; пошелъ подслушивать. Запѣли вторые пѣтухи, а мужикъ: «слава тебѣ, Господи! и два есть, остается одного ждать.» —Эхъ, братцы! и меня узналъ. Поваръ говоритъ «ну, если и меня узнаетъ, такъ пойдемъ прямо къ нему, бросимся въ ноги, и станемъ упрашивать.» Пошелъ подслушивать поваръ; третьи пѣтухи запѣли, мужикъ перекрестился: «слава Богу, всѣ три есть!» да поскорѣй въ двери — бѣжать хочетъ; а воры къ нему на встрѣчу, пали въ ноги, и просятъ и молятъ: «не погуби, не сказывай царю; вотъ тебѣ кольцо!» — Ну, такъ и быть прощаю васъ! Взялъ мужикъ кольцо, поднялъ половицу и бросилъ его подъ полъ. На утро царь спрашиваетъ: «что, мужичокъ, какъ твои дѣла?»—Выворожилъ; кольцо твое укатилось подъ эту половицу. Подняли половицу и достали кольцо; царь щедро наградилъ знахаря деньгами и велѣлъ накормить-напоить его до отвала, а самъ пошелъ въ садъ гулять. Идетъ по дорожкѣ, увидалъ жука, поднялъ его, и воротился къ знахарю:

«ну, коли ты знахарь, такъ узнай, что у меня въ рукѣ?» Мужикъ испугался и говоритъ самъ себѣ: «что попался Жучокъ царю въ руки!» — Такъ, такъ, твоя правда! сказалъ царь; еще больше его наградилъ и съ честью домой отпустилъ.

23.

ВОРОЖЕЯ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ былъ-жилъ баринъ; у того барина были лакей да кучеръ; лакей прозывался Брюхо [1]), а кучеръ Ребро [2]). Въ одно время украли они изъ барскаго сундука жемчугъ. Баринъ хватился — нѣтъ жемчугу! Позвалъ своихъ людей: «признавайтесь, говоритъ, вы украли?» — Никакъ нѣтъ! знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ. «Ну, смотрите! сейчасъ-же призову бабку-ворожейку, да коли она узнаетъ да на васъ покажетъ, тогда худо будетъ!» Послалъ баринъ за старухою; привезли ее. «Здравствуй, бабушка! поворожи мнѣ, голубушка! у меня дорогой жемчугъ пропалъ.» — Хорошо, баринъ, поворожу; только прикажи напередъ баню истопить, съ дороги обмыться надо. Истопили баню, стала старуха париться, а сама приговариваетъ: «ну, достанется-жъ теперь и брюху и ребру.» А лакей да кучеръ слушаютъ подъ окномъ, что она станетъ говорить. «Ахъ, братъ! говоритъ кучеръ; вѣдь узнала проклятая! что теперь дѣлать?» Только старуха изъ бани, а они къ ней: «бабушка родимая! не говори барину.» — А гдѣ жемчугъ? цѣлъ ли? «Цѣлъ, бабушка!» — Ну, возьмите-закатайте каждую жемчужинку въ хлѣбъ и дайте сѣрому гусю; пусть поклюётъ! Сказано — сдѣлано. Пришла старуха къ барину. «Что, бабушка, узнала?» — Узнала, родной! «Кто-жъ виноватъ?» — Да сѣрой гусь, что на дворѣ хо-

[1]) *Вар.* Пузо. [2]) *Вар.* Спина.

дитъ; вишь у васъ въ горницахъ окна-то отворены, онъ влетѣлъ въ окно да жемчугъ и поклевалъ. Баринъ приказалъ поймать гуся и зарѣзать. Зарѣзали сѣраго гуся и нашли въ зобу жемчугъ. Сталъ баринъ благодарить ворожейку, и оставляетъ у себя обѣдать; а къ обѣду велѣлъ изготовить на жареное ворону. «Посмотрю, думаетъ, узнаетъ ли старуха?» Вотъ сѣли обѣдать; несутъ жареную ворону на столъ, а баба смотритъ по сторонамъ да говоритъ о себѣ: «вотъ залетѣла ворона въ высоки хоромы!» — Экая хитрая! все знаетъ. Послѣ обѣда приказалъ баринъ заложить коляску да отвезть старуху домой, а въ коляску наклалъ потихоньку яицъ: «посмотрю, узнаетъ ли теперь?» Вотъ стала она садиться въ коляску и говоритъ сама себѣ: «ну, бабушка, садись на старыя яички!» Удивился баринъ, что старуха все знаетъ, все вѣдаетъ, наградилъ ее деньгами и отпустилъ съ Богомъ.

24.

СЛѢПЦЫ.

Въ Москвѣ бѣлокаменной жилъ одинъ парень въ работникахъ; вздумалъ на лѣто въ деревню идти и сталъ просить у хозяина разсчета. Только немного пришлось ему получать денегъ, всего-навсего одинъ полтинникъ. Взялъ онъ этотъ полтинникъ и пошелъ за калужскую заставу; смотритъ — сидитъ на валу слѣпой нищій и проситъ Христовымъ именемъ подаянія. Мужикъ подумалъ-подумалъ и сжалился; подалъ ему полтинникъ и сказываетъ: «это, старичокъ, полтинникъ; пріими изъ него Христа ради семитку, а сорокъ восемь копѣекъ дай мнѣ сдачи.» Слѣпой положилъ полтинникъ въ свою мошну и снова затянулъ: «православные христіане, подайте Христа ради слѣпому-невидущему!» — Что-жъ ты, старикъ? подавай мнѣ

сдачу. А онъ будто не слышитъ: «ничего, родимой! еще солнышко высоко, успѣю до двора помаленьку добрести.» — Оглохъ что ли? мнѣ самому идти добрыхъ сорокъ вёрстъ, деньги въ дорогѣ-то надобны! Взяло мужика горе пуще острого ножа; «эй, говоритъ, старой чортъ! подавай сдачу; не то я съ тобой раздѣлаюсь по своему!» И началъ его поколачивать по всѣ его роды. Слѣпой во всю глотку закричалъ: «батюшки, грабятъ! караулъ, караулъ!» Побоялся мужикъ бѣды нажить, бросилъ слѣпаго: «лучше, думаетъ про себя, отъ грѣха уйдти; а то не ровёнъ часъ — прибѣгутъ караульные да еще въ городъ поведутъ! Отошелъ шаговъ съ десятокъ, али больше, остановился на дорогѣ и все глядитъ на нищаго: жалко, вишь, своихъ трудовыхъ денегъ! А тотъ слѣпой на двухъ костыляхъ ходилъ, и оба костыля при немъ лежали: одинъ съ праваго боку, другой съ лѣваго. Разгорѣлось у мужика сердце, радъ всякое зло ему сдѣлать: «постой-же, хоть костыль унесу да посмотрю, какъ-то ты домой поплетешься!» Вотъ подобрался потихонечку и утащилъ костыль; а слѣпой посидѣлъ немного времени, выпучилъ свои бѣльмы на солнце и говоритъ: «ну, солнышко не больно высоко; чай, время и домой собираться. Эй вы, костылики, мои батюшки! не пора ли ко двору идти?» Сталъ онъ шарить [1] съ обѣихъ сторонъ; съ лѣва-то костыль тутъ, а съ права-то нѣту: «ужъ этотъ мнѣ костыль, давно опостылѣлъ! иной когда его съ разу не ощупаю.» Пошарилъ-пошарилъ и говоритъ самъ съ собой: «знать, кто-нибудь надо мною пошутилъ! Да ничего: и на одномъ добреду.» Всталъ и поплёлся на одномъ костылѣ; слѣдомъ за нимъ пошелъ и мужикъ. [2] Шли-шли; недалече отъ деревни, у самаго такѣ по-

[1] Искать.

[2] *Вариантъ:* Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ старикъ со старухою въ бѣдной бѣдности, работать-то не въ силахъ, а что было — то прожили? Одна коровёнка оставалась. Говоритъ старику старуха: «веди на базаръ корову

рѣчёнка стоитъ двѣ старыхъ избушки. Подошелъ слѣпой къ одной избушкѣ, распоясался, снялъ съ пояса ключъ и отперъ свою келью; только онъ отворилъ дверь настежъ — а мужикъ поскорѣй туда; забрался напередъ его, сѣлъ на лавку и духъ притаилъ: «посмотрю, думаетъ, что дальше будетъ?» Вотъ слѣпой вошелъ въ избушку, наложилъ на дверь изнутри крючокъ, оборотился къ переднему углу и помолился на святыя иконы; опосля бросилъ кушакъ съ шапкою на прилавокъ и полѣзъ подъ печку — такъ и загремѣли сковородни да ухваты! Маленько погодя, тащитъ оттудова боченокъ [1]; вытащилъ, поставилъ на столъ, и началъ вытряхать изъ мошны набранныя деньги да въ боченокъ класть: у того боченка съ боку горлышко было малое — такъ, чтобы мѣдному пятаку пролѣзть. Покидалъ туда деньги, и самъ таково слово вымолвилъ: «слава Богу! насилу пятьсотъ доровнялъ; да спасибо и тому молодцу, что полтинникъ далъ; кабы не онъ подъ руку попался, еще дня три просидѣлъ бы на дорогѣ.» Усмѣхнулся слѣпой, сѣлъ на полъ, раскорячился, и ну покатывать боченокъ съ деньгами: покатитъ его отъ себя, а онъ ударится объ стѣну да назадъ къ

да продай; станемъ жить на эти послѣднія деньги. А какъ проживемъ, тогда дѣлать нечего—надѣнемъ на плечи котомки и пойдемъ побираться по̀ міру.» Старикъ зацѣпилъ корову за рога веревкою, повелъ въ городъ и продалъ за десять цѣлковыхъ. Идетъ домой, а на встрѣчу ему двое слѣпыхъ. «Здравствуйте, божіи люди!» — Здравствуй, добрый человѣкъ! откуда идешь? «Да вотъ водилъ въ городъ послѣднюю корову продавать.» — А за много продалъ? «За десять цѣлковыхъ.» Слѣпые недолго думали, схватили его за руки и вытащили кошель съ деньгами да припрятали къ себѣ въ лохмотья. «Смилуйтесь, братцы! проситъ ихъ старикъ; я самъ человѣкъ бѣдной, самому скоро идти по̀ міру!» — Пошелъ ты къ чорту! что ты на слѣпцовъ накинулся! Идутъ они дорогою; а старикъ за ними, горько плачетъ, боится съ пустыми руками показаться старухѣ...

[1]) *Variante:* Полѣзъ въ подполье и вытащилъ оттуда кувшинъ — полнёхонекъ серебра; поставилъ на столъ и высыпалъ въ него изъ мошны собранныя деньги. Мужикъ глядѣлъ-глядѣлъ, напустилъ на себя смѣлость и сграбасталъ кувшинъ въ свои лапы.

нему. «Дай подсоблю ему! думаетъ мужикъ; полно ему старому чорту куражиться!» и тотчасъ къ рукамъ прибралъ боченокъ съ деньгами. «Ишь, зацѣпилъ за лавку!» говоритъ слѣпой и пошелъ щупать; щупалъ-щупалъ—нѣтъ нигдѣ; испугался сердечной, отворилъ немного дверь, просунулъ голову и закричалъ: «Пантелей, а Пантелей! подь-ка, братъ, сюда!» Пришелъ Пантелей — такой-же слѣпецъ; рядомъ съ этимъ въ другой кельѣ жилъ. «Что такое?» спрашиваетъ онъ.—Да вишь какая притча вышла! Каталъ я по полу боченокъ съ деньгами, а куда онъ теперь дѣвался — самъ не вѣдаю; штука ли? — пятьсотъ рублевъ денегъ! ужь не стибрилъ ли кто? Кажись, въ избѣ никого не было. «По-дѣломъ вору и мука! сказалъ Пантелей. Вишь ты, старой, совсѣмъ изъ ума выжилъ! словно малой ребенокъ, задумалъ деньгами играть; вотъ теперь и плачь отъ своей игры! А ты бы сдѣлалъ по моему: у меня своихъ почитай съ пятьсотъ рублевъ, вотъ я размѣнялъ ихъ на ассигнаціи и зашилъ въ эту старую шапчонку; небось на нее никто не польстится!» Мужикъ услыхалъ эти рѣчи и думаетъ: «ладно! вѣдь шапка у тебя къ головѣ не гвоздемъ прибита.» Сталъ Пантелей входить въ избу, только за порогъ переступилъ, а мужикъ цапъ-царапъ съ него шапку да въ дверь, и побѣжалъ домой безъ оглядки.[1]) А Пантелей подумалъ, что шапку-то подцѣпилъ у него сосѣдъ, хвать его по рылу: «у насъ, братъ, такъ не дѣлаютъ! свои деньги потерялъ да на чужія заришься!» Ухватили другъ друга за честные волосы, и пошла у нихъ драка великая. Пока они дрались, мужикъ да-

---

[1]) *Варіантъ:* Не нащупалъ слѣпой кувшина, и сталъ звать сосѣда (такой-же слѣпой нищій былъ): «кумъ, а кумъ! поди поскорѣй.» Кумъ пришелъ съ большой дубиною, расспросилъ все, какъ слѣдуетъ, и говоритъ: «охота въ кувшинѣ деньги держать! вотъ у меня такъ не пропадутъ: всегда со мной, вся дубинка цѣликомъ набита!» Сѣлъ кумъ на лавку, а дубинку возлѣ себя поставилъ; мужикъ и ее схватилъ, да давай Богъ ноги!

леко ушелъ; на тѣ деньги онъ знатно поправился и зажилъ себѣ припѣваючи.

25.

ЧУДЕСНАЯ ДУДКА. [1])

а. Жилъ старикъ со старухой. У нихъ дѣтей было двое: сынокъ Иванушка и дочка Аннушка. Старикъ началъ своихъ дѣтей посылать въ лѣсъ за ягодками, наказываетъ имъ: «дѣтки! который изъ васъ нарветъ больше ягодокъ, тому поясокъ куплю шелковой.» Они возрадовались и не-медля пошли. Иванушка былъ меньшее дѣтище, нарвалъ больше Аннушкинаго; Аннушка изъ досады, что отецъ не ей купитъ поясокъ, — озлившись, убила своего брата и схоронила его въ томъ лѣсу. Пришла домой, и сказала отцу, что братъ мой Иванушка неизвѣстно куда ушелъ. Спустя нѣсколько времени послѣ того надъ могилой Иванушкиной выросла тростинка. Мимопроѣзжіе купцы ее срѣзали, сдѣлали дудку, и какъ начали играть въ нее— изумились; изъ дудки выходилъ такой голосъ: «подуди-ка, подуди-ка, дядюшка! не ты меня убилъ, не ты меня сгубилъ; убила меня сестра моя — за красныя ягодки, за шелковой поясокъ.» Поѣхали тѣ купцы въ село, и случилось имъ ночевать у Иванущкина отца; объявили ему про чудесную дудку и просили старика поиграть. Старикъ началъ дудѣть, а дудочка начала ему говорить: «подуди-ка, подуди-ка, батюшка! не ты меня убилъ, не ты меня сгубилъ; убила меня сестра моя Аннушка—за красныя ягодки, за шелковой поясокъ.» Послѣ того дали сестрѣ поиграть; дудка стала говорить: «подуди-ка, подуди-ка, сестрица моя Аннушка! ты меня убила, въ лѣсу сгубила—за красныя ягодки, за шелковой поясокъ.» Отецъ, осер-

[1]) См. вып. V, № 17.

лился на дочку Аннушку, которая тутъ-же призналась, поставилъ ее на воротахъ и разстрѣлялъ изъ поганаго ружья. На дворѣ у нихъ была лужа, а въ ней щука, а въ щукѣ-то огонецъ; этой сказочкѣ конецъ.

(Записана въ саратовской губерніи И. А. Буськовымъ.)

b. Жилъ да былъ старикъ и старуха. У старика, у старухи не было ни сына, ни дочери. Вышелъ старикъ на улицу, сжалъ комочекъ снѣгу и положилъ на печку подъ шубу — и стала дѣвочка Снѣжевиночка. Пошла она съ дѣвушками въ лѣсъ по ягодки; кто больше всѣхъ наберетъ—той красной сарафанъ отецъ съ матерью сошьютъ, ту прежде другихъ замужъ отдадутъ. Снѣжевиночка побольше всѣхъ набрала ягодокъ; подружки взяли ее да убили, подъ сосенкой схоронили, катышкомъ укатали, блюдечкомъ утрепали. Воротились въ деревню; старикъ спрашиваетъ: «гдѣ-же моя дочка?» — Она пошла иной дорогой; мы ее искали-искали, кликали-кликали, не могли дозваться; ужь солнце сѣло, а ее все нѣтъ! не ночевать же намъ въ лѣсу!.. На могилѣ Снѣжевиночки выросъ камышъ; шли бурлаки да и срѣзали, и сдѣлали дудочку. Пришли къ старику, отцу Снѣжевиночки, да и заиграли; дудочка и говоритъ: «ду-ду, ду-ду, батюшка! ду-ду, ду-ду, свѣтъ родной! ты не знаешь моего горя великаго: какъ меня дѣвушки убили изъ-за блюдечка, изъ-за ягодокъ. Онѣ меня убили, подъ сосенкой схоронили, катышкомъ укатали, блюдечкомъ утрепали!» Старикъ говоритъ: «что за диво! дудочка камышевая, а слова будто живой человѣкъ выговариваетъ.» Вотъ онъ накормилъ-напоилъ бурлаковъ и проситъ: «отдайте мнѣ эту дудочку.» Бурлаки отдали. Говоритъ старикъ старухѣ: «давай-ка разломимъ [1]) дудочку да посмотримъ, что тамъ въ серёдкѣ есть?» Какъ раз-

[1]) *Вар.* разрѣжемъ.

Сломили дудочку — такъ и выскочила оттуда дѣвочка Снѣжевиночка. [1]) Старикъ и старуха обрадовались, стали съ ней жить да быть, да коврижки кроить. Тебѣ дали, мнѣ послали; вотъ и сказка вся, больше и сказать нельзя.

(Записана въ вологодской губерніи.)

26.

ЦАРЕВНА ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ. [2])

Мы говоримъ, что мы умны, а старики спорятъ: нѣтъ, мы умнѣе васъ были; а сказка сказываетъ, что когда еще наши дѣды не учились и прадѣды не родились, а въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ такой старичокъ, который трехъ своихъ сыновъ научилъ грамотѣ и всему книжному. «Ну, дѣтки! говорилъ онъ имъ; умру я — приходите ко мнѣ на могилу читать.» — Хорошо, хорошо, батюшка! отвѣчали дѣти.

Старшіе два брата какіе были молодцы: и рослы, и дородны! а меньшой Ванюша, какъ недоросточекъ, какъ защипанной утёночекъ, гораздо поплоше. Старикъ отецъ умеръ. Въ ту пору отъ царя пришло извѣстіе, что дочь его Елена-царевна Прекрасная приказала выстроить себѣ храмъ о двѣнадцать столбовъ, о двѣнадцать вѣнцовъ; сядетъ она въ этомъ храмѣ на высокомъ тронѣ и будетъ ждать жениха, удалаго молодца, который бы на конѣ-летунѣ, съ одного взмаха, поцѣловалъ ее въ губки. Всполошился весь молодой народъ, облизывается, почесывается и раздумываетъ: кому такая честь выпадетъ?

---

[1]) *Вар.* Только разрѣзали дудочку — вышелъ оттуда розовой цвѣточекъ. Старуха положила его въ воду — и вдругъ изъ цвѣтка явилась ея маленькая дочка, живая и здоровая, какъ прежде.

[2]) См. вып. II, № 25 и 28; вып. V, № 18.

«Братья! говорилъ Ванюша, отецъ умеръ; кто изъ насъ пойдетъ на могилу читать?»—А кого охота беретъ, тотъ пускай и идетъ! отвѣчали братья; Ваня пошелъ. А старшіе знай себѣ коней объѣзжаютъ, кудри завиваютъ, фабрятся, бодрятся родимые... Пришла другая ночь. «Братья! я прочиталъ, говорилъ Ваня; ваша очередь, который пойдетъ?» — А кто охочь, тотъ и читай; а намъ дѣло дѣлать не мѣшай. Сами заломили шапки, гикнули, ахнули, полетѣли, понеслись, загуляли въ чистомъ полѣ! Ванюша опять читалъ; на третью ночь тоже. А братья выѣздили коней, расчесали усы, собираются нынче-завтра пытать свое удальство передъ очами Елены Прекрасной. «Брать ли меньшаго? думаютъ; нѣтъ, куда съ нимъ! онъ и насъ осрамитъ и людей насмѣшитъ; поѣдемъ одни.» Поѣхали; а Ванюшѣ очень хотѣлось поглядѣть на Елену-царевну Прекрасную; заплакалъ онъ, больно заплакалъ, и пошелъ на могилу къ отцу. Услышалъ его отецъ въ домовинѣ (въ гробѣ), вышелъ къ нему, отряхнулъ съ чела сыру землю и говоритъ: «не тужи, Ваня; я твоему горю пособлю.» Тотчасъ старикъ вытянулся, выпрямился, свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ голосомъ, соловейскимъ посвистомъ; откуда ни взялся — конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей-изъ ушей пламя пышетъ; порхонулъ и сталъ передъ старикомъ, какъ вкопаной, и спрашиваетъ: «что велишь?» Влѣзъ Ваня коню въ одно ушко, вылѣзъ въ другое, и сдѣлался такимъ молодцомъ, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! Сѣлъ на коня, подбоченился и полетѣлъ что̀ твой соколъ прямо къ палатамъ Елены-царевны. Размахнулся, подскочилъ—двухъ вѣнцовъ не досталъ; завился опять, разлетѣлся, скокнулъ—однаго вѣнца не досталъ; еще закружился, еще завертѣлся, какъ огонь проскочилъ мимо глазъ, мѣтко нацѣлилъ и прямо въ губки чмокнулъ Елену Прекрасную! «Кто? кто? лови! лови!»—его и слѣдъ простылъ! Прискакалъ на отцову могилу, коня пустилъ въ чистое поле, а

самъ въ землю да поклонъ, да проситъ совѣта родительскаго; старикъ и посовѣтовалъ. Домой пришелъ Иванъ, какъ нигдѣ не бывалъ; братья разсказываютъ: гдѣ были, что видѣли; а онъ какъ впервой слышитъ.

На другой день опять сборъ; и бояръ, и дворянъ у княжихъ палатъ глазомъ не окинешь! Поѣхали старшіе братья; пошелъ и меньшой братъ пѣшечкомъ, скромно, смирно, словно не онъ цѣловалъ царевну, и сѣлъ въ дальній уголокъ. Елена-царевна спрашиваетъ жениха, Елена-царевна хочетъ его всему свѣту показать, хочетъ ему полъ-царства отдать, а женихъ не является! Его ищутъ между боярами, межъ генералами, всѣхъ перебрали — нѣту! А Ваня глядитъ, ухмыляется, улыбается, и ждетъ, что сама невѣста къ нему прійдетъ. «То, говоритъ, я полюбился ей молодцомъ, теперь она полюби меня въ кафтанѣ простомъ.» Встала сама, повела яснымъ окомъ, освѣтила всѣхъ, увидѣла и узнала своего жениха, посадила его съ собой, и скоро съ нимъ обвѣнчалась; а онъ-то, Боже мой! какой сталъ умной да смѣлой, а какой красавецъ!... Сядетъ бывало на коня-летуна, сдвинетъ шапочку, подбоченится—король, настоящій король! вглядишься—и не подумаешь, что былъ когда-то Ванюша.

(Записана въ курской губерніи.)

27.

ЛЕТУЧІЙ КОРАБЛЬ.

Былъ себѣ дѣдъ да баба; у нихъ было три сына: два разумныхъ, а третій дурень. Первыхъ баба любила. чисто одѣвала, а послѣдній завсегда былъ одѣтъ худо—въ чорной сорочкѣ ходилъ. Послышали они, что пришла отъ царя бумага: «кто состроитъ такой корабль, чтобы могъ летать, за того выдастъ

замужъ царевну». Старшіе братья рядились идти пробовать счастья и попросили у стариковъ благословенія; мать снарядила ихъ въ дорогу, надавала имъ бѣлыхъ паляницъ, разнаго мяснаго и фляжку горѣлки, и выпроводила въ путь-дорогу. Увидя то, дурень началъ и себѣ проситься, чтобы и его отпустили. Мать стала его уговаривать, чтобъ не ходилъ: «куда тебѣ, дурню; тебя волки съѣдятъ!» Но дурень заладилъ одно: пойду да пойду! Баба видитъ, что съ нимъ не сладишь; дала ему на дорогу чорныхъ паляницъ и фляжку воды, и выпроводила изъ дому. Дурень шелъ-шелъ и повстрѣчалъ старика. Поздоровались. Старикъ спрашиваетъ дурня: «куда идешь?» —Да царь обѣщалъ отдать свою дочку за того, кто сдѣлаетъ летучій корабль. «Развѣ ты можешь сдѣлать такой корабль?» — Нѣтъ, не съумѣю! «Такъ зачѣмъ-же ты идешь?»—А Богъ его знаетъ! «Ну, если такъ, сказалъ старикъ, то садись здѣсь; отдохнемъ вмѣстѣ и закусимъ; вынимай, что у тебя есть въ торбѣ.»—Да тутъ такое, что и показать стыдно людямъ! «Ничего, вынимай; что̀ Богъ далъ — то и поснѣдаемъ!» Дурень развязалъ торбу — и глазамъ своимъ не вѣритъ: вмѣсто чорныхъ паляницъ лежатъ бѣлыя булки и разныя приправы; подалъ старику. «Видишь, сказалъ ему старикъ, какъ Богъ дурней жалуетъ! хоть родная мать тебя и не любитъ, а вотъ и ты не обдѣлёнъ... Давай-же выпьемъ напередъ горѣлки.» Во фляжкѣ намѣсто воды очутилась горѣлка; выпили, перекусили, и говоритъ старикъ дурню: «слушай же—ступай въ лѣсъ, подойди къ первому дереву, перекрестись три раза и ударь въ дерево топоромъ, а самъ упади наземь ничкомъ и жди, пока тебя не разбудятъ. Тогда увидишь передъ собою готовой корабль, садись въ него и лети, куда надобно; да по дорогѣ забирай къ себѣ всякаго встрѣчнаго.» Дурень поблагодарилъ старика, распрощался съ нимъ и пошелъ къ лѣсу. Подошелъ къ первому дереву, сдѣлалъ все такъ, какъ ему велѣно: три раза пере-

перекрестился, тюкнулъ по дереву сѣкирою [1]), упалъ на землю ничкомъ и заснулъ. Спустя нѣсколько времени началъ кто-то будить его. Дурень проснулся, и видитъ готовой корабль; не сталъ долго думать, сѣлъ въ него — и корабль полетѣлъ по воздуху. Летѣлъ-летѣлъ, глядь — лежитъ внизу на дорогѣ человѣкъ, ухомъ къ сырой землѣ припалъ. «Здоровъ, дядьку!» — Здоровъ, небоже! «Что ты дѣлаешь?» — Слушаю: что на томъ свѣтѣ дѣлается. «Садись со мною на корабль.» Тотъ не захотѣлъ отговариваться, сѣлъ на корабль, и полетѣли они дальше. Летѣли-летѣли, глядь — идетъ человѣкъ на одной ногѣ, а другая до уха привязана. «Здоровъ, дядьку! что ты на одной ногѣ скачешь?» — Да коли-бъ я другую отвязалъ, такъ за одинъ бы шагъ весь свѣтъ перешагнулъ! «Садись съ нами!» Тотъ сѣлъ, и опять полетѣли. Летѣли-летѣли, глядь — стоитъ человѣкъ съ ружьемъ, прицѣливается, а во что — невѣдомо. «Здоровъ, дядьку! куда ты мѣтишь? ни одной птицы не видно.» — Какъ-же! стану я стрѣлять близко... мнѣ бы застрѣлить звѣря или птицу вёрстъ за тысячу отсюда: то по мнѣ стрѣльба! «Садись-же съ нами!» Сѣлъ и этотъ, и полетѣли они дальше. Летѣли-летѣли, глядь — несётъ человѣкъ за спиною полонъ мѣхъ хлѣба: «здоровъ, дядьку! куда идешь?» — Иду, говоритъ, добывать хлѣба на обѣдъ. «Да у тебя и такъ полонъ мѣшокъ за спиною.» — Что тутъ! для меня этого хлѣба и на одинъ разъ укусить нечего. «Садись-ка съ нами!» Объѣдало сѣлъ на корабль, и полетѣли дальше. Летѣли-летѣли, глядь — ходитъ человѣкъ вокругъ озера. «Здоровъ, дядьку! чего ищешь?» — Пить хочется, да воды не найду. «Да передъ тобой цѣлое озеро; что-жъ ты не пьёшь?» — Эка! этой воды на одинъ глотокъ мнѣ не станетъ. «Такъ садись съ нами!» Онъ сѣлъ, и опять полетѣли. Летѣли-летѣли, глядь — идетъ человѣкъ въ лѣсъ, а за плечами

---

1) Топоромъ.

вязанка дровъ. «Здоровъ, дядьку! зачѣмъ въ лѣсъ дрова несешь?»—Да это не простые дрова. «А какіе-жъ?»—Да такіе: коли разбросать ихъ, такъ вдругъ цѣлое войско явится. «Садись съ нами!» Сѣлъ онъ къ нимъ и полетѣли дальше. Летѣли-летѣли, глядь—человѣкъ несетъ кулъ соломы. «Здоровъ, дядьку! куда несешь солому?»—Въ село. «Развѣ въ селѣ-то мало соломы?» — Да это такая солома, что какъ ни будь жарко лѣто, а коли разбросать ее—такъ заразъ холодно сдѣлается: снѣгъ да морозъ! «Садись и ты съ нами!»—Пожалуй! Это была послѣдняя встрѣча; скоро прилетѣли они до царскаго двора. Царь на ту пору за обѣдомъ сидѣлъ; увидалъ летучій корабль, удивился и послалъ своего слугу спросить: кто на томъ кораблѣ прилетѣлъ? Слуга подошелъ къ кораблю, видитъ—что на немъ все мужики, не сталъ и спрашивать, а воротясь назадъ въ покои, донёсъ царю, что на кораблѣ нѣтъ ни одного пана, а все чорные люди. Царь разсудилъ, что отдавать свою дочь за простаго мужика не приходится, и сталъ думать, какъ-бы отъ такого зятя избавиться. Вотъ и придумалъ: «стану я ему задавать разныя трудныя задачи.» Тотчасъ посылаетъ къ дурню съ приказомъ, чтобы онъ досталъ ему, пока царской обѣдъ покончится, цѣлющей и живущей воды. Въ то время, какъ царь отдавалъ этотъ приказъ своему слугѣ, первой встрѣшной (тотъ самой, который слушалъ: что̀ на томъ свѣтѣ дѣлается) услыхалъ царскія рѣчи и разсказалъ дурню. «Что-же я теперь дѣлать буду? Да я и за̀ годъ, а можетъ быть—и весь свой вѣкъ не найду такой воды!»—Не бойся! сказалъ ему скороходъ; я за тебя справлюсь. Пришелъ слуга и объявилъ царской приказъ. «Скажи: принесу!» отозвался дурень; а товарищъ его отвязалъ свою ногу отъ уха, побѣжалъ и мигомъ набралъ цѣлющей и живущей воды. «Успѣю, думаетъ, воротиться!» присѣлъ подъ мельницей отдохнуть и заснулъ. Царской обѣдъ къ концу подходитъ, а его нѣтъ какъ нѣтъ; засуетились всѣ на кораблѣ.

Первой встрѣшной приникъ къ сырой землѣ, прислушался и сказалъ: «экой! спитъ себѣ подъ мельницей.» Стрѣлокъ схватилъ свое ружье, выстрѣлилъ въ мельницу и тѣмъ выстрѣломъ разбудилъ скорохода; скороходъ побѣжалъ и въ одну минуту принёсъ воду: царь еще изъ-за стола не всталъ, а приказъ его выполненъ, какъ нельзя вѣрнѣе. Нечего дѣлать, надо задавать другую задачу. Царь велѣлъ сказать дурню: «ну, коли ты такой хитрой, такъ покажи свое удальство: съѣшь съ своими товарищами за одинъ разъ двѣнадцать быковъ жареныхъ да двѣнадцать кулей печенаго хлѣба.» [1]) Первой товарищъ услыхалъ и объявилъ про то дурню. Дурень испугался и говоритъ: «да я и одного хлѣба за одинъ разъ не съѣмъ!»—Не бойся, отвѣчаетъ объѣдало; мнѣ еще мало будетъ! Пришелъ слуга, явилъ царской указъ. «Хорошо, сказалъ дурень; давайте, будемъ ѣсть.» Принесли двѣнадцать быковъ жареныхъ да двѣнадцать кулей хлѣба печенаго; объѣдало одинъ все поѣлъ: «эхъ, говоритъ, мало! еще-бъ хоть немножко дали...» Царь велѣлъ сказать дурню, чтобы выпито было сорокъ бочекъ вина, каждая бочка въ сорокъ ведеръ. Первой товарищъ дурня подслушалъ тѣ царскія рѣчи и передалъ ему по прежнему; тотъ испугался: «да я и одного ведра не въ силахъ заразъ выпить.»—Не бойся, говоритъ опивало; я одинъ за всѣхъ выпью; еще мало будетъ! Налили виномъ сорокъ бочекъ; опивало пришелъ и безъ роздыху выпилъ всѣ до одной; выпилъ и говоритъ: «эхъ, маловато! еще-бъ выпилъ.» Послѣ того царь приказалъ дурню къ вѣнцу готовиться, идти въ баню да вымыться; а баня-то была чугунная, и ту велѣлъ натопить жарко-жарко, чтобъ дурень въ ней въ одну минуту задохся. Вотъ раскалили баню докрасна; пошелъ дурень мыться, а за нимъ слѣдомъ идетъ мужикъ съ соломою: подостлать де надо. Заперли ихъ обоихъ въ банѣ;

---

[1]) *Вар*. съѣшь за одинъ разъ столько хлѣба, сколько въ сорока печахъ будетъ испечено.

мужикъ разбросалъ солому — и сдѣлалось такъ холодно, что едва дурень вымылся, какъ въ чугунахъ вода стала мерзнуть; залѣзъ онъ на печку и тамъ всю ночь пролежалъ. Утромъ отворили баню, а дурень живъ и здоровъ, на печи лежитъ да пѣсни поетъ. Доложили царю; тотъ опечалился, не знаетъ, какъ-бы отвязаться отъ дурня; думалъ-думалъ и приказалъ ему, чтобы цѣлой полкъ войска поставилъ, а у самого на умѣ: откуда простому мужику войско достать? ужъ этого онъ не сдѣлаетъ!» Какъ узналъ про то дурень, испугался и говоритъ: «теперь-то я совсѣмъ пропалъ! Выручали вы меня, братцы, изъ бѣды не одинъ разъ; а теперь видно ничего не подѣлаешь!» — Эхъ ты! отозвался мужикъ съ вязанкою дровъ; а про меня развѣ забылъ? Вспомни, что я мастеръ на такую штуку и не бойся! Пришелъ слуга, объявилъ дурню царской указъ: «коли хочешь на царевнѣ жениться, поставь къ завтраму цѣлой полкъ войска.» — Добре; зроблю! только если царь и послѣ того станетъ отговариваться, то повоюю все его царство и насильно возьму царевну. Ночью товарищъ дурня вышелъ въ поле, вынесъ вязанку дровъ и давай раскидывать въ разныя стороны — тотчасъ явилось несмѣтное войско: и конное, и пѣшее, и съ пушками. Утромъ увидалъ царь и въ свой черёдъ испугался; поскорѣй послалъ къ дурню дорогія уборы и платья, и велѣлъ во дворецъ просить съ царевной вѣнчаться. Дурень нарядился въ тѣ дорогія уборы, сдѣлался такимъ молодцомъ, что и сказать нельзя! Явился къ царю, обвѣнчался съ царевною, получилъ большое приданое и сталъ разумнымъ да догадливымъ. Царь съ царицею его полюбили, а царевна въ немъ души не чаяла. [1])

---

[1]) Записана въ полтавской губерніи, пирятинскомъ уѣздѣ; но къ сожалѣнію записывавшій сказку не подорожилъ малороссійскимъ текстомъ и передалъ ее на великорусскомъ нарѣчіи.

Варіантъ: Царь задаетъ дураку разныя задачи, онъ исполняетъ ихъ, съ помощію своихъ необыкновенныхъ товарищей; наконецъ приказалъ царь вы-

28.

СВИНОЙ ЧЕХОЛЪ. [1])

а. У великаго князя была жена-красавица, и любилъ онъ ее безъ памяти. Умерла княгиня, осталась у него единая дочь, какъ двѣ капли воды на мать похожа. Говоритъ великой князь: «дочь моя милая! женюсь я на тебѣ.» Она пошла на кладбище, на могилу матери, и стала умильно плакать. Мать и говоритъ ей: «вели купить себѣ платье—чтобъ кругомъ были часты звѣзды.» Отецъ купилъ ей эдакое платье и пуще прежняго въ нее влюбился [2]). Пошла дочь въ другой разъ къ матери. Мать гово-

---

рыть глубокую яму, налить ее горячею смолою, а поверхъ протянуть веревку. Говоритъ дураку: «пройди взадъ и впередъ!»—Я не съумѣю; покажи, какъ дѣлать. Царь ступилъ на веревку, а дуракъ выхватилъ мечъ и перерубилъ ее; царь повалился въ горячую смолу. Тутъ наѣхала стража, подхватила виноватаго и повела на висѣлицу. Дуракъ началъ просить, чтобъ позволили ему въ послѣдній разъ передъ смертію поѣздить на своемъ крылатомъ конѣ. Судьи позволили; онъ сѣлъ на коня; конь поднялся на воздухъ и понесъ его на родину. Увидала это царевна, ударилась о землю, обратилась голубемъ, догнала дурака, сѣла съ нимъ вмѣстѣ: «возьми меня съ собою; я иду за тебя замужъ.» Долго летѣли они, захотѣлось дураку отдохнуть, онъ остановилъ коня и спустился на чистое поле. «Ложись ко мнѣ на колѣна, говоритъ царевна; я у тебя въ головѣ поищу.» Онъ легъ и крѣпко уснулъ; царевна положила его голову на кочку, а сама сѣла на лошадь и воротилась въ свое царство взять свои драгоцѣнныя вещи. Какъ скоро дуракъ проснулся да увидалъ, что нѣтъ ни коня, ни царевны, то горько восплакалъ: «вотъ когда пропалъ я несчастной!» Глянулъ на небо, а царевна назадъ летитъ; спустилась, посадила его, и полетѣли вмѣстѣ — куда надо. Послѣ обвѣнчались и стали жить-поживать, добра наживать.

[1]) См. вып. II, № 31, и въ этомъ выпускѣ №№ 29 и 30.

[2]) *Вариантъ:* «Скажи отцу, что тогда согласишься идти за него, когда будетъ у тебя платье—что ясная зоря.» Отецъ началъ искать по всѣмъ землямъ хитраго портнаго, который бы съумѣлъ сшить такое платье; долго-долго искалъ, наконецъ таки нашелъ. Вотъ и платье къ сроку готово—блеститъ и сіяетъ что ясная зоря! Отецъ пуще прежняго пристаетъ къ дочери

ритъ: «вели купить себѣ платье—на спинѣ бы свѣтёлъ мѣсяцъ былъ, на груди красно солнышко.» Отецъ купилъ, и еще больше влюбился. Опять пошла дочь на кладбище и стала умильно плакать: «матушка! отецъ еще пуще въ меня влюбился.»—Ну, дитятко! сказала мать; теперь вели себѣ сдѣлать свиной чехолъ. Отецъ и то приказалъ сдѣлать; какъ только приготовили свиной чехолъ, дочь и надѣла его на себя. Отецъ плюнулъ на нее и прогналъ изъ дому, нѐ далъ ей ни служанокъ, ни хлѣба на дорогу. Она перекрестила себѣ глаза и вышла за ворота. «Пойду, говоритъ, на божью волю!» Идетъ день, идетъ другой, идетъ третій — и зашла въ чужую землю.

Вдругъ надвинулись тучи, началась гроза. Гдѣ отъ дождя укрыться? Увидала княжна огромной дубъ—влѣзла на него и сѣла въ густыхъ вѣтвяхъ. Тѣмъ временемъ ѣхалъ на охоту царевичъ; сталъ проѣзжать мимо этого дуба, собаки его бросились — такъ и рвутъ, и лаютъ на дубъ. Любопытно стало царевичу, отчего такъ собаки на дубъ лаютъ? Послалъ своего слугу посмотрѣть; слуга возвратился и сказалъ: «ахъ, ваше высочество! на дубу сидитъ звѣрь—не звѣрь, а чудо чудное, диво дивное!» Царевичъ подошелъ къ дубу и спросилъ: «что ты за чудо? говоришь ты, али нѣтъ?» Княжна отвѣчала: «я Свиной Чехолъ!» Не поѣхалъ царевичъ на охоту, а посадилъ Свиной Чехолъ къ себѣ на повозку, и говоритъ: «повезу-ка я къ отцу, къ матери чудо чудное, диво дивное!» Отецъ и мать подивовались и отправили ее въ особую комнату. [1]) Немного

---

[1]) *Варіантъ:* Въ третій разъ говоритъ мать изъ могилы: «дочь моя милая! скажи отцу, чтобы сдѣлалъ тебѣ коляску-невидимку по городу покататься и къ вѣнцу выѣхать.» Отецъ началъ по всѣмъ землямъ розыскивать такого хитраго мастера; долго-долго искалъ, и таки нашелъ одного каретника, что взялсá и сдѣлалъ коляску-невидимку. Отецъ неотступно пристаетъ къ дочери: поѣдемъ вѣнчаться! «Сейчасъ, говоритъ, снаряжусь!» Снарядилась, сѣла въ коляску-невидимку и уѣхала отъ него въ другое государство; купила себѣ свиную шубку, одѣлась и приходитъ къ царю во дворъ; просится: «возьмите

спустя, собрался у царя балъ; всѣ придворные пошли веселиться. Свиной Чехолъ и спрашиваетъ у царской прислуги: «могу ли я у дверей постоять да на балъ посмотрѣть?»—Куда тебѣ, Свиной Чехолъ! Она вышла въ чистое поле, нарядилась въ блестящее платье—кругомъ часты звѣзды! свистнула-гаркнула—и подали ей карету; сѣла, поѣхала на балъ. Пріѣхала и пошла танцовать. Всѣ удивились: откуда взялась такая красавица? Потанцовала-потанцовала и скрылась; опять надѣла свиной чехолъ и прибѣжала въ свою комнату. Царевичъ пришелъ къ ней и спрашиваетъ: «не ты ли, Свиной Чехолъ, тамъ была эдакой красавицей?» Она отвѣчаетъ: «куды я гожусь съ своимъ чехломъ? я только у дверей постояла.» Въ другой разъ собрались къ царю на балъ. Свиной Чехолъ проситъ позволенія прійдти-посмотрѣть. «Куда тебѣ!» Она вышла въ чистое поле, свистнула-гаркнула не соловейскимъ посвистомъ, а своимъ дѣвичьимъ голосомъ — явилась карета; скинула свой свиной чехолъ, надѣла платье: на спинѣ свѣтёлъ мѣсяцъ, на груди красно солнышко! Пріѣхала на балъ и пошла танцовать. Всѣ на нее прилѣжно глядятъ. Потанцовала и опять скрылась. «Что намъ дѣлать теперь? говоритъ царевичъ; какъ узнать, кто такова эта красавица?» Придумалъ: взялъ да и засмолилъ первую ступеньку смолою, чтобъ ея башмакъ присталъ. На третій балъ княжна еще лучше показалась, да какъ стала выходить изъ дворца—башмачокъ ея и прилипъ къ смолѣ. Царевичъ взялъ этотъ башмачокъ и пошелъ искать по всему царству, кому башмачокъ въ пору? Всю свою землю изъѣздилъ — никому по ногѣ не приходится. Пріѣхалъ домой, пошелъ къ Свиному

меня хоть въ кухнѣ прислуживать.» Взяли ее. Пришло воскресенье; отпросилась дѣвица со двора, вышла въ поле, свиную шубку сняла, а надѣла платье—что̀ ясная зоря. Сѣла въ свою коляску и поѣхала въ церковь. «Посмотрите, куда поѣдетъ эта красавица?» говоритъ царевичъ слугамъ. Кончилась обѣдня; красавица сѣла въ коляску-невидимку, и никто не могъ усмотрѣть, куда она исчезла?...

чехлу и говоритъ: «покажи свои ноги.» Она показала; примѣрилъ — какъ разъ въ пору. Царевичъ разрѣзалъ свиной чехолъ и снялъ съ княжны; потомъ взялъ ее за бѣлую руку, повелъ къ отцу, къ матери, и проситъ позволенія жениться на ней. Царь съ царицею благословили. Вотъ и обвѣнчали ихъ; сталъ царевичъ у своей жены спрашивать: «отчего на тебѣ былъ свиной чехолъ надѣтъ?»—Отъ того, говоритъ, что была я похожа на покойную мою мать и отецъ хотѣлъ на мнѣ жениться.

b. Якъ бувъ соби пипъ да попадя, та була въ ихъ одна дочка̀. Якъ вмерла попадя, пипъ и каже дочци: «а ну, дочко! убирайся, пидемъ винчатьця.» Дочка пишла на матырыну могилу, да-й плаче. Маты выходыть изъ могилы й пытае дочку: «чого ты, доню, плачешь?» —Якъ-же мыни не плакать, колы батько хоче на мыни женитьця. «Колы такъ, дочко, скажи-жъ батькови: нехай винъ тоби справыть платтся таке, якъ мисяць и солнце, и весь прибиръ до платтся.» Батько ій справывъ таке платтся, яке вона сказала, и весь прибиръ, да-й каже дочци вкьять: «кажу тоби, дочко, убирайся винчатьця.» Дочка впьять пишла до матыри на могилу плакать.—Чого ты впьять пришла плакать? пытае маты. «Якъ-же мыни не плакать, що платтся таке, якъ ты казала, справывъ батько, та-й клыче впьять винчатьця?» — Такъ скажи-жъ, дочко, батькови: нехай справыть тоби платтся таке, якъ зо̀ри, и увесь прибиръ до платтся; та тогди, дочко, и повинчаешься зъ нымъ. Пипъ справывъ дочци все, якъ вона сказала, та-й каже знову: «убирайся, дочко, пидемъ винчатьця!» Дочка и въ третій разъ пишла до матыри на могилу, а маты й пытае: «чого ты, доню, впять прийшла до мене плакать?» — Якъ-же мыни не плакать, що батько справывъ все, що ты казала, и впьять таки хоче зо мною винчатьця. «Такъ скажи-жъ батькови, каже маты: нехай винъ тоби справыть кожухъ свыначій и до кожуха весь прибиръ, чоботы и

платокъ.» Батько опьять справывъ дочци и кожухъ и усе, що вона хотила, да-й каже, якъ и попèреду: «ну, дочко, убирайся, пидемъ винчатьця!» Отъ дочка батькови и говòрыть: потрывайте, тату, пiйду зàразъ уберусь, да-[redacted]куклами убиратьця: сама убралась у свы[redacted]хъ, а ку[redacted] трехъ убрала у плаття, що jiй батьк[redacted]справлявъ; а убравшись прiйшла на горòдъ та-й поставы[redacted] трехъ куколъ коло сèбе, а сама стала по серèдыни. Отъ [redacted]на кукла й говòрыть: «ростулысь, сыра земля, щобъ кра[redacted] дивыця пишла у тèбе!» и другà те саме говòрыть, и тре[redacted] те саме. И пишлы воны пидъ землю; идуть, идуть въ ин[redacted]царство, въ инше государство, та-й увышлы у лисъ, а та[redacted] стоить хатка на курячiй нижци. Воны думалы, думалы, [redacted] робыть, та взялы та пидъ хаткою й силы; куклы соби с[redacted]ть, а попивна стала золотомъ вышывать. Колы jиде царенк[redacted] каже: «здорова була! сидай на визъ зо мною.» А вона ка[redacted]: «якъ-же мыни можно зъ вамы сыдить, колы вы царенко, а[redacted] попивна и у свынячому кожуси.» Дакъ винъ каже чоловикови[redacted] возьмы, посады jiи!» а той взявъ да-й посадывъ. Поjихалы [redacted]ы и прijихалы до дòму. Тутъ винъ ввивъ jiи у хату до свое[redacted]матыри да-й каже: «мамо! дозволте мыни на jiй женытьця.» [redacted] маты ёму на те: «якъ-же тоби, сыну, на jiй женытьця, щ[redacted]ы царенко, а вона попивна у свынячому кожушку!» — Дакъ [redacted]оженемъ-же jiи, мамо, пидъ пичъ! Тогди була суббота, а за[redacted]а недиля [1]): отъ винъ уставъ въ-ранци да-й каже чоловико[redacted] «давай лышень кухоль!» [2]) А вона выскочила изъ-пидъ печи [redacted]й подала ёму; но винъ тильки ударывъ jiи кухлемъ, сказав[redacted]: «пиды, геть пидъ пичъ, свыня!» Вона побигла да-й сыдыт[redacted]оби; а винъ поjихавъ до церквы. Якъ тильки винъ поjихавъ[redacted] вона попросылась у царыци да прибравшись пидъ пичью [redacted]сама пишла до церквы; прiйшла да-й сто-

---

[1]) Воскресенье. [2]) [redacted]вшинъ, рукомойникъ.

йть соби на правому крыласи. Царенко, побачивши јіи, пидійшовъ да-й пытае: «видкиля ты, голубко?» — Я изъ-пидъ Кухлева, сказала попивна, и якъ тильки зазвоныли на «Достойно»—выйшла зъ церквы да-й побигла соби впьять пидъ пичъ, знову надивши свынячій кожушокъ. Пріјихавъ царенко зъ церквы да-й каже матыри: «яку я, мамо, гарну панночку бачывъ у церквы! и спытавъ јіи: видкиль вона? а вона сказала: зъ-пидъ Кухлева.» Сподобалась [1]) царенкови панночка, појихавъ неборакъ [2]) шукать Кухлева; јиздывъ цилу недилю; вернувсь въ субботу да-й каже матыри: «не найшовъ панночки.» А попивна сыдыть усе пидъ пичью. Прійшла недиля, винъ вставъ въ-ранци да-й кличе чоловика: «дай лышень, каже, мыни рушныкъ!» [3]) Попивна выбигла й подала ёму рушныкъ, но винъ ударывъ јіи рушныкомъ и прогнавъ видъ себе. Опьять појихавъ винъ до церквы. Вона выпросылась у царыци, надила плаття таке, якъ мисяць и солнце, пишла до церквы да-й стала на правомъ крыласи. Царенко опьять пидійшовъ до еи, пытае знову: видкиль вона? — Изъ-пидъ Рушныкивки, каже попивна. «Поминяемось, серце, колцями!» — Не треба, у мене своихъ багацько. Тильки зазвоныли на «Достойно», вона побигла до дому, роздяглась да-й сыдыть пидъ пичью. Пріјихавъ изъ церквы царенко да впьять и каже матыри: «мамо, яку я гарну панночку бачывъ!» Појихавъ царенко знову шукать Рушныкивку, довго јиздывъ, а не найшовъ ничого и вернувшись росказавъ объ својій недоли матыри; а попивна слухае пидъ пичью, да сміетця. Прійшла знову недиля, вставъ царенко въ-ранци да-й каже: «эй, хлопче, подай гребенець!» Попивна выскочила изъ-пидъ печи и подала гребенець ёму; но винъ гребенцемъ тильки ударывъ јіи, и сказавши: «пиды геть, свыня!» опьять прогнавъ пидъ пичку. Якъ тильки посли сёго ца-

---

[1]) Полюбилась, понравилась. [2]) Бѣднага. [3]) Полотенце.

ренко поjихавъ до церкви, вона опьять выпросылась у царыци, и надивши плаття таке, якъ зори, пишла и соби до церквы и стала на правому крылоси. Царенко побачывъ jiи и опьять спытавъ: видкиля вона?—Изъ-пидъ Гребенцевки, сказала попивна. «Поминяймось, серце, колцями»!—Поминяймось. И воны поминялысь. Потимъ якъ зазвонылы на «Достойно», попивна заразъ побигла до дому; дывытця, а наймычки у царыця вареныки роблять; отъ вона и просить: «дайте, каже, дивчата! и я злиплю вареничокъ.»—Добре, злипы, колы есть охота. Попивна вареныкъ злипыла да и влипыла въ ёго те колцё, що выминяла у царенка. Вернувсь царенко зъ церквы, а попивна уже сыдыть пидъ пичью. «А що, мамо, пора снидать, каже сынъ царыци; нехай лышень дивчата дадуть чого поjисты: чи нема вареныкивъ, або що? Такъ за печенки й тягне!» Поставылы на стилъ макитру, и царенко тильки що взявъ на шпичку первый вареныкъ—жырный да смачный, да положывъ ёго въ ротъ зъ голодухы, ажъ щось объ зубы забряжчало; дывытця, а то те колцё, що винъ отдавъ попивни. Якъ закрычить винъ на всю хату: «кто, каже, липывъ вареныки? сейчасъ мыни сюды подавайте!»—Наймычки переляколысь [1]): «мы, панычику, (кажуть) липылы; далеби, мы! тильки одынъ варенычокъ злипыла попивна, що сыдыть пидъ пичью.»—Кличте jiи сюда! побачымъ, може—вы брешете, вражи дочки! Поклыкалы попивну. Вона зперва надила найкраще свое плаття, а тоди вже й выйшла — така красавыця, що лучшой нема й на свити; выйшла да-й цмокъ царицю въ ручку. Царенко зробывся самъ не свiй одъ радости; ставъ рядкомъ зъ попивною, узявъ jiи за билу рученьку да-й каже: «благословить насъ, мамо; нехай пипъ нашъ руки зваже—намъ на счастя, вамъ на утиху!» Царыця благословыла дитокъ; воны перевинчалысь, да и жывуть соби,

[1]) Перепугались.

хлѣбъ жуютъ, решетомъ воду носятъ, а постоломъ [1]) добро возятъ.

(Записана въ полтавской губерніи, пирятинскомъ уѣздѣ.)

29.

ЗОЛОТОЙ БАШМАЧОКЪ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой. У старика, у старухи было двѣ дочери. Старикъ однажды поѣхалъ на посадъ [2]), и купилъ тамъ одной сестрѣ рыбку, и другой тоже рыбку. Старшая скушала свою рыбку, а младшая пошла на колодецъ и говоритъ: «матушка рыбка! скушать ли тебя или нѣтъ?» — Не кушай меня, говоритъ рыбка, а пусти въ воду; я тебѣ пригожусь. Она спустила рыбку въ колодецъ и пошла домой. Старуха очень не любила своей младшей дочери. Она нарядила сестру ея въ самолучшее лопотьё [3]) и пошла съ ней въ церковь къ обѣднѣ, а младшей оставила двѣ мѣры ржи и велѣла ей вышестать [4]) до прихода изъ церкви. Дѣвушка пошла за водой, сидитъ у колодца и плачетъ; рыбка выплыла наверхъ и спрашиваетъ ее: «объ чемъ ты, красная дѣвица, плачешь?»—Какъ-же не плакать мнѣ? отвѣчаетъ ей красная дѣвица; мати нарядила сестру мою въ самолучшее лопотьё, ушла съ ней къ обѣднѣ, а меня оставила дома и велѣла вычистить двѣ мѣры ржи до прихода своего изъ церкви! Рыбка говоритъ: «не плачь, ступай наряжайся да поѣзжай въ церковь; будетъ рожь вычищена!» Она нарядилась, пріѣхала къ обѣднѣ. Мати не могла ее опознать. Обѣдня зачала отходить, дѣвушка уѣзжаетъ домой; мати тоже приходитъ домой и спрашиваетъ: «что ты, дура, вычистила ли рожь?» — Вычистила, отвѣчаетъ она. «Чтò у обѣдни была за красавица! говоритъ мати; попъ не поетъ, не читаетъ — все

---

[1]) Лаптемъ. [2]) Въ городъ. [3]) Платье. [4]) Вычистить, содрать шелуху.

на ей (её) глядитъ; а ты, дура, взгляни-ка на себя, въ чемъ въ экемъ ходишь!»—Хоть не была, да знаю! говоритъ дѣвица. «Гдѣ тебѣ знать!» сказала ей мати.

На другой разъ мати нарядила старшую дочь свою въ самолучшее лопотьё, пошла съ ей къ обѣднѣ, а младшей оставила три мѣры жита и говоритъ: «покамѣстъ я молюсь Богу, ты вышестай жито.» Вотъ она и пошла къ обѣднѣ, а дочь пошла пò воду на колодецъ; сидитъ у колодца и плачетъ. Рыбка выплыла наверхъ и спрашиваетъ: «о чемъ, красна дѣвица, плачешь?» — Какъ-же не плакать? отвѣчаетъ ей красна дѣвица; мати нарядила сестру мою въ самолучшее лопотьё, пошла съ ей къ обѣднѣ, а меня оставила дома и велѣла вычистить три мѣры жита до прихода своего изъ церкви. Рыбка говоритъ: «не плачь, ступай наряжайся да поѣзжай за ей въ церковь; жито вычистится!» Она нарядилась, пріѣхала въ церковь, стала Богу молиться. Попъ не поетъ, не читаетъ — все на ей глядитъ! Обѣдня зачала отходить. Былъ въ то время у обѣдни той стороны царевичъ; красна дѣвица наша больно ему поглянулась; онъ захотѣлъ узнать: чья этакая? взялъ да и бросилъ ей подъ башмакъ смолы. Башмакъ остался, а она уѣхала домой. «Чей башмакъ, говоритъ царевичъ, ту замужъ возьму!» Башмакъ-отъ былъ весь вышитъ золотомъ. Вотъ и старуха пришла домой. «Чтò тамъ была за красавица! говоритъ она; попъ не поетъ, не читаетъ, все на ей смотритъ; а ты, дура, посмотри-ка на себя: чтò эка за оборванка!»

А въ-тà-поры царевичъ по всѣмъ волостямъ искалъ дѣвицы, чтò потеряла башмакъ; никакъ онъ не могъ найдти, чтобъ башмачокъ былъ въ пору. Онъ пришелъ къ старухѣ и говоритъ: «покажи-ка ты свою дѣвку, ладенъ ли будетъ башмакъ ей?» — Дочь моя замараетъ башмакъ, отвѣчаетъ старуха. Пришла красна дѣвица; царевичъ примѣрилъ ей башмакъ — башмакъ ей ладенъ. Онъ взялъ ее замужъ; стали они жить да поживать,

да добра наживать. Я тамъ былъ, пиво пилъ, по губамъ текло, въ ротъ не попало. Дали мнѣ синь кафтанъ, ворона летитъ да кричитъ: синь кафтанъ! синь кафтанъ! Я думаю: скинь кафтанъ! взялъ да и скинулъ. Дали мнѣ колпакъ, стали въ шею толкать. Дали мнѣ красные башмачки, ворона летитъ да кричитъ: красные башмачки! красные башмачки! Я думаю: укралъ башмачки! взялъ да и бросилъ.

(Записана въ архангельской губерніи, шенкурскомъ уѣздѣ г. Борисовымъ.)

30.

ЧЕРНУШКА.

Жилъ-былъ баринъ; у него была жена добрая, а дочь красавица—звали ее Машею. Только жена-то померла, а онъ на другой женился—на вдовѣ; у той своихъ было двѣ дочери, да такія злыя, недобрыя! Всячески онѣ угнетали бѣдную Машу, заставляли ее на себя работать, а когда работы не было — заставляли ее сидѣть у печки да выгребать золу; отъ того Маша всегда и грязна, и черна, и прозвали онѣ ее дѣвкой-Чернушкой. Вотъ какъ-то заговорили люди, что ихній князь жениться хочетъ, что будетъ у него большой праздникъ и что на томъ праздникѣ выберетъ онъ себѣ невѣсту. Такъ и было. Созвалъ князь всѣхъ въ гости; стала собираться и мачиха съ дочерьми, а Машу не хочетъ брать: сколько та ни просилась — нѣтъ да нѣтъ! Вотъ уѣхала мачиха съ дочерьми на княжій праздникъ, а падчерицѣ оставила цѣлую мѣру ячменя, муки и сажи: все вмѣстѣ перемѣшано, и приказала до ея пріѣзда разобрать все по зернушку, по крупинкѣ. Маша вышла на крылечо и горько заплакала; прилетѣли два голубка, разобрали ей ячмень и муку и сажу, потомъ сѣли ей на плеча — и вдругъ очутилось на дѣвушкѣ прекрасное, новое платье. «Ступай,

говорятъ голубки на праздникъ, только не оставайся тамъ долѣе полуночи.» Только взошла Маша во дворецъ, такъ всѣ на нее и заглядѣлись; самому князю она больше всѣхъ понравилась, а мачиха и сестры ее совсѣмъ не узнали. Погуляла, повеселилась съ другими дѣвушками; видитъ, что скоро и полночь; вспомнила, что ей голубки наказывали, и убѣжала поскорѣй домой. Князь за нею; хотѣлъ было допытаться, кто она такова, а ея и слѣдъ простылъ! На другой день опять у князя праздникъ; мачихины дочери о нарядахъ хлопочутъ, да на Машу то и дѣло кричатъ да ругаются: «эй, дѣвка-Чернушка! переодѣнь насъ, платье вычисти, обѣдъ приготовь!» Маша все сдѣлала, вечеромъ повеселилась на праздникѣ и ушла домой до полуночи; князь за нею—нѣтъ, не догналъ. На третій день у него опять пиръ горою; вечеромъ голубки обули, одѣли Машу лучше прежняго. Пошла она во дворецъ, загулялась, завеселилась и забыла про время—вдругъ ударила полночь; Маша бросилась скорѣй домой бѣжать, а князь загодя приказалъ всю лѣстницу улить смолою и дёгтемъ. Одинъ башмачокъ ея прилипъ къ смолѣ и остался на лѣстницѣ; князь взялъ его и на другой-же день велѣлъ розыскать, кому башмачокъ въ пору? Весь городъ обошли — никому башмачокъ по ногѣ не приходится; наконецъ пришли къ мачихѣ. Взяла она башмачокъ и стала примѣрять старшей дочери — нѣтъ, не лѣзетъ, велика нога! «Отрѣжь большой палецъ! говоритъ мать дочери; какъ будешь княгинею — не надо и пѣшкомъ ходить!» Дочь отрѣзала палецъ и надѣла башмачокъ; княжіе посланные хотятъ во дворецъ ее везти, а голубки прилетѣли и стали ворковать: «кровь на ногѣ! кровь на ногѣ!» Посланные глянули—у дѣвицы изъ башмачка кровь течетъ; «нѣтъ, говорятъ, не годится!» Мачиха пошла примѣривать башмачокъ середней дочери, и съ этой тоже самое было. Посланные увидали Машу, приказали ей примѣрить; она надѣла башмачокъ—и въ ту-жъ минуту очутилось на ней прекрасное

блестящее платье. Мачихины дочери только ахнули! Вотъ привезли Машу въ княжіе терема, и на другой день была свадьба. Когда пошла она съ княземъ къ вѣнцу, то прилетѣли два голубка и сѣли къ ней одинъ на одно плечо, другой на другое; а какъ воротилась изъ церкви, голубки вспорхнули, кинулись на мачихиныхъ дочерей и выклевали у нихъ по глазу. Свадьба была веселая, и я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало.

31.

СЕМЬ СИМІОНОВЪ.[1])

У одного старичка, у богатаго мужичка, не было ни сына, ни дочери; сталъ онъ Бога молить, чтобы послалъ ему хоть единое дѣтище при жизни на потѣху, а по смерти на замѣну. Вотъ родилось у него въ одинъ день семь сыновъ, и всѣхъ ихъ назвали Симіонами. Не привёлъ имъ Богъ взрости подъ надзоромъ отца, матери; остались Симіоны сиротками. Извѣстно, каково житье сиротское; хоть малъ, неразуменъ, а во всякой слѣдъ пойди, за всякое дѣло берись; такъ-то и Симіоны. Пришла пора рабочая, народъ засуетился—и жнутъ, и косятъ, и на гумно возятъ, а тутъ надо еще землю поднимать, подъ зиму надо хлѣбъ засѣвать; Симіоны подумали-подумали, и хоть силы нѣтъ, а туда-же за людьми поѣхали, копаются какъ червячки на широкомъ полѣ. Ѣдетъ мимо царь; удивился, что малыя дѣти не по силѣ работаютъ. Подозвалъ ихъ къ себѣ, сталъ распрашивать; дознался, что у нихъ нѣтъ ни отца, ни матери. «Я, говоритъ, хочу быть вашимъ отцомъ; скажите мнѣ: какимъ ремесломъ желаете вы заняться?» Старшій отвѣчалъ: «я, го-

---

[1]) Смотри вып. II, № 26; вып III, № 12.

сударь, буду кузнецъ и воздвигну столбъ такой, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать — почти до небесъ.» — А я, отвѣчалъ второй, взойду на этотъ столбъ, стану глядѣть на всѣ стороны и тебѣ разсказывать, что дѣлается въ чужихъ царствахъ-государствахъ. Государь похвалилъ. Третій отвѣчалъ: «я буду плотникъ и сдѣлаю корабль.» — Дѣло! Четвертой: «а я стану кораблемъ управлять и буду кормчій.» — Хорошо! Пятой: «а я, когда понадобится, возьму корабль за носъ и спрячу его на дно моря.» Шестой: «а я, когда понадобится, со дна моря его опять выхвачу.» — Всѣ вы хотите быть дѣльными людьми! а ты, сказалъ царь меньшому, чему хочешь учиться? «Я, государь, буду воръ!» — О, худо-же ты затѣялъ! вора мнѣ не надо, вора я велю казнить. Государь простился съ дѣтьми и уѣхалъ. Симіоновъ отдали въ науку. Черезъ долгое время они выросли, выучились — чему хотѣли; государь ихъ потребовалъ на лицо — испробовать ихъ мастерство, поглядѣть ихъ искусство, испытать ихъ знаніе.

Кузнецъ сковалъ столбъ такой, что голову закинешь — шеѣ станетъ больно, чуть не до небесъ. Царь похвалилъ. Другой братъ, какъ бѣлка, вскочилъ на верхушку столба, глянулъ на всѣ стороны; раскрылись предъ нимъ всѣ царства-государства, и онъ сталъ разсказывать, въ которомъ изъ нихъ что дѣлается. «А въ такомъ-то царствѣ, въ такомъ-то государствѣ, говорилъ онъ, живетъ Елена-царевна Прекрасная — невиданной красоты: алый цвѣтъ у ней по лицу разсыпается, бѣлый пухъ по груди разстелается, и видно, какъ мозжечокъ изъ косточки въ косточку переливается.» Это царю всего больше понравилось. Третій братъ тяпъ да ляпъ — выстроилъ корабль, какъ домъ хорошій. Царь обрадовался. Четвертой сталъ управлять кораблемъ; корабль побѣжалъ по морю, какъ рыбка живая. Государь былъ очень доволенъ. Пятой на всемъ лету схватилъ корабль, дернулъ его за носъ — корабль потонулъ на дно моря.

Шестой въ одну минуту выхватилъ его изъ моря, какъ легкую лодочку, и корабль сталъ—какъ ни въ чемъ не бывалъ. Государю и эта штука понравилась. А для меньшаго брата-вора поставили висѣлицу, протянули петлю. Царь его спросилъ: «и ты въ своемъ мастерствѣ такъ-же искусенъ, какъ твои братья?» — Я еще искуснѣе ихъ! Тутъ-же хотѣли его вздёрнуть на висѣлицу; но онъ закричалъ: «погоди, государь! можетъ—и я пригожусь. Повели, я украду для тебя Елену Прекрасную; только отпусти со мной моихъ братьевъ. Я поплыву съ ними въ кораблѣ новосдѣланномъ, и Елена-царевна будетъ твоя.» А у царя изъ головы не шла Елена Прекрасная, много онъ объ ней слышалъ хорошаго, сердце къ ней просилося; да жила она отъ него за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ. Воръ затѣялъ хорошо; положиться на его удальство хоть нельзя, а попытаться можно, подумалъ государь. Отпустилъ вора съ братьями, а корабль новосдѣланной нагрузилъ всякими богатствами. Долго ли плавали, нѣтъ ли, наконецъ остановились въ томъ государствѣ, гдѣ жила Елена Прекрасная. Вора не учить, что̀ надо говорить, какъ за дѣло браться; онъ все вызналъ, вывѣдалъ, услышалъ, что въ этой землѣ нѣтъ кошекъ, нарядился купцомъ, взялъ кошечку; оглаживая, охорашивая, повелъ ее на золотомъ шнуркѣ мимо окна Елены-царевны. Царевна увидѣла, понравился ей хорошенькой звѣрёкъ, приказала она его купить. Воръ отвѣчалъ, что онъ богатой купецъ, пріѣхалъ изъ богатѣйшаго государства, привёзъ всякія рѣдкости, драгоцѣнности, желаетъ явить прекрасной Еленѣ свое усердіе и проситъ ее принять отъ него кошечку въ подарокъ. Вора позвали во дворецъ; кошка дѣлала разныя штуки, царевна любовалась. Воръ наговорилъ столько о своихъ невиданныхъ рѣдкостяхъ, принёсъ и раскинулъ предъ нею такія чудныя ткани, такіе дивные уборы — глазъ бы не отвёлъ! «Да то-ли еще у меня есть! говорилъ онъ въ добавокъ; эти вещи я

могу всѣмъ показать, кто хочетъ—можетъ купить ихъ; а тебѣ, царевна, не угодно ли взглянуть на сокровище безцѣнное, никѣмъ невиданное? оно у меня на кораблѣ подъ великой охраной; только одной тебѣ и покажу его. Оно замѣняетъ ночью огонь, днемъ—солнце, и освѣщаетъ всякой мракъ чудымъ свѣтомъ: это камень необычайной красоты; а вынуть его невозможно, объявить объ немъ — значитъ погубить себя, всякой захочетъ обладать имъ. Дорого стòило мнѣ, чтобъ достать его; но еще дороже для меня честь отъ царя моего, которому я везу это диво въ подарокъ.» Царевна дала слово быть на кораблѣ и взглянуть на сокровище.

На другой день съ нянюшками, съ мамушками, съ красными дѣвушками она отправилась изъ дворца на корабль. Вся свита оставалась на берегу; только Елена могла видѣть чудный свѣтъ безподобнаго камня. Все было изготовлено для ея встрѣчи; семь Симіоновъ явились прислуживать, и только она вступила на корабль — пятой братъ схватилъ корабль за носъ, и корабль палъ на дно моря; вода плесканулась, закружилась, потомъ волны опять загуляли по старому, какъ ничего не бывало; только на берегу кричали, плакали нянюшки-мамушки, только царь-отецъ разсылалъ погоню во всѣ концы... но посланцы возвращались безъ царевны! Елена Прекрасная плыла далеко по синему океану; шестой братъ вывелъ корабль со дна моря, корабль шелъ какъ гусь-лебедь, покачиваясь, и скоро присталъ къ родимому берегу. Царь обрадовался; онъ и во снѣ не видалъ, чтобъ принимать у себя Елену Прекрасную. Щедро наградилъ онъ Симіоновъ, не велѣлъ съ нихъ оброку, подушнаго брать; а самъ женился на Еленѣ Прекрасной и задалъ пиръ на весь міръ. Я нарочно за тысячу вёрстъ туда пришла, пиво-медъ пила, по усамъ текло, а въ ротъ не попало! Тамъ дали мнѣ ледяную лошадку, рѣпеное сѣдельце, гороховую узлечку; на плечики—синь кафтанъ, на голову шитъ колпакъ. Поѣхала я от-

туда во всемъ нарядѣ, остановилась отдохнуть; сѣдельце, уздечку поснимала, лошадку къ деревцу привязала, сама легла на травкѣ. Откуда ни возьмись—набѣжали свиньи, съѣли рѣпеное сѣдельце; налетѣли куры, склевали гороховую уздечку; взошло солнышко, растопило ледяную лошадку. Пошла я съ горемъ пѣшечкомъ; иду—по дорожкѣ прыгаетъ сорока и кричитъ: «синь кафтанъ! синь кафтанъ!» а мнѣ послышалось: скинь кафтанъ! я скинула да бросила. Къ чему-же, подумала я, остался на мнѣ шитъ колпакъ? схватила его да о земь, и какъ видите теперь — осталась ни съ чѣмъ.

(Записана въ курской губерніи.)

32.

ЕМЕЛЯ-ДУРАКЪ. [1]

Жили три брата, два-то умныхъ, а третій дуракъ; умные братья поѣхали въ нижніе города товаровъ закупать, и говорятъ дураку: «ну, смотри, дуракъ! слушай нашихъ женъ и почитай такъ, какъ родныхъ матерей; мы тебѣ купимъ сапоги красные, и кафтанъ красной, и рубашку красную.» Дуракъ сказалъ имъ: «ладно, буду почитать.» Они отдали дураку приказаніе, а сами поѣхали въ нижніе города; а дуракъ легъ на печь и лежитъ. Невѣстки говорятъ ему: «что-же ты, дуракъ! братья велѣли тебѣ насъ почитать, и за это хотѣли тебѣ по подарку привезть, а ты на печи лежишь, ничего не работаешь; сходи хоть за водой.» Дуракъ взялъ ведра и пошелъ за водой; зачерпнулъ воды, и попала ему щука въ ведро. Дуракъ и говоритъ: «слава Богу! теперь я наварю хоть этой щуки, самъ наѣмся, а невѣсткамъ не дамъ; я на нихъ сердитъ!» Говоритъ ему щука человѣческимъ голосомъ: «не ѣшь, дуракъ, меня; пусти опять

[1]) См. выпускъ V, № 55.

въ воду, счастливъ будешь!» Дуракъ спрашиваетъ: «какое-жъ отъ тебя счастье?» —А вотъ какое счастье: что̀ скажешь, то и будетъ! Вотъ скажи: по щучьему велѣнью, по моему прошенью ступайте, ведра, сами домой и поставтесь на мѣсто.» Какъ только дуракъ сказалъ это, ведра тотчасъ пошли сами домой и поставились на мѣсто. Невѣстки глядятъ и дивуются: «что онъ за дуракъ! говорятъ; вишь какой хитрой, что̀ у него ведра сами домой пришли и поставились на свое мѣсто! Дуракъ пришелъ и лёгъ на печку; невѣстки стали опять говорить ему: «что-жъ ты, дуракъ, улегся на печку? дровъ нѣтъ, ступай за дровами.» Дуракъ взялъ два топора, сѣлъ въ сани, лошади не запрёгъ. «По щучьему, говоритъ, велѣнью, по моему прошенью катитесь, сани, въ лѣсъ!» Сани покатились скоро да шибко, словно кто погоняетъ ихъ. Надо было дураку ѣхать мимо города, и онъ безъ лошади столько придавилъ народу, что ужасъ! Тутъ всѣ закричали: «держи его! лови его!» однако не поймали. Дуракъ въѣхалъ въ лѣсъ, вышелъ изъ саней, сѣлъ на колодину и сказалъ: «одинъ топоръ руби съ корня, другой дрова коли!» Вотъ дрова нарубились и наклались на сани. Дуракъ говоритъ: «ну, одинъ топоръ! теперь поди и сруби мнѣ кукову [1]), чтобъ было чѣмъ носило поднять.» Топоръ пошелъ и срубилъ ему кукову; кукова пришла, на возъ легла. Дуракъ сѣлъ и поѣхалъ; ѣдетъ мимо города, а въ городѣ народъ собрался, давно его караулятъ. Тутъ дурака поймали, начали одерживать да пощипывать; дуракъ и говоритъ: «по щучьему велѣнью, по моему прошенью ступай, кукова, похлопочи-ка!» Вскочила кукова и пошла ломать, колотить, и прибила народу многое множество: люди, словно снопы, такъ наземь и сыплются! Отдѣлался отъ нихъ дуракъ и пріѣхалъ домой, дрова

---

[1]) Палка или дубинка, у которой одинъ конецъ загнутъ и закругленъ на подобіе шара (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 95).

сложилъ, а самъ на̀ печь сѣлъ. Вотъ горожане стали бить на него челомъ и донесли королю: «такъ де его не взять, надобно обманомъ залучить, а всего лучше обѣщать ему красную рубаху, красной кафтанъ и красные сапоги.» Пришли за дуракомъ королевскіе гонцы: «ступай, говорятъ, къ королю; онъ тебѣ дастъ красные сапоги, красной кафтанъ и красную рубаху.» Вотъ дуракъ и сказалъ: «по щучьему велѣнью, по моему прошенью, печка, ступай къ королю!» Самъ сѣлъ на̀ печь, печка и пошла. Пріѣхалъ дуракъ къ королю. Король ужь хотѣлъ казнить его, да у того короля была дочь, и больно понравился ей дуракъ; стала она отца просить, чтобы отдалъ ее за дурака замужъ. Отецъ разсердился, обвѣнчалъ ихъ, и велѣлъ посадить обоихъ въ бочку, бочку засмолить и пустить на̀ воду. Такъ и сдѣлано.

Долгое время плыла бочка по̀ морю; стала жена дурака просить: «сдѣлай такъ, чтобъ насъ на̀ берегъ выкинуло.» Дуракъ сказалъ: «по щучьему велѣнью, по моему прошенью — выкинь эту бочку на̀ берегъ и разорви ее!» Вышли они изъ бочки; жена опять стала дурака просить, чтобы онъ построилъ какую-нибудь избушку. Дуракъ сказалъ: «по щучьему велѣнью, по моему прошенью—постройся мраморной дворецъ, и чтобы этотъ дворецъ былъ какъ разъ противъ королевскаго дворца!» Сейчасъ все исполнилось; король увидалъ по утру новой дворецъ и послалъ узнать, кто такой живетъ въ немъ? Какъ только узналъ, что тамъ живетъ его дочь, въ ту-жъ минуту потребовалъ ее съ мужемъ къ себѣ. Они пріѣхали; король ихъ простилъ, и стали вмѣстѣ жить-поживать да добра наживать.

(Записана въ новгородской губерніи.)

33.

СМЕРТЬ СКУПАГО.

Жилъ-былъ скупой скряга, старикъ; имѣлъ двухъ сыновей и множество денегъ; послышалъ смерть, заперся одинъ въ избѣ, сѣлъ на сундукъ, началъ глотать золотыя деньги и ѣсть ассигнаціи, и такъ покончилъ свою жизнь. Пришли сыновья, положили мертваго подъ святыя иконы и позвали дьячка читать псалтырь. Вдругъ въ самую полночь является въ образѣ человѣка нечистой, поднялъ мертваго старика на плечо и сказалъ: «держи, дьячокъ, полу.» И началъ трусить старика: «деньги твои, а мѣшокъ мой!» понёсъ его, и невидимъ сталъ.

(Записана въ саратовской губерніи.)

34.

СОЛДАТЪ И РАЗБОЙНИКЪ.

Жилъ-былъ мужикъ да баба; мужикъ-то разбоемъ промышлялъ, а жена ему помогала. Вотъ разъ поѣхалъ онъ на разживу; дома оставалась одна баба. На ту пору случилось проходить той деревней солдату; постучался къ ней въ окно и просится: «пусти переночевать, хозяюшка!» — Ступай! Солдатъ вошелъ въ избу, снялъ съ себя ранецъ и лёгъ спать. Немного погодя, пріѣзжаетъ хозяинъ, увидалъ гостя и говоритъ: «ну, слава Богу! хоть на дорогѣ не выѣздилъ, да въ избѣ нашелъ!» Сѣлъ ужинать и велитъ женѣ: «разбуди-ка солдата! пусть и онъ со мной поужинаетъ.» Вотъ и солдатъ усѣлся за столъ; хозяинъ наливаетъ ему стаканъ вина—онъ выпилъ; наливаетъ другой—и другой выпилъ; наливаетъ третій—а онъ больше не пьетъ, отнѣкивается. «Не чванься! хоть пей, хоть не пей—все равно помирать!» сказалъ хозяинъ; вылѣзъ изъ-за стола, взялъ въ руки

топоръ и говоритъ: «ну, служивой, молись Богу; немного тебѣ жить осталось!» Солдатъ началъ просить, умолять, чуть не въ землю кланяется—нѣтъ, ничего не беретъ. Сталъ онъ на колѣни передъ святою иконою и такъ усердно, отъ всего сердца молится, да въ грѣхахъ кается. «Скорѣй молись! пора!» А солдатъ все стоитъ да молится. Вдругъ кто-то стукнулъ въ окно и невѣдомой голосъ провѣстился: «служба! а служба! что ты копаешься; иди, я тебя давно дожидаюсь». Мужикъ испугался и топоръ выронилъ, а солдатъ надѣлъ ранецъ и вышелъ на крыльцо—стоитъ тройка добрыхъ коней; онъ сѣлъ въ повозку—лошади понеслись, и не успѣлъ солдатъ очнуться — глядь: передъ нимъ отцовской дворъ. Тройка пропала, словно ее и не было. Возблагодарилъ солдатъ Бога за свое спасеніе и пошелъ въ избу; отецъ съ матерью обрадовались ему, не знаютъ—какъ принять, чѣмъ угостить. Живетъ у нихъ солдатъ день и другой; на третій пріѣзжаетъ къ нимъ въ гости тотъ самой мужикъ, что̀ хотѣлъ было порѣшить солдата; вишь, разбойникъ-то былъ женатъ на его родной сестрѣ, только солдатъ про то не вѣдалъ, да и сестра его не признала. Сейчасъ за столъ, стали ѣсть да пить; разбойникъ смекнулъ, что его дѣло неладно, сидитъ — не пьетъ; а солдатъ его подчуетъ: «хоть пей, говоритъ, хоть не пей—все одно помирать!»—Богъ съ тобой, сынокъ! что ты говоришь нехорошее?.. напустились на него отецъ съ матерью. Солдатъ разсказалъ все, какъ было; тутъ разбойника схватили, заковали и въ острогъ отправили.

35.

ЖЕНА-ДОКАЩИЦА.

Жилъ-былъ старикъ со старухою. Не умѣла старуха языка держать на привязи; бывало что̀ ни услышитъ отъ мужа — сейчасъ вся деревня узнаетъ. Пока не повздорятъ промежъ

себя—еще туда-сюда, а случится старику со старухой подраться да поколотить ее — она озлится и побѣжитъ по людямъ да на господской дворъ, всю подноготную разскажетъ; иной разъ вдвое больше наврётъ, чѣмъ правды скажетъ. По тѣмъ наговорамъ и тащутъ старика; только успѣвай спиной расплачиваться. Вотъ однова пошелъ старикъ въ лѣсъ за дровами; ступилъ въ одномъ мѣстѣ ногою — нога провалилась. «Что за притча! дай-ка я стану рыть, можетъ—на мое счастье что̀ и найдется.» Взялся за лопату; копнулъ разъ, другой, третій — и вырылъ котёлъ полнёховекъ золота. «Слава Богу! только какъ домой взять? отъ жены не укроешься, она всему свѣту разблаговѣститъ; еще бѣды наживешь!» Подумалъ-подумалъ, зарылъ котёлъ въ землю и пошелъ въ городъ, купилъ щуку да живаго зайца, щуку повѣсилъ на дерево—на самую верхушку [1]), а зайца посадилъ въ морду. Приходитъ въ избу. «ну, жена! какое мнѣ счастье Богъ послалъ, только тебѣ сказать-то нельзя; пожалуй, всѣмъ разболтаешь!» — Скажи, старичокъ! пристаетъ баба; право слово—никому не заикнусь; хочешь—побожусь, образъ сниму да поцѣлую. «Вотъ что, старуха: нашелъ я въ лѣсу полонъ котёлъ золота.» — Экой ты! пойдёмъ поскорѣе, домой унесёмъ... «Смотри-же, старая! никому не сказывай, не то бѣду наживемъ.»—Небось, ты только не сказывай, а я не скажу! ты когда пьянъ, всегда хвастаешь! Повёлъ мужикъ бабу, дошелъ до того мѣста, гдѣ щука на деревѣ виситъ, остановился, поднялъ вверхъ голову и смотритъ. «Ну, что глазѣешь? пойдемъ скорѣе.»—Да развѣ не видишь? глядь, щука на деревѣ выросла! «Ой ли! полѣзай за нею; ужотка на ужинъ зажаримъ.» Старикъ слазилъ на дерево и досталъ щуку. Пошли дальше. Шли-шли: «дай, старая! къ рѣкѣ сбѣгаю, въ морды посмотрю.» Заглянулъ въ морду и давай жену звать: «глянь-ка! заяцъ въ морду попалъ.» — А коли попалъ, бери

[1]) *Вар.* щуку въ тенёта положилъ.

его поскорѣй—къ празднику на обѣдъ пригодится! Взялъ старикъ зайца и привёлъ старуху въ лѣсъ; отрыли вдвоемъ котёлъ съ золотомъ, и потащили домой. Дѣло было къ вечеру; совсѣмъ потемнѣло. «Старикъ, а старикъ! говоритъ баба, никакъ овцы ревутъ?»—Какія овцы! то нашего барина черти дерутъ. Шли-шли, старуха опять говоритъ: «старикъ, а старикъ! никакъ коровы ревутъ?»—Какія коровы! то нашего барина черти дерутъ. Шли-шли; стали къ деревнѣ подходить, старуха старику говоритъ: «никакъ волки ревутъ?» — Какіе волки! то нашего барина черти дерутъ.

Разбогатѣлъ старикъ со старухою. Вздурилась старуха пуще прежняго, пошла кажной день гостей зазывать да такіе пиры подымать, что мужъ хоть изъ дому бѣги. Совсѣмъ отъ рукъ отбилась и слушаться перестала. Старикъ терпѣлъ-терпѣлъ, да не вытерпѣлъ, схватилъ ее за̀ косу и давай таскать по̀ полу; досыта потѣшился! Какъ только вырвалась баба, сейчасъ принялась ругаться: «постой, подлецъ! узнаешь меня. Ты хочешь все золото себѣ забрать; нѣтъ, врёшь! я тебя упеку, въ Сибири мѣста не сыщешь! сейчасъ пойду къ барину!» Побѣжала къ барину, завыла-заплакала: «такъ и такъ, говоритъ, нашелъ мужъ полонъ котёлъ золота, и съ той самой поры зачалъ крѣпко виномъ зашибать. Я было его уговаривать, а онъ меня колотить; таскалъ-таскалъ за̀ косу, еле изъ рукъ вырвалась! Прибѣжала къ вашей милости мое горе объявить, на негоднаго мужа челомъ бить: отберите у него, подлеца, все золото, чтобъ работалъ, а не пьянствовалъ!» Баринъ позвалъ нѣсколько дворовыхъ людей и пошелъ къ старику. Приходитъ въ избу и закричалъ на него: «ахъ ты, мошенникъ эдакой! нашелъ на моей землѣ цѣлой котёлъ золота — сколько времени прошло, а мнѣ до сихъ поръ не доложилъ! началъ пьянствовать, разбойничать, да жену тиранить! Подавай сейчасъ золото...» — Смилуйся, баринъ! отвѣчаетъ старикъ; я знать не знаю, вѣдать не вѣдаю:

никакого золота не находилъ. «Врёшь ты, безстыжіе твои глаза! напустилась на него старуха; пойдемте, баринъ, за мною; я покажу, гдѣ деньги спрятаны.» Приводитъ къ сундуку, подняла крышку — нѣтъ ничего, пустёхонекъ. «Ахъ онъ, плутъ! пока я ходила, въ иное мѣсто перепряталъ.» Тутъ баринъ присталъ къ старику вплотную: «покажь золото!» — Да гдѣ-жъ мнѣ его взять? Извольте про все доподлинно допросить мою старуху. «Ну, голубушка разскажи мнѣ толкомъ, хорошенько: гдѣ и въ какое время найденъ котёлъ съ золотомъ?» — Да вотъ, баринъ! начала старуха, шли мы лѣсомъ — еще втѣпоры щуку на деревѣ поймали... «Опомнись, дура! говоритъ старикъ; вить ты заговариваешься!»—Нѣтъ, подлецъ! я не заговариваюсь, а правду сказываю; еще тутъ-же мы зайца изъ морды вынули... «Ну, пошла! чай, теперь самъ, баринъ, слышишь! Ну какъ можно, чтобы звѣри въ рѣкѣ водились, а рыба въ лѣсу на деревѣ плодилась?» — Такъ по твоему того не было? А помнишь, какъ мы назадъ шли, — я сказала: никакъ овцы ревутъ? а ты отвѣчалъ: то не овцы ревутъ, то нашего барина черти дерутъ! «Врёшь, старая! съ ума спятила.» — Я опять сказала: никакъ коровы ревутъ? а ты: какія коровы! то нашего барина черти дерутъ. А какъ стали подъѣзжать къ деревнѣ, мнѣ почудилось, что волки ревутъ; а ты сказалъ: какіе волки! то нашего барина черти дерутъ... Баринъ слушалъ-слушалъ, осерчалъ и ну толкать въ шею старуху. Послѣ того старуха недолго жила, а старикъ взялъ за себя молодую жену, накупилъ товаровъ, и сталъ жить-поживать да въ городѣ торговать. [1])

---

[1]) *Варіантъ:* Жилъ старикъ со старухою; сбили они на рѣкѣ заѣзочекъ и заложили по мордочкѣ. Пошли домой; на дорогѣ увидала старуха кладъ, и давай всѣмъ разсказывать. Что съ ней дѣлать? Вздумалъ старикъ пошутить надъ старухою, пошелъ въ поле, поймалъ зайца и отправился на рѣку морды смотрѣть; вынулъ одну—а въ ней щука попалась. Онъ щуку-то взялъ, а замѣсто ея посадилъ въ морду зайца; а рыбу въ поле понесъ и положилъ въ

36.

ЕЩЕ ЖЕНА-ДОКАЩИЦА.

Жилъ мужикъ на чужой сторонѣ, не заработалъ ни копѣйки, и пошелъ домой. Сталъ подходить къ своей деревнѣ и думаетъ: какъ безъ денегъ домой показаться? Попадаетъ ему богатой жидъ на встрѣчу; мужикъ хватилъ его топоромъ, ушибъ до смерти, деньги къ себѣ прибралъ, а мертвое тѣло подъ кустъ стащилъ. Приходитъ домой, увидала жена деньги и ну

горохъ. Воротился домой и зоветъ старуху горохъ крючить (т. е. снимать съ поля—Опытъ обл. велик. словаря, стр. 94). Вотъ собрались и поѣхали. Дорогою старикъ началъ сказывать: «люди говорятъ, что нынче рыба въ поляхъ живетъ, а въ водахъ звѣрь поселился.»—Что ты, старикъ! Пріѣхали въ поле. «Вотъ правда и есть! закричалъ старикъ; погляди, старуха, щука-то въ горохъ заползла!»—Лови ее! Старикъ взялъ щуку, положилъ въ пестерёкъ (корзина, сплетенная изъ лыкъ и бересты—Опытъ обл. велик. словаря, стр. 157): «пойдемъ-ка теперь на рѣку, не попалось ли чего въ морды?» Досталъ морду: «ахъ, старуха, вить люди-то правду сказываютъ! погляди, заяцъ попалъ!»—Держи его крѣпче; а то, пожалуй, опять въ воду нырнетъ! Взялъ старикъ зайца: «ну, говоритъ, поѣдемъ кладъ добывать.» Забрали всѣ деньги и поѣхали домой. Дорогою усмотрѣла старуха, что въ сторонѣ медвѣдь корову рвётъ, и говоритъ: «эй, старикъ! погляди-ка, медвѣдь корову рвётъ.» —Молчи, жена! это чортъ съ нашего барина шкуру деретъ. Пріѣхали ко двору; старикъ пошелъ деньги прятать, а старуха побѣжала разсказать сосѣдкѣ; сосѣдка разсказала дворецкому, а дворецкой барину. Баринъ призвалъ старика: «ты кладъ нашелъ?»—Никакъ нѣтъ. «Твоя старуха сказала.»—Да пожалуй, ей врать не впервой! Послалъ баринъ за старухою: «что, старуха, нашли вы кладъ?»—Нашли, батюшка! «Какъ-же ты, старикъ, говоришь, что нѣтъ.» —Что ты врешь, глупая баба! ну, гдѣ мы кладъ нашли?—Какъ гдѣ? въ полѣ; еще въ то время щука въ горохѣ плавала, а заяцъ въ морду попалъ. «Врешь ты, старая кочерга! гдѣ это видано, чтобъ рыба въ полѣ жила, а заяцъ въ водѣ плавалъ?»—Ну вотъ, позабылъ! еще въ то самое время чортъ съ нашего барина шкуру дралъ... Баринъ хлопъ ее по уху: «что ты бредишь, подлая! когда чортъ съ меня шкуру дралъ?»—Да таки дралъ; ей Богу, дралъ! Баринъ разсердился, велѣлъ принесть розогъ и заставилъ при себѣ ее наказывать. Растянули ее, сердечную, и начали подчивать; а она знай себѣ—и подъ розгами тоже сказываетъ. Баринъ плюнулъ и прогналъ старика со старухою. (Записана въ оренбургской губерніи, уфимскомъ уѣздѣ.)

приставать: «гдѣ добылъ такую великую казну?» Мужикъ и проговорись: «встрѣчнаго убилъ, подъ кустъ положилъ; смотри, жена, никому не сказывай!» Проговорился, да и самъ не радъ: «ну какъ разболтаетъ баба? вѣдь у нихъ волосъ длиненъ, да умъ коротокъ! Бѣда моя будетъ!» Побѣжалъ поскорѣй въ поле, ухватилъ-поволокъ жида въ иное мѣсто и зарылъ гдѣ-то въ лѣсной трущобѣ, а замѣсто его подъ кустомъ бросилъ зарѣзаннаго козла; потомъ закупилъ цѣлой четверикъ грушъ и нацѣплялъ ихъ на вербу, а стояла та верба какъ разъ на дорогѣ къ барской усадьбѣ. День прошелъ—баба молчитъ, и другой прошелъ—все молчитъ; а на третій чортъ и попуталъ. Вишь, мужъ въ частую дома не живалъ, такъ баба съ добрымъ молодцемъ знакомство свела; довѣдался мужикъ, что баба-то гуляетъ, и давай ее бить-колотить—чтò только силы было! «Ахъ ты, разбойникъ! закричала она, одного ужь убилъ и денежки обобралъ, а теперь и меня хочешь забить дò смерти! Пойдемъ, душегубъ, къ барину; я на тебя все докажу...» Пошли судиться къ барину. «Стой, жена! говоритъ мужикъ дорòгою, погляди-ка на вербѣ груши выросли; давай трусить.»—Давай! Натрусили полонъ мѣшокъ, снесли домой, и опять собрались къ барину. Вотъ и усадьба барская. Стала жена на мужа доказывать: «батюшка баринъ! заступись, оборони отъ злодѣя: мой мужъ человѣка сгубилъ, деньги обобралъ, мертвое тѣло подъ кустъ положилъ.»—Что ты врёшь, полоумная? не вѣрьте ей, добрый баринъ; она у меня издавна завирается. Я козла зарѣзалъ, а ей человѣкъ почудился. Баринъ поѣхалъ самъ осматривать; глянулъ подъ кустъ — зарѣзанной козёлъ лежитъ. «Что-жъ ты клепишь, глупая баба?»—Нѣтъ, баринъ! отвѣчаетъ баба, я не клеплю, я говорю сущую правду; должно быть онъ, мошенникъ, мертвое тѣло запряталъ куда подальше, а замѣсто его козла подкинулъ. «Ну, мужикъ, признавайся!» говоритъ баринъ. — Да въ чемъ признаваться-то, коли ни душой, ни

тѣломъ не виноватъ? Извѣстное дѣло — баба: волосъ дологъ, умъ коротокъ; съ дуру врётъ! Она пожалуй скажетъ, что груши на вербѣ ростутъ — такъ ей и вѣрить? «Да таки ростутъ! сегодня полонъ мѣшокъ съ вербы натрусили...» — Пошла вонъ, дура! закричалъ баринъ; ты совсѣмъ съ ума спятила. Пошла баба, несолоно хлебавши; а дома мужикъ опять за плётку и порядкомъ поучилъ ее: съ недѣлю спина и бока болѣли!

37.

МУЖЪ ДА ЖЕНА.

Жили мужъ съ женой, по виду будто хорошо, да какъ-то жена была мудрена: уйдетъ мужъ—она весела, придетъ—захвораетъ; такъ и старается ему дѣло найти, куда-нибудь съ рукъ сбыть; нынче пошлетъ его туда, завтра въ другое мѣсто, а безъ него у нея гулюшки, пирушки! Придетъ мужъ—и чисто, и прибрано; сама охаетъ, больна, на лавочкѣ лежитъ. Мужъ вѣритъ, чуть самъ не плачетъ. Вотъ разъ придумала жена послать его за лѣкарствомъ въ Крымъ-градъ. Мужъ пошелъ. На дорогѣ ему встрѣлся солдатъ: «куда ты, мужикъ?» — Въ Крымъ-градъ за лѣчбой! «Кто боленъ?»—Жена! «Воротись, воротись безотмѣнно; я самъ дока, я пойду съ тобою!» Поворотилъ его налѣво кругомъ, и очутился мужикъ опять у своего гумна. «Сядь-же ты здѣсь, говоритъ дока; а спровѣдаю, какова хворая?» Вошелъ на дворъ, приложилъ ухо къ избѣ— тамъ игры, тамъ скоки, гульба! Забилась солдатская грудь, ударилъ въ дверь, растворилась изба — хозяйка по ней лебедемъ носится, передъ ней молодой парень въ присядку разсыпается, зелено винцо по столу разливается. Пришелъ солдатъ во время, выпилъ чарку и пошелъ въ присядку; полюбился хозяйкѣ: что за солдатъ, что за дѣтина! угодливъ, догадливъ, словно вѣкъ тутъ жилъ! Поутру надо пирожки печь. «Сол-

дать! сходи на гумно, принеси соломки вязаночку.» Солдат пошелъ; набралъ соломы, завернулъ туда мужа, скрячилъ [1]) веревкой, вскинулъ за плечи и принёсъ къ хозяйкѣ. Хозяйка рада, затянула пѣсенку: «пошелъ мужъ во Крымъ-градъ зелья купить, женѣ зельемъ животъ лѣчить! Солдатъ, подтягивай мнѣ!» Солдатъ началъ свою пѣсню: «чуешь ли, солома, что дѣется дома?»—О, твоя не хороша, моя лучше; давай вмѣстѣ: пошелъ мужъ во Крымъ-градъ зелья купить, женѣ зельемъ животъ лѣчить. Она поётъ громко, а солдатъ еще громче: «чуешь ли, солома, что дѣется дома? Плеть виситъ на стѣнѣ, а быть ей на спинѣ!» Солома почуяла, затряслась, веревка лопнула, вязанка распалась — и выскочилъ мужъ, схватилъ плётку и давай стегать хозяйку. Какъ рукой сняло — вылѣчилъ жену!

(Записана въ курской губерніи.)

38.

ВѢЩІЙ ДУБЪ.

Тошно молодой женѣ съ старымъ мужемъ, тошно и старику съ молодой женой! Въ одно ушко влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ; замаячитъ — въ глазахъ одурачитъ, изъ воды суха выйдетъ: и видишь, и знаешь, да ни въ чемъ ее не поймаешь! Одному доброму старичку досталась молодая жена — плутоватая баба. Онъ ей слово въ науку, она ему въ отвѣтъ: «нѣтъ тебѣ, старой лежебокъ, ни пить-ни ѣсть, ни бѣлой рубахи надѣть!» А не стерпишь—слово вымолвишь: дѣло старое! Вотъ и придумалъ онъ жену выучить. Сходилъ въ лѣсъ, принёсъ вязанку дровъ, и сказываетъ: «диво дивное на свѣтѣ дѣется! въ лѣсу

[1]) Крячить—скручивать веревку палкою при связываніи ноши (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 94).

старой дубъ все мнѣ, что было, сказалъ, и что будетъ—угадалъ!» — Охъ, и я побѣгу! вѣдь ты знаешь, старикъ: у насъ куры мрутъ, у насъ скотъ не стоитъ... Пойду побалакать; авось скажетъ что. «Ну, иди скорѣй, пока дубъ говоритъ; а когда замолчитъ, слова не допросишься.» Пока жена собиралась, старикъ зашелъ впередъ, влѣзъ въ дубовое дупло и поджидаетъ ее. Пришла баба, передъ дубомъ повалилася, замолилася, завыла: «дубъ дубовистый, дѣдушка рѣчистый! какъ мнѣ быть? не хочу стараго любить, хочу мужа ослѣпить; научи, чѣмъ полѣчить?» А дубъ въ отвѣтъ: «не зачѣмъ лѣчить, зелья попусту губить; начни масленѣй кормить! Сжарь курочку подъ сметанкою, не скупись; пусть онъ ѣстъ — сама за столъ не садись! Свари кашу молочную, да больше масломъ полей; пущай ѣстъ—не жалѣй! Напеки блинцовъ; попроси, поклонись, чтобъ ихъ въ масло макалъ да побольше съѣдалъ —и сдѣлается твой старикъ слѣпѣе куръ слѣпыхъ.» Пришла жена домой, мужъ на печкѣ крехтитъ. «Эхъ ты, старенькой мой! ай опять что болитъ? ай опять захирѣлъ? Хочешь: курочку убью, аль блинцовъ напеку, кашку масломъ полью? хочешь—что-ль?» —Съѣлъ бы, да гдѣ взять? «Не твоя печаль! хоть ты и журишь меня, а все тебя жалко! .. На, старинушка! ѣшь, кушай, пей — не жалѣй!» — Садись и ты со мною. «Э, нѣтъ! зачѣмъ? Мнѣ бъ только тебя напитать! сама я тамъ-сямъ перекушу—и сыта. Ѣшь, голубчикъ, помасленѣй ѣшь!»—Охъ, постой, жена! дай водицы хлебнуть. «Да вода на столѣ.» — Гдѣ на столѣ? я не вижу. «Передъ тобой стоитъ!»—Да гдѣ-же? что-то въ глазахъ темно стало. «Ну, полѣзай на печку.»—Укажи-ка, гдѣ печь? я и печь не найду. «Вотъ она, полѣзай скорѣе.» Старикъ сбирается головой въ печь лѣзть. «Да что съ тобой? ослѣпъ — что-ли?» — Охъ, согрѣшилъ я, жена! сладко съѣлъ, вотъ божій день и потемнѣлъ для меня. Охо-хо! «Экое горе! ну, лежи пока; я пойду, коё-что принесу.» Побѣжала, полетѣла,

собрала гостей, и пошелъ пиръ горой. Пили-пили, вина не хватило; побѣжала баба за виномъ. Старикъ видитъ, что жены нѣту, а гости напиталися и носы повѣсили; слѣзъ съ печи, давай крестить—кого въ лобъ, кого въ горбъ; всѣхъ перебилъ и заткнулъ имъ въ ротъ по блину, будто сами подавилися; послѣ взлѣзъ на печь и лёгъ отдыхать. Пришла жена, глянула — такъ и обмерла: всѣ други, всѣ пріятели какъ боровы лежатъ, въ зубахъ блины торчатъ; что дѣлать, куда покойниковъ дѣвать? Зареклася баба гостей собирать, зареклася старика покидать. На ту пору шелъ мимо дуракъ. «Батюшка, такой-сякой! кричитъ баба, нà тебѣ золотой, душу съ тѣломъ пусти, бѣду съ шеи скости!» Дуракъ деньги взялъ и потащилъ покойниковъ: кого въ прорубь всадилъ, кого грязью прикрылъ, и концы схоронилъ.

39.

МИЗГИРЬ. [1]

Въ нынѣшнія времена проявилась нова ромода [2]): комары, мухи летали, въ кринкахъ молоко болтали. Мизгирь на то осердился, на спину ложился; наставилъ мерошки на всѣ пути-дорожки. Летитъ пёстрая оса, честнàя вдова; сверху пала, въ сѣть попала. Мизгирь подскочилъ да голову отрубилъ. Собирались комары да мухи: кто попомъ, кто скудельникомъ [3]), а кто плакальщикомъ; отпѣли кости, положили въ трошни [4]), понесли тѣ кости въ село Комарово. Звонятъ въ Переборѣ—слышно въ Моргуновѣ, колокола клыкъ — просятъ сто пудъ лыкъ!

---

[1]) См. вып. II, № 5. [2]) Суетливость, толкотня (Дополн. къ Опыту обл. словаря, стр. 232). [3]) Тотъ, кто обмываетъ усопшаго. [4]) Въ заплечья.

40.

ЛИСА И ПѢТУХЪ. [1])

Зѣло удивительно: шла лисица изъ дальнихъ пустынь. Завидѣвши пѣтуха на высоцемъ древѣ, говоритъ ему ласковыя словеса: «о милое мое чадо, пѣтелъ! сидишь ты на высоцемъ древѣ, да мыслишь ты мысли недобрыя, проклятыя; вы дéржите женъ по многу: кто держитъ десять, кто — двадцать, йнный — тридцать, прибываетъ со временемъ до сорока! гдѣ сойдетесь, тутъ и деретесь о своихъ женахъ, какъ о наложницахъ. Сниди, милое мое чадо, на землю да покайся! Я шла изъ дальнихъ пустынь, не пила, не ѣла, много нужды претерпѣла; все тебя, мое милое чадо! исповѣдать хотѣла.» — О мати моя, лисица! я не постился и не молился; приди въ йнное время. «О милое мое чадо, пѣтелъ! не постился и не молился, но сниди на землю, покайся, да не во грѣхахъ умреши.» —О мати моя, лисица, сахарныя уста, ласковыя словеса, льстивой твой языкъ! Не осуждайте другъ друга, и сами не осуждены будете; кто что посѣялъ, то и пожнетъ. Хочешь ты меня силой къ покаянію привести, и не спасти, а тѣло мое пожрать. «О милое мое чадо, пѣтелъ! почто ты такую рѣчь говоришь? почто я учиню такъ? Читывалъ ли ты притчу про мытаря и фарисея, какъ мытарь спасся, а фарисей погибъ за гордость? Ты, мое милое чадо, безъ покаянія на высоцемъ древѣ погибнешь. Сниди на землю пониже, будешь къ покаянію поближе: прощенъ и разрѣшенъ и до царствія небеснаго допущенъ.»

---

[1]) Смотри вып. I, стр. 5; вып. II, стр. 111; вып. III, №21; вып. IV, № 2; Пермскій Сборникъ, кн. I, стр. 127—8.

Узналъ пѣтухъ на своей душѣ тяжкой грѣхъ, умилился и прослезился, и сталъ спускаться съ вѣтки на вѣтку, съ прутка на прутокъ, съ сучка на сучокъ, съ пенька на пенёкъ; спустился пѣтелъ на землю и сѣлъ передъ лисицу. Скочила лисица, яко лукавая птица, схватила пѣтуха въ свои острые могти, зритъ на него свирѣпыми глазами, скрежещетъ острыми зубами; хочетъ, какъ нѣкоего беззаконника, жива пожрать. И рѣче пѣтелъ лисицѣ: «о мати моя, лисица, сахарныя уста, ласковыя словеса, льстивой твой языкъ! ты ли меня спасешь, какъ тѣло мое пожрешь?» — Не дорого твое тѣло и цвѣтное платье, да дорого отплатить нѣкую дружбу́. Помнишь ли ты? я шла ко крестьянину, хотѣла малаго курёнка съѣсть; а ты, дуракъ, бездѣльникъ! сидишь на высокихъ сѣдалахъ, закричалъ-завопилъ велiимъ гласомъ, ногами затопалъ, крыльями замахалъ; тогда курицы заговорили, гуси загоготали, собаки залаяли, жеребцы заржали, коровы замычали. Услыхали всѣ мужики и бабы; бабы прибѣжали съ помелами, а мужики съ топорами, и хотѣли мнѣ за курёнка смерть учинить... а сова у нихъ изъ роду въ родъ пребываетъ и всегда курятъ поѣдаетъ. А тебѣ, дуракъ, бездѣльникъ, не быть теперь живому! Рѣче пѣтухъ лисицѣ: «о мати моя, лисица, сахарныя уста, ласковыя словеса, льстивой твой языкъ! Вчерашняго числа звали меня ко Трунчинскому митрополиту во дьяки, выхвалили всѣмъ крылосомъ и соборомъ: хорошъ молодецъ, изряденъ, горяздъ книги читать, и голосъ хорошъ! Не могу ли тебя, мати моя лисица, упросить своимъ прошеньемъ хоть въ просвирни. Тутъ намъ будетъ великъ доходъ: станутъ намъ давать сладкiя просвиры, большiя перепечи, и масличко, и яички, и сырчики.» Узнала лисица пѣтушиный признакъ (sic), отпустила пѣтуха изъ своихъ когтей послабже. Вырвался пѣтухъ, взлетѣлъ на высокое древо, закричалъ-завопилъ велiимъ гласомъ: «дорогая боярыня просвирня, здравствуй! великъ ли доходъ, сладки ли

просвиры? не стёрла ли горбъ, нося перепечи? не охоча ли, ворогуша, [1]) до орѣховъ? да есть ли у тебя зубы?»

Пошла лисица въ лѣсъ, яко долгой бѣсъ, и возрыда горько: «сколько де я по землѣ не бывала, а такой срамоты отъ роду не видала. Когда бываютъ пѣтухи въ дьяконахъ, лисицы въ просвирняхъ!» Ему-же слава и держава отнынѣ и до вѣку, и сказкѣ конецъ.

(Записана со словъ девяностолѣтняго старика изъ мастеровыхъ Мотовилихинскаго завода, пермскаго уѣзда, г. Л. Питерскимъ въ 1840 году.)

41.

ЗАГАДКИ.

а. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ старикъ; у него былъ сынъ. Ѣздили они по селамъ, по городамъ, да торговали помаленьку. Разъ поѣхалъ сынъ въ окольныя деревни торгъ вести. Ѣхалъ долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, пріѣхалъ къ избушкѣ и попросился ночь ночевать. «Милости просимъ! отвѣчала старуха, только съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ ты загадалъ мнѣ загадку неразгаданную.» — Хорошо, бабушка! Вошелъ въ избушку; она его накормила-напоила, въ банѣ выпарила, на постель положила, а сама сѣла возлѣ и велѣла задавать загадку. «Погоди, бабушка; дай подумаю!» Пока купецъ думалъ, старуха уснула; онъ тотчасъ собрался и вонъ изъ избушки. Старуха услыхала шумъ, пробудилась—а гостя нѣтъ, выбѣжала на дворъ и подноситъ ему стаканъ съ пойломъ: «выпей-ка, говоритъ, посошокъ на дорожку!» Купецъ не сталъ на дорогу пить, вылилъ пойло въ кувшинъ, и съѣхалъ со двора. Ѣхалъ-ѣхалъ, и застигла его

[1]) Бранное слово; тоже, что—врагъ, ворогъ (Опытъ област. великор. словаря, стр. 28).

въ полѣ темная ночь; остановился ночевать — гдѣ Богъ привёлъ — подъ открытымъ небомъ. Сталъ онъ думать да гадать, что такое поднесла ему старуха? взялъ кувшинъ, налилъ себѣ на ладонь, съ той ладони помазалъ плеть, а той плетью ударилъ коня: только ударилъ — коня въ-мигъ разорвало! Поутру налетѣло на падаль тридцать вóроновъ; наклевались-наѣлись да тутъ-же и переколѣли всѣ. Купецъ посбиралъ мертвыхъ вóроновъ и развѣсилъ по деревьямъ. Въ то самое время ѣхалъ мимо караванъ съ товарами; увидали прикащики птицъ на деревьяхъ, взяли ихъ-поснимали, изжарили и съѣли: только съѣли — такъ мертвые и попадали! Купецъ захватилъ караванъ и поѣхалъ домой. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — заѣхалъ опять къ той-же старухѣ ночь ночевать. Она его накормила-напоила, въ банѣ выпарила, на постель положила, и велитъ задавать загадку. «Хорошо, бабушка! скажу тебѣ загадку; только уговоръ лучше денегъ: коли отгадаешь—возьми у меня весь караванъ съ товарами, а коли не отгадаешь — заплати мнѣ столько деньгами, сколько стóитъ караванъ съ товарами.» Старуха согласилась. «Ну, вотъ тебѣ загадка: изъ стакана въ кувшинъ, изъ кувшина на ладонь, съ ладони на плётку, съ плётки на коня, изъ коня въ тридцать вóроновъ, изъ вóроновъ въ тридцать мóлодцевъ.» Старуха маялась-маялась, такъ и не отгадала; дѣлать нечего, пришлось платить денежки. А купецъ воротился домой и съ деньгами, и съ товарами, и сталъ себѣ жить-поживать, добра наживать.

(Записана въ оренбургской губерніи, уфимскомъ уѣздѣ.)

ь. Близь большой дороги засѣвалъ мужикъ полянку. На то время ѣхалъ царь; остановился противъ мужика и сказалъ: «Богъ-помощь, мужичокъ!» — Спасибо, доброй человѣкъ! (онъ не зналъ, что это царь.) «Много ли получаешь съ этой полянки пользы?» спросилъ царь. — Да при хорошемъ урожаѣ рублей съ

восемьдесять будетъ. «Куда-жъ эти деньги дѣваешь?»—Двадцать рублей въ подать взношу, двадцать — долгу плачу̀, двадцать — взаймы даю, да двадцать — за окно кидаю. «Растолкуй-же, братецъ, какой ты долгъ платишь, кому взаймы даешь и зачѣмъ за окно кидаешь?»—Долгъ плачу̀—отца содержу, взаймы даю—сына кормлю, за окно кидаю—дочь питаю. «Правда твоя!» сказалъ государь; далъ ему горсть серебра, объявилъ себя, что онъ царь, и заповѣдалъ: безъ его лица никому тѣхъ рѣчей не сказывать: «кто бы не спрашивалъ, никому не говори!» Пріѣхалъ царь въ свою столицу и созвалъ бояръ да генераловъ: «разгадайте, говоритъ, мнѣ загадку. Видѣлъ я по дорогѣ мужика — засѣвалъ полянку; спросилъ у него: сколько онъ пользы получаетъ и куда деньги дѣваетъ? Мужичокъ мнѣ отвѣчалъ: при урожаѣ восемьдесять рублей получаю; двадцать въ подать взношу, двадцать — долгу плачу̀, двадцать — взаймы даю, да двадцать — за окно кидаю. Кто изъ васъ разгадаетъ эту загадку, того больши̇хъ наградъ, больши̇хъ почестей удостою.» Бояре и генералы думали-думали, не могли разгадать. Вотъ одинъ бояринъ вздумалъ и отправился къ тому мужику, съ которымъ царь разговаривалъ; насыпалъ ему цѣлую груду серебреныхъ рублевиковъ, и проситъ: «объясни де, растолкуй царскую загадку!» Мужикъ позарился на деньги, взялъ да и объявилъ про все боярину; а бояринъ воротился къ царю и сейчасъ растолковалъ его загадку. Царь видитъ, что мужикъ не сдержалъ заповѣди, приказалъ его передъ себя достать. Мужикъ явился къ царю и съ самаго перва̀ [1]) сознался, что это онъ разсказалъ боярину. «Ну, братъ, пѣняй на себя, а за такую провинность велю казнить тебя смертію!»—Ваше величество! я ничѣмъ невиновенъ, потому—боярину разсказалъ я при вашемъ царскомъ лицѣ. Тутъ вынулъ мужикъ изъ кар-

[1]) Сначала.

мана серебреный рублевикъ съ царской персоной [1]) и показалъ государю. «Правда твоя! сказалъ государь; это моя персона.» Наградилъ щедро мужика и отпустилъ домой.

(Записана въ архангельской губерніи.)

42.

МУДРАЯ ДѢВА.

а. Померъ старикъ со старухою, оставался у нихъ сынъ сирота. Взялъ его къ себѣ дядя и заставилъ овецъ пасти. Ни много, ни мало прошло времени, призываетъ дядя племянника, хочетъ попытать у него ума-разума и говоритъ ему: «вотъ тебѣ сотня барановъ, гони ихъ на ярмонку да продай съ барышомъ, чтобы и самъ былъ сытъ, и бараны были цѣлы, и деньги сполна выручены.» Что тутъ дѣлать! заплакалъ бѣдняга и погналъ барановъ въ чистое поле; выгналъ, сѣлъ на дорогѣ и задумался о своемъ горѣ. Идетъ мимо дѣвица: «о чемъ слезы льёшь, доброй молодецъ?» — Какъ-же мнѣ не плакать? нѣтъ у меня ни отца, ни матери; одинъ дядя, и тотъ обижаетъ! «Какую-жъ обиду онъ тебѣ дѣлаетъ?»—Да вотъ послалъ на ярмонку, велѣлъ баранами торговать, да такъ, чтобы и самъ былъ сытъ, и бараны были цѣлы, и деньги сполна выручены. «Ну, это хитрость не великая! найми-ка ты бабъ да остриги барановъ, а волну отнеси на ярмонку и продай.... вотъ у тебя и деньги, и бараны въ цѣлости, и самъ сытъ будешь!» Парень такъ и сдѣлалъ; продалъ волну, пригналъ стадо домой и отдаетъ дядѣ вырученныя деньги. «Хорошо, говоритъ дядя племяннику; только вѣдь ты не своимъ разумомъ вздумалъ это? чай, тебя научилъ кто-нибудь?» Парень признался: «шла, говоритъ, мимо дѣвица, она научила.» Дядя тотчасъ приказалъ заклады-

[1]) Т. е. портретомъ.

вать лошадь: «поѣдемъ, станемъ сватать ту дѣвицу.» Вотъ и поѣхали. Пріѣзжаютъ прямо на дворъ; спрашиваютъ: куда лошадь дѣвать? «Привяжите до зимы, аль до лѣта!» говоритъ имъ дѣвица. Дядя съ племянникомъ думали-думали, не знаютъ за что привязать; стали у ней спрашивать: до какой зимы, до какого лѣта? — Эхъ вы, недогадливые! привяжите къ санямъ, а не то къ телегѣ. Привязали они лошадь, вошли въ избу, помолились Богу и сѣли на лавочку. Спрашиваетъ ее дядя: «ты съ кѣмъ живешь, дѣвица?» — Съ батюшкой. «Гдѣ-жъ твой отецъ?» — Уѣхалъ сто рублей на пятьнадцать копѣекъ мѣнять. «А когда назадъ воротится?» — Если кругомъ поѣдетъ — къ вечеру будетъ, а если прямо поѣдетъ — и черезъ три дня не бывать! «Что-жъ это за диво такое? спрашиваетъ дядя; неужто и въ правду отецъ твой поѣхалъ сто рублей на пятьнадцать копѣекъ мѣнять?» — А то нѣтъ? Онъ поѣхалъ зайцевъ травить; зайца-то затравитъ — всего пятьнадцать копѣекъ заработаетъ, а лошадь загонитъ — сто рублей потеряетъ. «А что значитъ: ежели онъ прямо поѣдетъ — и въ три дня не прибудетъ, а ежели кругомъ — къ вечеру будетъ?» — А то значитъ, что прямо болотомъ ѣхать, а кругомъ дорогою! Удивился дядя уму-разуму дѣвицы и сосваталъ ее за своего племянника.

b. Ѣхали два брата: одинъ бѣдной, другой именитой; [1]) у обоихъ по лошади: у бѣднаго кобыла, у именитаго меринъ. Остановились они на ночлегъ рядомъ. У бѣднаго кобыла принесла ночью жеребенка; жеребенокъ подкатился подъ телегу богатаго. Будитъ онъ наутрѣ бѣднаго: «вставай, братъ! у меня телега ночью жеребенка родила.» Братъ встаетъ и говоритъ: «какъ можно, чтобы телега жеребенка родила! это моя кобыла принесла.» Богатой говоритъ: «кабы твоя кобыла принесла, жеребенокъ бы подлѣ былъ!» Поспорили они и пошли до

---

[1]) Богатой.

начальства; именитой дарить судей деньгами, а бѣдной словами оправдывается. [1]) Дошло дѣло до самого царя. Велѣлъ онъ призвать обоихъ братьевъ и загадалъ имъ четыре загадки: «что всего въ свѣтѣ сильнѣй и быстрѣе? что всего въ свѣтѣ жирнѣе? [2]) что всего мягче? и что всего милѣе?» и положилъ имъ сроку три дня: «на четвертой приходите, отвѣтъ дайте!» Богатой подумалъ-подумалъ, вспомнилъ про свою куму и пошелъ къ ней совѣта просить. Она посадила его за столъ, стала угощать; а сама спрашиваетъ: «что такъ печаленъ, куманёкъ?»—Да загадалъ мнѣ государь четыре загадки, а сроку всего три дня положилъ. «Что такое? скажи мнѣ.» — А вотъ что, кума: первая загадка—что всего въ свѣтѣ сильнѣй и быстрѣе? «Экая загадка! у моего мужа карая кобыла есть; нѣтъ ее быстрѣе! коли кнутомъ пріударишь — зайца догонитъ.» [3]) — Вторая загадка : что всего въ свѣтѣ жирнѣе? «У насъ другой годъ рябой боровъ кормится; такой жирной сталъ, что и на̀ ноги не подымается!»—Третья загадка: что всего въ свѣтѣ мягче? «Извѣстное дѣло — пуховикъ, ужь мягче не выдумаешь!»—Четвертая загадка: что всего въ свѣтѣ милѣе? «Ми-

---

[1]) *Варіантъ 1:* Шелъ прохожій, припоздалъ и попросился ко вдовѣ ночевать; у него былъ меринъ, у вдовы кобыла. Пустила его вдова ночевать, поставила мерина вмѣстѣ съ своею кобылою—въ одинъ сарай. Вдова говоритъ: «у меня, батюшка, кобыла жерёба!» Прохожій говоритъ: «у меня меринокъ жерёбъ!» Ночью кобыла ожеребилась. Вдова говоритъ: «мой жеребенокъ!» А прохожій: «нѣтъ, мой!»—Пойдемъ къ старостѣ, онъ насъ разсудитъ! Пришли къ старостѣ, разсказали все дѣло. Староста велѣлъ привести обѣихъ лошадей, поставилъ ихъ на горкѣ, дружку отъ дружки врозь, а жеребенка пустилъ подъ горкой: къ какой лошади подбѣжитъ, та его и матка! Жеребенокъ подбѣжалъ къ мерину. Староста говоритъ: «ну, видно меринъ ожеребился!» Прохожій взялъ жеребенка, а вдова пошла бить челомъ самому царю...

Варіантъ 2: У одного царя работали трое плотниковъ. Пришло время къ разсчету, царь и говоритъ: «отгадайте четыре загадки... Отгадаете—деньги заплачу; не отгадаете—казнить велю!» Пошли плотники домой; двое стали совѣтываться съ своими хозяйками... [2]) *Варіантъ:* сытнѣе.

[3]) *Вар.* у моего мужа есть борзая собака—скорѣе зайца бѣгаетъ!

лѣе всего внучекъ Иванушка!» [1])—Спасибо тебѣ, кума! научила уму-разуму, по вѣкъ не забуду. А бѣдной братъ залился горькими слезами и пошелъ домой; встрѣчаетъ его дочь-семилѣтка (только и семьи было, что дочь одна): «о чемъ ты, батюшка, вздыхаешь да слезы ронишь?» — Какъ-же мнѣ не вздыхать, какъ слезъ не ронить? задалъ мнѣ царь четыре загадки, которыхъ мнѣ и въ жизнь не разгадать. «Скажи мнѣ: какія загадки?» — А вотъ какія, дочка: что всего въ свѣтѣ сильнѣй и быстрѣе, что всего жирнѣе, что всего мягче и что всего милѣе? «Ступай, батюшка, и скажи царю: сильнѣй и быстрѣй всего вѣтеръ; жирнѣе всего земля: что̀ ни растетъ, что̀ ни живетъ — земля питаетъ! [2]) Мягче всего рука: на что̀ человѣкъ ни ляжетъ, а всё руку подъ голову кладетъ; а милѣе сна нѣтъ ничего на свѣтѣ!» Пришли къ царю оба брата: и богатой, и бѣдной. Выслушалъ ихъ царь, и спрашиваетъ бѣднаго: «самъ ли ты дошелъ, или кто тебя научилъ?» Отвѣчаетъ бѣдной: «ваше царское величество! есть у меня дочь-семилѣтка, она меня научила.» — Когда дочь твоя мудра, вотъ ей ниточка шелковая; пусть къ утру соткётъ мнѣ полотенце узорчатое. Мужикъ взялъ шелковую ниточку, приходитъ домой кручинной, печальной: «бѣда наша! говоритъ дочери; царь приказалъ изъ этой ниточки соткать полотенце.» — Не кручинься, батюшка! отвѣчала семилѣтка, отломила прутикъ отъ вѣника, подаетъ отцу и наказываетъ: «пойди къ царю, скажи, чтобъ нашелъ такого мастера, которой бы сдѣлалъ изъ этого прутика кро́сны: было бы на чемъ полотенце ткать!» Мужикъ доложилъ про то царю. Царь даетъ ему полтораста яицъ: «отдай, говоритъ, своей дочери; пусть къ завтраму выведетъ мнѣ полтораста цыплятъ.» Воротился мужикъ домой еще кручиннѣе, еще печаль-

---

[1]) *Вар.* А что-же всего милѣй мужу, какъ ни жена?

[2]) *Варіантъ:* Сытнѣй всего соль; какія кушанья не поставь, а безъ соли все не ѣстся; соль всему вкусъ даетъ!

нѣе: «ахъ дочка! отъ одной бѣды увернешься, другая навяжется!»—Не кручинься, батюшка! отвѣчала семилѣтка, попекла яйца и припрятала къ обѣду да къ ужину, а отца посылаетъ къ царю: «скажи ему, что цыплятамъ на кормъ нужно однодённое пшено: въ одинъ бы день было поле вспахано, просо засѣяно, сжато и обмолочено; другаго пшена наши цыплята и клевать не станутъ!» Царь выслушалъ и говоритъ: «когда дочь твоя мудра, пусть на утро сама ко мнѣ явится—ни пѣшкомъ, ни на лошади; ни голая, ни одѣтая; ни съ гостинцемъ, ни безъ подарочка.» — Ну, думаетъ мужикъ, такой хитрой задачи и дочь не разрѣшитъ; пришло совсѣмъ пропадать! «Не кручинься, батюшка! сказала ему дочь-семилѣтка; ступай-ка къ охотникамъ да купи мнѣ живаго зайца да живую перепелку.» Отецъ пошелъ и купилъ ей зайца и перепелку. На другой день поутру сбросила семилѣтка всю одёжу, надѣла на себя сѣтку, въ руки взяла перепелку, сѣла верхомъ на зайца и поѣхала во дворецъ. Царь ее у воротъ встрѣчаетъ. Поклонилась она царю: «вотъ тебѣ, государь, подарочекъ!» и подаетъ ему перепелку. Царь протянулъ было руку, перепелка порхъ и улетѣла! «Хорошо, говоритъ царь; какъ приказалъ—такъ и сдѣлала. Скажи мнѣ теперь: вить отецъ твой бѣденъ, такъ чѣмъ вы кормитесь?» — Отецъ мой на сухомъ берегу рыбу ловитъ, лоушки [1]) въ воду не становитъ; а я приполомъ [2]) рыбу ношу да уху варю. «Что ты, глупая! когда рыба на сухомъ берегу живетъ? рыба въ водѣ плаваетъ!» — А ты умёнъ? когда видано, чтобъ телега жеребенка принесла? не телега, кобыла родитъ! Царь присудилъ отдать жеребенка бѣдному мужику, а дочь его взялъ къ себѣ; когда семилѣтка выросла, онъ женился на ней, и стала она царицею.

(Записана въ саратовской губерніи.)

---

[1]) Морды. [2]) Подоломъ.

43.

ЦАРЕВИЧЪ-НАЙДЕНЫШЪ.

Жилъ царь съ царицею; у нихъ родился сынъ. Понадобилось царю отлучиться изъ дому; безъ него бѣда пришла—царевичъ пропалъ! Искали-искали царевича — какъ въ воду канулъ, ни слуху, ни духу объ немъ! Долго плакали царь съ царицею. Прошло цѣлыя пятьнадцать лѣтъ, и донеслись до царя вѣсти, что въ одной деревнѣ такой-то мужикъ нашелъ ребенка—всѣмъ на диво: и красотой, и умомъ взялъ! Царь приказалъ доставить наскоро къ себѣ мужика. Привезли его, начали расспрашивать, гдѣ и когда нашелъ мальчика? Мужикъ объявилъ, что нашелъ его пятьнадцать лѣтъ тому назадъ въ овинѣ, что на немъ одёжа была такая-то, богатая. По всѣмъ примѣтамъ кажись царской сынъ! Говоритъ царь мужику: «скажи твоему найденышу, чтобъ онъ ко мнѣ побывалъ ни нагъ, ни одѣтъ, ни пѣшкомъ, ни на лошади, ни днемъ, ни ночью, ни на дворѣ, ни на улицѣ.» Мужикъ пріѣхалъ домой, плачетъ и сказываетъ мальчику: какъ теперь быть? Мальчикъ говоритъ: «не больно хитро! эту загадку разгадать можно.» Взялъ раздѣлся съ ногъ до головы да накинулъ на себя сѣтку, сѣлъ верхомъ на козла, пріѣхалъ къ царю въ сумерки и въѣхалъ на козлѣ въ ворота: переднія ноги на дворѣ, а заднія на улицѣ. Царь увидалъ и говоритъ: «вотъ мой сынъ!»

44.

МУДРЫЕ ОТВѢТЫ.

Служилъ солдатъ въ полку цѣлыя двадцать пять лѣтъ, а царя въ лицо не видалъ. Пришелъ домой; стали его спраши-

вать про царя, а онъ не знаетъ что и сказать-то. Вотъ и зачали его корить родичи да знакомцы: «вишь, говорятъ, двадцать пять лѣтъ прослужилъ, а царя въ глаза не видалъ!» Обидно это ему показалось; собрался и пошелъ царя смотрѣть. Пришелъ во дворецъ. Царь спрашиваетъ: «зачѣмъ солдатъ?»—Такъ и такъ, ваше царское величество! служилъ я тебѣ да Богу цѣлыя двадцать пять лѣтъ, а тебя въ лицо не видалъ; пришелъ посмотрѣть! «Ну, смотри.» Солдатъ три раза обошелъ кругомъ царя, все оглядывалъ. Царь спрашиваетъ: «хорошъ ли я?»—Хорошъ, отвѣчаетъ солдатъ. «Ну теперь, служивой, скажи: высоко ли небо отъ земли?»—Столь высоко, что тамъ стукнетъ, а здѣсь слышно. «А широка ли земля?»—Вонъ тамъ солнце всходитъ, а тамъ заходитъ—столь широка! «А глубока ли земля?»—Да былъ у меня дѣдъ, умеръ тому назадъ съ девяносто лѣтъ, зарыли въ землю, съ тѣхъ поръ и домой не бывалъ: вѣрно, глубока! Потомъ отослалъ царь солдата въ темницу и сказалъ ему: «не плошай, служба! я пошлю къ тебѣ тридцать гусей; умѣй по перу выдернуть.»—Ладно! Призвалъ царь тридцать богатыхъ купцовъ и загадалъ имъ тѣ-же загадки, что и солдату загадывалъ; они думали-думали, не смогли отвѣту дать, и велѣлъ ихъ царь посадить за то въ темницу. Спрашиваетъ ихъ солдатъ: «купцы-молодцы! васъ за что посадили?» — Да вишь государь насъ допрашивалъ: далеко ли небо отъ земли? и сколь земля широка? и сколь она глубока? а мы—люди тёмные, не смогли отвѣту дать. «Дайте мнѣ каждой по тысячѣ рублевъ—я вамъ правду скажу.»—Изволь, братъ; только научи. Взялъ съ нихъ солдатъ по тысячѣ и научилъ, какъ отгадать царскія загадки. Дня черезъ два призвалъ царь къ себѣ и купцовъ и солдата; задалъ купцамъ тѣ-же самыя загадки, и какъ скоро они отгадали—отпустилъ ихъ по своимъ мѣстамъ. «Ну, служба! съумѣлъ по перу сдёрнуть?»—Съумѣлъ, царь-государь, да еще по золотому! «А далеко-ль тебѣ до дому?»—Отсюда не видно

—далеко стало быть! «Вотъ тебѣ тысяча рублевъ; ступай съ Богомъ!» Воротился солдатъ домой и зажилъ себѣ привольно, богато. [1])

45.

ХИТРАЯ НАУКА. [2])

а. Жилъ себѣ старикъ со старухою, былъ у нихъ сынъ по имени Өедоръ. Задумалъ старикъ отдать сына въ науку, и отдалъ къ одному богатому купцу на три года; а тотъ купецъ до всего дошелъ, всѣ премудрости зналъ! Вотъ черезъ три года пошелъ старикъ за сыномъ, сталъ подходить близко—на ту пору увидалъ его сынъ, обвернулся яснымъ соколомъ, прилетѣлъ на встрѣчу и сѣлъ ему на голову. Старикъ ужахнулся: кто де меня прельщаетъ? Соколъ-птица скочилъ съ головы, ударился о сыру землю и сталъ такимъ мóлодцемъ, что̀ ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать: другаго такого мóлодца и въ свѣтѣ нѣтъ! И говоритъ: «здравствуй, батюшко! ты идешь за мною, только трудно будетъ меня взять. Купецъ выведетъ тебѣ тридцать жеребцовъ—всѣ какъ одинъ, и велитъ меня узнавать. А я буду третій съ правой руки; смотри-же, хватай этого жеребца за узду и говори: вотъ мой сынъ!» Обвернулся опять яснымъ соколомъ и улетѣлъ въ свое мѣсто.

Пришелъ старикъ къ купцу; постучалъ подъ окошкомъ, говоритъ: «господинъ купецъ! отдай моего сына.» — Хорошо, отвѣчаетъ купецъ; напередъ узнай его. Пошелъ на конюшню и вывелъ тридцать жеребцовъ—всѣ какъ одинъ, стоятъ рядомъ да о землю копытомъ бьютъ. Старикъ сталъ къ жеребцамъ поближе, посмотрѣлъ-поглядѣлъ, схватилъ третьяго съ правой руки за узду и сказалъ: «вотъ мой сынъ!»—Правда! отвѣчалъ

---

[1]) См. вып. II, № 17; вып. IV, № 48. [2]) См. выпускъ V, № 22.

купецъ, это твой сынъ! только отдать его не согласенъ; приходи завтра и узнавай снова. На другой день поутру поднимается старикъ ранёшенько, умывается бѣлёшенько, сряжается [1]) скорёшенько, и идетъ къ купцу; а сынъ опять обвернулся яснымъ соколомъ, полетѣлъ къ нему на встрѣчу и сѣлъ ему на голову. Старикъ ужа̀хнулся и спрашиваетъ: кто де меня прельщаетъ? Соколъ-птица скочилъ съ головы, ударился о̀земь и сталъ такимъ красавцемъ, что̀ ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать. И говоритъ: «здравствуй, батюшко! ищешь ты за мною, только трудно будетъ меня взять, да и трудно признать: купецъ выведетъ тебѣ тридцать дѣвицъ — всѣ какъ одна. Смотри-же, я натычу въ косу булавокъ, а ты пройдись рукой по всѣмъ дѣвицамъ — по головамъ: гдѣ кольнетъ, ту дѣвицу и бери за̀ руку, и говори: вотъ мой сынъ!» Сказалъ и улетѣлъ назадъ яснымъ соколомъ. Пришелъ старикъ, постучался подъ окошко: «господинъ купецъ! отдай моего сына.» Ну, купецъ вывелъ въ садъ тридцать дѣвицъ — всѣ какъ одна, и говоритъ: «выбирай своего сына.» Началъ старикъ высматривать да гладить по головамъ; разъ прошелъ, и другой прошелъ—не призналъ примѣты, пошелъ въ третій—и укололъ палецъ, тотчасъ взялъ ту дѣвицу за̀ руку и молвилъ: «вотъ мой сынъ!»—Правда, отвѣчалъ купецъ, это твой сынъ! только отдать его не согласенъ; приходи у̀трѣ [2]) и выбирай снова. Пошелъ старикъ домой въ тоскѣ-печали, а купецъ говоритъ сыну: «не отецъ твой мудёръ [3]), ты — мудёръ!» И давай его бить и рвать, едва жѝва оставилъ. Старикъ ночь ночевалъ, поутру поднимается ранёшенько, умывается бѣлёшенько, сряжается крутёшенько [4]), и идетъ къ купцу. Сынъ увидалъ его, обвернулся яснымъ соколомъ, полетѣлъ на встрѣчу и сѣлъ ему на голову. Опять старикъ ужа̀хнулся: «что это за мразь [5])

[1]) Одѣвается. [2]) Завтра. [3]) Мудръ, хитёръ. [4]) Скоро, поспѣшно (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 92). [5]) Дрянь, по̀гань.

прилетѣлъ!» Соколъ-птица скочилъ съ головы, ударился оземь и сталъ такимъ красавцемъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать. И говоритъ: «здравствуй, батюшко! идешь ты за мною, только трудно меня взять, да и трудно признать: нынче обвернетъ насъ купецъ тридцатью ясными соколами— всѣ какъ одинъ, выпуститъ на широкой дворъ и насыплетъ бѣлоярой пшеницы, а мы соберемся въ одно стадо и станемъ клевать. Смотри-же: всѣ будутъ зерно клевать, а я стану кругомъ бѣгать; по этой примѣтѣ признаешь меня.» Сказалъ, обвернулся яснымъ соколомъ и полетѣлъ въ свое мѣсто. Старикъ по прежнему пришелъ къ купцу, постучался подъ окошко и скричалъ: «господинъ купецъ, отдай моего сына!» Купецъ тотчасъ выпустилъ тридцать ясныхъ соколовъ — всѣ какъ одинъ, насыпалъ имъ бѣлоярой пшеницы; «узнавай, говоритъ, своего сына.» Всѣ птицы собрались въ одно стадо и стали зерно клевать, а одинъ соколъ кругомъ бѣгаетъ. Старикъ подобрался къ нему поближе, ухватилъ за крыло и говоритъ купцу: «вотакъ мой сынъ!»—Ну, и возьми его! сказалъ купецъ; не ты мудёръ, мудёръ твой сынъ.»

Взялъ старикъ сына и направился домой. Идутъ путемъ-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается. На ту пору скачутъ охотники, промышляютъ звѣря краснаго; впереди лиса бѣжитъ, норовитъ отъ нихъ уйти. «Батюшко! говоритъ сынъ, я обвернусь кобелемъ и схвачу лисицу; какъ наѣдутъ охотники и станутъ отбивать звѣря, молви имъ: господа охотники, у меня свой кучко [1]) есть, я тѣмъ голову свою кормлю! Охотники скажутъ: продай намъ кучка; ты и продай, да возьми сто рублевъ.» Тотчасъ обвернулся онъ кобелемъ, погналъ за лисой и схватилъ ее. Наѣхали охотники; «ахъ ты, старой! закричали они, зачѣмъ пришелъ сюда нашу охоту перенимать?»—Гос-

[1]) Собака.

пода охотники, отвѣчаетъ старикъ, у меня свой кучко есть, я тѣмъ голову свою кормлю. Охотники говорятъ: «продай кучка.»—Купите. «А дорогъ?» — Сто рублевъ. Охотники заплатили ему деньги и повели съ собой кучка, а старикъ пустился одинъ домой. Вотъ охотники ѣхали-ѣхали, глядь — бѣжитъ лисица, пустили за нею своихъ кобелей; тѣ гоняли, гоняли, никакъ догнать не могли. Одинъ охотникъ говоритъ: «пустимте, братцы, новаго кобеля!» И только пустили, кобель тотчасъ нагналъ лису, ухватилъ и убѣжалъ вслѣдъ за старикомъ. Догналъ отца, ударился о сырую землю и сдѣлался молодцомъ по старому, по прежнему.

Пошли они дальше. Подходятъ къ озеру, охотники стрѣляютъ гусей, лебедей и сѣрыхъ уточекъ. Летитъ стадо гусиное; говоритъ сынъ отцу: «батюшко! я обвернусь яснымъ соколомъ и стану хватать-побивать гусей; придутъ къ тебѣ охотники, начнутъ приставать, ты имъ скажи: у меня свой соколъ есть, я тѣмъ голову свою кормлю! Будутъ они торговать сокола, ты продавай, да проси два ста рублевъ.» Обвернулся яснымъ соколомъ, поднялся повыше стада гусинаго, и сталъ хватать-побивать гусей, да на землю пускать. Старикъ едва въ кучу собирать поспѣваетъ. Какъ увидали охотники такую добычу, прибѣжали къ старику: «ахъ ты, старой! зачѣмъ пришелъ сюда нашу охоту перенимать?»—Господа охотники! у меня свой соколъ есть, я тѣмъ голову кормлю. «Не продашь ли сокола?» —Отчего не продать — купите! «А дорогъ?» — Два ста рублевъ. Охотники заплатили деньги и взяли сокола, а старикъ пошелъ одинъ. Вотъ летитъ другое стадо гусиное. «Пустимте, братцы, сокола!» сказалъ одинъ охотникъ. И только пустили, соколъ поднялся повыше стада гусинаго, убилъ одну птицу и полетѣлъ вслѣдъ за отцомъ; нагналъ отца, ударился о сырую землю и сдѣлался молодцомъ по старому, по прежнему [1]).

---

[1]) *Варіантъ 1:* Говоритъ сынъ отцу: «вотъ этою дорогою будетъ ѣхать государь со свитою, и перебѣжитъ имъ сѣрый волкъ дорогу; а я перекинусь

Пришли они домой: стоитъ избушка ветхая. «Батюшко! говоритъ сынъ, я обвернусь жеребцомъ, веди меня на ярмарку и бери триста рублевъ: надо лѣсъ покупать да новую избу строить. Только смотри: жеребца продавай, а узды не продавай; не то худо будетъ!» Ударился о сырую землю и оборотился жеребцомъ; повелъ его старикъ на ярмарку и сталъ продавать. Обступили торговые люди; пришелъ и тотъ купецъ, что всѣ мудрости зналъ, до всего дошелъ. «Вотъ мой супостатъ! хорошо-же, будешь меня помнить!» думаетъ про себя. «Что, ста-

собакою, догоню волка, ухвачу за шею и ударю о землю до смерти. Государь увидитъ, станетъ торговать у тебя собаку; ты собаку-то продай, только веревки ни-за-што не отдавай!» Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалось. «Не продашь ли собаку?» спросилъ царь-государь. — Можно, кормилецъ! «А что стоитъ?» — Тысячу рублевъ. «Эй, старикъ! не дорогонько ли будетъ?»—Нѣтъ, кормилецъ, не дорого: самъ видишь—каковъ звѣрь-то! Заплатилъ государь тысячу, беретъ собаку, а старикъ не забылъ, снимаетъ съ нея веревку. «Что-жъ ты веревку стащилъ?»—И, кормилецъ! мое дѣло подорожное; оборвется на лаптишкахъ обора (веревка, которою прикрѣпляются лапти), навязать пригодится. «Ну, хорошо: возьми себѣ!» Поѣхалъ царь—государь въ путь-дорогу, увидалъ медвѣдя и пустилъ за нимъ собаку: медвѣдь бѣжитъ въ одну сторону, а собака въ другую—только ее и видѣли. Посылаетъ государь свою свиту искать собаку, а она давнымъ-давно ударилась о землю, сдѣлалась молодцемъ и идетъ къ государевымъ людямъ на встрѣчу. «Здравствуй, доброй человѣкъ! не видалъ ли нашей собаки?»—Видѣлъ, да что толку? теперь она далеко забѣжала. — Въ другой разъ сынъ дѣлается соколомъ и бьетъ дикихъ гусей, лебедей, перелетныхъ уточекъ; старикъ продаетъ его барину за тысячу рублей, а путцы снимаетъ. «Что-жъ ты путцы снимаешь? спрашиваетъ баринъ, али жалко?» —И, кормилецъ! мое дѣло прохожее: оборвется на лаптишкахъ обора, навязать пригодится...

Варіантъ 2: Идетъ старикъ съ сыномъ; передъ ними показалось большое озеро. «Хочешь взять сто рублей?» спрашиваетъ сынъ отца.—Кто отъ денегъ нонѣ отказывается! «Ну, такъ я обернусь ястребомъ, стану ловить тебѣ всякую птицу; увидятъ егеря и стрѣльцы, будутъ покупать меня — продавай за сто рублей.» По сказанному, какъ по писанному, купили егеря и стрѣльцы ястреба за сто рублей, поѣхали домой, увидѣли дорогою перепелокъ и пустили на нихъ ястреба; думаютъ: вотъ такъ пожива будетъ! а ястребъ поднялся вверхъ и скрылся изъ глазъ совсѣмъ, только хвостъ показалъ!...

ричокъ, продаешь жеребца?» — Продаю, господинъ купецъ. «Говори: чего стоитъ?»—Триста рублевъ. «А меньше?»—Одно слово—триста; меньше не возьму. Заплатилъ купецъ деньги и вскочилъ на жеребца. Старикъ хотѣлъ было узду снять; «нѣтъ, старина! опоздалъ», сказалъ ему купецъ и поѣхалъ въ чистое поле. Трое сутокъ ѣздилъ безъ отдыху, совсѣмъ истомилъ жеребца, пріѣхалъ домой и привязалъ его въ конюшнѣ туго-натуго. У того купца были дочери, пришли на конюшню, увидали коня: стоитъ измученной, весь въ мылѣ. «Ишь, говорятъ, какъ батюшка изъѣздилъ жеребца! а нѣтъ того, чтобы напоить, накормить его.» Отвязали и повели поить его. Жеребецъ бросился вдругъ въ сторону, вырвался и убѣжалъ въ чистое поле. «Гдѣ мой конь?» спрашиваетъ купецъ.—Мы отвязали его, хотѣли напоить, говорятъ дочери; а онъ вырвался и убѣжалъ со двора.

Какъ услышалъ про то купецъ, тотчасъ обернулся конемъ, и что силъ было — поскакалъ въ погоню. Вотъ-вотъ близко! Слышитъ Өедоръ погоню, кинулся въ море и обернулся ершомъ, а купецъ за нимъ щукою, и побѣжали моремъ. Ершъ сунулся въ ракову нору: щука де ерша не беретъ съ хвоста! Щука говоритъ: «ёршъ, поворотись сюда головой!» А ёршъ въ отвѣтъ: «ну ты, щука, востра—съѣшь ерша съ хвоста!» И такъ стояли трое сутокъ. Наконецъ щука заснула, а ёршъ выскочилъ изъ норы и прибѣжалъ моремъ къ нѣкоему царству. Въ то самое время вышла служанка на море почерпнуть воды. Ершъ обернулся перстнемъ, какого лучше во всемъ царствѣ не было, и попалъ въ ведро. Служанка подарила тотъ перстень царевнѣ; крѣпко полюбился онъ ей — днемъ на рукѣ носитъ, а ночью спитъ съ молодцомъ. Узналъ про то купецъ и пришелъ торговать перстень. А Өедоръ наказалъ царевнѣ: «проси съ него за перстень десять тысячъ рублевъ, да какъ станешь отдавать— урони перстень на̀ полъ; я разсыплюсь тогда мелкимъ жемчу-

гомъ, и прикатится одна жемчужина тебѣ подъ ноги—заступи ту жемчужину своимъ башмачкомъ. Купецъ обвернется пѣтухомъ, станетъ клевать жемчугъ, поклюетъ и скажетъ: теперь погубилъ я своего супостата! Тогда, царевна, подними свою ножку съ послѣдней жемчужины: жемчужина обвернется ястребомъ и разорветъ пѣтуха на двѣ части.» Сталъ купецъ покупать перстень; взяла съ него царевна цѣлыя десять тысячъ, и будто нечаянно—уронила перстень на̀ полъ: разсыпался онъ мелкимъ жемчугомъ и прикатилось одно зерно прямо къ ногамъ царевны. Она въ ту-жъ минуту заступила его своимъ башмачкомъ. А купецъ обвернулся пѣтухомъ и началъ клевать жемчугъ; поклевалъ все и говоритъ: «ну, теперь погубилъ я своего супостата!» Царевна приподняла свою ножку: жемчужина обвернулась ястребомъ, и разорвалъ ястребъ пѣтуха на двѣ части. Послѣ того ударился о сырую землю и сталъ такимъ красавцемъ, что̀ ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать. Женился на царевнѣ, и стали провождать жизнь свою во всякомъ благополучіи и весельи; и я тамъ былъ, вино-пиво пилъ, по губамъ-то текло, а въ ротъ не попало: тутъ мнѣ колпакъ давали, да вонъ толкали; я упирался, да вонъ убирался.

(Записана въ архангельской губерніи.)

b. Въ нѣкоторомъ царствѣ жила-была старуха бѣдная, неимущая. Былъ у нея сынъ, и захотѣлось ей отдать сына въ такую науку, чтобъ можно было ничего не работа̀ть, сладко ѣсть и пить и чисто ходить. Только кого ни спроситъ — всѣ надъ ней со смѣху помираютъ; «хоть весь свѣтъ изойди, говорятъ люди, а такой науки нигдѣ не найдешь!» А старухѣ все не ймется, продала свою избушку и говоритъ сыну: «собирайся въ путь, пойдемъ искать легкаго хлѣба!» Вотъ и пошли. Близко ли, далеко ли — пришли къ могилѣ [1]). Уморилась старуха съ

[1]) *Вар.* кургану.

походу; «сядемъ на могилу, отдохнемъ маленько», говоритъ сыну; стала садиться да съ устали и воздохнула: охъ! Вдругъ откуда нѐ взялся—явился старецъ [1]), и спрашиваетъ: «чего тебѣ надобно? зачѣмъ позвала?» Старуха переполошилась: «что ты, что ты! говоритъ, я тебя совсѣмъ не звала!»—Ну, нѣтъ! ты кликнула: Охъ! Я—самой Охъ и есть; сказывай, въ чемъ нужда? Сколько старуха ни отговаривалась, не могла отговориться, принуждена была признаться: веду де сына въ науку отдавать, чтобы умѣлъ легкой хлѣбъ добывать, безъ работы сладко ѣсть и пить и чисто ходить. «Отдай мнѣ, я выучу, сказалъ Охъ; только чуръ съ уговоромъ: ровно черезъ семь лѣтъ приходи сюда и скажи: Охъ! — я сейчасъ выйду, покажу тебѣ сына, и коли узнаешь его—бери съ собой смѣло, и за ученье не возьму съ тебя ни копѣйки; а коли до трехъ разъ не узнаешь—пусть будетъ мой навсегда!» Какъ, думаетъ старуха, не узнать свое родное дѣтище! отдала сына и распрощалась съ нимъ на цѣлыя на семь лѣтъ: живи — не тужи!

Много прошло времени до сроку, перебивалась старуха коё-какъ; на исходѣ седьмаго года пошла на могилу, пришла и только промолвила: Охъ!—Охъ какъ тутъ. «Что, спрашиваетъ, аль за сыномъ пришла?»—Да, батюшка, за сынкомъ. Засвисталъ Охъ своимъ молодецкимъ посвистомъ, и вдругъ прилетѣло двѣнадцать скворцовъ, сѣли всѣ подъ рядъ на землю и

---

[1]) Въ другомъ спискѣ является чортъ. Жилъ бѣдной мужикъ, ничего въ дому не было, а дѣтей много. Какъ быть? всѣхъ-то надо накормить да добру научить. Вотъ придумалъ мужикъ роздать сыновей своихъ пò людямъ — въ науку; повелъ одного въ городъ, но сколько не водилъ — никто не беретъ даромъ, а платить нѐ изъ чего. Крѣпко осерчалъ старикъ, да съ-сердцовъ накинулся на парня: «ну куда тебя, Ванька, дѣвать? хоть бы чортъ тебя взялъ!» На то слово чортъ не заставилъ себя долго ожидать—тотчасъ явился и говоритъ: «отдай мнѣ своего сына въ науку, а черезъ три года приходи за нимъ: узнаешь—возьми себѣ, а не узнаешь — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!»

начали щебетать. «Ну, говоритъ Охъ старухѣ, коли надобенъ тебѣ сынъ—онъ здѣсь; узнавай его и бери себѣ.»—Что ты? отвѣчаетъ она, гдѣ тутъ быть моему сыну? я отдала тебѣ человѣка, а ты кажешь мнѣ птицу воздушную. «Знай-же, все это люди, а не скворцы; всѣ также по твоему искали легкаго хлѣба, попали ко мнѣ въ науку, да навсегда у меня и остались, потому что ни отцы ихъ, ни матери не признали. Приходи теперь за сыномъ черезъ три года.» [1]) Заплакала старуха и воротилась назадъ одна одинёхонька; выждала три года, и опять идетъ за сыномъ. Охъ свистнулъ своимъ молодецкимъ посвистомъ, и прилетѣло двѣнадцать голубей. «Узнавай сына!» говоритъ старухѣ; вотъ она смотрѣла, смотрѣла, такъ и не узнала. «Приходи опять черезъ три года, сказалъ Охъ; то будетъ послѣдній разъ: коли и тогда не угадаешь—простись на вѣки съ сыномъ.» Прошло еще три года, идетъ старуха за сыномъ въ послѣдній разъ и видитъ: возлѣ харчевни привязана къ забору лошадь, и говоритъ ей эта лошадь человѣчьимъ голосомъ: «здравствуй, матушка! вѣрно опять за мною идешь?» Далась диву старуха: лошадь—а говоритъ человѣчьимъ голосомъ и называетъ ее матушкой. «Не дивись, говоритъ конь, я взаправду твой сынъ; хозяинъ пріѣхалъ на мнѣ въ харчевню, и теперь сидитъ тамъ, гуляетъ. Какъ придешь ты къ могилѣ, выведетъ тебѣ Охъ двѣнадцать жеребцовъ—всѣ одной шерсти, всѣ на одну стать; я буду седьмой съ правой руки [2]).» Пришла старуха къ могилѣ и только молвила: Охъ!—Охъ какъ тутъ, свистнулъ своимъ молодецкимъ посвистомъ — и прибѣжало двѣнадцать жеребцовъ, ростомъ, дородствомъ, шерстью—всѣ одинаковые,

---

[1]) Въ другомъ спискѣ Охъ обращаетъ своихъ двѣнадцать учениковъ собаками. Старуха говоритъ: «гдѣ тутъ быть моему сыну; это псы поганые!» Охъ вывелъ одну собаку, ударилъ ее по спинѣ—и въ ту-жъ минуту на мѣсто собаки явился старухинъ сынъ.

[2]) *Вар.* у меня изъ праваго уха дымокъ пойдетъ.

и стали въ рядъ. Старуха отсчитала седьмаго съ-права и говоритъ Оху: «это мой сынъ!»—Угадала, сказалъ Охъ; хоть и жалко, а дѣлать нечего—бери его домой.

Взяла старуха сына, и пошли они добывать легкаго хлѣба. «Теперь, матушка, говоритъ ей сынъ, можешь водить меня по селамъ и городамъ и продавать барамъ да купцамъ за хорошую лошадь: я такимъ обернусь жеребцомъ, что̀ тебѣ всякой дастъ за меня худо три тысячи! Помни только одно: какъ продашь коня, недоуздка ни за что̀ не отдавай, снимай и бери себѣ; а то больше меня не увидишь!» Вотъ оборотился сынъ воронымъ жеребцомъ, а мать повела его на базаръ продавать. Приступились разные купцы, торговать-торговать, и купили коня за три тысячи; старуха взяла три тысячи, сняла съ коня недоуздокъ, и пошла своей дорогой. Долго-долго шла, дѣло стало къ вечеру, пораздумалась она, вспомнила про сына: «гдѣ-то мой сынокъ теперь?» Глядь—а онъ догоняетъ ее, какъ ни въ чемъ не бывалъ. На другой день опять старуха продала сына за хорошую лошадь, а недоуздокъ себѣ взяла. А на третій день, какъ повела жеребца на базаръ, повстрѣчался ей Охъ—тотъ самой, у котораго сынъ былъ въ наукѣ. Только она его не признала. Сторговалъ и беретъ себѣ жеребца; баба хотѣла было снять недоуздокъ. «Что ты, бабушка! говоритъ Охъ; гдѣ это видано, чтобъ продавать коня безъ повода!» Пхнулъ ее на̀земь, вскочилъ на коня верхомъ, усмѣхнулся и сказалъ: «полно де вамъ людей обманывать!» Ударилъ по лошади, и былъ таковъ! Тутъ только догадалась старуха, кто купилъ у ней сына; горько заплакала, и деньгамъ не рада! [1])

---

[1]) *Варіантъ:* Идетъ старуха съ сыномъ дорогой широкою. Въ чистомъ полѣ ѣздятъ охотники и травятъ зайцевъ. Увидалъ ихъ сынъ и говоритъ матери: «я обернусь хортомъ (борзой собакою); продавай меня охотникамъ, только Оха не поминай!» Тотчасъ ударился о сырую землю, сдѣлался хортомъ, погнался за зайцемъ, словилъ и принесъ старухѣ, а самъ такъ и ла-

Цѣлыхъ три дня и три ночи ѣздилъ Охъ на своемъ жеребцѣ, билъ его и пришпоривалъ до крови, скакалъ безъ отдыху по горамъ и доламъ: измучился жеребецъ, едва живъ остался. Послѣ пріѣхалъ Охъ на постоялой дворъ, привязалъ коня къ забору, и такъ крѣпко притянулъ ему голову, что едва дышать можно; а самъ пошелъ въ избу и давай пить да гулять. Случись на ту пору: проходила мимо одна дѣвица; жеребецъ говоритъ ей человѣчьимъ голосомъ: «слушай, умница! будь добра и будь милос(т)лива—сними съ меня недоуздокъ.» Дѣвица послушала, сняла недоуздокъ, а жеребецъ со двора и пустился въ чистое поле: только задъ показалъ! [1]) Охъ увидалъ въ окно, что жеребца-то нѣтъ у забора, бросился за нимъ въ погоню. Заслышалъ жеребецъ погоню, ударился о сырую землю, перекинулся гончею собакою и побѣжалъ пуще прежняго. Тогда Охъ обернулся сѣрымъ волкомъ да вслѣдъ за собакою: вотъ-вотъ настигнетъ, на клочки разорветъ! Видитъ собака, что смерть на носу, ударилась о сырую землю, перекинулась медвѣдемъ и хочетъ волка душить; волкъ догадался, обернулся львомъ и смѣло идетъ на медвѣдя. Но тотъ себѣ на умѣ, ударился оземь и полетѣлъ по поднебесью бѣлымъ лебедемъ; а Охъ за нимъ ясным соколомъ. Долго они летѣли, и сталъ нагонять

стится къ ней. «Это твой хортъ?» спрашиваютъ охотники. — Мой, господа-стрѣльцы! «Не продашь ли?»—Давайте пятьдесятъ рублевъ. Охотники усмѣхнулись: «возьми, говорятъ, пять рублевъ!» — Охъ вы, стрѣльцы-молодцы! гдѣ такая цѣна слыхана? промолвила съ досадой старуха, и вдругъ—откуда возьмись — выскочилъ Охъ, отдалъ старухѣ пятьдесятъ рублевъ и взялъ хорта. (Долго онъ мучилъ собаку; наконецъ она отъ него убѣгаетъ, Охъ ее преслѣдуетъ—и начинается длинный рядъ превращеній.)

[1]) Въ спискѣ, гдѣ вмѣсто Оха выведенъ чортъ, нечистой приводитъ жеребца домой, привязываетъ его въ конюшнѣ, и не даетъ другаго корма, кромѣ горячихъ угольевъ. У нечистаго была дочь, увидѣла: стоитъ бѣдной конь, морда крѣпко притянута, а возлѣ чугунный котелъ съ жаромъ; сжалилась, отвязала его и повела поить. Жеребецъ сталъ махать головою, махалъ-махалъ, пока не сбросилъ съ себя недоуздка, а какъ сбросилъ—сейчасъ убѣжалъ.

соколъ лебедя: вотъ-вотъ ударитъ! Видитъ лебедь: внизу рѣка течетъ, упалъ прямо на воду, обернулся ершомъ-ощетинился. А соколъ сдѣлался щукою, не отстаетъ отъ ерша, плыветъ за нимъ слѣдомъ. И говоритъ щука ершу: «поворотись ко мнѣ головою, я тебя съѣмъ!»—Врёшь, проклятая щука! отвѣчаетъ ёршъ; меня не съѣшь, развѣ подавишься. А коли ты, щука, — востра, такъ глотай меня съ хвоста! Долго ли, коротко ли они эдакъ плавали, наконецъ подплыли къ берегу; а тутъ на плоту [1]) стояла царевна и мыла бѣлье. Ершъ какъ выскочитъ изъ воды, да прямо къ ней пòдъ ноги и подкатился золотымъ кольцомъ. Царевна подняла кольцо, надѣла на пальчикъ, любуется и говоритъ: «если-бъ по этому колечку да найдти мнѣ добра мòлодца — жениха себѣ!»

На другой день нарядился Охъ богатымъ купцомъ, пришелъ къ самому царю и сказываетъ: «твоя царевна нашла мое кольцо, прикажи назадъ отдать.» Царь тотчасъ позвалъ свою дочь, велитъ отдавать кольцо. Осерчала царевна на купца, сняла кольцо съ пальчика и бросила нàземь. Кольцо разсыпалось мелкимъ просомъ, и одно зернушко попало царевнѣ въ башмачокъ. [2]) Купецъ оборотился пѣтухомъ; поклевалъ пѣтухъ просо, взлетѣлъ на окно, захлопалъ крыльями и закричалъ: «кукуреку! кого хотѣлъ, того съѣлъ!» Тутъ выкатилось изъ царевнина башмачка послѣднее зернушко, ударилось ôземь и сдѣлалось быстрымъ ястребомъ [3]). Бросился ястребъ на пѣтуха, запустилъ въ него свои когти, началъ щипать-теребить: только перья сыплются! «Врёшь, говоритъ, не бывало того, чтобы

---

[1]) *Вар.* на кладкахъ.

[2]) *Варіантъ:* Долго плавали въ водѣ и ёршъ, и щука. Собрались купеческіе дѣти, пошли ловить рыбу, закинули сѣти, и вмѣстѣ съ другой рыбою вытащили и ерша. Только воротились домой, а къ нимъ на дворъ идетъ Охъ; сталъ торговать рыбу и даетъ цѣну высокую. Купилъ; доберусь, думаетъ, до ерша. А ёршъ выскочилъ изъ лохани, ударился ôземь и разсыпался макомъ: одно зернушко попало въ башмакъ купеческой дочери... [3]) *Вар.* орломъ.

ролю — отогнать ворона съ воронихою.» Сколько ни уговаривалъ его корабельщикъ, никакъ не могъ удержать: «ну, ступай, говоритъ; да если что̀ недоброе случится—на себя пѣняй!» Пришелъ Вася во дворецъ, сказалъ королю, и велѣлъ открыть то самое окно, возлѣ котораго вороньё летало. Послушалъ птичьего крику, и говоритъ королю: «ваше величество сами видите, что летаютъ здѣсь трое: воронъ, жена его ворониха и сынъ ихъ воронёнокъ; воронъ съ воронихою спорятъ, кому принадлежитъ сынъ—отцу или матери, и просятъ разсудить ихъ. Ваше величество! скажите, кому принадлежитъ сынъ?» Король говоритъ: отцу. Только изрёкъ король это слово, воронъ съ воронёнкомъ полетѣли вправо, а ворониха — влѣво. Послѣ того король взялъ мальчика къ себѣ, и жилъ онъ при немъ въ большой милости и чести; выросъ и сталъ молодецъ молодцомъ, женился на королевнѣ и взялъ въ приданое полцарства. Вздумалось ему какъ-то поѣздить по разнымъ мѣстамъ, по чужимъ землямъ, людей посмотрѣть и себя показать; собрался и поѣхалъ странствовать. Въ одномъ городѣ остановился онъ ночевать; переночевалъ, всталъ поутру и велитъ, чтобъ подали ему умываться. Хозяинъ принесъ ему воду, хозяйка подала полотенце; поразговорился съ ними королевичъ, и узналъ, что то были отецъ его и мать, заплакалъ отъ радости и упалъ къ ихъ ногамъ родительскимъ; а послѣ взялъ ихъ съ собою въ городъ Хвалынскъ, и стали они всѣ вмѣстѣ жить-поживать да добра наживать.

b. Жилъ-былъ купецъ съ купчихою, и было у нихъ одно дѣтище любимое; отдали они его учиться на разные языки къ одному мудрецу, аль тоже знающему человѣку, чтобъ повсячески зналъ—птица ли запоетъ, лошадь ли заржетъ, овца ли заблеетъ; ну, словомъ, чтобъ все зналъ! Поучился онъ одинъ годокъ, а ужь лучше учителя все зналъ. Какъ кончилось ученье, пріѣзжаетъ за сыномъ отецъ, хочетъ его выкупить.

А учитель говоритъ старику: «за ученье триста рублевъ, да прежде того узнай сына!» и сдѣлалъ онъ изъ тридцати учениковъ своихъ тридцать молодцевъ: молодецъ къ молодцу! А сынъ успѣлъ шепнуть отцу: на моемъ де лицѣ мушка сядетъ, я ее платкомъ смахну. Такъ и сдѣлалъ; по той примѣтѣ старикъ угадалъ сына. «Ну, не ты мудёръ-хитёръ, сказалъ ему учитель; мудёръ-хитёръ твой сынъ! угадывай съизнова.» На другой разъ вывелъ онъ тридцать коней: волосъ къ волосу! Всѣ смирно стоятъ, а одинъ съ ноги на̀ ногу переступаетъ, и по той примѣтѣ опять угадалъ старикъ своего сына. «Не ты мудёръ-хитёръ, мудёръ-хитёръ твой сынъ! угадывай въ третій разъ», сказалъ учитель — и выпустилъ тридцать сизокрылыхъ голубей; всѣ стоятъ, не шелохнутся, а одинъ голубокъ крылышкомъ взмахнулъ. [1]) И опять такй узналъ купецъ сына. Нечего дѣлать, надо было отдать ученика.

Идутъ купецъ съ сыномъ дорòгою, а ворона летитъ да кричитъ: «сынъ станетъ ноги мыть, а отецъ воду пить!» — Что это, дитятко, ворона-то кричитъ? Сыну стыдно было сказать: «не знаю, батько!» — Экой дурень! чему-жъ тебя учили? за что я триста рублевъ заплатилъ? «Не попрекай, батько, деньгами; я тебѣ ихъ съ лишкомъ отдамъ. Дойдемъ до базару, я обернусь конемъ; ты меня продавай, только уздечки не отдавай! Вотъ деньги и воротишь.» Сказано—сдѣлано; взялъ купецъ за сына триста рублевъ. Приходитъ домой, а сынъ уже дома. И во второй разъ сынъ оборотился жеребцомъ; купецъ взялъ за него еще триста рублевъ, а уздечки не отдалъ. Вотъ и въ третій разъ повелъ онъ сына на базаръ. Случись на то время быть тамъ учителю. Присталъ къ купцу: продай да и продай лошадь! — Изволь, давай триста рублевъ. «Дамъ, продай съ

---

[1]) *Варіантъ*: выпустилъ тридцать бѣлыхъ лебедей и посыпалъ имъ зерна; всѣ смирно клюютъ, а одинъ кругомъ похаживаетъ, то того, то другаго пощипываетъ и гонитъ прочь отъ корму.

уздечкою.» Купецъ призадумался. «Продай — надбавлю!» Соблазнился старикъ и продалъ. Учитель сѣлъ на коня, да и былъ таковъ! Взмылилъ онъ коня, вспѣнилъ ему бока; а самъ бьётъ да приговариваетъ: «я-жъ тебя перехитрю, я-жъ тебя перемудрю!» До костей пронялъ, и проѣхалъ на немъ безъ отдыху тридцать верстъ къ сестрѣ своей въ гости; привязалъ коня крѣпко-накрѣпко за кольцо къ столбу, а самъ вошелъ въ горницу. Скоро вышла сестра его и увидала на дворѣ ретиваго коня — всего въ пѣнѣ; сжалилась надъ нимъ, разнуздала и дала пшена бѣлояраго и сыты медвяной. Вздумалъ учитель ѣхать домой, вышелъ, глядь-поглядь — а коня какъ небывало; взъѣлся онъ на сестру: «ты мнѣ больше не сестра, а тебѣ не братъ!» А самъ пустился догонять: плохо пришлось купеческому сыну! На дорогѣ попалась рѣка; онъ скорѣе обернулся карасемъ да въ воду, учитель за нимъ щукою. Купеческой сынъ выскочилъ изъ воды и сдѣлался перстнемъ: лежитъ на проруби, такъ и сіяетъ! Шла дѣвка-чернавка, увидала перстень, поскорѣй надѣла его на руку — и домой бѣжать. Марфида-царевна запримѣтила у дѣвки-чернавки тотъ перстень, выпросила себѣ, а на промѣнъ дала цѣлыхъ три кольца. Живетъ купеческой сынъ у царевны: днемъ перстнемъ на рукѣ, а ночью добрымъ молодцемъ на постели.

А учитель все знаетъ, все вѣдаетъ; взялъ себѣ гусли звончатыя, идетъ по улицѣ, разъигрываетъ. Марфида-царевна и говоритъ царю: «нельзя ли, батюшко, позвать его къ намъ?» Царь велѣлъ позвать. Вотъ одинъ разъ былъ, на гусляхъ игралъ, царевну съ царемъ потѣшалъ, и въ другой, и въ третій былъ. Спрашиваетъ его царь: «чѣмъ тебя наградить, чѣмъ за игру заплатить?»—Да ничего, ваше царское величество, мнѣ не нужно, окромя перстенька, что блеститъ на ручкѣ у твоей царевны. Пришлось Марфидѣ-царевнѣ разлучаться съ перстенькомъ. А купеческой сынъ еще прежде научилъ ее: «какъ

будешь отдавать перстень, урони словно не нарокомъ; я разсыплюсь мелкимъ жемчугомъ [1])—наступи ногой на одну жемчужину [2]).» Она такъ и сдѣлала: перстень упалъ и разсыпался мелкимъ жемчугомъ; учитель обратился въ пѣтуха [3]) и давай клевать жемчугъ, а купеческой сынъ въ ту минуту выскользнулъ изъ-подъ ножки царевниной, обернулся соколомъ и свернулъ пѣтуху голову. Ну, дальше что̀ и разсказывать: извѣстное дѣло — купеческой сынъ женился на Марѳидѣ-царевнѣ и сдѣлался послѣ царемъ.

А отецъ и мать его обѣдняли и стали ходить по дворамъ, побираться. Разъ на праздникахъ пришли они вмѣстѣ съ другими убогими и нищими на царской дворъ. Царь велѣлъ ихъ накормить, напоить, да и спать положить; таковъ былъ милосливъ! Вотъ дали имъ комнатку и уложили спать. Ночью старикъ проснулся, захотѣлось ему испить, посмотрѣлъ кругомъ —видитъ: стоитъ свѣтлой тазъ съ водою, давай изъ него пить. А въ томъ тазу царь на̀ ночь ноги полоскалъ: стало быть правду ворона сказала. Поутру царь началъ убогихъ распрашивать: откуда кто и какъ родомъ? и призналъ своихъ родителей. Съ того времени стали они вмѣстѣ жить-поживать, не горевать.

(Записана въ нижегородской губерніи.)

с. Жилъ богатой купецъ, у него былъ сынъ Иванъ. Вздумалось старику: повезу сына за̀ море, отдамъ учиться птичьему языку. Отдалъ его въ науку. Черезъ три года пріѣхалъ старикъ за сыномъ. «Заплати напередъ за ученье, тогда и бери», говоритъ учитель: а купецъ тѣмъ временемъ обѣднялъ, заплатить нечѣмъ. «Батюшка! сказалъ ему сынъ, выпроси меня къ себѣ въ гости; я достану тебѣ денегъ.» Отецъ выпросилъ.

---

[1]) *Вар.* горохомъ. [2]) *Вар.* горошину. [3]) *Вар.* голубя.

Идутъ они дорóгою, идутъ широкою. «Слышь, батюшка! говоритъ Иванъ-купеческой сынъ, я оборочусь лошадью, веди меня на ярморку и продавай за триста рублевъ.» Сказано—сдѣлано. Купилъ лошадь знатной бояринъ, захотѣлъ посмотрѣть ея прыти, сѣлъ и ну пришпоривать. Конь сталъ на дыбы, сбилъ сѣдока и поскакалъ въ чистое поле. «Лови, лови!» кричитъ бояринъ конюхамъ. Ну гдѣ поймать буйный вѣтеръ нà полѣ, ясна сокола въ поднебесьи?

Выкупилъ купецъ своего сына, и пустились домой; плывутъ по синю морю, а надъ ними летитъ стая гусей и такъ-то громко гогочутъ! «Что говорятъ гуси?» спрашиваетъ отецъ.—Не знаю, отвѣчаетъ сынъ. Летитъ другая стая лебедей, еще громче кричатъ. «Что говорятъ лебеди?» спрашиваетъ отецъ. — Не знаю, отвѣчаетъ сынъ. Купецъ разгнѣвался: столько учился, а ничего не знаетъ! столкнулъ его съ досады въ море, и поплылъ дальше. А Ивана-купеческаго сына далеко-далеко занесло волнами и прибило къ берегу тридесятаго царства. Пошелъ онъ къ тамошнему царю во дворецъ и напросился къ нему въ службу. Ни мало, ни много прошло времени, полюбился онъ царю больше роднаго дѣтища, полюбился и царевнѣ. Царь женилъ его на своей дочери, и сдѣлался Иванъ-купеческой сынъ Иваномъ-царевичемъ.[1]) А отецъ его до того дошелъ, что сдѣлался нищимъ и сталъ пò міру бродить, милостину просить. Много исходилъ онъ городовъ, забрёлъ наконецъ въ тридесятое царство. Увидалъ его изъ окна Иванъ-царевичъ и велѣлъ привести во дворецъ, накормилъ-напоилъ и спать уложилъ. А съ вечера царевичъ ноги мылъ въ золотомъ тазѣ, такъ эта вода въ немъ и осталась. Ночью захотѣлось старику напиться, попросить не посмѣлъ, взялъ да и на-

[1]) Въ другомъ спискѣ Иванъ-купеческой сынъ приплылъ къ берегу, оборотился кольцомъ и попалъ царевнѣ въ руки, слюбился съ нею и сдѣлался ея мужемъ.

пился изъ таза. Царевичъ услыхалъ и спрашиваетъ: «кто тамъ возится?» — Это я, батюшка! пришелъ водицы испить. «Что ты! вѣдь я въ этой водѣ ноги мылъ!» И вспомнилось царевичу, какъ плылъ онъ съ отцомъ по̀ морю и что̀ гоготали гуси-лебеди; сталъ расспрашивать убогаго старика, узналъ — кто онъ такой, и говоритъ: «а помнишь ли, старичокъ, какъ ѣхалъ ты съ сыномъ по синю морю и спрашивалъ его, о чемъ гуси-лебеди разговоръ вели? Они вотъ что̀ говорили: Ивану-гостиному сыну ноги мыть, а отцу его воду пить! Вѣдь я — твой сынъ!» Старикъ испугался, хотѣлъ было въ ноги повалиться, да царевичъ не допустилъ; обнялись они и поплакали на радостяхъ. «Какъ-же ты, сынокъ, не утонулъ?» спросилъ отецъ. — Экой! не на то я учился, чтобы топиться, а чтобъ на царевнѣ жениться.

47.

ОХОТНИКЪ И ЕГО ЖЕНА.

Былъ-жилъ охотникъ, и было у него двѣ собаки. Разъ какъ-то бродилъ онъ съ ними по лугамъ, по лѣсамъ, розыскивалъ дичи; долго бродилъ — ничего не видалъ, а какъ стало дѣло къ вечеру, набрёлъ на такое диво: горитъ пень, а въ огнѣ змѣя сидитъ. И говоритъ ему змѣя: «изыми, мужичокъ, меня изъ огня-изъ полымя; я тебя счастливымъ сдѣлаю: будешь знать все, что̀ на свѣтѣ есть, и какъ звѣрь говоритъ, и что̀ птица поётъ!» [1]) — Радъ тебѣ помочь, да какъ? спрашиваетъ змѣю охотникъ. «Вложи только въ огонь конецъ палки, я по ней и вылѣзу.» Охотникъ такъ и сдѣлалъ. Выползла змѣя: «спасибо, мужи-

---

[1]) *Варіантъ:* а какъ стало дѣло къ вечеру, усмотрѣлъ змѣю на деревѣ; навёлъ ружье, и хотѣлъ убить ее. «Не бей меня, доброй молодецъ! я тебѣ счастье добуду...»

чокъ! будешь разумѣть теперь, что̀ всякая тварь говоритъ; только никому про то не сказывай, а если скажешь—смертью помрешь!»

Опять охотникъ пошелъ искать дичи, ходилъ-ходилъ, и пристигла его ночь тёмная. «Домой далеко, подумалъ онъ; останусь-ка здѣсь ночевать.» Развёлъ костёръ и улегся возлѣ вмѣстѣ съ собаками, и слышитъ, что собаки завели промежъ себя разговоръ и называютъ другъ друга братомъ. «Ну, братъ! говоритъ одна; ночуй ты съ хозяиномъ, а я домой побѣгу, стану дворъ караулить. Не ровёнъ часъ: воры пожалуютъ!» — Ступай, братъ, съ Богомъ! отвѣчаетъ другая. Поутру рано воротилась изъ дому собака и говоритъ той, что̀ въ лѣсу ночевала: «здравствуй, братъ!»—Здорово! «Хорошо ли ночь у васъ прошла?»—Ничего, слава Богу! а тебѣ, братъ, какъ дома поспалось? «Охъ, плохо! Прибѣжалъ я домой, а хозяйка говоритъ: вотъ чортъ принёсъ безъ хозяина! и бросила мнѣ горѣлую корку хлѣба. Я понюхалъ, понюхалъ, а ѣсть не сталъ; тутъ она схватила кочергу и давай меня подчивать, всѣ рёбра пересчитала! А ночью, братъ, приходили на дворъ воры, хотѣли къ амбарамъ да клѣтямъ подобраться, такъ я такой лай поднялъ, такъ зло на нихъ накинулся, что куда ужь было думать о чужомъ добрѣ, только-бъ самимъ уйдти по добру-по здорову! Такъ всю ночь и провозился!» Слышитъ охотникъ, что̀ собака собакѣ сказываетъ, и держитъ у себя на умѣ: погоди, жена! приду домой — ужь я тѐ задамъ жару!

Вотъ пришелъ въ избу: «здорово, хозяйка!»—Здорово, хозяинъ! «Приходила вчера домой собака?»—Приходила. «Что-жъ ты ее накормила?»—Накормила, родимой! дала ей цѣлую крынку молока и хлѣба покрошила. «Врёшь, старая вѣдьма! ты дала ей горѣлую корку, да кочергой прибила.» Жена повинилась, и пристала къ мужу: скажи, да и скажи, какъ ты про всё узналъ. «Не могу, отвѣчаетъ мужъ; не велѣно сказывать.»

—Скажи, миленькой! «Право слово, не могу!»—Скажи, голубчикъ! «Если скажу, такъ смертью помру.» — Ничего, только скажи, дружокъ! Что станешь съ бабой дѣлать? хоть умри, да признайся! «Ну, давай бѣлую рубаху», говоритъ мужъ. Надѣлъ бѣлую рубаху [1]), лёгъ въ переднемъ углу подъ образа, совсѣмъ умирать приготовился, и собирается разсказать хозяйкѣ всю правду истинную. На ту пору вбѣжали въ избу куры, а за ними пѣтухъ, и сталъ гвоздить [2]) то ту, то другую, а самъ приговариваетъ: «вотъ я съ вами раздѣлаюсь! вѣдь я не такой дуракъ, какъ нашъ хозяинъ, что̀ съ одной женой не справится! У меня васъ тридцать и больше того, а захочу—до всѣхъ доберусь!» Какъ услыхалъ эти рѣчи охотникъ, не захотѣлъ быть въ дуракахъ, вскочилъ съ лавки, и давай учить жену плёткою. Присмирѣла она: полно приставать да спрашивать!

48.

ЦАРЬ МОРСКОЙ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ. [3])

а. За тридевять земель въ тридесятомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею; дѣтей у нихъ не было. Поѣхалъ царь по чужимъ землямъ, по дальнимъ сторонамъ, долгое время домой не бывалъ; на ту пору родила ему царица сына Ивана-царевича, а царь про то и не вѣдаетъ. Сталъ онъ держать путь въ свое государство, сталъ подъѣзжать къ своей землѣ, а день-то былъ жаркой-жаркой, солнце такъ и пекло! и напала на него жажда великая; что̀ ни дать, только-бъ воды испить! Осмотрѣлся кругомъ, и видитъ невдалекѣ большое озеро; подъѣхалъ къ озеру, слѣзъ съ коня, прилёгъ на брюхо и давай глотать студеную воду. Пьётъ и не чуетъ бѣды; а Царь Мор-

---

[1]) *Вар*. саванъ. [2]) Клевать, бить. [3]) См. выпускъ V, № 23.

ской ухватилъ его за бороду. «Пусти!» проситъ царь. «Не пущу, не смѣй пить безъ моего вѣдома!» — Какой хочешь, возьми откупъ—только отпусти! «Давай то, чего дома не знаешь.» Царь подумалъ-подумалъ, чего онъ дома не знаетъ? кажись, все знаетъ, все ему вѣдомо и согласился. [1]) Попробовалъ — бороду никто не держитъ, всталъ съ земли, сѣлъ на коня и поѣхалъ восвояси.

Вотъ пріѣзжаетъ домой, царица встрѣчаетъ его съ царевичемъ такая радостная; а онъ какъ узналъ про свое милое дѣтище, такъ и залился горькими слезами. Разсказалъ царицѣ, какъ и что съ нимъ было, поплакали вмѣстѣ, да вѣдь дѣлать-то нечего, слезами дѣла не поправишь. Стали они жить по старому; а царевичъ ростетъ себѣ да ростетъ, словно тѣсто на опарѣ— не по днямъ, а по часамъ, и выросъ большой. «Сколько не держать при себѣ, думаетъ царь, а отдавать надобно: дѣло неминучее!» Взялъ Ивана-царевича за руку, привёлъ прямо къ озеру: «поищи здѣсь, говоритъ, мой перстень; я ненарокомъ вчера обронилъ.» Оставилъ одного царевича, а самъ повернулъ домой. Сталъ царевичъ искать перстень, идетъ по берегу, и

---

[1]) *Варіантъ 1*: Осмотрѣлся кругомъ, и видитъ: невдалекѣ колодецъ стоитъ, а у колодца прикованъ на цѣпи золотой ковшъ. Царь туда, и только взялъ ковшъ и нагнулся воды зачерпнуть—вдругъ Чудо Морское уцѣпилось ему за бороду.

Варіантъ 2: Пришлось какъ-то ѣхать царю по̀ морю. Корабль плылъ-плылъ, да вдругъ остановился, не йдетъ съ мѣста. Что̀ ни дѣлали корабельщики, какъ ни ухитрялись—ничего не беретъ! «Что за притча такая! думаетъ царь; столько лѣтъ по̀ морю плаваю, никогда этого не бывало. Дорого бы далъ, чтобъ бѣды избыть!»—Отдай то, чего дома не знаешь! говоритъ Чудо Морское, выплывая наверхъ. Царь согласился, и далъ въ томъ росписку, а росписка та писана имъ кровью изъ мизиннаго пальца.

Варіантъ 3: Ѣхалъ царь съ охоты домой; нагоняетъ его сѣдой дѣдъ: «подвези старика!»—Садись на облучокъ! Дѣдъ сѣлъ. «Чѣмъ живешь-промышляешь, дѣдушка?» — Торгую, государь; покупаю то, что хозяинъ въ дому не вѣдаетъ. «Ну, знать не велика прибыль!»—Ничего; коли продашь—и у тебя куплю. «Изволь!»

попадается ему на встрѣчу старушка. «Куда идешь, Иванъ-царевичъ?»—Отвяжись, не докучай, старая вѣдьма! и безъ тебя досадно. «Ну, оставайся съ Богомъ!» и пошла старушка въ сторону. А Иванъ-царевичъ пораздумался: «за что обругалъ я старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! авось что и доброе скажетъ.» И сталъ ворочать старушку: «воротись, бабушка, да прости мое слово глупое! Вѣдь я съ досады вымолвилъ: заставилъ меня отецъ перстня искать, хожу-высматриваю, а перстня нѣтъ какъ нѣтъ!»—Не за перстнемъ ты здѣсь; отдалъ тебя отецъ Морскому Царю: выйдетъ Морской Царь и возьметъ тебя съ собою въ подводное царство. Горько заплакалъ царевичъ. «Не тужи, Иванъ-царевичъ! будетъ и на твоей улицѣ праздникъ; только слушайся меня старухи. Спрячься вонъ за тотъ кустъ смородины и притаись тихохонько. Прилетятъ сюда двѣнадцать голубицъ—все красныхъ дѣвицъ, а вслѣдъ за ними и тринадцатая; станутъ въ озерѣ купаться; а ты тѣмъ временемъ унеси у послѣдней сорочку и до тѣхъ поръ не отдавай, пока не подаритъ она тебѣ своего колечка. Если не съумѣешь этого сдѣлать, ты погибъ на вѣки: у Морскаго Царя кругомъ всего дворца стоитъ частоколъ высокой на цѣлыя на десять вёрстъ, и на каждой спицѣ по головѣ воткнуто; только одна порожняя, не угоди на нее попасть!» Иванъ-царевичъ поблагодарилъ старушку, спрятался за смородиновой кустъ, и ждетъ поры-времени.

Вдругъ прилетаютъ двѣнадцать голубицъ; ударились о сыру землю и обернулись красными дѣвицами, всѣ до единой красоты несказанныя: ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать! Поскидали платья и пустились въ озеро: играютъ, плещутся, смѣются, пѣсни поютъ. Вслѣдъ за ними прилетѣла и тринадцатая голубица; ударилась о сыру землю, обернулась красной дѣвицей, сбросила съ бѣлаго тѣла сорочку и пошла купаться: и была она всѣхъ пригожѣе, всѣхъ красивѣе! Долго

Иванъ-царевичъ не могъ отвести очей своихъ, долго на нее заглядывался; да припомнилъ, что говорила ему старуха, подкрался тихонько и унёсъ сорочку. Вышла изъ воды красная дѣвица, хватилась — нѣтъ сорочки, унёсъ кто-то; бросились всѣ искать, искали-искали—не видать нигдѣ. «Не ищите, милыя сестрицы! полетайте домой; я сама виновата — не досмотрѣла, сама и отвѣчать буду.» Сестрицы-красныя дѣвицы ударились о сырую землю, сдѣлались голубками, взмахнули крыльями и полетѣли прочь. Осталась одна дѣвица, осмотрѣлась кругомъ и промолвила: «кто бы ни былъ таковъ, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старой человѣкъ — будешь мнѣ родной батюшка, коли среднихъ лѣтъ—будешь братецъ любимой, коли ровня мнѣ — будешь милой другъ!» Только сказала послѣднее слово, показался Иванъ-царевичъ. Подала она ему золотое колечко и говоритъ: «ахъ, Иванъ-царевичъ! что давно не приходилъ? Морской Царь на тебя гнѣвается. Вотъ дорога, что̀ ведетъ въ подводное царство; ступай по ней смѣло! Тамъ и меня найдешь; вѣдь я дочь Морскаго Царя, Василиса Премудрая.»

Обернулась Василиса Премудрая голубкою и улетѣла отъ царевича. А Иванъ-царевичъ отправился въ подводное царство; видитъ: и тамъ свѣтъ такой-же, какъ у насъ; и тамъ поля и луга, и рощи зеленыя, и солнышко грѣетъ. Приходитъ онъ къ Морскому Царю. Закричалъ на него Морской Царь: «что такъ долго не бывалъ? за вину твою вотъ тебѣ служба: есть у меня пустошь на тридцать вёрстъ и въ длину и въ поперёкъ — одни рвы, буераки да каменьё острое! Чтобъ къ завтраму было тамъ какъ ладонь гладко, и была бы рожь посѣяна и выросла-бъ къ раннему утру такъ высока, чтобы въ ней галка могла схорониться. Если того не сдѣлаешь — голова твоя съ плечъ долой!» Идетъ Иванъ-царевичъ отъ Морскаго Царя, самъ слезами обливается. Увидала его въ окно изъ своего терема

высокаго Василиса Премудрая, и спрашиваетъ: «здравствуй, Иванъ-царевичъ! что слезами обливаешься?» — Какъ-же мнѣ не плакать? отвѣчаетъ царевичъ; заставилъ меня Царь Морской за одну ночь сравнять всѣ рвы, буераки и каменьё острое, и засѣять рожью, чтобъ къ утру она выросла и могла въ ней галка спрятаться. «Это не бѣда, бѣда впереди будетъ! Ложись съ Богомъ спать; утро вечера мудренѣе, все будетъ готово!» Лёгъ спать Иванъ-царевичъ, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громкимъ голосомъ: «гей вы, слуги мои вѣрные! ровняйте-ка рвы глубокіе, сносите каменьё острое, засѣвайте рожью колосистою, чтобъ къ утру поспѣло!» Проснулся на зарѣ Иванъ-царевичъ, глянулъ — все готово; нѣтъ ни рвовъ, ни буераковъ, стоитъ поле какъ ладонь гладкое и красуется на немъ рожь — столь высока, что галка схоронится. Пошелъ къ Морскому Царю съ докладомъ. «Спасибо тебѣ, говоритъ Морской Царь, что съумѣлъ службу сослужить. Вотъ тебѣ другая работа: есть у меня триста скирдовъ, въ каждомъ скирду по триста копенъ — все пшеница бѣлоярая; обмолоти мнѣ къ завтраму всю пшеницу чисто-начисто до единаго зёрнушка, а скирдовъ не ломай и сноповъ не разбивай. Если не сдѣлаешь — голова твоя съ плечъ долой!» — Слушаю, ваше величество! сказалъ Иванъ-царевичъ; опять идетъ по двору, да слезами обливается. «О чемъ горько плачешь?» спрашиваетъ его Василиса Премудрая.—Какъ же мнѣ не плакать? Приказалъ мнѣ Царь Морской за одну ночь всѣ скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдовъ не ломать и сноповъ не разбивать. «Это не бѣда, бѣда впереди будетъ! Ложись спать съ Богомъ; утро вечера мудренѣе.» Царевичъ лёгъ спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громкимъ голосомъ: «гей вы, муравьи ползучіе! сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть — всѣ ползите сюда и повыберите зерно изъ батюшкиныхъ скирдовъ чисто-начисто.» Поутру зоветъ Морской

Царь Ивана-царевича: «сослужилъ ли службу?»—Сослужилъ, ваше величество! «Пойдемъ, посмотримъ.» Пришли на гумно — всѣ скирды стоятъ нетронуты, пришли въ житницы—всѣ закрома полнёхоньки зерномъ. «Спасибо тебѣ, братъ! сказалъ Морской Царь; сдѣлай мнѣ еще церковь изъ чистаго воску, чтобъ къ разсвѣту была готова: это будетъ твоя послѣдняя служба.» Опять идетъ Иванъ-царевичъ по двору и слезами умывается. «О чемъ горько плачешь?» спрашиваетъ его изъ высокаго терема Василиса Премудрая.—Какъ мнѣ не плакать доброму молодцу? Приказалъ Морской Царь за одну ночь сдѣлать церковь изъ чистаго воску. «Ну, это еще не бѣда, бѣда впереди будетъ. Ложись-ка спать; утро вечера мудренѣе.» Царевичъ улегся спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громкимъ голосомъ: «гей вы, пчелы работящія! сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть—всѣ летите сюда и слѣпите изъ чистаго воску церковь божію, чтобъ къ утру была готова.» Поутру всталъ Иванъ-царевичъ, глянулъ—стоитъ церковь изъ чистаго воску, и пошелъ къ Морскому Царю съ докладомъ. «Спасибо тебѣ, Иванъ-царевичъ! Какихъ слугъ у меня ни было, никто не съумѣлъ такъ угодить, какъ ты. Будь-же за то моимъ наслѣдникомъ, всего царства оберегателемъ; выбирай себѣ любую изъ тринадцати дочерей моихъ въ жены.» Иванъ-царевичъ выбралъ Василису Премудрую; тотчасъ ихъ обвѣнчали и на радостяхъ пировали цѣлыхъ три дня.

Ни много, ни мало прошло времени, стосковался Иванъ-царевичъ по своимъ родителямъ, захотѣлось ему на святую Русь. «Что такъ грустенъ, Иванъ-царевичъ?» — Ахъ, Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу, по матери, захотѣлось на святую Русь. «Вотъ это бѣда пришла! Если уйдемъ мы, будетъ за нами погоня великая; Царь Морской разгнѣвается и предастъ насъ смерти. Надо ухитряться!» Плюнула Василиса

Премудрая въ трехъ углахъ, заперла двери въ своемъ теремѣ, и побѣжала съ Иваномъ-царевичемъ на святую Русь. На другой день ранёхонько приходятъ посланные отъ Морскаго Царя — молодыхъ подымать, во дворецъ къ царю звать. Стучатся, въ двери: «проснитеся, пробудитеся! васъ батюшка зоветъ.» —Еще рано, мы не выспались; приходите послѣ! отвѣчаетъ одна слюнка. Вотъ посланные ушли, обождали часъ, другой, и опять стучатся: «не пора-время спать, пора-время вставать!»—Погодите немного; встанемъ, одѣнемся! отвѣчаетъ вторая слюнка. Въ третій разъ приходятъ посланные: «Царь де Морской гнѣвается, зачѣмъ такъ долго они прохлаждаются.» — Сейчасъ будемъ! отвѣчаетъ третья слюнка. Подождали-подождали посланные и давай опять стучаться; нѣтъ отклика, нѣтъ отзыва! выломали двери, а въ теремѣ пусто. Доложили царю, что молодые убѣжали; озлобился онъ и послалъ за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая съ Иваномъ-царевичемъ уже далеко-далеко! скачутъ на бо́рзыхъ коняхъ безъ остановки, безъ роздыху. «Ну-ка, Иванъ-царевичъ, припади къ сырой землѣ да послушай, нѣтъ ли погони отъ Морскаго Царя?» Иванъ-царевичъ соскочилъ съ коня, припалъ ухомъ къ сырой землѣ, и говоритъ: «слышу я людскую молвь и конской топъ!»—Это за нами гонятъ! сказала Василиса Премудрая и тотчасъ обратила коней зеленымъ лугомъ, Ивана-царевича старымъ пастухомъ, а сама сдѣлалась смирною овечкою [1]). Наѣзжаетъ погоня: «эй, старичокъ! не видалъ ли ты—не проскакалъ ли здѣсь доброй молодецъ съ красной дѣвицей?»— Нѣтъ, люди добрые, не видалъ, отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ; сорокъ лѣтъ какъ пасу на этомъ мѣстѣ—ни одна птица мимо не пролетывала, ни одинъ звѣрь мимо не прорыскивалъ! Воротилась погоня назадъ:

---

[1]) *Варіантъ*: сдѣлалась козою. Привязалъ ее пастухъ за рога и ведетъ на веревочкѣ.

«ваше царское величество! никого въ пути не наѣхали, видѣли только: пастухъ овечку пасетъ.» — Что-жъ не хватали? вѣдь это они были! закричалъ Морской Царь, и послалъ новую погоню. А Иванъ-царевичъ съ Василисою Премудрою давнымъ-давно скачутъ на бо́рзыхъ коняхъ. «Ну, Иванъ-царевичъ, припади къ сырой землѣ да послушай, нѣтъ ли погони отъ Морскаго Царя?» Иванъ-царевичъ слѣзъ съ коня, припалъ ухомъ къ сырой землѣ, и говоритъ: «слышу я людскую молвь и конской топъ.» — Это за нами гонятъ! сказала Василиса Премудрая; сама сдѣлалась церквою, Ивана-царевича обратила старенькимъ попомъ, а лошадей — деревьями. [1]) Наѣзжаетъ погоня: «эй, батюшка! не видалъ ли ты — не проходилъ ли здѣсь пастухъ съ овечкою?» — Нѣтъ, люди добрые, не видалъ; сорокъ лѣтъ тружусь въ этой церкви — ни одна птица мимо не пролетывала, ни одинъ звѣрь мимо не прорыскивалъ! Повернула погоня назадъ: «ваше царское величество! нигдѣ не нашли пастуха съ овечкою; только въ пути и видѣли, что церковь да попа-старика.» — Что-жъ вы церковь не разломали, попа не захватили? вѣдь это они самые были! закричалъ Морской Царь, и самъ поскакалъ въ догонь за Иваномъ-царевичемъ и Василисою Премудрою. А они далеко уѣхали. Опять говоритъ Василиса Премудрая: «Иванъ-царевичъ! припади къ сырой землѣ — не слыхать ли погони?» Слѣзъ царевичъ съ коня, припалъ ухомъ къ сырой землѣ, и говоритъ: «слышу я людскую молвь и конской топъ пуще прежняго!» — Это самъ царь скачетъ. Оборотила Василиса Премудрая коней озеромъ, Ивана-царевича селезнемъ, а сама сдѣлалась уткою. Прискакалъ Царь Морской къ озеру, тотчасъ догадался, кто таковы утка и селезень; ударился о сыру землю и обернулся орломъ. Хочетъ

---

[1]) *Вар.* сама сдѣлалась часовнею, а царевича обратила псаломщикомъ: стоитъ онъ и читаетъ въ слухъ псалмы церковные.

орелъ убить ихъ до смерти; да не тутъ-то было: что ни разлетится сверху... вотъ-вотъ ударитъ селезня, а селезень въ воду нырнетъ; вотъ-вотъ ударитъ утку, а утка въ воду нырнетъ! Бился бился, такъ ничего и не смогъ сдѣлать. Поскакалъ Царь Морской въ свое подводное царство, а Василиса Премудрая съ Иваномъ-царевичемъ выждали доброе время и поѣхали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, пріѣхали они въ тридесятое царство. «Подожди меня въ этомъ лѣсочкѣ, говоритъ царевичъ Василисѣ Премудрой; я пойду, доложусь напередъ отцу, матери.» — Ты меня забудешь, Иванъ-царевичъ! «Нѣтъ, не забуду.» — Нѣтъ, Иванъ-царевичъ, не говори, позабудешь! Вспомни обо мнѣ хоть тогда, какъ станутъ два голубка въ окна биться! Пришелъ Иванъ-царевичъ во дворецъ; увидали его родители, бросились ему на шею и стали цѣловать-миловать его; на радостяхъ позабылъ Иванъ-царевичъ про Василису Премудрую. Живетъ день и другой съ отцемъ, съ матерью, а на третій задумалъ свататься на какой-то королевнѣ. Василиса Премудрая пошла въ городъ и нанялась къ просвирнѣ въ работницы. Стали просвиры готовить; она взяла два кусочка тѣста, слѣпила пару голубковъ и посадила въ печь. «Разгадай, хозяюшка, что будетъ изъ этихъ голубковъ?» — А что будетъ? съѣдимъ, ихъ — вотъ и все! «Нѣтъ, не угадала!» Открыла Василиса Премудрая печь, отворила окно — и въ ту-жъ минуту голуби встрепенулися, полетѣли прямо во дворецъ и начали биться въ окна; сколько прислуга царская ни старалась, ничѣмъ не могла отогнать ихъ прочь. Тутъ только Иванъ-царевичъ вспомнилъ про Василису Премудрую, послалъ гонцовъ во всѣ концы распрашивать да розыскивать, и нашелъ ее у просвирни; взялъ за руки бѣлыя, цѣловалъ въ уста сахарныя, привелъ къ отцу, къ матери, и стали всѣ вмѣстѣ жить да поживать, да добра наживать.

b. Якъ булы соби царь да царица, да у ихъ не було дитей; да булы вовы таки бидни, що и jисты ничого було. Разъ пишовъ царь на заробитки; на дорози ёму захотилось пить, дивитця — колы криныця.[1]) Отъ винъ тильки що нахилився напитьця воды, ажъ его щось за бороду и ухватыло. Винъ ставъ проситьця: «пусты мене, хто ты!» Такъ воно и каже: «ни, не пущу! пообищай отдать мини то, що у тебе есть дома милійше пислл жинки.» Винъ подумавъ: що-жъ у мене есть милійше жинки? нема ничого! да и пообищавъ; а те и каже съ криныци: «я-жъ до тебе черезъ тры годы прійду за нымъ.» Царь вернувся до дому, колы его жинка встрича съ сыномъ Иваномъ. Винъ такъ бувъ радъ ёму, а згадавшы, що сынъ вже не его, дуже заплакавъ. Якъ прошлы тры годы, то заразъ той бородатый и прійшовъ за царевичемъ; тильки царь выпросивъ оставить сына ище у себе на тры годы. Отъ якъ прошли ище тры годы, такъ тее опять пришло за нымъ, да-й каже: «що глядите? пришлите его мини зàразъ!» На другій динь царица напекла ёму на дорогу палянйцъ, росказала, куда идты, да ще-й провела его недалеко за село; отъ винъ иде, колы дивитця — ажъ стоить хатка. А вже смеркалось, такъ винъ и зайшовъ туда нà ничъ; а тамъ живе Пьятинка святая. Зàразъ побачила его, да-й каже: «здраст(в)уй, Иванъ-царевичъ! чи по воли, чи по неволи?» — Ни, Пьятинко! бильше що по неволи! да-й росказавъ, куды и чего винъ иде. Такъ вона и каже ёму: «горраздъ[2])-же, що ты до мене зайшовъ; я тебе научу, куды идты: тамъ je(есть) двое воротъ, такъ ты не йды у ти ворота, що колкомъ заперти, а въ ти, що замкомъ, да ще на ихъ стремить[3]) нàткнута человича голова; но ты не бі(о)йся! тильки постукай, то зàразъ ворота сами и отчинятця; тоди иды усе по дорожки, и прійдешъ до воды, а тамъ побачишъ: ку-

---

[1]) Колодецъ. [2]) Догадливъ, умёнъ. [3]) Торчитъ.

паетця двѣнадцять сестеръ, да вси перекинулись уточками, и платья ихъ лежатимуть на бёрези—усихъ одинадцяти вмисти, а одные особо; дакъ ты тее и возьми, да-й заховайся съ нымъ. Отъ вси сестры поодиваютця, да-й пидуть; а вона буде шукать свого платья, а посли скаже: озовись! хто мое платье узявъ — тому буду матерью. А ты мовчи. Вона опять скаже: хто мое платье узявъ — тому буду сестрою. Ты все мовчи. Тоди вона скаже: хто взявъ мое платье — того буду жинкою. Отъ ты озовись, и отдай jiй платье.»

Винъ такъ и зробивъ. Якъ отдавъ платье, дакъ та царевна и каже: «слухай же, Иванъ-царевичъ! якъ ты прійдешъ до мого батьки, то винъ буде тоби казать, щобъ ты выбиравъ соби изъ насъ жинку, а насъ усихъ поставить радомъ; дивись же: уси сестры будуть дуже хороши, а на мене нашлють усякихъ прищивъ. То ты-й покажъ на мене, що оцю возьму! Съ тебе будуть уси сміятця; а ты ничòго не слухай. Тоди опять царь на другій динь насъ поставить, и сестры уси будуть въ золоти, а я въ чорному; ты опять мене беры. Ище-й на третій динь царь насъ покажеть, и мы вже уси будемъ одинакови; тильки ты дивись: я виставлю напередъ ногу, то ты опять на мене покажъ. Бильше вже не будуть тебе питать, и я буду твоя жинка.» Якъ вона казала, такъ усе и зробилось.

На другій динь кликнувъ Ивана-царевича до себе царь: «гляды, щобъ ты мини до свита насадивъ такій садъ, щобъ ни у кого не було такого, и щобъ уродилыся таки яблуки, що золоте яблуко да срибне яблуко!» Такъ винъ прійшовъ до жинки, да-й плаче. Вона пита: «чого ты, Иванъ-царевичъ, плачишъ?» — Якъ-же мини не плакать, колы твій батько заказавъ мини таку работу, що я-й до вику не зроблю! «Мовчи, молись Богу да лягай спать; до свита усе буде готово.» Винъ ли(ё)гъ, а вона війшла на двиръ, махнула платочкомъ — набиглы люди да и питають: «чого тоби, царевно, треба?» Вона приказала,

щобъ до свита було усе то, що батько ни говоривъ. Царь вранци уставъ, дивитця, колы усе пороблено. Отъ винъ, дождавшись вечера, кликнувъ опять зятя, да-й каже: «гляды-жъ, щобъ до завтрего зробивъ мини такій мостъ, щобъ золота палочка да срибна палочка!» Отъ винъ опять прійшовъ до жинки, ставъ плакать, да-й роскавъ, що ёму веливъ зробить царь. Вона опять каже: «ничого, молись Богу да лягай спать!» да заразъ, якъ тильки винъ лигъ спать, війшла, якъ крикне — люди набигли и до свита усе зробили. Царь опять рано вставъ, побачивъ, що усе пороблено, призвавъ на вечеръ зятя да-й каже: «гляды, щобъ ты мини до свита зробивъ цилый дворець, да такій хорошій, що ни у кого лучшого нема.» Винъ опять прійшовъ до дому, заплакавъ, да и ставъ говорить жинки, що ёму веливъ царь. Вона положила его спать, а сама війшла да крикнула — люди збиглись; вона имъ приказала, щобъ до свита усе було готово, и люди усе то поробили. Тоди царь побачивъ, що у ёго зять такій — що ёму не прикажешъ, усе зробить! бильше уже ничого не заставлявъ его робить, и ставъ его пускать гулять по саду.

Отъ винъ разъ пишовъ у садъ, да зійшовъ на могилку [1]); колы дивитця, а у ёго батька по двору бигають дитки; винъ догадався, що то его братики, заплакавъ, да-й пишовъ до жинки. Вона и пита его: «чого ты плачишъ?» — Якъ-же мини не плакать? у мого батька такъ ви(е)си(е)ло, уси братики по двору ходять; я оце дивився изъ тые могилки, що у саду. Вона ёму и каже: «не плачь! мы утичемъ до твого батька» — да тричи плюнула у хати, щобъ за їи стала слюна говорить. И пошли воны... На другій динь батько ждавъ-ждавъ, щобъ воны пришли снидать, а воны не йдуть; пишовъ самъ кликать, ставъ пидъ двирьми, да-й кличе, а слюна и говорить: «постойте,

---

[1]) Курганъ.

зàразъ прійду!» Винъ подождавъ, да опять кличе; слюна опять каже, що прійду. Тоди вже винъ розсердився и веливъ двири разломать; колы дивитця, ажъ никòго немае, то такъ розсердився, що веливъ разомъ верховихъ послать на вси концы. А царевичъ зъ жинкою далеко вже стали! Тильки вона лягла на землю, да й слуха, ажъ погоня уже близко; отъ и каже ёму: «будь ты дякъ, а я буду цирква; да якъ буде тебе хто питать, чи не бачивъ ты якого человика и зъ жинкою? — ты ничòго не говòрь, а усе читай.» Отъ вèрховень прибигъ, увійшовъ у церковь, побачивъ дяка, да-й каже: «чи ты не бачивъ якого человика зъ жинкою?» А дякъ усе читае; винъ плюнувъ, да-й поjихавъ назадъ. Тоди воны опять пишли, а отійшовши далеко, царевна опять лягла послухать: чи не jидуть за ными? чуе, що погоня уже близко! Вона каже Ивану-царевичу: «будь-же ты пастухъ, а я буду свинёю, и якъ тебе хто буде питать: чи бачивъ ты яких людей? — ты кажи тильки: я свиню пасу! а бильше ничòго не говòрь.» Такъ и зробили. Вèрховень прijихавъ, роспитувавъ, а якъ не допитався ничòго—плюнувъ, да-й поjихавъ назадъ. Тоди воны опять пишли, а отійшовши стали слухать, не jидуть ли за ными? Тильки чують, ажъ самъ царь jиде. Отъ вона и каже: «теперъ-же будь ты окунь, а я буду ричкою.» Такъ и зробили. Батько прijихавъ, побачивъ, що вже ничòго не можно зробить, розсердився и сказавъ: «щобъ же ты була ричкою тры годы!» да и вернувсь до дòму.

Тоди вже ричка и стала говорить своему мужу: «иди-жъ ты до дòму; тамъ застанешъ у себе богато и сестеръ и братив, да хоть якъ воны будуть просить, щобъ ты ихъ поциловавъ — ты не цилуй; а то зàразъ забудешъ мене.» Той такъ и зробивъ, прійшовъ до дòму, да тильки й поциловався съ батькомъ и зъ матерью, а бильше не съ кимъ, какъ его не просили. Уже проходивъ и третій годъ, якъ разъ винъ и забувъ запертѝ тыю хату, дѣ ночувавъ; а къ ёму и вбигла одна сестра, да по-

бачила, що винъ спить, пидійшла тихесенько да-й поцилована. Такъ винъ якъ проснувся, то вже и не згадавъ про свою жинку; а черезъ мисяць его посватали, да и стали висилья [1]) готовить. Отъ у субботу, уже якъ шишки стали бгать [2]), дивка одна пійшла до колодязя по̀ воду, да тильки що нагнулась брать, дивитця—колы тамъ така хороша баришня. Вона вбигла у хату, росказала усимъ; тіи пійшли и соби туда, тильки уже нико̀го не було, а якъ вернулись у хату, то та самая була у хати. «Я, гово̀рить, прійшла вамъ помогать шишки бгать.» Злипила два̀ голуба, да-й посадила ихъ на викōнце: воны и стали говорить межъ собою, ажъ уси удивилися. Тильки одинъ голубъ и говòрить другому: «чи ты забувъ, якъ я була цирквою, а ты дячкомъ?»—Забувъ, забувъ! «Чи ты забувъ, якъ я була свинёю, а ты пастухомъ?» — Забувъ, забувъ! «Чи ты-жъ забувъ, якъ я була ричкою, а ты окунемъ, и якъ мене батько заклявъ, щобъ я була тры годы ричкою, и я тебе просила, щобъ ни съ кимъ ни съ братьями, ни съ сестрами не циловався, а то мене позабудешъ?» Тоди Иванъ-царевичъ усе згадавъ, познавъ свою жинку, прибигъ до цеи, ставъ јіи циловать, и прòсить батька свого, щобъ ихъ по своему повинчали. И съ тихъ поръ много воды утекло, а воны усе живуть, да хлибъ жують.

c. Посѣялъ мужикъ рожь, и уродилъ ему Господь на диво: едва могъ съ поля собрать! Вотъ перевёзъ онъ снопы домой, смолотилъ и насыпалъ зерномъ полнёхонекъ амбаръ; насыпалъ и думаетъ: «теперь-то стану жить, не тужить!» И повадились къ мужику въ амбаръ мышь да воробей; кажной божій день разъ по пяти слазяютъ, наѣдятся—и назадъ: мышь юркнетъ въ свою канурку, а воробей улетитъ въ свое гнѣздо. Жили они вдвоемъ такъ-то дружно цѣлые три года; все зерно прі-

[1]) Свадьбу. [2]) Какъ стали приготовлять свадебные хлѣбы.

ѣли, остается въ закромѣ самая малость, съ четверикъ — не больше. Видитъ мышь, что запасъ къ концу подходитъ, и ну ухитряться, какъ-бы воробья обмануть да всѣмъ достальнымъ добромъ одной завладать. И таки ухитрилась: собралась темною ночью, прогрызла въ полу большущую дыру и спустила въ подполье всю рожь до единаго зёрнушка. Поутру прилетаетъ воробей въ амбаръ, захотѣлось ему позавтракать; глянулъ—нѣтъ ничего! Вылетѣлъ бѣдняжка голодной, и думаетъ про себя: «обидѣла проклятая! Полечу-ка я, доброй молодецъ, къ ихнему царю ко льву, стану просить на мышь — пусть онъ насъ разсудитъ по правдѣ.» Снялся и полетѣлъ ко льву. «Левъ, царь звѣриной! бьетъ ему челомъ воробей; жилъ я съ твоимъ звѣремъ, мышью зубастою; цѣлые три года кормились изъ одного закрома, и не было промежъ насъ никакой ссоры. А какъ сталъ запасъ къ концу подходить, пошла она на хитрости: прогрызла въ закромѣ дыру, спустила все зерно въ подполье къ себѣ, а меня бѣднаго голодать оставила. Разсуди насъ по правдѣ; не разсудишь — полечу искать суда-расправы у своего царя орла.» — Ну, и лети съ Богомъ! сказалъ левъ. Воробей бросился съ челобитьемъ къ орлу, разсказалъ ему всю свою обиду, какъ мышь своровала, а левъ ей потатчикъ. Сильно разгнѣвался втѣпоры царь орелъ и сейчасъ-же отправилъ ко льву легкаго гонца: приходи завтра съ своимъ де звѣринымъ воинствомъ на такое-то поле, а я соберу всѣхъ птицъ и дамъ тебѣ сраженіе. Нечего дѣлать, послалъ царь левъ кличь кликать, на войну звѣрей созывать. Собралось ихъ видимо-невидимо, и только пришли на чистое поле — летитъ на нихъ орелъ со всѣмъ своимъ крылатымъ воинствомъ, словно туча небесная. Началась битва великая. Бились они три часа и три минуточки; побѣдилъ царь орелъ, завалилъ все поле трупами звѣриными и распустилъ птицъ по домамъ, а самъ полетѣлъ въ дремучій лѣсъ, усѣлся на высокой дубъ — избитъ, изра-

менъ, и сталъ думать думу крѣпкую, какъ-бы назадъ воротить свою силу прежнюю.

„Давно это было, а жилъ-былъ тогда купецъ съ купчихою одни-одинёхоньки, не было у нихъ ни единаго дѣтища. Всталъ купецъ поутру и говоритъ женѣ: «не хорошъ мнѣ сонъ привидѣлся: навязалась будто къ намъ большая птица, жрётъ заразъ по цѣлому быку, выпиваетъ по полному ушату; а нельзя отбыть, нельзя птицы не кормить! Пойду-ка я въ лѣсъ, авось поразгуляюся.» Захватилъ ружье и пошелъ въ лѣсъ. Долго ли, коротко ли бродилъ онъ по лѣсу, подошелъ наконецъ къ дубу, увидѣлъ орла, и хочетъ стрѣлять по нёмъ. «Не бей меня, добрый молодецъ! провѣщалъ ему орелъ человѣческимъ голосомъ. Убьешь — мало будетъ прибыли. Возьми лучше меня къ себѣ въ домъ, да прокорми три года, три мѣсяца и три дня; я у тебя поправлюся, отрощу свои крылья, соберуся съ силами, и тебѣ добромъ заплачу.» Какой заплаты отъ орла ожидать? думаетъ купецъ, и прицѣлился въ другой разъ. Орелъ провѣщалъ тоже самое. Прицѣлился купецъ въ третій разъ, и опять орелъ проситъ: «не бей меня, добрый молодецъ; прокорми меня три года, три мѣсяца и три дня; какъ поправлюся, отрощу свои крылья да соберуся съ силами—все тебѣ добромъ заплачу!» Сжалился купецъ, взялъ птицу орла и понёсъ домой. Тотчасъ убилъ быка и налилъ полной ушатъ медовой сыты; надолго, думаетъ, хватитъ орлу корму; а орелъ всё заразъ пріѣлъ и выпилъ. Плохо пришлось купцу отъ незваннаго гостя, совсѣмъ разорился; видитъ орелъ, что купецъ-то обѣднялъ, и говоритъ ему: «послушай, хозяинъ! поѣзжай въ чистое поле; много тамъ разныхъ звѣрей побитыхъ, пораненыхъ. Сними съ нихъ дорогіе мѣха и вези продавать въ городъ; на тѣ деньги и меня, и себя прокормишь, еще про запасъ останется.» Поѣхалъ купецъ въ чистое поле, видитъ: много на полѣ лежитъ звѣрей поби-

тыхъ, пораненыхъ; поснималъ съ нихъ самые дорогіе мѣха, повёзъ продавать въ городъ и продалъ за большія деньги.

Прошелъ годъ; велитъ орелъ хозяину везти его на то мѣсто, гдѣ высокіе дубы стоятъ. Заложилъ купецъ повозку и привёзъ его на то мѣсто. Орелъ взвился за тучи, и съ разлёту ударилъ грудью въ одно дерево: дубъ раскололся на двое. «Ну, купецъ, добрый молодецъ! говоритъ орелъ; не собрался я съ прежнею силою, корми меня еще круглой годъ.» Прошелъ и другой годъ; опять взвился орелъ за темныя тучи, разлетѣлся сверху и ударилъ грудью дерево: раскололся дубъ на мелкія части. «Приходится тебѣ, купецъ, добрый молодецъ, еще цѣлый годъ меня кормить; не собрался я съ прежнею силою.» Вотъ какъ прошло три года, три мѣсяца и три дня, говоритъ орелъ купцу: «вези меня опять на то-же мѣсто, къ высокимъ дубамъ.» Привёзъ его купецъ къ высокимъ дубамъ. Взвился орелъ повыше прежняго, сильнымъ вихремъ ударилъ сверху въ самой большой дубъ, разшибъ его въ щепки съ верхушки до кореня, ажно лѣсъ кругомъ зашатался. «Спасибо тебѣ, купецъ, добрый молодецъ! сказалъ орелъ. Теперь вся моя старая сила со мною. Бросай-ка лошадь, да садись ко мнѣ на крылья; я понесу тебя на свою сторону и расплачусь съ тобою за все добро.» Сѣлъ купецъ орлу на крылья; понесся орелъ на синее море и поднялся высоко-высоко. «Посмотри, говоритъ, на синё море, велико ли?» — Съ колесо, отвѣчаетъ купецъ. Орелъ встряхнулъ крыльями, и сбросилъ купца внизъ, далъ ему спознать смёртной страхъ и подхватилъ, не допустя до воды. Подхватилъ и поднялся съ нимъ еще выше. «Посмотри на синё море, велико ли?» — Съ куриное яйцо! Встряхнулъ орелъ крыльями, сбросилъ купца внизъ, и опять не допустя до воды, подхватилъ его и поднялся вверхъ повыше прежняго. «Посмотри на синё море, велико ли?»—Съ маковое зёрнышко! И въ третій разъ встряхнулъ орелъ крыльями и сбросилъ

купца съ поднебесья, да опять таки не допустилъ его до воды, подхватилъ на крылья и спрашиваетъ: «что, купецъ, добрый молодецъ, спознал̕ъ—каковъ смёртной страхъ?»—Спознал̕ъ, говоритъ купецъ; я думалъ, совсѣмъ пропаду! «Да вѣдь и я тоже думалъ, какъ ты въ меня ружьемъ цѣлилъ.»

Полетѣлъ орелъ съ купцомъ за̀ море, прямо къ мѣдному царству. «Вотъ здѣсь живетъ моя старшая [1]) сестра; какъ будемъ у ней въ гостяхъ, и станетъ она дары подносить, ты ничего не бери, а проси себѣ мѣдной ларчикъ [2]).» Сказалъ такъ-то орелъ, ударился о сырую землю и оборотился добрымъ молодцемъ. Идутъ они широкимъ дворомъ. Увидала сестра и обрадовалась: «ахъ, братецъ родимой! какъ тебя Богъ принёсъ? вѣдь болѣ трёхъ лѣтъ тебя не видала; думала — совсѣмъ пропалъ! Ну, чѣмъ-же тебя угощать, чѣмъ подчивать?» — Не меня проси, не меня угощай, родимая сестрица! я — свой человѣкъ; проси-угощай вотъ этого добраго молодца: онъ меня три года поилъ-кормилъ, съ голоду не уморилъ. Посадила она ихъ за столы дубовые, за скатерти браныя, угостила-уподчивала; повела потòмъ въ кладовыя, показываетъ богатства несмѣтныя и говоритъ купцу, доброму молодцу: «вотъ злато и сѐребро и каменья самоцвѣтныя; бери себѣ чтò душа желаетъ!» Отвѣчаетъ купецъ, добрый молодецъ: «не надобно мнѣ ни злата, ни сѐребра, ни каменья самоцвѣтнаго; подари мѣдной ларчикъ.» — Какъ-бы не такъ! не тотъ ты сапогъ не на ту ногу надѣваешь! Осердился братъ на такія рѣчи сестрины, оборотился орломъ, птицей быстрою, подхватилъ купца и полетѣлъ прочь. «Братецъ родимой, воротися! кричитъ сестра; не постою и за ларчикъ!» — Опоздала, сестра!

Летитъ орелъ по поднебесью. «Посмотри, купецъ, добрый молодецъ! чтò назади и чтò впереди дѣется?» Посмотрѣлъ ку-

---

[1]) *Вар.* двоюродная. [2]) *Вар.* коробочку съ окошечка.

пецъ и сказываетъ: «назади пожаръ виднѣется, впереди цвѣты цвѣтутъ!» — То мѣдное царство горитъ, а цвѣты цвѣтутъ въ серебреномъ царствѣ у моей середней сестры. [1]) Какъ будемъ у ней въ гостяхъ, и станетъ она дары дарить, ты ничего не бери, а проси серебреной ларчикъ. Прилетѣлъ орелъ, ударился о сырую землю и оборотился добрымъ мо̀лодцемъ. «Ахъ, братецъ родимой! говоритъ ему сестра, отколь взялся? гдѣ пропадалъ? что такъ долго въ гостяхъ не бывалъ? Чѣмъ-же тебя друга подчивать?» — Не меня проси, не меня угощай, родимая сестрица! я — свой человѣкъ; проси-угощай вотъ добраго мо̀лодца, что̀ меня три года и поилъ и кормилъ, съ голоду не уморилъ. Посадила она ихъ за столы дубовые, за скатерти браныя, угостила-уподчивала и повела въ кладовыя: «вотъ злато и се́ребро и каменья самоцвѣтныя; бери, купецъ, что̀ душа пожелаетъ!»—Не надобно мнѣ ни злата, ни се́ребра, ни каменья самоцвѣтнаго; подари одинъ серебреной ларчикъ. «Нѣтъ, добрый мо̀лодецъ, не тотъ кусокъ хватаешь! не ровёнъ часъ—подавишься!» Осердился братъ орелъ, оборотился птицею, подхватилъ купца и полетѣлъ прочь. «Братецъ родимой, воротися! не постою и за ларчикъ!» — Опоздала, сестра!

Опять летитъ орелъ по поднебесью. «Посмотри, купецъ, добрый мо̀лодецъ! что̀ назади и что̀ впереди?»—Назади пожаръ горитъ, впереди цвѣты цвѣтутъ. «То горитъ серебреное царство, а цвѣты цвѣтутъ — въ золотомъ, у моей меньшой [2]) сестры. Какъ будемъ у ней въ гостяхъ, и станетъ она дары дарить, ты ничего не бери, а проси золотой ларчикъ.» Прилетѣлъ орелъ къ золотому царству и оборотился добрымъ мо̀лодцемъ. «Ахъ, братецъ родненькой! говоритъ сестра; отколь взялся? гдѣ пропадалъ? что такъ долго въ гостяхъ не бывалъ? Ну,

[1]) *Вар.* Гдѣ пожаръ горитъ — тамъ мѣдное царство, гдѣ цвѣты цвѣтутъ — тамъ серебреное. Въ серебреномъ царствѣ живетъ другая моя сестра — двоюродная. [2]) *Вар.* родной.

чѣмъ-же велишь себя подчивать?» — Не меня проси, не меня угощай; я — свой человѣкъ; проси-угощай вотъ этого купца, добраго молодца: онъ меня три года поилъ и кормилъ, съ голоду не уморилъ. Посадила она ихъ за столы дубовые, за скатерти браныя, угостила-уподчивала; повела купца въ кладовыя, даритъ его и златомъ, и сéребромъ и камнями самоцвѣтными. «Ничего мнѣ не надобно; только подари золотой ларчикъ.» — Бери себѣ на счастье! вѣдь ты брата моего три года поилъ и кормилъ, съ голоду не уморилъ; а ради брата ничего мнѣ не жалко! Вотъ пожилъ, попировалъ купецъ въ золотомъ царствѣ; пришло время разставаться, въ путь-дорогу отправляться. «Прощай, говоритъ ему орелъ; не поминай лихомъ, да смотри — не отмыкай ларчика, пока домой не воротишься.» [1])

Пошелъ купецъ домой; долго ли, коротко ли шелъ онъ, пріусталъ и захотѣлось ему отдохнуть. Остановился на чужомъ лугу, на землѣ царя Некрещонаго Лба [2]), смотрѣлъ-смотрѣлъ на золотой ларчикъ, не вытерпѣлъ и отомкнулъ. Только отперъ — откуда ни возьмись: раскинулся передъ нимъ большой дворецъ, весь изукрашенный; появились слуги многіе: «что угодно? чего надобно?» Купецъ, добрый молодецъ, наѣлся, напился и спать повалился. Увидалъ царь Некрещоной Лобъ, что стоитъ на его землѣ большой дворецъ, и посылаетъ пословъ: «подите, разузнайте, что за невѣжа такой проявился, безъ спросу на моей землѣ дворецъ выстроилъ? Чтобъ сейчасъ убирался вонъ по добру-по здорову!» Какъ пришло къ купцу таково грозное слово, сталъ онъ думать да гадать, какъ-бы собрать дворецъ въ ларчикъ по прежнему; думалъ-думалъ—нѣтъ, ничего не подѣлаешь! «Радъ бы убираться, говоритъ онъ по-

---

[1]) *Вар.* не отпирай ларчика на тѣсномъ мѣстѣ, отпирай на просторномъ.

[2]) Въ другомъ спискѣ купецъ останавливается на берегу моря, и вмѣсто царя Некрещонаго Лба заключаетъ договоръ съ Морскимъ (Водянымъ) Царемъ.

сламъ, да какъ?—и самъ не придумаю.» Послы воротились и донесли про все царю Некрещоному Лбу. «Пусть отдастъ мнѣ то, чего дома не вѣдаетъ; соберу ему дворецъ въ золотой ларчикъ.» Дѣлать нечего, пообѣщалъ купецъ съ клятвою отдать то, чего дома не вѣдаетъ; а царь Некрещоный Лобъ тотчасъ собралъ дворецъ въ золотой ларчикъ. Взялъ купецъ золотой ларчикъ и пустился въ дорогу.

Долго ли, коротко ли, приходитъ домой; встрѣчаетъ его купчиха: «здравствуй, свѣтъ! гдѣ былъ-пропадалъ?» — Ну, гдѣ былъ — тамъ теперь меня нѣту! «А намъ Господь безъ тебя сынка даровалъ.» — Вотъ я чего дома не вѣдалъ! думаетъ купецъ, и крѣпко прiунылъ, пригорюнился. «Что съ тобой? али дому не радъ!» пристаетъ купчиха. —Не то! говоритъ купецъ, и тутъ-же разсказалъ ей про все, что съ нимъ было. Погоревали они, поплакали; да не вѣкъ-же и плакать! Раскрылъ купецъ свой золотой ларчикъ, и раскинулся передъ нимъ большой дворецъ, хитро изукрашенный, и сталъ онъ съ женою и сыномъ жить въ немъ-поживать, добра наживать. Прошло лѣтъ съ десятокъ, и побольше того; выросъ купеческой сынъ, поумнѣлъ, похорошѣлъ, и сталъ молодецъ-молодцомъ. Разъ поутру всталъ онъ невесело и говоритъ отцу: «батюшка! снился мнѣ нынѣшней ночью царь Некрещоный Лобъ, приказывалъ къ себѣ приходить: давно де жду, пора и честь знать!» Прослезились отецъ съ матерью, дали ему свое родительское благословенiе и отпустили на чужую сторону.

Идетъ онъ дорогою, идетъ широкою; идетъ полями чистыми, степями раздольными, и приходитъ въ дремучiй лѣсъ. Пусто кругомъ, не видать души человѣческой; только стоитъ небольшая избушка одна-одинёхонька, къ лѣсу передомъ, къ Ивану-гостинному сыну задомъ. «Избушка, избушка! говоритъ онъ, повернись къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ.» Избушка послушалась и повернулась къ лѣсу задомъ, къ нему передомъ.

Вошелъ въ избушку Иванъ-гостинный сынъ, а тамъ лежитъ баба-яга, костяная нога, изъ угла въ уголъ, т..... черезъ грядку висятъ. Увидала его баба-яга и говоритъ: «доселева русскаго духа слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нынѣ русской духъ въ очью проявляется! Отколь идешь, доброй молодецъ? и куда путь держишь?» — Эхъ ты, старая вѣдьма! не накормила, не напоила прохожаго человѣка, да ужъ вѣстей спрашиваешь. Баба-яга поставила на столъ напитки и наѣдки разныя, накормила его, напоила, и спать уложила, а поутру ранёхонько будитъ, и давай распрашивать. Иванъ-гостинный сынъ разсказалъ ей всю подноготную, и проситъ: «научи, бабушка, какъ до царя Некрещонаго Лба дойдти.» — Ну, хорошо, что ты ко мнѣ зашелъ, а то не бывать бы тебѣ живому: царь Некрещоный Лобъ крѣпко на тебя сердитъ, что долго къ нему не являлся. Послушай-же, ступай по этой тропинкѣ, и дойдешь до пруда, спрячься за дерево и выжидай время: прилетятъ туда три голубицы-красныя дѣвицы, дочери царскія; отвяжутъ свои крылушки, поснимаютъ платья и станутъ въ пруду плескаться. У одной крылушки будутъ пёстренькія; вотъ ты улучи минуточку и захвати ихъ къ себѣ, и до тѣхъ поръ не отдавай, пока не согласится она пойдти за тебя замужъ. Тогда все хорошо будетъ!» Попрощался Иванъ-гостинный сынъ съ бабою-ягою и пошелъ по указанной тропинкѣ.

Шелъ-шелъ, увидалъ прудъ и спрятался за густое дерево. Немного спустя прилетѣли три голубицы, одна съ пёстрыми крылушками, ударились о̀земь и обернулись красными дѣвицами; сняли свои крылушки, сняли свое платье, и начали купаться. А Иванъ-гостинный сынъ держитъ ухо остро̀, подползъ потихохоньку и утащилъ пёстрыя крылушки. Смотритъ: что-то будетъ? Выкупались красныя дѣвицы, вышли изъ воды; двѣ тотчасъ-же нарядились, прицѣпили свои крылушки, обернулись голубицами и улетѣли; а третья осталась пропажи

искать. Ищетъ, сама приговариваетъ: «скажись, озовись, кто взялъ мои крылушки; если старой старичокъ—будь мнѣ батюшкой, если среднихъ лѣтъ — милымъ дядюшкой, если-жъ доброй молодецъ — пойду за него замужъ.» Иванъ-гостинный сынъ вышелъ изъ-за дерева: «вотъ твои крылушки!» — Ну, скажи теперь, доброй молодецъ, нарѣченный мужъ! какого ты роду-племени и куда путь держишь? «Я—Иванъ-гостинный сынъ, а путь держу къ твоему батюшкѣ царю Некрещоному Лбу.»—А меня зовутъ Василиса Премудрая. [1]) А была Василиса Премудрая любимая дочь у царя: и умомъ, и красой взяла! Указала она жениху своему дорогу къ царю Некрещоному Лбу, вспорхнула голубицею и полетѣла вслѣдъ за сестрами.

Пришелъ Иванъ-гостинный сынъ къ царю Некрещоному Лбу; заставилъ его царь на кухнѣ служить, дрова рубить, воду таскать. Не взлюбилъ его поваръ Чумичка, сталъ на него царю наговаривать: [2]) «ваше царское величество! Иванъ-гостинный сынъ похваляется, что можетъ онъ за единую ночь. вырубить большой дремучій лѣсъ, бревна въ кучи скласть, коренья повыкопать, а землю вспахать и засѣять пшеницею, ту пшеницу сжать, смолотить и въ муку смолоть; изъ той муки пироговъ напечь, вашему величеству на завтракъ поднесть.» —Хорошо, говоритъ царь; позвать его ко мнѣ! Явился Иванъ-гостинный сынъ. «Что ты тамъ похваляешься, что за единую ночь можешь вырубить дремучій лѣсъ, землю вспахать—словно поле чистое, и засѣять пшеницею; ту пшеницу сжать, смолотить и въ муку обратить; изъ той муки пироговъ напечь, мнѣ на завтракъ поднесть? Смотри-же, чтобъ къ утру все было го-

[1]) Въ другомъ спискѣ: Настасья Прекрасная.

[2]) *Вар.* Далъ ему царь самыхъ худыхъ лошадей—смотри за ними, ухаживай! Началъ Иванъ-гостинный сынъ кормить ихъ, чистить да холить, и стали у него лошади лучше, чѣмъ у всѣхъ другихъ конюховъ. Поставилъ его царь надъ всѣми конюхами старшимъ; не взлюбили они этого и начали сговариваться, какъ-бы намутить на него.

тово; не то — мой мечь, твоя голова съ плечъ!» Сколько ни отпирался Иванъ-гостинный сынъ, ничего не помогло; приказъ данъ—надо исполнять. Идетъ онъ отъ царя, и буйную голову свою повѣсилъ съ горя. Увидала его царская дочь Василиса Премудрая. и спрашиваетъ: «что такъ пригорюнился?»—Что тебѣ и говорить! вѣдь ты моему горю не пособишь? «Почемъ знать, можетъ и пособлю!» Разсказалъ ей Иванъ-гостинный сынъ, какую службу приказалъ ему царь Некрещоный Лобъ. «Ну, это что за служба! это — службишка, служба будетъ впереди! Ступай, Богу молись да спать ложись; утро вечера мудренѣе, къ утру все будетъ сдѣлано.» Ровно въ полночь вышла Василиса Премудрая на красное крыльцо, закричала зычнымъ голосомъ—и въ минуту сбѣжались со всѣхъ сторонъ работники: видимо-невидимо ихъ! Кто деревья валитъ, кто коренья копаетъ, а кто землю пашетъ; въ одномъ мѣстѣ сѣютъ, а въ другомъ ужь жнутъ и молотятъ! Пошла пыль столбомъ; а къ разсвѣту ужь зерно смолото и пироги напечены. Понёсъ Иванъ-гостинный сынъ пироги на завтракъ царю Некрещоному Лбу. «Молодецъ!» сказалъ царь, и велѣлъ наградить его изъ своей царской казны. Поваръ Чумичка пуще прежняго озлобился на Ивана-гостиннаго сына; сталъ опять наговаривать: «ваше царское величество! Иванъ-гостинный сынъ похваляется, что можетъ за единую ночь сдѣлать такой корабль, что будетъ летать по поднебесью.» [1])—Хорошо, позвать его сюда! Позвали Ивана-гостиннаго сына. «Что ты слугамъ моимъ похваляешься, что можешь за единую ночь сдѣлать чудесный корабль, и тотъ корабль будетъ летать по поднебесью; а мнѣ ничего не сказываешь? Смотри-же, у меня чтобъ къ утру все поспѣло; не то—мой мечь, твоя голова съ

---

[1]) *Варіантъ:* что можетъ онъ за единую ночь срыть горы и скалы, сдѣлать на томъ мѣстѣ озеро, а на озерѣ построить большой корабль съ парусами и пушками.

плечъ!» Иванъ гостинный сынъ повѣсилъ съ горя свою буйную голову ниже могучихъ плечъ, идетъ отъ царя самъ не свой. Увидала его Василиса Премудрая: «о чемъ пригорюнился, о чемъ запечалился?» — Какъ мнѣ не печалиться? приказалъ царь Некрещоный Лобъ построить за единую ночь корабль-самолётъ. «Это что за служба! это — службишка, служба будетъ впереди! Ступай, Богу молись да спать ложись; утро вечера мудренѣе, къ утру все будетъ сдѣлано.» Въ полночь вышла Василиса Премудрая на красное крыльцо, закричала зычнымъ голосомъ—и въ минуту сбѣжались со всѣхъ сторонъ плотники. Принялись топорами постукивать; живо работа кипитъ! Къ утру совсѣмъ готова! «Молодецъ! сказалъ царь Ивану-гостинному сыну; поѣдемъ теперь кататься.» Сѣли они вдвоемъ, да третьяго прихватили съ собой повара Чумичку, и полетѣли по поднебесью. Пролетаютъ они надъ звѣринымъ дворомъ; нагнулся поваръ внизъ посмотрѣть, а Иванъ-гостинный сынъ тѣмъ временемъ взялъ и столкнулъ его съ корабля. Лютые звѣри тотчасъ разорвали его на мелкія части. «Ахъ, кричитъ Иванъ гостинный сынъ, Чумичка свалился!»—Чортъ съ нимъ! сказалъ царь Некрещоный Лобъ; собакѣ собачья и смерть! Воротились во дворецъ. «Хитёръ ты, Иванъ-гостинный сынъ! говоритъ царь; вотъ тебѣ третья задача: объѣзди мнѣ неѣзжалаго жеребца, чтобъ могъ подъ вѣрхомъ ходить. Объѣздишь жеребца [1]) — отдамъ за тебя замужъ дочь мою, а не то — мой мечь, твоя голова съ плечъ!» — Ну, эта работа легкая! думаетъ Иванъ-гостинный сынъ; идетъ отъ царя, самъ усмѣхается. Увидала его Василиса Премудрая, распросила про все, и говоритъ: «не умёнъ ты, Иванъ-гостинный сынъ! теперь задана тебѣ служба трудная, работа нелегкая: вѣдь

---

[1]) *Варіантъ:* веди завтра поутру моего неѣзжалаго жеребца на синее море, напой и назадъ верхомъ пріѣзжай. Коли дѣло сдѣлаешь — отдамъ за тебя...

жеребцомъ-то будетъ самъ царь Некрещоный Лобъ, понесетъ онъ тебя по поднебесью выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго, и размычитъ всѣ твои косточки по чистому полю. Ступай поскорѣй къ кузнецамъ, закажи, чтобъ сдѣлали тебѣ желѣзной молотъ пуда въ три; а какъ сядешь на жеребца, покрѣпче держись да желѣзнымъ молотомъ по головѣ осаживай.» [1]) На другой день вывели конюхи жеребца неѣзжалаго: еле держутъ его! храпитъ, рвётся, на дыбы становится! Только сѣлъ на него Иванъ-гостинный сынъ, поднялся жеребецъ выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго, и полетѣлъ по поднебесью быстрѣй сильнаго вѣтра. А ѣздокъ крѣпко держится, да все молотомъ по головѣ его осаживаетъ. Выбился жеребецъ изъ силъ и опустился на сырую землю; Иванъ гостинный сынъ отдалъ жеребца конюхамъ, а самъ отдохнулъ и пошелъ во дворецъ. Встрѣчаетъ его царь Некрещоный Лобъ съ завязанной головою. «Объѣздилъ коня, ваше величество!»—Хорошо; приходи завтра невѣсту выбирать, а нынче у меня голова болитъ.

Поутру говоритъ Ивану-гостинному сыну Василиса Премудрая: «насъ у батюшки три сестры; обернетъ онъ насъ кобылицами и заставитъ тебя выбирать невѣсту. Смотри-примѣчай: на моей уздечкѣ одна блёсточка потускнѣетъ. Потомъ выпуститъ насъ голубицами; сестры будутъ тихохонько гречиху клевать, а я нѣтъ-нѣтъ, да взмахну крылушкомъ. Въ третій разъ выведетъ насъ дѣвицами—одна въ одну и лицемъ, и ростомъ, и волосомъ; я нарочно платочкомъ махну, по тому меня узнавай!» Какъ сказано, вывелъ царь Некрещоный Лобъ трехъ кобылицъ—одна въ одну, и поставилъ въ рядъ. «Выби-

---

[1]) *Варіантъ 1:* Закажи кузнецамъ сдѣлать двѣнадцать большихъ гвоздей... покрѣпче держись да гвозди въ голову ему вколачивай.

Варіантъ 2: Сдѣлай себѣ боевую палицу во сто пудовъ (или: три прута—желѣзной, мѣдной, оловянной, свей ихъ вмѣстѣ), и бей коня промежду ушей.

рай за себя любую!» Иванъ-гостинный сынъ зорко оглянулъ; видитъ на одной уздечкѣ блёсточка потускнѣла, схватилъ за ту уздечку, и говоритъ: «вотъ моя невѣста!» — Дурную берешь! можно и получше выбрать. «Ничего, мнѣ и эта хороша!»—Выбирай въ другой разъ. Выпустилъ царь трехъ голубицъ—перо въ перо, и насыпалъ имъ гречихи; Иванъ-гостинный сынъ запримѣтилъ, что одна все крылушкомъ потряхиваетъ, схватилъ ее за крыло: «вотъ моя невѣста!»—Не тотъ кусъ хватаешь; скоро подавишься! Выбирай въ третій разъ. Вывелъ царь трехъ дѣвицъ — одна въ одну и лицемъ, и ростомъ, и волосомъ. Иванъ-гостинный сынъ увидалъ, что одна платочкомъ махнула, схватилъ ее за руку: «вотъ моя невѣста!» Дѣлать было нечего, отдалъ за него царь Некрещоный Лобъ Василису Премудрую, и сыграли свадьбу веселую.

Ни мало, ни много прошло времени, задумалъ Иванъ-гостинный сынъ бѣжать съ Василисою Премудрою въ свою землю. Осѣдлали они коней и уѣхали темною ночью. Поутру хватился царь Некрещоный Лобъ и послалъ за ними погоню. «Припади къ сырой землѣ, говоритъ Василиса Премудрая мужу; не услышишь ли чего?» Онъ припалъ къ сырой землѣ, послушалъ и отвѣчаетъ: «слышу конское ржаніе!» Василиса Премудрая сдѣлала его огородомъ, а себя качномъ капусты. Воротилась погоня къ царю съ пустыми руками: «ваше царское величество! не видать ничего въ чистомъ полѣ; только и видѣли одинъ огородъ. а въ томъ огородѣ качанъ капусты.» — Поѣзжайте, привезите мнѣ тотъ качанъ капусты: вѣдь это они умудряются! Опять поскакала погоня, опять Иванъ-гостинный сынъ припалъ къ сырой землѣ: «слышу, говоритъ, конское ржаніе!» Василиса Премудрая сдѣлалась колодцемъ, а его оборотила ясными соколомъ; сидитъ соколъ на срубѣ да пьётъ воду. [1]) Пріѣхала погоня къ колодцу — нѣтъ дальше дороги!

---

[1]) *Вар.* его оборотила соловьемъ, а сама сдѣлалась кустикомъ; сидитъ соловей на кустикѣ да громко поетъ.

и поворотила назадъ. «Ваше царское величество! не видать ничего въ чистомъ полѣ; только и видѣли одинъ колодецъ, изъ того колодца ясный соколъ воду пьётъ.» Поскакалъ догонять самъ царь Некрещоный Лобъ. «Припади-ка къ сырой землѣ, не услышишь ли чего?» говоритъ Василиса Премудрая своему мужу. — Охъ, стучитъ-гремитъ пуще прежняго! «То отецъ за нами гонится! Не знаю, не придумаю, что и дѣлать!» — Я и поготово не вѣдаю! Были у Василисы Премудрой три вещицы: щетка, гребенка и полотенце; вспомнила про нихъ и говоритъ: «еще Богъ милостивъ! есть у меня оборона отъ царя Некрещонаго Лба!» Махнула назадъ щеткою — и сдѣлался большой дремучій лѣсъ: руки не просунешь, а кругомъ въ три года не обойдешь! Вотъ царь Некрещоный Лобъ грызъ-грызъ дремучій лѣсъ, проложилъ себѣ тропочку, пробился и опять въ погонь. Близко нагоняетъ, только рукой схватить; Василиса Премудрая махнула назадъ гребенкою—и сдѣлалась большая-большая гора; не пройдти, не проѣхати! Царь Некрещоный Лобъ копалъ-копалъ гору, проложилъ тропочку, и опять погнался за ними. Тутъ Василиса Премудрая махнула назадъ полотенцемъ — и сдѣлалось великое-великое море. Царь прискакалъ къ морю, видитъ, что дорога заставлена, и поворотилъ домой.

Сталъ подходить Иванъ-гостинный сынъ съ Василисою Премудрою къ своей землѣ, и сказываетъ ей: «я впередъ пойду, извѣщу о тебѣ отца съ матерью, а ты меня здѣсь подожди.» —Смотри-же, говоритъ ему Василиса Премудрая, какъ прійдешь домой, со всѣми цѣлуйся; не цѣлуйся только съ своей крёстной матерью, а то меня позабудешь! Иванъ-гостинный сынъ воротился домой, всѣхъ перецѣловалъ на радостяхъ, поцѣловалъ и крёстную мать, да и забылъ про Василису Премудрую. Стоитъ она бѣдная на дорогѣ, дожидается; ждала-ждала— не идетъ за ней Иванъ-гостинный сынъ; пошла въ городъ и нанялась въ работницы къ одной старушкѣ. А Иванъ-гостинный

сынъ задумалъ жениться, сосваталъ себѣ невѣсту и затѣялъ пиръ на весь міръ. Василиса Премудрая узнала про то, нарядилась нищенкой и пошла на купеческой дворъ просить милостинку. «Погоди, говоритъ купчиха, я тебѣ маленькой пирожокъ испеку; отъ большаго рѣзать не стану.» — И за то спасибо, матушка! Только большой пирогъ пригорѣлъ, а маленькой хорошъ вышелъ. Купчиха отдала ей горѣлой пирогъ, а маленькой за столъ подала. Разрѣзали тотъ пирожокъ—и тотчасъ вылетѣли изъ него два голубя. «Поцѣлуй меня», говоритъ голубь голубкѣ. — Нѣтъ, ты меня позабудешь, какъ забылъ Иванъ-гостинный сынъ Василису Премудрую! И въ другой, и въ третій разъ говоритъ голубь голубкѣ: «поцѣлуй меня!»—Нѣтъ, ты меня позабудешь, какъ забылъ Иванъ-гостинный сынъ Василису Премудрую. Опомнился Иванъ-гостинный сынъ, узналъ — кто такая нищенка, и говоритъ отцу, матери и гостямъ: «вотъ моя жена!» — Ну, коли у тебя есть жена, такъ и живи съ нею! Новую невѣсту богато обдарили и домой отпустили; а Иванъ-гостинный сынъ съ Василисою Премудрою стали жить-поживать, да добра наживать, лиха избывать.

49.

ИВАНЪ-СЫНЪ КУПЕЦКОЙ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ.

Жилъ-былъ богатой купецъ. Пошелъ онъ ходить по чужимъ сторонамъ, дошелъ до рѣки и захотѣлъ пить; сталъ онъ въ той рѣкѣ пить, и схватилъ его Чудо-Юдо Беззаконный и проситъ: «отдай ты мнѣ, чего дома не знаешь.» Купецъ думалъ, думалъ: кажется я все дома знаю! и сказалъ: «ну, возьми!» Чудо-Юдо отпустилъ его. Отправился купецъ на родину; немалое время былъ онъ въ пути, пришелъ домой, а безъ него жена сына

родила. И ростетъ этотъ сынъ не по годамъ, не по днямъ, а по часамъ, по минутамъ. Требуетъ Чудо-Юдо уплаты: «подай, говоритъ, мнѣ, что̀ самъ обѣщалъ.» Отецъ не даетъ, жалко ему своего сына, а сынъ говоритъ: «что же дѣлать, батюшка! благослови меня, я пойду.» Шелъ онъ, шелъ, много ли, мало ли время, и пришелъ къ темному лѣсу; стоитъ избушка на куриныхъ ножкахъ, на бараньихъ рожкахъ. Говоритъ Иванъ-купецкой сынъ: «избушка, избушка! обратись къ лѣсу задкомъ, ко мнѣ передкомъ.» Сейчасъ избушка повернулась; онъ взошелъ въ нее, а въ избушкѣ сидитъ баба-яга, костаная нога. «Ого, говоритъ, давно русскимъ духомъ не пахло! Здравствуй, Иванъ-купецкой сынъ! мой братецъ Чудо-Юдо тебя ждетъ-не дождется.» Онъ спрашиваетъ: «какъ-же мнѣ пройтить къ нему?» Баба-яга дала ему шаръ и сказываетъ: «куда покатится этотъ шаръ, туда и ступай!» Прикатился этотъ шаръ къ другой изобкѣ [1]; взошелъ туда Иванъ-купецкой сынъ, а въ изобкѣ сидитъ баба-яга, костаная нога; сама на стулѣ, носъ въ потолокъ, одна нога въ правой уголъ, а другая въ лѣвой. «Здравствуй, Иванъ-купецкой сынъ! мой братецъ тебя давно дожидается.»—Какъ-же мнѣ пройтить къ нему? Баба яга дала ему шаръ и сказываетъ: «ступай, куда шаръ покатится.» Прикатился шаръ къ третьей изобкѣ; Иванъ-купецкой сынъ взошелъ въ эту изобку, а въ ней сидитъ Чудо-Юдова дочка. «Здравствуй, Иванъ-купецкой сынъ! мой батюшка давно тебя дожидается.» — Какъ-же мнѣ пройтить къ нему? «А вотъ ступай по этой проталинкѣ—и прямо выйдешь къ моему батюшкѣ.» Онъ пошелъ той проталинкою, и дошелъ до моря синяго. По одну сторону моря синяго плаваетъ 77 уточекъ; по другую сторону изгорода стои̒тъ, на изгородѣ висятъ всё человѣчьи головы. Говоритъ Иванъ-купецкой сынъ: «быть моей головушкѣ на этой изгородѣ!» а самъ слезно плачетъ. Вышла къ нему дѣвица-

---

[1] Изобка — изба.

красавица и спрашиваетъ: «объ чемъ ты, доброй молодецъ, плачешь?»—Какъ-же мнѣ не плакать? шелъ я много время, а никакъ не найду Чуда Юда Беззаконнаго. Дѣвица въ отвѣтъ ему: «шагни назадъ три шага—и будешь тамъ.» Онъ шагнулъ назадъ три шага, и очутился въ большомъ домѣ. Говоритъ ему Чудо-Юдо: «давно я тебя дожидаюсь, Иванъ-купецкой сынъ! вотъ тебѣ за провинокъ, что ты долго не приходилъ: поставь мнѣ за ночь анбаръ; а если не поставишь, такъ голова твоя будетъ отрублена.» Вышелъ Иванъ-купецкой сынъ, стоитъ и плачетъ около колодца; идетъ къ нему дѣвушка Василиса Премудрая: «объ чемъ плачешь, доброй молодецъ?»—Какъ-же мнѣ не плакать! твой батюшка велѣлъ мнѣ поставить за ночь анбаръ. «Не плачь, Иванъ-купецкой сынъ! молись Богу да ложись спать.» Вышла Василиса Премудрая на крыльцо и закричала: «батюшкины работнички, матушкины заботнички! подите сюда съ пилами, съ топорами и съ долотами.» Пришли работнички, за одну ночь анбаръ поставили. Василиса Премудрая говоритъ: «Иванъ-купецкой сынъ! поди къ анбару и побивай тамъ гвоздики.» Онъ и пошелъ. Приходитъ къ нему Чудо-Юдо: «а, Иванъ-купецкой сынъ! я хитёръ, а ты хитрѣе меня.» Потомъ приказалъ ему: за ночь поле вспахать и сборновать, пшеницу посѣять, сжать, обмолотить и въ анбаръ убрать. Иванъ-купецкой сынъ больше того еще заплакалъ; опять идетъ къ нему Василиса-Премудрая и говоритъ: «объ чемъ же ты плачешь, Иванъ купецкой сынъ?»—Какъ-же мнѣ не плакать? твой батюшка велѣлъ поле вспахать и пшеницу убрать. «Не плачь, Иванъ-купецкой сынъ! молись Богу да ложись спать: все будетъ сдѣлано.» Вышла Василиса Премудрая на крыльцо и закричала: «батюшкины работнички, матушкины заботнички! подите сюда съ сохами и съ боронами, съ серпами и съ цѣпами поле убирать.» Вотъ поле вспахали, хлѣбъ убрали и въ анбаръ переносили. Василиса Премудрая посылаетъ: «ступай, Иванъ-

купецкой сынъ! и подметай въ анбарѣ.» Приходитъ въ анбаръ Чудо-Юдо: «а, Иванъ купецкой сынъ! я хитёръ, а ты хитрѣе меня.» Потомъ приказалъ ему поставить за ночь дворецъ, рядомъ съ своимъ домомъ, чтобы крыльцо было къ крыльцу подведено. Иванъ-купецкой сынъ еще больше того залился слезами. Идетъ къ нему Василиса Премудрая: «объ чемъ же ты плачешь, Иванъ-купецкой сынъ?» — Какъ-же мнѣ не плакать? твой батюшка велѣлъ мнѣ поставить дворецъ. «Не плачь, Иванъ-купецкой сынъ! я все сдѣлаю; молись Богу да ложись спать.» Василиса Премудрая вышла на крыльцо и закричала: «батюшкины работнички, матушкины заботнички! подите сюда со всѣмъ своимъ струментомъ и за одну ночь поставьте дворецъ.» Утромъ Василиса Премудрая говоритъ: «Иванъ-купецкой сынъ поди къ дому и поколачивай гвоздики.» Онъ пошелъ. Приходитъ къ нему Чудо-Юдо: «а, Иванъ-купецкой сынъ! я хитёръ, а ты хитрѣе меня. Ну, теперь узнай изъ 77-ми моихъ дочерей Василису Премудрую. Если узнаешь, отдамъ ее за тебя замужъ.» Иванъ-купецкой сынъ больше того заплакалъ. Вышла къ нему Василиса Премудрая: «объ чемъ ты плачешь?» — Какъ-же мнѣ не плакать? твой батюшка велѣлъ узнать тебя изо всѣхъ своихъ дочерей. «Не плачь, Иванъ-купецкой сынъ! все возможно сдѣлать. Стану я входить въ горницу — перейду черезъ порогъ и топну ногой; сяду я на лавочку — платочкомъ махну и колечко съ руки на руку передѣну: по тому узнавай!» Чудо-Юдо велѣлъ всѣмъ дочерямъ собраться въ одну горницу и приказалъ Ивану-купецкому сыну узнавать Василису Премудрую. Иванъ-купецкой сынъ посмотрѣлъ и узналъ Василису Премудрую. Чудо-Юдо говоритъ: «ну, я хитёръ, а ты хитрѣе меня!» и отдалъ за него Василису Премудрую замужъ. Сталъ Иванъ-купецкой сынъ проситься въ свою сторону: у насъ весело жить! Василиса Премудрая снарядилась, взяла съ собой убрусъ, мыло и гребенку, и пошли они въ путь; а въ домѣ посадили по

всѣмъ по четыремъ угламъ по куклѣ. Чудо-Юдо посылаетъ людей звать къ себѣ Василису Премудрую и Ивана-купецкаго сына чай кушать; а куклы отвѣчаютъ: «мы только что встали!» Немного спустя посылаетъ опять звать; куклы отвѣчаютъ: «сейчасъ идемъ!» Чудо-Юдо посылаетъ въ третій разъ: «подите, посмотрите—дома ли они?» Заглянули въ горницу, въ горницѣ по всѣмъ четыремъ угламъ куклы сидятъ, а ихъ нѣту. Чудо-Юдо разсердился, послалъ догонять. Стали гонцы догонять, Василиса Премудрая и говоритъ: «Иванъ-купецкой сынъ! припади къ сырой землѣ, не догоняютъ ли насъ?» Онъ припалъ къ землѣ и говоритъ: «догоняютъ!» Она бросила гребенку—сдѣлался дремучій лѣсъ, нельзя ни пройтить, ни проѣхать. Которые догоняли ихъ—дошли дò лѣсу и воротились назадъ; докладываютъ: «никакъ нельзя пройти!» Чудо-Юдо велѣлъ взять топоры и рубить лѣсъ; тотчасъ принялись рубить, и прорубили дорожку. Стали опять догонять; Василиса Премудрая говоритъ: «Иванъ-купецкой сынъ! припади къ сырой землѣ, не догоняютъ ли насъ?» Онъ припалъ къ землѣ и говоритъ: «догоняютъ!» Василиса Премудрая бросила мыло—поднялась высокая гора. Которые догоняли—опять воротились назадъ: «на пути стоитъ высокая гора; никакъ нельзя ни пройтить, ни проѣхать!» Чудо-Юдо велѣлъ взять заступы и рыть гору. Прокопали дорожку, и опять догоняютъ. Василиса Премудрая говоритъ: «Иванъ-купецкой сынъ! припади къ сырой землѣ, не догоняютъ ли насъ?» Иванъ-купецкой сынъ припалъ къ землѣ и говоритъ: «догоняютъ!» Василиса Премудрая сейчасъ кинула убрусъ — сдѣлалось широкое море. Которые догоняли—подошли къ морю: никакъ нельзя перейтить, и воротились назадъ. А Иванъ-купецкой сынъ и Василиса Премудрая пришли въ свою сторону. Онъ собирается къ отцу идти, а Василиса Премудрая сѣла на деревѣ около пруда и сказала ему: «со всѣми поздоровайся, только не здоровайся съ маленькимъ, чтò въ люлькѣ лежитъ.

Если ты съ нимъ поцѣлуешься, то меня позабудешь.» Иванъ-купецкой сынъ пришелъ домой, со всѣми поздоровался, поцѣловался и съ маленькимъ—и забылъ свою Василису Премудрую. Отецъ прiискалъ ему невѣсту и задумалъ его женить. Утромъ пошла Иванова сестра за водой, увидала въ водѣ Василису Премудрую и говоритъ: «какая я хорошая, какая я пригожая! не мнѣ носить воду!» Бросила вёдры и воротилась домой. Потомъ пошла другая сестра: «ахъ, я еще лучше; да понесу я воду!» И эта бросила вёдры. Пошла за водой мать, только почерпнула вёдры, а Василиса кричитъ съ дерева: «здорова, тетушка! возьми меня къ себѣ погрѣться.» Она взяла ее къ себѣ въ домъ. Стала хозяйка пироги въ печку сажать; Василиса Премудрая и говоритъ: «тетушка, дай мнѣ тѣста.» Хозяйка не отказала; Василиса Премудрая взяла да въ это тѣсто пустила изъ своего пальчика крови, сдѣлала пирожокъ и дала посадить въ печь. Пирожокъ Василисы Премудрой вышелъ такъ хорошъ, такъ пригожъ, просто чудо! Хозяйка проситъ у Василисы Премудрой пирожокъ на княжой столъ; она и отдала ей. Подали его на княжой столъ, отрѣзали кусокъ—оттуда вылетѣлъ голубь; потомъ еще отрѣзали — вылетѣла голубка; голубь сѣлъ на окнѣ, голубка сѣла на печномъ столбѣ. Голубь заворковалъ, а голубка говоритъ ему: «воркуй, воркуй, голубокъ! не забудь ты свою голубку, какъ Иванъ-купецкой сынъ свою позабылъ». Немножко погодя голубь опять заворковалъ, а голубка говоритъ: «воркуй, воркуй, голубокъ! не забудь ты свою голубку, какъ Иванъ-купецкой сынъ свою позабылъ!» Иванъ-купецкой сынъ услыхалъ то воркованье, вскочилъ изъ за стола и сказалъ отцу съ матерью: «не эта моя суженая! а вотъ моя жена Василиса Премудрая.» Взялъ ее за себя, и сталъ съ нею жить-поживать, добра наживать.

(Записана въ тверской губернiи, зубцовскомъ уѣздѣ.)

50.

СКАЗКА ПРО СОПЛИВАГО КОЗЛА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ купецъ, и было у него три дочери. Построилъ онъ себѣ новой домъ, и посылаетъ на новоселье ночевать старшую дочь, чтобъ послѣ разсказала ему, что и какъ ей во снѣ привидится. И привидилось ей во снѣ, что она выйдетъ замужъ за купеческаго сына. На другую ночь посылаетъ купецъ на новоселье среднюю дочь, что ей привидится? И приснилось ей, что она выйдетъ замужъ за дворянина. На третью ночь дошла очередь до меньшой дочери, послалъ и ту; и приснилось ей бѣдняжкѣ, что выйдетъ она замужъ за козла. Перепугался отецъ, не велѣлъ своей любимой дочери даже на крыльцо выходить. Такъ нѣтъ вотъ, не послушалась, вышла! А козелъ въ это время подхватилъ ее на высокіе рога и унёсъ за крутые берега. Принёсъ къ себѣ и уложилъ на полати спать: сопли у него бѣгутъ, слюни текутъ, а бѣдняжка то и дѣло платочкомъ утираетъ, не брезгуетъ; понравилось это козлу, знай — чешетъ свою бороду! Поутру встала наша красавица, глядь—анъ дворъ огороженъ частоколомъ, и на каждой тычинкѣ по дѣвичьей головкѣ; только одна тычинка простая стоитъ. Обрадовалась бѣдняжка, что смерти избѣжала. А слуги давно ее будятъ: «не пора, сударыня, спать, пора вставать; въ горницахъ мести, соръ на улицу нести!» Выходитъ она на крылечко; летятъ гуси. «Ахъ вы, гуси мои сѣрые! не съ родной ли вы со сторонушки, не отъ роднаго ли батюшки несете мнѣ вѣсточку?» А гуси ей въ отвѣтъ: «съ твоей-то мы со сторонушки, принесли-то мы тебѣ вѣсточку: у васъ дома сговоръ, старшую сестрицу твою замужъ выдаютъ за купеческаго сына.» Козелъ съ

полатей все слышитъ, и говоритъ слугамъ: «эй вы, слуги мои вѣрные! несите платья самоцвѣтныя; закладывайте вороныхъ коней, чтобъ три раза скакнули и были на мѣстѣ.» Принарядилась бѣдняжка и поѣхала; кони митомъ привезли ее къ отцу. На крыльцѣ встрѣчаютъ гости, въ домѣ пиръ горой! А козелъ въ то время обернулся добрымъ мòлодцемъ и ходитъ пò двору съ гуслями. Ну, какъ на пиръ гусляра не созвать? Онъ пришелъ въ хоромы и началъ выигрывать: «козлова жена, соплякова жена! козлова жена, соплякова жена!» А бѣдняжка по одной щекѣ его хлопъ, по другой хлопъ, а сама на коней и была такова!

Пріѣхала домой, а козелъ ужь на полатяхъ лежитъ: сопли у него бѣгутъ, слюни текутъ; бѣдняжка то и дѣло платочкомъ утираетъ, не брезгуетъ. Поутру будятъ ее слуги: «не пора, сударыня, спать, пора вставать; въ горницахъ мести, соръ на улицу нести!» Встала она, прибрала все въ горницахъ и вышла на крылечко; летятъ гуси. «Ахъ вы, гуси мои сѣрые! не съ родной ли вы со сторонушки, не отъ роднаго ли батюшки несете мнѣ вѣсточку?» А гуси въ отвѣтъ: «съ твоей-то мы со сторонушки, принесли-то мы тебѣ вѣсточку: у васъ дома сговоръ, среднюю сестрицу твою замужъ выдаютъ за дворянина богатаго.» Опять поѣхала бѣдняжка къ отцу; на крыльцѣ ее гости встрѣчаютъ, въ домѣ пиръ горой! А козелъ обернулся добрымъ мòлодцемъ и ходитъ пò двору съ гуслями; позвали его, онъ и сталъ выигрывать: «козлова жена, соплякова жена! козлова жена, соплякова жена!» Бѣдняжка по одной щекѣ его хлопъ, по другой хлопъ, а сама на коней и была такова!

Воротилась домой; козелъ лежитъ на полатяхъ: сопли бѣгутъ, слюни текутъ! Прошла еще ночь; поутру встала бѣдняжка, вышла на крылечко; опять летятъ гуси. «Ахъ вы, гуси мои сѣрые! не съ родной ли вы со сторонушки, не отъ роднаго ли батюшки несете мнѣ вѣсточку?» А гуси въ отвѣтъ: «съ

какой-то нам со сторонушки, приносим тебѣ вѣсточку: у отца твоего большой столъ.» [1]) Поѣхали они къ отцу; гости на крыльцѣ встрѣчаютъ, въ домѣ пиръ горой! На дворѣ гусляры похаживаютъ, на гусляхъ выигрываютъ. Позвали его въ хоромы; гусляръ опять по старому: «козлова жена, соплякова жена! козлова жена, сопликова жена!» Бѣдняжка въ одну щеку его хлопъ, въ другую хлопъ, а сама бѣгомъ домой. Смотритъ на полати, а тамъ одна козлиная шкурка лежитъ; гусляръ не успѣлъ еще оборотиться въ козла. Полетѣла шкурка въ печь, и очутилась меньшая купеческая дочь замужемъ не за козломъ, а за добрымъ молодцемъ; стали они себѣ жить да поживать, да добра наживать.

(Записана въ нижегородской губерніи.)

51.

КНЯЗЬ-КНЯЖЕВИЧЪ ИВАНЪ-КОРОЛЕВИЧЪ. [1])

Слыхали вы о Змѣѣ-Змѣевичѣ? Ежели слыхали, такъ вы знаете: каковъ онъ и видомъ, и дѣломъ; а если нѣтъ, такъ я разскажу о немъ сказку, какъ онъ, скинувшись молодымъ молодцомъ, удалымъ удальцомъ, хаживалъ къ княгинѣ-красавицѣ. Правда, что княгиня была красавица, черноброва, да ужь не кстати спѣсива; честнымъ людямъ бывало слова не кинетъ, а простымъ къ ней и доступу не было; только съ Змѣемъ Змѣевичемъ ши-ши-ши! о чемъ? кто ихъ вѣдаетъ! А супругъ ея князь-княжевичъ Иванъ-королевичъ, по обычаю царскому, дворянскому, занимался охотой; и ужь охота была, правду сказать, не нашимъ чета! Не только собаки, да ястреба, да сокола вѣрой-правдой ему служили, но и лисицы, и

---

[1]) См. вып. V, №№ 27, 28, и въ этомъ выпускѣ №№ 52 и 53.

зайцы, и всякіе звѣри, и птицы сами ему приносили; кто чѣмъ мастерилъ, тотъ тѣмъ ему и служилъ: лисица хитростью, заяцъ прыткостью, орелъ крыломъ, воронъ клевомъ. Словомъ, князь-княжевичъ Иванъ-королевичъ съ своею охотою былъ неодолимъ, страшенъ даже самому Змѣю Змѣевичу; а онъ ли не былъ гораздъ на все, да нѣтъ! Сколько задумывалъ, сколько пытался онъ истребить князя и такъ и сякъ—все не удалось! да княгиня подсобила. Завела подъ лобъ ясные глазки, опустила бѣлыя ручки, слегла больна; мужъ испугался, всхлопотался: чѣмъ лѣчить? «Ничто меня не подниметъ, сказала она, кромѣ волчьяго молока; надо мнѣ имъ умыться и окатиться.» Пошелъ мужъ за волчьимъ молокомъ, взялъ съ собой охоту; попалась волчица, только что увидѣла князя-княжевича — въ ноги ему повалилась, жалобнымъ голосомъ взмолилась: «князь-княжевичъ Иванъ-королевичъ, помилуй, прикажи что — все сдѣлаю!» —Давай своего молока. Тотчасъ она молока для него надоила и въ благодарность еще волченочка подарила. Иванъ-королевичъ волченка отдалъ въ охоту, а молоко принёсъ къ женѣ; а жена было надѣялась: авось мужъ пропадетъ! Пришелъ—и нечего дѣлать, волчьимъ молокомъ умылась, окатилась, и съ постельки встала, какъ ничѣмъ не хворала. Мужъ обрадовался. Долго ли, коротко ли, слегла опять. «Ничѣмъ, говоритъ, мнѣ не пособишь; надо за медвѣжьимъ молокомъ сходить.» Иванъ-королевичъ взялъ охоту, пошелъ искать медвѣжьяго молока. Медвѣдица зачуяла бѣду, въ ноги повалилась, слезно взмолилась: «помилуй, что̀ прикажешь — все сдѣлаю!» — Хорошо, давай своего молока! Тотчасъ она молока надоила и въ благодарность медвѣженка подарила. Иванъ-королевичъ опять возвратился къ женѣ цѣлъ и здоровъ. «Ну, мой милый! сослужи еще службу, въ послѣдній разъ докажи свою дружбу, принеси мнѣ львинаго молока—и не стану я хворать, стану пѣсни распѣвать и тебя всякой день забавлять.» Захотѣлось княжевичу

видѣть жену здоровою, веселою; пошелъ искать львицу. Дѣло было не легкое, звѣрь-то заморской. Взялъ онъ свою охоту; волки, медвѣди разсыпались по горамъ, по доламъ, ястреба, сокола поднялись къ небесамъ, разлетѣлись по кустамъ, по лѣсамъ,—и львица, какъ смиренная раба, припала къ ногамъ Ивана-королевича. Иванъ-королевичъ принёсъ львинаго молока. Жена поздоровѣла, повеселѣла, а его опять проситъ: «другъ мой, другъ любимой! теперь я и здорова и весела, а еще бы я красовитѣй была, если-бъ ты потрудился достать для меня волшебной пыли; лежитъ она за двѣнадцатью дверями, за двѣнадцатью замками, въ двѣнадцати углахъ чортовой мельницы.» Князь пошелъ—видно, его такая доля была! пришелъ къ мельницѣ; замки сами размыкаются, двери растворяются; набралъ Иванъ-королевичъ пыли, идетъ назадъ—двери запираются, замки замыкаются; онъ вышелъ, а охота вся осталась тамъ. Рвётся, шумитъ, дерется, кто зубами, кто когтями ломитъ двери. Постоялъ-постоялъ, подождалъ-подождалъ Иванъ-королевичъ и съ горемъ воротился одинъ домой; тошно у него было на животѣ, холодно на сердцѣ; пришелъ домой — а въ домѣ жена бѣгаетъ и весела и молода, на дворѣ Змѣй Змѣевичъ хозяйничаетъ: «здорово, Иванъ-королевичъ! вотъ тебѣ мой привѣтъ—на шейку шелкова петля!»—Погоди, Змѣй, сказалъ королевичъ, я въ твоей волѣ, а умирать горюномъ не хочу; слушай, скажу три пѣсни. Спѣлъ одну — Змѣй заслушался; а воронъ, что мертвечину клевалъ, по этому и въ западню не попалъ, кричитъ: «пой, пой, Иванъ-королевичъ! твоя охота три двери прогрызала!» Спѣлъ другую—воронъ кричитъ: «пой, пой! уже твоя охота девятую дверь прогрызаетъ!» —Довольно, кончай! зашипѣлъ Змѣй, протягивай шею, накидывай петлю! «Слушай третью, Змѣй-Змѣевичъ! я пѣлъ ее передъ свадьбой, спою и передъ могилой.» Затянулъ третью пѣсню, а воронъ кричитъ: «пой, пой, Иванъ-королевичъ! уже твоя

охота послѣдній замокъ ломаетъ!» Иванъ-королевичъ окончилъ пѣсню, протянулъ шею и крикнулъ въ послѣдній разъ: «прощай, бѣлый свѣтъ; прощай, моя охота!» А охота тутъ и есть, легка на помянѣ, летитъ туча тучей, бѣжитъ полкъ полкомъ! Змѣя звѣри въ клочки расхватали, жену птицы мигомъ заклевали, и остался князь-княжевичъ Иванъ-королевичъ одинъ съ своею охотою вѣкъ доживать, одинъ горе горевать, а стоилъ бы лучшей доли.

Говорятъ, въ старину все такіе-то удальцы рожались, а намъ отъ нихъ только сказочки остались.

(Записана въ курской губерніи.)

52.

ЗВѢРИНОЕ МОЛОКО.

а. Жилъ-былъ царь, у него были сынъ да дочь. Въ сосѣднемъ государствѣ случилась бѣда немалая—вымеръ весь народъ; проситъ Иванъ-царевичъ отца: «батюшка! благослови меня въ то государство на житье ѣхать». Отецъ не согласенъ. «Коли такъ, я и самъ пойду!» Пошелъ Иванъ-царевичъ, а сестра не захотѣла отъ него отстать и сама пошла. Шли они нѣсколько времени. Стоитъ въ чистомъ полѣ избушка на курьихъ ножкахъ и повертывается; Иванъ-царевичъ сказалъ: «избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила.» Избушка остановилась, они взошли въ нее, а тамъ лежитъ баба-яга: въ одномъ углу ноги, въ другомъ голова, губы на притолкѣ, носъ въ потолокъ уткнула. «Здравствуй, Иванъ-царевичъ! что дѣла пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь?»—Гдѣ дѣла пытаю, а гдѣ и отъ дѣла лытаю; въ такомъ-то царствѣ народъ вымеръ, иду туда на житье. Она ему говоритъ: «самъ бы туда шелъ, а сестру напрасно взялъ; она тебѣ много вреда сдѣлаетъ.»

Напоила ихъ, накормила, и спать положила. На другой день братъ съ сестрой собираются въ дорогу; баба-яга даетъ Ивану-царевичу собаку да синій клубочекъ: «куда клубочекъ покатится, туда и иди!» Клубочекъ подкатился къ другой избушкѣ на куриныхъ ножкахъ. «Избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила.» Избушка остановилась, царевичъ съ царевною взошли въ нее; лежитъ баба-яга и спрашиваетъ: «что, Иванъ-царевичъ, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?» Онъ ей сказалъ, куда и зачѣмъ идетъ. «Самъ бы туда шелъ, а сестру напрасно взялъ; она тебѣ много вреда сдѣлаетъ.» Напоила ихъ, накормила, и спать положила. На утро подарила Ивану-царевичу собаку и полотенце: «будетъ у тебя на пути большая рѣка — перейдти нельзя; ты возьми это полотенце да махни однимъ концомъ — тотчасъ явится мостъ; а когда перейдешь на ту сторону, махни другимъ концомъ — и мостъ пропадетъ. Да смотри: махай украдкою, чтобъ сестра не видѣла.» Пошелъ Иванъ-царевичъ съ сестрою въ путь-дорогу: куда клубокъ катится, туда и идутъ. Подошли къ широкой-широкой рѣкѣ. Сестра говоритъ: «братецъ! сядемъ тутъ отдохнуть.» Сѣла и не видала, какъ царевичъ махнулъ полотенцемъ — тотчасъ мостъ явился. «Пойдемъ, сестрица! Богъ далъ мостъ, чтобы перейдти намъ на ту сторону.» Перешли за рѣку; царевичъ украдкою махнулъ другимъ концомъ полотенца — мостъ пропалъ, какъ не бывало! Приходятъ они въ то самое царство, гдѣ народъ вымеръ: никого нѣтъ, вездѣ пусто! Пообжилися немножко; вздумалось брату пойдти на охоту, и пошелъ онъ съ своими собаками бродить по лѣсамъ, по болотамъ.

Въ это время прилетаетъ къ рѣкѣ змѣй Горынычъ; ударился о сыру землю и сдѣлался такимъ молодцомъ да красавцемъ, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать. Зоветъ къ себѣ царевну: «ты, говоритъ, меня измучила, тоской изсушила; я безъ тебя жить не могу!» Полюбился змѣй-Горы-

ымъ царевнѣ, кричитъ ему: «лети сюда черезъ рѣку!»—Не могу перелетѣть. «А я что-же сдѣлаю?»—У твоего брата есть полотенце, возьми его, принеси къ рѣкѣ и махни однимъ концомъ. «Онъ мнѣ не дастъ!»—Ну, обмани его; скажи, будто вымыть хочешь. Приходитъ царевна во дворецъ; на ту пору и братъ ея возвратился съ охоты. Много всякой дичи принёсъ, и отдаетъ сестрѣ, чтобъ завтра къ обѣду приготовила. Она спрашиваетъ: «братецъ! нѣтъ ли у васъ чего вымыть изъ чорнаго бѣлья?»—Сходи, сестрица, въ мою комнату; тамъ найдешь—сказалъ Иванъ-царевичъ и совсѣмъ забылъ о полотенцѣ, чтò баба-яга подарила да не велѣла царевнѣ показывать. Царевна взяла полотенце; на другой день братъ на охоту, она къ рѣкѣ, махнула однимъ концомъ полотенца—и въ ту-жъ минуту мостъ явился. Змѣй перешелъ пò мосту. Стали они цѣловаться, миловаться; потомъ пошли во дворецъ. «Какъ-бы намъ, говоритъ змѣй, твоего брата извести?»—Придумай сам я не вѣдаю, отвѣчаетъ царевна. «Вотъ что: притворись больною и пожелай волчьяго молока[1]); онъ пойдетъ молока добывать — авось голову свернетъ!» Воротился братъ, сестра лежитъ на постели, жалуется на болѣзнь свою, и говоритъ: «братецъ! во снѣ я видѣла, будто отъ волчьяго молока поздоровѣю; нельзя ли гдѣ добыть? а то смерть моя приходитъ!» Иванъ-царевичъ пошелъ въ лѣсъ — кормитъ волчиха волчонковъ, хотѣлъ ее застрѣлить; она говоритъ ему человѣческимъ голосомъ: «Иванъ-царевичъ! не стрѣляй, не губи меня, не дѣлай моихъ дѣтей сиротами; лучше скажи, чтò тебѣ надобно?»

---

[1]) *Вариантъ 1:* сдѣлайся больною и скажи брату: снилось де мнѣ во снѣ, что за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, въ чистомъ полѣ пасутся дикія свиньи съ малыми поросятами: кабы достать отъ нихъ молока —я бы тотчасъ, кажись, вылѣчилась!

Вариантъ 2: притворись больною и пожелай молока отъ семи звѣрей: отъ зайца, лисицы, куницы, волка, медвѣдя, лѣснаго кабана и льва. (Царевичъ идетъ добывать отъ нихъ молока, и отъ каждаго звѣря получаетъ по щенку.)

—Мнѣ нужно твоего молока. «Изволь, надои; еще дамъ въ придачу волчонка; онъ тебѣ станетъ вѣрой-правдою служить.» Царевичъ надоилъ молока, взялъ волчонка, идетъ домой. Змѣй увидалъ, сказываетъ царевнѣ: «твой братъ идетъ, волчонка несетъ; скажи ему, что тебѣ медвѣжьяго молока хочется.» Сказалъ и оборотился вѣникомъ. Царевичъ вошелъ въ комнату; за нимъ слѣдомъ собаки вбѣжали, услыхали нечистой духъ и давай теребить вѣникъ—только прутья летятъ! «Что это такое, братецъ! закричала царевна; уймите вашу охоту, а то завтра и подмести нечѣмъ будетъ!» Иванъ-царевичъ унялъ свою охоту и отдалъ ей волчье молоко. Поутру спрашиваетъ братъ сестру: «каково тебѣ, сестрица?»—Немножко полегчило; если-бъ ты, братецъ, принёсъ еще медвѣжьяго молока—я бы совсѣмъ выздоровѣла. Пошелъ царевичъ въ лѣсъ, видитъ: медвѣдица дѣтей кормитъ, прицѣлился, хотѣлъ ее застрѣлить; взмолилась она человѣческимъ голосомъ: «не стрѣляй меня, Иванъ-царевичъ! не дѣлай моихъ дѣтей сиротами; скажи: что тебѣ надобно?»—Мнѣ нужно твоего молока. «Изволь; еще дамъ въ придачу медвѣжонка.» Царевичъ надоилъ молока, взялъ медвѣжонка, идетъ назадъ. Змѣй увидалъ, говоритъ царевнѣ: «твой братъ идетъ, медвѣжонка несетъ; пожелай еще львинаго молока.» Вымолвилъ и оборотился помеломъ; она сунула его подъ печку. Вдругъ прибѣжала охота Ивана-царевича, почуяла нечистой духъ, бросилась подъ печку и давай тормошить помело. «Уймите, братецъ, вашу охоту; а то завтра нечѣмъ будетъ печки замести.» Царевичъ прикрикнулъ на своихъ собакъ; онѣ улеглись подъ столъ, а сами такъ и рычатъ. На утро опять царевичъ спрашиваетъ: «каково тебѣ, сестрица?» —Нѣтъ, не помогаетъ, братецъ! а снилось мнѣ нынѣшнюю ночь: если-бъ ты добылъ молока отъ львицы—я бы вылѣчилась. Пошелъ царевичъ въ густой-густой лѣсъ, долго ходилъ —наконецъ увидѣлъ: кормитъ львица малыхъ львёнковъ, хо-

тѣлъ ее застрѣлить, говоритъ она человѣческимъ голосомъ: «не стрѣляй меня, Иванъ-царевичъ! не дѣлай моихъ дѣтушекъ сиротами; лучше скажи, что тебѣ надобно?» — Мнѣ нужно твоего молока. «Изволь, еще одного львёнка въ придачу дамъ.» Царевичъ надоилъ молока, взялъ львёнка, идетъ домой. Змѣй Горынычъ увидалъ, говоритъ царевнѣ: «твой братъ идетъ, львёнка несетъ!» и сталъ выдумывать, какъ-бы его уморить. Думалъ-думалъ, наконецъ выдумалъ послать его въ тридесятое государство; въ томъ царствѣ есть мельница за двѣнадцатью дверями желѣзными, разъ въ годъ отворяется — и то на короткое время; не успѣешь оглянуться, какъ двери захлопнутся. «Пусть-ка попробуетъ, достанетъ изъ той мельницы мучной пыли!» Вымолвилъ эти рѣчи и оборотился ухватомъ; царевна кинула его подъ печку. Иванъ-царевичъ вошелъ въ комнату, поздоровался и отдалъ сестрѣ львиное молоко; опять собаки почуяли змѣиной духъ, бросились подъ печку и начали ухватъ грызть. «Ахъ, братецъ! уймите вашу охоту; еще разобьютъ что-нибудь!» Иванъ-царевичъ закричалъ на собакъ; онѣ улеглись подъ столомъ, а сами все на ухватъ смотрятъ да злобно рычатъ. Къ утру расхворалась царевна пуще прежняго, охаетъ, стонетъ. «Что съ тобой, сестрица? спрашиваетъ братъ, али нѣтъ отъ молока пользы?» — Никакой, братецъ! и стала его посылать на мельницу. Иванъ-царевичъ насушилъ сухарей, взялъ съ собой и собакъ и звѣрей своихъ, и пошелъ на мельницу. Долго прождалъ онъ, пока время настало и растворились двѣнадцать желѣзныхъ дверей; царевичъ вскочилъ внутрь, вскоро нашёлъ мучной пыли и только что успѣлъ выйдти, какъ вдругъ двери за нимъ захлопнулись, и осталась охота его на мельницѣ взаперти [1]). Иванъ-царевичъ заплакалъ:

[1]) *Варіантъ:*... въ томъ царствѣ есть двѣ горы высокія, стоятъ онѣ вмѣстѣ, въ-плотную одна къ другой прилегли; только разъ въ сутки расходятся, раздвигаются, и черезъ двѣ-три минуты опять сходятся. Промежъ тѣхъ гор-

«Видно, смерть моя близко!» Воротился домой; змѣй увидалъ, что онъ одинъ, безъ охоты, идетъ: «ну, говоритъ, теперь его не боюсь!» выскочилъ къ нему на встрѣчу, разинулъ пасть и крикнулъ: «долго я до тебя добирался, царевичъ! ужь и ждать надоѣло; и вотъ таки добрался-же — сейчасъ тебя съѣмъ!» — Погоди меня ѣсть, лучше вели въ баню сходить да напередъ вымыться. Змѣй согласился и велѣлъ ему самому и воды натаскать, и дровъ нарубить, и баню истопить. Иванъ-царевичъ началъ дрова рубить, воду таскать. Прилетаетъ воронъ и каркаетъ: «карръ-карръ, Иванъ-царевичъ! руби дрова, да не скоро; твоя охота четверо дверей прогрызла.» Онъ что нарубитъ, то въ воду покидаетъ. А время идетъ да идетъ; нечего дѣлать — надо баню топить. Воронъ опять каркаетъ: «карръ-карръ, Иванъ-царевичъ! топи баню, да не скоро, твоя охота восемь дверей прогрызла.» [2]) Истопилъ баню, началъ мыться, а на

кучихъ горъ хранится вода живущая и цѣлющая. «Пусть-ка достанетъ той чудной водицы; тутъ ужь навѣрно не сдобровать ему, добру молодцу!» Посылаетъ царевна своего брата за водою живущею и цѣлющею. Иванъ-царевичъ осѣдлалъ своего богатырскаго коня, перекрестился на всѣ на четыре стороны, сѣлъ и поѣхалъ. Близко-ли, далеко-ль, долго-ли, коротко-ль, скоро сказка сказывается — нескоро дѣло дѣлается, пріѣзжаетъ къ тѣмъ горамъ высокимъ, толкучимъ. Стоитъ, дожидается, когда станутъ горы расходиться; вдругъ поднялась страшная буря, ударилъ сильной громъ — и раздвинулись двѣ горы. Иванъ-царевичъ пришпорилъ своего богатырскаго коня, пролетѣлъ промежъ горъ стрѣлою, зачерпнулъ два пузырька воды, и тотчасъ назадъ повернулъ; самъ-то успѣлъ выскочить, а у лошади заднія ноги совсѣмъ смяло, на мелкія части раздробило. Иванъ-царевичъ взбрызнулъ ее цѣлющею да живущею водою — и стала она по прежнему ни въ чемъ невредима. Пріѣзжаетъ домой... (Послѣ того злая сестра посылаетъ его на мельницу.)

[2]) *Варіантъ:* Увидала царевна, что братъ одинъ домой воротился, не пустила его и на глаза къ себѣ; выбросила ему изъ окна чистую сорочку: «ступай, говоритъ, въ баню, да вымойся побѣлѣе — тебя змѣй Горынычъ скушаетъ.» А змѣй поддакиваетъ: «иди, иди въ баню; поскорѣй будь готовъ! Я бы сейчасъ тебя съѣлъ — да вишь дорога была дальняя, ты весь пропотѣлъ и запылился.» Пошелъ Иванъ-царевичъ баню топить, а воронъ ему кричитъ: «не спѣши, Иванъ-царевичъ! носи дрова мокрыя, коли загорится — водой по-

ужъ одно держитъ: «если-бъ моя охота да не времени подоспѣла!» Вотъ прибѣгаетъ собака; онъ говоритъ: «ну, теперь смерть не страшна!» За той собакой и всѣ прибѣжали. Змѣй Горынычъ долго поджидалъ Ивана-царевича, не вытерпѣлъ и пошелъ самъ въ баню. Выскочила на него вся охота и разорвала на мелкіе кусочки. Иванъ-царевичъ собралъ тѣ кусочки въ одно мѣсто, сжегъ ихъ огнемъ, а пепелъ развѣялъ по чистому полю. Идетъ со своею охотою во дворецъ, хочетъ сестрѣ голову отрубить; она пала предъ нимъ на колѣни, начала плакать, упрашивать. Царевичъ не сталъ ее казнить, а вывелъ на дорогу, посадилъ въ каменной столбъ, возлѣ положилъ вязанку сѣна да два чана поставилъ: одинъ съ водою, другой—порожній. И говоритъ: «если ты эту воду выпьешь, это сѣно съѣшь, да наплачешь полонъ чанъ слёзъ, тогда Богъ тебя проститъ, и я прощу.» ¹)

Оставилъ Иванъ-царевичъ сестру въ каменномъ столбѣ и пошелъ съ своею охотою за тридевять земель; шелъ-шелъ, приходитъ въ большой, знатной городъ; видитъ — половина народа веселится да пѣсни поетъ, а другая горючьми слезами заливается. Попросился ночевать къ одной старушкѣ, и спрашиваетъ: «скажи, бабушка, отчего у васъ половина народа веселится, пѣсни поетъ, а другая навзрыдъ плачетъ?» Отвѣчаетъ ему старуха: «о-охъ, батюшка! поселился на нашемъ озерѣ двѣнадцатиглавой змѣй, каждую ночь прилетаетъ да людей поѣдаетъ; для того у насъ очередь положена — съ какого конца въ какой день на съѣденіе давать. Вотъ тѣ, которые отбыли свою очередь, веселятся, а которые — нѣтъ, тѣ

ливай; твоя звѣрина ужъ трое дверей прогрызла!»... Въ другой разъ: «не спѣши, Иванъ-царевичъ! не столько мойся, сколько марайся; твоя охота еще три двери прогрызла!»

¹) *Варіантъ:* возлѣ поставилъ четверикъ съ горячимъ угольемъ, и говоритъ: «тогда тебя прощу, когда это уголье съѣшь!»

рѣкой размыкаются.»—А теперь за кѣмъ очередь? «Да теперь вынялъ жеребій на царскую дочь; только одна и есть у отца, и ту отдавать приходится. Царь объявилъ, что если выищется кто да убьетъ этого змѣя, такъ онъ пожалуетъ его половиною царства и отдастъ за него царевну замужъ; да гдѣ нынче богатыри-то? за наши грѣхи всѣ перевелись!» Иванъ-царевичъ тотчасъ собралъ свою охоту и пошелъ къ озеру, а тамъ ужь стоитъ прекрасная царевна и горько плачетъ. «Не бойся, царевна; я твоя оборона!» Вдругъ озеро взволновалося-всколыхалося, появился двѣнадцатиглавой змѣй. «А Иванъ-царевичъ, русской богатырь! ты сюда зачѣмъ пришелъ? Драться, али мириться хочешь?»—Почто мириться? русской богатырь не за тѣмъ ходитъ, отвѣчалъ царевичъ и напустилъ на змѣя всю свою охоту: двухъ собакъ, волка, медвѣдя и льва. Звѣри въ мигъ его на клочки разорвали. Иванъ-царевичъ вырѣзалъ языки изо всѣхъ двѣнадцати змѣиныхъ головъ, положилъ себѣ въ карманъ [1]), охоту гулять распустилъ, а самъ легъ на колѣни къ царевнѣ и крѣпко заснулъ. Рано утромъ пріѣхалъ водовозъ съ бочкою, смотритъ—змѣй убитъ, а царевна жива и у ней на колѣняхъ спитъ доброй молодецъ. Водовозъ подбѣжалъ, выхватилъ мечь и снёсъ Ивану-царевичу голову, а съ царевны вымучилъ клятву, что она признаетъ его своимъ избавителемъ. Потомъ собралъ онъ змѣиныя головы и повёзъ ихъ къ царю; а того и не зналъ, что головы-то безъ языковъ были. Ни много, ни мало прошло времени, прибѣгаетъ на то мѣсто охота Ивана-царевича; царевичъ безъ головы лежитъ. Левъ прикрылъ его травою, а самъ возлѣ сѣлъ. Налетѣли вороны съ воронятами мертвечины поклевать; левъ изловчился, поймалъ

---

1) Въ другомъ спискѣ Иванъ-царевичъ мѣняется съ царевною кольцами, и впослѣдствіи это служитъ знакомъ, что онъ—настоящій ея избавитель, а не водовозъ. Царевичъ приходитъ на свадебной пиръ мужичкомъ; царевна наливаетъ ему чару вина, а онъ бросаетъ въ эту чару кольцо.

вороненка и хочетъ его надвое разорвать. Старой воронъ кричитъ: «не губи моего дитёнка; онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ! Коли нужно что, приказывай — все исполню.» — Мнѣ нужно мертвой и живой воды, отвѣчаетъ левъ; принеси, тогда и ворonёнка отдамъ. Воронъ полетѣлъ, и солнце еще не сѣло — какъ воротился и принёсъ два пузырька мертвой и живой воды. Левъ разорвалъ воронёнка, спрыснулъ мертвой водой — куски срослися, спрыснулъ живой водой — воронёнокъ ожилъ и полетѣлъ вслѣдъ за старымъ ворономъ. Тогда левъ спрыснулъ мертвою и живою водой Ивана-царевича: онъ всталъ и говоритъ: «какъ я долго спалъ!» — Вѣкъ бы тебѣ спать, кабы не я! отвѣчалъ ему левъ и разсказалъ, какъ нашелъ его убитымъ и какъ воротилъ къ жизни.

Приходитъ Иванъ-царевичъ въ городъ; въ городѣ все веселится, обнимаются, цѣлуются, пѣсни поютъ. Спрашиваетъ онъ старуху: «скажи, бабушка, отчего у васъ такое веселье?» — Да вишь какой случай вышелъ: водовозъ повоевалъ змѣя и спасъ царевну; царь выдаетъ теперь за него свою дочь замужъ. «А можно мнѣ посмотрѣть на свадьбу?» — Коли умѣешь на чемъ играть, такъ иди; тамъ теперь всѣхъ музыкантовъ принимаютъ. «Я умѣю на гусляхъ играть.» — Ступай! царевна до смерти любитъ слушать, когда ей на гусляхъ играютъ. Иванъ-царевичъ купилъ себѣ гусли и пошелъ во дворецъ. Заигралъ — всѣ слушаютъ, удивляются: откуда такой славной музыкантъ проявился? Царевна наливаетъ рюмку вина и подноситъ ему изъ своихъ рукъ; глянула и припомнила своего избавителя: слезы изъ глазъ такъ и посыпались! «О чемъ плачешь?» спрашиваетъ ее царь. Она говоритъ: «вспомнила про своего избавителя.» Тутъ Иванъ царевичъ объявилъ себя царю, разсказалъ все, какъ было, а въ доказательство вынулъ изъ кармана змѣиные языка. Водовоза подхватили подъ руки, повели и разстрѣляли, а Иванъ-царевичъ женился на прекрасной царевнѣ. На радостяхъ

вспомнилъ онъ про свою сестру, пріѣхалъ къ каменному столбу — она сѣно съѣла, воду выпила, полонъ чанъ слёзъ наплакала. Иванъ-царевичъ простилъ ее и взялъ къ себѣ; стали всѣ вмѣстѣ жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

b. Жили-были два крестьянина: одинъ — Антонъ, другой — Агаѳонъ. «Послушай, братъ! говоритъ Антонъ, бѣдовая туча къ намъ несется» — а самъ какъ листъ трясется. — Ну, что-жъ за бѣда! «Да вить градъ пойдетъ, весь хлѣбъ побьетъ!» — Какой градъ! дождь будетъ. «Анъ градъ!» — Анъ дождь! «Не хочу говорить съ дуракомъ!» сказалъ Антонъ, да хвать сосѣда кулакомъ. Ни градъ, ни дождь не йдетъ, а у нихъ изъ носовъ да ушей кровь льётъ. Это еще не сказка, а присказка; сказка будетъ впереди — завтра послѣ обѣда, поѣвши мягкаго хлѣба.

Жилъ мужикъ, у него было два сына, третья дочь; одинъ сынъ — умной, другой — дуракъ; старшій — женатой. Пришло время мужику умирать; вотъ онъ большому сыну приказываетъ весь домъ, и скотъ, и землю, а дураку съ сестрой ничего. Дочь и говоритъ: «что-жъ ты, батюшка, приказываешь все старшему брату, а мнѣ съ дуракомъ ничего?» Старикъ взглянулъ на нихъ и сказалъ: «а вамъ если дастъ старшій братъ баню, такъ живите, а не дастъ, такъ вонъ подите!» — Ну, мы и тѣмъ довольны! Вотъ померъ мужикъ, отправили похороны, старшій братъ и говоритъ: «дуракъ! ступай съ сестрой изъ дому вонъ.» — Позволь, братецъ, намъ хоть въ банѣ пожить. «Ну, живите покамѣстъ!» Дуракъ сталъ ходить въ лѣсъ — работать, тѣмъ и кормились. Однажды дуракъ говоритъ: «сестра! дай мнѣ плетушку; идучи по лѣсу, грибовъ наберу.» [1]) Она подала ему

---

[1]) *Варіантъ:* Въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ жилъ-былъ старикъ; у него было два сына: Ѳедоръ да Иванъ, а третья — дочь. Сталъ старикъ помирать, сталъ отказывать все свое добро старшему сыну; ему и домъ, и соха, и борона. «Чѣмъ-же намъ съ сестрой жить?» спрашиваетъ

плетушку, он взялъ и пошелъ; ходилъ-бродилъ по лѣсу—и заблудился. Сталъ искать дорогу, выбрался на луговину, глянулъ кругомъ: на той луговинѣ стоитъ большой каменной домъ; въ три этажа выстроенъ; ворота заперты, ставни закрыты; только одно окно отворено и къ нему лѣстница приставлена. Дуракъ влѣзъ въ домъ, поотскрывалъ всѣ окна, порастворилъ всѣ двери, ходитъ по дому, посматриваетъ:, не видать ни одной живой души, а добра-то, добра-то! хоть лопатой греби! Золота, серебра, кàменья самоцвѣтнаго, парчей дорогихъ цѣлые вороха навалены. Въ одной горницѣ стоитъ кадка съ виномъ и плаваетъ въ ней серебреный ковшикъ. Дуракъ взялъ стулъ, присѣлъ къ кадкѣ, вино пьетъ, да во все горло «Долинушку» поетъ. Вдругъ слышитъ шумъ: ѣдутъ двѣнадцать разбойниковъ. «Братцы! говоритъ атаманъ, что-й-то не ладно у насъ: всѣ окна открыты! вѣрно, кто-нибудь въ гости пожало-

---

Иванъ. Старикъ глянулъ на нихъ и сказалъ: «ахъ, дѣти любезные! я про васъ и забылъ; только теперь все ужъ отказано, осталась одна старая баня; возьмите ее въ надѣлокъ. Ты, Иванъ! на ногу скоръ, по сту верстъ въ часъ ходишь; такъ своимъ счастьемъ живи и сестру корми.» Померъ старикъ, перешли они на житье въ баню. Поутру вставали ранешенько, умывались бѣлешенько; говоритъ сестра Ивану: «братъ! что мы ѣсть будемъ? Видно, умирать намъ съ голоду—вить у насъ ни хлѣба, ни денегъ!»—Не тужи, сестра! коли я буду живъ, будешь и ты сыта. Вотъ я пойду въ лѣсъ, нагну полозьевъ да продамъ въ городѣ—у насъ и хлѣбъ будетъ. «Спасибо, братецъ! пока ты въ лѣсъ сходишь—я съ голоду помру.»—Полно, сестра! сегодня-же къ обѣду вернусь. «Какъ-бы не такъ! самой близкой лѣсъ—верстъ полтораста отъ насъ будетъ...»—Правое слово, къ обѣду вернусь; тогда увидишь! Пошелъ Иванъ къ сосѣду, выпросилъ веревку и зашагалъ такъ скоро, что въ одинъ часъ сто верстъ отхваталъ, да еще половину того въ полчаса. Пришелъ въ дремучій лѣсъ и ну дубы ломать—топора-то съ собой не было; которой дубъ возьметъ за верхушку да пригнётъ къ землѣ—тотъ и въ дѣло готовъ; въ короткое время столько наломалъ, что на трехъ возахъ не увезти; опуталъ веревкою, взвалилъ за плечи и понесъ въ городъ, продалъ на чистыя денежки и въ обѣденную пору домой поспѣлъ. На другой день собрался Иванъ въ лѣсъ и говоритъ сестрѣ: «дай-ка мнѣ буракъ, пойду въ лѣсъ—грибковъ наберу.» (Записано въ архангельской губерніи.)

валъ.» И посылаетъ одного разбойника ворота отпереть. «Не трудитесь, братцы! я вамъ отопру», кричитъ дуракъ. Вотъ они въѣхали во дворъ, убрали награбленное добро, и приходятъ въ горницу, берутъ по стулу и садятся всѣ около дощаника [1]); одному разбойнику не достало стула, подходитъ онъ къ дураку и толкаетъ его: «пусти! ты мое мѣсто занялъ.» А тотъ упирается. «Беритесь-ка за него, товарищи! какъ онъ смѣлъ въ нашемъ домѣ ослушаться?» Разбойники повскакивали съ своихъ мѣстъ и начали дурака задирать: то тотъ ударитъ, то другой прихлопнетъ. Тутъ дуракъ разсердился, схватилъ одного разбойника за ноги и началъ имъ направо, налѣво помахивать, кого ни задѣнетъ—тотчасъ съ ногъ долой! Атаманъ видитъ, что онъ шутитъ шутки нехорошія, припалъ въ уголъ за бочки и тамъ отсидѣлся [2]). Дуракъ перебилъ всѣхъ разбойниковъ, тѣла на дворъ выкинулъ; потомъ насыпалъ плетушку золотомъ, домъ заперъ и пошелъ къ сестрѣ. Входитъ въ баню и кричитъ: «вотъ тебѣ плетушка грибовъ!»

На другой день сестра затопила печку, вздумала чистить грибы, взялась за плетушку—тяжела, не подымается; что такое? открыла—а она полна денегъ. «Сестра! говоритъ дуракъ,

---

[1]) Большая кадка (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 50).

[2]) *Вар.* Въ одной комнатѣ обрѣзы вина поставлены, по краямъ ковши навѣшаны. Иванъ увидалъ и давай прикладываться: все по ковшику, да по ковшику, и напился допьяна; вышелъ на дворъ, взялъ прутъ въ девяносто пудъ, сѣлъ на буракъ и попѣваетъ пѣсенки. Ѣдутъ изъ Украйны разбойники—бѣжитъ сто лошадей, на каждой на лошади сидитъ по молодцу, всѣ съ ружьями, пиками, саблями острыми. Въѣхали во дворъ, дуванъ раздуванили (раздѣлили добычу), а Ивану ничего не дали. «Что-жъ вы меня обходите? говоритъ Иванъ; вы должны гостя чествовать.»—Погоди, сейчасъ станемъ подчивать! отвѣчаютъ разбойники; а имъ гость тотъ куда нелюбъ! Бѣгутъ къ нему съ ружьями, съ пиками, съ саблями острыми, хотятъ по частямъ разнести. Иванъ поднялъ прутъ въ девяносто пудъ, махнулъ разъ, другой, третій, и перебилъ всѣхъ разбойниковъ; только одинъ эсаулъ убѣжалъ да гдѣ-то спрятался.

поди-ка въ городъ, закупи и варёно и жарено; надо по батюшкѣ поминки сдѣлать. А я пойду созывать въ гости купцовъ и мѣщанъ и всякихъ крестьянъ.» Сестра закупила, наставила на столъ и питья и ѣствы — всего вдоволь, и побѣжала звать старшаго брата съ невѣсткою. «Охъ вы, голыши-горемыки! чай у васъ хлѣба нѣтъ, а не только поминки справлять!» сказалъ старшій братъ, и не захотѣлъ идти. «Ну хоть ты, невѣстушка, приходи!» — Да чего у васъ ѣсть-то? «Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!» — Ну, думаетъ невѣстка, пойду къ нимъ, хоть посмѣюся. Приходитъ и видитъ, что всего много; стала спрашивать: «гдѣ вы взяли?» Дуракъ отвѣчаетъ: «вамъ батюшка домъ и все хозяйство отказалъ; а намъ плетушку денегъ оставилъ.» Наѣдалися гости досыта, напивалися допьяна, и пошли по домамъ. Воротилась въ избу невѣстка и ну ругать мужа: и самъ-то онъ нехорошъ, и покойной отецъ его обидчикъ былъ — чтобъ ему ни дна, ни покрышки! умиралъ, а душой покривилъ: отдалъ дураку цѣлую плетушку золота! «Не бранись, я пойду и золото пополамъ раздѣлю.» Приходитъ къ брату: «раздѣли, дуракъ, плетушку золота, а то намъ съ женой обидно!» Дуракъ отвѣчаетъ ему: «чѣмъ дѣлить, бери лучше всю!» а самъ взялъ сестру за̀ руку и говоритъ: «пойдемъ, сестрица, изъ бани вонъ; есть у меня свой домъ.»

Вотъ они шли-шли, пришли въ тотъ самой домъ, гдѣ дуракъ перебилъ разбойниковъ: «ну, сестра! живи, хозяйничай, бери-не жалѣй все что̀ надобно; а я стану на охоту ходить, птицъ-звѣрей бить.» Братъ пошелъ на охоту, а сестра дома осталась; начала горницы осматривать, увидала атамана, влюбилась въ него, и стали вдвоемъ думу думать, какъ-бы дурака извести? Атаманъ ей совѣтуетъ: «притворись больной и проси дурака, чтобъ принёсъ тебѣ изъ такого-то саду яблоковъ; тамъ ему не миновать смерти!» Дуракъ воротился съ охоты, видитъ — сестра лежитъ на кровати да охаетъ. «Что съ тобой, сестри-

ца?»—Больна, братецъ! И начала его просить: «видѣла я сонъ, что въ такомъ-то саду растутъ яблоки; какъ только покушаю тѣхъ яблоковъ—сейчасъ выздоровлю.» Дуракъ взялъ плетушку и отправился въ путь-дорогу лѣсомъ; идетъ, а лѣсъ все чаще да чаще, все гуще да гуще; дальше и ступить нельзя! Началъ дуракъ деревья выдергивать, дорогу прокладывать; часъ-другой потрудился и вышелъ на гладкую, ровную поляну. На той на полянѣ стоитъ большой каменной домъ, въ пять этажей выстроенъ; ворота заперты, ставни затворены, только одно окно открыто. Валѣзъ онъ туда по лѣстницѣ, пооткрывалъ всѣ ставни, пораствориль всѣ двери: куда ни посмотритъ, куда ни заглянетъ—всюду богатства видимо-невидимо: и золота, и серебра, и каменьевъ самоцвѣтныхъ, и парчей и атласовъ дорогихъ. Позади дома садъ растетъ, яблоки такъ на солнушкѣ и красуются; побѣжалъ дуракъ въ садъ, нарвалъ полну котомку яблоковъ[1]) и хотѣлъ было домой идти, но послѣ

---

[1]) *Варіантъ:* Пошелъ дуракъ въ лѣсъ за грибами и заблудился; плуталъ-плуталъ и выбрался наконецъ на поляну. На полянѣ домъ стоитъ. «Чѣмъ въ лѣсу ночевать, лучше въ домъ пойду; неровёнъ часъ—звѣри разорвутъ.» Входитъ въ домъ, а тамъ лежитъ старой-старой дѣдъ. «Здравствуй, старина!» —Здравствуй, младой юноша! что ходишь по лѣсу, али есть нужда великая? Онъ ему про все разсказалъ. «Ну, хорошо, что ты пришелъ! тебя самъ Богъ послалъ. Оставайся у меня; видишь, я при смерти лежу. Какъ помру, похорони мои кости; а этотъ домъ и все богатство мое возьми себѣ: живи да меня поминай! Да въ придачу отдаю тебѣ трехъ собакъ; береги ихъ пуще глаза своего; онѣ отъ бѣды тебя выручатъ!» На другой день старикъ померъ; дуракъ похоронилъ его кости, написалъ къ сестрѣ письмо, чтобъ тотчасъ къ нему приходила въ такое-то мѣсто, и послалъ то письмо съ собакою. Собака, наскоро побѣжала къ его сестрѣ, отдала ей письмо, и привела ее самоё къ брату. Стали они на новосельи жить. Разъ пошелъ дуракъ на охоту, а къ сестрѣ его прилетѣлъ трехъголовой змѣй; завелись у нихъ шуры-муры! По его наученью хитрому притворилась сестра больною, стала говорить брату: «снилось де ей во снѣ, что недалече отъ ихъ двора есть садъ, въ томъ саду могила, на могилѣ сидитъ сѣдой старикъ и продаетъ яблоки бѣлаго налива; тѣ яблоки всякую болѣсть вылѣчиваютъ. Дуракъ тотчасъ собрался и пошелъ искать старика; приходитъ въ садъ—и впрямь сидитъ на могилѣ ста-

вздумалъ и говоритъ самъ себѣ: «нѣтъ, подожду хозяина и заплачу̀ ему за яблоки, чтобъ не считалъ меня за вора.» Немного погодя, послышался конской топотъ: ѣдутъ двадцать четыре разбойника и везутъ съ собой красну дѣвицу красоты неописанной. Вошли въ домъ, стали пить-ѣсть, къ красной дѣвицѣ приставать да разныя насмѣшки надъ ней дѣлать. Дуракъ смотрѣлъ-смотрѣлъ и говоритъ атаману: «за что вы ее обижаете?» Атаманъ разсердился и закричалъ: «эй, ребята! возьмите его, свяжите, да хорошенько отдуйте!» Разбойники сунулись было къ дураку, а онъ ухватилъ одного изъ нихъ за̀ ноги и давай направо-налѣво помахивать; всѣхъ перебилъ до единаго. Взялъ красну дѣвицу за бѣлыя руки и повелъ къ себѣ. Приходитъ домой и говоритъ: «вотъ тебѣ, сестра, яблоки—ѣшь да выздоравливай; а ты, красная дѣвица, будь намъ названная сестрица—живи да не скучай!» На другой день дуракъ отправился на охоту; а родная сестра его побѣжала къ атаману; жалуется ему: «вѣдь мой братъ пришелъ, да еще красну дѣвицу привелъ! что намъ съ нимъ дѣлать?» Атаманъ отвѣчаетъ: «посади ты его играть въ карты и сдѣлай такой уговоръ: коли кто проиграетъ, тому назадъ руки вязать. Вотъ какъ онъ проиграетъ—ты притащи волосяной канатъ и скрути ему руки; коли одинъ канатъ сорветъ—вяжи другимъ, другой сорветъ—вяжи третьимъ; авось съ какимъ-нибудь да не

рикъ весьма древенъ, и держитъ въ рукахъ яблоки бѣлаго налива. «Продай мнѣ свои яблоки!»—Они не продажныя, а завѣтныя; коли хочешь, смѣняй на собакъ. «Нѣтъ, старикъ! собаки самому надобны; возьми деньгами: никакой казны не пожалѣю!» Старикъ не соглашается. «Что дѣлать? думаетъ дуракъ, вѣдь сестра одна у меня, другой не будетъ!» Вымѣнялъ яблоки на собакъ и пошелъ домой. А старикъ обернулся змѣемъ, собакъ посадилъ въ крѣпкую засаду, и говоритъ: «теперь не боюсь, пойду—съѣмъ дурака!» (Окончаніе тоже, какъ въ предыдущей сказкѣ: дуракъ идетъ въ баню мыться, а собаки его тѣмъ временемъ прогрызаютъ двери, вырываются изъ засады и спасаютъ своего хозяина.)

справится! Тогда закричи мнѣ—я прибѣгу съ саблею и снесу ему голову.» Эти злыя рѣчи подслушала названная сестрица и ждётъ что-то будетъ. Воротился дуракъ домой; родная сестра сѣла съ нимъ въ карты играть, а названная сняла со стѣны острую саблю и проситъ: «братецъ! подари мнѣ эту саблю.» —Возьми, коли полюбилася. Вотъ родная сестра обыграла брата и связала ему руки волосянымъ канатомъ; дуракъ потянулся—канатъ разорвался. Принесла она новой канатъ, потолще прежняго, и опять связала ему руки; дуракъ потянулся—каната какъ не бывало! Принесла она третій канатъ, потолще прежнихъ двухъ, связала брату руки крѣпко-накрѣпко; сколько онъ ни силился—не могъ разорвать. «Развяжи, сестра! руки рѣжетъ!»—Самъ развяжешь! Родная сестра пошла атамана звать, а названная у дверей стала: только атаманъ въ горницу—она размахнулась саблею и снесла ему голову. Братъ страшно разгнѣвался, изо всей силы понатужился—канатъ затрещалъ и лопнулъ; тутъ онъ быстро схватилъ саблю острую, отрубилъ злой сестрѣ голову и бросилъ трупъ ея лѣснымъ звѣрямъ на съѣденіе. Прошло ни много, ни мало времени—говоритъ названная сестра брату: «братецъ! поѣдемъ на мою родину.»—А гдѣ твоя родина? «Моя родина далеко; я царская дочь, ѣздили мы въ иныя государства, напали на насъ разбойники, и меня отняли.» Вотъ пріѣзжаютъ они къ ея отцу; царь обрадовался и выдалъ за того дурака свою дочь-царевну. Свадьбу сыграли, долго пировали, и я тамъ былъ, медъ-вино пилъ; по губамъ текло, въ ротъ не попало. Да на окошкѣ оставилъ я ложку; кто лёгокъ на ножку, тотъ сбѣгай по ложку!

(Записана въ оренбургской губерніи.)

53.

ПРИТВОРНАЯ БОЛѢЗНЬ.

а. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею, а дѣтей у нихъ не было; стали они со слезами Бога молить, чтобъ даровалъ имъ хоть единое дѣтище—и услышалъ Господь ихъ молитву: царица забеременѣла. Въ то самое время понадобилось царю на́долго отлучиться и́зъ дому; простился съ женой и отправился въ дорогу. Много ли, мало ли прошло времени: родила царица сына Ивана-царевича —такого красавца, что̀ ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Росъ онъ не по годамъ, не по днямъ, а по часамъ, по минутамъ — какъ тѣсто на опарѣ киснетъ; выросъ такой сильномогучій богатырь, что всякой стулъ подъ нимъ ломается, и проситъ царицу, чтобъ приказала сдѣлать ему желѣзной стулъ, и тотъ съ подпорами. Вотъ воротился царь домой; царица обрадовалась, встрѣчаетъ его и сказываетъ, какого она ему сына родила—сильнаго, могучаго богатыря. Царь не хотѣлъ вѣрить, чтобъ могъ такой сынъ отъ него народиться; сдѣлалъ пиръ, созвалъ всѣхъ князей и бояръ и думныхъ людей; спрашиваетъ ихъ: «научите, что мнѣ дѣлать съ невѣрной женой—топоромъ казнить ее или вѣшать?» Одинъ думной сенаторъ отвѣчаетъ ему: «чѣмъ казнить да вѣшать, лучше сослать ее съ сыномъ въ дальнія страны, чтобъ объ нихъ и слуху не было.» Царь согласился, и тотчасъ выслали ихъ изъ того государства [1]). Вышла царица съ Иваномъ-царевичемъ за городскіе

[1]) *Варіантъ:* Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ тридесятомъ государствѣ жилъ-былъ богатой купецъ; у того купца была дочь Анна Прекрасная. Свела она любовь съ добрымъ молодцемъ и родила сына. Какъ узналъ про то отецъ, крѣпко озлобился; схватилъ малое дѣтище, зарѣзалъ и на дворъ выкинулъ. Анна Прекрасная подняла мертваго ребенка, залилась слезами и пошла изъ дому

ворота. «Любезная матушка! говоритъ онъ, сядь-отдохни здѣсь, а я отъ отца моего пѣшкомъ не пойду.» Вернулся назадъ и проситъ у царя лошади. «Ступай въ заповѣдные луга; тамъ пасутся мои табуны—выбирай себѣ любаго коня.» Приходитъ Иванъ-царевичъ въ заповѣдные луга, началъ коня выбирать: на котораго руку положитъ—тотъ и надохнетъ. Выбѣжалъ къ нему пастухъ: «э-эхъ, Иванъ-Царевичъ ты здѣсь не выберешь по себѣ коня. Возьми-ка вотъ этого для матери, а для тебя есть доброй конь на острову; тамъ ростутъ двѣнадцать дубовъ, подъ ними выходъ [1]) есть, въ томъ выходѣ стоитъ конь на двѣнадцати цѣпяхъ, за двѣнадцатью дверями и за столькими-жъ замками; каждый замокъ въ пятьдесятъ пудъ.» Иванъ-царевичъ благодарствовалъ на томъ пастуху, бралъ одного коня и держалъ путь къ матери; сажалъ ее на того коня, а самъ возлѣ пѣшкомъ шелъ. Много ли, мало ли ушло времени—увидали они двѣнадцать дубовъ. Побѣжалъ туда царевичъ, открылъ выходъ и началъ ломать и двери и замки; только что конь услыхалъ по себѣ богатыря — тотчасъ сталъ помогать, копытами цѣпи, двери разбивать. Подходитъ Иванъ-царевичъ къ коню, надѣваетъ на него богатырской приборъ и выводитъ въ поле чистое; сѣлъ верхомъ и началъ пытать своего коня. Мать ему говоритъ: «сынъ мой любезной! завелъ меня въ такія пустыя, без-

---

—куда глаза глядятъ. Шла-шла и очутилась въ темномъ лѣсу; идетъ тропинкою и видитъ: лежитъ подъ кустомъ малая змѣйка, надвое перерублена. Вдругъ раздался шумъ по лѣсу—ползетъ большая змѣя, во рту держитъ зеленой листокъ; подъ ней сыра земля сохнетъ, а трава огнемъ горитъ. Приползла къ мертвой змѣйкѣ, приложила къ ней зеленой листокъ — змѣйка вмигъ ожила, зашевелилась и вслѣдъ за большой быстро скользнула въ лѣсныя трущобы. Анна Прекрасная подняла зеленой листокъ, приложила его къ кровавой ранѣ своего ребенка — вмигъ рана зажила, ребенокъ глазки открылъ, ручонками замахалъ. Съ той поры, съ того времени началъ онъ рости не по годамъ, не по часамъ, а по минутамъ; не прошло и недѣли, какъ онъ совсѣмъ выросъ, а сила у него явилась непомѣрная, богатырская; прозвали его люди Иваномъ Сильнымъ. Добылъ онъ себѣ добраго коня...

[1]) Погребъ, подвалъ.

людныя мѣста, да-й покинуть хочешь.» — Нѣтъ, матушка! я тебя не покину; я коня пытаю. Раскинули они на островѹ палатку, жили тутъ и питались чѣмъ Богъ послалъ.

Однажды говоритъ Иванъ-царевичъ: «государыня моя матушка! благослови меня въ дальнюю дорогу. Чѣмъ тутъ жить, лучше поѣду — отыщу себѣ державу.» Поѣхалъ онъ и долами, и горами, и темными лѣсами; выѣзжаетъ на ровное мѣсто и видитъ впереди — словно гора воздымается. «Дай подъѣду!» Подскакалъ поближе, глядь—а то лежитъ богатырь убитой. «Эхъ, думаетъ царевичъ, славной былъ богатырь, да какой-то злодѣй сгубилъ: можетъ, самъ-то и ногтя его не стóитъ!» Подивовался-подивовался и хотѣлъ было ѣхать дальше; вдругъ мертвой богатырь озывается: «что-жъ ты, Иванъ-царевичъ, только посмотрѣлъ на меня, а ни слова не вымолвилъ? Ты бы спросилъ меня, я-бъ тебѣ добро посовѣтовалъ. Вишь ты, младой юноша, и самъ не вѣдаешь—куда ѣдешь, а ѣдешь ты прямо къ Огненному Царю: не доѣзжая до его царства верстъ тридцать — ужь огнемъ жжётъ! Столкни-ка мое туловище да возьми мой щитъ и острой мечь-кладенецъ. Какъ станешь подъѣзжать къ огненному царству и начнетъ тебя огнемъ жечь — ты закройся моимъ щитомъ и не бойся жару, а приѣдешь къ самому царю — онъ тебя встрѣтитъ съ обманомъ; смотри въ обманъ не давайся, бей его одинъ разъ, а убьешь — меня не забудь!» Иванъ-царевичъ взялъ щитъ и мечь-кладенецъ, поскакалъ-полетѣлъ къ Огненному Царю, на всемъ скоку ударилъ его разъ; Огненный Царь наземь палъ и кричитъ: «бей еще!»—Русской богатырь не бьетъ два раза, а разъ да гораздъ! Убивши царя, бросился его осматривать и нашелъ у него мертвую и живую воду. Взялъ ту воду и поѣхалъ къ мертвому богатырю; соскочилъ съ своего добраго коня, поднялъ голову богатыря, приложилъ ее къ туловищу и спрыснулъ мертвой и живой водою. Богатырь всталъ; назвались они братьями и пошли путемъ-

дорогою. Говоритъ богатырь: «давай изведуемъ силу — чья возьметъ?»—Эхъ, братъ, не надоѣло тебѣ лежать въ чистомъ полѣ тридцать три года; а я не хочу пролежать и единаго. Лучше разъѣдемся въ разныя стороны! И поѣхали они по разнымъ дорогамъ.

Иванъ-царевичъ пріѣхалъ къ своей матери, разсказалъ ей, какъ побѣдилъ Огненнаго Царя, и зоветъ ее съ собой: «поѣдемъ, государыня матушка, въ его царство.»—Ахъ, Иванъ-царевичъ! на что ты убилъ его? вить Огненный Царь мнѣ сватъ. Поѣхали они въ то царство; жили сколько-то времецы, вздумалось царевичу на охоту ѣхать, а мать его достала мертвую и живую воду, нашла Огненнаго Царя, подкатила его голову къ туловищу и давай взбрызгивать. Огненный Царь открылъ глаза и говоритъ: «ахъ, любезная свашенька! долго-жъ я спалъ.»—Спать бы тебѣ отнынѣ и до вѣку! мой сынъ-злодѣй тебя до смерти убилъ. Какъ-бы намъ его извести? «А вотъ какъ! только онъ вернется—ты сдѣлайся больна и скажи ему, что въ такомъ-то царствѣ, куда воронъ костей не заноситъ, есть одномѣсячныя яблоки и отъ тѣхъ яблоковъ всякая хворь проходитъ. Пусть-ка достанетъ!» Сынъ вернулся домой — мать больна лежитъ, посылаетъ его за одномѣсячными яблоками. Иванъ-царевичъ осѣдлалъ своего добраго коня и стрѣлой полетѣлъ въ то царство далекое, куда воронъ костей не заноситъ. А тамъ царствовала дѣвица-красавица и былъ у ней пиръ большой. Выглянулъ изъ окна одинъ изъ гостей и говоритъ: «пріѣхалъ къ вамъ младой юноша; конь подъ нимъ аки лютой звѣрь, збруя и всѣ приспѣхи богатырскіе словно жаръ горятъ.» Встрѣчала его царевна середи двора широкаго, сама снимала съ добраго коня; взялись они за бѣлыя руки и пошли во дворецъ. Сѣла царевна на золотой стулъ, а русской богатырь самъ себѣ мѣсто найдетъ. «Не будешь ли гнѣваться? говоритъ Иванъ-царевичъ; вить я съ просьбой пріѣхалъ.»—Говори: что надобно? все тебѣ

въ угоду сдѣлаю. Онъ ей сказалъ свою нужду. Тутъ они долго пировали и забавлялись, послѣ того обручились и дали слово крѣпкое, чтобъ ей за другаго замужъ не идти, а ему на другой не жениться. Пора Ивану-царевичу и въ путь отправляться; невѣста-красавица навязала ему одномѣсячныхъ яблочковъ, пошла провожать и говоритъ ему: «я слышала—ты большой охотникъ; подарю тебѣ двухъ собакъ. Эй, Тяжёлой и Лёгкой! служите царевичу, какъ мнѣ служили; коли что̀ надъ нимъ приключится—лучше и назадъ не бывайте!» [1]) Ѣдетъ Иванъ-царевичъ домой; мать увидала и говоритъ свату: «вонъ нашъ разлучникъ ѣдетъ!» Тотчасъ заперла Огненнаго Царя за кипарисныя двери, а сама на постель легла. Входитъ Иванъ-царевичъ во дворецъ и отдаетъ матери одномѣсячныя яблоки. Вдругъ собаки бросились къ кипарисной двери и начали грызть; мать говоритъ: «сынъ мой любезный! какую привелъ ты охоту? мнѣ и безъ того мочи нѣтъ, а онѣ дверь грызутъ.» Царевичъ закричалъ на своихъ собакъ—и онѣ улеглись возлѣ него. На другой день поѣхалъ онъ съ своей охотой позабавиться, а мать кинулась свата отпирать, и проситъ его извести какъ-нибудь сына. Пошелъ Огненный Царь къ озеру, на песчаные берега, злаго змѣя караулить. Мало ли, много ли дожидался — выходитъ змѣй на̀ берегъ, легъ и заснулъ. Огненный царь однимъ взмахомъ отрубилъ ему голову, вынулъ зелье [2]) и понёсъ къ сватьѣ; отдаетъ ей: «на, говоритъ, напеки съ этимъ зельемъ лепёшекъ и покорми сына.» Иванъ-царевичъ вернулся домой и проситъ у матери: «нѣтъ ли поѣсть чего?» Она отвѣчаетъ: «мочи моей нѣтъ, ничего не готовила, только лепёшекъ напекла — возьми и кушай на здоровье!» Только онъ взялъ одну лепёшку—собака изъ рукъ ее вырвала. «Ну, сынокъ! завелъ ты охоту—не дадутъ и куска съѣсть!»—Я, матушка, другую

---

[1]) *Варіантъ:* Вотъ тебѣ двѣ собаки: Чуткой да Крѣпкой. Только вымолви: эй, Чуткой, возьми, а ты, Крѣпкой, прикрѣпи!—онѣ всякаго врага одолѣютъ.

[2]) Ядъ.

возьму. Взялъ еще—другая собака и эту вырвала. Взялъ третью, откусилъ и тутъ-же померъ. Мать соскочила съ постели, отперла кипарисную дверь и выпустила свата. «Ну, кричитъ, извели наконецъ нашего злодѣя!» Выковырнули у Ивана-царевича глаза и бросили его въ колодецъ, а сами стали жить да веселиться.

Собаки бились-бились около колодца, вытащили Ивана-царевича и понесли къ нареченной невѣстѣ; а ей ужь сердце сказало, что нѣтъ его на свѣтѣ; вышла она далеко къ нему на встрѣчу, взяла его на свои бѣлыя руки, понесла во дворецъ, и написала къ своей сестрѣ, чтобы та прислала новые лучшіе глаза и воды живой и мертвой. Начала его лѣчить, живой водой вспрыскивать. Иванъ-царевичъ всталъ: «ахъ, моя милая невѣста! какъ долго я спалъ.»—Спать бы тебѣ вѣчнымъ сномъ, кабы не я! отвѣчала невѣста и разсказала все, что съ нимъ мать сдѣлала. Пожилъ онъ у ней нѣсколько времени и собирается домой. Говоритъ ему царевна-красавица: «Иванъ-царевичъ! не давайся въ обманъ матери.» Онъ осѣдлалъ коня и ѣдетъ домой. Мать узнала его и закричала: «опять ѣдетъ мой злодѣй и двѣ собаки впереди бѣгутъ!» Заперла своего свата за кипарисную дверь, сама сѣла подъ окно и горючьми слезами обливается. Иванъ-царевичъ въѣхалъ на дворъ, соскочилъ съ коня и пошелъ къ матери; собаки за нимъ и бросились дверь грызть. «Матушка! говоритъ царевичъ, подай мнѣ ключъ отъ этой двери.» Она малась-малась, не хотѣла ключа отдавать, разныя отговорки приводила: и ключъ-то потерянъ, и отпирать-то не зачѣмъ!» Иванъ-царевичъ самъ нашелъ ключъ, отворилъ дверь—а за дверью сидитъ въ креслахъ Огненный Царь. Закричалъ царевичъ своей охотѣ: «Тяжёлой и Лёгкой! возьмите Огненнаго Царя, отнесите въ чистое поле и разорвите на мелкія части.» Собаки схватили его и разорвали на мелкія части: не только человѣку кусковъ не собрать, даже

птицѣ не сыскать! Потомъ Иванъ-царевичъ сдѣлалъ тугой лукъ и кленовую стрѣлу, и говоритъ матери: «пойдемъ теперь въ чистое поле!» Пришли они въ чистое поле; царевичъ натянулъ свой тугой лукъ, положилъ ѣдаль: «становись, матушка, рядомъ со мною; кто изъ насъ виноватъ, того кленовая стрѣла убьетъ.» Мать прижалась къ нему близко-близко. Сорвалась стрѣла и попала ей прямо въ сердце.

Иванъ-царевичъ поѣхалъ къ своей невѣстѣ; пристигла его въ пути-дорогѣ темная ночь. Усмотрѣлъ онъ вдали огонекъ, поѣхалъ въ ту сторону—стоитъ избушка, а въ избушкѣ старуха сидитъ. Завёлъ съ нею разговоръ о томъ, о семъ; старуха ему и сказываетъ: «есть у насъ въ озерѣ страшной змѣй о двѣнадцати головахъ, все людей пожираетъ. Нынѣшнюю ночь вывезутъ къ нему на съѣденіе самоё царевну: такъ вышло по жребію!» Иванъ-царевичъ не ложился спать, со полуночи пошелъ на то озеро. Царевна стоитъ на берегу и во слезахъ говоритъ таковы рѣчи: «лютой змѣй! пожри меня скорѣе, кончи мои мученія.» Распахнулось у ней покрывало и узналъ Иванъ-царевичъ свою невѣсту, а она его признала. «Ступай отсюдова! говоритъ ему царевна; не то лютой змѣй и тебя съѣстъ!» —Не пойду, отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ; мы съ тобой обручились, чтобы вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и помереть. Вотъ лѣзетъ изъ озера змѣй о двѣнадцати головахъ: «эхъ, красная дѣвица! да у тебя заступа есть. Ну, что-жъ —въ моемъ брюхѣ и заступѣ будетъ мѣсто!»—Ахъ ты, проклятой змѣй! сказалъ Иванъ-царевичъ; ты прежде пожри, тогда и хвались. Вынулъ свой острый мечь, разъ махнулъ—и сналъ съ него шесть головъ; въ другой махнулъ—и остальныя сбилъ. Потомъ Иванъ-царевичъ поѣхалъ съ своею невѣстою въ ея царство, обвѣнчались и жили долго и счастливо.

b. Бывали-живали царь да царица; у царя, у царицы былъ одинъ сынъ Иванъ-царевичъ. Вскорѣ царь умеръ, сыну сво-

ему царство оставилъ. Царствовалъ Иванъ-царевичъ тихо и благополучно, и всѣми подданными былъ любимъ; ходилъ онъ съ своимъ воинствомъ воевать въ иныя земли, въ дальніе края къ Пану-Плѣшевичу; рать-силу его побилъ, а самого въ плѣнъ взялъ и въ темницу заточилъ. А былъ Панъ-Плѣшевичъ куда хорошъ и пригожъ! Увидала его царица, мать Ивана-царевича, влюбилась и стала частенько навѣщать его въ темницѣ. Однажды говоритъ ей Панъ Плѣшевичъ: «какъ-бы намъ сына твоего Ивана-царевича убить? сталъ бы я съ тобой вмѣстѣ царствовать!» Царица ему въ отвѣтъ: «я бы очень рада была, если-бъ ты убилъ его!»—Самъ я убить его не смогу; а слышалъ я, что есть въ чистомъ полѣ чудище о трехъ головахъ. Скажись царевичу больною, и вели убить чудище о трехъ головахъ да вынуть изъ чудища всѣ три сердца: я бы съѣлъ ихъ—у меня бы силы прибыло! На другой день царица разболѣлась-расхворалась, позвала къ себѣ царевича и говоритъ ему таково слово: «чадо мое милое, Иванъ-царевичъ! съѣзди въ поле чистое, убей чудище о трехъ головахъ, вынь изъ него три сердца и привези ко мнѣ: скушаю — авось поправлюсь!» Иванъ-царевичъ послушался, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Въ чистомъ полѣ привязалъ онъ своего добраго коня къ старому дубу; самъ сѣлъ подъ дерево и ждётъ... Вдругъ прилетѣло чудище великое, сѣло на старой дубъ—дубъ зашумѣлъ и погнулся.» «Ха-ха-ха! будетъ чѣмъ полакомить ся: конь на обѣдъ, молодецъ на ужинъ!»—Эхъ ты, поганое чудище! не уловивши бѣла лебедя, да кушаешь! сказалъ Иванъ-царевичъ, натянулъ свой тугой лукъ и пустилъ калену стрѣлу; разомъ сшибъ чудищу всѣ три головы, вынулъ три сердца, привезъ домой и отдалъ матери. Царица приказала ихъ сжарить; послѣ взяла и понесла въ темницу къ Пану-Плѣшевичу. Съѣлъ онъ, царица и спрашиваетъ: «что—будетъ ли у тебя силы съ моего сына?» — Нѣтъ, еще не будетъ! А слышалъ я, что есть

въ чистомъ полѣ чудище о шести головахъ; пусть царевичъ съ нимъ поборется! Одно что-нибудь: или чудище его пожретъ, или онъ привезетъ еще шесть сердецъ. Царица побѣжала къ Ивану-царевичу: «чадо мое милое! мнѣ немного полегчило; а слышала я, что есть въ чистомъ полѣ другое чудище о шести головахъ; убей его и привези шесть сердецъ.» Иванъ-царевичъ сѣлъ на коня, и поѣхалъ въ чистое поле, привязалъ коня къ старому дубу, а самъ сѣлъ подъ дерево. Прилетѣло чудище о шести головахъ—весь дубъ пошатнулся: «ха-ха-ха! конь на обѣдъ, молодецъ на ужинъ!»—Нѣтъ, чудище поганое! не уловивши бѣла лебедя, да кушаешь! Натянулъ царевичъ свой тугой лукъ, пустилъ калену стрѣлу и сбилъ чудищу три головы. Бросилось на него чудище поганое, и бились они долгое время; Иванъ-царевичъ осилилъ, срубилъ и достальныя три головы, вынулъ изъ чудища шесть сердецъ, привезъ и отдалъ матери. Она того часу приказала ихъ сжарить; послѣ взяла и понесла въ темницу къ Пану-Плѣшевичу. Панъ-Плѣшевичъ отъ радости нà ноги вскочилъ, царицѣ челомъ билъ; съѣлъ шесть сердецъ—царица и спрашиваетъ: «что—станетъ ли у тебя силы съ моего сына?»—Нѣтъ, не станетъ! А слышалъ я, что есть въ чистомъ полѣ чудище о девяти головахъ: коли съѣмъ еще его сердцà—тогда нѣшто будетъ у меня силы съ нимъ поправиться! Царица побѣжала къ Ивану-царевичу: «чадо мое милое! мнѣ получше стало; а слышала я, что есть въ чистомъ полѣ чудище о девяти головахъ; убей его и привези девять сердецъ.»—Ахъ, матушка рòдная! вить я усталъ; пожалуй мнѣ не состоять супротивъ того чудища о девяти головахъ! «Дитя мое! прошу тебя—съѣзди, привези.» Иванъ-царевичъ сѣлъ на коня и поѣхалъ; въ чистомъ полѣ привязалъ коня къ старому дубу, самъ сѣлъ подъ дерево и заспалъ. Вдругъ прилетѣло чудище великое, сѣло на старой дубъ—дубъ до земли пошатнулся. «Ха-ха-ха! конь на обѣдъ, молодецъ на

ужинъ!» Царевичъ проснулся: «нѣтъ, чудище поганое! не уловивши бѣла лебедя, да кушаешь!» Натянулъ свой тугой лукъ, пустилъ калену стрѣлу и сразу сшибъ шесть головъ, а съ достальными долго-долго бился; срубилъ и тѣ, вынулъ сердца̀, сѣлъ на коня и поскакалъ домой. Мать встрѣчаетъ его: «что, Иванъ-царевичъ, привезъ ли девять сердецъ?»—Привезъ, матушка! хоть съ великимъ трудомъ, а досталъ. «Ну, дитя мое, теперь отдохни!» Взяла отъ сына сердца̀, приказала сжарить и отнесла въ темницу къ Пану-Плѣшевичу. Панъ-Плѣшевичъ съѣлъ, царица и спрашиваетъ: «что̀—станетъ ли теперь силы съ моего сына?»—Станетъ-то станетъ, да все опасно; а слышалъ я, что когда богатырь въ баню сходитъ, то много у него силы убудетъ; пошли-ка напередъ сына въ баню. Царица побѣжала къ Ивану-царевичу: «чадо мое милое! надо тебѣ въ баню сходить, съ бѣлаго тѣла кровь омыть.» Иванъ-царевичъ пошелъ въ баню; только что̀ омылся—а Панъ-Плѣшевичъ тутъ какъ тутъ, размахнулся острымъ мечемъ и срубилъ ему голову. Повѣстилъ о томъ царицу—она отъ радости запрыгала, велѣла Ивана-царевича зарыть въ могилу, а сама стала съ Паномъ-Плѣшевичемъ въ любви поживать да всѣмъ царствомъ заправлять.

Осталось у Ивана-царевича двое малыхъ сыновей; они бѣгали, играли, у бабушки-задворенки оконницу изломали. «Ахъ вы, собачьи сыны! обругала ихъ бабушка-задворенка; зачѣмъ оконницу изломали?» Прибѣжали они къ своей мамкѣ, стали ее спрашивать: почему де такъ неласково обзываютъ насъ? Отвѣчаетъ мать: «нѣтъ, дитятки! вы не собачьи сыны; былъ у васъ батюшко сильной и славной богатырь Иванъ-царевичъ, да убилъ его Панъ Плѣшевичъ, и схоронили его во сырой землѣ.» —Матушка! дай намъ мѣшочикъ сухариковъ, мы пойдемъ —оживимъ нашего батюшку. «Нѣтъ, дитятки! не оживить его вамъ.»—Благослови, матушка! мы пойдемъ. «Ну, ступайте;

Богъ съ вами!» Того часу дѣти Ивана-царевича срядились и пошли въ дорогу. Долго ли, коротко ли шли они—скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается; попался на встрѣчу имъ сѣдой старичокъ: «куда вы, царевичи, путь держите?»—Идемъ къ батюшкѣ на могилу; хотимъ его оживить. «Охъ, царевичи! вамъ самимъ его не оживить. Хотите, я помогу?»—Помоги, дѣдушка! «Нате, вотъ вамъ корешокъ; отройте Ивана-царевича, этимъ корешкомъ его вытрите да три раза перевернитесь черезъ него.» Они взяли корешокъ, нашли могилу Ивана-царевича, разрыли, вынули его, тѣмъ корешкомъ вытерли и три раза перевернулись черезъ него—Иванъ-царевичъ всталъ: «здравствуйте, дѣти мои малые! какъ я долго спалъ.» Воротился домой, а у Пана-Плѣшевича пиръ идетъ! какъ увидалъ онъ Ивана-царевича — такъ со страху и задрожалъ. Иванъ-царевичъ предалъ его лютой смерти; попы его схоронили, панихиду отпѣли и отправились поминки творить; и я тутъ былъ—поминалъ, кутью большой ложкой хлебалъ, по бородѣ текло—въ ротъ не попало!

(Записана въ шенкурскомъ уѣздѣ, архангельской губерніи.)

54.

КРОШЕЧКА-ХАВРОШИЧКА. [1])

Вы знаете, что есть на свѣтѣ люди и хорошіе, есть и похуже, есть и такіе, которые Бога не боятся, своего брата не стыдятся; къ такимъ-то и попалась Крошечка-Хаврошичка, Осталась она сиротой маленькой; взяли ее эти люди, выкормили, и на свѣтъ божій не пустили, надъ работою каждый день занудили, заморили; она и подаетъ и прибираетъ, и за

---

[1]) Сличи съ № 55.

всѣхъ и за все отвѣчаетъ. А были у ея хозяйки три дочери большія. Старшая звалась Одноглазка, средняя—Двуглазка, а меньшая—Триглазка; но онѣ только и знали у воротъ сидѣть, на улицу глядѣть, а Крошечка-Хаврошечка на нихъ работала, ихъ обшивала, для нихъ и пряла и ткала, а слова добраго никогда не слыхала. Вотъ то-то и больно—ткнуть да толкнуть есть кому, а привѣтить да пріохотить нѣтъ никого! Выдетъ бывало Крошечка-Хаврошечка въ поле, обниметъ свою рябую коровку, ляжетъ къ ней на шейку и разсказываетъ, какъ ей тяжко жить-поживать: «коровушка матушка! меня бьютъ, журятъ, хлѣба не даютъ, плакать не велятъ. Къ завтраму дали пять пудовъ напрясть, наткать, побѣлить, въ трубы покатать.» А коровушка ей въ отвѣтъ: «красная дѣвица! влѣзь ко мнѣ въ одно ушко, а въ другое вылѣзь—все будетъ сработано.» Такъ и сбывалось. Вылѣзетъ красная дѣвица изъ ушка—все готово: и наткано, и побѣлено, и покатано. Отнесетъ къ мачихѣ; та поглядитъ, покряхтитъ, спрячетъ въ сундукъ, а ей еще больше работы задастъ. Хаврошечка опять придетъ къ коровушкѣ, въ одно ушко влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ, и готовенькое возьметъ-принесетъ. Дивится старуха, зоветъ Одноглазку: «дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! доглядись: кто сиротѣ помогаетъ: и ткётъ, и прядетъ, и въ трубы катаетъ?» Пошла съ сиротой Одноглазка въ лѣсъ, пошла съ нею въ поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнушкѣ, разлеглась на травушкѣ; а Хаврошечка приговариваетъ: «спи глазокъ, спи глазокъ!» Глазокъ заснулъ; пока Одноглазка встала, коровушка и наткала, и побѣлила. Ничего мачиха не дозналась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнушкѣ распеклась, на травушкѣ разлеглась, материнино приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошечка баюкаетъ: «спи глазокъ, спи другой!» Коровушка наткала, побѣлила, въ трубы покатала; а Двуглазка все еще спала. Старуха разсердилась,

на третій день послала Триглазку, а сиротѣ еще больше работы дала. И Триглазка, какъ ея старшія сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хаврошичка поетъ: «спи глазокъ, спи другой!» а объ третьемъ забыла. Два глаза заснули, а третій глядитъ и все видитъ, все—какъ красная дѣвица въ одно ушко влѣзала, въ другое вылѣзала, и готовые холсты подобрала. Все, что видѣла Триглазка, матери разсказала; старуха обрадовалась, на другой день пришла къ мужу: «рѣжь рябую корову!» Старикъ такъ-сякъ: «что ты, жена, въ умѣ ли? корова молодая, хорошая!»—Рѣжь, да и только! Наточилъ ножикъ. Побѣжала Хаврошичка къ коровушкѣ: «коровушка матушка! тебя хотятъ рѣзать.»—А ты, красная дѣвица, не ѣшь моего мяса; косточки мои собери, въ платочекъ завяжи, въ саду ихъ разсади, и никогда меня не забывай, каждое утро водою ихъ поливай. Хаврошичка все сдѣлала, что коровушка завѣщала; голодомъ голодала, а мяса ея въ ротъ не брала; косточки каждой день въ саду поливала, и выросла изъ нихъ яблонка, да какая—Боже мой! Яблочки на ней висятъ наливныя, листвицы шумятъ золотыя, вѣточки гнутся серебреныя; кто ни ѣдетъ мимо—останавливается, кто проходитъ близко—тотъ заглядывается.

Случилось разъ: дѣвушки гуляли по саду; на ту пору ѣхалъ по полю баринъ—богатый, кудреватый, молоденькой. Увидѣлъ яблочки, затрогалъ дѣвушекъ: «дѣвицы-красавицы! говоритъ онъ; которая изъ васъ мнѣ яблочко поднесетъ, та за меня замужъ пойдетъ.» И бросились три сестры одна передъ другой къ яблонкѣ. А яблочки то висѣли низко, подъ руками были, а то вдругъ поднялись высоко-высоко, далеко надъ головами стали. Сестры хотѣли ихъ сбить—листья глаза засыпаютъ, хотѣли сорвать—сучья косы расплетаютъ; какъ ни бились, ни метались—ручки изодрали, а достать не могли. Подошла Хаврошичка, и вѣточки приклонились и яблочки опустились.

Баринъ на ней женился, и стала она въ добрѣ поживать, лиха не знавать.

(Записана въ курской губерніи.)

55.

БУРЕНУШКА.

Не-въ-какомъ царствѣ, не-въ-какомъ государствѣ былъ-жилъ царь съ царицею, и была у нихъ одна дочь Марья-царевна. А какъ умерла царица, то царь взялъ другую жену Ягишну. У Ягишны родилось двѣ дочери: одна—двоеглазая, а другая—троеглазая. Мачиха не залюбила Марьи-царевны, послала ее пасти коровушку-бурёнушку и дала ей сухую краюшку хлѣбца. Царевна пошла въ чистое поле, въ праву ножку бурёнушкѣ поклонилась—напилась, наѣлась, хорошо срядилась; за коровушкой-бурёнушкой цѣлой день ходитъ, какъ барыня. День прошелъ, она опять поклонилась ей въ праву ножку, разрядилась, пришла домой и краюшку хлѣба назадъ принесла, на столъ положила. «Чѣмъ сука жива живетъ?» думаетъ Ягишна; на другой день дала Марьѣ-царевнѣ ту-же самую краюшку и посылаетъ съ нею свою бóльшую дочь: «присмотри, чѣмъ Марья-царевна питается?» Пришли въ чистое поле; говоритъ Марья-царевна: «дай, сестрица, я поищу у тебя въ головкѣ.» Стала искать, а сама приговариваетъ: «спи-спи, сестрица! спи-спи, родима! спи-спи, глазокъ! спи-спи, другой!» Сестрица заснула, а Марья-царевна встала, подошла къ коровушкѣ-бурёнушкѣ, въ правую ножку поклонилась, напилась-наѣлась, хорошо срядилась, и ходитъ весь день, какъ барыня. Пришелъ вечеръ; Марья-царевна разрядилась, и говоритъ: «(в)ставай, сестрица! (в)ставай, родима! пойдемъ домой.»—Охти мнѣ! взгоревалась сестрица; я весь день проспала, ничего не ви-

дѣла; теперь мати забранитъ меня! Пришли домой; спрашиваетъ ее мати: «что пила, что ѣла Марья-царевна?»—Я ничего не видѣла. Ягишна заругалась на нее; поутру (в)стаетъ, посылаетъ троеглазую дочерь: «поди-ко, говоритъ, погляди, что она сука ѣс(т)ъ и пьетъ?» Пришли дѣвицы въ чистое поле бурёнушку пасти; говоритъ Марья-царевна: «сестрица! дай я тебѣ въ головушкѣ поищу.»—Поищи, сестрица! поищи, родима! Марья-царевна стала искать да приговаривать: «спи-спи, сестрица! спи-спи, родима! спи-спи, глазокъ! спи-спи, другой!» А про третій глазокъ позабыла; третій глазокъ глядитъ да глядитъ, что робитъ Марья-царевна. Она подбѣжала къ бурёнушкѣ, въ правую ножку поклонилась, напилась-наѣлась, хорошо срядилась; стало солнушко садиться—она опять поклонилась бурёнушкѣ, разрядилась, и ну будить троеглазую: «(в)ставай, сестрица! (в)ставай, родима! пойдемъ домой.» Пришла Марья-царевна домой, сухую краюшку на столъ положила. Стала мати спрашивать у своей дочери: «что она пьетъ и ѣс(т)ъ?» Троеглазая все и разсказала. Ягишна приказываетъ: «рѣжь, старикъ, коровушку-бурёнушку.» Старикъ зарѣзалъ; Марья-царевна проситъ: «дай, дѣдушко родимой, хоть гузённую кишочку мнѣ.» Бросилъ старикъ ей гузённую кишочку; она взяла, посадила ее къ вереѣ—выросъ ракитовъ кустъ, на немъ красуются сладкія ягодки, на немъ сидятъ разныя пташечки да поютъ пѣсни царскія и крестьянскія. Прослышалъ Иванъ-царевичъ про Марью-царевну, пришелъ къ ея мачихѣ, положилъ блюдо на столъ: «которая дѣвица нарветъ мнѣ полно блюдо ягодокъ, ту за себя замужъ возьму.» Ягишна послала свою бо̀льшую дочерь ягодъ брать; птички ее и близко не подпускаютъ, того и смотри—глаза выклюютъ; послала другую дочерь—и той не дали. Выпустила наконецъ Марью-царевну; Марья-царевна взяла блюдо и пошла ягодокъ брать; она беретъ, а мелкія пташечки вдвое да втрое на блюдо кладутъ; пришла,

поставила на столъ и царевичу поклонъ отдала. Тутъ веселымъ пиркомъ да за свадебку; взялъ Иванъ-царевичъ за себя Марью-царевну, и стали себѣ жить-поживать, добра наживать.

Долго ли, коротко ли жили, родила Марья-царевна сына. Захотѣлось ей отца навѣстить; поѣхала съ мужемъ къ отцу въ гости. Мачиха обворотила ее гусынею, а свою бо́льшую дочь срядила Ивану-царевичу въ жены. Воротился Иванъ-царевичъ домой. Старичокъ-пестунъ (в)стаетъ поутру ранёхонько, умывается бѣлёхонько, взялъ младенца на̀ руки и пошелъ въ чистое поле къ кусточку. Летятъ гуси, летятъ сѣрые. «Гуси вы мои, гуси сѣрые! гдѣ вы младёнаго [1]) матерь видали?»—Въ другомъ стадѣ. Летитъ другое стадо. «Гуси вы мои, гуси сѣрые! гдѣ вы младёнаго матерь видали?» Младёнаго матерь на землю скочила, кожухъ сдернула, другой сдернула, взяла младенца на̀ руки, стала грудью кормить, сама плачетъ: «сегодня покормлю, завтра покормлю, а послѣзавтра улечу за темные лѣса, за высокія горы!» Старичокъ пошелъ домой; паренёкъ спитъ до утра̀ безъ разбуду, а подмѣнённая жена бранится, что старичокъ въ чистое поле ходитъ, всего сына заморилъ! Поутру старичокъ опять (в)стаетъ ранёхонько, умывается бѣлёхонько, идетъ съ ребенкомъ въ чистое поле; и Иванъ-царевичъ всталъ, пошелъ невидимо за старичкомъ и забрался въ кустъ. Летатъ гуси, летятъ сѣрые. Старичокъ окликиваетъ: «гуси вы мои, гуси сѣрые! гдѣ младёнаго матку видали?»—Въ другомъ стадѣ. Летитъ другое стадо. «Гуси вы мои, гуси сѣрые! гдѣ вы младёнаго матерь видали?» Младёнаго матерь на землю скочила, кожу сдернула, другую сдернула, бросила на кустъ, и стала младёнаго грудью кормить, стала прощаться съ нимъ: «завтра улечу за темные лѣса, за высокія

[1]) Младенца.

горы!» Отдала младенца старику; «что, говоритъ, смородомъ [1]) пахнетъ?» Хотѣла было надѣвать кожи, хватилась—нѣтъ ничего; Иванъ-царевичъ спалилъ. Захватилъ онъ Марью-царевну; она обвернулась скакухой [2]), потомъ ящерицой и всякой гадиной, а послѣ всего веретёшечкомъ [3]). Иванъ-царевичъ переломилъ веретёшко надвое, пятку назадъ бросилъ, носокъ передъ себя— стала передъ нимъ молодая молодица. Пошли они вмѣстѣ домой. А дочь Ягишны кричитъ-реветъ: «разорительница идетъ! погубительница идетъ!» Иванъ-царевичъ собралъ князей и бояръ, спрашиваетъ: «съ которой женой поволите жить?» Они сказали: «съ первой.»—Ну, господа! которая жена скорѣе на ворота скочитъ, съ той и жить стану. Дочь Ягишны сейчасъ на ворота взлѣзла, а Марья-царевна только чапается [4]), а вверхъ не лѣзетъ. Тутъ Иванъ-царевичъ взялъ свое ружье и застрѣлилъ подмѣнённую жену, а съ Марьей-царевной сталъ по старому жить-поживать, добра наживать.

(Записана въ архангельской губерніи.)

56.

НОЧНЫЯ ПЛЯСКИ.

Былъ-жилъ король вдовой; у него было двѣнадцать дочерей, одна другой лучше. Кажную ночь уходили эти царевны, а куда?—невѣдомо; только что ни сутки—изнашивали по новой парѣ башмаковъ. Не наготовится король на нихъ обуви, и захотѣлось ему узнать, куда это онѣ по ночамъ уходятъ и что дѣлаютъ? Вотъ онъ сдѣлалъ пиръ, созвалъ со всѣхъ земель королей и королевичей, дворянъ и купцовъ и простыхъ людей, и спрашиваетъ: «не съумѣетъ ли кто разгадать ему эту загад-

[1]) Смрадомъ. [2]) Лягушкой (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 203).
[3]) Веретеномъ. [4]) Цѣпляется.

ку? Кто разгадаетъ—за того отдастъ любую дочь замужъ, да полцарства въ приданое.» Никто не берется узнать, гдѣ бываютъ по ночамъ королевны; вызвался одинъ бѣдной дворянинъ: «ваше королевское величество! я узнаю.»—Ладно, узнай! [1]) Послѣ бѣдной дворянинъ одумался и говоритъ самъ себѣ: «что я надѣлалъ? взялся узнать, а самъ ничего не вѣдаю! Если теперь не узнаю, вѣдь король меня подъ караулъ отдастъ.» Вы-

---

[1]) *Варіантъ:* Вызвался солдатъ. Приставилъ его король къ своимъ дочерямъ будто въ услуженіе: «смотри, говоритъ, не плошай!» Королевны обступили солдата, стали его угощать, виномъ подчивать: «пей, кавалеръ, сколько душѣ хочется!» А онъ тому и радъ; вино пьетъ да пѣсни поетъ; до того напился, что тутъ-же наземь повалился; всю ночь проспалъ, ничего какъ есть не видалъ. Поутру требуетъ король солдата: «что, братецъ, узналъ?»—Никакъ нѣтъ, ваше величество! «Ну, если еще въ двѣ ночи не узнаешь—велю тебя повѣсить!» Стало время идти къ вечеру; опять обступили королевны солдата и давай виномъ поить. Забылъ онъ про свою службу, напился пьянъ и проспалъ до утра. Говоритъ ему король: «смотри въ оба! остается тебѣ послѣдняя ночь; если и теперь проспишь—завтра на висѣлицѣ будешь.»—Слушаю, ваше величество! Пришелъ солдатъ къ королевнамъ; онѣ его спрашиваютъ: «что тебѣ батюшка сказалъ?»—Да что сказалъ! Коли къ утру во дворцѣ цвѣты не расцвѣтутъ, такъ велитъ меня повѣсить. «Хорошо тебѣ король загадалъ!»—Да, хорошо! Начали онѣ угощать солдата по-прежнему; а онъ думаетъ: «нѣтъ, не надуешь!» Сѣлъ за столъ, обѣдать—обѣдаетъ, а вино не пьетъ, за голенища льетъ; къ вечеру притворился пьянымъ и свалился со стула на полъ. «Кажись, опять напился!»—Нѣтъ, сестрицы! постойте, говоритъ старшая королевна; надо прежде испробовать. Схватила плеть и давай бить солдата: не вскочитъ ли? Солдатъ терпитъ и знаку не подаетъ—хоть на части изорви!... Какъ ушли царевны въ заклятое царство, солдатъ тотчасъ надѣлъ на себя шапку-невидимку да сапоги-скороходы, побѣжалъ за ними и живо нагналъ. Встрѣчаетъ ихъ царь, взялъ младшую королевну за бѣлыя руки, повелъ по саду, и началъ хвалиться: «у меня де есть такія диковинки, какихъ у васъ на томъ свѣтѣ нѣтъ! Вотъ боченокъ—хоть не великъ, всего полтора вершка, а вина изъ него, сколько хочешь, лей. Прекрасная королевна! дарю его тебѣ на память.» Она взяла боченокъ, а солдатъ тутъ-же укралъ его и положилъ къ себѣ въ ранецъ. Послѣ того царь подарилъ ей шкатулку: только стукни—тотчасъ откроется и всякія кушанья явятся, какихъ душѣ угодно! да еще тросточку: только махни—тотчасъ войско словно изъ земли выростетъ. Солдатъ укралъ и шкатулку и тросточку, и все въ ранецъ спряталъ...

шелъ изъ дворца за̀ городъ, идетъ—раскручинился-пригорюнился; попадается ему на встрѣчу старушка и спрашиваетъ: «о чемъ, доброй молодецъ, призадумался?» Онъ въ отвѣтъ: «какъ мнѣ, бабушка, не призадуматься? взялся я у короля провѣдать, куда его дочери по ночамъ уходятъ...»—Да, это дѣло трудное! только узнать можно. Вотъ тебѣ шапка-невидимка, съ нею чего не высмотришь! Да помни: какъ будешь спать ложиться, королевны подадутъ тебѣ сонныхъ капель испить; а ты повернись къ стѣнѣ и вылей въ постель, а пить не моги! Бѣдной дворянинъ поблагодарилъ старуху и воротился во дворецъ. Время къ ночи подходитъ; отвели ему комнату рядомъ съ тою, въ которой королевны почивали. Прилёгъ онъ на постель, а самъ сторожить собирается. Тутъ приноситъ одна королевна сонныхъ капель въ винѣ и проситъ выпить за ея здоровье. Не могъ отказаться, взялъ чарку, оборотился къ стѣнѣ и вылилъ въ постель. Въ самую полночь пришли королевны посмотрѣть: спитъ ли онъ? Бѣдной дворянинъ притворился, будто крѣпко, безпробудно спитъ, а самъ за всякимъ шорохомъ слѣдитъ. «Ну, сестрицы! наша стража заснула; пора намъ на гульбище идти.»—Пора! пора! Вотъ нарядились въ лучшіе свои наряды; старшая сестра подошла къ своей кровати, отодвинула ее—и вдругъ открылся ходъ въ подземное царство къ заклятому царю. Стали онѣ спускаться по лѣстницѣ; бѣдной дворянинъ всталъ потихоньку съ кровати, надѣлъ на себя шапку-невидимку и пошелъ за ними. Наступилъ нечаянно младшей королевнѣ на платье; она испугалась, сказала сестрамъ: «ахъ, сестрицы! будто кто на мое платье наступилъ; эта примѣта бѣду намъ пророчитъ.»—И, полно! ничего не будетъ. Спустились съ лѣстницы въ рощу, въ той рощѣ золотые цвѣты ростутъ. Бѣдной дворянинъ взялъ-сломилъ одну вѣточку—вся роща зашумѣла. «Ахъ, сестрицы! говоритъ младшая королевна; что-то недоброе намъ сулитъ! слышите, какъ роща шу-

митъ?»—Не бойся; это у заклятаго царя музыка гремитъ! Приходятъ онѣ во дворецъ, встрѣчаетъ ихъ царь съ придворными; заиграла музыка, и начали танцовать; до тѣхъ поръ танцовали, пока башмаки изорвали. Велѣлъ царь вино наливать да гостямъ разносить. Бѣдной дворянинъ взялъ съ подноса одинъ бокалъ, вино выпилъ, а бокалъ въ карманъ сунулъ. Кончилось гулянье; королевны распростились съ кавалерами, обѣщались и на другую ночь прійдти; воротились домой, раздѣлись и легли спать. Поутру призываетъ король бѣднаго дворянина: «что — укараулилъ ты моихъ дочерей?» — Укараулилъ, ваше величество! «Куда-жъ онѣ ходятъ?»—Въ подземное царство къ заклятому царю; тамъ всю ночь танцуютъ. Король позвалъ дочерей, началъ ихъ допрашивать: «гдѣ вы ночью были?» Королевны запираются: «нигдѣ не были!»—А у заклятаго царя не были? вотъ бѣдной дворянинъ на васъ показываетъ, уличить васъ хочетъ. «Гдѣ-жъ ему, батюшка, уличить насъ, когда онъ всю ночь мертвымъ сномъ проспалъ?» Бѣдной дворянинъ вынулъ изъ кармана золотой цвѣтокъ и бокалъ: «вотъ, говоритъ, и улика на лицо!» Что тутъ дѣлать? сознались королевны отцу; король велѣлъ засыпать ходъ въ подземное царство, а бѣднаго дворянина женилъ на младшей дочери, и стали всѣ они счастливо жить да быть.

(Записана въ оренбургской губерніи.)

57.

ВѢДЬМА И СОЛНЦЕВА СЕСТРА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, далекомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицей; у нихъ былъ сынъ Иванъ-царевичъ, съ роду нѣмой. Было ему лѣтъ двѣнадцать, и пошелъ онъ разъ въ конюшню къ любимому своему конюху. Конюхъ этотъ сказывалъ ему завсегда сказки, и теперь Иванъ-царевичъ пришелъ по-

слушать отъ него сказочки, да не то услышалъ. «Иванъ-царевичъ! сказалъ конюхъ; у твоей матери скоро родится дочь, а тебѣ сестра; будетъ она страшная вѣдьма, съѣстъ и отца, и мать, и всѣхъ подначальныхъ людей; такъ ступай попроси у отца что ни есть наилучшаго коня—будто покататься, и поѣзжай отсюдова, куда глаза глядятъ, коли хочешь отъ бѣды избавиться.» Иванъ-царевичъ прибѣжалъ къ отцу и съ роду впервой заговорилъ съ нимъ; царь такъ этому возрадовался, что не сталъ и спрашивать: зачѣмъ ему доброй конь надобенъ? тотчасъ приказалъ что̀ ни есть наилучшаго коня изъ своихъ табуновъ оседлать для царевича. Иванъ-царевичъ сѣлъ и поѣхалъ, куда глаза глядятъ. Долго-долго онъ ѣхалъ; наѣзжаетъ на двухъ старыхъ швей, и проситъ, чтобъ онѣ взяли его съ собой жить. Старухи сказали: «мы бы рады тебя взять, Иванъ-царевичъ! да намъ ужь немного жить. Вотъ доломаемъ сундукъ иголокъ да изошьемъ сундукъ нитокъ—тотчасъ и смерть прійдетъ!» Иванъ-царевичъ заплакалъ и поѣхалъ дальше. Долго-долго ѣхалъ; подъѣзжаетъ къ Вертодубу и проситъ: «прійми меня къ себѣ!»—Радъ бы тебя принять, Иванъ-царевичъ! да мнѣ жить остается немного: вотъ какъ повыдерну всѣ эти дубы съ кореньями — тотчасъ и смерть моя! Пуще прежняго заплакалъ царевичъ и поѣхалъ все дальше да дальше. Подъѣзжаетъ къ Вертогору; сталъ его просить, а онъ въ отвѣтъ: «радъ бы принять тебя, Иванъ-царевичъ! да мнѣ самому жить немного. Видишь, поставленъ я горы ворочать; какъ справлюсь съ этими послѣдними — тутъ и смерть моя!» Залился Иванъ-царевичъ горькими слезами и поѣхалъ еще дальше. Долго-долго ѣхалъ; пріѣзжаетъ наконецъ къ Солнцевой сестрицѣ. Она его приняла къ себѣ, кормила-поила, какъ за роднымъ сыномъ ходила. Хорошо было жить царевичу; а все нѣтъ-нѣтъ, да и сгрустнётся: захочется узнать, что въ родномъ дому дѣется? Взойдетъ бывало на высокую гору, посмотритъ на свой дворецъ,

и видитъ, что все съѣдено, только стѣны осталися! Вздохнетъ и заплачетъ. Разъ эдакъ посмотрѣлъ да поплакалъ—воротился, а Солнцева сестра спрашиваетъ: «отчего ты, Иванъ-царевичъ, нонче заплаканной?» Онъ говоритъ: «вѣтромъ въ глаза надуло.» Въ другой разъ опять тоже; Солнцева сестра взяла да и запретила вѣтру дуть. И въ третій разъ воротился Иванъ-царевичъ заплаканной; да ужь дѣлать нечего—пришлось во всемъ признаваться, и сталъ онъ просить Солнцеву сестрицу, чтобъ отпустила его, добра молодца, на родину понавѣдаться. Она его не пускаетъ, а онъ ее упрашиваетъ; наконецъ упросилъ таки, отпустила его на родину понавѣдаться и дала ему на дорогу щетку, гребенку да два моложавыхъ яблочка: какой бы ни былъ старъ-человѣкъ, а съѣстъ яблочко—мигъ помолодѣетъ! Пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ Вертогору, всего одна гора осталась; онъ взялъ свою щетку и бросилъ во чисто̀ поле: откуда ни взялись—вдругъ выросли изъ земли высокія-высокія горы, верхушками въ небо упираются; и сколько тутъ ихъ — видимо-невидимо! Вертогоръ обрадовался и весело принялся за работу. Долго ли, коротко ли — пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ Вертодубу, всего три дуба осталося; онъ взялъ гребенку и кинулъ во чисто̀ поле: откуда что̀—вдругъ зашумѣли, поднялись изъ земли густые дубовые лѣса! дерево дерева толще! Вертодубъ обрадовался, благодарствовалъ царевичу и пошелъ столѣтніе дубы выворачивать. Долго ли, коротко ли — пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ старухамъ, далъ имъ по яблочку; онѣ съѣли, мигъ помолодѣли и подарили ему хусточку [1]): какъ махнешь хусточкой—станетъ позади цѣлое озеро! Пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ домой; сестра выбѣжала, встрѣтила его, приголубила; «сядь, говоритъ, братецъ! поиграй на гуслахъ, а я пойду — обѣдъ приготовлю.» Царевичъ сѣлъ и бренчитъ на гуслахъ; выползъ изъ норы мышенокъ и говоритъ ему человѣ-

[1]) Платокъ.

ческимъ голосомъ: «спасайся, царевичъ, бѣги скорѣе! твоя сестра ушла зубы точить.» Иванъ-царевичъ вышелъ изъ горницы, сѣлъ на коня и поскакалъ назадъ; а мышенокъ по струнамъ бѣгаетъ: гусли брянчатъ, а сестра и не вѣдаетъ, что братецъ ушелъ. Наточила зубы, бросилась въ горницу, глядь —нѣтъ ни души, только мышенокъ въ нору скользнулъ. Разозлилась вѣдьма, такъ и скрипитъ зубами! и пустилась въ погоню. Иванъ-царевичъ услыхалъ шумъ, оглянулся — вотъ-вотъ нагонитъ сестра, махнулъ хусточкой—и стало глубокое озеро. Пока вѣдьма переплыла озеро, Иванъ-царевичъ далеко уѣхалъ. Понеслась она еще быстрѣе... вотъ ужь близко! Вертодубъ угадалъ, что царевичъ отъ сестры спасается, и давай вырывать дубы да валить на дорогу; цѣлую гору накидалъ! нѣтъ вѣдьмѣ проходу! Стала она путь прочищать, грызала-грызала, насилу продралась, а Иванъ-царевичъ ужь далеко. Бросилась догонять, гнала-гнала; еще немножко... и уйдти нельзя! Вертогоръ увидалъ вѣдьму, ухватился за самую высокую гору и повернулъ ее какъ разъ на дорогу, а на ту гору поставилъ другую. Пока вѣдьма карабкалась да лѣзла, Иванъ-царевичъ ѣхалъ да ѣхалъ, и далеко очутился. Перебралась вѣдьма черезъ горы и опять погнала за братомъ... Завидѣла его и говоритъ: «теперь не уйдешь отъ меня!» Вотъ близко, вотъ нагонитъ! Въ то самое время подскакалъ Иванъ-царевичъ къ теремамъ Солнцевой сестрицы и закричалъ: «Солнце, Солнце! отвори оконце.» Солнцева сестрица отворила окно, и царевичъ вскочилъ въ него вмѣстѣ съ конемъ. Вѣдьма стала просить, чтобъ ей выдали брата головою; Солнцева сестра ее не послушала и не выдала. Тогда говоритъ вѣдьма: «пусть Иванъ-царевичъ идетъ со мной на вѣсы, кто кого перевѣситъ! если я перевѣшу—такъ я его съѣмъ, а если онъ перевѣситъ—пусть меня убьетъ!» Пошли; сперва сѣлъ на вѣсы Иванъ-царевичъ, а потомъ и вѣдьма полѣзла: только ступила ногой, такъ Ива-

на-царевича вверхъ и подбросило, да съ такою силою, что онъ прямо попалъ на небо, къ Солнцевой сестрѣ въ терема; а вѣдьма-змѣя осталась на землѣ.

(Записана на Украйнѣ.)

58.

НЕСМѢЯНА-ЦАРЕВНА.

Какъ подумаешь, куда великъ божій свѣтъ! живутъ въ немъ люди богатые и бѣдные, и всѣмъ имъ просторно, и всѣхъ ихъ призираетъ и разсуждаетъ Господь. Живутъ роскошные — и празднуютъ; живутъ горемычные—и трудятся; каждому своя доля!

Въ царскихъ палатахъ, въ княжьихъ чертогахъ, въ высокомъ терему красовалась Несмѣяна-царевна. Какое ей было житье, какое приволье, какое роскошье! всего много, все есть, чего душа хочетъ; а никогда она не улыбалась, никогда не смѣялась, словно сердце ея ничему не радовалось.

Горько было царю-отцу глядѣть на печальную дочь. Открываетъ онъ свои царскія палаты для всѣхъ, кто пожелаетъ быть его гостемъ. «Пускай, говоритъ, пытаются развеселить Несмѣяну-царевну; кому удастся, тому она будетъ женою.» Только это вымолвилъ, какъ закипѣлъ народъ у княжьихъ воротъ! со всѣхъ сторонъ ѣдутъ, идутъ—и царевичи и княжевичи, и бояре и дворяне, полковые и простые; начались пиры, полились меды—царевна все не смѣется!—На другомъ концѣ, въ своемъ уголкѣ жилъ честной работникъ; по утрамъ онъ дворъ убиралъ, вечерами скотъ пасалъ [1]), въ безпрестанныхъ былъ

---

[1]) Пасъ.

трудахъ. Хозяинъ его—человѣкъ богатой, правдивой, платою не обижалъ. Только покончился годъ, онъ ему мѣшокъ денегъ на столъ: «бери, говоритъ, сколько хочешь!» а самъ въ двери и вышелъ вонъ. Работникъ подошелъ къ столу, и думаетъ: какъ-бы передъ Богомъ не согрѣшить, за труды лишняго не положить? выбралъ одну только денежку, зажалъ ее въ горсть, да вздумалъ водицы напиться, нагнулся въ колодезь—денежка у него выкатилась и потонула на дно. Остался бѣднякъ не при чемъ. Другой бы на его мѣстѣ заплакалъ, затужилъ и съ досады-бъ руки сложилъ, а онъ нѣтъ: «все, говоритъ, Богъ посылаетъ; Господь знаетъ кому что̀ давать, кого деньгами надѣляетъ, у кого послѣднія отнимаетъ. Видно, я худо рачилъ, мало трудился, теперь стану усерднѣй!» И снова за работу — каждое дѣло въ его рукахъ огнемъ горитъ! Кончился срокъ, минулъ еще годъ, хозяинъ ему мѣшокъ денегъ на столъ: «бери, говоритъ, сколько душа хочетъ!» а самъ въ двери и вышелъ вонъ. Работникъ опять думаетъ, чтобъ Бога не прогнѣвить, за трудъ лишняго не положить; взялъ денежку, пошелъ напиться и выпустилъ невзначай изъ рукъ — денежка въ колодезь и потонула. Еще усерднѣе принялся онъ за работу: ночь не досыпаетъ, день не доѣдаетъ. Поглядишь: у кого хлѣбъ сохнетъ, желтѣетъ, а *въ* (у) его хозяина все бутѣетъ; чья скотина ноги завиваетъ, а его по улицѣ брыкаетъ; чьихъ коней по̀дъ гору тащатъ, а его и въ поводу не сдержать. Хозяинъ разумѣлъ, кого благодарить, кому спасибо говорить. Кончился срокъ, миновалъ третій годъ, онъ кучу денегъ на столъ: «бери, работничекъ, сколько душа хочетъ; твой трудъ, твоя и деньга!» а самъ вышелъ вонъ. Беретъ работникъ опять одну денежку, идетъ къ колодезю воды испить—глядь: послѣдняя деньга цѣла и прежнія двѣ наверхъ выплыли. Подобралъ онъ ихъ, догадался, что Богъ его за труды наградилъ; обрадовался и думаетъ: «пора мнѣ бѣлъ свѣтъ поглядѣть, людей распознать!» Подумалъ

и пошелъ, куда глаза глядятъ. Идетъ онъ полемъ, бѣжитъ мышь: «ковалёкъ, дорогой куманёкъ! дай денежку; я тебѣ сама пригожусь!» Далъ ей денежку. Идетъ лѣсомъ, ползетъ жукъ: «ковалёкъ, дорогой куманёкъ! дай денежку; я тебѣ самъ пригожусь!» Далъ и ему денежку. Поплылъ рѣкой, встрѣлся сомъ: «ковалёкъ, дорогой куманёкъ! дай денежку, я тебѣ самъ пригожусь!» Онъ и тому не отказалъ, послѣднюю отдалъ. Самъ пришелъ въ городъ; тамъ людей, тамъ дверей! заглядѣлся, завертѣлся работникъ на всѣ стороны, куда идти не знаетъ. А передъ нимъ стоятъ царскія палаты, сребромъ-золотомъ убраты, у окна Несмѣяна-царевна сидитъ и прямо на него глядитъ. Куда дѣваться? затуманилось у него въ глазахъ, нашелъ на него сонъ и упалъ онъ прямо въ грязь. Откуда ни взялся сомъ съ большимъ усомъ, за нимъ жучокъ-старичокъ, мышка-стрижка; всѣ прибѣжали. Ухаживаютъ, ублаживаютъ: мышка платьице снимаетъ, жукъ сапожки очищаетъ, сомъ мухъ отгоняетъ. Глядѣла-глядѣла на ихъ услуги Несмѣяна-царевна, и засмѣялась. «Кто, кто развеселилъ мою дочь?» спрашиваетъ царь. Тотъ говоритъ: я; другой: я. — Нѣтъ! сказала Несмѣяна-царевна; вонъ этотъ человѣкъ! и указала на работника. Тотчасъ его во дворецъ, и сталъ работникъ передъ царскимъ лицомъ молодецъ-молодцомъ! Царь свое царское слово сдержалъ: что обѣщалъ, то и даровалъ. Я говорю: не во снѣ ли это работнику снилось? Завѣряютъ, что нѣтъ, истинная правда была — такъ надо вѣрить.

(Записана въ курской губерніи.)

59.

АЛЁША-ПОПОВИЧЪ.

На небесахъ зародился младъ-свѣтёлъ мѣсяцъ, на землѣ-то у стараго соборнаго у Леонтья-попа зародился сынъ—могучій

богатырь; а имя нарекли ему младъ Алёша-Поповичъ—имячко хорошенькое. Стали Алёшу кормить-поить: у кого недѣльной, онъ денной такой; у новы̀хъ [1]) годовой, Алёша недѣльной такой. Сталъ Алёша по улочкѣ похаживати, сталъ съ малыми ребитками поигрывати: кого возьметъ за ручку—ручка прочь, кого за ножку—ножка прочь; игра-то у него некорыстно пошла! кого за серёдку [2]) возьметъ—живота лишитъ. И сталъ Алёша на возрастѣ; учалъ у отца-матери просить благословеньеца: ѣхать-гулять во чисто̀ поле. Отецъ говоритъ: «Алёша-Поповичъ! поѣзжаешь ты во чисто̀ поле; есть у насъ и посильнѣй тебя; ты возьми себѣ въ слу̀ги вѣрные Мары̀шка Паранова сына.» И садились добры мо̀лодцы на добрыхъ коней; какъ поѣхали они во чисто̀ поле—пыль столбомъ закурилася: только добрыхъ мо̀лодцевъ и видѣли!

Прiѣзжали добры мо̀лодцы ко князю ко Владимiру; тутъ Алёша-Поповичъ прямью̀ [3]) идетъ въ бѣлокаменны палаты ко князю ко Владимiру, крестъ кладетъ по писанному, покланяется по ученому на всѣ на четыре стороны, а князю Владимiру на особицу. И стрѣтаетъ добрыхъ мо̀лодцевъ Владимiръ-князь, и сажаетъ ихъ за дубовый столъ: хорошо добрыхъ мо̀лодцевъ попоить-покормить и втапоръ вѣстей поспросить; уча̀ли добры мо̀лодцы ѣсть пряники печатные, запивать винами крѣпкими. Тутъ спросилъ добрыхъ мо̀лодцевъ Владимiръ-князь: «кто вы, добры мо̀лодцы? сильные ли богатыри удалые, или путники перехожiе-сумки перемётныя? Не знаю я вамъ ни имени, ни отчины.» Отвѣтъ держитъ Алёша-Поповичъ: «я сынъ стараго соборнаго Леонтья-попа Алёша-Поповичъ младъ, а въ товарищахъ слуга Марышко Парановъ сынъ.» Какъ поѣлъ да попилъ Алёша-Поповичъ, учалъ пра̀виться на кирпичну печь, лёгъ полудновать [4]), а Марышко за столомъ сидитъ. Въ тѣ

---

[1]) Т. е. иныхъ. [2]) Поперёгъ. [3]) Прямо.

[4]) Отдыхать послѣ полудня (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 168).

поры да въ то времячко наѣзжалъ Змѣевичъ-богатырь и облатынилъ все царство князя Владиміра. Идетъ Тугаринъ-Змѣевичъ въ палаты бѣлокаменны ко князю Владиміру; онъ лѣвой ногой на порогъ ступилъ, а правой ногой за дубовый столъ; онъ пьетъ и ѣстъ и съ княгиней обнимается, а надъ княземъ Владиміромъ играется и ругается; онъ кладетъ ковригу за щеку, а другую за другую кладетъ; на языкъ кладетъ цѣлаго лебедя, пирогомъ попихнулъ — все вдругъ проглотнулъ. Лежитъ Алёша-Поповичъ на кирпичной печѝ и говоритъ такія рѣчи Тугарину-Змѣевичу: «было у нашего у батюшки у стараго у Леонтья-попа—было коровищё, было обжорищё, ходило по пивоварнямъ и съѣдало цѣлыя кадцы пивоварныя съ гущею; дошло коровищё, дошло обжорищё до озера, всю воду изъ озера выпило — взяло его тутъ и ро̀зорвало; а и тебя бы Тугарина такъ за столомъ-то всего прѝрвало!» Разсердился Тугаринъ на Алёшу-Поповича, бросилъ въ его булатнымъ ножемъ; Алёша-Поповичъ увертливъ былъ, увернулся отъ его за дубовый столбъ. Говоритъ Алёша таково слово: «спасибо тебѣ, Змѣевичъ-Тугаринъ-богатырь; подалъ ты мнѣ булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я тебѣ очи ясныя, засмотрю я твоего ретива̀ сердца.» Въ тѣ поры выскакалъ Марышко Парановъ сынъ изъ-за стола изъ-за дубоваго на рѣзвы ноги и хваталъ Тугарина за ва̀вороть, выхватилъ изъ-за стѐлья и бросилъ о палату бѣлокаменну—и посыпались оконницы стекольчатыя. Какъ возго̀воритъ Алёша-Поповичъ съ кирпичной печи: «ой ты Марышко, Марышко, Парановъ сынъ, ты вѣрная слуга неизмѣнная!» Отвѣчаетъ Марышко Парановъ сынъ: «подай-ка ты мнѣ, Алёша-Поповичъ, булатный ножъ; распорю я Тугарину-Змѣевичу груди бѣлыя, застелю я ему очи ясныя, засмотрю его ретива сердца.» Отвѣтъ держитъ Алёша съ кирпичной печи: «охъ ты, Марышко Парановъ сынъ! не рудѝ [1]) ты палатъ-то

[1]) Не марай (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 193).

бѣлокаменныхъ, отпусти его во чисто̀ поле; некудѣ онъ тамъ дѣвается; съѣдемся съ нимъ заутро во чистомъ полѣ.»

Поутру ранымъ-ранёшенько подымался вмѣстахъ съ солнышкомъ Марышко Парановъ сынъ, выводилъ онъ рѣзвыхъ коней пить воды на быстру рѣку. Летаетъ Тугаринъ-Змѣевичъ по поднебесью и проситъ Алёшу-Поповича во чисто̀ поле. И пріѣзжалъ Марышко Парановъ сынъ къ Алёшѣ-Поповичу: «Богъ тебѣ судья, Алёша-Поповичъ! не далъ ты мнѣ булатнаго ножа; распоролъ бы я поганцу груди бѣлыя, застлалъ бы я его очи ясныя, высмотрѣлъ бы я его ретива сердца; теперя что̀ возьмешь у него у Тугарина? летаетъ онъ по поднебесью.» Говоритъ Алёша таково слово: «не замѣна моя, все измѣна!» Выводилъ Алёша своего добра коня, обсѣдлалъ во черкаское сѣдло, подтянулъ двѣнадцатью подпругами шелковыми — не ради басы [1]), ради крѣпости; поѣхалъ Алёша во чисто̀ поле. Ѣдетъ Алёша по чисту полю и видитъ Тугарина-Змѣевича: онъ летаетъ по поднебесью. И взмолился Алёша-Поповичъ: «пресвятая мати Богородица! накажи-ко ты тучу чорную; дай Богъ изъ тучи чорной часта дождичка крупенистаго! смочило бы у Тугарина крыльица бумажныя.» У Алёши была мольба доходная: накатилася туча чорная; изъ той тучи грозной далъ Богъ дождичка частаго. частаго да крупенистаго, и смочило у Тугарина крыльица бумажныя; палъ онъ на сыру землю и поѣхалъ по чисту полю. Не двѣ горы вмѣстѣ скатаются, то Тугаринъ съ Алёшей съѣзжалися; палицами ударились—палицы по чйвьямъ [2]) поломалися, копьями соткнулися—копья по чйвьямъ изверну лися, саблями махнулися—сабли изщербилися. Тутъ-то Алёша-Поповичъ валился съ сѣдла, какъ овсяной снопъ; и тутъ Тугаринъ-Змѣевичъ учалъ бить Алёшу-Поповича, а тотъ-ли Алёша увертливъ былъ, увернулся Алёша подъ

---

[1]) Красоты, щегольства (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 7).

[2]) Чивье—рукоятка (ibidem, стр. 257).

конное чёрево, съ другой стороны вывернулся изъ-подъ черева и ударилъ Тугарина булатнымъ ножомъ подъ правую пазуху, и спихнулъ Тугарина со добра коня, и учалъ Алёша-Поповичъ кричать Тугарину: «спасибо тебѣ, Тугаринъ-Змѣевичъ, за булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я твои очи ясныя, засмотрю я твоего ретива сердца.» Отрубилъ ему Алёша буйну голову, и повёзъ онъ буйну голову ко князю ко Владиміру; ѣдетъ да головушкой поигрываетъ, высоко головушку вымётываетъ, на востро копье головушку подхватываетъ. Тутъ Владиміръ оползхнулся [1]): «везетъ де Тугаринъ буйну голову Алёши-Поповича! Поплѣнитъ онъ теперь наше царство христіанское!» Отвѣтъ держитъ Марышко Парановъ сынъ: «не тужи ты, красно солнышко-Владиміръ стольный, кіевскій! Если ѣдетъ по земли, а не летаетъ по поднебесью поганый Тугаринъ, сложитъ онъ свою буйну голову на мое копье булатное; не печалуйся, князь Владиміръ: какова порà — я съ нимъ побрàтаюсь!» Посмотрѣлъ тутъ Марышко Парановъ сынъ въ трубочку подзорную, опозналъ онъ Алёшу-Поповича: «вижу я ухватку богатырскую, поступку молодецкую: вкругото Алёша коня поворачиваетъ, головушкой поигрываетъ, высоко головушку вымётываетъ, на востро копье головушку подхватываетъ. Ѣдетъ это не Тугаринъ поганый, а Алёша-Поповичъ, сынъ Левтья-попа стараго соборнаго; везетъ онъ головушку поганаго Тугарина-Змѣевича.»

(Записана въ Шенкурскѣ, архангельской губерніи, г. Харитоновымъ.)

60

ДАНИЛО БЕЗСЧАСТНОЙ. [2])

Во городѣ Кіевѣ у нашего князя Владиміра много слугъ и крестьянъ, да былъ при немъ Данило-Безсчастной-двора-

---

[1]) Испугался, устрашился. [2]) Сличи съ № 61.

нимъ: придетъ день воскресной — Владиміръ-князь всѣмъ по рюмкѣ горькаго подастъ, а ему въ горбъ да въ горбъ; придетъ большой праздникъ—кому награда, а ему все ничего! Наканунѣ было Свѣтлаго Воскресенія, во страстную субботу зоветъ Владиміръ-князь Данилу Безсчастнаго, отдаетъ ему на руки сорокъ сороковъ соболей, велитъ къ празднику шубу сшить: соболь не дѣланъ, пуговицы не литы, петли не виты; въ пуговицахъ наказано лѣсныхъ звѣрей *заливать*, въ петляхъ заморскихъ птицъ *зашивать*. [1]) Опостылѣла Данилѣ Безсчастному работа, бросилъ—пошелъ за ворота, пошелъ ни путемъ ни дорогою и слезно плачетъ. Идетъ ему на встрѣчу старая старуха: «(с)мотри, Данило, не распороть бы те брюха! О чемъ ты, Безсчастной, плачешь?»—Ахъ ты, старая пузырница—пузырёмъ ж... заплачена, лихорадкой подхвачена! поди прочь, мнѣ не до тебя! Отошелъ немного и думаетъ: «зачѣмъ я ее разбранилъ!» Сталъ къ ней подходить и такія рѣчи говорить: «бабушка-голубушка! прости меня; вотъ мое горе: далъ мнѣ Владиміръ-князь сорокъ сороковъ недѣланныхъ соболей, чтобъ заутра шуба поспѣла; были бы часты пуговицы литыя, шелковыя петли витыя; въ пуговицахъ были бы львы золотые, а въ петляхъ были бы птицы заморскія завитыя—ѣли бы, распѣвали! А гдѣ мнѣ того взять? Лучше за стойкой чарку водки держать!» Говоритъ ему старуха-заплатано брюхо: «а, теперь бабушка-голубушка! поди-же ты къ синему морю, стань у сыраго дуба; въ самую полночь синё море всколыхается, выйдетъ къ тебѣ Чудо-Юда, морская гу̀ба, безъ рукъ, безъ ногъ, съ сѣдой бородою; ухвати его за̀ бороду и бей по тѣхъ поръ, пока Чудо-Юда спроситъ: за что ты, Данило Безсчастной, бьешь меня? а ты отвѣчай: хочу, чтобъ явилась передо мной Лебедь-птица, красная дѣвица! [2]) сквозь перьевъ

---

[1]) Вмѣсто: выливать, вышивать. [2]) Въ другомъ спискѣ вмѣсто этого выраженія стоитъ: Лебедь Страховна.

бы тѣло виднѣлось, сквозь тѣла бы кости казались, сквозь костей бы въ примѣту было, какъ изъ косточки въ косточку мозгъ переливается, словно жемчугъ пересыпается.» Пришелъ Данило Безечастной къ синю морю, сталъ у сырà дуба. Въ самую полночь синё море всколыхалося, вышло къ нему Чудо-Юда, морская гу̀ба, безъ рукъ, безъ ногъ—одна борода сѣдая! Ухватилъ его Данило за ту бороду и принялся бить о сырую землю. Спрашиваетъ Чудо-Юда: «за что ты бьешь меня, Данило Безечастной?»—А вотъ за что: дай мнѣ Лебедь-птицу, красную дѣвицу! сквозь перьевъ бы тѣло виднѣлось, сквозь тѣла бы—косточки, а изъ косточки въ косточку мозгъ бы переливался, словно жемчугъ пересыпался.

Чрезъ малое время плыветъ Лебедь-птица, красная дѣвица; приплываетъ къ берегу [1]) и говоритъ таково слово: «что, Данило Безечастной, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?» —Ахъ, Лебедь-птица, красная дѣвица! гдѣ отъ дѣла лытаю, а гдѣ вдвое пытаю. Вотъ Владиміръ-князь далъ мнѣ шубу сшить: соболь не дѣланъ, пуговицы не литы, петли не виты! «Возьмешь ли меня за себя? втѣпоры все будетъ сдѣлано!» Началъ онъ думу думать: какъ возьму ее за себя? «Ну, Данило, что думаешь?»—Нечего дѣлать, возьму за себя. Она крылушками махнула, головкой кивнула—вышли двѣнадцать молодцевъ, все плотники, пильщики, каменщики, и принялись за работу: сейчасъ и домъ готовъ! [2]) Берётъ ее Данило за правую руку, цѣлуетъ во уста сахарныя и ведётъ въ палаты княжескія; сѣли они за столъ, пили-ѣли, прохлаждалися, за однимъ столомъ обручалися. «Теперь, Данило, ложись-почивай, ни о чемъ не помышляй! все будетъ готово.» Уложила его спать, сама вышла на хрустальной крылецъ, крылушками махнула, головкой

---

[1]) *Вар.* къ дородному молодцу. [2]) *Варіантъ:* Говоритъ она: «повернись ко мнѣ бѣлымъ лицомъ, станемъ строить княженецкой домъ, да встряхни кудрями, чтобъ были наши палаты съ углами!»

тряхнула: «родимой мой батюшка! подавай мнѣ своихъ мастеровъ.» Явились двѣнадцать молодцевъ и спрашиваютъ: «Лебедь-птица, красная дѣвица! что прикажешь дѣлать?»—Сейчасъ сшейте мнѣ шубу: соболи не дѣланы, пуговицы не литы, петли не виты. Принялись за работу: кто соболь дѣлаетъ да шубу шьетъ, кто куетъ—пуговицы льетъ, а кто петли вьетъ, и вмигъ шуба на диво сработана. Лебедь-птица, красная дѣвица, подходитъ и будитъ Данилу Безсчастнаго: «вставай, милой другъ! шуба готова, а въ городѣ Кіевѣ у князя Владиміра слышенъ благовѣстъ; время тебѣ подняться, къ заутренѣ убраться.» Данило всталъ, надѣлъ шубу и пошелъ. Она глянула въ окошечко, остановила, дала ему серебрену трость, и наказываетъ: «какъ выйдешь отъ заутрени — ударь ею въ грудь [1]); весело птицы запоютъ, грозно львы заревутъ. Ты сымай шубу съ своихъ плечъ да уряди князя Владиміра въ тотъ часъ, не забывалъ бы онъ насъ. Станетъ онъ тебя въ гости звать, станетъ чару вина подавать—не пей чару до дна, а выпьешь до дна—не увидишь добра! Да не хвалися ты мною; не хвалися, что за едину ночь домъ построили съ тобою.» Данило взялъ трость и отправился: она опять его воротила, подаетъ ему три яичка: два серебреныя, одно золотое, и говоритъ: «серебреными похристосуйся со княземъ, со княгинею, а золотымъ — съ кѣмъ тебѣ вѣкъ прожить.» Распростился съ нею Данило Безсчастной и пошелъ къ заутренѣ. Всѣ люди удивляются: «вотъ Данило Безсчастной каковъ! и шуба поспѣла у него къ празднику.» Послѣ заутрени подходитъ онъ ко князю со княгинею, началъ христосоваться, и вынулъ нечаянно золотое яйцо. Увидалъ это Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ. Стали расходиться изъ церкви, Данило Безсчастной ударилъ себя въ грудь серебреной тростью — птицы запѣли,

---

[1]) *Вар.* «Стань на правомъ крылосѣ; на отходѣ заутрени свои руки подыми, по собольей шубѣ поведи—весело птицы запоютъ...»

львы заревѣли, всѣ удивляются, на Данилу глядятъ; а Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ, перерядился нищимъ-калѣкою и проситъ святой милостинки. Всѣ ему подаютъ, только одинъ Данило Безсчастной стоитъ да думаетъ: что я-то подамъ? нѣтъ ничего! Ради праздника великаго подалъ ему золотое яичко. Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ, взялъ то золотое яйцо, и переодѣлся во свое платье прежнее. Владиміръ-князь позвалъ всѣхъ къ себѣ на закуску. Вотъ они пили-ѣли, прохлаждалися, собой величалися. Данило пьянъ напивается, съ-пьяну женой похваляется. Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ, сталъ на пиру хвастаться, что онъ знаетъ Данилину жену; а Данило говоритъ: «коли ты знаешь мою жену — мнѣ рубить голову, а коли не знаешь — тебѣ рубить голову!»

Пошелъ Алёша — куды глаза глядятъ; идетъ да плачетъ. Попадается ему на встрѣчу старая старуха: «о чемъ ты плачешь, Алёша Поповичъ?» — Отойди, старуха-пузырница! мнѣ не до тебя. «Ладно же, пригожусь и я тебѣ!» Вотъ онъ началъ ее спрашивать: «бабушка родимая! что ты мнѣ сказать хотѣла?» — А, теперь бабушка родимая! «Да вотъ я похвастался, что знаю жену Данилину...» — И-и, батюшка! гдѣ тебѣ ее знать? туда мелкая пташка не залётывала. Поди ты къ такому-то дому, зови ее къ князю обѣдать; она станетъ умываться, собираться, положитъ на окно цѣпочку; ту цѣпочку ты унеси, и покажь ее Данилѣ Безсчастному. Вотъ подходитъ Алёша къ косящету окну, зоветъ Лебедь-птицу, красную дѣвицу, на обѣдъ къ князю; она стала было умываться, наряжаться, на пиръ собираться: въ то самое время унёсъ Алёша цѣпочку, побѣжалъ во дворецъ и казалъ ее Данилѣ Безсчастному. «Ну, Владиміръ-князь! говоритъ Данило Безсчастной; вижу теперь, что надо рубить мою голову; позволь мнѣ домой сходить да съ женой проститься.» Вотъ приходитъ домой: «ахъ, Лебедь-птица, красная дѣвица! что я надѣлалъ: съ-пьяну тобой похвалил-

ся, своей жизни лишился!» — Все знаю, Данило Безсчастной! Поди зови къ себѣ въ гости и князя со княгинею и всѣхъ горожанъ. [1]) А станетъ князь отзываться на пыль да на грязь, нынѣ де пути недобрые, синё море всколыхалося, топи зыбкія открылися,—ты скажи ему: не бойся Владиміръ-князь! черезъ топи, черезъ рѣки строены мосты калиновые, переводины [2]) дубовые, устланы мосты сукнами багровыми, а убиты все гвоздями полужоными: у добра молодца сапогъ не запылится, у его коня копыто не замарается! Пошелъ Данило Безсчастной гостей звать, а Лебедь-птица, красная дѣвица, выступила на крылечко, крылушками тряхнула, головкой кивнула—и сдѣлала мостъ отъ своего дома до палатъ князя Владиміра: весь устланъ сукнами багровыми, а убитъ гвоздями полужоными; по одну сторону цвѣты цвѣтутъ, соловьи поютъ, по другую сторону яблоки спѣютъ, фрукты зрѣютъ. Срядился князь со княгинею въ гости и поѣхалъ въ путь-дорогу со всѣмъ храбрымъ воинствомъ. Къ первой рѣкѣ подъѣхалъ — славное пиво бѣжитъ; около того пива много солдатъ попадало. Къ другой рѣкѣ подъѣхалъ — славной медъ бѣжитъ; больше половины войска храбраго тому меду поклонилося, на бокъ повалилося. Къ третьей рѣкѣ подъѣхалъ — славное вино бѣжитъ; тутъ офицеры кидалися, допьяна напивалися. Къ четвертой рѣкѣ подъѣхалъ —бѣжитъ крѣпкая водка, тому-же вину тётка; оглянулся князь назадъ, всѣ генералы на боку лежатъ. Остался князь самъ четвертъ: князь со княгинею, Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ, да Данило Безсчастной. Пріѣхали гости званые, вошли въ палаты высокія, а въ палатахъ столы стоятъ кленовые, скатерти шелковыя, стулья раскрашоныя; сѣли за столъ — много было разныхъ кушаньевъ, а напитковъ замор-

---

[1]) *Вар.* проси къ себѣ въ гости князя со княгинею, съ генералами, съ фельдмаршалами и со всѣмъ воинствомъ. [2]) Перекладины.

скихъ не бутыли, не штофы—рѣки цѣлыя протекли! [1]) Князь Владиміръ со княгинею не пьютъ ничего, не кушаютъ, только смотрятъ: когда-жъ выйдетъ Лебедь-птица, красная дѣвица? Долго за столомъ сидѣли, долго ее поджидали: время и домой собираться. Данило Безсчастной звалъ ее разъ, и другой, и третій—нѣтъ, не пошла къ гостямъ. Говоритъ Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ: «если бы это сдѣлала моя жена, я-бъ ее научилъ мужа слушаться!» Услыхала то Лебедь-птица, красная дѣвица, вышла на крылечко, молвила словечко: «вотъ до какъ мужей учатъ!» крылушкомъ махнула, головкой кивнула, взвилась-полетѣла, и остались гости въ болотѣ на кочкахъ: по одну сторону море, по другую — горе, по третью — мохъ, по четвертую—охъ! Отложи, князь, спѣсь! изволь на Данилу верхомъ сѣсть. Пока до палатъ своихъ добрались, съ головы до ногъ грязью измарались! Захотѣлось мнѣ тогда князя со княгиней повидать, да стали со двора пихать; я въ подворотню шмыгъ —всю спину сшибъ!

(Записана въ оренбургской губерніи, уфимскомъ уѣздѣ.)

61.

ВАСИЛІЙ-ЦАРЕВИЧЪ И ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь Иванъ, и у того царя былъ братъ Василій-царевичъ—ни въ чемъ ему счастья не было! Самый царь на него распрогнѣвался и выгналъ изъ своего дому; съ той поры и прозвали его несчастнымъ Васильемъ-царевичемъ; наконецъ дошелъ онъ до такой бѣдности, что не имѣлъ у себя даже новой одёжи. Приходитъ праздникъ Христовъ день; наканунѣ того дня ходитъ весь народъ царя поздравлять, а царь для того праздника даритъ кого деньгами, кого чѣмъ. Вотъ въ самую

[1]) *Вар.* на столѣ пойла фряжскія, закуски дамскія.

таки страстную субботу шелъ Василій-царевичъ куда-то по улицѣ, и попадается ему на встрѣчу бабка-голубая шапка и говоритъ: «здравствуй, Василій-царевичъ! что ходишь невеселъ, что головушку повѣсилъ?» А онъ ей въ отвѣтъ: «ахъ, бабка-голубая шапка! какъ мнѣ быть радостному? приходитъ эдакой праздникъ, всѣ имѣютъ хорошую одёжу; а я, царской братъ, не имѣю ничего, даже и разговѣться нечѣмъ.»—Поди-же ты, говоритъ она царевичу, къ брату Ивану-царю и попроси, чтобы онъ тебя пожаловалъ—чѣмъ-нибудь да подарилъ. Василій-царевичъ послушался; вошелъ онъ въ царскую комнату, увидалъ его братъ и спрашиваетъ: «что скажешь, Василій Несчастной?» — Я пришелъ до тебя, братецъ, сказалъ Василій-царевичъ; для эдакаго праздника ты всѣхъ даришь; а меня еще ничѣмъ не пожаловалъ. Въ это время было у царя много всякихъ генераловъ, и началъ царь надъ братомъ смѣяться, говоритъ ему: «чѣмъ я тебя дурака подарю? чѣмъ пожалую?» И выноситъ ему царь подарочекъ: сорокъ сороковъ черныхъ соболей, и еще даритъ золота на пуговицы, шолку на петельки: «вотъ тебѣ, братъ, и подарочекъ! сшей изъ него тулупъ ко христовской заутренѣ, и чтобъ въ каждой пуговицѣ было по райской птицѣ, по коту заморскому!» Поблагодарилъ его Василій-царевичъ, заплакалъ и пошелъ; не радъ и подарку сталъ. Вотъ онъ идетъ да идетъ по улицѣ, и попадается ему опять на встрѣчу бабка-голубая шапка; спрашиваетъ его: «чѣмъ, Василій царевичъ, подарилъ тебя братецъ?» — Ой, бабка-голубая шапка! подарилъ мнѣ братъ сорокъ сороковъ черныхъ соболей, чистаго золота на пуговицы и зеленаго шолку на петельки; велѣлъ сшить ко христовской заутренѣ шубу, и чтобы въ каждой пуговицѣ райскія птицы пѣли и коты заморскіе мяукали. Говоритъ бабка-голубая шапка: «иди за мной, Василій-царевичъ! не тужи и не печалься». Идутъ они путемъ-дорожкой, и близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли—при-

ходятъ ко дворцу Елены Прекрасной; говоритъ бабка-голубая шапка: «ты, Василій-царевичъ, останься за воротами; а я пойду къ Еленѣ Прекрасной и буду за тебя сватать». Входитъ она къ Еленѣ Прекрасной въ комнату, и сказываетъ: «матушка Елена Прекрасная! я пришла сватать тебя за Василья-царевича». Елена Прекрасная спрашиваетъ бабку-голубую шапку: «а гдѣ-же, Василій-царевичъ?» Она отвѣчаетъ: «Василій-царевичъ остался за воротами; не спросясь, не смѣетъ взойдти». Елена Прекрасная тотчасъ приказала взойдти Василью-царевичу, глянула на него, и онъ ей весьма понравился; посылала она царевича въ другую комнату, давала ему двухъ слугъ, и почитала его женихомъ своимъ; а бабка-голубая шапка говоритъ: «ахъ, матушка Елена Прекрасная! ему братъ подарилъ на тулупъ сорокъ сороковъ чорныхъ соболей, чистаго золота на пуговицы, зеленаго шолку на петельки, и приказалъ ко христовской заутренѣ шубу сшить, и чтобы въ каждой пуговицѣ пѣли птицы райскія, кричали коты заморскіе». Елена Прекрасная, выслушавъ, отвѣчаетъ бабкѣ, что все будетъ готово. Бабка-голубая шапка распростилась и ушла. Подъ вечеръ Елена Прекрасная выходитъ на свой крылецъ и кричитъ: «гой еси братецъ, Ясёнъ Соколъ, лети ко мнѣ скоро-наскоро, время-навремя!» И вотъ прилетаетъ Ясёнъ-Соколъ, ударился о крылецъ и сдѣлался удалъ молодецъ. «Здравствуй, сестрица!»—Здравствуй, братецъ! Коё о чемъ потолковали, посудачили; наконецъ Елена Прекрасная сказала своему братцу: «я выбрала себѣ жениха Василья-царевича; сшей ты ему тулупъ ко христовской заутренѣ». Отдаетъ ему сорокъ сороковъ чорныхъ соболей, чисто золото на пуговицы и зеленой шолкъ на петельки, и накрѣпко наказываетъ, чтобы въ каждой пуговицѣ пѣли птицы райскія и мяукали коты заморскіе, и чтобы тулупъ непремѣнно былъ готовъ во время. «Не безпокойся, сестрица! все будетъ сдѣлано.» А Василій-царевичъ того и не вѣдаетъ, что

завтра будетъ съ обновою. Только заблаговѣстили заутреню, прилетѣлъ Ясёнъ-Соколъ, ударился о крылецъ, сдѣлался удалъ доброй молодецъ; сестрица выходитъ встрѣчать брата, а онъ отдаетъ ей готовой тулупъ. Поблагодарила Елена Прекрасная своего братца за такую услугу, отослала эту одёжу къ Василью-царевичу и приказала надѣть. Обрадовался царевичъ, нарядился и приходитъ въ комнату Елены Прекрасной. Она тотчасъ приказала заложить въ повозку лошадей, чтобы ѣхать къ заутренѣ; передъ отъѣздомъ отдала ему три яичка: «первымъ яичкомъ похристосовайся съ протопопомъ, второе отдай брату Ивану-царю, а третье тому, кто тебѣ больше милъ; а въ церкву войдешь—становись впереди своего братца роднаго». Пріѣзжаетъ онъ къ заутренѣ и становится, какъ ему велѣно, поперёдъ брата. Царь не узналъ его, самъ съ собой думаетъ: что это за человѣкъ? приказываетъ своему генералу подойдти поближе и спросить поучтивѣе: кто онъ таковъ? Генералъ подходитъ и спрашиваетъ Василья-царевича: «царь приказалъ узнать: царь ли вы-царевичъ, король ли вы королевичъ, или сильный могучій богатырь?» Онъ ему отвѣчаетъ: «я здѣшній». На отходѣ заутрени Василій-царевичъ сталъ напередъ христосоваться съ протопопомъ; похристосовавшись, отдаетъ ему яичко; идетъ потомъ къ брату Ивану-царю и говоритъ: «Христосъ воскресе, братецъ!» Тотъ отвѣчаетъ: «воистину воскресе!» И отдаетъ ему Василій-царевичъ другое яичко; оставалось у него еще одно. Выходитъ онъ изъ церкви, попадается ему Алёша Поповичъ: «Христосъ воскресе, Василій-царевичъ!» — Воистину воскресе! Пристаетъ Алёша Поповичъ: «давай яичко». — Нѣтъ у меня, отвѣчаетъ Василій-царевичъ; пришелъ домой, похристосовался съ Еленой Прекрасной, и отдалъ ей третье яичко. Она говоритъ: «ну, Василій-царевичъ! а я не думала, чтобъ ты мнѣ оставилъ яичко; теперь я согласна выйдти за тебя замужъ. поѣзжай

просить своего братца на свадьбу къ намъ.» Василій-царевичъ поѣхалъ къ брату; тотъ ему шибко обрадовался. Сталъ Василій-царевичъ просить его на свадьбу къ себѣ; а братъ спрашиваетъ: «гдѣ-жъ ты берешь невѣсту?»—Я беру невѣсту Елену Прекрасную. Вотъ сыграли они свадьбу; послѣ той свадьбы сдѣлалъ Иванъ-царь пиръ на весь міръ и позвалъ брата Василья-царевича съ женой Еленой-Прекрасною. Время приходитъ на пиръ идти, зоветъ Василій-царевичъ жену свою; она говоритъ: «Василій-царевичъ! я такъ хороша, что боюсь какъ-бы меня не изурочили; поѣзжай лучше одинъ». Пріѣзжаетъ къ брату Василій-царевичъ, а тотъ спрашиваетъ: «что-же ты одинъ пріѣхалъ, а не съ женою?»—Она нездорова, братецъ! Вотъ они много ли, мало ли попировали, и подгулявши, каждой изъ гостей началъ хвалиться: у этого то хорошо, у другаго другое; а Василій-царевичъ молчитъ, ничѣмъ не хвалится. Подходитъ къ нему братъ и спрашиваетъ: «ты, братецъ, что сидишь, ничѣмъ не похвалишься?» — Да чѣмъ похвалюсь я? говоритъ Василій-царевичъ. «Ну хоть тѣмъ похвались, что жена у тебя хороша.»—Да, правда твоя, братецъ! жена у меня хорошая. Вдругъ подбѣгаетъ къ Василью-царевичу Алёша Поповичъ и говоритъ: «ну, ужъ хороша! я съ нею безъ тебя ночь спалъ». Тутъ всѣ гости сказали: «коли ты спалъ съ нею, такъ поди-же съ нею выпарься въ банѣ и принеси именное ея кольцо; тогда мы повѣримъ. А не принесешь кольца — поведемъ тебя на висѣлицу». Нечего дѣлать, пошелъ Алёша Поповичъ, самъ запечалился. Идетъ онъ путемъ-дорожкою; попадается ему на встрѣчу бабка-голубая шапка и спрашиваетъ: «что ты, Алёша, такъ печаленъ?» — Какъ мнѣ не печалиться! Похвалился я у царя, что съ Еленой Прекрасною ночь переспалъ; тутъ всѣ гости сказали: коли ты съ нею спалъ, такъ поди-же съ нею выпарься въ банѣ и принеси именное ея кольцо; а не принесешь — велимъ тебя повѣсить.

«Не печалься, пойдемъ со мною!» говоритъ бабка. Приходятъ они къ дому Елены Прекрасной; бабка-голубая шапка Алёшу Поповича оставляетъ за воротами, а сама подлѣзла въ подворотню, взошла въ сѣни, глядь—а перстень именной тутъ на лавкѣ лежитъ: позабыла его Елена Прекрасная въ то самое время, какъ послѣ отдыха умывалась. Схватила старая это кольцо, отдала его Алёшѣ Поповичу, да велѣла ему зайдти на рѣку, намочить водой голову, будто въ банѣ былъ. Онъ то и сдѣлалъ. Приходитъ къ царю во дворъ, показываетъ всѣмъ именное кольцо. Василій-царевичъ крѣпко огорчился, тотчасъ поѣхалъ домой, и продалъ Елену Прекрасную купцамъ за сто рублей. Въ городѣ, куда увезена Елена Прекрасная, померъ царь, и по этому былъ кличь, чтобы всѣ сходились въ тотъ городъ выбирать царя; а царей у нихъ выбирали такъ: кто войдетъ въ церковь со свѣчкой и коли свѣча сама затеплится, тому и царемъ быть. Всѣ перепробовали свое счастье, свѣча ни у кого не затеплилась. Елена Прекрасная услыхала про то и думаетъ себѣ: «дай и я пойду, попробую своего счастья». Одѣвается она въ мужскую одёжу, беретъ въ руки свѣчу и идетъ въ церковь; только взошла въ церковь, у ней тотчасъ свѣча и затеплилась. Всѣ обрадовались и посадили ее на царство. Стала она царствовать, и не забыла распровѣдать о своемъ мужѣ Василъѣ-царевичѣ, гдѣ онъ и какъ поживаетъ? Узнала, что онъ крѣпко по ней скучаетъ, и послала за нимъ пословъ. Вотъ когда онъ пріѣхалъ да разсказалъ, какъ и что̀ было, — Елена Прекрасная догадалась, кто были виновники ихняго горя, и помирилась съ мужемъ. Послали они за Алёшой Поповичемъ, и онъ во всемъ имъ сознался, что кольцо отдала ему бабка-голубая шапка, а онъ наскажалъ у царя на Елену Прекрасную нарочно, потому де что христосовался онъ съ Васильемъ-царевичемъ да просилъ у него яичко, а царевичъ ему нѐ далъ. Послали и за бабкою-голубою

шапкою; когда ее привезли, тотчас начали допрашивать: зачѣмъ она украла у Елены Прекрасной именное кольцо? — За тѣмъ, сказала, что ты, Елена Прекрасная, хотѣла меня поить-кормить три года, да не исполнила. Тутъ повелѣли Алёшу Поповича и бабку голубую шапку растрѣлять; а Василью-царевичу Елена Прекрасная поручила царство, и стали они жить-поживать да добра наживать.

(Записана въ оренбургской губерніи.)

62.

БАЛДАКЪ БОРИСЬЕВИЧЪ.

Во славномъ городѣ, во Кіевѣ, у царя у Владиміра собирались князья и бояре и сильномогучіе богатыри на почестной пиръ. Возговорилъ Володиміръ-царь таково слово: «гой есте мои ребята! собирайтеся, сокопляйтеся за единой столъ.» Собиралися за единой столъ, въ-полъ сыта наѣдалися, въ-полъ-питья напивалися, и возговорилъ Володиміръ-царь: «кто бы сослужилъ мнѣ службу великую: съѣздилъ за тридевять земель, въ тридесятое царство, къ самому салтану турецкому—увести у него коня златогриваго, вышничка багроваго(?), убить кота-бахаря[1], самому салтану турецкому въ глаза наплевать?» Выбирался доброй молодецъ Илья-Муромецъ, сынъ Ивановичъ. У царя у Владиміра была дочь возлюбленая; возговоритъ она таково слово: «гой еси мой батюшко Володиміръ-царь! хоша хвалится Илья-Муромецъ, сынъ Ивановичъ, не сослужитъ ему этой службы! Распусти, батюшко, почестной пиръ; поди искать по своему граду по царевымъ кабакамъ млада Балдака, сына Борисьевича, отъ роду семилѣтняго.» И послушалъ царь своей дочери, пошелъ искать млада Балдака, сына

[1]) Бахарь—баюнъ, говорунъ (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 8).

Борисьевича, и пошелъ въ кабакъ — спитъ подъ лавкою: Ткнулъ его noскомъ Володимiръ-царь; отъ того Балдакъ скочилъ ото сна, какъ ни въ чемъ не бывалъ. «Гой еси Володимiръ-царь! къ чему меня требуешь?» На то отвѣчалъ ему Володимiръ-царь: «прошу тебя на почестной пиръ.»—Не достоинъ я на почестной пиръ идти; въ кабакахъ я запиваюся, подъ ногами валяюся. Возговоритъ ему Володимiръ-царь таково слово: «когда на пиръ зову, надо идти; есть до тебя нужда великая.» И посылаетъ его младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, изъ кабака обратнымъ путемъ въ чердаки [1]) царскіе, а я де скоро за тобой буду. Оставался Балдакъ одинъ въ кабакѣ, опохмѣлялся тутъ зеленымъ виномъ, сколько требовалось, и пошелъ къ царю Владимiру въ чердаки бездокладочно; крестъ кладетъ онъ по писанному, поклонъ ведетъ по ученому: поклоняется на всѣ стороны, самому царю въ-особину. «Здравствуй, Володимiръ-царь! на что меня требовалъ?» Отвѣчаетъ ему Володимiръ-царь: «гой еси младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ! сослужи мнѣ службу великую: сходи за тридевять земель, въ тридесятое царство, къ салтану турецкому; уведи у него коня златогриваго, вышничка багроваго, убей кота-бахаря, самому салтану турецкому въ глаза наплюй. Бери съ собой народу-силы, сколько надобно; бери золотой казны, сколько хочется!» И возговоритъ младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ: «ужь ты гой еси Володимiръ-царь! дай мнѣ силы только двадцать девять молодцевъ, а самъ я тридцатой буду.» Скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается; отправлялся младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, во путь-во дорожку къ салтану турецкому; приноровился прiѣхать въ самую полночь. Вошелъ на салтанской дворъ, увелъ изъ конюшни коня златогриваго, вышничка багроваго, схватилъ кота-бахаря, разорвалъ его надвое, самому салтану глаза заплевалъ. А былъ у салтана ту-

[1]) Терема.

рецкаго любимой садъ—на три версты; всякія древа въ саду понасажены, всякіе цвѣты произведены. Младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, приказалъ своимъ товарищамъ, двадцати девяти молодцамъ, весь садъ повалить-вырубить; а самъ досталъ огоньку да тѣмъ огнемъ выжегъ все начисто, да поставилъ тридцать бѣлыхъ, тонкихъ полотняныхъ шатровъ. Поутру ранёшенько просыпается отъ сна турецкой салтанъ; былъ у него первой взглядъ на свой на любимой садъ, и какъ скоро взглянулъ—видитъ, что всѣ деревья порублены, повыжжены, а стоятъ въ саду тридцать бѣлыхъ полотняныхъ шатровъ. Кто такой наѣхалъ ко мнѣ, думаетъ онъ про себя, царь ли царевичъ, или король королевичъ, или сильномогучій богатырь? Закричалъ тутъ салтанъ громкимъ голосомъ своему любимому пашѣ турецкому, призываетъ къ себѣ его и возговоритъ таково слово: «неблагополучно въ царствѣ моемъ! Дожидался я русскаго виновника—млада Балдака, сына Борисьевича; а теперь наѣхалъ на меня... царь ли царевичъ, или король-королевичъ, или сильномогучій богатырь?—того не вѣдаю, и какъ свѣдать? —не придумаю.» На тотъ совѣтъ выходитъ салтана турецкаго бо́льшая дочь и говоритъ своему отцу: «о чемъ вы совѣтуете, а узнать не можете? Охъ ты, батюшка турецкой салтанъ! дай-ка мнѣ свое благословеніе да прикажи выбрать во всемъ царствѣ двадцать девять дѣвицъ: чтобы лучше ихъ по красѣ не было! я сама буду тридцатая, я пойду въ тѣ шатры полотняные ночь ночевать, и открою вамъ виновнаго.» И на то отецъ согласился, и пошла она къ тѣмъ шатрамъ съ двадцатью девятью дѣвицами: лучше ихъ по красѣ во всемъ царствѣ не было! Выходилъ къ ней младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, взялъ ее за бѣлыя руки, и крикнулъ своимъ громкимъ голосомъ: «эй вы, мо́лодцы-товарищи! вы берите красныхъ дѣвицъ по рукамъ, ведите ихъ по своимъ шатрамъ и что̀ знаете —то и дѣлайте!» Переспали вмѣстѣ единую ночь; на утро во-

ротилась къ салтану турецкому его бо́льшая дочь, говоритъ ему: «гой еси любезный батюшка! прикажи изъ бѣлыхъ полотняныхъ шатровъ всѣмъ тридцати мо́лодцамъ къ тебѣ въ домъ пріидти; я сама укажу виновника.» Въ тотъ часъ посылаетъ салтанъ-турецкой къ тѣмъ шатрамъ своего любимаго пашу, чтобы позвалъ къ нему-потребовалъ млада Балдака, сына Борисьевича, со всѣми его товарищами. Вышли изъ шатровъ тридцать мо́лодцевъ; всѣ на одинъ ликъ, словно братцы родные, волосъ—въ волосъ, голосъ—въ голосъ! И говорятъ послу таково слово: «ступай назадъ, а мы за тобой скоро будемъ?» Младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, молвилъ своимъ ребятамъ: «нѣтъ ли на мнѣ какой зна̀чки? осмотрите всего.» И оказалось на немъ: по колѣнъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ. «Она хитра, а я раз(в)ѣ того не разумѣю!» сказалъ Балдакъ и сдѣлалъ у всѣхъ своихъ товарищей такую-же значку: по колѣнъ у ребятъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ; велѣлъ имъ надѣвать на руки перчатки: «какъ заѣдемъ къ салтану въ домъ, безъ приказу моего никто не сымай!» Вотъ пришли они къ салтану въ домъ; выступаетъ его бо́льшая дочь и узнаетъ виновника млада Балдака, сына Борисьевича. Говоритъ ей Балдакъ: «ты почемъ меня признаешь—по какимъ уликамъ?» Отвѣчаетъ салтанова бо́льшая дочь; «скинь-ка съ ноги сапогъ да съ руки перчатку: тутъ у меня зна̀чка положена—по колѣнъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ.» —Развѣ у насъ такихъ мо́лодцевъ не бываетъ? и приказываетъ младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, своимъ ребятамъ: «скидавайте всѣ съ ноги по сапогу, съ руки по перчаткѣ!» Какая зна̀чка у него, такая и у всѣхъ объявилась — въ покояхъ все осіяло! А салтанъ турецкой былъ добре милос(т)ливъ, на то дочери своей не повѣровалъ: «врешь ты! мнѣ одинъ виновникъ надобенъ, а теперь по твоему всѣ тридцать оказалися!» Приказалъ салтанъ турецкой: «убирайтесь всѣ вонъ!»

Послѣ того еще больше закручинился, еще больше запечалился, и сталъ опять думать, со своимъ любимымъ пашею совѣтовать, какъ бы узнать имъ виновнаго? На тотъ совѣтъ выходитъ вторая салтанова дочь, и говоритъ салтану турецкому: «дай мнѣ, батюшка, двадцать девять дѣвицъ; я сама буду тридцатая, пойду съ ними къ бѣлымъ полотнянымъ шатрамъ, переночую въ тѣхъ шатрахъ единую ночь и открою вамъ виновника.» Сказано—сдѣлано. Поутру зоветъ салтанъ турецкой млада Балдака, сына Борисьевича, въ палаты къ себѣ, а зоветъ его съ товарищами чрезъ своего пашу любимаго. Отвѣчаетъ Балдакъ по прежнему: «ступай назадъ, а мы скоро будемъ!» Какъ скоро ушелъ паша, младъ Балдакъ вскричалъ своимъ громкимъ голосомъ: «выходите изъ шатровъ всѣ мои товарищи, двадцать девять молодцевъ; поглядите, нѣтъ ли на мнѣ какой значки?» Тотчасъ всѣ изъ шатровъ выскочили и усмотрѣли у него на головѣ золотые волосы. Возговоритъ младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ: «она хитра, а раз(в)ѣ я не разумѣю того!» Сдѣлалъ у всѣхъ молодцевъ, равно какъ у себя, золотые волосы, и велѣлъ наложить шапки на буйныя головы: «какъ будемъ въ палатахъ у салтана турецкаго, безъ моего приказу никто не сымай!» Какъ скоро вошелъ младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, со своими товарищи, въ палаты салтанскія — сказалъ тутъ салтанъ своей средней дочери: «узнавай, дочь любезная, которой — виновникъ?» А она знаетъ навѣрное — по тому самому, что переспала съ нимъ единую ночь; подходитъ прямо къ младу Балдаку и говоритъ: «вотъ вамъ виновникъ!» Отвѣчаетъ на то младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ: «почемъ ты меня признаешь — по какимъ уликамъ?» — Сними съ головы своей шапку; тутъ у меня значка сдѣлана—волосы золотые. «А развѣ у насъ такихъ молодцевъ не бываетъ!» и приказалъ младъ Балдакъ всѣмъ своимъ ребятамъ скинуть шапки долой: объявились у нихъ золотые волосы — въ покояхъ все осіяло! Раз-

сердился салтанъ на свою вторую дочь: «неправда твоя! мнѣ одинъ виновникъ надобенъ, а по твоему всѣ оказались!» и приказалъ: «убирайтесь-ка изъ палатъ вонъ!»

Еще пуще запечалился-закручинился салтанъ турецкой; выходитъ третья меньшая дочь и хулитъ двухъ старшихъ сестеръ, а сама у отца напрашивается: «любезной мой батюшка! прикажи мнѣ выбрать двадцать девять дѣвицъ — чтобъ лучше ихъ во всемъ царствѣ не было; я сама буду тридцатая, и узнаю тебѣ виновника.» По прошенью своей младшей дочери исполнилъ салтанъ. Отправилась она къ тѣмъ-же шатрамъ ночь ночевать. Выскочилъ тутъ младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, изъ своего шатра, беретъ салтанову дочь за бѣлыя руки и ведетъ къ себѣ; а своимъ молодцамъ вскричалъ громкимъ голосомъ: «берите-ка, ребята, красныхъ дѣвицъ по рукамъ да ведите по своимъ шатрамъ.» Переночевали ту ночь, и пошли дѣвицы на утро домой. Посылаетъ салтанъ за добрыми молодцами своего любимаго пашу. Идетъ посолъ къ бѣлымъ полотняньымъ шатрамъ, зазываетъ млада Балдака съ товарищи въ палаты къ самому салтану турецкому. «Ступай назадъ, а мы за тобой скоро будемъ!» Возговоритъ младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, своимъ товарищамъ: «ну, ребятушки! смотрите, нѣтъ ли на мнѣ какой значки?» Вездѣ высмотрѣли, вездѣ выглядѣли—не могли найдти. «Ахъ, братцы, видно я теперь погибъ!» и сталъ младъ Балдакъ просить, чтобъ сослужили ему службу последнюю; раздавалъ имъ по вострой саблѣ и велѣлъ держать подъ одёжею: «а какъ знакъ подамъ—руби во всѣ стороны!» Какъ скоро пришли они предъ салтана турецкаго, выступила его меньшая дочь, указала на млада Балдака: «вотъ онъ виновникъ-то! Есть у него подъ патой золотая звѣзда.» И по тѣмъ рѣчамъ означилась у него подъ патой золотая звѣзда. Высылалъ салтанъ турецкой изъ своихъ палатъ всѣхъ двадцать девять молодцевъ; оставлялъ одного виновника — млада Балдака, сына

Борисьевича, закричалъ на него громкимъ, зычнымъ голосомъ: «какъ возьму тебя, на одну ладонь посажу, да другой прихлопну — только мокренько будетъ!» Отвѣчаетъ ему младъ Балдакъ: «гой еси турецкой салтанъ! боялись тебя цари-царевичи, короли-королевичи и сильномогучіе богатыри, а я семилѣтній мальчишка тебя не боюсь: увелъ у тебя коня златогриваго, кувшинчика багроваго, убилъ кота-бахаря, тебѣ салтану въ глаза наплевалъ, а еще порубилъ-повыжегъ твой любимой садъ!» Осерчалъ салтанъ больше прежняго, приказалъ своимъ служителямъ, чтобъ поставили на площади два столба дубовые, перекладину кленовую, а на той перекладинѣ три петли сготовили: первую шелковую, другую пеньковую, третью лычаную, и давалъ знать по всему городу, чтобы всѣ отъ малаго до великаго собирались на площадь смотрѣть, какъ будутъ казнить русскаго виновника. Самъ салтанъ турецкой садился въ легкую повозку, бралъ съ собой любимаго пашу и меньшую дочь, что открыла виновника; а млада Балдака связали, сковали, у ногъ посадили, и поѣхали прямо къ дубовымъ столбамъ. Вотъ дорогою завёлъ младъ Балдакъ таковыя рѣчи: «стану я загадки загадывать, а ты, салтанъ турецкой, отгадывай. Добро конь идетъ, на что хвостъ волочется?» — Не дуракъ ли ты? отвѣчалъ салтанъ; конь съ хвостомъ и на свѣтъ родится. Немного проѣхали, говоритъ опять Балдакъ: «переднія колеса конь везетъ, а заднія почто чортъ несетъ?»—Вотъ дуракъ! наготово до смерти съ ума сошелъ, въ словахъ завирается! Мастеръ четыре колеса сдѣлалъ—четыре и катится. Пріѣхали на площадь и вышли изъ повозки вонъ; взяли виновнаго, развязали, расковали, повели на висѣлицу. Младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, перекрестился, на всѣ стороны поклонился, и возговорилъ громкимъ голосомъ: «гой еси турецкой салтанъ! не прикажи казнить, прикажи слово вымолвить.» — Говори, что такое? «Есть у меня батюшкино подареньице, матушкино бла-

гословеніе—игральной рожокъ. Прикажи мнѣ при послѣднемъ времени поиграть въ него: себя потѣшить и васъ повеселить.» Играй, играй при послѣднемъ времени! Младъ Балдакъ заигралъ веселую—у всѣхъ разумъ помутился; заглядѣлись на него, заслушались, позабыли—зачѣмъ пріѣхали; у салтана языкъ не шевѐлится. Услыхали рожокъ двадцать девять молодцевъ, зашли съ заднихъ рядовъ, и давай вострыми саблями народъ сѣчь. Младъ Балдакъ до тѣхъ поръ игралъ, пока молодцы, его товарищи, ни посѣкли весь народъ, пока ни дошли они до самойви сѣльцы. Тутъ младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, покинулъ играть и молвилъ салтану турецкому послѣднее слово: «не ты ли дуракъ! обернись-ка, назадъ погляди: мои гуси твою пшеницу клюютъ!» Салтанъ турецкой обернулся—весь народъ побитъ, на землѣ лежитъ; только и осталось ихъ трое при висѣлицѣ: самъ салтанъ съ дочерью да любимой паша. Младъ Балдакъ приказалъ своимъ молодцамъ повѣсить салтана въ петлю шелковую, любимаго его пашу въ пеньковую, а меньшую дочь въ лычаную. Тѣмъ дѣло свое покончили и отправились во славной городъ Кіевъ къ самому царю Владиміру.

(Записана въ новгородской губерніи.)

63.

ПРО МАМАЯ-БЕЗБОЖНАГО.

На Русѣ было на православной княжилъ князь тутъ Дмитрій Ивановичъ. Засылалъ онъ съ даньѣй русскаго посла Захарья Тютрина къ Мамаю-безбожному, псу смердящему. Правится путемъ-дорòгой русской посолъ Захарій Тютринъ; пришелъ онъ къ Мамаю-безбожному, псу смердящему: «давай-примай, говоритъ, дань отъ русскаго князя Дмитрія Ивановича!» Отвѣчаетъ Мамай-безбожный: «покуль не омоешь ногъ

моихъ и не поцѣлуешь бахилъ [1]), не приму я дани князя Дмитрія Ивановича.» Взадь [2]) отвѣчаетъ русской посолъ Захарко Тютринъ: «чѣмъ бы съ дороги молодца напоить-накормить, въ банѣ выпарить, втѣпоръ вѣстей попросить; а ты, Мамай-безбожный, песъ смердящій! (за эвти-то слова раздуй твою утробу толще угольной ямы!) того-пѣрво велишь мыть твои басурманскія ноги и цѣловать бахилы; не слѣдъ мыть ноги и цѣловать бахилы русскому послу Захарью Тютрину! Пусть поганой татаринъ, Мамай-безбожный, буде есть вѣра, цѣлуетъ ноги русскаго посла Захарья Тютрина!» Разъярился собака-татаринъ, рвалъ свои чорныя кудри, металъ ихъ наземь—по застолью, княжескія бумаги придралъ, и писалъ свои ярлыки скоропечатые: «когда будетъ овесъ кудрявъ, баранъ мохнатъ, у коня подъ копытомъ трава и вода, втѣпоръ Мамай-безбожный будетъ съ святой Русью воевать: втѣпоръ мнѣ ниводы, ни хлѣба не надо!»

Набралъ онъ изъ татаръ сильныхъ, могучихъ богатырей тридцать человѣкъ безъ одного, посылаетъ ихъ на нечестное побоище: «пошли [3]), говоритъ, слуги мои вѣрные!» поперве́е русскаго посла Захарья Тютрина; доро̀гой уходите его въ темныхъ лѣсахъ, въ крутыхъ угорахъ, а тѣло вздымите на лѣси́ну въ откормку птицамъ.» Пра̀вится путемъ-доро̀гой русской посолъ Захарій Тютринъ; пристигала его темна ночь на бору: не оснаща̀ется ночевать—одно̀ идетъ впередъ. Поутру, на восхожемъ на солнушкѣ, видитъ русской посолъ Захарій Тютринъ: выходятъ изъ лѣсу тридцать безъ одного сильныхъ, могучихъ богатырей. Не у̀робилъ Захарій Тютринъ поганыхъ татаровей, захватилъ обѣручь [4]) корзова̀тую [5]) ура̀зину [6]) и ждетъ незванныхъ гостей. Ударили татаровья на Захарья Тютрина,

---

[1]) Обувь, сапоги (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 8). [2]) Наоборотъ (ibidem, стр. 24). [3]) Пойдите. [4]) Обѣими руками. [5]) Корявую (Опытъ обл. великор. словаря, стр 90). [6]) Дубину.

поставили на округъ[1]) добраго молодца. Учалъ Захарко поворачиваться, учалъ онъ уразиной гостей чествовать: кого разъ ударитъ—грязьёй сдѣлаетъ. Не въ моготу стало поганымъ татаровямъ супротивничать русскому послу Захарью Тютрину, учали они канаться[2]) ему хорошими рѣчми: «отпусти ты насъ живьёмъ, русской посолъ Захарій Тютринъ; не посмѣемъ больше перечить тебѣ!» Глядитъ Захарко на сильныхъ, могучихъ богатырей: изъ тридцати головъ безъ одной остались живы только пять головъ, да и тѣ уразиной испроломаны, кушаками головы завязаны; сжалился онъ надъ погаными нехристями, отпустилъ ихъ къ Мамаю-безбожному: «правьтесь, говоритъ, скажите, каково обидѣть русскаго посла Захарья Тютрина.» Ударилъ онъ своего добраго коня по крутымъ бедрамъ: конь по первый457 ускокъ сдѣлалъ сто саженей печатныхъ, вторымъ ускокомъ версту промежъ ногами проложилъ, третьяго ускока на землѣ опятнать не могли[3]). Смекнулъ дѣло путемъ-дорогой русской посолъ Захарій Тютринъ: наималъ[4]) онъ двѣнадцать ясныхъ соколовъ да тридцать бѣлыхъ кречетовъ; первѣе того испридралъ[5]) ярлыки Мамая поганаго, и писалъ свои листы скорописчаты; написавши, привязалъ къ птичьимъ хвостамъ и примолвилъ: «ясные соколы и бѣлые кречеты! полетите вы ко князю ко Дмитрію Ивановичу въ каменну Москву, накажите, чтобъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ собиралъ по городамъ и селамъ и по дальнимъ деревнямъ рать-силу несмѣтную; оставлялъ бы по домамъ только слѣпыхъ да хромыхъ, да ма-

[1]) Поставить на округъ—окружить, обстать кого со всѣхъ сторонъ, лишить средствъ къ побѣгу; такъ говорятъ: «мы двоима съ собакой постановили медвѣдя на округъ» т. е. съ одной стороны охотникъ, а съ прочихъ собака не позволяли звѣрю выйдти изъ извѣстнаго круга.

[2]) Просить, умолять (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 88).

[3]) *Опятнать* значитъ собственно: найдти сбѣжавшаго коня по его слѣду на землѣ; въ настоящемъ-же случаѣ *опятнать* — доправить, найдти на землѣ слѣдъ копытъ. [4]) Наловилъ. [5]) Разодралъ.

лыхъ ребятъ-недоростковъ—ихъ печаловать. А я пойду, накажите, въ свое мѣсто, стану собирать мохначей, бородачей—донскихъ казаковъ.»

Поутру было, на восхожемъ на солнушкѣ, пошли мороки [1]) по ясну небу, понесли съ собой частый, мелкій дождь со буйнымъ вѣтромъ-со вихоремъ. Во шуму, во грому ничего не чуть [2]) стало, только чуть громкой зыкъ отъ терема княжескаго; Задонской князь Дмитрій Ивановичъ наказалъ кличь кликать по всей Москвѣ бѣлокаменной: «собирайтесь всѣ князья и бояра и сильные, могучіе богатыри и всѣ поленицы удалыя ко князю во свѣтлый теремъ на трапезу.»

Собиралися со всѣхъ концовъ Москвы бѣлокаменной всѣ князи и бояра, сильные, могучіе богатыри и всѣ поленицы удалыя ко князю во свѣтлый теремъ на трапезу—послушать его разумныхъ рѣчей, а и того пуще—посмотрѣть его очи ясныя. Какъ матёрый дубъ промежъ тонкими кустами вересовыми [3]), что̀ вершиною въ небо вививается,—значи̂тъ великой князь промежъ своими князьями и боярами.

Не золота трубочка вострубила, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ сталъ рѣчь держать:

«Воины мои любимые! не на попойку призывалъ я васъ, не на радостный пиръ вы ко мнѣ собиралися; собиралися вы ко мнѣ за печальной вѣсточкой: Мамай-безбожный, несъ смердящій, со всѣма своима ордами некрещеными, идетъ святую Русь воевать; будетъ намъ отъ Мамая-собаки пить горькая чаша! Пойдемте, мои любимые воины, къ окіанъ-морю, наладимъ легкіе струги и побѣжимъ мы изъ окіанъ-моря въ море Хвалынское къ соловецкимъ чудотворцамъ; запрёмся тамъ—и нечего съ насъ будетъ взять Мамаю-безбожному, псу смер-

---

[1]) Облака, тучи (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 116). [2]) Не слышно.
[3]) *Вѣресъ*—можжевельникъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 23).

дящему; въ другую сторону [1]) онъ насъ полонитъ, очи выкопаетъ и злой смерти предастъ.»

Отвѣчають князи и бояра, буйны головы понуривши: «Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! одно солнушко катится по небу—одинъ князь княжитъ надъ Русью православною; не перечить мы пришли твоему слову крѣпкому; поневоль насъ заставитъ рѣчь-отвѣтъ держать, какъ надать ладить съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ. Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! пойдемъ мы къ океанъ-морю, прирубимъ легкіе струги, скалёпки [2]) смечемъ въ океанъ-море, сами соберемъ рать-силу великую, и будемъ драться съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови—и будетъ на Мамая-безбожнаго побѣда!»

— Что за слыхъ, что за громъ грянулъ по трапезѣ? говоритъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ. Отвѣчаетъ калика [3]) перехожая сумка перемётная: «это, Задонской князь, Дмитрій Ивановичъ, нечистая, непріятная сила (что тебѣ подъ ухо шептала, чтобъ шелъ ты къ океанъ-морю строить легкіе струги, изъ океанъ-моря въ море Хвалынское), когда ты Бога прославилъ, изъ терема побѣжала.»

Задонской князь Дмитрій Ивановичъ чинилъ крѣпкіе наказы, чтобъ собирали рать-силу несмѣтную по городамъ съ пригородками, по сёламъ съ присёлками и по всѣмъ дальнимъ печищамъ [4]), оставляли-бъ дома только слѣпыхъ да хромыхъ, да малыхъ ребятъ-недоростковъ имъ въ печальники.

---

[1]) Иначе, въ противномъ случаѣ. [2]) Отрубки, щепки (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 203). [3]) Нищій, калѣка, убогой.

[4]) Крестьяне шенкурскаго уѣзда, живущіе по рѣкамъ Слюдѣ и Нелингѣ, называютъ всякую деревню *печищемъ*: печище Маслово, печище Часовинское, печище Подволочское и др. Не назывался ли первоначально этимъ словомъ каждый домъ въ деревнѣ, также какъ *дымъ, труба* замѣняли прежде слово: *изба?*

Собрали со всѣхъ концовъ Руси православной рать-силу великую, утвердили силу по-за Москвѣ бѣлокаменной, расклали силу по жеребьямъ: Семену Тупику, Ивану Квашнину, русскому послу Захарью Тютрину и семи братьямъ Бѣлозерцамъ. Пошла сила на поле на Куликово, Москвы не хватаючи. На полѣ на Куликовѣ учали думу думать, какъ надо силу сметить? Руской посолъ Захарій Тютринъ садился на своего добраго коня, объѣзжалъ окру̀гъ силы три дня и три часа — не могъ силы смѣтить: на сколько верстъ стоитъ? Задонской князь Дмитрій Ивановичъ проговорилъ таково слово: разойдтись силѣ почисту полю и взять силѣ по камушку, по злаченной пуговкѣ, и приказалъ дубы замётывать тѣма камушками. Заметала сила семь дубовъ: съ комля [1]) и до вершины дубовъ не видно!

Раздѣлили ту силу несмѣтную на три полка: первой полкъ взялъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ, другой—руской посолъ Захарій Тютринъ, третій полкъ взяли: Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашнинъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ.

Учали они кидать жеребьи: кому первому на татаровей поганыхъ идти? Первый жребій выпалъ русскому послу Захарью Тютрину, съ мохначами, бородачами—донскими казаками; другой—Семену Тупику, Ивану Квашнину и семи братьямъ Бѣлозерцамъ; третій жеребій выпалъ Задонскому князю Дмитрію Ивановичу.

Втѣпоръ заслышалъ шведской король про великое побоище, набралъ силы сорокъ тысячъ: «подите, воины мои любимые, на поле на Куликово, Москвы не хватаючи; станьте, мои воины, на бугры на высокіе: станетъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ побивать Мамая-безбожнаго—по Дмитрію Ивановичу пристаньте; буде Мамай-безбожный будетъ поби-

---

[1]) *Кдмель*—корень (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 88).

вать Дмитрія Ивановича—по Мамаю пристаньте.» Лукавъ былъ шведской король, велѣлъ по правой силѣ приставать! Турецкой король заслышалъ про великое побоище, приказалъ набрать силы сорокъ тысячъ, и посылалъ ихъ на поле на Куликово—самъ наказывалъ: «воины мои любимые! какую силу побивать будутъ, по той приставьте.» Простъ былъ турецкой король, по виноватой силѣ велѣлъ приставать!

Засряжалась рать-сила могучая на полѣ на Куликовѣ на кровавое побоище; перёдъ держалъ русской посолъ Захарій Тютринъ съ мохначами, бородачами—донскими казаками. Пала́сь имъ встрѣту сила Мамая-безбожнаго: когда сила съ силою сходилась, мать-сыра земля подгибалась, вода подступалась. Втѣпоръ выскочилъ изъ земли Кроволинъ-татаринъ—вышина семь сажень: скрычалъ татаринъ зычнымъ голосомъ: «Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! давай мнѣ-ка поединщика; буде не поставишь мнѣ поединщика, я твою силу одинъ побью-вырублю, грязьёй сдѣлаю!»

Говоритъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ: «не на кого мнѣ-ка надѣяться; самому пришло идти супротивникомъ-поединщикомъ на Кроволина-татарина!» Оболокаетъ онъ свои латы крѣпкія, застегаетъ пуговицы воальянскія; обсѣдлали ему добра коня во сѣдло черкасское, беретъ онъ съ собой палицу боевую, поѣзжаетъ къ Кроволину-татарину.

Палъ ему встрѣту незнамый воинъ: «осади лошадь, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! пойду я на Кроволина-татарина, отрублю ему по плечъ басурманскую голову!»

Сѣдлалъ онъ своего добраго коня, подтягивалъ двѣнадцатима подпругима шелко́выма не ради басы, ради крѣпости.

«Оборону я тебя, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ, отъ первыя смерти! Буде я побью Кроволина-татарина, то бейся и дерись ты съ окаяннымъ врагомъ, съ Мамаемъ-безбож-

вымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови: и будетъ на Мамая-безбожнаго побѣда!»

Задонской князь Дмитрій Ивановичъ съ незнамымъ воиномъ обмѣнались конями, простились, и благословилъ его князь Дмитрій Ивановичъ на дѣло великое, на побоище смертное.

Съѣхались два сильные, могучіе богатыря на чистомъ полѣ на Куликовѣ въ бою-дракѣ перевѣдаться. Палицами ударились —палицы по чѝвья поломались; копьями соткнулись — копья извернулись; саблями махнулись — сабли изщербились; скакали они со добрыхъ коней и бились они рукопашнымъ боёмъ, и бились они три дня, три ночи, три часа не пиваючи, бились не ѣдаючи; на четвертой день оба тутъ и упокоились.

И учалъ князь Дмитрій Ивановичъ досматривать: незнамый воинъ правую руку на тӯлово [1]) Кроволина-татарина накинулъ. Князь своего воина срядѝлъ, похоронилъ, надъ нимъ крёстъ поставилъ и вызолотилъ.

У Мамая-безбожнаго, пса смердящаго, выскочилъ изъ земли другой воинъ, и звопѝлъ своимъ зычнымъ голосомъ: «Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! подавай мнѣ-ка супротивника; въ другую сторону я твою силу побью, и тебѣ князю глаза выкопаю — свѣтъ отниму!»

Понурилъ буйну голову Задонской князь Дмитрій Ивановичъ: «не на кого мнѣ-ка надѣяться, самому пришло идти на Кроволина-татарина.» Садился онъ на своего добрà коня, поѣзжалъ на Кроволина-татарина. Палъ ёму встрѣту другой воинъ: «осади лошадь, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! избавлю я тебя отъ скорыя смерти. Буде я побью собаку-татарина, бейся и дерись со Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови: и будетъ на Мамая-безбожнаго побѣда! А буде Квашниндѣкъ-богатырёкъ (sic) побьетъ меня, са-

[1]) Туловище.

дись на моего добраго коня: увезетъ онъ тебя отъ смерти отъ скорыя.»

Князь Дмитрій Ивановичъ и незнамый воинъ обмѣнялись конями, простились, и благословилъ его Дмитрій Ивановичъ на дѣло великое, на побоище смертное.

Съѣхались два сильные, могучіе богатыря на чистомъ полѣ на Куликовѣ въ бою-дракѣ перевѣдаться. Впервые палицами они ударились — палицы по чивья поломались, копьями кололись—копья извернулись, вострыми саблями рубились—сабли изщербились; скочили они со добрыхъ коней, бились-дрались рукопашнымъ боёмъ, бились-дрались три дня, три ночи и три часа, не пиваючи, не ѣдаючи и ясныхъ глазъ не смыкаючи; на четвертой день оба тутъ и упокоились.

И учалъ князь Дмитрій Ивановичъ досматривать: у воина князева правая пола на поганаго татарина накинулась. Князь своего воина честно срядилъ, похоронилъ, и на могилѣ крёстъ поставилъ и вызолотилъ.

Втѣпоръ русской посолъ Захарій Тютринъ, съ мохначами, бородачами—донскими казаками, напущался на силу Мамая-безбожнаго. Свѣтлый день идетъ ко вечеру, а бой-драка еще не кончилась; когда кончилась драка, учали смечать: у кого сколько силы пало? У русскаго посла Захарья Тютрина на одного мохнача, бородача — донскаго казака по двѣ тысячи по двѣсти татаровей выпало.

Сталъ попущаться другой полокъ [1]) Семена Тупика, Ивана Квашнина и семи братьевъ Бѣлозерцевъ. Красное солнушко изъ-за лѣса, привздымается, бой-драка не умаляется; красное солнушко на-покать пошло, нашу силу побивать стали. Втѣпоръ сталъ попускаться Задонской князь Дмитрій Ивановичъ.

---

[1]) Отрядъ, полкъ.

Живетъ онъ въ силѣ Мамая-безбожнаго, какъ острая коса въ сѣностàвъ [1]) въ мягкой травѣ; куда проѣдетъ на конѣ—тамъ улица, поворотится—переулочекъ, оборота на конѣ дастъ — площадью силу сдѣлаетъ. Не въ могу̀ту стало биться Задонскому князю Дмитрію Ивановичу: забрызгалъ онъ свои очи ясныя поганою татарскою кровью, тутъ у него и свѣтъ вы̀брало—зтемнѣлъ. Законàлся [2]) онъ своему коню доброму: «увези ты меня, конь, отъ скорыя смерти!» Билъ онъ коня по крутымъ бедрамъ; подымался конь—только топъ стоѝтъ!

Привозилъ его конь въ поле чистое къ кудрявой березѣ, а опричь тоё кудрявой березы на полѣ нѣтъ не лѣсѝнки. Слѣзалъ онъ со добра коня: «побѣгàй, мой добрый конь, въ чистыя поля, въ широкіе луга, ѣшь шелкову траву, пей свѣжую воду; не достанься, мой добрый конь, поганому Мамаю-безбожному, псу смердящему.»

Сѣлъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ на кудрявую березу.

Летитъ по̀ небу черезъ поле чистое стадо бѣлыхъ лебедей. Поглядѣлъ на стадо Дмитрій Ивановичъ, самъ прогово̀рилъ: «за грѣхи мои окаянные попущаетъ Господь Богъ на землю русскую Мамая-безбожнаго; не по насъ птицы летятъ: будетъ на Русь православную побѣда!» Обсидѣлся Задонской князь Дмитрій Ивановичъ; мàло [3]) — бѣжитъ по чисту полю стадо сѣрыхъ волковъ. «Господи, истинный Христе! смилуйся надъ Русью православною, не отдай насъ въ лихо къ некрещеному поганому татарину; не по насъ звѣри бѣжàтъ: пить намъ отъ Мамая-безбожнаго, пса смердящаго, горькая чаша!»

Зàспалъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ на кудрявой березѣ. Втѣпоръ сила Мамая-безбожнаго, пса смердящаго,

[1]) Въ сѣнокосную пору (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 224).

[2]) Заколился. [3]) *Мàло*—спустя нѣсколько времени, черезъ нѣсколько минутъ.

нашу силу побивать стала. Русской посолъ Захарій Тютринъ съ мохначами, бородачами — донскими казаками, Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашнинъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ и вся Дмитрія Ивановича сила-рать могучая Господу Богу возмолилисъ: «Господи Іисусе, истинный Христосъ, Донъ-Мать [1]) пресвятая Богородица! не попустите некрещеному татарину наругаться надъ храмами вашими пречистыми, пошлите намъ заступника Георгія Храбраго».

Изъ-за тѣхъ ли темныхъ лѣсовъ, зеленыхъ дубравъ выѣзжаетъ сильное воинство; ударилось оно на силу Мамая-безбожнаго. Побѣжали поганые татары по чисту полю, прибѣгали поганые татары въ зыбкую о́рду [2]), въ этой о́рдѣ поганые татары и животъ скончали.

Спохватилась рать-сила могучая Задонскаго князя Дмитрія Ивановича. Русской посолъ Захарій Тютринъ, Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашнинъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ учали силу спрашивать: не помѣтилъ ли кто пути-дороги Задонскаго князя Дмитрія Ивановича? Молчитъ рать-сила могучая; ни отъ кого отвѣта нѣтъ. Русской посолъ Захарій Тютринъ, Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашнинъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ понурили свои буйны головы; положили они на скопѣ [3]): погибъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ въ бою-дракѣ отъ поганыхъ татаровей.

Вздадь пошла рать-сила могучая по чистому полю. Увидѣлъ русской посолъ Захарій Тютринъ въ чистомъ полѣ кудряву березу, а на той кудравой березѣ чернѣвину [4]); походилъ Захарко на чернѣвину, признавалъ онъ Задонскаго князя Дмитрія Ивановича. Въ ноги палъ онъ князю Дмитрію Ивановичу: «воз-

[1]) Донъ-Мать—Матерь Дона, Донская пресвятая Богородица.

[2]) *Орда* у крестьянъ архангельской губ.—зыбкая тундра, болото, покрытое мохомъ. [3]) На общемъ собраніи (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 205).

[4]) Отдаленный предметъ, чернѣющій вдали (ibidem, стр. 256).

радуйся, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! постояли мы за матушку Русь православную, побѣдили Мамая-безбожнаго, пса смердящаго!» Сходитъ князь Дмитрій Ивановичъ съ кудрявыя березы; на востокъ онъ три раза земно кланяется. Настигали они рать-силу могучую, находили въ томъ радость-веселіе.

(Записана въ архангельской губерніи, шенкурскомъ уѣздѣ г. А. Харитоновымъ.)

64.

СКАЗАНІЕ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ МАКЕДОНСКОМЪ.

Жилъ на свѣтѣ царь; имя его было Александръ Македонскій. Это было въ старину, давно-давно, такъ что ни дѣды, ни прадѣды, ни прапрадѣды, ни пращуры наши не запомнятъ. Царь этотъ былъ изъ богатырей богатырь. Никакой силачъ въ свѣтѣ не могъ побѣдить его. Онъ любилъ воевать, и войско у него было все начисто богатыри. На кого ни пойдетъ войною царь Александръ Македонскій — все побѣдитъ. И покорилъ онъ подъ свою власть всѣ царства земныя. И зашелъ онъ на край свѣта и нашелъ такіе народы, что самъ, какъ ни былъ храбръ, ужаснулся ихъ: свирѣпы пуще лютыхъ звѣрей и ѣдятъ живыхъ людей; у иного изъ нихъ одинъ глазъ — и тотъ во лбу, а у иного три глаза; у иного одна только нога, а у иного три, и бѣгаютъ они такъ быстро, какъ летитъ изъ лука стрѣла. Имя этихъ народовъ было: Гоги и Магоги. Однако-жъ царь Александръ Македонскій отъ этихъ дивіихъ народовъ не струсилъ; началъ онъ съ ними воевать. Долго ли коротко ли онъ съ ними вёлъ войну — это невѣдомо; только дивіи народы струсили, и пустились отъ него бѣжать. Онъ за ними, гнать-гнать, и загналъ ихъ въ такія трущобы, пропасти

и горы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Тамъ-то они и скрылись отъ царя Александра Македонскаго. Что-же сдѣлалъ съ ними царь Александръ? Онъ свёлъ надъ ними одну гору съ другою сводомъ, и поставилъ на сводѣ трубы, и ушелъ назадъ въ свою землю. Подуютъ вѣтры въ трубы, и подымется страшный вой; они, сидя тамъ, кричатъ: о, видно еще живъ Александръ Македонскій! Эти Гоги и Магоги до сихъ поръ еще живы и трепещутъ Александра, а выйдутъ оттудова передъ самою кончиною свѣта.

(Записана въ саратовской губерніи А. Леопольдовымъ.)

65.

РАЗСКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХЪ. [1])

а. Отпросился солдатъ въ отпускъ—родину навѣстить, родителей повидать, и пошелъ въ дорогу. День шелъ, другой шелъ, на третій забрёлъ въ дремучій лѣсъ. Гдѣ тутъ ночевать? Увидалъ на опушкѣ двѣ избы стоятъ, зашелъ въ крайнюю и засталъ дома одну старуху. «Здравствуй, бабушка!»—Здравствуй, служивенькой! «Пусти меня ночь переспать.»—Ступай, только тебѣ здѣсь безпокойно будетъ. «Что? али тѣсно у васъ? это, бабушка, ничего; солдату немного мѣста надо: гдѣ-нибудь въ уголокъ прилягу, только бы не на дворѣ!» — Не то, служивенькой! на грѣхъ пришелъ ты... «На какой грѣхъ?» — А вотъ на какой: въ сосѣдней избѣ померъ недавно старикъ—большой колдунъ! и таперича каждую ночь рыщетъ онъ по чужимъ домамъ да людей ѣстъ. «Э, бабушка! Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ.» Солдатъ раздѣлся, поужиналъ, и полѣзъ на полати; легъ отдыхать, а возлѣ себя тесакъ по-

---

[1]) См. выпускъ V, № 30.

ложилъ. Ровно въ двѣнадцать часовъ попадали всѣ запоры и растворились всѣ двери; входитъ въ избу покойникъ въ бѣломъ саванѣ и брòсился на старуху. «Ты, проклятой, зачѣмъ сюда?» закричалъ на него солдатъ. Колдунъ оставилъ старуху, вскочилъ на полати и давай съ солдатомъ возиться. Тотъ его тесакомъ, рубилъ-рубилъ, всѣ пальцы на рукахъ поотбивалъ, а все не можетъ поправиться. Крѣпко они сцѣпились и оба съ полатей нà полъ грохнулись: колдунъ подъ низъ, а солдатъ на верхъ попалъ; схватилъ солдатъ его зà бороду и до тѣхъ поръ угощалъ тесакомъ, пока пѣтухи не запѣли. Въ ту самую минуту колдунъ омертвѣлъ: лежитъ, не тронется, словно деревянная колода. Солдатъ вытащилъ его на дворъ и бросилъ въ колодезь—головой внизъ, ногами къ верху. Глядь: на ногахъ у колдуна славные, новые сапоги, гвоздями убиты, дёгтемъ смазаны! «Эхъ, жаль! такъ задàромъ пропадутъ! думаетъ солдатъ; дай-ка я сниму ихъ!» Снялъ съ мертваго сапоги и воротился въ избу. «Ахъ, батюшка служивенькой! говоритъ старуха; зачѣмъ ты съ него сапоги-то снялъ?» — Дакъ неужли-жъ на немъ оставить? Ты смотри: какіе сапоги-то! Кому не надо — рубль серебра дастъ; а я вѣдь человѣкъ походной, мнѣ они очень пригодятся! На другой день простился солдатъ съ хозяйкою и пошелъ дальше; только съ того самаго дня — куда онъ ни зайдетъ на ночлегъ, ровно въ двѣнадцать часовъ ночи является подъ окно колдунъ и требуетъ своихъ сапоговъ: «я, грозитъ, отъ тебя нигдѣ не отстану; всю дорогу съ тобой пройду, на родинѣ не дамъ отдыху, на службѣ замучу!» Не выдержалъ солдатъ: «да что тебѣ, проклятой, надобно?»—Подай мои сапоги! Солдатъ бросилъ въ окно сапоги: «на, отвяжись отъ меня, нечистая сила!» Колдунъ подхватилъ свои сапоги, свистнулъ и съ глазъ пропалъ.

ђ. Пошелъ мужикъ на охоту и любимую собаку съ собой взялъ. Ходилъ-ходилъ по лѣсамъ, по болотамъ, ничего не вы-

ходилъ; пристигала его темная ночь, въ неуказные часы идетъ мимо кладбища и видитъ: стоитъ на распутіи мертвецъ въ бѣломъ саванѣ. Оробѣлъ мужикъ: куда идти? впередъ, или назадъ повернуть? «Эхъ, что ни будетъ, пойду впередъ!» Идетъ, а собака за нимъ слѣдомъ бѣжитъ. Запримѣтилъ его мертвецъ и понесся на встрѣчу—до земли ногами на полъаршина не хватаетъ, только саванъ раздувается. Поровнялся съ охотникомъ, бросился на него, а собака ухватила того мертвеца за голыя икры и начала съ нимъ бороться. Видитъ мужикъ, что собака съ мертвецомъ схватилась; обрадовался, что его дѣло право, и побѣжалъ во всю прыть домой! Собака до тѣхъ поръ дралась, пока пѣтухи запѣли и мертвецъ недвижимъ упалъ; послѣ того пустилась за хозяиномъ, нагнала у самаго дома и бросилась рвать-кусать его; такъ обозлилась, такъ пристала, что еле домашніе отбили! «Что такое съ собакой подѣялось? спрашиваетъ мать-старуха; отчего такъ возненавидѣла хозяина?» Мужикъ разсказалъ все, что было. «Нехорошо, сынокъ! говоритъ старуха; собака за то осерчала, что ты не далъ ей помочи; она съ покойникомъ дралась, а ты ее одноё покинулъ да себя спасалъ! Теперь она долго будетъ на тебя зло мыслить.» На утро вся семья по двору ходитъ—собака ничего, а только хозяинъ покажется—такъ и зарычитъ. Приковали ее на цѣпь; цѣлой годъ на цѣпи продержали, а все она не забыла хозяйской обиды; сорвалась какъ-то и прямо на охотника, давай душить его... Тутъ ее и убили.

с. Въ стародавніе годы жили-были въ одной деревнѣ два молодыхъ парня; жили они дружно, вмѣстѣ по бесѣдамъ ходили, другъ друга за роднаго брата почитали. Сдѣлали они между собой такой уговоръ: кто изъ нихъ станетъ вперёдъ жениться, тому звать своего товарища на свадьбу; живъ ли онъ будетъ, помрётъ ли—все равно. Черезъ годъ послѣ того заболѣлъ одинъ молодецъ и померъ; а спустя нѣсколько мѣ-

евцевъ задумалъ его товарищъ жениться. Собрался со всѣмъ сродствомъ своимъ и поѣхалъ за невѣстою. Случилось имъ ѣхать мимо кладбища; вспомнилъ женихъ своего пріятеля, вспомнилъ старой уговоръ и велѣлъ остановить лошадей: «я, говоритъ, пойду къ своему товарищу на могилу; попрошу его къ себѣ на свадьбу погулять; онъ былъ мнѣ вѣрной другъ!» Пошелъ на могилу и сталъ звать: «любезной товарищъ! прошу тебя на свадьбу ко мнѣ.» Вдругъ могила растворилась, покойникъ всталъ и вымолвилъ: «спасибо тебѣ, братъ, что исполнилъ свое обѣщаніе! На радостяхъ взойди ко мнѣ; выпьемъ съ тобой по стакану сладкаго вина.»—Зашелъ бы, да поѣздъ стоитъ, народъ дожидается. Покойникъ отвѣчаетъ: «эхъ, братъ! стаканъ вить недолго выпить.» Женихъ спустился въ могилу; покойникъ налилъ ему чашу вина, онъ выпилъ — и прошло цѣлое сто лѣтъ. «Пей, милой, еще чашу!» Выпилъ другую—прошло двѣсти лѣтъ. «Ну, дружище, выпей и третью, да ступай съ Богомъ, играй свою свадьбу!» Выпилъ третью чашу—прошло триста лѣтъ. Покойникъ простился съ своимъ товарищемъ; гробъ закрылся, могила заровнялась. Женихъ смотритъ: гдѣ было кладбище, тамъ стала пустошь; нѣтъ ни дороги, ни сродниковъ, ни лошадей, вездѣ поросла крапива да высокая трава. Побѣжалъ въ деревню—и деревня ужь не та: домà иные, люди все незнакомые. Пошелъ къ священнику—и священникъ не тотъ; разсказалъ ему, какъ и что было. Священникъ началъ по книгамъ справляться, и нашелъ, что триста лѣтъ тому назадъ былъ такой случай: въ день свадьбы отправился женихъ на кладбище и пропалъ, а невѣста его вышла потòмъ замужъ за другаго.

d. Жилъ-былъ мужикъ да баба, у нихъ было два сына. Пришла солдатчина, забрили старшему сыну лобъ и угнали далеко-далеко; а другой братъ охотой нанялся и пошелъ въ солдаты. «Кто насъ кормить станетъ?» говоритъ старуха, озло-

билась на меньшаго сына и прокляла его на вѣки. И случилось такъ, что оба брата попали въ одинъ полкъ; жили они согласно, хорошо. Вотъ меньшой прослужилъ годъ, другой; заболѣлъ и померъ. Схоронили его, какъ слѣдуетъ. Ночью приходитъ мертвой братъ къ живому, и говоритъ: «братецъ! проснись.» Тотъ испугался. «Не бойся! я не даромъ. Помнишь, какъ нанялся я въ охотники, втѣпоры меня мать прокляла, и теперь меня земля не примаетъ. Такъ вотъ что, братецъ! отпросись въ отпускъ да умоли матушку, чтобъ простила меня; коли умолишь ее, добромъ тебѣ заплачу̀: станешь жениться—вспомянешь меня!» Старшій братъ отпросился въ отпускъ и пошелъ домой. Приходитъ въ свою деревню; отецъ и мать радёхоньки, стали спрашивать: «не встрѣчалъ ли гдѣ меньшаго брата? не слыхалъ ли чего объ немъ?» —Ахъ, вить онъ померъ! матушка, прости его. Старуха заплакала и простила.

На другой день идетъ солдатъ рынкомъ; вдругъ кличетъ его купецъ: «что, служба, не хочешь ли жениться?»—Невѣсты нѣту! «Пойдёмъ ко мнѣ; у меня дочь есть.»—Пойдемъ. У того купца дочь два раза замужъ выходила, да все бѣда случалась: положатъ съ вечера молодыхъ спать, а на утро мужъ помретъ; вишь, къ ней змѣй леталъ! А солдатъ про то ничего не вѣдаетъ; сосватался, обвѣнчали ихъ и положили спать. Ночью пришелъ умершій братъ и сталъ у изголовья съ мечомъ въ рукѣ. Ударило двѣнадцать часовъ, прилетаетъ страшной змѣй. Мертвецъ бросился на него и срубилъ ему всѣ девять головъ; на утро пришли купецъ съ купчихою, а зять живъ; поставили за него въ полкъ рекрута, и сталъ онъ жить съ своею женою, брата поминать да добра наживать.

е. Отпросился солдатъ въ отпускъ на родину — святымъ иконамъ помолиться, родителямъ поклониться. Идетъ дорогою, а ужъ солнышко давно сѣло, въ полѣ темно. Надо идти мимо

кладбища; вотъ слышитъ онъ—кто-то за нимъ гонится: «стой! кричитъ, не уйдешь!» Оглянулся, а то упокойникъ бѣжитъ, зубами скрипитъ; солдатъ пустился отъ него въ сторону во всю свою прыть, увидалъ часовенку — и прямо въ нее. Въ той часовенкѣ нѣтъ никого, только лежитъ на столѣ другой упокойникъ, а передъ нимъ свѣчи горятъ. Солдатъ забился въ уголъ, сидитъ ни живъ, ни мертвъ: что-то будетъ! Вдругъ прибѣгаетъ и лѣзетъ въ часовню тотъ первой упокойникъ, что за солдатомъ гналъ; а тотъ, что̀ на столѣ лежалъ, встаетъ и говоритъ ему: «ты зачѣмъ прибѣгъ (прибѣжалъ)?»—Я солдата сюды пригналъ, такъ хочу его съѣсть. «Ну, братъ, онъ ко мнѣ прибѣгъ; я его и съѣмъ!»—Нѣтъ я! «Нѣтъ я!» И давай драться, только пыль летитъ; долго бы они дрались, да пѣтухи закричали: тутъ оба упокойника упали на̀ полъ замертво, и солдатъ спокойно ушелъ домой. «Слава тебѣ, Господи, спасся отъ колдуновъ!»

f. Въ одномъ селѣ жили-были мужъ да жена; жили они весело, согласно, любовно; всѣ сосѣди имъ завидовали, а добрые люди, глядючи на нихъ, радовались. Вотъ хозяйка отяжелѣла, родила сына, да съ тѣхъ родовъ и померла. Бѣдный мужикъ горевалъ да плакалъ; пуще всего о ребенкѣ убивался: какъ теперь выкормить, возростить его безъ родной матери? Нанялъ какую-то старушку за нимъ ходить; все лучше. Только что за притча? днёмъ ребенокъ не ѣстъ, завсегда кричитъ, ничѣмъ его не утѣшишь; а наступитъ ночь — словно и нѣтъ его, тихо и мирно спитъ. «Отчего такъ? думаетъ старуха; дай ка я ночь не посплю, авось развѣдаю.» Вотъ въ самую полночь слышитъ она: кто-то отворилъ потихоньку двери и подошелъ къ люлькѣ; ребенокъ затихъ, какъ будто грудь сосетъ. На другую ночь и на третью опять тоже. Стала она говорить про то мужику; онъ собралъ своихъ сродственниковъ и сталъ совѣтъ держать. Вотъ и придумали: не поспать

одну ночь да подсмотрѣть кто это ходитъ да ребенка кормитъ? Съ вечера улеглись всѣ на полу, въ головахъ у себя поставили зажженную свѣчу и покрыли ее глинянымъ горшкомъ. Въ полночь отворилась въ избу дверь, кто-то подошелъ къ люлькѣ—и ребенокъ затихъ. Въ это время одинъ изъ сродственниковъ вдругъ открылъ свѣчу—смотрятъ: покойная мать въ томъ самомъ платьѣ, въ какомъ ее схоронили, стоитъ на колѣнахъ, наклонясь къ люлькѣ, и кормитъ ребенка мертвою грудью. Только освѣтилась изба—она тотчасъ поднялась, печально взглянула на своего малютку и тихо ушла, не говоря никому ни единаго слова. Всѣ, кто ее видѣлъ, превратились въ камень; а малютку нашли мертвымъ.

66.

НЕЧИСТОЙ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, былъ-жилъ старикъ со старухою; у нихъ была дочь Маруся. Въ ихъ деревнѣ былъ обычай справлять праздникъ Андрея Первозваннаго: соберутся дѣвки въ одну избу, напекутъ пампушекъ и гуляютъ цѣлую недѣлю, а то и больше. Вотъ дождались этого праздника, собрались дѣвки, напекли-наварили что̀ надо; вечеромъ пришли парубки съ сопѣлкою, принесли вина и началась пляска, гульба — дымъ коромысломъ! Всѣ дѣвки хорошо пляшутъ, а Маруся лучше всѣхъ. Немного погодя, входитъ въ избу такой молодецъ—что̀ на, поди! кровь съ молокомъ! одѣтъ богато, чисто. «Здравствуйте, говоритъ, красныя дѣвицы!» —Здравствуй, доброй мо̀лодецъ! «Гулянье вамъ!»— Милости просимъ гулять къ намъ! Сейчасъ вынулъ онъ кошель полонъ золота, послалъ за виномъ, за орѣхами, пряниками — разомъ все готово; началъ угощать и дѣвокъ и робятъ, всѣхъ одѣлилъ.

А пошелъ плясать—любо-дорого посмотрѣть! Больше всѣхъ полюбилась ему Маруся; такъ къ ней и пристаетъ. Наступило время по домамъ расходиться. Говоритъ этотъ молодецъ: «Маруся! поди, проводи меня.» Она вышла провожать его; онъ и говоритъ: «Маруся, сердце! хочешь ли я тебя замужъ возьму?» —Коли бы взялъ, я бы съ радостью пошла. Да ты откола? «А вотъ изъ такого-то мѣста, живу у купца за прикащика.» Тутъ они попрощались и пошли всякой своей дорогою. Воротилась Маруся домой, мать ее спрашиваетъ: «хорошо ли погуляла, дочка?» — Хорошо, матушка! да еще скажу тебѣ радость: былъ тамъ со стороны доброй молодецъ, собой красавецъ и денегъ много; обѣщалъ взять меня замужъ. «Слушай, Маруся: какъ пойдешь завтра къ дѣвкамъ, возьми съ собой клубокъ нитокъ; станешь провожать его, втѣпоры накинь ему петельку на пуговицу и распускай потихоньку клубокъ, а послѣ по этой нитке и свѣдаешь, гдѣ онъ живетъ?» На другой день пошла Маруся на вечерницу и захватила съ собой клубокъ нитокъ. Опять пришелъ доброй молодецъ: «здравствуй, Маруся!» —Здравствуй! Начались игры, пляски; онъ пуще прежняго льнётъ къ Марусѣ, ни на шагъ не отходитъ. Ужь время и домой идти. «Маруся! говоритъ гость, проводи меня.» Она вышла на улицу, стала съ нимъ прощаться и тихонько накинула петельку на пуговицу; пошелъ онъ своею дорогою, а она стоитъ да клубокъ распускаетъ; весь распустила и побѣжала узнавать, гдѣ живетъ еяназванной женихъ? Сначала нитка по дорогѣ шла, послѣ потянулась черезъ заборы, черезъ канавы, и вывела Марусю прямо къ церкви, къ главнымъ дверямъ. Маруся попробовала — двери заперты; пошла кругомъ церкви, отыскала лѣстницу, подставила къ окну и полѣзла посмотрѣть, что тамъ дѣется? Влѣзла, глянула—а названной женихъ стоитъ у гроба да упокойника ѣстъ; въ церкви тогда ночевало мертвое тѣло. Хотѣла было потихоньку соскочить съ лѣстницы,

да съ испугу не остереглась и стукнула; бѣжитъ домой—себя не помнитъ, все ей погоня чудятся; еле жива прибѣжала! Поутру мать спрашиваетъ: «что, Маруся, видѣла того молодца?» — Видѣла, матушка!—а что видѣла, того не разсказываетъ. Вечеромъ сидитъ Маруся въ раздумьи: идти или нѣтъ на вечерницу? «Ступай, говоритъ мать, поиграй пока молода!» Приходитъ она на вечерницу, а нечистой уже тамъ. Опять начались игры, смѣхи, пляска; дѣвки ничего не вѣдаютъ! Стали по домамъ расходиться; говоритъ нечистой: Маруся! поди, проводи меня.» Она не йдетъ, боится. Тутъ всѣ дѣвки на нее накинулись: «что съ тобой? или застыдилася? ступай, проводи добра молодца!» Нечего дѣлать пошла — что Богъ дастъ! Только вышли на улицу, онъ ее и спрашиваетъ: «ты вчера къ церкви ходила?»— Нѣтъ! «А видѣла, что я тамъ дѣлалъ?»—Нѣтъ! «Ну, завтра твой отецъ помретъ!» Сказалъ и исчезъ. Вернулась Маруся домой грустна и невесела; поутру проснулась—отецъ мертвой лежитъ. Поплакали надъ нимъ и въ гробъ положили; вечеромъ мать къ попу поѣхала, а Маруся осталась: страшно ей одной дома; «дай, думаетъ, пойду къ подругамъ.» Приходитъ, а нечистой там. «Здравствуй, Маруся! что не весела?» спрашиваютъ ее дѣвки.—Какое веселье? отецъ померъ. «Ахъ, бѣдная!» Всѣ тужатъ объ ней; тужитъ и онъ проклятой, будто не его дѣло. Стали прощаться, по домамъ расходиться: «Маруся! говоритъ онъ, проводи меня.» Она не хочетъ. «Что ты маленькая—что ли? чего боишься? проводи его!» пристаютъ дѣвки. Пошла провожать; вышли на улицу. «Скажи, Маруся, была ты у церкви?» — Нѣтъ! «А видѣла, что я дѣлалъ?»—Нѣтъ! «Ну, завтра мать твоя помретъ!» Сказалъ и исчезъ. Вернулась Маруся домой еще печальнѣе; переночевала ночь, поутру проснулась—мать лежитъ мертвая. Цѣлой день она проплакала, вотъ солнце сѣло, кругомъ темнѣть стало — боится Маруся одна оставаться; пошла къ по-

другамъ. «Здравствуй! что съ тобой? на тебѣ лица не видать!» говорятъ дѣвки.—Ужь какое мое веселье! вчера отецъ померъ, а сегодня мать. «Бѣдная, несчастная!» сожалѣютъ ее всѣ. Вотъ пришло время прощаться. «Маруся! проводи меня», говоритъ нечистой. Вышла провожать его. «Скажи, была ты у церкви?»—Нѣтъ! «А видѣла, что я дѣлалъ?»—Нѣтъ! «Ну, завтра ввечеру сама помрешь!» Маруся переночевала съ подругами, поутру встала и думаетъ: что ей дѣлать? Вспомнила, что у ней есть бабка—старая-старая, ужь ослѣпла отъ долгихъ лѣтъ. «Пойду-ка я къ ней, посовѣтуюсь.» Отправилась къ бабкѣ. «Здравствуй, бабушка!»—Здравствуй, внучка! какъ Богъ милуетъ? что отецъ съ матерью? «Померли, бабушка!» — и разсказала ей все, что съ нею случилося. Старуха выслушала и говоритъ: «охъ, горемычная ты моя! ступай скорѣй къ попу, попроси его: коли ты помрешь, чтобъ вырыли подъ порогомъ яму, да несли бы тебя изъ избы не въ двери, а протащили-бъ сквозь то отверетье; да еще попроси, чтобъ похоронили тебя на перекресткѣ—тамъ, гдѣ двѣ дороги пересѣкаются.» Пришла Маруся къ попу, слезно заплакала и упросила его сдѣлать все такъ, какъ бабушка научила; воротилась домой, купила гробъ, легла въ него — и тотчасъ-же померла. Вотъ дали знать священнику; похоронилъ онъ сначала отца и мать Маруси, а потомъ и ее. Вынесли Марусю подъ порогомъ, схоронили на раздорожьи.

Въ скоромъ времени случилось одному боярскому сыну проѣзжать мимо Марусиной могилы; смотритъ — а на той могилѣ ростетъ чудный цвѣтокъ, какого онъ никогда не видывалъ. Говоритъ баричъ своему слугѣ: «поди, вырой мнѣ тотъ цвѣтокъ съ корнемъ; привеземъ домой и посадимъ въ горшокъ: пусть у насъ цвѣтетъ!» Вотъ вырыли цвѣтокъ, привезли домой, посадили въ муравленой горшокъ и поставили на окно. Началъ цвѣтокъ рости, красоваться. Разъ какъ-то не поспалось слугѣ

ночью; смотритъ онъ на окно и видитъ — чудо совершилося: вдругъ цвѣтокъ зашатался, упалъ съ вѣтки на̀земь — и обратился красной дѣвицей; цвѣтокъ былъ хорошъ, а дѣвица лучше! Пошла она по комнатамъ, достала себѣ разныхъ напитковъ и кушаньевъ, напилась-наѣлась, ударилась объ полъ—сдѣлалась по прежнему цвѣткомъ, поднялась на окно и сѣла на вѣточку. На другой день разсказалъ слуга баричу, какое чудо ему въ ночи привидѣлось. «Ахъ, братецъ! что-жъ ты меня не разбудилъ? Нынѣшнюю ночь станемъ вдвоемъ караулить.» Пришла ночь—они не спятъ, дожидаются. Ровно въ двѣнадцать часовъ цвѣтокъ началъ шевелиться, съ мѣста на мѣсто перелетать, послѣ упалъ на̀земь—и явилась красная дѣвица; достала себѣ напитковъ и кушаньевъ и сѣла ужинать. Баричъ выбѣжалъ, схватилъ ее за бѣлыя руки и повелъ въ свою горницу; не можетъ вдоволь на нее насмотрѣться, на красоту ея наглядѣться. На утро говоритъ отцу, матери: «позвольте мнѣ жениться; я нашелъ себѣ невѣсту.» Родители позволили. Маруся говоритъ: «я пойду за тебя только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы четыре года въ церковь не ходить.»—Хорошо! Вотъ обвѣнчались, живутъ себѣ годъ и два, и прижили сына. Одинъ разъ наѣхали къ нимъ гости; подгуляли, выпили, и стали хвалиться своими женами: у того хороша, у другаго еще лучше. «Ну, какъ хотите, говоритъ хозяинъ, а лучше моей жены во всемъ свѣтѣ нѣту!» — Хороша, да некрещѐна! отвѣчаютъ гости. «Какъ такъ?» — Да въ церковь не ходитъ. Тѣ рѣчи показались мужу обидны; дождался воскресенья и велѣлъ женѣ наряжаться къ обѣднѣ. «Знать ничего не хочу! будь сейчасъ готова!» Собрались они и поѣхали въ церковь; мужъ входитъ—ничего не видитъ, а она глянула—сидитъ на окнѣ нечистой: «а, такъ ты вѐтана! Вспомни-ка старое: была ты ночью у церкви?»—Нѣтъ! «А видѣла, что̀ я тамъ дѣлалъ?»—Нѣтъ! «Ну, завтра у тебя и мужъ, и сынъ помрутъ!» Маруся прямо изъ церкви бросилась къ своей

старой бабушкѣ. Та ей дала въ одномъ пузырькѣ святой воды, а въ другомъ живущей, и сказала, какъ и что дѣлать. На другой день померли у Маруси и мужъ, и сынъ; а нечистой прилетѣлъ и спрашиваетъ: «скажи, была у церкви?»—Была. «А видѣла, что я дѣлалъ?» — Мертваго жралъ! Сказала да какъ плеснетъ на него святой водою — онъ такъ прахомъ и разсыпался. Послѣ взбрызнула живущей водой мужа и сына — они тотчасъ ожили, и съ той поры не знали ни горя, ни разлуки, а жили всѣ вмѣстѣ долго и счастливо.

67.

ЧУДЕСНОЕ КОЛЬЦО.

Въ едакихъ мѣстахъ, въ едакихъ большихъ деревнахъ, жилъ мужичокъ не скудно, не богато; у него былъ сынокъ, и оставляетъ онъ сынку триста рублей денегъ: «вотъ тебѣ, сынокъ! благословляю тремя стами рублями до твоего выросту.» Выросъ этотъ сынокъ, взошелъ въ полной разумъ, и говоритъ своей матушкѣ: «помню я: покойной батюшка благословлялъ меня тремя стами рублями; то дай мнѣ хоть сотенку.» Она ему дала сто рублей; онъ и пошелъ во путь-во дороженьку, и попадается ему мужичокъ — ведетъ вислоухую собаку. Онъ и говоритъ: «продай мнѣ, мужичокъ, эту собаку.» Мужикъ говоритъ: «ну-ка дай сто рублей.» Вотъ онъ далъ за нее сто рублей, привѣлъ ее домой, поитъ и кормитъ. Послѣ того проситъ у матери еще сто рублей. Мать ему еще сто рублей дала; онъ пошелъ во путь-во дороженьку, опять ему попадается мужикъ— ведетъ котка-золотой хвостикъ. Онъ и говоритъ: «продай мнѣ, мужичокъ этого котка.» Мужикъ говоритъ: «купи!» — А что тебѣ за него? Мужичокъ говоритъ: «хочешь, такъ сто рублей.» И отдалъ ему котка за сто рублей; онъ взялъ его,

свёлъ домой, поитъ и кормитъ. Ну, вотъ проситъ онъ у матери еще сто рублей. Мать ему говоритъ: «милое ты мое дитятко! куда ты деньги изводишь? напрасныя эти покупки.» — Э, мать моя родимая! не тужи объ деньгахъ; они намъ когда-нибудь возворотятся.» Она ему и третью сотню дала; онъ опять пошелъ во путь-во дороженьку. Ну, хорошо; въ едакихъ мѣстахъ, въ едакихъ городахъ умерла царевна, а у ней на рукѣ было золотое колечко; ему доброму мòлодцу очень хочется снять съ руки это колечко. Вотъ онъ закупаетъ карауловъ допустить его до царевны; подошелъ къ ней, снялъ съ руки колечко, и пошелъ къ своей матери: никто его не сдержалъ. Живетъ долго ли, коротко ли—вышелъ на крылечко и перекинулъ это колечко съ руки нà руку, выскочило изъ колечка триста мòлодцевъ и сто семьдесятъ богатырёвъ и спрашиваютъ у него: «что заставишь насъ работать?»—Вотъ что заставлю: первое — сшибите мою старую избу, и поставьте на этомъ-же мѣстѣ каменный домъ, и чтобы матушка моя про то не знала.» Они сработали въ одну ночь; мать его встаетъ и удивляется: «чей это домъ такой?» Сынъ ей говоритъ: «матушка моя родимая! не удивляйся, а молись Богу; домъ этотъ нашъ.» Вотъ живутъ они долго ли, коротко ли въ этомъ домѣ — вышли ему совершенные годы, и захотѣлось ему жениться. Въ едакомъ царствѣ, въ едакомъ государствѣ, у такого-то царя была царевна, и ему хочется на ней посвататься: «сватай-ка за меня, моя родная матушка! въ едакомъ-то царствѣ у такого-то царя есть дочь хороша.» Мать ему и говоритъ: «дитя ты мое милое! гдѣ намъ брать царевну?» А онъ ей въ отвѣтъ: «мать ты моя-родительница! молись-ка Спасу, выпей квасу, да ложись спать; утро вечера мудренѣе.» Самъ онъ доброй мòлодецъ вышелъ на крылечко, перекинулъ съ руки нà руку колечко—выскочило триста мòлодцевъ и сто семьдесятъ богатырёвъ, и спрашиваютъ у него: «что прикажешь дѣлать?» — Сыщите мнѣ такихъ доро-

гихъ вещей, которыхъ бы у царя не было, и принесите на золотыхъ подносахъ: надо царя съ царевною одарить! Тотчасъ принесли они ему едакія вещи; онъ и посылаетъ свою мать свататься къ царю. Вотъ мать пришла къ царю, а царь удивляется: «гдѣ ты, старушка, едакія вещи взяла?» Выходитъ царевна, глядитъ на эти вещи, и говоритъ: «ну, старушка! скажи своему сыну: пусть онъ поставитъ объ одну ночь въ царскомъ заповѣдномъ лугу новой дворецъ лучше дворца моего батюшки, и чтобы провелъ онъ отъ дворца до дворца мостъ хрустальной, и былъ бы тотъ хрустальной мостъ устланъ разными шитыми коврами; въ то время пойду за твоего сына замужъ. А ежели да не совершитъ этого, то не будетъ ему прощенія, и сложитъ онъ свою буйну голову на плаху!» Идетъ старуха домой, слезно плачетъ, и говоритъ сыну: «милое мое дитятко! говорила я тебѣ, что не надобно на царевнѣ свататься. Вотъ теперь царевна приказываетъ тебѣ сказать, что ежели хочешь на ней жениться, то построй объ одну ночь новой дворецъ въ заповѣдномъ лугу, и чтобы лучше былъ батюшкинаго, и чтобъ отъ дворца до дворца проведенъ былъ хрустальной мостъ, и былъ бы тотъ хрустальной мостъ устланъ разными шитыми коврами; а ежели этого не сдѣлаешь, то сложишь свою буйну голову на плаху! Какъ теперь, дитятко, ты это дѣло разсудишь?» Отвѣчаетъ онъ: «мать ты моя-родительница! не сумнѣвайся, молись Спасу, выпей квасу, да ложись спать; утро вечера мудренѣе.» Самъ доброй молодецъ вышелъ на крылечко, перекинулъ съ руки на руку колечко— выскочило триста молодцевъ и сто семьдесятъ богатырёвъ, и спрашиваютъ: «что прикажешь работать?» Онъ имъ и говоритъ: друзья мои любезные! постарайтесь мнѣ объ одну ночь построить въ царскомъ заповѣдномъ лугу новой дворецъ, и чтобъ былъ онъ лучше царскаго, и чтобъ былъ проведенъ отъ дворца до дворца хрустальной мостъ, а этотъ мостъ былъ бы устланъ

разными шитыми коврами.» Вотъ эти молодцы и богатыри объ одну ночь все выстроили, что имъ было приказано. Царь утромъ всталъ, глядитъ въ подзорную трубку на свои заповѣдные луга и удивляется, что выстроенъ дворецъ лучше его, и посылаетъ посланнаго сказать, чтобы приходилъ доброй молодецъ свататься на царевнѣ, а царевна де согласна выйдти за него замужъ. Вотъ онъ сосватался на царевнѣ, честнымъ пиркомъ да и за свадебку; сыграли свадьбу, отпировали. Живутъ долго ли, коротко ли, царевна своего мужа и спрашиваетъ: «скажи пожалуста, какимъ ты манеромъ эдакое дѣло совершаешь объ одну ночь? теперь станемъ съ тобой заедино думать.» Улещаетъ его, уговариваетъ, и подноситъ ему разныхъ водокъ; напоила его мертвецки-пьянымъ, онъ ей и сказалъ: «вотъ я чѣмъ—колечкомъ!» А она у пьянаго колечко взяла, перекинула съ руки на руку—выскочило триста молодцевъ и сто семьдесятъ богатырёвъ, и спрашиваютъ: «что прикажите дѣлать?» —А вотъ что: возьмите этого пьяницу и выкиньте на батюшкинъ лугъ, а меня снесите со всѣмъ дворцомъ за тридевать три земли, за десятое царство къ такому-то королю. Они объ одну ночь и приставили ее туда, куда приказала. Царь встаетъ утромъ, смотритъ въ подзорную трубку въ свои заповѣдные луга — не стало ни дворца, ни хрустальнаго моста, только валяется одинъ человѣкъ; посылаетъ царь посланныхъ: «узнайте, что тамъ за человѣкъ лежитъ?» Сбѣгали посланные, приходятъ назадъ и говорятъ царю: «вашъ зять одинъ валяется!»—Подите, приведите его ко мнѣ. Вотъ и приводютъ его, царь спрашиваетъ: «куда ты царевну дѣлъ и съ дворцомъ?» Онъ отвѣчаетъ: «ваше царское величество! не знаю, какъ будто во снѣ ее потерялъ.» Царь говоритъ: «даю тебѣ три мѣсяца сроку; добирайся: гдѣ царевна? а тамъ казнить стану.» И посадилъ онъ его въ крѣпкую тюрьму. Вотъ и говоритъ котъ собакѣ вислоухой: «что ты знаешь? вить хозяинъ-то нашъ въ заса-

женья. Обманула его царевна, сняла съ руки колечко и ушла за тридевять земель, за десятое царство. Надо кольцо добывать; побѣжимъ-ка съ тобой!» Побѣжали; гдѣ на пути озёра плыть, гдѣ рѣки плыть, тамъ котъ садится на загривокъ къ собакѣ вислоухой, собака и перевозитъ его на другую сторону. Долго ли, коротко ли—сбѣжали они за тридевять земель, за десятое царство. Говоритъ котъ собакѣ: «ежели изъ королевской кухни будутъ посылать за дровами, ты сейчасъ бѣги; а я на погребокъ пойду къ клюшницѣ: что она задумаетъ—то я и подамъ.» Стали они жить на королевскомъ дворѣ. Вотъ сказываетъ клюшница королю: «есть у меня на погребкѣ котикъ-золотой хвостикъ; что̀ задумаю—то и подастъ!» Поваръ говоритъ: «а у меня есть собака вислоухая; какъ стану посылать мальчика за дровами, она опрометью бѣжитъ и несетъ!» Король приказываетъ: «приведите собаку вислоухую въ мою спальню»; а царевна велитъ: «а ко мнѣ приведите котка̀-золотой хвостикъ.» Привели кота и собаку; и день, и ночь во дворцѣ остаются. А царевна, какъ спать ложится, колечко завсегда въ ротъ беретъ. Вотъ бѣжитъ ночью мышь, а котъ за загривокъ её и цапнулъ; мышь говоритъ: «не тронь меня, котъ! я знаю, зачѣмъ ты пришелъ; ты пришелъ за колечкомъ — я тебѣ достану его.» Котъ ее выпустилъ; она вскочила на кровать и прямо къ царевнѣ, сунула свой хвостикъ ей въ ротъ и зашевелила; царевна плюнула, да колечко и выплюнула. Котъ цапъ, и кричитъ вислоухой собакѣ: «не зѣвай!» Бросились прямо въ окошко, выскочили и побѣжали; сухимъ путемъ бѣгутъ, а рѣки и озёра плывутъ; приходютъ въ свое царство и прямо къ тюрьмѣ... Котъ влѣзъ въ тюрьму; хозяинъ увидалъ, сталъ его гладить, а котъ пѣсни пѣть, и положилъ ему на̀ руку колечко; хозяинъ обрадовался, перекинулъ колечко съ руки на̀ руку — выскочило триста молодцевъ и сто семьдесятъ богатырёвъ: «что работать прикажите?» Онъ и

говоритъ: «чтобъ мнѣ съ горя на цѣлые сутки была знатная музыка.» Музыка заиграла. А царь посылаетъ къ нему посланника: «обдумался ли?» Посланникъ пошелъ и заслушался; вотъ царь другаго посылаетъ, и другой заслушался; вотъ третьяго посылаетъ, и третій заслушался; вотъ приходитъ самъ царь къ зятю, онъ потемнилъ и царя этою музыкой. Какъ только перестала музыка, царь и началъ у него выспрашивать. Зять говоритъ: «ваше царское величество! освободите меня на единую ночь, вмигъ доставлю вашу царевну.» Вотъ вышелъ онъ на крылечко, перекинулъ съ руки на руку колечко—выскочило триста молодцевъ и сто семьдесятъ богатырёвъ, и спрашиваютъ: «что прикажите работать?» — Принесите царевну назадъ со всѣмъ дворцомъ, и чтобъ все было на старомъ мѣстѣ, и объ одну ночь сдѣлано. Царевна встала поутру и видитъ, что она на старомъ мѣстѣ, испугалась и не знаетъ, что ей будетъ? А ея мужъ приходитъ къ царю: «ваше царское величество! какъ будемъ царевну судить?»—Зять ты мой милой! усовѣстимъ мы ее словами, и живите себѣ-поживайте да добро наживайте!

(Записана въ новгородской губерніи.)

68.

ПО КОЛѢНА НОГИ ВЪ ЗОЛОТѢ, ПО ЛОКОТЬ РУКИ ВЪ СЕРЕБРѢ. [1]

а. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ царь; у него былъ сынъ Иванъ-царевичъ—и красивой, и умной, и славной; объ немъ пѣсни пѣли, объ немъ сказки сказывали; онъ краснымъ дѣвушкамъ во снѣ снился. Пришло ему желанье поглядѣть на бѣлъ свѣтъ; беретъ онъ у царя-

---

[1]) См. вып. III, №№ 6, 7 и 13.

отца благословенье и позволенье, и ѣдетъ на всѣ на четыре стороны людей посмотрѣть, себя показать.

Долго ѣздилъ, много видѣлъ добра и худа и всякой всячины, наконецъ подъѣхалъ къ палатамъ высокимъ, хорошимъ, каменнымъ. Видитъ: на крылечкѣ сидятъ три сестрицы-красавицы и между собой разговариваютъ. Старшая говоритъ: «если-бъ на мнѣ женился Иванъ-царевичъ, я-бъ ему напряла рубашку тонкую, гладкую, какой во всемъ свѣтѣ не спрядутъ.» Иванъ-царевичъ сталъ прислушиваться. «А если-бъ меня взялъ, сказала средняя, я-бъ выткала ему кафтанъ изъ серебра, изъ золота, и сіялъ бы онъ, какъ Жаръ-птица.»[1])—А я ни прясть, ни ткать не умѣю, говорила меньшая; а если бы онъ меня полюбилъ, я-бы родила ему сыновъ, что̀ ни ясныхъ соколовъ: во лбу солнце, а на затылкѣ мѣсяцъ, по бокамъ звѣзды. Иванъ-царевичъ все слышалъ, все запомнилъ, и возвратясь къ отцу, просилъ позволенье жениться. Отказа не было; онъ взялъ за себя меньшую сестру и сталъ съ нею жить-поживать душа въ душу; а старшія сестры стали сердиться да завидовать меньшой сестрѣ, начали ей зло мѣрить; подкупили нянюшекъ, мамушекъ, и когда у Ивана-царевича родился сынъ, когда онъ ждалъ, что ему поднесутъ дитя съ солнцемъ во лбу, съ мѣсяцемъ на затылкѣ, съ звѣздами по бокамъ, вмѣсто того подали ему просто-на̀просто котёнка и завѣрили, что жена его обманула. Сильно онъ огорчился, долго сердился, наконецъ сталъ ожидать другаго сына. Тѣ-же нянюшки, тѣ-же мамушки были съ царевной, опять украли ея настоящаго ребенка съ солнцемъ во лбу и подложили щенка. Иванъ-царевичъ заболѣлъ съ горя-печали; много онъ любилъ царевну, но еще больше хотѣлось ему погладѣть на хорошее дѣтище. Началъ

---

[1]) *Варіантъ:* Старшая говоритъ: «если-бъ на мнѣ женился царевичъ, я бы однимъ ломтемъ хлѣба все его царство прокормила.» Середняя говоритъ: «а я бы однимъ веретеномъ все его войско одѣла.»

ожидать третьяго. Въ третій разъ ему показали простаго ребенка безъ звѣздъ и мѣсяца. Иванъ-царевичъ не стерпѣлъ, отказался отъ жены, приказалъ ее судить.

Собралися, съѣхалися люди старшіе — нѣтъ числа! судятъ-рядятъ, придумываютъ-пригадываютъ, и придумали: царевнѣ отрубить голову. «Нѣтъ, сказалъ главной судья, слушайте меня или нѣтъ, а моя вотъ рѣчь: выколоть ей глаза, засмолить съ ребенкомъ съ бочкѣ и пустить на море; виновата—потонетъ, права—выплыветъ.» Рѣчь полюбилась; выкололи царевнѣ глаза, засмолили вмѣстѣ съ ребенкомъ въ бочку и бросили въ море. А Иванъ-царевичъ женился на ея старшей сестрѣ, на той самой, что дѣтей его покрала да спрятала въ отцовскомъ саду въ зеленой бесѣдкѣ. Тамъ мальчики росли-подростали, родимой матушки не видали, не знали; а она горемычная плавала по морю-по окіяну съ подкидышкомъ, и росъ этотъ подкидышекъ не по днямъ, а по часамъ; скоро пришелъ въ смыслъ, сталъ разуменъ, и говоритъ: «сударыня матушка! когда-бъ, по моему прошенью, по щучью велѣнью, по божью благословенью, мы пристали къ берегу!» Бочка остановилась. «Сударыня матушка! когда-бъ, по моему прошенью, по щучью велѣнью, по божью благословенью, наша бочка лопнула!» Только онъ молвилъ, бочка развалилась надвое, и онъ съ матерью вышли на берегъ. «Сударыня матушка! какое веселое славное мѣсто; жаль, что ты не видишь ни солнца, ни неба, ни травки-муравки. По моему прошенью, по щучью велѣнью, по божью благословенью, когда-бъ здѣсь явилась банька!» Ту-жъ минуту какъ изъ земли выросла баня: двери сами растворились, печи затопились и вода закипѣла. Вошли, взялъ онъ вѣничекъ и сталъ теплою водою промывать больные глаза матери. «По моему прошенью, по щучью велѣнью, по божью благословенью, когда-бъ моя матушка проглянула.»—Сынокъ! я вижу, вижу, глаза открылись! «По моему прошенью, по

щучью велѣнью, по божью благословенью, когда-бъ, сударыня матушка, твоего батюшки дворецъ да къ намъ перешелъ и съ садомъ и съ твоими дѣтками.» Откуда ни взялся дворецъ, передъ дворцомъ раскинулся садъ, въ саду на вѣточкахъ птички поютъ, посреди бесѣдка стоитъ, въ бесѣдкѣ три братца живутъ. Мальчикъ-подкидышекъ побѣжалъ къ нимъ. Вошелъ, видитъ—накрытъ столъ, на столѣ три прибора. Возвратился онъ поскорѣе домой и говоритъ: «дорогая сударыня матушка! испеки ты мнѣ три лепёшечки на своемъ молокѣ.» Мать послушала. Понёсъ онъ три лепёшечки, разложилъ на три тарелочки, а самъ спрятался въ уголокъ и ожидаетъ: кто прійдетъ? Вдругъ комната освѣтилась — вошли три брата съ солнцемъ, съ мѣсяцемъ, съ звѣздами; сѣли за столъ, отвѣдали лепёшекъ и узнали родимой матери молоко. «Кто намъ принёсъ эти лепёшечки? если-бъ онъ показался и разсказалъ намъ объ нашей матушкѣ, мы-бъ его зацѣловали, замиловали и въ братья къ себѣ приняли.» Мальчикъ вышелъ и повелъ ихъ къ матери. Тутъ они обнимались, цѣловались и плакали. Хорошо имъ стало жить, было чѣмъ и добрыхъ людей угостить. Одинъ разъ шли мимо нищіе старцы; ихъ зазвали, накормили, напоили, и съ хлѣбомъ-солью отпустили. Случилось: тѣ-же старцы проходили мимо дворца Ивана-царевича; онъ стоялъ на крыльцѣ и началъ ихъ спрашивать: «нищіе старцы! гдѣ вы были-пробывали, что видѣли-повидали?»—А мы тамъ были-пробывали, то видѣли-повидали: гдѣ прежде были мохъ да болото, пень да колода, тамъ теперь дворецъ —ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, тамъ садъ—во всемъ царствѣ не сыскать, тамъ люди — въ бѣломъ свѣтѣ не видать! Тамъ мы были-пробывали, три родныхъ братца насъ угощали: во лбу у нихъ солнце, на затылкѣ мѣсяцъ, по бокамъ часты звѣзды, и живетъ съ ними и любуется на нихъ мать-царевна прекрасная. Выслушалъ Иванъ-царевичъ и задумал-

ся... кольнуло его въ грудь, забилося сердце; снялъ онъ свой вѣрный мечь, взялъ мѣткую стрѣлу, осѣдлалъ ретиваго коня, и не сказавъ женѣ: прощай! полетѣлъ во дворецъ—что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Очутился тамъ, глянулъ на дѣтей, глянулъ на жену — узналъ и не вспомнился отъ радости, душа просвѣтлѣла!

Въ это время я тамъ была, медъ-вино пила, все видѣла, всѣмъ было очень весело, горько только одной старшей сестрѣ, которую такъ-же засмолили въ бочку, такъ-же бросили въ море, но не такъ ее Богъ хранилъ: она тутъ-же канула на дно, и слѣдъ пропалъ!

(Записана въ курской губерніи.)

ѣ. Не-въ-какомъ царствѣ, не-въ-какомъ государствѣ былъ-жилъ царь и царица; у царя, у царицы было три дочери, три родныя сестрицы. Бо̀льшая сестра говоритъ: «сестрицы! пойдемте къ бабушкѣ-задворенкѣ на вечеринки; тамъ поговоримъ да посовѣтуемъ». Согласились и пошли. «Здорово, бабушка-задворенка! мы пришли къ тебѣ на бесѣдушку.»—Милости просимъ! Бо̀льшая сестра стала говорить: «кабы меня взялъ Иванъ-царевичъ замужъ, я бы вышила ему коверъ-самолётъ: куда похочешь—туда и лети!» А Иванъ-то царевичъ стоитъ подъ окошечкомъ, слушаетъ да про себя думаетъ: «это не заслуга мнѣ! коверъ-самолётъ я и самъ могу добыть.» Другая сестра говоритъ: «кабы меня взялъ Иванъ-царевичъ, я бы съ собой привела кота-баюна: котъ-баюнъ сказки сказываетъ—за три версты слышно.» Иванъ-царевичъ стоитъ, слушаетъ: «это не заслуга мнѣ! кота-баюна я и самъ могу купить.» Меньша̀я сестра говоритъ: «кабы меня взялъ Иванъ-царевичъ, я бы родила ему девять сыновей—по колѣна ноги въ золотѣ, по локти руки въ сѐребрѣ, по косицамъ часты мелки звѣздочки.» Иванъ-царевичъ выслушалъ дѣвичьи рѣчи и поѣхалъ

домой къ отцу, къ матери; пріѣхалъ и сказалъ: «батюшка и матушка! я хочу жениться. возьму себѣ малую царевну изъ тридесятаго царства.» Отецъ и мать его благословили и за невѣстой проводили. Пріѣзжаетъ онъ въ дальніе краи и бьетъ царю челомъ: «отдай, говоритъ, малую дочь за меня, за Ивана-царевича.» Царь свадьбу заводилъ, дубовы столы griffin становилъ. Ивана-царевича съ невѣстой за столъ садилъ; пили, ѣли, веселилися, и свадьба отошла. Жилъ Иванъ-царевичъ у тестя своего годъ или два, и вдругъ приносятъ ему письмо и челобитье, что батюшко и матушка его умерли, пора ему на царство ѣхать. Поѣхалъ Иванъ-царевичъ съ молодою женою Мареою-царевною въ свою землю и сталъ царствовать. Долго ли, коротко ли—Марѳа-царевна обеременѣла, а Иванъ-царевичъ поѣхалъ на охоту въ чистое поле гулять, бить гусей да лебедей, и проѣздилъ долгое время Безъ него царевна родила трехъ сыновей—по колѣнъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ, по косицамъ часты мелки звѣздочки: насмотрѣться невозможно! Послали сейчасъ гонца за бабкою-повитушкою; попалась ему на встрѣчу баба-яга, спрашиваетъ: «куда идешь?» Гонецъ отвѣчаетъ: «недалеко.»—Скажи: куда? не скажешь—сейчасъ съѣмъ тебя! «Иду за бабкою-повитушкою; царевна Марѳа Прекрасная родила трехъ сыновей—такихъ, какъ сама сказывала.» Яга-баба говоритъ: «возьми меня въ бабки.» — Нѣтъ, яга-баба! не смѣю тебя звать; Иванъ-царевичъ мнѣ голову срубитъ. «Не возьмешь—сейчасъ тебя съѣмъ!»—Ну, дѣлать нечего—пойдемъ! Яга-баба пришла и начала свое дѣло справлять: отобрала у Марѳы Прекрасной трехъ сыновей, а на замѣнъ оставила трехъ поганыхъ щенятъ; послѣ ушла въ лѣсъ и спрятала дѣтокъ въ подземелье, возлѣ стараго дуба. Пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ домой; ему тотчасъ объявили, что твоя де царевна родила трехъ щенятъ. Онъ страшно разсердился. щенятъ приказалъ бросить въ море, а ей хотѣлъ

за то голову срубить [1]), да потомъ одумался: «ну, первая вина ...щается; подожду до другаго брюха. ... го ли, кор... ли — жена его опят... а беременна, а Иванъ-царевичъ на охоту поѣхалъ ...рекрасная долго ...е пускала и горько-горько плакала, но царевичъ не по...лался, сѣлъ на коня и поскакалъ въ чистое поле. Немного погодя, родила Марѳа Прекрасная шесть сыновей—по колѣнъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сѐребрѣ, по косицамъ часты мелки звѣздочки: насмотрѣться невозможно! и послала гонца за бабушкою. «Не зови только ягу-бабу!» приказываетъ ему со слезами въ очахъ. Посланной пошелъ за бабушкою; попалась ему на встрѣчу яга-баба и спрашиваетъ: «куда пошелъ?»—Такъ, недалеко! «Скажи: куда? если не скажешь—сейчасъ тебя съѣмъ!»—Эхъ, баба-яга! иду за бабушкой-повитушкою; у насъ Марѳа Прекрасная шесть сыновей родила. «Возьми меня.» —Н..., не возьму; боюсь Ивана-царевича: онъ убьетъ меня, гол... убитъ. Баба-яга грозитъ гонцу: «не возьмешь—сейчасъ ...бя съѣмъ и съ косточками!»—Ну, пойдемъ! [2]) Баба-яга пошла во дворецъ и взяла съ собой на обмѣнъ шесть поганыхъ щенятъ; царевна Марѳа Прекрасная, какъ скоро увидѣла, что баба-яга идетъ, схватила одного сына и спратала въ рукавъ. Яга положила къ ней на постель поганыхъ щенятъ, а пять малыхъ дѣточекъ унесла въ темной лѣсъ; шестаго искала-искала, такъ и не доискалась. Пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ домой; ему тотчасъ доложили, что твоя де жена родила шесть

---

[1]) *Вар.* хотѣлъ ее растрѣлять, мясо собакамъ на съѣденье отдать...

[2]) *Варіантъ:* Пришло время царевнѣ рожать; Иванъ-царевичъ созвалъ нянюшекъ, баушекъ; кругомъ дворца великой караулъ поставилъ. Родила царевна девять сыновъ-молодцовъ: у кого во лбу свѣтелъ мѣсяцъ, у кого красное солнышко играетъ, у другихъ частыя звѣзды. Вдругъ прилетѣла злая волшебница, напустила на всѣхъ глубокой сонъ: гдѣ кто стоялъ, тутъ и уснулъ; бросила на кровать девять щенковъ, а девять сыновъ-молодцовъ съ собой унесла...

щенятъ. Онъ страшно разсердился, приказалъ посадить ее въ бочку, на ту бочку желѣзные обручи навести, кругомъ заколотить, засмолить, и въ океанъ-море спустить. Приказъ въ ту-жъ минуту исполненъ: посадили царевну вмѣстѣ съ сыномъ въ бочку, заколотили, засмолили, и бросили въ океанъ-море широкое. Долго носило бочку по̀ морю, наконецъ прибило къ берегу; стала бочка на мель. А сынъ Мареы-царевны росъ не по днямъ, по часамъ; выросъ большой, и говоритъ: «матушка! я потянусь.»—Потянись, дитя! Какъ онъ потянулся—вмигъ бочку разорвало. Вышли мать и сынъ на высокую гору. Сынъ огляделся на всѣ стороны и вымолвилъ: «кабы здѣсь, матушка, домъ да зеленой садъ—вотъ бы пожили!» Она говоритъ: «дай Богъ!» Того часу устроилось великое царство: явились славныя палаты—бѣлокаменныя, зеленые сады—прохладные; къ тѣмъ палатамъ тянется дорога широкая, гладкая, утоптаная. По той по дорогѣ идутъ нищіе, люди убогіе, просятъ святую милостинку. Мареа Прекрасная позвала ихъ въ палаты бѣлокаменныя, накормила-напоила, въ путь-дорожку проводила. Нищіе, люди убогіе, пришли къ Ивану-царевичу и разсказали, что въ эдакомъ-то мѣстѣ, гдѣ прежде были горы высоки, ручьи глубоки, лѣса непроходимы, тамъ стоитъ царство великое; въ томъ царствѣ живетъ вдова, а у ней сынъ есть—красоты невиданной и неслыханной: по колѣнъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ, по косицамъ часты мелки звѣздочки — насмотрѣться невозможно! «Мать съ сыномъ насъ, убогихъ людей, накормили, напоили, на дорогу хлѣбомъ надѣлили и въ путь съ честью проводили.» Иванъ-царевичъ говоритъ: «развѣ поѣхать мнѣ посмотрѣть, что тамъ за царство устроилось?» А яга-баба—живетъ тутъ у царевича—услыхала эти рѣчи и стала сказывать: «вотъ невидаль! у меня въ лѣсу у стараго дуба восемь такихъ молодцовъ: у всѣхъ по колѣна ноги въ золотѣ, по локти руки въ

сѐребрѣ, по косицамъ часты мелки звѣздочки!» Иванъ-царевичъ остался дома, не поѣхалъ въ новое царство; а нищіе, люди убогіе, опять туда побрели просить святой милостинки. Марѳа Прекрасная позвала ихъ въ палаты бѣлокаменныя, накормила-напоила и спать повалила; назавтрѣе стала ихъ спрашивать: «калики вы голосисты! гдѣ вы были-побывали и что вы слыхали?» Отвѣчають калики: «а мы какъ отъ васъ пошли, такъ прямымъ путемъ и направились къ Ивану-царевичу; онъ подсѣлъ къ намъ, началъ спрашивать: гдѣ что слыхали, гдѣ что видали? Мы все ему разсказали, что видѣли твое новое царство, какъ живешь ты вдовою и что есть у тебя сынъ, краше котораго въ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ. Иванъ-царевичъ хотѣлъ было сюда ѣхать—посмотрѣть, да баба-яга не пустила: вотъ, молвила, невидаль! у меня въ лѣсу у стараго дуба восемь такихъ молодцовъ: у всѣхъ по колѣна ноги въ золотѣ, по локти руки въ сѐребрѣ, по косицамъ часты мелки звѣздочки!» Какъ скоро ушли нищіе, люди убогіе, говоритъ Марѳа Прекрасная сыну: «это мои дѣтки, а твои братцы, въ лѣсу у стараго дуба сидятъ!»—Матушка! отвѣчаетъ онъ, дай мнѣ хлѣба, я пойду—ихъ достану, домой приведу. «Ступай, дитя, съ Богомъ!» Нацѣдила она изъ своей груди молока, на томъ молокѣ спекла восемь хлѣбовъ, отдала ему и отправила въ путь дорогу. Долго ли, коротко ли шелъ доброй молодецъ; скоро сказка сказывается, да тихо дѣло дѣлается; пришелъ къ старому дубу—у того дерева лежитъ большой камень; отвалилъ камень, глянулъ, и увидалъ своихъ братьевъ: сидятъ вокругъ стола въ подземельи. Онъ спустилъ имъ по единому хлѣбцу; братья съѣли и заплакали: «эти хлѣбцы кабытъ на молокѣ нашей матушки!» Онъ спустилъ имъ ременья и вытащилъ всѣхъ на вольной свѣтъ. Поцѣловались, поздоровались, и пошли домой къ матери. Марѳа Прекрасная выбѣжала встрѣчать ихъ, стала миловать-цѣловать, крѣпко къ сердцу при-

живать. Живутъ они вмѣстѣ. Опять зашли туда нищіе, люди убогіе, милостинки просить. Мароа Прекрасная позвала ихъ въ палаты бѣлокаменныя, накормила, напоила, спать уложила, назавтрѣе хлѣбомъ въ дорогу наградила, съ честью въ путь проводила. Приходятъ нищіе къ Ивану-царевичу. Онъ началъ выспрашивать: «гой еси, калики голосистые! гдѣ вы были-побывали и что видѣли?»—Были мы-побывали, ночь ночевали въ новомъ царствѣ; молодая вдова насъ накормила, напоила, на дорогу хлѣбомъ наградила; есть у ней девять сыновей—краше въ свѣтѣ нѣтъ! у всѣхъ по колѣна ноги въ золотѣ, по локти руки въ сѣребрѣ, по косицамъ часты мелки звѣздочки. Иванъ-царевичъ приказалъ лошадей закладывать; а бабѣ-ягѣ нечѣмъ больше похвастать, сидитъ да молчитъ. Поѣхалъ царевичъ въ новое царство; долго ли, коротко ли—увидалъ градъ великой; остановился у палатъ бѣлокаменныхъ. Мароа Прекрасная и девять сыновей вышли на встрѣчу; обнималися-цѣловалися, много сладкихъ слезъ пролили, пошли въ палаты и сдѣлали пиръ на весь крещеной міръ. Я тамъ былъ, пиво и вино пилъ, по усу текло, а въ ротъ не попало.

(Записана въ архангельской губерніи, шенкурскомъ уѣздѣ.)

с. У короля Додона были три дочери. Пріѣхалъ къ нимъ свататься Иванъ-царевичъ: у него были по колѣно ноги въ сѣребрѣ, по локоть руки въ золотѣ, во лбу красно солнышко, на затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ. Сталъ онъ сватать у короля Додона дочекъ: «я, говоритъ, ту возьму, которая въ трехъ брюхахъ родитъ семь молодцевъ—такихъ, какъ я самъ, чтобъ по колѣно ноги были въ сѣребрѣ, по локоть руки въ золотѣ, во лбу красно солнышко, на затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ. Выскочила меньшая дочь Марья Додоновна и говоритъ: «я рожу въ трехъ брюхахъ семь молодцевъ еще лучше тебя!» Полюбилась эта рѣчь Ивану-царевичу, взялъ онъ Марью-царевну за себя за-

мужъ. Прошло нѣсколько времени, стала она беременна, а Иванъ-царевичъ собирается на службу ѣхать. «Какъ-же ты меня одну покидаешь?»—Я пошлю за твоей сестрой. Привезли сестру; онъ и уѣхалъ. Немного спустя, родила Марья-царевна трехъ мо̀лодцевъ: по колѣно ноги въ сѐребрѣ, по локоть руки въ золотѣ, во лбу красно солнышко, на затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ. На ея безсчастье и сука ощенилась въ ту-жъ по̀ру. Сестра взяла сыновей Марьи Додоновны и забросила на островъ, а какъ пріѣхалъ Иванъ-царевичъ, она принесла ему трехъ щенковъ и говоритъ: «вотъ твоя хвастунья трехъ щенковъ принесла!» Иванъ-царевичъ отвѣчалъ: «ну, пусть до другаго брюха!» Въ другой разъ Марья Додоновна сдѣлалась беременна; опять Иванъ-царевичъ уѣхалъ на службу. Жена безъ него родила еще трехъ мо̀лодцевъ; на ея безсчастье и сука ощенилася. Сестра взяла дѣтей, не показала матери и забросила на тотъ-же островъ. Иванъ-царевичъ пріѣхалъ домой, она и говоритъ ему: «вотъ твоя хвастунья опять трехъ щенковъ принесла!»—Пусть до третьяго брюха, сказалъ царевичъ. Въ третій разъ сдѣлалась Марья Додоновна беременна; опять Иванъ-царевичъ уѣхалъ на службу. Она родила одного мальчика; на ея безсчастье и сука ощенилася.» Марья Додоновна не показала никому этого ребенка, спрятала его за пазуху; сестра пристаетъ: «если не покажешь этого ребенка, я тебя удушу!» Нѣтъ, не показала. Пріѣхалъ Иванъ-царевичъ, сестра тащитъ ему щенка и говоритъ: «вотъ твоя хвастунья опять щенка принесла!» Иванъ-царевичъ заковалъ свою жену въ бочку и пустилъ на синё море. Она плавала-плавала по̀ морю, а ребеночекъ ростетъ все больше да больше, началъ ужь и говорить. «Матушка! позволь мнѣ протянуться.» —Нѣтъ, душечка! еще бочка не шарахтитъ, глубь подъ нею, пожалуй утонемъ!» Бочка все далѣ-далѣ, къ берегу ближе-ближе, стала шарахтить со дну. «Ну, матушка! теперь мы

на мель попали; можно мнѣ протянуться?» — Теперь протянись! Онъ протянулся—обручи всѣ лопнули. Вышли они изъ бочки на островъ; ходятъ по острову да дороги ищутъ, куда идти. Шли-шли, нашли тропочку; пустились по этой тропочкѣ, шли-шли, нашли домъ. Входятъ въ домъ, глядь туда-сюда—лежатъ на стульяхъ рубашечки ношеныя, немытыя. Марья Додоновна взяла эти рубашечки перестирала, переполоскала, пересушила, перекатала, и въ передній уголъ уклала. И посуда на столѣ стоитъ немытая; какъ покушано—не прибрано. Она и посуду перемыла, перетёрла, полъ подмела: вездѣ чисто стало. Потомъ говоритъ сыну: «кто-то сюда идетъ; пойдемъ, за печку спрячемся.» Спрятались за печку, постояли немножко и видятъ, что вошли въ горницу шесть человѣкъ, вошли и обрадовались, что все въ домѣ вымыто и убрано. «Кто таковъ мылъ-убиралъ у насъ? покажись! говорятъ молодцы; если ты красная дѣвица — будешь намъ родная сестрица, а если ты въ полвѣка молодица—будешь намъ родная матушка!» Марья Додоновна вышла изъ-за печки; шесть молодцевъ бросились къ ней на шею и говорили таково слово: «будь же ты намъ родимая матушка!» Стали они всѣ вмѣстѣ жить, стали ее распрашивать: «откуда явилась ты къ намъ, родимая матушка?» Отвѣчала она: «была я замужемъ за Иваномъ-царевичемъ, родила въ первомъ брюхѣ трехъ мальчиковъ—по колѣно ноги въ сѐребрѣ, по локоть руки въ золотѣ, во лбу красно солнышко, на затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ. Сестра захватила ихъ, куда-то спровадила, а мужу сказала: вотъ твоя хвастунья трехъ щенковъ принесла! Иванъ-царевичъ не тронулъ меня до втораго брюха; опять родила я трехъ мальчиковъ, опять сестра ихъ спровадила, а мужу трехъ щенковъ показала. Иванъ-царевичъ не тронулъ меня до третьяго брюха. Въ третій разъ родила я одного мальчика и спрятала его за пазуху; сестра побѣжала къ мужу: твоя, говоритъ, хва-

ступья опять щенка принесла! Онъ заковалъ меня съ сыномъ въ бочку и пустилъ на синё море. Долго мы плавали; сынокъ мой выросъ. протянулся—бочка лопнула; мы вышли на этотъ островъ и попали къ вамъ въ домъ. А вы. мои дѣтушки. гдѣ родилися-воспиталися?»—Гдѣ родились, мы и сами не вѣдаемъ; а выросли на этомъ островѣ, насъ львица своимъ молокомъ выпоила. Тутъ сняли мо̀лодцы свои шапочки; глядитъ Марья Додоновна, а у нихъ у всѣхъ во лбу красно солнышко, на затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ. «Ахъ, мои милые дѣтушки! видно, вы мои рожо̀ные!» сказала Марья-царевна и упала съ радости за̀мертво. Взяли они ее подняли, оттёрли—и она ожила. «Ма̀ма! благослови насъ въ путь-дорогу батюшку искать.»—Богъ васъ благослови! Пошли они всѣ семеро, добрались до того царства. гдѣ Иванъ-царевичъ жилъ, и спросили про него. Ихъ тотчасъ впустили во дворецъ; мо̀лодцы понадвинули себѣ на лбы шапочки, вошли къ Ивану-царевичу и говорятъ: «не угодно ли послушать исторійку?»—Хорошо. сказывайте; я люблю исторійки. Они и разсказали, какъ забросила ихъ злая тетка на островъ. какъ они выросли и мать нашли; потомъ сняли шапочки. Иванъ-царевичъ увидалъ. что у нихъ по колѣно ноги въ сѐребрѣ. по локоть руки въ золотѣ, во лбу красно солнышко. на затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ. призналъ ихъ за своихъ дѣтей; не мѣшкая послалъ гонцовъ за женою; а ехидную тетку привязалъ къ жеребцу за хвостъ и приударилъ того жеребца плетью: онъ полетѣлъ стрѣлою въ чистое поле и размыкалъ ее по кустамъ, по оврагамъ. Марья Додоновна воротилась къ мужу, и стали они жить-поживать да добра наживать.

d. Въ нѣкоторомъ государствѣ былъ одинъ купецъ, имѣлъ двухъ дочерей; разослалъ онъ афишки по всему государству: кто изъ царевичей возьметъ замужъ его меньшую дочь, тому она родитъ троихъ сыновей—по колѣна въ сѐребрѣ, по грудь

въ золотѣ, во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ, по бокамъ часты звѣзды. Прінскался изъ иного государства Иванъ-королевичъ и женился на купеческой дочери; пожилъ съ нею годъ, она забеременила и родила сына — по колѣна въ сèребрѣ; по грудь въ золотѣ, во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ, по бокамъ часты звѣзды. Старшая сестра позавидовала, подкупила бабку; а та взяла ребенка—обратила голубемъ и пустила въ чистое поле, пришла къ королевичу и говоритъ: «твоя жена родила котёнка!» Королевичъ разсердился, да оставилъ до другаго сына. На другой годъ родила ему купеческая дочь такого-же славнаго сына; бабка обратила его голубемъ, пустила въ чистое поле, и сказала королевичу, что его жена родила щенёнка. Нимало королевичъ гнѣвался, да разсудилъ дожидаться третьяго сына. Но и въ третій разъ случилось тоже самое: бабка обратила мальчика голубемъ, а королевичу доложила, что у него не сынъ родился, а обрубокъ дерева. Всѣ три брата-голубя собралися вмѣстѣ и улетѣли за тридевять земель, въ тридесятое царство. Королевичъ разсудилъ подождать четвертаго сына; а четвертой сынъ простой родился — ни въ золотѣ, ни въ сèребрѣ, безъ звѣздъ, безъ мѣсяца. Какъ узналъ о томъ королевичъ, тотчасъ созвалъ своихъ вельможъ и князей; судили-рядили и всѣ заодно положили: посадить королевну съ ея дѣтищемъ въ бочку, засмолить и пустить пò морю. [1])

---

[1]) *Варіантъ:* Родила королевна разомъ трехъ сыновей, да такихъ красавцевъ, что̀ нигдѣ не видано, нигдѣ не слыхано! У всѣхъ ноги въ сѣребрѣ, руки въ золотѣ, во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ. А королевича какъ нарочно дома не случилося; пишетъ къ нему мать родная о той радости и посылаетъ гонца. Старшія сестры королевны залучили къ себѣ гонца, напоили его соннымъ зельемъ и подмѣнили письмо, а въ ложномъ письмѣ сказано, что твоя жена родила трехъ щенятъ поганыхъ. Королевичъ прочиталъ, и шлетъ грамотку —велитъ ожидать своего пріѣзда. Сестры опять зазвали гонца и опять подмѣнили письмо, чтобы посадить королевну съ дѣтьми въ бочку и бросить въ океанъ-море глубокое.

Вотъ посадили ихъ въ бочку и пустили по̀ морю; бочка все дальше и дальше плыветъ, а у королевны сынъ не по часамъ, по минутамъ ростетъ. Прибило волной бочку къ острову и разбило ее о край берега. Сынъ съ матерью вышли на островъ, стали кругомъ осматривать, для жилья мѣсто выискивать. Заходятъ они въ темной лѣсъ, и увидалъ сынъ: лежитъ на дорожкѣ кошелёкъ; поднялъ его и обрадовался — въ кошелькѣ кремень и огниво, будетъ чѣмъ огонь высѣкать. Вотъ онъ ударилъ огнивомъ о кремень—тотчасъ выскочили топорокъ и дубинка: «что дѣлать прикажете?» — Постройте намъ дворецъ, да чтобъ было что̀ поѣсть-попить! Топоръ принялся рубить, а дубинка сваи вбивать, и мигъ построили такой славной дворецъ, какого ни въ одномъ государствѣ не бывало — ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать, ни въ сказкѣ сказать! А во дворцѣ всего вдоволь; чего только душа запроситъ—все есть!

Проѣзжали мимо острова купцы-торговцы, тому дворцу дивовалися; приплывали они въ государство Ивана-королевича, а ужь Иванъ-королевичъ успѣлъ жениться на другой женѣ. Какъ только привалили корабли съ товарами къ берегу, тотчасъ пошли купцы къ королевичу съ докладомъ, съ гостинцами. «Гой, купцы-торговцы! говоритъ имъ Иванъ-королевичъ, вы много морей изъѣздили, во многихъ земляхъ побывали; не слыхали-ль гдѣ какихъ новостей?» Отвѣчаютъ купцы, что на морѣ-окіанѣ, на такомъ-то островѣ доселева росъ дремучій лѣсъ да разбой стоялъ: нельзя было ни пѣшему пройдти, ни конному проѣхать, а теперь стоитъ тамъ такой дворецъ, какого лучше во всемъ свѣтѣ нѣтъ! а живетъ въ томъ дворцѣ прекрасная королевна съ сыномъ. Иванъ-королевичъ сталъ собираться на островъ; хочется ему поѣхать, самому на то диво посмотрѣть. А старшая сестра-лиходѣйка давай его останавливать: «это, говоритъ, что за диво! вотъ диво — такъ диво:

за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ есть зеленой садъ; въ томъ саду есть мельница—сама мелетъ, сама вѣетъ и пыль на сто вёрстъ мечетъ [1]); возлѣ мельницы золотой столбъ стоитъ, на немъ золотая клѣтка виситъ, и ходитъ по тому столбу ученой [2]) котъ: внизъ идетъ—пѣсни поетъ, вверхъ поднимается—сказки сказываетъ.»

Поѣхали купцы назадъ и заѣхали къ королевнѣ на островъ; она встрѣчаетъ ихъ съ честію, угощаетъ съ радостью. То, другое — стали промежъ себя разговаривать; купцы и разсказали: какъ были они у Ивана-королевича, какъ Иванъ-королевичъ хотѣлъ было на островъ ѣхать, дворецъ смотрѣть, и какъ старшая сестра остановила его. Сынъ королевнинъ все это выслушалъ, и только купеческіе корабли отплыли, вынулъ свой кошелёкъ, ударилъ огнивомъ о кремень — тотчасъ выскочили топорокъ и дубинка: «что дѣлать прикажите?» [1])

—Чтобъ заутро около нашего дворца былъ зеленой садъ, а въ томъ саду была мельница — сама бы молола, сама бы вѣяла и пыль на сто вёрстъ метала; чтобъ возлѣ мельницы золотой столбъ стоялъ, на немъ бы золотая клѣтка висѣла, и ходилъ бы по тому столбу ученой котъ! На другой день проснулась королевна съ сыномъ, а ужь все исполнено: около дворца садъ ростетъ, въ саду мельница, возлѣ мельницы золотой столбъ стоитъ и ученой котъ пѣсни поетъ, сказки сказываетъ. Много ли, мало ли прошло времени — проѣзжаютъ мимо острова купцы-торговцы, тому чуду дивуются; увидалъ бѣлые паруса королевнинъ сынъ, обернулся мухою, полетѣлъ и сѣлъ на ко-

---

[1]) *Варіантъ 1*: «Это что за диво! На морѣ, на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ есть волкъ; у него подъ хвостомъ баня, а подъ задомъ море: коли въ банѣ выпариться, въ морѣ выкупаться—молодецъ молодцомъ станешь!..

Варіантъ 2-й говоритъ о чудной молочной рѣкѣ.

[2]) *Вар.* морской [3]) По другому списку королевнинъ сынъ обертывается голубемъ, улетаетъ въ далекія страны и приноситъ оттуда чуднаго волка (съ банею) и другія диковинки.

рабль. Приплывают корабли въ государство Ивана-королевича, привалили къ берегу, стали на якоряхъ, и пошли купцы во дворецъ съ докладомъ, съ гостинцами; вслѣдъ за ними и муха полетѣла. «Гой, купцы-торговцы, люди бывалые! говоритъ Иванъ-королевичъ, вы много морей изъѣздили, много разныхъ земель видѣли; не слыхали-ль гдѣ какихъ новостей?» Отвѣчают купцы: «на морѣ-океанѣ, на такомъ-то островѣ доселева росъ дремучій лѣсъ да разбой стоялъ: нельзя было ни пѣшему пройдти, ни конному проѣхать; а теперь тамъ такой дворецъ, какого лучше во всемъ свѣтѣ нѣтъ! Живетъ во дворцѣ прекрасная королевна съ сыномъ. Около дворца зеленой садъ раскинулся, въ томъ саду есть мельница — сама мелетъ, сама вѣетъ, на сто вёрстъ пыль мечетъ; а возлѣ мельницы золотой столбъ стоитъ, на немъ золотая клѣтка виситъ, и ходитъ по тому столбу ученой котъ: внизъ идетъ —пѣсни поетъ, вверхъ поднимается—сказки сказываетъ.» [1]) Иванъ-королевичъ сталъ собираться на островъ, хочется ему на тѣ дива посмотрѣть; а старшая сестра-лиходѣйка стала его удерживать-останавливать: «это, говоритъ, что за чудо! вотъ диво — такъ диво: за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ есть золотая сосна, на ней сидятъ птицы райскія, поютъ пѣсни царскія!» Тутъ муха озлилася, укусила тётку за носъ — и въ окно!

Прилетѣлъ королевнинъ сынъ домой мухою, обернулся добрымъ молодцемъ, вынулъ кремень и огниво, ударилъ — выскочили топоръ и дубинка: «что сдѣлать прикажете?»—Чтобъ заутро стояла въ саду золотая сосна, на ней сидѣли бы пти-

---

[1]) *Варіантъ:* Купцы, отправляясь въ государство Ивана-королевича, заѣзжаютъ на чудной островъ. Королевна ихъ угостила, уподчивала, а сынъ ея повелъ ихъ на молочную рѣку и велѣлъ испить: купцы напились — и далась имъ сила великая; послѣ выпарились въ банѣ, посмотрѣлись въ зеркало—и самихъ себя не узнали: такими молодцами да красавцами сдѣлались!

цы райскія, распѣвали бы пѣсни царскія!» На другой день проснулась королевна съ сыномъ — а сосна ужь въ саду ростетъ. Опять проѣзжали мимо острова купцы-торговцы, тому диву дивовалися; пріѣхали въ царство Ивана-королевича, а королевнинъ сынъ комаромъ [1]) обернулся да съ ними-жъ на кораблѣ приплылъ. «Гой, купцы-торговцы, люди бывалые! говоритъ Иванъ-королевичъ, вы много морей изъѣздили, много разныхъ земель видѣли; не слыхали-ль гдѣ какихъ новостей?» Отвѣчаютъ ему купцы: «на морѣ-окіанѣ, на такомъ-то островѣ живетъ во дворцѣ прекрасная королевна съ сыномъ; около дворца зеленой садъ раскинулся, въ томъ саду есть мельница — сама мелетъ, сама вѣетъ, на сто вёрстъ пыль мечетъ; возлѣ золотой столбъ стоитъ съ золотою клѣткою, и ходитъ по тому столбу ученой котъ: внизъ идетъ—пѣсни поетъ, вверхъ поднимается—сказки сказываетъ. Да ростетъ въ саду золотая сосна, на ней сидятъ птицы райскія, поютъ пѣсни царскія!» Иванъ-королевичъ сталъ собираться на островъ, хочется ему на тѣ дива посмотрѣть; а старшая сестра-лиходѣйка его удерживаетъ: «это что за чудо! вотъ диво—такъ диво; за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ есть три братца родные — по колѣна въ сѣребрѣ, по грудь въ золотѣ, во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ, по бокамъ часты звѣзды!» Тутъ комаръ озлился, больнѣй прежняго укусилъ тётку за̀ носъ, зажужжалъ — и въ окно! Прилетѣлъ домой, обернулся добрымъ молодцемъ и разсказалъ про все матери. «Ахъ, говоритъ королевна, то — мои сыновья, а твои братья!» — Я пойду ихъ отыскивать!

Долго ли, коротко ли — пришелъ королевнинъ сынъ въ тридесятое царство; смотритъ—домъ на полянѣ. «Дай зайду, отдохну!» Входитъ въ горницу — тамъ столъ накрытъ, на столѣ три просвиры лежатъ, три бутылки съ виномъ стоятъ;

---

[1]) *Вар*. пчелою.

а нѣтъ ни души! Взялъ онъ отломилъ и съѣлъ отъ каждой просвиры по кусочку, отпилъ изъ каждой бутылки по глоточку, и спрятался за печку. Вдругъ прилетаютъ три голубя, ударились ὸземь и сдѣлались добрыми молодцами — по колѣна въ сѐребрѣ, по грудь въ золотѣ, во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ, по бокамъ часты звѣзды. Подошли къ столу, глядь — просвиры надъѣдены, вино надпито, и говорятъ промежъ собой: «если-бъ воръ забрался, онъ бы все унёсъ; а этотъ только попробовалъ... видно, доброй человѣкъ къ намъ въ гости зашелъ!» Меньшой братъ услыхалъ эти рѣчи, вылѣзъ изъ-за печки и говоритъ: «здравствуйте, родные братцы! матушка велѣла вамъ кланяться да къ себѣ звать.» Чтὸ тутъ было радости! чтὸ веселья! Послѣ того ударились они четверо ὸземь, подѣлались голубка́ми и полетѣли къ своей матушкѣ [1]).

Въ короткое время проходили мимо острова купеческіе корабли. Купцы-торговцы смотря̀тъ на тотъ островъ да дивуются... Вотъ приплыли они въ государство Ивана-королевича, пошли къ нему съ докладомъ, съ гостинцами. Онъ спросилъ ихъ: «не слыхали-ль гдѣ какихъ новостей?» Купцы разсказали ему про чудный островъ: «а на томъ островѣ живетъ прекрасная королевна съ четырьмя сыновьями; три сына красоты неописанной—по колѣна въ сѐребрѣ, по грудь въ золотѣ, во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ, по бокамъ часты звѣзды! ходятъ-гуляютъ пὸ саду—весь садъ освѣщаютъ!» Иванъ-королевичъ не сталъ больше откладывать, сѣлъ на корабль и поплылъ къ острову; а тамъ встрѣчаютъ его жена и четыре сына. Цѣловались, обнимались, про былое распрашивали. Какъ узналъ Иванъ-ко-

---

[1]) *Варіантъ:* Подходитъ королевнинъ сынъ къ колодцу и присѣлъ отдохнуть. Вдругъ прилетаютъ туда три голубя, сѣли на срубъ и заворковали таково жалостно. Королевнинъ сынъ подкрался и вырвалъ у нихъ у всѣхъ по перу изъ хвостовъ—тотчасъ голубки очутились добрыми молодцами, его родными братцами...

ролевичъ всю подноготную, тотчасъ-же отдалъ приказъ разстрѣлять старшую сестру лиходѣйку; вторую жену покинулъ, а сталъ жить съ первою, и жили они долго и счастливо.

(Записана въ саратовской губерніи.)

е. Жилъ купецъ, были у него сынъ да дочь. Пришло время купцу помирать; онъ и проситъ сына, чтобы онъ сестру свою любилъ, берёгъ, никому въ обиду не давалъ. Вотъ отецъ умеръ; сынъ черезъ нѣсколько дней на охоту поѣхалъ, а была у него злая жена, взяла да и выпустила коня на волю. Мужъ пріѣзжаетъ домой, она съ жалобой: «вотъ ты любишь свою сестру, лелѣешь ее, а она твоего коня выпустила!» —Собака его ѣшь! Конь—дѣло наживное, а другой сестры я не наживу. Черезъ нѣсколько дней опять отлучился мужъ на охоту; жена его выпустила сокола изъ клѣтки. Только что воротился онъ домой, она стала жаловаться: «вотъ ты сестрѣ своей все спускаешь, а она выпустила сокола изъ клѣтки!»—Э, сова его клюй! Соколъ—дѣло наживное, а другой сестры у меня не будетъ! Въ третій разъ отлучился мужъ куда-то по своимъ дѣламъ; жена схватила своего единственнаго сына, побѣжала въ табунъ и бросила лошадямъ подъ ноги. Мужъ воротился, она опять жалуется: «вотъ какова твоя сестра! за всю любовь твою она нашего сына конями истоптала!» Тотъ страшно разсердился, взялъ сестру и отвезъ въ дремучій лѣсъ. Много ли, мало ли она въ немъ жила, обносилась вся и засѣла въ дупло. Въ нѣкое время охотился въ этомъ лѣсу королевской сынъ; собаки набѣжали на красную дѣвицу, обступили кругомъ дерево и лаютъ. «Знать на звѣриной слѣдъ напали!» думаетъ королевичъ и давай травить. «Не трави меня, младъ юноша! отозвалась купеческая дочь; я—человѣкъ, а не звѣрь.» — Выходи изъ дупла, говоритъ ей королевичъ. «Не могу, я нага и боса.» Онъ сейчасъ слѣзъ съ коня, и бро-

силъ ей свой плащъ; она одѣлась и вышла. И видитъ королевичъ совершенную красавицу, взялъ ее съ собою, привезъ домой, помѣстилъ въ особую горницу, и не сталъ никуда ѣздить—все дома сидитъ. Спрашиваетъ его отецъ: «любезный мой сынъ! что съ тобой сталося? прежде ты отлучался на охоту по недѣлѣ и больше, а теперь все дома сидишь.»—Государь мой батюшка и государыня матушка! виноватъ я передъ вами: нашелъ я въ лѣсу такую красавицу, что̀ ни вздумать, ни взгадать! Если-бъ только вы меня благословили, не желалъ бы я себѣ иной супруги. «Хорошо! покажь намъ ее.» Приводитъ онъ свою суженую; король съ королевою согласились на его просьбу и обвѣнчали ихъ. Пожилъ королевичъ съ своей женою нѣсколько времени, и понадобилось ему на службу ѣхать. Проситъ онъ своего отца: «кого бы ни родила моя жена—увѣдомьте меня съ скорымъ гонцомъ.» Королевна родила безъ него сына—по локоть руки въ золотѣ, по колѣна ноги въ сѐребрѣ, во лбу мѣсяцъ, сопротивъ ретива сердца красное солнце. Тотчасъ изготовили письмо о новорожденномъ сынѣ и послали къ королевичу скораго гонца. Случилось ему проѣзжать мимо того города, гдѣ проживалъ купеческой сынъ; поднялась буря, гонецъ и заѣхалъ въ тотъ домъ, откуда была ихняя королевна вывезена. Хозяйка истопила ему баню, послала париться, а сама переписала письмо: «твоя де жена родила козла съ бородой»—и запечатала. Гонецъ пріѣзжаетъ къ королевичу, подаетъ бумаги; тотъ прочиталъ и пишетъ къ отцу: «что̀ Богъ ни далъ—беречь до меня!» На обратномъ пути заѣзжаетъ гонецъ въ тотъ-же домъ. Хозяйка по прежнему отправила его въ баню, а сама за бумаги, и переписала письмо, чтобъ отрубить у королевны руки по локоть, привязать младенца на грудь, и отвести ее въ темной лѣсъ. Такъ и было исполнено. Ходила-ходила королевна по лѣсу, увидала колодецъ, захотѣла напиться, наклонилась въ колодецъ и урони-

ла туда своего сына. Стала она слезно просить Бога, чтобъ даровалъ ей руки младенца вытащить. Вдругъ чудо совершилося—руки явилися; она вытащила сына и пошла странствовать. Много ли, мало ли странствовала, приходитъ въ нищенскомъ рубищѣ на родину и попросилась ночевать у брата. Сноха ее не узнала. Вотъ она сѣла въ уголокъ, то и дѣло — что прикрываетъ своему сыну руки да ноги. На ту пору прiѣзжаетъ туда-же королевичъ, началъ съ ея братомъ—купеческимъ сыномъ ѣсть, пить, веселиться. Братъ говоритъ: «кто бы насъ потѣшилъ—изъ короба въ коробъ орѣхи пересыпалъ?» Мальчикъ просится: «пусти меня, матушка! я ихъ потѣшу»; а она не пускаетъ. Братъ услыхалъ, что она не позволяетъ, и говоритъ: «поди, поди, сиротиночка! пересыпь орѣшки.» Мальчикъ взялъ орѣхи и сталъ сказывать: «два орѣха въ коробъ, два изъ короба... Жилъ-былъ братъ съ сестрой; у брата была злая жена, сгубила сестру наговорами. Два орѣха въ коробъ, два изъ короба... Отвёзъ братъ сестру въ дремучiй лѣсъ; натерпѣлась она и голоду, и холоду, обносилась вся. Два орѣха въ коробъ, два изъ короба... Прiѣхалъ съ охотой въ дремучiй лѣсъ королевской сынъ; увидалъ мою матушку, влюбился въ нее. Два орѣха въ коробъ, два изъ короба... Взялъ ее за себя, родила она меня—по локоть руки въ золотѣ, по колѣна ноги въ сѣребрѣ, во лбу мѣсяцъ, сопротивъ ретива сердца красное солнышко. Два орѣха въ коробъ, два изъ короба...» И такъ-то пересыпая орѣхи изъ короба въ коробъ, разсказалъ все, что съ ними было, а послѣ и говоритъ: «здравствуйте, родимой батюшка и богоданной дядюшка!» Дядя взялъ свою жену и по общему суду казнилъ ее, а потомъ всѣ вмѣстѣ поѣхали къ старому королю. Король со королевою сильно возрадовалися, увидя свою невѣстку со внукомъ; и стали королевичъ съ королевною жить-поживать да добра наживать.

69.

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО И ПТИЦА-ГОВОРУНЬЯ.

а. Жилъ царь очень любопытенъ, все подъ окнами слушалъ; а было у купца три дочери, и говорятъ какъ-то эти дочери отцу; одна говоритъ: «если-бъ меня взялъ царской хлѣбодаръ!» а другая говоритъ: «если-бъ меня царской слуга взялъ за себя замужъ!» а третья говоритъ: «а я желала бы за самого царя выйдти; я бы принесла ему два сына и одну дочку!» Царь весь этотъ разговоръ слышалъ; спустя нѣсколько времени, царь сдѣлалъ точно такъ, какъ онѣ желали: старшая дочь вышла за хлѣбодара, средняя дочь вышла за слугу царскаго, а меньшая за самого царя. Царь хорошо жилъ со своею супругой, и стала она беременна; потомъ стала родить. Вотъ царь посылаетъ за городской бабкой; а сестры царской женѣ и говорятъ: «для чего посылать? мы и сами можемъ быть у тебя бабками.» Какъ родила царица сына, то эти бабки взяли да и сказали царю, что ваша супруга родила щенка; а младенца новорожденнаго положили въ коробочку и пустили въ царскомъ саду въ прудъ. Царь разгнѣвался на свою супругу, хотѣлъ было-ее въ пушки разстрѣлять; да отговорили пріѣзжіе короля — на первой де разъ надобно простить. Ну, царь и простилъ; до другаго разу оставилъ. Черезъ годъ стала царица другимъ ребенкомъ беременна, и родила сына; сестры опять сказали царю, что ваша супруга родила котёнка. Царь еще больше того разсердился и хотѣлъ было свою супругу совсѣмъ казнить, да опять упросили-уговорили его. Онъ одумался и оставилъ ее до третьяго разу. А сестры и другаго младенца положили въ коробочку и пустили въ прудъ. Вотъ еще царица стала беременна третьимъ и родила прекрасную дочь; сестры опять до-

ложили царю, что ваша супруга родила невѣдомо что. Царь больше того разсердился, поставилъ висѣлицу и хотѣлъ было свою жену повѣсить; да прiѣзжiе изъ другихъ земель короли сказали ему: «лучше возьми да поставь около церкви часовню и посади ее туда; кто будетъ идти къ обѣднѣ, всякой будетъ ей въ глаза плевать!» Царь такъ и сдѣлалъ; а ей не только что плевать въ глаза, всякой несетъ кто калачей, кто пироговъ. А которыхъ царица родила дѣтей, а бабки въ прудъ попущали, царской садовникъ взялъ ихъ къ себѣ и сталъ воспитывать. Эти царскiя дѣти росли не по годамъ, а по мѣсяцамъ, не по днямъ, а по часамъ; царевичи выросли, такiе молодцы, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать; а царевна такая красавица—просто ужасть! И вошли они въ пору и стали просить садовника, чтобы позволилъ имъ поставить домъ за городомъ. Садовникъ позволилъ; они поставили большой отличной домъ, и начали хорошо жить. Братья любили ходить за зайцами; разъ они пошли на охоту, а сестра одна осталась дома. И приходитъ къ ней въ домъ старая старушка, и говоритъ этой дѣвушкѣ: «хорошо у васъ въ домѣ и красиво; только нѣтъ у васъ трехъ вещей.» Царевна спрашиваетъ у старушки: «чего же нѣтъ у насъ? кажется, у насъ все есть!» Старушка говоритъ: «вотъ чего у васъ нѣтъ: птицы-говоруньи, дерева пѣвучаго и живой воды.» Вотъ прiѣзжаютъ братья съ охоты, сестра ихъ встрѣчаетъ и говоритъ: «братцы! все у насъ есть; только трехъ вещей нѣту!» Братья спрашиваютъ: «чего-же у насъ, сестрица, нѣту?» Она говоритъ: «нѣту у насъ птицы-говоруньи, дерева пѣвучаго и живой воды.» Старшiй братъ и проситъ: «сестрица! благослови меня, я пойду доставать эти диковины. А если я помру или меня убьютъ, такъ вы меня вотъ почему узнавайте: поторкну я въ стѣну ножичекъ; если съ ножичка капнетъ кровь—это будетъ знакъ, что я померъ.» Вотъ онъ и пошелъ; шелъ-шелъ и пришелъ въ лѣсъ. Сидитъ на деревѣ старой

старичокъ; онъ его и спрашиваетъ: «какъ бы мнѣ достать птицу говорунью, дерево пѣвучее и живой воды?» Старикъ далъ ему каточекъ: куда этотъ каточекъ покатится, туда и ступай за нимъ. Каточекъ покатился, а царевичъ за нимъ; прикатился каточекъ къ высокой горѣ, и пропалъ; царевичъ пошелъ въ гору, дошелъ до половины горы, да вдругъ и пропалъ. Въ домѣ его тотчасъ-же капнула съ ножичка кровь; сестра и говоритъ среднему брату, что померъ нашъ большой братъ; вотъ капнула съ его ножичка кровь! Отвѣчаетъ ей средній братъ: «теперь я пойду, сестрица, доставать птицу-говорунью, дерево пѣвучее и живой воды.» Она его благословила; онъ и пошелъ; шелъ-шелъ, много ли, мало ли вёрстъ, и пришелъ въ лѣсъ. Сидитъ на деревѣ старичокъ; царевичъ его и спрашиваетъ: «что, дѣдушка, какъ-бы мнѣ достать птицу-говорунью, дерево пѣвучее и живой воды?» Старичокъ говоритъ: «нà вотъ тебѣ каточекъ — куда онъ покатится, туда и ступай.» Старикъ бросилъ—каточекъ покатился, а царевичъ за нимъ пошелъ; прикатился каточекъ къ крутой высокой горѣ, и скрылся; полѣзъ онъ въ гору, дошелъ до половины, да вдругъ и пропалъ. Вотъ сестра дожидалася его много, много годовъ, а его все нѣтъ! и говоритъ: «должно быть, и другой мой братецъ померъ!» Пошла сама доставать птицу-говорунью, дерево пѣвучее и живой воды; шла она много-ли, мало ли времени, и пришла въ лѣсъ. Сидитъ на деревѣ старой старичокъ: спрашиваетъ его: «дѣдушка! какъ-бы мнѣ достать птицу-говорунью, дерево пѣвучее и живой воды?» Отвѣчаетъ старичокъ: «гдѣ тебѣ достать! здѣсь похитрѣе тебя ходили, да всѣ пропали.» Дѣвушка проситъ: «скажи пожалуста!» И говоритъ ей старичокъ: «нà вотъ тебѣ каточекъ, ступай за нимъ!» Каточекъ покатился, дѣвушка за нимъ пошла. Долго ли, коротко ли—прикатился этотъ каточекъ къ крутой высокой горѣ; дѣвушка полѣзла въ гору, и зачали на нее кричать: «куда ты идешь? мы тебя

убьемъ! мы тебя съѣдимъ!» Она знай себѣ идетъ да идетъ; взошла на̀ гору, а тамъ сидитъ птица-говорунья. Дѣвушка взяла эту птицу, и спрашиваетъ у ней: «скажи мнѣ, гдѣ достать дерево пѣвучее и живой воды?» Птица говоритъ: «вотъ туда ступай!» Пришла она къ пѣвучему дереву, на томъ деревѣ разныя птицы поютъ; отломила отъ него вѣтку, и пустилась дальше; пришла къ живой водѣ, почерпнула кувшинчикъ, и понесла домой. Стала пода̀ гору спускаться, взяла да и прыснула живою водой; вдругъ вскочили ея братья и говорятъ: «ахъ, сестрица, какъ мы долго спали!»—Да, братцы, если-бъ не я, вы бы вѣкъ здѣсь спали! И говоритъ имъ сестра: «вотъ, братцы, достала я птицу-говорунью, дерево пѣвучее и живой воды.» Братья возрадовались. Пришли они домой и посадили пѣвучее дерево въ своемъ саду; оно во весь садъ распустилось, и поютъ на немъ птицы разными голосами. Разъ какъ-то поѣхали братья на охоту, и попадается имъ на встрѣчу царь. Полюбились царю эти охотники; сталъ ихъ просить къ себѣ въ гости. Они и говорятъ: «мы попросимъ у сестрицы позволенія; если она позволитъ, то непремѣнно будемъ!» Вотъ пріѣзжаютъ они съ охоты, сестра ихъ встрѣчаетъ, рада за ними ухаживать; говорятъ ей братья: «позволь намъ, сестрица, къ царю въ гости сходить; онъ насъ честью просилъ.» Царевна имъ позволила; они и поѣхали въ гости. Пріѣхали; царь ихъ отлично принялъ и на славу угостилъ; стали они царю докладывать и просить, чтобы и онъ навѣстилъ ихъ. Вотъ, спустя нѣкое время, пріѣзжаетъ къ нимъ царь; они его также хорошо приняли-угостили и показали ему дерево пѣвучее и птицу-говорунью. Царь удивился и говоритъ: «я царь, да у меня этого нѣтъ!» Тутъ сестра и братья говорятъ царю: «мы де ваши дѣти!» Царь узналъ про все, обрадовался и остался у нихъ навсегда жить, и супругу свою изъ часовни взялъ; и жили они всѣ вмѣстѣ много лѣтъ во всякомъ счастіи.

(Записана въ зубцовскомъ уѣздѣ, тверской губерніи.)

b. Въ одномъ городѣ жилъ купецъ, у котораго было три дочери. Чрезъ нѣкоторое время онъ померъ. Однажды дѣвицы сидѣли подъ окошкомъ и разговаривали; старшая говорила: «я бы желала хоть за хлѣбопёкомъ царя быть!» Средняя: «а я бы за поваромъ!» Малая: «а я бы желала быть за самимъ царемъ, и родила бы ему двухъ сыновей — по локоть руки въ золотѣ, по колѣнъ ноги въ сёребрѣ, въ затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ, а во лбу красно-солнышко, да одну дочь, которая какъ улыбнется — посыплются розовые цвѣты, а какъ заплачетъ — то дорогой жемчугъ!» Царь гулялъ въ это время по̀ полю, ѣхалъ мимо ихъ дома, и подслушалъ этотъ разговоръ; на другой день послалъ онъ за купеческими дочерями, и спросилъ, что онѣ говорили вчерашняго дня? Ну, онѣ сознались; царь старшую дочь выдалъ за своего хлѣбопёка, среднюю за повара, а младшую взялъ за себя. Чрезъ нѣкоторое время царица оберемѣнила, и пришла пора ей родить. Царь началъ заботиться, хотѣлъ посылать розыскивать хорошихъ повивальныхъ бабокъ; но сестры, досадуя на младшую свою сестру, просили царя, чтобы онъ позволилъ имъ заступить мѣсто бабушекъ. Царь уважилъ ихъ; сестры пришли во дворецъ, и когда царица родила сына—точно такого, какъ говорила до замужества, онѣ взяли его, положили въ крѣпкой ящикъ и пустили по рѣкѣ, а вмѣсто его подложили щенёнка. Царь увидалъ, что жена его вмѣсто сына родила щенка, собралъ всѣхъ своихъ министровъ и хотѣлъ ее казнить; но министры посовѣтовали первую вину простить, и царь на то согласился. Чрезъ нѣкоторое время царевна опять оберемѣнила; царь хотѣлъ было посылать за хорошими бабушками, но сестры царицыны стали его просить, чтобы дозволилъ имъ заступить мѣсто бабушекъ. И когда царица родила такого-же сына, то сестры положили его въ ящикъ и пустили по рѣкѣ, а вмѣсто сына подложили котёнка. Царь увидалъ, что жена его родила котёнка,

собралъ министровъ и хотѣлъ ее казнить; но министры уговорили его простить и вторую вину. Чрезъ нѣсколько времени царица опять обеременѣнила. Когда пришло время ей родить, то царь хотѣлъ было посылать за хорошими бабушками; но сестры царицыны опять его упросили, что они сами все могутъ исправить за бабушекъ. Царь на это согласился, и когда царица родила такую точно дочь, какую обѣщалась до замужества, то сестры взяли дѣвочку, положили въ ящикъ и пустили по рѣкѣ, а вмѣсто ея подложили кусокъ дерева. Царь увидалъ, что царица вмѣсто дочери родила кусокъ дерева, собралъ своихъ министровъ и хотѣлъ ее казнить; но министры упросили его, чтобы не казнилъ ее, а заклалъ бы въ каменной столбъ [1]). Дѣтей же царскихъ, пущенныхъ по рѣкѣ, всѣхъ троихъ перенялъ одинъ генералъ, воспиталъ ихъ, какъ можно лучше, а послѣ померъ, и остались они сиротками. Однажды братья отправились на охоту, а въ то время пришла въ домъ къ сестрѣ ихъ старушка; царевна приняла ее хорошо. Посидѣвши тутъ, пошли онѣ въ садъ. «Что, бабушка, нравится ли тебѣ мой садъ, и всего ли въ немъ довольно?»—Всего довольно, отвѣчала старушка, только трехъ вещей нѣту: живой воды, мертвой воды и говорящей птицы. Отъ тѣхъ словъ царевна сдѣлалась грустна и печальна. Пріѣхали ея братья, спросили: что она такъ печальна? Она сказала имъ все, что слышала отъ старушки. «Хорошо, отвѣчалъ старшій братъ, я поѣду искать эту птицу.» Даетъ ей ножичекъ и говоритъ: «если на ножичкѣ кровь покажется, то меня въ живыхъ не будетъ!» Ѣхалъ онъ долгое-долгое время; пріѣхалъ къ какой-то

---

[1]) *Вар.* Несчастную царицу заклали въ каменной столбъ; сидитъ она, молится и плачетъ. Явился ей самъ Христосъ: «не плачь! твоя молитва дошла до Бога; будешь ты опять царицею и будутъ у тебя дѣти.» Съ тѣхъ поръ много лѣтъ прошло; а царица въ столбѣ замурована — никто ее не кормитъ, а она духомъ божіимъ сыта.

горѣ, а подлѣ нея стоитъ огромной дубъ, подъ тѣмъ дубомъ старикъ сидитъ, у того старика волоса, брови, борода заросли уже въ землю. «Здорово, старичокъ!»—Добро пожаловать, отвѣчалъ онъ. «А что можно ли достать живой и мертвой воды и говоращую птицу?» — Можно, да не легко; ходятъ-то много, да возвращаются мало. Простившись съ старичкомъ, отправился онъ на̀ гору; взошелъ на нее, и услышалъ позади себя крикъ: «держи. лови, руби, его!» и только оглянулся — вмигъ окаменѣлъ. Сестра его посмотрѣла на ножичекъ и узнала, что старшаго брата въ живыхъ нѣтъ. Малой братъ также захотѣлъ сходить за этими чудными вещами, или хоть найдти брата; онъ далъ сестрѣ вилочку: «если на вилочкѣ кровь покажется, меня въ живыхъ не будетъ!» и отправился въ путь. Добрался до высокой горы, увидѣлъ старика. поговорилъ съ нимъ и пошелъ на̀ гору; тамъ услыхалъ тотъ-же крикъ, оглянулся—и окаменѣлъ. Сестра взглянула на вилочку, узнала, что и меньшаго ея брата нѣтъ въ живыхъ; заперла свой домъ и отправилась сама отыскивать живую и мертвую воду и говорящую птицу. Приходитъ она къ той-же самой горѣ, увидѣла старика, поздоровалась съ нимъ, и подрѣзала ему волосы и брови, такъ-какъ съ ней были и ножницы и зеркало. «Посмотрись, сказала она старику, какъ ты похорошѣлъ!» Онъ посмотрѣлся въ зеркало: «и въ самомъ дѣлѣ, говоритъ, я хорошъ сталъ! Сидѣлъ я здѣсь цѣлыя тридцать лѣтъ, никто меня не подстригалъ; только ты догадалась. Куда ты, красавица, идешь?» Она ему разсказала все, зачѣмъ и куда идетъ. «Ступай же ты, красавица, сказалъ старикъ, на эту гору; тамъ ты услышишь крикъ: лови, держи, руби ее! но не оглядывайся, а то сейчасъ окаменѣешь. Какъ взберёшься на̀ гору, увидишь тамъ колодезь и говорящую птицу; возьми эту птицу, почерпни изъ колодезя живой воды — и назадъ. Какъ пойдешь назадъ, увидишь на горѣ стоячіе камни; ты ихъ всѣ

живой водой обрызгай.» Дѣвица поблагодарила за наставленіе и пошла на̀ гору; идетъ и слышитъ страшные крики, но она не оглядывается. Добралась до сказаннаго колодезя благополучно, почерпнула живой и мертвой воды, взяла говорящую птицу, и пошла назадъ. На возвратномъ пути всѣ стоячіе камни обрызгала; изъ тѣхъ камней подѣлались люди. Дальше она нашла еще два такіе-же камня, побрызгала живой водой—изъ нихъ сдѣлались ея братья. «Ахъ, милая сестрица! какъ ты сюда и зачѣмъ зашла?» Она имъ сказала, что за живой и мертвой водой и говорящей птицей, а больше того хотѣла ихъ, милыхъ братьевъ, отыскать. Воротились они домой и жили благополучно. Царь узналъ, что въ такомъ-то мѣстѣ есть дѣвица, которая когда разсмѣется — то будутъ розовые цвѣты, а когда заплачетъ—то жемчугъ, и захотѣлъ на ней жениться. Однажды онъ пріѣхалъ къ нимъ въ гости; его приняли съ должною честію. Погулявши вездѣ, взошелъ онъ въ садъ и увидѣлъ тамъ говорящую птицу; а птица ему сказала, чтобы онъ ту дѣвицу, которую хотѣлъ взять за себя замужъ, не бралъ. «Почему-жъ не брать?» спросилъ царь. — А потому, отвѣчала птица, что она твоя родная дочь. «Да какимъ-же побытомъ она моя дочь?» Говорящая птица разсказала ему все, что было. А царь разсказалъ все дѣтямъ; послѣ отправился вмѣстѣ съ ними во дворецъ и приказалъ разломать тотъ столбъ, гдѣ его жена была закладена. Вотъ царицу освободили, а сестеръ ея разстрѣляли. Послѣ того царь и царица, съ царевичами и царевною, жили долго и счастливо.

(Записана въ оренбургской губерніи, уфимскомъ уѣздѣ.)

70.

УБОГОЙ.

Жилъ-былъ Нѐстерка, было у него дѣтей шестерко; дѣтей-то много, да имѣнія никакого, нечѣмъ ему съ семьей кормиться, а воровать боится. Вотъ онъ запрёгъ повозку, забралъ дѣтишекъ и поѣхалъ по̀ міру. Ѣдетъ дорогою. оглянулся назадъ —лежитъ въ грязи старичокъ безногой. И проситъ этотъ старичокъ: «возьми меня пожалуста съ собою!»—Куда мнѣ тебя, батюшка! отвѣчаетъ Нестерка, у меня шестеро дѣтей, а лошадь худая. Опять проситъ безногой: «возьми меня пожалуста!» Нестерка взялъ этого убогаго, посадилъ на повозку и поѣхалъ. Говоритъ ему убогой: «давай мы съ тобой бросимъ жеребей, кому быть изъ насъ бо̀льшимъ братомъ.» Бросили они жеребій, доставалось быть бо̀льшимъ братомъ — убогому. Пріѣхали въ деревню. Убогой приказываетъ: «поди, просись ночевать вотъ въ этотъ домъ.» Нестерка сталъ проситься ночевать; вышла старуха, отвѣчаетъ ему: «у насъ негдѣ, и безъ васъ тѣсно!» Вернулся Нестерка къ убогому: «сюда не пускаютъ!» говоритъ; а убогой опять его посылаетъ: непремѣнно просись! Пошелъ Нестерка и такѝ выпросился ночевать; въѣхалъ на дворъ, сталъ носить своихъ дѣтей въ избу, и убогаго перенёсъ. Велитъ ему хозяйка: «клади ты своихъ дѣтей подъ лавку, а безногаго на полати посади!» Посадилъ онъ безногаго на полати, а дѣтей подъ лавку положилъ. «Гдѣ твой мужъ?» спрашиваетъ хозяйку убогой.—На разбой поѣхалъ, и двухъ сыновей взялъ. Вотъ пріѣзжаетъ домой хозяинъ, впустилъ двѣнадцать возовъ на дворъ — всѣ серебромъ насыпаны, отложилъ лошадей, и пришелъ въ избу. Увидалъ нищихъ и закричалъ на

хозяйку: «что ты за людей напустила?»—Это нищіе, ночевать выпросилися. «Нужно было! и на улицѣ-бъ ночевали!» Сѣлъ хозяинъ съ хозяйкою и съ двумя сыновьями ужинать, а нищихъ не зовутъ. Убогой вынулъ половину просвирки, самъ покушалъ и Нестеркѣ и дѣтишкамъ его далъ; всѣ сыты наѣлись. Хозяинъ только удивляется: «отчего такъ мы четверо цѣлой хлѣбъ съѣли — и то въ проголодь. а ихъ восьмеро половиной просвирки сыты?» Какъ заснули хозяева, убогой и посылаетъ Нестерку на дворъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Нестерка вышелъ—всѣ лошади овесъ ѣдятъ. Въ другой разъ посылаетъ его убогой: «поди. опять посмотри!» Вышелъ онъ, посмотрѣлъ —на всѣхъ лошадяхъ хомуты надѣты. Въ третій разъ посылаетъ Нестерку убогой; опять вышелъ онъ—всѣ лошади запряжены. Воротился въ избу и говоритъ: «всѣ лошади въ упряжи стоятъ.» — Ну, сказалъ убогой, теперь выноси своихъ дѣтей и жена, да поѣдемъ. Сѣли они на свою повозку и поѣхали со двора, а двѣнадцать хозяйскихъ лошадей вслѣдъ за ними съ возами пошли. Ѣхали-ѣхали, и приказываетъ убогой. чтобы сходилъ Нестерка въ тотъ домъ, гдѣ они ночевали, да рукавицы взялъ: «я де на полатяхъ забылъ.» Пришелъ Нестерка —а того дома какъ ни бывало. сквозь землю провалился! однѣ рукавицы на печномъ столбу уцѣлѣли. Взялъ онъ рукавицы, приходитъ къ убогому и говоритъ, что весь домъ провалился сквозь землю. «Это Господь за разбой покаралъ! Возьми себѣ эти двѣнадцать возовъ со всѣмъ что̀ есть», сказалъ убогой и изъ глазъ пропалъ. Нестерка пріѣхалъ домой, посмотрѣлъ — всѣ возы серебромъ засыпаны. и сталъ онъ богато жить.

Посылаетъ его жена: «что, говоритъ, лошади такъ гуляютъ? поѣзжай-ка въ извозъ.» Онъ собрался и поѣхалъ въ городъ. Повстрѣчала его на дорогѣ невѣдомо-чья дѣвица: «это, говоритъ, не твои лошади!»—Не мои, отвѣчаетъ Нестерка; коли

ты признала ихъ—возьми, Богъ съ тобой! Дѣвица взяла двѣнадцать лошадей, а мужикъ домой воротился. На другой день пришла къ нему подъ окно эта дѣвица и говоритъ: «на, возьми своихъ лошадей; я съ тобой пошутила, а ты ихъ и отдалъ!» Нестерка взялъ лошадей, смотритъ, а въ возахъ больше прежняго серебра да золота насыпано!

(Записана въ тверской губерніи, зубцовскомъ уѣздѣ.)

КОНЕЦЪ ШЕСТАГО ВЫПУСКА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.